HORROR

Говард Ф. ЛАВКРАФТ

Говард Ф. ЛАВКРАФТ

HORROR

МП «Форум»
Фирма №2 «Техномарк»
Москва. 1992

Говард Ф. ЛАВКРАФТ

Полное собрание сочинений

том

1

ЗАТАИВШИЙСЯ СТРАХ

ББК 84.7 США

Л 13

Художник В. Ан

На обложке использована работа
Бориса Вальехо.

Издательство "Техномарк" и агентство "Кубин ЛТД" выражают благодарность

Джону Б. Куку
Р. Алану Эвертсу
О. Навалихиной
И. Толоконникову

за предоставленные редкие материалы, касающиеся Г.Ф.Лавкрафта

Лавкрафт Г.Ф. Полное собрание сочинений, т. 1 (Серия "Horror" № 1). Пер. с англ. — Москва, МП "Форум" совместно с фирмой № 2 "Техномарк", 1992. — 576 с.

ISBN 8-483-02516-21

В первый том полного собрания сочинений одного из основоположников "литературы ужасов" Говарда Ф. Лавкрафта вошли рассказы из сборников "Склеп", "В горах безумия" и "Рок над Сарнатом"

X $\frac{4703040100\text{-}006}{\text{-}92}$ без объявления ББК84.7 США

ISBN 8-483-02516-21

© Фирма № 2 "Техномарк", перевод, составление, 1992
© Владимир Ан, оформление, 1992

В КАЧЕСТВЕ ПРЕДИСЛОВИЯ

«Хуже всего то, что я постоянно оказываюсь в положении человека, сидящего меж двух стульев, — пожаловался как-то в начале 30-х годов Говард Лавкрафт. — Мои рассказы слишком хороши для дешевых изданий, но явно не дотягивают до того, чтобы принести мне широкую известность». За неполные 60 лет, прошедшие со дня смерти писателя его творческому наследию суждено было испытать все превратности судьбы: сначала основательно порости быльем, затем украситься редкими маргаритками полулюбительских изданий и, наконец, потонуть в помпезных и весьма дорогостоящих венках от крупнейших издательских фирм мира. Крохотный ручеек отдельных публикаций и худосочных «покитов», струившийся с начала сороковых годов из благодатных длaней Августа Дерлета и Дональда Уондри, друзей писателя и основателей легендарного «Аркхэм-Хауса», к концу семидесятых разлился в нечто среднее между величавой Ориноко и кавказской Курой, в восьмидесятых — превратился в хорошо организованную Ниагару, пожалуй, впервые за всю историю издательского бизнеса обрушив на голову массового читателя такое огромное число сборников, серий и «омнибусов» (среди прочих и в твердой обложке) Лавкрафта, о каком не осмелился бы помечтать ни один другой автор, работающий в столь специфическом жанре, как литература сверхъестественного ужаса. Издательскому буму воспоследствовала волна биографических исследований и критических работ, и если в сороковые годы автор, по большей части, удостаивался высказываний типа «Единственное, чем эти произведения вызывают ужас, так это своим дурным вкусом и не менее дурным исполнением» (Эдмунд Уилсон), то ныне вполне серьезно заявляют, что «в самом широком смысле его можно поставить в один ряд с Борхесом и Францем Кафкой» (Дарелл Швейцер). Начиная с

1972 года, когда в Париже была опубликована книжка Мориса Леви «Лавкрафт: Этюд о сверхъестественном», увидели свет несколько с великим усердием писанных исследований творчества «отца черной литературы», в том числе «Лавкрафт: Биография» Л.Спрэг де Кампа (1975), «Г.Ф.Лавкрафт: Аннотированная библиография» С.Т.Джоши (1981) и редактированная последним антология «Г.Ф.Лавкрафт: Четыре десятилетия критики» (1980). Было выпущено более десятка полнометражных экранизаций его произведений, включая «Воскреситель» (по «Герберту Уэсту — воскресителю»), «Невеста воскресителя», «Из глубин мироздания», «Умри, чудовище, умри!» (по «Сиянию извне»), «Дагвичский ужас» и множество короткометражек («Перевоплощение Ульриха Цанна», «Гробница» и пр.). Была сплетена весьма густая сеть лавкрафтовских фэн-клубов, охватывающая ныне большую часть планеты. Среди американцев младшего возраста широкое распространение получили развивающие игры вроде «Зова Ктхулу», «Экзамена в Мискатоникском Университете» и «Аркхэма как он есть». Появилась одноименная с писателем рок-группа.

Однако, несмотря на перечисленные приметы успеха, Лавкрафт так и продолжает сидеть меж двух стульев или, вернее, лежать меж двух гробов, ибо в действительности ему не удалось стать ни героем массовой культуры, ни вознесенным на писательский Олимп экспонатом классических хрестоматий.

Питер Г. Кэннон свидетельствует: «...Истиной остается то, что подавляющее большинство посвященных Лавкрафту работ выходило в журналах, специализирующихся на литературе ужасов, и лишь единицы — в академических изданиях. Самые серьезные исследователи творчества Лавкрафта — в том числе и я — по сей день остаются «любителями» в истинном смысле этого слова». Ему вторит Гэри Кроуфорд: «Один из самых интересных аспектов лавкрафтоведения заключается в том, что, хотя к сегодняшнему дню об этом авторе написано огромное количество литературы, большая ее часть принадлежит перу фэнов, а выпускаемый С.Т.Джоши журнал «Лавкрафтовские заметки» почти исключительно состоит из неакадемических публикаций». Оригинальные тексты Лавкрафта ни разу не выходили под фирменными знаками таких серьезных издательств, как «Сайнет Клэссик» или «Пенгуин» и до сих пор остаются в вотчине букселлеров, занимающихся чистой научной фантастикой.

Что же касается собственно классиков американской литературы, то они по большей части относили творения мастера ужа-

сов к одному из течений литературы для юношества. Джон Апдайк говорил, что «чтение Лавкрафта изрядно захватывало меня в пятнадцатилетнем возрасте, однако с тех пор я, кажется, вовсе не дотрагивался до его книг». А Гор Видал выразился о романе Нормана Мейлера «Египетские вечера» следующим образом: «Мейлер странным образом начинает напоминать Лавкрафта... В этой книге ему удалось совместить потусторонние заплесневелые ужасы Лавкрафта с монументальным документализмом Джеймса Митченера». А упомянутый выше Эдмунд Уилсон без обиняков сравнил лавкрафтовский культ с культом Шерлока Холмса. Что, между прочим, не совсем лишено оснований, особенно если учесть тот факт, что, как и в случае с Великим Детективом, почитание Лавкрафта вызвало к жизни огромное количество «серьезных» журналов, полусерьезных тайных обществ и откровенно несерьезных ритуалов, обыгрывающих те или иные текстовые реалии — то есть, весь набор, что обычно сопутствует появлению того или иного крупного литературного явления (вспомним хотя бы о знаменитых «хоббитовских игрищах», являющимися не чем иным, как проявлениями культа Толкиена). С другой стороны, посмертная слава Лавкрафта, достигшая своего апогея в восьмидесятые годы нашего столетия, вызвана, скорее, тем огромным влиянием, которое его творчество оказало на всю современную «черную» литературу, нежели признанием широкой публикой его оригинальных текстов. Утрированная архаичность языка, энциклопедичность аллюзий, усложненный синтаксис, включающий полустраничные периоды, немалой величины сквозные определения, несостыкованные фразы, а также намеренное разрушение образности, с хладнокровной жестокостью свершаемое при помощи синонимических рядов эпитетов (некоторые насчитывают до шести), навязчивой монотонности словоупотребления и безграничного числа неопределенных местоимений — словом, все то, что некий изобретательный критик назвал «идиосинкразичностью языка», скорее отталкивает, нежели привлекает массового читателя. Ни одно из собраний Лавкрафта не стало бестселлером, хотя на пестрых обложках его сочинений и наличествует неизменная скромная надпись: «Классика литературы ужасов».

Вряд ли кто-нибудь из читателей «покитов» сегодня слышал о Лавкрафте, хотя большинство любителей научной фантастики не преминет перечислить вам его основные книги. Экранизации его работ никогда не демонстрировались в лучших кинозалах мира и процветают ныне, в основном, на видео. Американцы младшего возраста играют в страшноватые игры безотноситель-

но к их литературному источнику, а одноименная с писателем рок-группа никогда не фигурировала в хит-парадах.

Все вышесказанное позволяет заключить, что Говард Филлипс Лавкрафт стал подлинным классиком и авторитетом «фэн-культуры», играющей роль прослойки между масс-культом (или, если угодно, «попсом») и медитативными бдениями элиты. Более того, можно с определенностью сказать, что именно он и положил ей начало.

«Фэн-культура», дальняя родственница советской «тусовки», представляет из себя довольно своеобычное явление. В отличие от простоватых «попсовников» и заумных «экзистов» та или иная группировка фэнов напоминает едва ли не партийную организацию, состоящую из множества первичных ячеек, или фэн-клубов, объединенных собственной идеологией, «партийным» языком (почерпнутыми у предмета обожания), сознательной дисциплиной (почерпнутой у классиков марксизма-ленинизма), членскими взносами (почерпнутыми где ни попадя) и общими устремлениями, заключающимися по большей части в пропаганде творчества кумира, для чего организуются съезды, конвенты, конференции, открываются памятники, бюсты, стеллы, мемориальные доски, выпускаются книги, брошюры, альбомы, плакаты, открытки, почтовые марки — словом, вовсю ведется агитация.

Если и далее следовать этой аналогии (довольно идиотской), то придется признать, что Говард Филлипс Лавкрафт стоял у истоков партии «лавкрафтианцев», первыми членами которой стали общепризнанные ныне мастера «хоррора» (в том числе А.Дерлет, Ф.Лейбер, Л.Спрэг де Камп, Рэмси Кэмпбелл, Лин Картер, Роберт Блох и многие другие), а в то время начинающие литераторы, пытавшиеся опубликовать свои опыты в различных «макулатурных» журналах, одним из которых и были легендарные «Ужасные истории», чьим постоянным и в ту пору уже маститым автором являлся Лавкрафт. Роберт Блох утверждает (а ему в один голос вторят и все остальные), что без истинно дружеской помощи и поддержки Лавкрафта, ему и в голову бы не пришло избрать нелегкую и полную неожиданностей стезю профессионального писателя. Помощь эта выражалась главным образом в нескончаемом потоке весьма объемистых посланий, которыми вечно стесненный в средствах Лавкрафт отвечал на письма своих корреспондентов. «Это были времена Великой Депрессии, и ни один представитель нашей профессии не мог позволить себе путешествовать», — вспоминает Роберт Блох. Затворившемуся под гнетом обстоятельств в своей провиденсов-

ской ссылке Лавкрафту так и не суждено было воочию увидеть своих преданных друзей, но его письма — исписанные аккуратным мелким почерком манускрипты, насчитывающие, по свидетельству Августа Дерлета, до семидесяти листов и чаще всего подписанные партийным псевдонимом «Дедушка» (реже — Йог-Сотот и никогда — своим именем) — письма эти являют собой образец трогательной заботы и самоотверженности. Отказывая себе в еде ради почтовых марок и в священных часах творчества ради далеких единомышленников, Лавкрафт проводил целые дни за письмами, считая своим долгом отвечать и помогать советами всем без исключения своим корреспондентам, даже самым безнадежным в литературном отношении.

Не прося ничего взамен, он рецензировал тексты, дописывал за других рассказы и даже предоставлял себя самого в качестве персонажа для рассказов своих друзей. Такая бескорыстная доброта, такое живое участие в судьбе окружающих вкупе с тем фактом, что ни один из его друзей никогда не встречался с ним лично, не могли не способствовать легендарности, сложившейся вокруг этого и вправду во многом замечательного человека. Если фэны первого поколения, сами ставшие впоследствии предметами почитания, ограничивались замечаниями вроде картеровского: «Он любил кошек, мороженое и восемнадцатый век. Он не любил технологический прогресс и все связанное с морем», то от современных лавкрафтовских фэнов можно наслушаться чего угодно. Одни утверждают, что «Эйч-Пи-Эл» заморил себя голодом, другие — мизантропией, третьи всерьез полагают, что он пять раз выстрелил в себя из пистолета. Говорят, что он провел всю свою жизнь за плотно занавешенными окнами, выходя подышать воздухом — которым, кстати, только и питался — лишь после полуночи; что он ненавидел женщин, крахмальные воротнички и Льва Толстого, избегал зеркал и лекал, часов и линеек, машин и вершин — словом, являл из себя существо вполне трансцендентальное, которое, возможно, и сейчас живее всех живых.

Временной барьер гораздо неодолимее пространственного, и абсолютная невозможность лицезрения кумира будоражит воображение лавкрафтовских фэнов гораздо сильнее, чем относительная, вылившаяся всего лишь в шутливый почтовый роман со многими неизвестными и известными деятелями мира литературы. Теперь уже ни собрания писем Лавкрафта, ни фундаментальные биографические исследования высокоученого С. Т. Джоши не смогут убедить фэнов в

том, что у мастера ужаса и гротеска могла быть обычная земная жизнь. Мифологизм — одна из незыблемых традиций фэн-культуры, и Говард Филлипс Лавкрафт, если он и в самом деле жил когда-нибудь на земле, собственноручно установил эту традицию.

И. Богданов

СИЯНИЕ ИЗВНЕ

К западу от Архэма высятся угрюмые кручи, перемежающиеся лесистыми долинами, в чьи непролазные дебри не доводилось забираться ни одному дровосеку. Там встречаются узкие лощины, поросшие деревьями с причудливо изогнутыми стволами и столь густыми кронами, что ни одному лучу солнца не удается пробиться сквозь их своды и поиграть на поверхности сонно журчащих ручьев. По отлогим каменистым склонам холмов разбросаны древние фермерские угодья, чьи приземистые, замшелые строения скрывают в своих стенах вековые секреты Новой Англии. Там повсюду царит запустение — массивные дымоходы разрушены временем, а панелированные стены опасно заваливаются под тяжестью низких двускатных крыш.

Местные жители давно покинули эти места, да и вновь прибывающие переселенцы предпочитают здесь не задерживаться.

В разное время сюда наезжали франкоканадцы, итальянцы и поляки, но очень скоро все они собирались и следовали дальше. И вовсе не потому, что обнаруживали какие-либо явные недостатки — нет, ничего такого, что можно было бы увидеть, услышать или пощупать руками, здесь не водилось, — просто само место действовало им на нервы, рождая в воображении странные фантазии и не давая заснуть по ночам. Это, пожалуй, единственная причина, по которой чужаки не селятся здесь: ибо доподлинно известно, что никому из них старый Эми Пирс и словом не обмолвился о том, что хранит его память о «страшных днях». Эми, которого в здешних краях уже давно считают немного повредившимся в уме, остался единственным, кто не захотел покинуть насиженное место и уехать в город. И еще, во всей округе только он один осмеливается рассказывать о «страшных днях», да и то потому, что сразу же за его домом начинается поле, по которому можно очень быстро добраться до постоянно оживленной, ведущей в Аркхэм дороги.

Некогда дорога проходила по холмам и долинам прямиком через Испепеленную Пустошь, но после того, как люди отказались ездить по ней, было проложено новое шоссе, огибающее местность с юга. Однако следы старой дороги все еще можно различить среди густой поросли наступающего на нее леса, и, без сомнения, кое-какие ее приметы сохранятся даже после того, как большая часть низины будет затоплена под новое водохранилище. Когда это случится, вековые леса падут под ударами топоров, а Испепеленная Пустошь навсегда скроется под толщей воды, на поверхности которой будет отражаться безмятежное голубое небо и поигрывать бликами солнце. И тогда тайна «страшных дней» станет всего лишь еще одной непостижимой тайной водных пучин, еще одним сокрытым на века секретом древнего океана, еще одной недоступной человеческому пониманию загадкой древней планеты.

Когда я только собирался отправиться к этим холмам и долинам на разметку нового водохранилища, меня предупредили, что место это «нечистое». Дело было в Аркхэме, старинном и, пожалуй, одном из немногих оставшихся городков, где легенды о нечистой силе дожили до наших дней, и я воспринял предупреждение как часть обязательных страшных историй, которыми седовласые старушки испокон веков пичкают своих внуков на ночь. Само же название «Испепеленная Пустошь» показалось мне чересчур вычурным и аффектированным, и я, помнится, еще удивлялся, откуда вся эта сверхъестественная чушь могла просочиться в предания потомков благочестивых пуритан. Однако, после того, как я собственными глазами увидел эту нево-

образимую мешанину темных ущелий и обрывистых склонов, я перестал удивляться чему-либо, кроме загадочной природы катаклизма, ее породившего. Когда я добрался туда, было ясное раннее утро, но стоило мне ступить под мрачные своды ущелий, как я оказался в вечном полумраке. Для типичных лесов Новой Англии деревья росли здесь слишком часто, а стволы их были слишком широки. Да и мертвая тишина, царившая в узких проходах, была чересчур мертвой, и слишком уж много сырости таил в себе настил из осклизлого мха и древнего перегноя.

На открытых местах, большей частью вдоль старой дороги, мне попадались маленькие фермы, притулившиеся к склонам холмов. На некоторых из них все постройки были в сохранности, на иных — только одна или две, но встречались и такие, где среди развалин возвышалась лишь одинокая печная труба или темнел разверстый зев полузасыпанного мусором погреба. Повсюду властвовали сорняки и колючки, в зарослях которых при моем появлении начиналась беспокойная возня неведомых лесных тварей. На всем, что меня окружало, лежала печать тревоги и смертной тоски, некая вуаль нереальности и гротеска, как если бы с привычной с детства картины вдруг пропал жизненно важный элемент перспективы или светотени. Теперь я уже не удивлялся тому, что переселенцы не захотели обосновываться в этих местах, ибо вряд ли нашелся бы хоть один человек, который согласился бы остаться здесь на ночь. Слишком уж похож был здешний пейзаж на пейзажи Сальватора Росы, слишком уж сильно напоминал он нечестивые гравюры из забытых колдовских книг.

Но все это не шло ни в какое сравнение с Испепеленной Пустошью. Как только я наткнулся на нее посреди очередной долины, я тотчас же понял, что это она и есть, ибо ни одно другое название не могло бы столь верно передать своеобразие этого места, как впрочем и ни одно другое место на земле не могло бы соответствовать этому названию. Казалось, это словосочетание родилось в голове какого-то неведомого поэта после того, как он побывал здесь, в этой отдельной географической точке необъятного материка. На первый взгляд пустошь представляла собой обычную проплешину, какие остаются в результате лесного пожара — но почему же, вопрошал я себя, на этих пяти акрах серого безмолвия, въевшегося в окрестные леса и луга наподобие того, как капля кислоты въедается в бумагу, с тех пор не выросло ни одной зеленой былинки? Большая часть пустоши лежала к северу от старой дороги, и только самый ее краешек переползал за южную обочину. Когда я подумал о том, что мне придется пересекать это неживое пепельное пятно, я

почувствовал, что все мое существо необъяснимым образом противится этому. И только чувство долга и ответственности за возложенное поручение заставили меня наконец двинуться дальше. Но всем протяжении моего пути через пустошь я не встретил ни малейших признаков растительности. Повсюду, насколько хватало глаз, недвижимо, не колышимая ни единым дуновением ветра, лежала мельчайшая серая пыль или, если угодно, пепел. В непосредственной близости от пустоши деревья имели странный, нездоровый вид, а по самому краю выжженного пятна стояло и лежало немало мертвых гниющих стволов. Как ни ускорял я шаг, я все же успел заметить справа от себя груду потемневших кирпичей и булыжника, высившуюся на месте обвалившегося дымохода и еще одну такую же кучу там, где раньше, по всей видимости, стоял погреб. Немного поодаль зиял черный провал колодца, из недр которого вздымались зловонные испарения и окрашивали проходящие сквозь них солнечные лучи в странные, неземные тона. После пустоши даже долгий, изнурительный подъем под темными сводами чащобы показался мне приятным и освежающим, и я больше не удивлялся тому, что, стоит разговору зайти об этих местах, жители Аркхэма переходят на испуганный шепот. Я не смог различить поблизости ни одного строения или хотя бы развалин: похоже, что и в старые времена здесь редко бывали люди. В наступивших сумерках никакая сила не смогла бы подвигнуть меня на возвращение прежним путем, а потому я добрался до города по более долгой, но зато достаточно удаленной от пустоши южной дороге. Все время, пока я шагал по ней, мне смутно хотелось, чтобы налетевшие вдруг облака закрыли собой неисчислимые звездные бездны, нависшие над моею головой и рождавшие первобытный страх в глубине моей души.

Вечером я принялся расспрашивать местных старожилов об Испепеленной Пустоши и о том, что означала фраза «страшные дни», которую они так часто повторяли в своих уклончивых ответах. Как и раньше, мне не удалось ничего толком разузнать, кроме, пожалуй, того, что загадочное происшествие, возбудившее мое любопытство, случилось гораздо позднее, чем я предполагал, и было не очередной выдумкой, испокон веков передающейся из поколения в поколение, но совершенно реальным событием, многочисленные свидетели которого и по сию пору находятся в добром здравии. Я выяснил, что дело происходило в восьмидесятых годах прошлого столетия, и что тогда была убита или бесследно пропала одна местная фермерская семья, но дальнейших подробностей мои собеседники не могли, а, может быть, и не желали мне сообщить. При этом все они, словно сго-

ворившись, убеждали меня не обращать внимания на полоумные россказни старого Эми Пирса. Это поразительное единодушие как раз и послужило причиной тому, что на следующее утро, порасспросив дорогу у случайных прохожих, я стоял у дверей полуразвалившегося коттеджа, в котором на самом краю леса, там, где начинают попадаться первые деревья с уродливо толстыми стволами, в полном одиночестве обитал местный юродивый. Это было невероятно древнее строение, от которого уже начинал исходить тот особый запах, который имеют обыкновенно издавать дома, простоявшие на земле чересчур долго. Пришлось изрядно поколотить в дверь, прежде чем старик поднялся открыть мне, и по тому, как медлительна была его шаркающая походка, я понял, что он далеко не обрадован моему посещению. Он оказался не такой развалиной, как я его себе представлял, однако потухшие, опущенные долу глаза, неряшливое платье и всклокоченная седая борода придавали ему довольно изнуренный и подавленный вид.

Не зная, как лучше подступиться к старику, я притворился, что мой визит носит чисто деловой характер, и принялся рассказывать о цели своих изысканий, попутно вставляя вопросы, касающиеся характера местности. Мое невысокое мнение о его умственных способностях, сложившееся из разговоров с городскими обывателями, также оказалось неверным — он был достаточно сметлив и образован для того, чтобы мгновенно уяснить себе суть дела не хуже любого другого аркхэмца. Однако, он вовсе не походил на обычного среднестатистического фермера, каких я немало встречал в районах, предназначенных под затопление. Во всяком случае, я не услышал от него ни одного протеста по поводу уничтожения переросших лесов и запущенных угодий, хотя, возможно, он отнесся к этому так спокойно потому, что его собственный дом находился вне границ будущего озера. Единственным чувством, отразившимся на его лице, было чувство облегчения, как будто он только и желал, чтобы мрачные вековые долины, по которым ему довелось пробродить всю свою жизнь, исчезли навсегда. Конечно, их лучше затопить, мистер, а еще лучше — если бы их затопили тогда, сразу же после «страшных дней». И вот тут-то, после этого неожиданного вступления, он понизил голос до доверительного хриплого шепота, подался корпусом вперед и, выразительно покачивая дрожащим указательным пальцем правой руки, начал свой рассказ.

Я безмолвно слушал, и по мере того, как его дребезжащий голос все больше завладевал моим сознанием, ощущал, как, несмотря на теплый летний день по моему телу все чаще пробегает невольный озноб. Не раз мне приходилось помогать рассказчику

находить потерянную нить повествования, связывать воедино обрывки научных постулатов, слепо сохраненные его слабеющей памятью из разговоров проезжих профессоров, или же преодолевать иные запутанные места, в которых ему изменяло чувство логики и последовательности событий. Когда старик закончил, я более не удивлялся ни тому, что он слегка тронулся умом, ни тому, что жители Аркхэма избегают говорить об Испепеленной Пустоши. Не желая снова очутиться один на один со звездами, я поспешил вернуться в гостиницу до захода солнца, а на следующий день уже возвращался в Бостон сдавать свои полномочия. Я не мог заставить себя еще раз приблизиться к этому мрачному хаосу чащоб и крутых склонов или хотя бы взглянуть в сторону серого пятна Испепеленной Пустоши, посреди которой, рядом с грудой битого кирпича и булыжника, чернел бездонный зев колодца. Теперь уже недалек тот день, когда водохранилище будет построено, и несколько саженей воды надежно упрячут под собою всю эту стародавнюю жуть. Однако, я отнюдь не уверен, что даже после того, как это произойдет, я когда-либо отважусь проезжать по тем местам ночью — и уж ничто на свете не заставит меня испить хотя бы глоток воды из нового аркхэмского водопровода.

По словам Эми, все началось с метеорита. До той поры по всей округе невозможно было сыскать и одного страшного предания — все они повывелись после прекращения ведьмовских процессов, но даже в те глухие времена, когда охота на ведьм шла в полную силу, прилегающие к Аркхэму западные леса не таили в себе и десятой доли того ужаса, каким люди наделили, например, небольшой островок на Мискатонике, где у причудливой формы каменного алтаря, установленного там задолго до появления на материке первых индейцев, сатана имел обыкновение устраивать свои приемы. Здешние же леса нечистые духи обходили стороной, и до наступления «страшных дней» в их таинственном полумраке не скрывалось ничего зловещего. А потом появилось это белое полуденное облако, эта цепочка разрывов по всему небу и, наконец, этот огромный столб дыма, выросший над затерянной в дебрях леса лощиной. К вечеру того дня всему Аркхэму стало известно: порядочных размеров скала свалилась с неба и угодила прямо во двор Нейхема Гарднера, где и упокоилась в огромной воронке рядом с колодцем. Дом Нейхема стоял на том самом месте, где позднее суждено было появиться Испепеленной Пустоши. Это был на редкость опрятный, чистенький домик, и стоял он посреди цветущих садов и полей.

Нейхем поехал в город рассказать тамошним жителям о метеорите, а по дороге завернул к Эми Пирсу. Эми тогда было

сорок лет, голова у него работала не в пример лучше, чем сейчас, и потому все последовавшие события накрепко врезались ему в память. На следующее утро Эми и его жена вместе с тремя профессорами Мискатоникского университета, поспешившими собственными глазами узреть пришельца из неизведанных глубин межзвездного пространства, отправились к месту падения метеорита. По прибытии их прежде всего удивил тот факт, что размеры болида оказались не такими громадными, как им за день до того обрисовал хозяин фермы. «Он съежился», — объяснил Нейхем, указывая на довольно высокий буроватый холмик, возвышавшийся посреди неровного пятна искореженной почвы и обуглившейся травы рядом с колодцем, однако ученые мужи тут же возразили, что метеориты «съеживаться» не могут. Нейхем добавил еще, что жар, исходящий от раскаленной глыбы, не спадает с течением времени и что по ночам от нее исходит слабое сияние. Профессора потыкали болид киркой и обнаружили, что он на удивление мягок. Он действительно оказался мягким, как глина или как смола, и потому небольшой кусочек, который ученые мужи унесли в университет для анализа, им пришлось скорее отщипывать, нежели отламывать от основной глыбы. Им также пришлось поместить образец в старую бадью, позаимствованную на кухне у Нейхема, ибо даже столь малая частичка метеорита упрямо отказывалась охлаждаться на воздухе. На обратном пути они остановились передохнуть у Эми, и тут-то миссис Пирс изрядно озадачила их, заметив, что кусочек метеорита за это время значительно уменьшился в размерах, да к тому же еще почти наполовину прожег дно гарднеровской бадьи. А впрочем, он и с самого начала был не очень велик, и, может быть, тогда им только показалось, что они взяли больше.

На следующий день — а было это в июне восемьдесят второго — сверх меры возбужденные профессора опять всей гурьбой повалили на ферму Гарднеров. Проходя мимо дома Эми, они ненадолго задержались, чтобы порассказать ему о необыкновенных вещах, которые выделывал принесенный ими накануне образец, прежде чем исчезнуть без следа после того, как они поместили его в стеклянную мензурку. Мензурка также пропала, и университетские умники долго покачивали головами, рассуждая о странном сродстве ядра метеорита с кремнием. И вообще, в их образцовой исследовательской лаборатории анализируемый материал повел себя неподобающим образом: термическая обработка древесным углем не произвела на него никакого воздействия и не выявила никаких следов поглощенных газов, бура дала отрицательную реакцию, а нагревание при самых высоких температурах, включая и те, что получаются

при работе с кислородно-водородной горелкой, выявило лишь его полную и безусловную неспособность к испарению. На наковальне он только подтвердил свою податливость, а в затемненной камере — люминесцентность. Его нежелание остывать окончательно взбудоражило весь технологический колледж, и после того, как спектроскопия показала наличие световых полос, не имеющих ничего общего с полосами обычного спектра, среди ученых только и было разговоров, что о новых элементах, непредсказуемых оптических свойствах и прочих вещах, которые обыкновенно изрекают ученые мужи, столкнувшись с неразрешимой загадкой.

Несмотря на то, что образец сам по себе напоминал сгусток огня, они пытались расплавить его в тигле со всеми известными реагентами. Вода не дала никаких результатов. Азотная кислота и даже царская водка лишь яростно шипели и разлетались мелкими брызгами, соприкоснувшись с его раскаленной поверхностью. Эми с трудом припоминал все эти мудреные названия, но когда я начал перечислять ему некоторые растворители, обычно применяемые в такого рода процедурах, он согласно кивал головой. Да, они пробовали и аммиак, и едкий натр, и спирт, и эфир, и благоуханный дисульфид углерода и еще дюжину других, но, хотя образец и начал понемногу остывать и уменьшаться в размерах, в составе растворителей не было обнаружено никаких изменений, указывающих на то, что они вообще вошли в соприкосновение с исследуемым материалом. Однако, вне всякого сомнения, вещество это было металлом. Прежде всего потому, что оно выказывало магнетические свойства, а кроме того, после погружения в кислотные растворители, ученым удалось уловить слабые следы видменштеттеновских линий, обычно получаемых при работе с металлами метеоритного происхождения. После того, как образец уже значительно поостыл, опыты были продолжены в стеклянных ретортах, в одной из которых и были оставлены на ночь образцы, полученные в ходе работы из исходного куска. На следующее утро все они исчезли вместе с ретортой, оставив после себя обугленное пятно на деревянном стеллаже, куда накануне вечером их поместил лаборант.

Все это профессора поведали Эми, остановившись ненадолго у дверей его дома, и дело кончилось тем, что он опять, на этот раз без жены, отправился с ними поглазеть на таинственного посланника звезд. За два прошедших дня метеорит «съежился» настолько заметно, что даже не верящие ни во что профессора не смогли отрицать очевидность того, что лежало у них перед глазами. За исключением нескольких осыпаний почвы, между краями воронки и сжимающейся бурой глыбой теперь было

изрядное количество пустого места, да и ширина самой глыбы, равнявшаяся накануне семи футам, теперь едва ли достигала пяти. Она все еще была невыносимо горяча, и потому городским мудрецам пришлось соблюдать максимальную осторожность, исследуя ее поверхность и — при помощи молотка и стамески — отделяя от нее еще один довольно крупный кусок. На этот раз они копнули глубже и, потянув на себя свою добычу, обнаружили, что ядро метеорита было не столь однородным, как они полагали вначале.

Взору их открылось нечто, напоминавшее боковую поверхность сверкающей глобулы, наподобие икринки, засевшей в основной массе болида. Цвет глобулы, отчасти схожий с некоторыми полосами странного спектра, полученного учеными накануне, невозможно было определить словами, да и цветом-то его можно было назвать лишь с большой натяжкой — настолько мало общего имел он с земной цветовой палитрой. Легкое пробное постукивание по лоснящемуся телу глобулы выявило, с одной стороны, хрупкость ее стенок, а с другой — ее полую природу. Потом один из профессоров врезал по ней, как следует, молотком и она лопнула с тонким неприятным звуком, напоминающим хлюпанье. Однако, более ничего не произошло: разбитая глобула не только не выпустила из себя никакого содержимого, но и сама моментально исчезла, оставив после себя лишь сферическое, в три дюйма шириной, углубление в метеоритной породе, да надежду на то, что со временем обнаружатся другие подобные глобулы, в голове ученых мужей.

Надежда эта оказалась напрасной, и после нескольких неудачных попыток пробурить раскаленный болид в поисках новых глобул, в руках неутомимых исследователей остался все тот же образец, который им удалось извлечь нынешним утром и который, как выяснилось позднее, в лабораторных условиях повел себя ничуть не лучше своего предшественника. Кроме уже известной пластичности, энергоемкости, магнетизма, способности светиться в темноте, немного охлаждаться в концентрированных кислотах и неизвестно куда улетучиваться в воздушной среде, а также уникального спектра и предрасположенности к бурному взаимодействию с кремнием, результатом которого являлось взаимное уничтожение обоих реагентов, исследуемое вещество не выказало ровным счетом никаких индивидуальных свойств. В конце концов, исчерпав все существующие методы анализа, университетские ученые вынуждены были признать, что в их обширном хранилище знаний для него просто не существует подходящей полки. Метеорит явно не имел ничего общего с нашей планетой — он был плоть от плоти неведомого космиче-

ского пространства и, как таковой, был наделен его неведомыми свойствами и подчинялся его неведомым законам.

Той ночью разразилась гроза, а когда на следующее утро профессора опять появились на ферме Нейхема, их ожидало горькое разочарование. Обладая ярко выраженным магнетизмом, метеорит, очевидно, таил в себе некие неизвестные электростатические свойства, ибо, согласно свидетельству Нейхема, во время грозы «он притягивал к себе все молнии подряд». Ему довелось наблюдать, как в течение часа молния шесть раз ударяла в невысокий бугорок посреди его двора, а когда гроза миновала, от пришельца со звезд не осталось ничего, кроме наполовину засыпанной оползнем ямы рядом с колодцем. Раскопки не принесли никакого результата, и ученые были вынуждены констатировать факт полного исчезновения метеорита. Больше им тут делать было нечего, и они отправились назад в лабораторию продолжать свои опыты над неуклонно уменьшающимся в размерах образцом, который они на этот раз предусмотрительно запрятали в свинцовый контейнер. Этого последнего кусочка им хватило на неделю, по окончании которой они так и не узнали ничего ценного о его природе. Когда же образец наконец прогорел окончательно, от него не осталось ни шлака, ни осадка, ни каких-либо иных следов его материального существования, и с течением времени профессора начали терять уверенность в том, что вообще видели этот загадочный обломок нависшей над нами необъятной бездны, этот необъяснимый знак, посланный нам из других галактик, где властвуют иные законы материи, энергии и бытия.

Вполне естественно, что аркхэмские газеты, куда университетские мужи бросились помещать свои статьи о необычном феномене, устроили грандиозную шумиху по поводу метеорита, и чуть ли не ежедневно посылали корреспондентов брать интервью у Нейхема Гарднера и членов его семьи. А после того как у него побывал и репортер одной из бостонских ежедневных газет, Нейхем быстро начал становиться местной знаменитостью. Он был высоким, худым, добродушным мужчиной пятидесяти лет от роду. У него была жена и трое детей, и все они в добром согласии жили на небольшой, но по всем показателям образцовой ферме посреди долины. Нейхем и Эми, впрочем, как и их жены, частенько заглядывали друг другу в гости, и за все годы знакомства Эми не мог сказать о нем ничего, кроме самого хорошего. Нейхем, кажется, немного гордился известностью, которая нежданно-негаданно выпала на долю его фермы, и все последующие недели только и говорил, что о метеорите. Между тем, в июле и августе того года для фермеров выдались горячие

деньки, и ему пришлось изрядно повозиться с заготовкой сена, от темна до темна курсируя по лесным просекам, соединяющим ферму с пастбищем за Чапменовским ручьем, на своей грохочущей телеге. В этом году работа давалась ему не так легко, как прежде, и он с грустью замечал, что чувствует приближение старости.

А затем наступила осень. День ото дня наливались соком яблоки и груши, и торжествующий Нейхем клялся всякому встречному, что никогда еще его сады не приносили столь роскошного урожая. Достигавшие невиданных размеров и крепости плоды уродились в таком поразительном изобилии, что Гарднерам пришлось заказать добавочную партию бочек для хранения и перевозки своего будущего богатства. Однако, когда пришло время собирать фрукты, Нейхема постигло ужасное разочарование, ибо среди неисчислимого множества этих, казалось бы непревзойденных кандидатов на украшение любого стола не обнаружилось ни одного, который можно было бы взять в рот. К нежному вкусу плодов примешивалась неизвестно откуда взявшаяся тошнотворная горечь и приторность, так что даже самый малейший надкус вызывал непреодолимое отвращение. То же самое творилось с помидорами и дынями, и вскоре упавший духом Нейхем вынужден был примириться с мыслью о том, что весь его нынешний урожай безвозвратно потерян. Будучи сообразительным малым, он тут же сопоставил это событие с недавним космическим феноменом и заявил, что это метеорит отравил его землю и что теперь ему остается только благодарить Бога за то, что большая часть остальных посадок находилась на удаленном от дороги предгорье.

В том году зима пришла рано, и выдалась она на редкость суровой. Эми теперь видел Нейхема не так часто, как прежде, но и нескольких коротких встреч ему хватило, чтобы понять, что его друг чем-то не на шутку встревожен. Да и остальные Гарднеры заметно изменились: они стали молчаливы и замкнуты, и с течением времени их все реже можно было встретить на воскресных службах и сельских праздниках. Причину внезапной меланхолии, поразившей доселе цветущее фермерское семейство, невозможно было объяснить, хотя временами то один, то другой из домашних Нейхема жаловался на ухудшающее здоровье и расстроенные нервы. Сам Нейхем выразился по этому поводу достаточно определенно: однажды он заявил, что его беспокоят следы на снегу. На первый взгляд то были обыкновенные беличьи, кроличьи и лисьи следы, но наметанный глаз потомственного фермера уловил нечто не совсем обычное в рисунке каждого отпечатка и том, как они располагались на снегу. Он не

стал вдаваться в подробности, но у его собеседников сложилось впечатление, что таинственные следы только отчасти соответствовали анатомии и повадкам белок, кроликов и лис, водившихся в здешних местах испокон веков. Эми не придавал этим разговорам большого значения до тех пор, пока однажды ночью ему не довелось, возвращаясь домой из Кларкс-Корнерз, проезжать мимо фермы Нейхема. В ярком свете луны дорогу перебежал кролик, и было в этом кролике и его гигантских прыжках нечто такое, что очень не понравилось ни Эми, ни его лошади. Во всяком случае, понадобился сильный рывок вожжей, чтобы помешать последней стремглав броситься наутек. После этого случая Эми серьезнее относился к рассказам Нейхема и уже не удивлялся тому, что каждое утро гарднеровские псы испуганно жались по углам, а со временем настолько утратили мужество, что и вовсе перестали лаять.

Как-то в феврале сыновья Макгрегора, что с Медоу-Хилл, отправились поохотиться на сурков и неподалеку от фермы Гарднеров подстрелили весьма странный экземпляр. Тушка зверька приводила в замешательство своими непривычными размерами и пропорциями, а на морде было написано жутковатое выражение, какого до той поры никому не приходилось встречать у сурков. Изрядно напугавшись, мальчишки тут же забросили уродца подальше в кусты и вернулись домой, так что по округе принялся ходить лишь их ничем не подтвержденный, довольно фантастический рассказ. Однако тот факт, что поблизости от дома Нейхема лошади становились пугливыми, больше не отрицался никем, и постепенно отдельные темные слухи начали слагаться в легенды, которые и до сих пор окружают это проклятое место.

Весной стали поговаривать, что близ фермы Гарднеров снег тает гораздо быстрее, чем во всех остальных местах, а в начале марта в лавке Поттера, что в Кларкс-Корнерз, состоялось возбужденное обсуждение очередной новости. Проезжая по гарднеровским угодьям, Стивен Райс обратил внимание на пробивавшуюся вдоль кромки леса поросль скунсовой капусты. Никогда в жизни ему не доводилось видеть скунсовую капусту столь огромных размеров — и такого странного цвета, что его вообще невозможно было передать словами. Растения имели отвратительный вид и издавали резкий тошнотворный запах, учуяв который, лошадь Стивена принялась храпеть и взбрыкивать. В тот же полдень несколько человек отправились взглянуть на подозрительную поросль и, прибыв на место, единодушно согласились в том, что подобные чудовища не должны пускать ростков в христианском мире. Тут все заговорили о пропавшем урожае предыдущей осени, и вскоре по всей округе не осталось

ни единого человека, который не знал бы о том, что земли Нейхема отравлены. Конечно, все дело было в метеорите — и, памятуя об удивительных историях, которые в прошлом году рассказывали о нем университетские ученые, несколько фермеров, будучи по делам в городе, выбрали время и потолковали с профессорами о всех происшедших за это время событиях.

Однажды те заявились к Нейхему и часок-другой покрутились на ферме, но, не имея склонности доверять всякого рода слухам и легендам, пришли к очень скептическим заключениям. Действительно, растения выглядели довольно странно, но скунсова капуста в большинстве случаев имеет довольно странный вид и окраску. Кроме того, возможно, что какая-нибудь минеральная составляющая метеорита и в самом деле попала в почву, но если это так, то она вскоре будет вымыта грунтовыми водами. А что касается следов на снегу и пугливых лошадей, то это, без сомнения, всего лишь обычные деревенские байки, порожденные таким редким научным явлением, как аэролит. Серьезному человеку не следует обращать внимание на нелепые пересуды, ибо давно известно, что сельские жители только и знают, что рассказывают небылицы и верят во всякую чушь. А потому, когда наступили «страшные дни», профессора держались в стороне от происходящего и только презрительно фыркали, услышав очередное невероятное известие. Только один из них, получив полтора года спустя от полиции для анализа две наполненные пеплом склянки, припомнил, что непередаваемый оттенок листьев скунсовой капусты с одной стороны очень напоминал одну из цветовых полос необычного спектра, снятого университетским спектроскопом с образца метеорита, с другой — был сродни окраске хрупкой глобулы, обнаруженной в теле пришельца из космической бездны. Припомнил он это потому, что две горстки праха, принесенные ему для анализа, дали в своем спектре все те же странные полосы, однако, через некоторое время явление это прекратилось, и все снова пришло в норму.

На деревьях вокруг гарднеровского дома рано набухли почки, и по ночам их ветви зловеще раскачивались на ветру. Таддеус, средний сын Нейхема, уверял, что ветки качаются и тогда, когда никакого ветра нет, но этому не могли поверить даже самые заядлые из местных сплетников. Однако, никто не мог не чувствовать повисшего в воздухе напряжения. У всех Гарднеров появилась привычка временами безмолвно вслушиваться в тишину, как если бы там раздавались звуки, доступные им одним. Выйдя из этого своеобразного транса, они ничего не могли объяснить, ибо находившие на них моменты оцепенения свидетельствовали не о напряженной работе сознания, а скорее о почти

полном его отсутствии. К сожалению, такие случаи становились все более частыми, и вскоре то, что «с Гарднерами творится неладное», стало обычной темой местных пересудов. Когда расцвела камнеломка, было замечено, что ее бутоны опять-таки имели странную окраску — не совсем такую, как у скунсовой капусты, но несомненно чем-то родственную ей и уж конечно непохожую ни на какую другую на земле. Нейхем сорвал несколько цветков и принес их редактору «Аркхемских ведомостей». Однако, сей почтенный джентльмен не нашел ничего лучшего, как написать по этому поводу пространный фельетон, очень изящно выставляющий на посмешище темные страхи невежественных людей. Нейхему и впрямь не следовало бы рассказывать ни одному горожанину о том, что некоторые бабочки, а в особенности черные, немыслимых размеров траурницы, вытворяли при виде этих камнеломок.

В апреле среди местных жителей распространилась настоящая эпидемия страха, которая и привела к тому, что пролегающая мимо дома Нейхема аркхэмская дорога была окончательно заброшена. Причиной страха была растительность. Деревья в гарднеровском саду оделись странным цветом, а на каменистой почве двора и на прилегающих к дому пастбищах пробилась к свету невиданная поросль, которую только очень опытный ботаник мог бы соотнести с обычной флорой региона. Все, за исключением трав и листвы, было окрашено в различные сочетания одного и того же призрачного, нездорового тона, которому не было места на земле. Один взгляд на бикукуллу внушал ужас, а невероятная пестрота волчьей стопы, казалось, служила треклятому цветку для того, чтобы издеваться над проходившими мимо людьми. Эми вместе с Гарднерами долго размышляли о том, что бы могла означать эта зловещая окраска, и в конце концов пришли к выводу, что она очень напоминала окраску хрупкой глобулы, найденной в ядре метеорита. Бессчетное количество раз Нейхем перепахивал и засевал заново свои пастбища в долине и на предгорьях, но так ничего и не смог поделать с отравленной почвой. В глубине души он знал, что труды его были напрасны, и надеялся лишь на то, что уродливая растительность нынешнего лета вберет в себя всю дрянь из принадлежащей ему земли и очистит ее для будущих урожаев. Однако, уже тогда он был готов к самому худшему и, казалось, только и ожидал того момента, когда нависшая над его семьей туча разразится страшной грозой. Конечно, на нем сказалось и то, что соседи начали их сторониться, но последнее обстоятельство он переносил гораздо лучше, чем его жена, для которой общение с людьми значило очень многое. Ребятам, каждый день посещавшим школу, было

не так тяжело, но и они были изрядно напуганы ходившими вокруг их семьи слухами. Более всего страдал от этого Таддеус, самый чувствительный из троих детей.

В мае появились насекомые, и ферма Нейхема превратилась в сплошной жужжащий и шевелящийся кошмар. Большинство этих созданий имело не совсем обычный вид и размеры, а их ночное поведение противоречило всем существующим биологическим законам. Гарднеры начали дежурить по ночам — они вглядывались в темноту, окружавшую дом, со страхом выискивая в ней сами не ведая что. Тогда же они удостоверились и в том, что странное заявление Таддеуса относительно деревьев было чистой правдой. Сидя однажды у окна, за которым на фоне звездного неба простер свои разлапистые ветви клен, миссис Гарднер обнаружила, что несмотря на полное безветрие, ветви эти определенно раскачивались, как если бы ими управляла некая внутренняя сила. Это уже были явно не те старые добрые клены, какими они видели их еще год назад! Но следующее зловещее открытие сделал человек, не имевший к Гарднерам никакого отношения. Привычка притупила их бдительность, и они не замечали того, что сразу же бросилось в глаза скромному мельнику из Болтона, который в неведении последних местных сплетен как-то ночью проезжал по злосчастной старой дороге. Позднее его рассказу о пережитом той ночью даже уделили крохотную часть столбца в «Аркхэмских ведомостях», откуда новость и стала известна всем фермерам округи, включая самого Нейхема. Ночь выдалась на редкость темной, от слабеньких фонарей, установленных на крыльях пролетки, было мало толку, но когда мельник спустился в долину и приблизился к ферме, которая, судя по описанию, не могла быть ничьей иной, кроме нейхемовской, окружавшая его тьма странным образом рассеялась. Это было поразительное зрелище: насколько хватало глаз, вся растительность — трава, кусты, деревья — испускала тусклое, но отчетливо видимое свечение, а в одно мгновение мельнику даже почудилось, что на заднем дворе дома, возле коровника, шевельнулась какая-то фосфоресцирующая масса, отдельным пятном выделявшаяся на общем светлом фоне.

До последнего времени трава оставалась незараженной, и коровы спокойно паслись на прилегающем к дому выгоне, но к концу мая у них начало портиться молоко. Тогда Нейхем перегнал стадо на предгорное пастбище, и положение как будто выправилось. Вскоре после того признаки недуга, поразившего траву и листву деревьев в саду Гарднеров, можно было увидеть невооруженным глазом. Все, что было зеленым, постепенно становилось пепельно-серым, приобретая по мере этого превраще-

ния еще и способность рассыпаться в прах от малейшего прикосновения. Из всех соседей теперь сюда наведывался только Эми, да и его визиты становились все более редкими. Когда школа закрылась на летние каникулы, Гарднеры практически потеряли последнюю связь с внешним миром и потому охотно согласились на предложение Эми делать для них в городе кое-какие покупки. Вся семья медленно, но верно угасала как физически, так и умственно, и когда в округе распространилось известие о сумасшествии миссис Гарднер, никто особенно не удивился.

Это случилось в июне, примерно через год после падения метеорита. Несчастную женщину преследовали неведомые воздушные создания, которых она не могла толком описать. Речь ее стала малопонятной — из нее исчезли все существительные, и теперь она изъяснялась только глаголами и местоимениями. Что-то неотступно следовало за ней, оно постоянно изменялось и пульсировало, оно надрывало ее слух чем-то лишь очень отдаленно напоминающим звук. С ней что-то сделали — из нее высасывают что-то — в ней есть нечто, чего не должно быть — его нужно прогнать — нет покоя по ночам — стены и окна расплываются, двигаются... Поскольку она не представляла серьезной угрозы для окружающих, Нейхем не стал отправлять ее в местный приют для душевнобольных, и некоторое время она как ни в чем ни бывало бродила по дому. Даже после того, как начались изменения в ее внешности, все продолжало оставаться по-старому. И только когда сыновья уже не смогли скрывать своего страха, а Таддеус едва не упал в обморок при виде гримас, которые ему корчила мать, Нейхем решил запереть ее на чердаке. К июлю она окончательно перестала говорить и передвигалась на четвереньках, а в конце месяца старик Гарднер с ужасом обнаружил, что его жена едва заметно светится в темноте — точь в точь, как вся окружавшая ферму растительность.

Незадолго до того со двора убежали лошади. Что-то испугало их посреди ночи, и они принялись ржать и биться в стойлах с поистине ужасающей силой. Все попытки успокоить животных не принесли успеха, и когда Нейхем наконец открыл ворота конюшни, они вылетели оттуда, как стадо встревоженных лесных оленей. Четырех беглянок пришлось искать целую неделю, а когда их все же нашли, то оказалось, что они не способны даже нагнуться за пучком травы, росшей у них под ногами. Что-то сломалось в их дурацких мозгах, и в конце концов всех четверых пришлось застрелить для их же собственной пользы. Для заготовки сена Нейхем одолжил лошадь у Эми, но это на редкость смирное и послушное животное наотрез отказалось приближаться к сараю. Она упиралась, взбрыкивала и оглашала воздух ржа-

нием до тех пор, пока ее не увели обратно во двор, и мужчинам пришлось на себе волочить тяжеленный фургон до самого сеновала. А между тем растения продолжали сереть и сохнуть. Даже цветы, сначала поражавшие всех своими невиданными красками, теперь стали однообразно серыми, а начинающие созревать фрукты имели, кроме привычного уже пепельного цвета, карликовые размеры и отвратительный вкус. Серыми и искривленными выросли астры и золотарники, а розы, цинии и алтеи приобрели такой жуткий вид, что нейхемов первенец Зенас однажды забрался в палисадник и вырезал их всех под корень. Примерно в это же время начали погибать заполонившие ферму гигантские насекомые, а за ними и пчелы, перед тем покинувшие ульи и поселившиеся в окрестных лесах.

К началу сентября вся растительность начала бурно осыпаться, превращаясь в мелкий сероватый порошок, и Нейхем стал серьезно опасаться, что его деревья погибнут до того, как отрава вымоется из почвы. Каждый приступ болезни у его жены теперь сопровождался ужасающими воплями, отчего он и его сыновья находились в постоянном нервном напряжении. Они стали избегать людей, и когда в школе вновь начались занятия, дети остались дома. Теперь они видели только Эми, и как раз он-то во время одного из своих редких визитов и обнаружил, что вода в гарднеровском колодце больше не годилась для питья. Она стала не то, чтобы затхлой, не то, чтобы соленой — во всяком случае, настолько омерзительной на вкус, что Эми посоветовал Нейхему не откладывая дела в долгий ящик вырыть новый колодец на лужайке выше по склону. Нейхем, однако, не внял предупреждению своего старого приятеля, ибо к тому времени стал нечувствителен даже к самым необычным и неприятным вещам. Они продолжали брать воду из зараженного колодца, апатично запивая ею свою скудную и плохо приготовленную пищу, которую принимали в перерывах между безрадостным, механическим трудом, заполнявшим все их бесцельное существование. Ими овладела тупая покорность судьбе, как если бы они уже прошли половину пути по охраняемому невидимыми стражами проходу, ведущему в темный, но уже ставший привычным мир, откуда нет возврата.

Таддеус сошел с ума в сентябре, когда в очередной раз, прихватив с собой пустое ведро, отправился к колодцу за водой. Очень скоро он вернулся, визжа от ужаса и размахивая руками, но даже после того, как его удалось успокоить, от него ничего невозможно было добиться, кроме бессмысленного хихиканья да еле слышного шепота, каким он бесконечно повторял одну-единственную фразу: «Там, внизу, живет свет...» Два случая

подряд — многовато для одной семьи, но Нейхема не так-то просто было сломить. Неделю или около того он позволял сыну свободно разгуливать по дому, а потом, когда тот начал натыкаться на мебель и падать на что ни попадя, запер его на чердаке, в комнате, расположенной напротив той, в которой содержалась его мать. Отчаянные вопли, которыми эти двое обменивались через запертые двери, держали в страхе остальную семью. Особенно угнетающе они действовали на маленького Мервина, который всерьез полагал, что его брат переговаривается с матерью на неизвестном людям языке. Болезненная впечатлительность Мервина пугала Нейхема, который к тому же заметил, что после того, как его брата и товарища по играм заперли на верху, Мервин просто не находил себе места.

Примерно в это же время начался падеж скота. Куры и индейки приобрели сероватый оттенок и быстро издохли одна за другой, а когда их попытались приготовить в пищу, то обнаружилось, что мясо их стало сухим, ломким и непередаваемо зловонным. Свиньи сначала непомерно растолстели, а затем вдруг стали претерпевать такие чудовищные изменения, что ни у кого просто не нашлось слов, чтобы дать объяснение происходящему. Разумеется, их мясо тоже оказалось никуда не годным, и отчаяние Нейхема стало беспредельным. Ни один местный ветеринар и на милю не осмелился бы подойти к его дому, а специально вызванное из Аркхэма светило только и сделало, что вылупило глаза от изумления и удалилось, так ничего и не сказав. А между тем свиньи начинали понемногу сереть, затвердевать, становиться ломкими и в конце концов разваливаться на куски, еще не успев издохнуть, причем глаза и рыльца несчастных животных превращались в нечто совершенно невообразимое. Все это было очень странно и непонятно, если учесть, что скот не получил ни единой былинки с зараженных пастбищ. Затем мор перекинулся на коров. Отдельные участки, а иногда и все туловище очередной жертвы непостижимым образом сжималось, высыхало, после чего кусочки плоти начинали отваливаться от пораженного места, как старая штукатурка от гладкой стены. На последней стадии болезни (которая во всех без исключения случаях предшествовала смерти) наблюдалось появление серой окраски и общая затверделость, ведущая к распаду, как и в случае со свиньями. О преднамеренном отравлении не могло быть и речи, так как животные содержались в запертом коровнике, расположенном вплотную к дому. Вирус не мог быть занесен и через укусы хищников, ибо ни одна из обитающих на земле тварей не смогла бы проникнуть через наглухо сколоченные стены. Оставалось предположить, что это была все-таки болезнь —

однако, что это за болезнь, да и существует ли, вообще, на свете болезнь, которая могла бы приводить к таким ужасным результатам, было непостижимо уму. Когда пришла пора собирать урожай, на дворе у Нейхема не осталось ни единого животного — птица и скот погибли, а все собаки исчезли однажды ночью, и больше о них никто не слышал. Что же касается пятерых котов, то они убежали еще на исходе лета, но на их исчезновение вряд ли кто-нибудь обратил внимание, ибо мыши в доме давным-давно перевелись, а миссис Гарднер была не в том состоянии, чтобы заметить пропажу своих любимцев.

Девятнадцатого октября пошатывающийся от горя Нейхем появился в доме Пирсов с ужасающим известием. Бедный Таддеус скончался в своей комнате на чердаке — скончался при обстоятельствах, не поддающихся описанию. Нейхем вырыл могилу на обнесенном низкой изгородью семейном кладбище позади дома и опустил в нее то, что осталось от его сына. Как и в случае со скотом, смерть не могла прийти снаружи, ибо низкое зарешеченное окно и тяжелая дверь чердачной комнаты оказались нетронутыми, но бездыханное тело Таддеуса носило явные признаки той же страшной болезни, что до того извела всю гарднеровскую живность. Эми и его жена, как могли, утешали несчастного, в то же самое время ощущая, как у них по телу пробегают холодные мурашки. Смертный ужас, казалось, исходил от каждого Гарднера и всего, к чему бы они не прикасались, а самое присутствие одного из них в доме было равносильно дыханию бездны, для которой у людей не было и никогда не будет названия. Эми пришлось сделать над собой изрядное усилие, прежде чем он решился проводить Нейхема домой, а когда они прибыли на место, ему еще долго пришлось успокаивать истерически рыдавшего маленького Мервина. Зенас не нуждался в утешении. Все последние дни он только и делал, что сидел, невидящим взором уставясь в пространство и механически выполняя, что бы ему ни приказал отец — участь, показавшаяся Эми еще не самой страшной. Временами рыдания Мервина сопровождались душераздирающими женскими криками, доносившимися с чердака. Заметив вопросительный взгляд Эми, Нейхем сказал, что его жена слабеет не по дням, а по часам. Когда начало смеркаться, Эми удалось улизнуть, ибо даже старая дружба не смогла бы задержать его до утра в доме, окруженном светящейся травой и деревьями, чьи ветви колыхались без малейшего намека на ветер. Эми еще повезло, что он уродился ни особо сообразительным, ни чересчур чувствительным, и все пережитое лишь слегка повредило его рассудок. Обладай же он хоть каплей воображения и способностью сопоставлять отдель-

ные факты зловещих событий, ему бы не миновать буйного помешательства. Он почти бежал домой в сгущавшихся сумерках, а в ушах его все звучали пронзительные крики малыша и его безумной матери.

Прошло три дня, а ранним утром четвертого (Эми только что отправился куда-то по делам) Нейхем ворвался на кухню Пирсов и заплетающимся языком выложил оцепеневшей от ужаса хозяйке известие об очередном постигшем его ударе. На это раз пропал маленький Мервин. Накануне вечером, прихватив с собой ведро и лампу, он пошел за водой — и не вернулся. В последнее время состояние его резко ухудшилось. Он практически не отдавал себе отчета в том, что делает и где находится, и с криком шарахался от собственной тени. Его отчаянный крик, донесшийся со двора в тот вечер, заставил Нейхема вскочить на ноги и что есть мочи ринуться к дверям, но когда он выскочил на крыльцо, было уже поздно. Мервин исчез без следа, нигде не было видно и зажженного фонаря, который он взял, чтобы посветить себе у колодца. Сначала Нейхем подумал, что ведро и фонарь пропали вместе с мальчиком, однако, странные предметы, обнаруженные им у колодца на рассвете, когда после целой ночи бесплодного обшаривания окрестных полей и лесов, он, почти падая от усталости, вернулся домой, заставили его изменить свое мнение. На мокрой от росы полоске земли, опоясывающей жерло колодца, поблескивала расплющенная и местами оплавленная решетка, которая когда-то несомненно являлась частью фонаря, а рядом с нею валялись изогнутые, перекрученные от адского жара обручи ведра. И больше ничего. Нейхем был близок к помешательству, миссис Пирс — на грани обморока, от вернувшегося домой и узнавшего о случившемся Эми тоже было мало проку. Нечего было даже думать о том, чтобы искать помощи у соседей, которые от одного вида Гарднеров убегали, как от огня. Обращаться же к горожанам было и того не лучше, ибо в Аркхэме давно уже только похохатывали над россказнями деревенских простофиль. Тед погиб, видно, пришла очередь Мервина. Какое-то зловещее облако надвигалось на несчастную семью, и недалеко уже был тот миг, когда гром и молния истребят ее всю. Уходя, Нейхем попросил Эми приглядеть за его женой и сыном, если ему суждено умереть раньше их. Все происходящее представлялось ему карой небесной — вот только за какие грехи ему ниспослана эта кара, он так и не мог понять. Ведь насколько ему было известно, он ни разу в жизни не нарушал заветов, которые в незапамятные времена Творец оставил людям.

Две недели о Нейхеме ничего не было слышно, и в конце концов Эми поборол свои страхи и отправился на проклятую

ферму. Представшая его взору картина была поистине ужасна: пепельно-серый ковер из увядшей, рассыпающейся в прах листвы покрывал землю, высохшие жгуты плюща свисали с древних стен и фронтонов, а огромные мрачные деревья, казалось, вонзили в хмурое ноябрьское небо свои острые сучья и терзали ими низко пролетавшие облака (Эми показалось, что это впечатление возникло у него из-за того, что наклон ветвей и впрямь изменился, и они смотрели почти перпендикулярно вверх). Огромный дом Гарднеров казался пустым и заброшенным, над высокой кирпичной трубой не вился, как обычно, дымок, и на секунду Эми овладели самые дурные предчувствия. Но, к его радости, Нейхем оказался жив. Он очень ослаб и лежал без движения на низенькой кушетке, установленной у кухонной стены, но несмотря на свой болезненный вид, находился в полном сознании и в момент, когда Эми переступал порог дома, громким голосом отдавал какие-то распоряжения Зенасу. В кухне царил адский холод, и, не пробыв там и минуты, Эми начал непроизвольно поеживаться, пытаясь сдержать охватывающую его дрожь. Заметив это, хозяин отрывисто приказал Зенасу подбросить в печь побольше дров. Обернувшись к очагу, Эми обнаружил, что туда и в самом деле уже давно не подбрасывали дров — слишком давно, если судить по тому, как холоден и пуст он был и как неистово крутилось в его глубине облако сажи, вздымаемое спускающейся вниз по трубе струей ледяного воздуха. А когда в следующее мгновение Нейхем осведомился, стало ли ему теперь теплее или следует послать сорванца за еще одной охапкой, Эми понял, что произошло. Не выдержала, оборвалась самая крепкая, самая здоровая жила, и теперь несчастный фермер был надежно защищен от новых бед.

Несколько осторожных вопросов не помогли Эми выяснить, куда же подевался Зенас. «В колодце... он теперь живет в колодце...», — вот и все, что удалось ему разобрать в бессвязном лепете помешанного. Внезапно в голове у него пронеслась мысль о запертой комнате наверху миссис Гарднер, и он изменил направление разговора. «Небби? Да ведь она стоит прямо перед тобой!», воскликнул в ответ пораженный глупостью друга Нейхем, и Эми понял, что с этой стороны помощи он не дождется и что надо приниматься за дело самому. Оставив Нейхема бормотать что-то себе под нос на кушетке, он сдернул с гвоздя над дверью толстую связку ключей и поднялся по скрипучей лестнице на чердак. Там было очень тесно, пахло гнилью и разложением. Ниоткуда не доносилось ни звука. Из четырех дверей, выходивших на площадку, только одна была заперта на замок. Один за другим Эми принялся вставлять в замочную скважину

ключи из связки, позаимствованной им внизу. После третьей или четвертой попытки замок со щелчком сработал, и, поколебавшись минуту-другую, он толкнул низкую, выкрашенную светлой краской дверь.

Внутри царил полумрак, так как и без того маленькое окошко было наполовину перекрыто толстыми деревянными брусьями, и Эми поначалу не удалось разглядеть ровным счетом ничего. В лицо ему ударила волна невыносимого зловония, и прежде чем двинуться дальше, он немного постоял на пороге, наполняя легкие пригодным для дыхания воздухом. Войдя же и остановившись посреди комнаты, он заметил какую-то темную кучу в одном из углов. Когда ему удалось разобрать, что это было такое, из груди его вырвался протяжный вопль ужаса. Он стоял посреди комнаты и кричал, а от грязного дощатого пола поднялось (или это ему только показалось?) небольшое облачко, на секунду заслонило собою окно, а затем с огромной скоростью пронеслось к дверям, обдав его обжигающим дыханием, как если бы это была струя пара, вырвавшаяся из бурлящего котла. Странные цветовые узоры переливались у него перед глазами, и не будь он в тот момент напуган до полусмерти, они бы, конечно, сразу же напомнили ему о невиданной окраске глобулы, найденной в ядре метеорита и разбитой профессорским молотком, а также о нездоровом оттенке, который этой весной приобрела едва появившаяся на свет растительность вокруг гарднеровского дома. Но как бы то ни было, в тот момент он не мог думать ни о чем, кроме той чудовищной, той омерзительной груды в углу чердачной комнаты, которая раньше была женой его друга и которая разделила страшную и необъяснимую судьбу Таддеуса и большинства остальных обитателей фермы. А потому он стоял и кричал, отказываясь поверить в то, что это воплощенный ужас, продолжавший у него на глазах разваливаться, крошиться, расползаться в бесформенную массу, все еще очень медленно, но совершенно отчетливо двигался вдоль стены, словно стараясь уйти от опасности.

Эми не стал вдаваться в дальнейшие подробности этой чудовищной сцены, но из его рассказа я понял, что когда он покидал комнату, бесформенная груда в углу больше не шевелилась. Есть вещи, о которых лучше не распространяться, потому что акты человеческого сострадания иногда сурово наказываются законом. Так или иначе, на чердаке не было ничего, что могло бы двигаться, и я полагаю, что Эми принял верное решение, ибо оставить живую человеческую душу претерпевать невиданные муки в этом адском месте было бы гораздо более страшным преступлением. Любой другой на его месте несомненно свалился бы

без чувств или потерял рассудок, но сей достойный потомок твердолобых первопроходцев лишь слегка ускорил шаги, выходя за порог, и лишь чуть дольше возился с ключами, запирая за собой низкую дверь и ужасную тайну, что она скрывала. Теперь следовало позаботиться о Нейхеме — его нужно было как можно скорее накормить и обогреть, а затем перевезти в безопасное место и поручить заботам надежных людей.

Едва начав спускаться по полутемному лестничному пролету, Эми услышал, как внизу, в районе кухни, с грохотом свалилось на пол что-то тяжелое. Ушей его достиг слабый сдавленный крик, и он, как громом пораженный, замер на ступеньках, тотчас вспомнив о влажном светящемся облаке, обдавшем его жаром в той жуткой комнате наверху. Что же за дьявольские бездны всколыхнуло его внезапное появление и невольный крик? Охваченный неизъяснимым ужасом, он продолжал прислушиваться к происходившему внизу. Сначала он различил глухие шаркающие звуки, как если бы какое-то тяжелое тело волочили по полу, а затем, после непродолжительной тишины, раздалось настолько отвратительное чавканье и хлюпанье, что Эми всерьез решил: это сам сатана явился из ада высасывать кровь у всего живого, что есть на земле. Под влиянием момента в его непривычном к умопостроениям мозгу вдруг сложилась короткая ассоциативная цепочка, и он явно представил себе то, что происходило в комнате наверху за секунду до того, как он открыл запертую дверь. Господи, какие еще ужасы таил в себе потусторонний мир, в который ему было уготовано нечаянно забрести? Не осмеливаясь двинуться ни вперед, ни назад, он продолжал стоять, дрожа всем телом в темном лестничном проеме. С того момента прошло уже четыре десятка лет, но каждая деталь давнего кошмара навеки запечатлелась у него в голове — отвратительные звуки, гнетущее ожидание новых ужасов, темнота лестничного проема, крутизна узких ступеней и — милосердный Боже! — слабое, но отчетливое свечение окружавших его деревянных предметов: ступеней, перекладин, опорных брусьев крыши и наружной обивки стен.

Прошло несколько страшных минут, и Эми вдруг услыхал, как во дворе отчаянно заржала его лошадь, за чем последовал дробный топот копыт и грохот подскакивающей на выбоинах пролетки. Звуки эти быстро удалялись, из чего он совершенно справедливо заключил, что напуганная чем-то Геро стремглав бросилась домой, оставив оцепеневшего от ужаса хозяина торчать на полутемной лестнице и гадать, какой бес в нее вселился в самый неподходящий момент. Однако, это было еще не все. Эми был готов поклясться, что в разгар всего это переполоха ему

почудился негромкий всплеск, определенно донесшийся со стороны колодца. Поразмыслив, Эми решил, что это был камень, который выбила из невысокого колодезного бордюра наскочившая на него пролетка, ибо именно возле колодца он оставил свою лошадь, ввиду ее мирного нрава не удосужившись проехать несколько метров до привязи. Он стоял и раздумывал над всеми этими вещами, а вокруг него продолжало разливаться слабое фосфоресцирование, исходившее от старых, изъеденных временем стен. Боже, каким же древним был этот дом! Главное здание было возведено около тысяча шестьсот семидесятого года, а пристройки и двускатная крыша — не позднее семьсот тридцатого.

Доносившиеся снизу шаркающие звуки стали теперь гораздо более отчетливыми, и Эми покрепче сжал в руках тяжелую палку, прихваченную им на всякий случай на чердаке. Не переставая ободрять себя, он спустился с лестницы и решительным шагом направился на кухню. Однако, туда он так и не попал, ибо того, за чем он шел, там уже не было. Оно лежало на полпути между кухней и гостиной и все еще проявляло признаки жизни. Само ли оно приползло сюда или было принесено некой внешней силой, Эми не мог сказать, но то, что оно умирало, было очевидно. За последние полчаса оно претерпело все ужасные превращения, на которые раньше уходили дни, а то и недели, и отвердение, потемнение и разложение уже почти завершилось. Высохшие участки тела на глазах осыпались на пол, образуя кучки мелкого пепельно-серого порошка. Эми не мог заставить себя прикоснуться к нему, а только с ужасом посмотрел на разваливающуюся темную маску, которая еще недавно была лицом его друга, и прошептал:

— Что это было, Нейхем? Что это было?

Распухшие, потрескавшиеся губы раздвинулись, и увядающий голос прошелестел в гробовой тишине:

— Не знаю... не знаю... просто сияние... оно обжигает... холодное, влажное, но обжигает... живет в колодце... я видел его... похоже на дым... тот же цвет, что у травы этой весной... колодец светится по ночам... Тед и Мервин и Зенас... все живое... высасывает жизнь из всего живого... в камне с неба... оно было в том камне с неба... заразило все кругом... не знаю, чего ему надо... та круглая штука... ученые выковыряли ее из камня с неба... они разбили ее... она была того же цвета... того же цвета, что и листья, и трава... в камне были еще... семена... яйца... они выросли... впервые увидел его на этой неделе... стало большое, раз справилось с Зенасом... Зенас был сильный, много жизни... сначала селится у тебя в голове... потом берет всего... сжигает тебя... вода из колодца... ты был прав... вода была плохая... Зенас

не вернулся с колодца... от него не уйти... оно притягивает... ты знаешь... все время знаешь, что будет худо... но поделать ничего нельзя... я видел его не раз с тех пор, как оно взяло Зенаса... не помню, где Небби, Эми?.. у меня в голове все смешалось... не помню, когда кормил ее последний раз... оно заберет ее, если мы не помешаем... просто сияние... оно светится... ее лицо точь в точь так же светится в темноте... а оно обжигает и высасывает... оно пришло оттуда, где все не так, как у нас... так сказал профессор... он был прав... берегись Эми, оно не только светится... оно высасывает жизнь...

Это были его последние слова. То, чем он говорил, не могло больше издать ни звука, ибо составляющая его плоть окончательно раскрошилась и провалилась внутрь черепа. Эми прикрыл останки белой в красную клетку скатертью и, пошатываясь, вышел через заднюю дверь на поля. По отлогому склону он добрался до десятиакрового гарднеровского пастбища, а оттуда по северной дороге, что шла прямиком через леса, побрел домой. Он не мог пройти мимо колодца, от которого убежала его лошадь, ибо перед тем, как отправиться в путь, бросил на него взгляд из окна и убедился в том, что пролетка не оставила на каменном бордюре ни малейшей царапины — скорее всего, она вообще проскочила мимо. Значит, это был не камень, а что-то другое... Что-то неведомое, что скрылось в колодце после того, как разделалось с беднягой Нейхемом.

Вернувшись домой, Эми обнаружил там свою лошадь, пролетку и сильно испуганную жену, которая уже начала строить самые мрачные предположения относительно его судьбы. Не вдаваясь в объяснения, он успокоил ее и сразу же отправился в Аркхэм заявить полиции, что семьи Гарднеров больше не существует. В полицейском участке он вкратце сообщил о гибели Нейхема и Небби (о Таддеусе уже знали в городе) и высказал предположение, что причиной смерти послужила та же самая неведомая болезнь, что ранее погубила весь скот на ферме. Кроме того, он заявил об исчезновении Мервина и Зенаса. После этого Эми подвергли форменному допросу, а кончилось дело тем, что его заставили сопровождать на злосчастную ферму трех сержантов, коронера, судебно-медицинского эксперта и ветеринара, обследовавшего гарднеровский скот. Уговорить его стоило огромных трудов — близился полдень, и он опасался, что расследование затянется до темноты — но в конце концов, поразмыслив и решив, что с такой оравой ему нечего опасаться, он согласился.

Шестеро представителей закона разместились в легком фургоне, Эми уселся в свою пролетку, и около четырех часов попо-

лудни они уже были на ферме. Даже привыкшие к самым жутким ипостасям смерти полицейские не смогли сдержать невольной дрожи при виде останков, найденных на чердаке и под белой в красную клетку скатертью в гостиной. Мрачная пепельно-серая пустыня, окружавшая дом со всех сторон, сама по себе могла вселить ужас в кого угодно, однако эти две груды праха выходили за границы человеческого разумения. Никто не мог долго глядеть на них, и даже судмедэксперт признался, что ему тут, собственно, не над чем работать, разве что только собрать образцы для анализа. Тогда-то две наполненные пеплом склянки и попали на лабораторный стол технологического колледжа Мискатоникского университета. Помещенные в спектроскоп, оба образца дали абсолютно неизвестный спектр, многие полосы которого совпадали с полосами спектра, снятого в прошлом году с кусочка странного метеорита. Однако, в течение месяца образцы утратили свои необычные свойства, и спектральный анализ начал стабильно указывать на наличие в пепле большого количества щелочных фосфатов и карбонатов.

Эми и словом бы не обмолвился о колодце, если бы знал, что за этим последует. Приближался закат, и ему хотелось поскорее убраться восвояси. Но как он ни сдерживался, взгляд его постоянно возвращался к каменному парапету, скрывавшему черное круглое жерло, и когда наконец один из полицейских спросил его, в чем дело, он вынужден был признаться, что Нейхем ужасно боялся этого колодца — боялся настолько, что ему даже в голову не пришло заглянуть в него, когда он искал пропавших Мервина и Зенаса. После этого заявления полицейским ничего не оставалось, как досуха вычерпать колодец и обследовать его дно. Эми стоял в сторонке и дрожал всеми членами, в то время как полицейские поднимали на поверхность и выплескивали на сухую, потрескавшуюся землю одно ведро зловонной жидкости за другим. Люди у колодца морщились, зажимали носы, и неизвестно, удалось бы им довести дело до конца, если бы уровень воды в колодце не оказался на удивление низок и уже через четверть часа работы не обнажилось дно. Полагаю, нет необходимости распространяться в подробностях о том, что они нашли. Достаточно сказать, что Мервин и Зенас оба были там. Останки их представляли из себя удручающее зрелище и почти целиком состояли из разрозненных костей да двух черепов. Кроме того, были обнаружены небольших размеров олень и дворовый пес, а также целая россыпь костей, принадлежавших, по-видимому, более мелким животным. Ил и грязь, скопившиеся на дне колодца, оказались на редкость рыхлыми и пористыми, и вооруженный багром полицейский, которого на веревках опустили в

колодезный сруб, обнаружил, что его орудие может полностью погрузиться в вязкую слизь, так и не встретив никакого препятствия.

Спустились сумерки, и работа продолжалась при свете фонарей. Через некоторое время, поняв, что из колодца не удастся более выжать ничего ценного, все гурьбой повалили в дом и, устроившись в древней гостиной, освещаемой фонарями да призрачными бликами, которые показывавшийся иногда из-за облаков месяц отбрасывал на царившее кругом серое запустение, принялись обсуждать результаты проведенных изысканий. Никто не скрывал своего замешательства, равно как и не мог предложить убедительной версии, которая связывала бы воедино необычную засуху, поразившую близлежащую растительность, неизвестную болезнь, приведшую к гибели скота и людей на ферме, и, наконец, непостижимую смерть Мервина и Зенаса на дне зараженного колодца. Конечно, им не раз доводилось слышать, что говорят об этом в округе, но они не могли поверить, чтобы рядом с ними могло произойти нечто, не отвечающее законам природы. Без сомнения, метеорит отравил окрестную землю, но как объяснить тот факт, что пострадали люди и животные, не взявшие в рот ни крошки из того, что выросло на этой земле? Может быть, виновата колодезная вода? Вполне возможно. Было бы очень недурно отправить на анализ и ее. Но какая сила, какое безумие заставило обоих мальчиков броситься в колодец? Один за другим они прыгнули туда, чтобы там, на илистом дне, умереть и рассыпаться в прах от все той же (как показал краткий осмотр останков) серой иссушающей заразы. И вообще, что это за болезнь, от которой все сереет, сохнет и рассыпается в прах?

Первым свечение у колодца заметил коронер, сидевший у выходившего во двор окна. Снаружи уже совсем стемнело, и все окружавшее дом пространство было залито таким ярким лунным светом, что, казалось, земля, деревья и деревянные пристройки светятся сами по себе. Однако, это новое сияние, отчетливо выделявшееся на общем фоне, не было иллюзией. Оно поднималось из черных недр колодца, как слабый луч фонарика, и терялось где-то в вышине, успевая отразиться в маленьких лужицах зловонной колодезной воды, оставшихся на земле после очистных работ. Сияние это было весьма странного цвета, и когда Эми, толкавшийся за спинами сгрудившихся у окна людей, наконец получил возможность выглянуть во двор, он почувствовал, как у него останавливается сердце. Ибо окраска загадочного луча, вздымавшегося к небу сквозь плотные клубы испарений, была хорошо знакома ему. Это был цвет хрупкой

глобулы, найденной позапрошлым летом в ядре зловещего метеорита, цвет уродливой растительности, появившейся этой весной, и, наконец — теперь он мог в этом поклясться, — цвет того движущегося облачка, что не далее как сегодня утром на мгновение заслонило собой узенькое окошко чердачной комнаты, таящей в себе невыразимый ужас. Одно лишь мгновение переливалось оно у окошка, а в следующее — влажная обжигающая струя пара пронеслась мимо него к дверям, и какая-то тварь точно такого же цвета прикончила внизу беднягу Нейхема. Умирая, тот так и сказал: того же цвета, что и трава весной, что и проклятая глобула. И лошадь понеслась прочь со двора, и что-то тяжелое упало в колодец — а теперь из него угрожающе выпирал в небо бледный, мертвенный луч все того же дьявольского света.

Нужно отдать должное крепкой голове Эми, которая даже в тот напряженный момент была занята разгадкой парадокса, носящего чисто научный характер. Его поразил тот факт, что светящееся, но все же достаточно разреженное облако выглядело совершенно одинаково как на фоне светлого квадратика окна, за которым сияло раннее погожее утро, так и в кромешной тьме посреди черного, опаленного смертью ландшафта. Что-то здесь было не так, не по законам природы, и он невольно подумал о последних страшных словах своего умирающего друга: «Оно пришло оттуда, где все не так, как у нас... так сказал профессор... он был прав».

Во дворе отчаянно забились и заржали лошади, оставленные на привязи у двух чахлых ив, росших на самой обочине дороги. Кучер фургона направился было к дверям, чтобы выйти и успокоить испуганных животных, когда Эми положил трясущуюся руку ему на плечо. «Не ходи туда», прошептал он, «Там нечто такое, что нам и не снилось. Нейхем сказал, там, в колодце, живет что-то... Оно высасывает жизнь. Он сказал, оно выросло из круглой штуки — такой же, что была в этом треклятом метеоритном камне, который упал прошлым летом. Все видели эту штуку — такую круглую, как яйцо. Он сказал, оно жжет и высасывает, а из себя как облачко — просто сияние — и цвет у него такой же, как у вон того облачка за окном, такого бледного, что с трудом видать, а уж сказать, что это такое, и вообще нельзя. Нейхем говорил, оно пожирает все живое, и чем больше ест, тем сильнее становится. Он сказал, что видел его на этой неделе. Оно пришло издалека, оттуда, где кончается небо, — так сказали доктора из колледжа, когда были здесь в прошлом году. Оно устроено не так, как весь остальной Божий мир, и живет оно не по его законам. Это нечто извне».

Кучер в нерешительности остановился у дверей, а между тем сияние во дворе становилось все ярче, и все отчаяннее ржали и дергали поводья привязанные у дороги лошади. Это был поистине ужасный момент: мрачное, навевающее ужас жилище, четыре чудовищные свертка с останками (включая поднятые со дна колодца) в дровянике у задней двери и столб неземного, демонического света, вздымающийся из осклизлой бездны во дворе. Под влиянием этого момента Эми и удержал кучера — он совсем забыл, что влажная струя светящегося пара, пронесшаяся утром близ него на чердаке, не причинила ему никакого вреда — но, может быть, это было и к лучшему. Теперь уже никто никогда не узнает, какой опасности они подвергались в ту ночь, и хотя до той поры адский огонь, разгоравшийся в ночи, казалось, был бессилен причинить вред собравшимся в доме людям, неизвестно, на что он был способен в те последние минуты, когда готова была высвободиться вся его устрашающая сила и когда на черном небосводе, наполовину скрытом облаками, вот-вот должна была обозначиться его конечная цель.

Внезапно один из толпившихся у окна полицейских издал короткий сдавленный вопль. Все присутствующие, вздрогнув от неожиданности, проследили его взгляд до того участка внешней тьмы, к которому он был прикован. Ни у кого не нашлось слов, да и никакие слова не смогли бы выразить охватившее всех смятение. Ибо в тот вечер одна из самых невероятных легенд округи перестала быть легендой и превратилась в жуткую реальность — и когда несколько дней спустя свидетели этого превращения подтвердили его истинность, весь Аркхэм содрогнулся от ужаса, и с тех пор там уже не осмеливались во весь голос обсуждать события «страшных дней». Нужно заметить, что в тот вечер в воздухе не ощущалось ни дуновения ветерка. Позднее поднялась настоящая буря, но в тот момент воздух был абсолютно недвижим. Даже высохшие лепестки поздней полевой горчицы, пепельно-серые и наполовину осыпавшиеся, не колыхались, как обычно, в струях исходившего от земли тепла, и, как нарисованная, застыла окаймляющая крышу фургона бахрома. Вся природа замерла в жутком оцепенении, но то, что вселилось в черные, голые ветви росших во дворе деревьев, по-видимому, не имело к природе никакого отношения, ибо как объяснить тот факт, что они двигались на фоне всеобщего мертвого затишья! Они судорожно извивались, как одержимые, пытаясь вцепиться в низколетящие облака, они дергались и свивались в клубки, как если бы какая-то неведомая чужеродная сила дергала за связывающую их с корнями невидимую нить.

На несколько секунд все затаили дыхание. Затем набежав-

шее на луну плотное облачко ненадолго скрыло силуэты шевелящихся деревьев в кромешной тьме — и тут из груди каждого присутствующего вырвался хриплый, приглушенный ужасом крик. Ибо тьма, поглотившая бившиеся в конвульсиях ветви, лишь подчеркнула царившее снаружи безумие: там, где секунду назад были видны кроны деревьев, теперь плясали, подпрыгивали и кружились в воздухе тысячи бледных, фосфорических огоньков, облепивших каждую ветвь наподобие огней Св.Эльма, что сошли на головы апостолам в Троицын день. Это чудовищное созвездие замогильных огней, напоминающих рой обожравшихся светляков-трупоедов, светило все тем же пришлым неестественным светом, который Эми отныне суждено было запомнить и смертельно бояться всю оставшуюся жизнь. Между тем исходивший из колодца столб света становился все ярче и ярче, а в головах сбившихся в кучу дрожащих людей, напротив, все более сгущалась тьма, рождая мрачные образы и роковые предчувствия, выходившие далеко за границы обычного человеческого сознания. Теперь сияние уже не исходило, а вырывалось из темных недр, плавно и бесшумно подымаясь к нависшим над головой тучам.

Ветеринар поежился и направился к дверям, чтобы положить поперек них добавочный деревянный брусок. Эми продолжало трясти, и ему стоило больших трудов поднять руку — в ту минуту голос отказался служить ему — и указать остальным на деревья, которые с каждой секундой светились все ярче и напоминали теперь скорее брызжущие во все стороны фосфорические фонтаны. Ржание и биение лошадей у привязи становилось невыносимым, но ни один из бывших в доме ни за какие земные блага не согласился бы выйти наружу. Свечение деревьев все нарастало, а их извивающиеся ветви все более вытягивались к небу, принимая почти вертикальное положение. Теперь светилось и деревянное коромысло над колодцем, а когда один из полицейских молча ткнул пальцем в сторону каменной ограды, все обратили внимание на то, что притулившиеся к ней пристройки и навесы тоже начинают излучать свет, и только полицейский фургон да пролетка Эми оставались невовлеченными в эту огненную феерию. Через некоторое время со стороны дороги донесся шум отчаянной возни и громкий стук копыт. Эми поспешно погасил лампу, и прильнувшие к стеклу люди увидали, как оборвавшая наконец повода пара гнедых удирает вместе с фургоном по направлению к городу.

Это происшествие немного ослабило напряжение, царившее в доме, и присутствующие принялись возбужденно шептаться. «Оно... это явление... распространяется на все органические ма-

териалы, какие только есть поблизости», пробормотал судмедэксперт. Ему никто не ответил, но тут полицейский, которого опускали в колодец, заявил, содрогаясь всем телом, что его длинный багор, очевидно, задел нечто такое, чего не следовало было задевать. «Это было ужасно», добавил он, «Там совсем не было дна. Одна только муть и пузырьки — да ощущение, что кто-то притаился там, внизу». Лошадь Эми все еще билась и ржала во дворе, наполовину заглушая дрожащий голос своего хозяина, которому удалось выдавить из себя несколько бессвязных фраз: «Оно вышло из этого камня с неба... выросло там, внизу... оно убивает все живое... пожирает душу и тело... Тед и Мервин, Зенас и Небби... Нейхем был последним... все они пили воду... плохую воду... оно взяло их... становилось все сильнее... оно пришло извне, где все не так, как у нас... теперь оно собирается домой».

В этот момент сияющий столб во дворе вспыхнул ярче прежнего и начал приобретать определенную форму — но форму такую фантастическую, что позднее ни один из видевших это явление собственными глазами так и не смог толком его описать. Одновременно бедная, привязанная у дороги Геро издала жуткий рев, какого ни до, ни после того не доводилось слышать человеку. Все присутствующие зажали ладонями уши, а Эми, содрогнувшись от ужаса и тошноты, поспешно отвернулся от окна. Смотреть на то, что там происходило, было выше человеческих сил, и когда он наконец набрался достаточно мужества, чтобы снова выглянуть в окно, он различил в том месте, где стояла его лошадь, лишь темную бесформенную груду, возвышавшуюся между расщепленными оглоблями пролетки. Ему больше не довелось увидеть свою бедную, смирную Геро — полицейские, которые на следующий день обследовали развалины фермы, похоронили все, что от нее осталось, в ближайшем овраге. Однако, в тот момент Эми было не до траура по своей бедной лошадке — один из полицейских знаками давал понять остальным, что пылающая смерть уже находится вокруг них, в этой самой гостиной! Лампа, которую Эми незадолго до того затушил, теперь не мешала видеть, как все деревянные предметы вокруг них начинали испускать все то же ненавистное свечение. Оно разливалось по широким половицам и брошенному поверх них лоскутному ковру, мерцало на переплете окон, пробегало по выступающим угловым опорам, вспыхивало на буфетных полках и над камином и уже распространялось на двери и всю мебель. Оно усиливалось с каждой минутой, и вскоре уже ни у кого не осталось сомнений в том, что если они хотят остаться в живых, им нужно немедленно покинуть этот дом.

Через заднюю дверь Эми вывел всю компанию на тропу, пе-

ресекавшую поля в направлении пастбища. Они брели по ней, как во сне, спотыкаясь и покачиваясь, не смея оборачиваться назад, до тех пор, покуда не оказались на высоком предгорье. Все очень обрадовались существованию этой тропинки, ибо никто не рискнул бы пройти по двору мимо дьявольского колодца. И без того они натерпелись страху, когда пришлось миновать светящиеся загоны и сараи, не говоря уже об изуродованных фруктовых деревьях, ветви которых — хвала Создателю, на достаточном удалении от земли — продолжали свою сумасшедшую пляску. Когда они пересекали Чапменовский ручей, луну окончательно заволокло облаками, и им пришлось ощупью выбираться на открытое место.

Когда они остановились, чтобы в последний раз посмотреть на долину, из взору предстала ужасающая картина: вся ферма — трава, деревья, постройки, и даже те участки растительности, что еще не были затронуты обжигающим дыханием серой смерти — все было охвачено зловещим сиянием. Ветви деревьев теперь смотрели вертикально в небо, и на концах их плясали тоненькие язычки призрачного пламени, в то время как другие огневые струйки переливались на кровле дома, коровника и других строений. Все это напоминало одно из видений Фюсли (1): светящееся аморфное облако в ночи, в центре которого набухал переливчатый жгут неземного, неописуемого сияния. Холодное смертоносное пламя поднялось до самых облаков — оно волновалось, бурлило, ширилось и вытягивалось в длину, оно уплотнялось, набухало и бросало в тьму блики всех цветов невообразимой космической радуги.

А затем, не дав потрясенным зрителям прийти в себя от этого сверхъестественного зрелища, отвратительная тварь стремительно рванулась в небо и бесследно исчезла в идеально круглом отверстии, которое, казалось, специально для нее кто-то прорезал в облаках. Онемевшие от изумления люди застыли на склоне холма. Эми стоял, задрав голову и тупо уставившись на созвездие Лебедя, в районе которого пущенная с земли сияющая стрела была поглощена Млечным Путем, когда донесшийся из долины оглушительный треск заставил его опустить взор долу. Позднее многие ошибочно утверждали, что это был взрыв, но Эми отчетливо помнит, что в тот момент они услышали только громкий треск и скрежет разваливающего на куски дерева. Однако последствия этого треска были, действительно, очень похожи на взрыв, ибо в следующую секунду над обреченной фермой забурлил искрящийся дымовой гейзер, из сердца которого, ослепляя окаменевшую группу людей на холме вырвался и ударил в зенит ливень обломков таких фантастических цветов и

форм, каких наверняка не существовало в нашей Вселенной. Сквозь быстро затягивающуюся дыру в облаках они устремились вслед за растворившейся в космическом пространстве тварью, и через мгновение от них не осталось и следа. Теперь внизу царила кромешная тьма, а сверху резкими, ледяными порывами уже налетал ураган, принесшийся, казалось, непосредственно из распахнувшейся над людьми межзвездной бездны. Ветер свистел и завывал вокруг, подминая под себя поля, неистово сражался с лесами, и перепуганные, дрожащие люди на склоне холма решили, что, пожалуй, им не стоит ждать, пока появится луна и высветит то, что осталось от гарднеровского дома, а лучше поскорее отправиться восвояси. Слишком подавленные, чтобы обмениваться замечаниями, все семеро поспешили прочь по северной дороге, что должна была вывести их к Аркхэму. Эми в тот день досталось больше других, и он попросил всю компанию сделать небольшой крюк и завести его домой. Он просто представить себе не мог, как пойдет один через эти мрачные, стонущие под напором ветра леса. Ибо минуту тому назад бедняге довелось пережить еще одно потрясение, оставившее в глубине его души свинцовую печать ужаса, от которого он так и не сумел избавиться за все прошедшие годы. В то время как все остальные благоразумно повернулись спиной к проклятой долине и ступили на ведущую в город тропу, Эми замешкался и еще раз взглянул в клубящуюся тьму, которая навеки скрыла его несчастного друга. Он задержался лишь на мгновение, но этого мгновения было достаточно, чтобы увидеть, как там, далеко внизу, с обожженной, безжизненной земли поднялась тоненькая светящаяся струйка — поднялась только затем, чтобы тут же нырнуть в бездонную черную пропасть, откуда совсем недавно стартовала в небо светящаяся нечисть. Что это было? Просто сияние, маленькая цветная змейка — но цвета, в который она была окрашена, не существовало ни на небесах, ни под ними. Эми узнал этот цвет и понял, что последний слабый отросток чудовищной твари затаился все в том же колодце, где и будет теперь сидеть, ожидая своего часа. Именно в тот момент что-то и повернулось у Эми в голове, и с тех пор он так уже и не оправился.

Эми больше не бывал на ферме Гарднеров. Прошло уже сорок четыре года, и все это время он старательно обходил проклятое место стороной. Он изрядно обрадовался, когда узнал, что долина будет затоплена под водохранилище. Откровенно говоря, при мысли об этом я тоже испытываю огромное облегчение, ибо мне вовсе не нравятся те странные, неземные тона, в которые окрашивались лучи заходящего солнца над заброшенным колод-

цем. Я также очень надеюсь, что вода в этом месте будет достаточно глубока, но даже если и так, я ни за что не соглашусь отпить и глотка из аркхэмского водопровода. И вообще, я не думаю, что когда-нибудь снова приеду сюда.

На следующий после происшествия день трое полицейских вернулись на ферму, чтобы осмотреть развалины при дневном свете. Однако, они не нашли там практически никаких развалин — только кирпичный дымоход, завалившийся каменный погреб, разбросанный по двору щебень вперемешку с металлическими обломками да бордюр ненавистного колодца. Все живое или сделанное из органического материала — за исключением мертвой лошади Эми, которую они оттащили в ближайший овраг и закопали в землю, да его же пролетки, которую они в тот же день доставили владельцу, — исчезло без следа. Остались лишь пять акров жуткой серой пустыни, где с тех пор так и не выросло ни одной былинки. Так и лежит она посреди лесов и полей, как въедшаяся в бумагу капля кислоты, и те немногие местные жители, у которых хватило духу сходить посмотреть на нее, окрестили ее Испепеленной Пустошью.

Странные слухи расползаются по округе. Но если ученые когда-нибудь удосужатся взять на анализ воду из заброшенного колодца или серую пыль, которую никакой ветер не может вынести за пределы пустоши, реальные факты могут оказаться еще страннее. Ботаникам также следовало бы заняться изучением причудливой, медленно гибнущей растительности по краям выжженного пятна и заодно опровергнуть, если, конечно, удастся, бытующую в округе легенду, гласящую, что это самое пятно медленно, почти незаметно — не более дюйма в год — наступает на окружающий его лес. Еще люди говорят, что каждую весну в долине появляются молодые побеги очень необычного цвета, а зимою на снегу можно встретить ни на что не похожие следы. Между прочим, на Испепеленной Пустоши снега выпадает гораздо меньше, чем в остальной округе. Лошади — те немногие, что еще остались в наш автомобильный век — проявляют неожиданно буйный норов, стоит им только приблизиться к долине, а охотящиеся в окрестных лесах фермеры не могут положиться на своих собак.

Еще говорят, что проклятое место влияет и на душевное здоровье. Со времени гибели Нейхема было много случаев помешательства, и всякий раз чувствовавшим приближение болезни людям не хватало духа покинуть родные очаги. Однако, мало-помалу старожилы набирались решимости и уезжали в город, и теперь только иностранцы время от времени делают попытки прижиться под крышами древних, обветшалых строений. Но и

они не остаются здесь надолго. Если же кто-нибудь начинает подтрунивать над горе-переселенцами и обвинять их в том, что они запугивают друг друга нелепыми страшными байками, они шепчут в ответ, что кошмары, мучающие их по ночам в этой жутковатой глухомани, не похожи на обычные земные кошмары, и это-то их пугает больше всего. И немудрено — одного взгляда на это царство вечного полумрака бывает достаточно, чтобы пробудить в человеке самые нездоровые фантазии. Ни один путешественник, побывавший в этих краях не избежал гнетущего ощущения чего-то чужеродного присутствия, а художники, которым доводилось забираться в здешние ущелья с мольбертом, не могли удержаться от невольной дрожи, перенося на полотно недоступную глазу обычных смертных загадку древнего леса. Сам я навсегда запомню ужас, охвативший меня во время одинокой прогулки накануне того дня, когда я повстречался с Эми. Я буду помнить, как в сгущавшемся ночном сумраке мне смутно хотелось, чтобы налетевшие вдруг облака закрыли собой неисчислимые звездные бездны, нависшие над моей головой и рождавшие первобытный страх в моей душе.

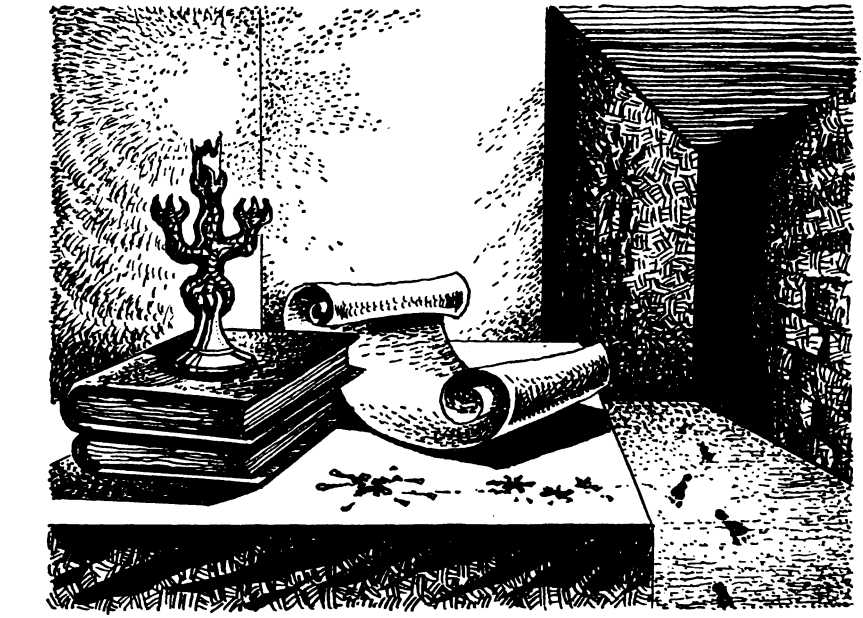
Не спрашивайте меня, что я обо всем этом думаю. Я не знаю — вот и все. Эми был единственным, кто согласился поговорить со мной тогда — из жителей Аркхэма невозможно было вытянуть и слова, а все три профессора, видевшие метеорит и сверкающую глобулу, давно умерли. Однако в том, что там были другие глобулы, можете не сомневаться. Одна из них выросла, набралась сил, пожрав все живое вокруг, и улетела, а еще одна, как видно, не успела. Я уверен, что она до сих пор скрывается в колодце — недаром мне так не понравились краски заката, игравшие в зловонных испарениях над его жерлом. В округе говорят, что серое пятно расширяется примерно на один дюйм в год — следовательно, засевшая в колодце тварь все это время питается и копит силы. Но какой бы дьявол ни высиживал там свои яйца, он, очевидно, накрепко привязан к этому месту, иначе давно уже пострадали бы соседние леса и поля. Может быть, его держат корни деревьев, что вонзают свои ветви в небо в напрасной попытке вцепиться в облака? Недавно в Аркхэме как раз прошел слух о том, что могучие дубы окрестных лесов внезапно обрели привычку светиться и двигаться в темноте, чего обычно деревья себе не позволяют.

Что это такое, знает один только Бог. Если верить описаниям Эми, то это несомненно газ, но газ этот не подчиняется физическим законам нашей Вселенной. Он не имеет никакого отношения к звездам и планетам, безобидно мерцающим в окулярах наших телескопов или безропотно запечатлевающимся на

наших фотопластинках. Он не входит в состав атмосфер, чьи параметры и движения усердно наблюдают и систематизируют наши астрономы. Это просто сияние — сияние извне — грозный вестник, явившийся из бесконечно удаленных, неведомых миров, о чьей природе мы не имеем даже смутного представления, миров, одно существование которых заставляет содрогнуться наш разум и окаменеть наши чувства, ибо при мысли о них мы начинаем смутно прозревать черные, полные угрозы пропасти, что ждут нас в космическом пространстве.

У меня есть все основания сомневаться в том, что рассказ старого фермера был намеренной выдумкой или, как меня уверяли в городе, бредом душевнобольного. Что-то поистине ужасное поселилось в здешних лесах и полях после падения памятного многим метеорита, и это что-то — не знаю правда, в каком качестве — несомненно обитает в них до сих пор. Так или иначе, я буду рад, когда вся эта жуткая местность скроется под водой. И надеюсь, что до той поры ничего не случится со стариком Пирсом. Он слишком часто встречался с этой тварью — а ведь она, как известно, не отпускает своих жертв. Не потому ли он так и не собрался перебраться в город? Не мог же он забыть последние слова умирающего Нейхема: «от него не уйти... оно притягивает... ты знаешь... все время знаешь, что будет худо... но поделать ничего нельзя». Эми такой милый старик — пожалуй, когда строители выедут на место, я накажу главному инженеру построже присматривать за ним. Мне ужасно не хочется, чтобы он превратился в пепельно-серое, визжащее, разваливающееся на куски чудовище, что день ото дня все чаще является мне в моих беспокойных снах.

НАСЛЕДСТВО ПИБОДИ (2)

1

Мне так и не довелось лично познакомиться с моим прадедом Эзафом Пибоди, хотя я достиг уже пятилетнего возраста к тому времени, как он отдал Богу душу в своей огромной старой усадьбе, лежавшей к северо-востоку от городка Уилбрэхем, штат Массачусетс. Из воспоминаний моего детства сохранилось лишь одно, связанное с поездкой в те края. Старик тогда уже был при смерти и не вставал с постели; отец с матерью поднялись в его спальню, оставив меня с няней внизу, так что я его даже и не увидел. По слухам, он был весьма состоятелен, но время сводит на нет любое богатство, как и вообще все в этом мире, ибо даже казалось бы вечному камню на деле отмерен свой срок — что уж тогда говорить о столь преходящем и ненадежном предмете, как деньги. Сплошь и рядом солидные некогда капиталы тают под возрастающим из года в год налоговым бременем, уносятся по

частям с каждой новой постигающей семью смертью. Вот уж чего-чего, а смертей в нашем семействе было предостаточно. За моим прадедом, скончавшимся в 1907 году, вскоре последовали двое моих дядьев — один был убит на Западном фронте, а другой пошел ко дну вместе со злосчастной «Лузитанией». Поскольку третий мой дядя умер еще раньше и никто из троих не был женат, все права на старинное поместье перешли к моему отцу сразу после смерти деда в 1919 году.

Отец мой, в отличие от большинства его предков, не был провинциалом. Не питая пристрастия к радостям деревенской жизни, он оставил унаследованный дом вместе с землями на произвол судьбы, а прадедовские капиталы вложил в несколько прибыльных предприятий в Бостоне и Нью-Йорке. Мать также не разделяла внезапно пробудившийся во мне интерес к сельской старине и в особенности к нашему затерянному где-то в провинциальной глуши родовому гнезду. Однако мои родители так и не пришли к согласию относительно его продажи, хотя я припоминаю один случай, когда во время очередного моего приезда домой из колледжа мать завела разговор на эту тему и предложила сбыть с рук бесполезное и не приносящее доходов имущество. Отец очень строго и холодно прекратил обсуждение вопроса; я помню этот его неожиданно оледеневший — не могу найти более подходящего определения — голос и его странное упоминание о каком-то неизвестном доселе «наследстве Пибоди». Вот в точности его тогдашние слова: «Дед предсказал, что когда-нибудь один из его потомков обретет наследство в полной мере». Мать на это презрительно фыркнула: «Что там еще за наследство? Разве отец твой уже давным-давно не пустил его по ветру за самым малым остатком?» Отец промолчал, ограничив свои доводы этой единственной ледяной фразой и оставив меня в убеждении, что существуют некие — и весьма серьезные — причины сохранять за собой право на эту собственность, как будто под словом «наследство» подразумевалось что-то иное, не могущее быть переданное другим лицам обычным законным порядком.

Однако сам отец так никогда и не собрался навестить заброшенную усадьбу; земельный и прочие налоги регулярно вносились в казну нашим поверенным Ахавом Хопкинсом, адвокатом из Уилбрэхема. Время от времени он присылал родителям отчеты о состоянии имущества, которые неизменно оставлялись ими без внимания, а на все предложения и советы «выделить средства на поддержание дома в мало-мальски приличном виде» они отвечали в том духе, что тратить на это свои деньги считают пустым и чуть ли даже не вредным занятием.

Итак, усадьба пребывала в запустении, и не похоже было на то, что со временем такое положение изменится. Пару раз адвокат по собственной инициативе пытался было сдать ее в аренду, но даже в период недолгого подъема деловой активности в Уилбрэхеме ему удалось привлечь туда лишь временных постояльцев, вскорости съехавших прочь и вновь предавших старый дом Пибоди в распоряжение ветров, дождей, солнца и неумолимо бегущих лет.

Таким образом и обстояли дела на момент, когда я вступил во владение наследством после трагической гибели моих родителей в автомобильной катастрофе осенью 1929 года. Несмотря на резкое падение цен на недвижимость и на биржевой кризис, разразившийся в конце того же года и ознаменовавший собой начало Великой Депрессии, я все же решился продать свою собственность в Бостоне и восстановить старинный особняк неподалеку от Уилбрэхема с тем, чтобы поселиться в нем самому. Смерть родителей сделала меня единственным владельцем довольно крупного состояния, и теперь я мог позволить себе отказаться от юридической практики, что и сделал без всякого сожаления, ибо данный род занятий требовал гораздо больше исключительной точности, аккуратности и внимания, чем я был расположен ему уделять по складу своего характера.

Теперь осуществление моих замыслов зависело от того, насколько быстро мог быть отремонтирован сельский дом — или хотя бы его часть, — куда я намеревался переезжать. Здание это возводилось на протяжении многих лет несколькими поколениями семьи Пибоди. Первоначально построенный в 1787 году дом являл собой типичный образчик старого колониального стиля — невысокий (второй этаж так и остался незавершенным), простой и строгой планировки, с четырьмя массивными колоннами по фасаду. Позднее это строение стало основой — если угодно, ядром — постепенно разрастающейся усадьбы. Каждое новое поколение ее обитателей что-нибудь переделывало или дополняло — сперва был надстроен второй этаж, куда вела винтовая лестница, затем появились боковые крылья и флигели; так что ко времени моего приезда этот обширный комплекс построек занимал уже более акра земли, если считать вместе с лужайкой и садом, столь же запущенными, как и все остальное хозяйство.

Благородная строгость линий, характерная для зданий колониального периода, была в значительной степени смягчена трудами сменявших друг друга строителей, не слишком озабоченных такими вещами, как цельность архитектурного облика; результаты их творческих поисков были видны повсюду — высокая остроконечная крыша дома вдруг как-то неуклюже пе-

реходила в покатую крышу мансарды, различной формы большие и малые — в том числе чердачные — окна были прорублены где попало, а широкий, украшенный затейливой резьбой карниз мог преспокойно соседствовать со своим донельзя примитивным подобием. В целом же, несмотря на все эти недостатки, старый дом произвел на меня благоприятное впечатление, хотя, пожалуй, иному знатоку он показался бы лишь жалкой, заведомо неудачной попыткой совмещения разных архитектурных стилей и видов декоративной отделки. При взгляде издалека, однако, усадьба во многом выигрывала за счет огромных вековых дубов и вязов, чьи роскошные кроны нависали над домом, окружая его с трех сторон; с четвертой же к нему примыкал старый сад, в котором среди неухоженных, буйно разросшихся кустов роз поднимались молодые тополя и березки. Да и сам дом с его потемневшими от времени стенами, на фоне которых терялись могучие стволы деревьев, хранил в себе черты если не былого великолепия, то, по крайней мере, какой-то особой мрачной торжественности.

Я насчитал в доме не менее двадцати семи комнат, три из которых, расположенные в юго-восточном крыле, показались мне наиболее подходящими для устройства своих апартаментов. Распорядившись насчет ремонта, я в течение всей осени и первой половины зимы периодически наезжал сюда из Бостона, чтобы лично проследить за ходом работ. Я видел, как старое дерево после очистки и вощения приобретает красивый теплый оттенок; а вскоре проведенное в дом электричество изгнало из комнат угрюмый полумрак, и лишь задержка с водопроводом отложила мой переезд до поздней зимы; но вот наконец этот день настал — двадцать четвертого февраля я переступил порог дома моих предков уже не только в качестве наследника, но и как его постоянный жилец. Весь следующий месяц я был занят составлением планов реконструкции остальной части усадьбы. Одно время я подумывал было об удалении некоторых позднейших элементов для того, чтобы воссоздать первоначальный облик дома, но потом отказался от этой затеи и решил оставить все как есть, сохранив тот колорит и тот своеобразный дух, что был привнесен многими поколениями живших здесь людей и многочисленными событиями, происходившими некогда в этих стенах.

К концу месяца я вполне освоился на новом месте и даже успел его полюбить; таким образом то, что казалось сперва лишь причудой, внезапным душевным порывом, обернулось теперь глубокой и устойчивой привязанностью. На мою беду, привязанность эта со временем зашла чересчур далеко, и я, сам того

не заметив, оказался на ложном пути, приведшем меня к результату, не имеющему ничего общего с моими исключительно благими намерениями. А началось все с того, что я замыслил перенести останки моих родителей, покоившихся на небольшом кладбище в Бостоне, в старый фамильный склеп семьи Пибоди, вырубленный в склоне холма неподалеку от дома и хорошо видный из его задних окон, хотя и совершенно незаметный с проходящего перед усадьбой шоссе. Мало того, я решил найти и доставить в Соединенные Штаты прах моего дяди, павшего на поле битвы где-то во Франции, и тем самым воссоединить почти всех членов нашего рода на исконных землях Пибоди. Подобная идея могла прийти в голову только склонному к уединению и затворничеству холостяку — то есть именно тому, кем я успел стать всего за один месяц, проведенный в огромном пустом доме в окружении чертежей и набросков, сделанных по моей просьбе местным архитектором, за месяц, ставший переломным в моей жизни и безвозвратно отдаливший меня от всего, что прежде составляло ее суть.

Таковы вкратце были причины, приведшие меня в один из последних дней марта ко входу в фамильный склеп со связкой ключей, которую мне передал мой уилбрахэмский поверенный. Само по себе сооружение отнюдь не бросалось в глаза — оно целиком находилось внутри холма, так что наружу выступала одна лишь массивная дверь, да и та была полускрыта деревьями и кустами, которые вот уже много лет никем не расчищались и не подстригались. Дверь, как и вся гробница, делалась с расчетом на века; строительство это велось практически одновременно с постройкой дома, и с той поры представители нескольких поколений нашей семьи, начиная со старого Джедедии Пибоди, нашли здесь свое последнее пристанище. Проникнуть внутрь оказалось не так уж легко — дверь как будто вросла в проем и очень долго сопротивлялась моим усилиям, но в конце концов подалась, и передо мной открылся черный зев склепа.

Мои покойные родственники покоились каждый в своем гробу — всего их было тридцать семь, иные в отдельных каменных нишах, иные просто внизу у стены. Впрочем, в первых с краю нишах находились уже не гробы, а то немногое, что от них осталось, а ниша, предназначенная для Джедедии, была вообще пуста — ни даже кучки праха там, где должен был стоять гроб. Все другие были на месте, располагаясь в строгом хронологическом порядке, за исключением гроба с останками моего прадеда Эзафа Пибоди — он почему-то оказался выдвинутым из длинного ряда гробов, установленных на особом уступе вдоль стены с нишами — здесь были все сравнительно недавно умершие члены

семьи, в том числе мой дед и один из моих дядьев. Внимательно осмотрев гроб Эзафа Пибоди, я к своему глубокому изумлению обнаружил следы постороннего вмешательства — кто-то явно пытался поднять крышку, судя по тому, что одна из крепежных петель была сломана, а остальные расшатаны и едва держались в своих гнездах.

Первым моим побуждением было поправить крышку и передвинуть гроб поближе к стене, но при этом я действовал недостаточно аккуратно, и крышка вдруг съехала набок, открыв моему взору внутренность гроба. Несколько долгих секунд я пребывал в странном оцепенении, отказываясь верить собственным глазам, ибо вследствие какой-то чудовищной ошибки Эзаф Пибоди был погребен лицом вниз — я не хотел даже думать о том, что мой прадед мог быть подвергнут этому обряду, находясь в состоянии каталепсии, и скончался в ужасных мучениях, стиснутый в узком пространстве без доступа воздуха и без всякой надежды на спасение. Теперь плоть его уже истлела, сохранились лишь кости до полусгнившие лохмотья одежды, и все же я счел своим долгом исправить последствия этой ошибки или — не дай Бог — несчастного случая. Я сдвинул крышку до конца и осторожно переложил череп и кости, придав скелету подобающее покойнику положение. При этом я не испытывал ни страха, ни отвращения, вполне допустимых в таких обстоятельствах; наоборот, мои действия представлялись мне совершенно естественными. Надо заметить, что все пр исходило средь бела дня, солнечный свет врывался в раскрытую дверь, проникая сквозь голые кроны деревьев и рассыпая по пыльному полу мозаику ярких пятен — словом, склеп в этот час не выглядел таким уж зловещим и мрачным. Только теперь я вспомнил о главной цели своего визита — я хотел выяснить размеры помещения и убедиться, что в нем хватит места для моих родителей, моего дяди — если останки его будут привезены из Франции — и для меня самого. Результаты осмотра меня вполне удовлетворили.

Выйдя затем наружу, я запер дверь и зашагал в сторону дома, попутно прикидывая, сколько времени могут занять поиски и доставка на родину праха покойного дяди, и перебирая в уме наилучшие пути и средства осуществления данного предприятия. Тем же днем я написал и отправил два письма — одно к официальным властям в Бостоне с просьбой разрешить вскрытие могилы моих родителей, а другое в соответствующие инстанции местного округа, сообщая о своем желании перезахоронить их в фамильном склепе.

2

Именно с той самой ночи — если мне не изменяет память — и потянулась цепочка необычайных событий, в центре которых оказалось старое поместье Пибоди. Сказать по правде, я и раньше по некоторым туманным намекам мог догадаться, что с этим домом не все ладно — адвокат Хопкинс, почтенный пожилой джентльмен, вручая мне связку ключей еще во время первого моего приезда, как-то уж очень настойчиво интересовался моими дальнейшими планами и, узнав, что я хочу здесь поселиться, повторил свой вопрос, как будто не веря в серьезность моих намерений. Позднее по ходу разговора он не раз подчеркивал, что дом этот — «место весьма уединенное», что соседи-фермеры в прошлом «не очень-то жаловали семью Пибоди» и, наконец, что никакие пришлые арендаторы «не могли сколько-нибудь долго там продержаться».

— Это одно из тех мест, — говорил он, стараясь придать лицу многозначительно выражение, — в которые никто и никогда не выезжает на пикник. Там вы не найдете ни одной бумажной тарелки или салфетки, поверьте моим словам!

Не скупясь на подобного рода двусмысленные и неопределенные замечания, старик однако всячески избегал упоминать о конкретных вещах и событиях, могущих подтвердить справедливость его опасений. Оно и не удивительно, поскольку фактов-то как раз и не было — не принимать же всерьез хмурые взгляды соседей, по какой-то им самим вряд ли известной причине обходящих далеко стороной обширный участок в самом сердце массива плодородных земель. Владения мои, общей площадью около сорока акров, были по большей части заняты лесом, а вокруг во всех направлениях простирались четкие квадраты возделанных полей, разделенных каменными стенками или оградами из жердей, вдоль которых тянулись ряды деревьев и густые заросли кустарника, дававшие приют многочисленным птицам. Обдумав слова старого адвоката, я пришел к выводу, что столь странное — если не сказать предвзятое — отношение к усадьбе передалось ему от моих соседей, благо он был связан с ними родством. Эти люди — суровые, крепкие, немногословные — были из той же породы коренных янки, что и Пибоди, отличаясь от последних разве что большей привычкой к труду и более прочной привязанностью к своей земле.

Но вернемся к той ночи — а это была одна из ночей, когда мартовский ветер с особой силой поет и стонет в ветвях деревьев, — во время которой меня впервые посетило ощущение, что я нахожусь в доме не один. Потревожившие меня посторонние

звуки мало походили на шаги, правильнее было бы назвать это просто движением — что-то беспрестанно передвигалось по второму этажу взад и вперед, в пределах какого-то небольшого пространства. Я вышел в темный пустой холл, откуда вела наверх винтовая лестница, и прислушался — мне показалось, что звуки медленно спускаются вниз; временами совершенно отчетливые, они порой понижались до обманчиво тихого шороха; я стоял неподвижно и слушал, слушал, слушал, пытаясь определить их источник, найти им какое-нибудь рациональное объяснение. Ничего подобного мне прежде слышать не приходилось; в конечном счете я решил, что это могла быть одна из ветвей нависавшего над домом дерева, которая, раскачиваясь на ветру, скребла по стене или крыше и создавала эффект чужеродного присутствия в верхних комнатах. Удовлетворившись такой азгадкой происходящего, я вернулся в свою спальню; в дальнейшем странные шумы меня уже не беспокоили, и вовсе не потому что они прекратились, отнюдь — просто я потерял к ним интерес, дав всему этому убедительное обоснование.

Куда меньше мне повезло со сновидениями, посещавшими меня этой ночью. Обычно я вообще сплю без снов, но на сей раз самые невероятные образы вставали передо мной как нельзя более явственно; я оказался в роли пассивного наблюдателя, пространственные и временные барьеры были разрушены, слуховые и зрительные иллюзии сменяли одна другую, но особенно четко запечатлелись в моем сознании темная мрачная фигура в широкой шляпе с коническим верхом и еще одно столь же призрачное существо, неизменно присутствовавшее рядом с первым. Этих двоих я видел словно сквозь дымчатое стекло, а окружающие их предметы были замутнены и преломлены, как будто отгороженные от меня толстой полупрозрачной стеной. В сущности, это был не сон в полном смысле слова, а лишь обрывки видений без конца и начала, открывавшие мне иной, причудливо-гротескный мир, иное измерение, несовместимое с реалиями повседневной жизни. Когда эта ночь, наконец, прошла, я очнулся на своей койке совершенно измученным и разбитым.

На следующий день меня посетил архитектор, занимавшийся составлением планов переустройства дома и принес известие, чрезвычайно меня заинтересовавшее. Это был молодой еще человек, свободный от предрассудков и не верящий во всякие дурацкие легенды, какими обычно обрастают заброшенные старые усадьбы, особенно если они расположены в сельской глуши.

— Человек непосвященный никогда бы не догадался, что в этом доме имеется секретная комната, — сказал архитектор, —

что-то вроде тайника. Взгляните сюда, — он развернул на столе свои чертежи и расчеты.

— Вы в этом вполне уверены? — спросил я.

— Думаю, это либо потайная молельня, — предположил он, — либо укрытие для беглых рабов.

— Я ничего такого не замечал.

— Я пока тоже. Но вот посмотрите... — и он ткнул пальцем в план здания, вычерченный им после осмотра и замера всех внутренних помещений и фундамента. На втором этаже в самой старой части дома, согласно расчетам, должна была находиться еще одна комната, протянувшаяся вдоль всей северной стены. Разумеется, ни о какой тайной молельне не могло быть и речи — в нашем роду никогда ни водилось папистов. Что же касается беглых рабов — это было как будто похоже на правду. но, с другой стороны, во времена, когда строилась эта часть здания, бегство рабов с юга в Канаду еще не было достаточно распространенным явлением и вряд ли могло стать причиной создания специального тайника. Нет, данная версия также не подходила.

— И вы уверены, что можете прямо сейчас показать мне эту комнату? — спросил я.

— Ее там просто не может не быть.

И действительно, комната была там, где он указывал. Очень умело и тщательно скрытая, хотя отсутствие окон в северной стене спальни могло бы и раньше навести меня на определенные догадки. Ведущая в комнату дверь была замаскирована тонкой резной отделкой по красному кедру, что сплошь покрывала всю стену. Обнаружить дверь, не зная заранее о существовании комнаты, было делом крайне сложным, ибо она не имела ничего, хотя бы отдаленно напоминающего ручку, а открывалась посредством нажатия на один из многочисленных выступов резьбы. Честь этой находки также принадлежала архитектору, который, как человек сведущий в таких вещах, сориентировался гораздо быстрее меня, после чего я еще несколько минут простоял на пороге, изучая заржавленный механизм двери и пытаясь понять принцип его действия.

Наконец мы вошли внутрь и оказались в небольшом замкнутом помещении. Для потайной молельни, впрочем, оно было даже велико, достигая в длину десяти футов — при ширине значительно меньшей — и ограничиваясь у противоположного конца скатом крыши. По всем признакам, здесь давно уже никто не бывал, и вещи оставались нетронутыми в течение многих лет — различные бумаги и книги лежали на своих местах под толстым слоем пыли, а столь же запыленные стулья были придви-

нуты к расположенному у стены небольшому письменному столу.

В целом комната имела на редкость необычный вид. При своих сравнительно малых размерах она казалась абсолютно лишенной прямых углов, как будто строители намеренно старались удивить и озадачить ее будущих хозяев последовательным искажением естественных очертаний и нарушением всех пропорций. Кроме того, пол у нас под ногами оказался покрыт странными узорами и письменами, частью нарисованными, а частью просто вырезанными на дощатых половицах. Будучи выполнены в самой что ни на есть грубой и примитивной манере, эти узоры образовывали в конечном счете подобие окружности, вдоль внутренней и внешней сторон которой располагались рисунки — один только взгляд на них вызвал у меня внезапный приступ ужаса и отвращения. Похожие чувства я испытал при осмотре письменного стола — он был какого-то непонятного, скорее черного, нежели коричневого цвета и казался частично обугленным; думается, этому предмету мебели доводилось в свое время выполнять функции, весьма далекие от обычных функций письменного стола. На столешнице беспорядочной грудой были навалены древние книги в переплетах из какого-то особого сорта кожи, в числе коих был и один толстый рукописный фолиант, переплетенный аналогичным образом.

Более подробный осмотр пришлось отложить, поскольку сопровождавший меня архитектор, убедясь в правильности своей догадки относительно тайника и потешив тем самым свое профессионально самолюбие, не пожелал далее здесь оставаться и заявил, что спешит по весьма неотложным делам.

— Итак, что мы будем делать с этой комнатой — сломаем перегородку, прорубим окно? — спросил он и напоследок добавил. — Конечно же, вы не захотите оставить ее в таком виде.

— Не знаю, — ответил я. — Там поглядим. Все будет зависеть от того, представляет ли она интерес с исторической точки зрения.

Разумеется, я не спешил ликвидировать комнату, относившуюся — как я считал — к числу самых старых в усадьбе. Прежде всего я хотел осмотреть ее более основательно, заглянуть в старинные книги, разобраться со всеми записями и рисунками. Кроме того у нас с архитектором уже был намечен план первоочередных работ, и таинственное помещение наверху могло пока обождать. Так что никакого решения по этому вопросу принято не было.

Я рассчитывал уже на другой день вплотную заняться обследованием комнаты, но мне помешал целый ряд непредвиденных

обстоятельств. Во-первых, я провел еще одну беспокойную ночь; меня вновь преследовали все те же кошмары, происхождение которых я не мог объяснить, ибо с ранних лет не был подвержен сновидениям, исключая лишь те случаи, когда они вызывались состоянием горячки во время болезни. Главными же персонажами моих снов, как выяснилось позднее, были мои собственные предки — что само по себе не так уж и удивительно, поскольку я спал в их доме. Говоря точнее, я узнал только одного из своих предков, а именно — длиннобородого старика в черной шляпе с коническим верхом. Лицо его, прежде мне незнакомое, я утром увидел на портрете моего прадеда Эзафа Пибоди, висевшем среди прочих портретов в нижнем холле здания. В моих снах старик был наделен сверхъестественной способностью перемещаться по воздуху и проникать сквозь стены. Я, например, хорошо запомнил его резко очерченный силуэт, шагающий в пустоте меж верхушек огромных деревьев. И везде, где бы он ни появлялся, его сопровождал большой черный кот, столь же неподвластный законам времени и пространства. Мои сновидения не располагались в какой-то определенной последовательности и не были связаны между собой; в этих неожиданно сменявших одна другую сценах, как в калейдоскопе, возникали и вновь исчезали мой покойный прадед, его черный кот, старый дом и разнообразные предметы его обстановки. Все это очень напоминало сны, посещавшие меня предыдущей ночью — опять было ощущение встречи с неким неведомым миром и перехода в отличное от нашего измерение, только на сей раз видения были еще более отчетливыми. Продолжалось это всю ночь вплоть до рассвета.

В первой половине дня, когда я не успел еще толком прийти в себя после ночных кошмаров, явился архитектор и добавил к моим неприятностям еще одну, сообщив о новой задержке ремонтных работ в усадьбе. Он явно пытался избежать каких-либо вразумительных объяснений, но я был настойчив, и в конечном счете он сознался, что нанятые им накануне работники из числа местных жителей сегодня рано утром все как один уведомили его об отказе, заявив, что не желают участвовать «в этом деле». Он, однако, заверил меня, что если я соглашусь немного подождать, он без особого труда и по сходной цене найдет новых рабочих, поляков или итальянцев, стоит лишь сделать соответствующий запрос в Бостоне. У меня не было иного выбора, да и, честно сказать, я не был столь уж раздражен задержкой, как хотел это продемонстрировать, ибо с недавних пор меня начали мучить сомнения в нужности и уместности всех намеченных мной перестроек. Ведь, по сути дела, вполне хватило бы лишь укрепления отдельных конструкций старого здания, что помог-

ло бы сохранить своеобразное очарование, заключавшееся именно в его древности. Словом, я попросил архитектора спокойно и без лишней спешки делать все, что он сочтет нужным для найма рабочих, а сам тем временем покинул поместье и отправился в Уилбрэхем, дабы произвести закупки продуктов и кое-каких необходимых материалов.

Здесь практически с первых шагов я столкнулся с недоброжелательным к себе отношением. Если прежде местные жители или вовсе не обращали на меня внимания, поскольку с большинством из них я не был знаком, или отделывались небрежным кивком и парой незначащих фраз, то в это утро они все дружно меня избегали, отворачивались, не вступая в разговор, и даже как будто боялись быть замеченными в каком-либо со мной общении. Продавцы в лавках были до такой степени лаконичны, что это граничило уже с откровенной грубостью; всем своим видом они решительно желали показать, что такой покупатель им только в тягость, и что они вообще предпочли бы не иметь со мной никаких дел. Подумав, я решил, что причиной тому был распространившийся слух о моих планах обновления усадьбы Пибоди, что в свою очередь могло вызвать их недовольство либо как попытка разрушить редкий, по своему уникальных образец местной сельской архитектуры, либо — что более вероятно — как намерение продлить жизнь обширного поместья, которое в ином случае после сведения лесов и ликвидации дома перешло бы в руки соседних землевладельцев и было бы надлежащим образом ими освоено и возвращено в хозяйственный оборот.

Постепенно, однако, мое недоумение на сей счет начало уступать место досаде и возмущению. В конце концов, я не был каким-то там отщепенцем или изгоем и ничем не заслужил такого к себе отношения. Одним словом, к тому моменту, как я вошел в двери адвокатской конторы Ахава Хопкинса, я был уже изрядно заведен и выложил старику свое негодование в выражениях, гораздо более пространных и резких, чем было у меня в обычае, хотя и не раз по ходу своей речи замечал, что он чувствует себя очень неловко.

— Ну же, мистер Пибоди, — сказал он наконец, стремясь как-то сдержать поток моих гневных излияний, — на вашем месте я бы не стал так волноваться по этому поводу. Ведь людей тоже можно понять: они все глубоко потрясены, и, к тому же, они здесь все очень суеверны. Согласитесь, что при том настроении умов, которое, сколько я себя помню, всегда преобладало в наших краях, подобное жуткое происшествие вполне может быть истолковано в самом превратном — с точки зрения образованного человека — смысле.

Эти слова Хопкинса и особенно та мрачность, с какой они были произнесены, порядком меня озадачили.

— Вы сказали — жуткое происшествие? Прошу меня извинить — я, верно, не знаю чего-то, что знают все.

Он поднял на меня глаза, и взгляд его был столь странен, что я теперь уже совершенно растерялся.

— Мистер Пибоди, по той же дороге, что и вы, но двумя милями дальше живет семейство Тэйлоров. Я лично хорошо знаком с Джорджем Тэйлором. У них десять детей — или, точнее сказать, было десять детей. Прошлой ночью один из двух младших мальчиков — ему только пошел третий год — был выкраден прямо из кровати, причем злоумышленника никто не видел и он не оставил после себя ни малейших следов.

— Я искренне сожалею, поверьте. Но каким образом все это может касаться меня?

— Я уверен, вы здесь ни при чем, мистер Пибоди. Но вы появились у нас недавно и человек сравнительно чужой, а... впрочем, все равно вы это узнали бы рано или поздно... словом, фамилия Пибоди не пользуется у нас большой популярностью, скорее наоборот — у многих в здешней округе она вызывает сильнейшее раздражение и даже ненависть.

Я больше уже не пытался скрыть свое изумление.

— Но почему?

— Видите ли, очень многие люди слепо верят всякого рода сплетням, как бы они ни были смехотворно нелепы, — Хопкинс чуть помолчал и продолжил. — Вы уже достаточно взрослый и серьезный человек и, надеюсь, в состоянии понять и оценить, что это значит — особенно для такой сельской глубинки, как наша. Еще в бытность мою ребенком о вашем прадеде рассказывали массу всяческих небылиц, но факты таковы: в течение всех лет, что он прожил в своем поместье, у многих семей в этих местах периодически исчезали маленькие дети, причем исчезали бесследно, так что сегодня всем старожилам первым же делом пришло в голову сопоставить два разных события: появление в усадьбе нового человека из семейства Пибоди и новое чудовищное преступление, по всем признакам чрезвычайно похожее на те трагедии, которые молва всегда связывала с одним из членов вашего рода.

— Но это же абсурд!

— Безусловно, вы правы, — поспешно согласился старый адвокат, но в голосе его, вполне любезном и дружелюбном, не чувствовалось уверенности, — однако все обстоит именно так, как я вам описал. И потом, сейчас уже апрель, и до Вальпургиевой ночи осталось меньше месяца.

Боюсь, при последних его словах я побледнел настолько, что это уже не могло остаться незамеченным.

— Полноте, мистер Пибоди, — сказал Хопкинс, неудачно пытаясь войти в шутливо-фамильярный тон, — уж вы-то наверняка знаете, что здесь все и всегда считали вашего прадеда чернокнижником и колдуном!..

Когда я несколько минут спустя покидал дом этого славного джентльмена, мысли мои пребывали в ужаснейшем беспорядке. Несмотря на приводившие меня в ярость презрительные и — как я не без злорадства отметил — испуганные взгляды встречных обывателей, я был гораздо сильнее обеспокоен одним внезапно закравшимся мне в душу подозрением: а не было ли и впрямь какой-то связи между событиями этого дня и тем, что привиделось мне прошлой ночью? Итак, попробуем рассуждать здраво: накануне мой незабвенный предок является мне в ряде неясных и причудливых сновидений, а на следующий день о нем вдруг заходит разговор при обстоятельствах, уже гораздо более зловещих и — что особенно важно — более реальных. Хотя, с другой стороны, я узнал в городке не так уж много, разве что выяснил причину неприязненного отношения местных жителей к Эзафу Пибоди — они, народ в большинстве своем невежественный и суеверный, считали его магом, колдуном, злым волшебником — в общем, тем, кто знается почем зря со всякой нечистой силой; но это было всего лишь их субъективное мнение. Не стараясь теперь уже соблюдать хотя бы видимость приличия, я протолкался сквозь группу людей, которые, в свою очередь шарахались от меня, как от прокаженного, уселся в свой автомобиль и поехал обратно в усадьбу. По приезде нервы мои подверглись еще одному испытанию — к двери был прибит гвоздями большой кусок фанеры, на котором кто-то из моих безграмотных соседей коряво нацарапал карандашом: «ПРОВАЛИВАЙ ПРОЧ — А ТО БУДИТ ХУДО».

3

Отчасти, быть может, под влиянием всех описанных выше неприятных событий следующая ночь прошла еще тревожнее, чем две предыдущих. Единственным, хотя и немаловажным, отличием была достаточно последовательная смена видений и цельность общей картины сна. Опять мне являлся мой прадед Эзаф Пибоди, но сейчас отдельные черты его внешности, ранее не бросавшиеся в глаза, как бы разрослись, обрели пугающие вес и значимость. Огромный черный кот был при нем и тоже выглядел весьма угрожающе — шерсть дыбом, уши нацелены прямо

вперед, хвост поднят торчком; в таком виде эта тварь сопровождала своего хозяина, беззвучно скользя у его ноги или чуть позади. Старик нес в руках какой-то предмет — не могу сказать в точности, что это было, поскольку изображение начало расплываться и я увидел только большое белое или бледно-розовое пятно. Он двигался через лес, через поля и огороды, мимо темных домов и отдельно стоящих деревьев; он проходил какими-то узкими коридорами, а один раз — могу поклясться — я видел его внутри глухого закрытого склепа или гробницы. Кроме того, я неоднократно узнавал в декорациях снов отдельные внутренние помещения старой усадьбы. Этой ночью у Эзафа Пибоди объявился еще один постоянный спутник — Черный Человек, не негр, нет, гораздо чернее, чернее ночи, чернее самой тьмы; Он держался все время немного поодаль, и лишь иногда я угадывал страшный уродливый лик в том сгустке мрака, из глубины которого мрачно сверкали два огненно-красных глаза. Были там еще всевозможные мелкие твари, то и дело мелькавшие рядом со стариком: крысы, летучие мыши, еще какие-то отвратительные существа — помесь крысы и человека. Временами до меня даже доносились звуки — сдавленный крик, детский плач и одновременно дикий торжествующий хохот, а затем чей-то монотонный голос нараспев произнес: «Эзаф уже возвращается. Эзаф уже начинает расти».

Когда я наконец очнулся и увидел, как предрассветные сумерки медленно вливаются в окно спальни, я долго не мог отделаться от звуков детского плача, который, казалось, раздавался где-то поблизости, уже внутри самого дома. Больше я не засыпал, но продолжал лежать неподвижно с широко открытыми глазами и думать о том, какие еще новые сюрпризы принесет мне грядущая ночь, и следующая за ней и еще многие другие ночи, подобные этой.

Приезд из Бостона бригады рабочих-поляков временно отвлек меня от всех тревог, связанных с ночными кошмарами. Старший над ними, коренастый мужчина по имени Джон Чичиорка — или что-то вроде того — оказался малым весьма толковым и пользовался у подчиненных непререкаемым авторитетом. На вид ему было лет пятьдесят, и я особо отметил его на редкость хорошо развитую мускулатуру; приказания, которые он отдавал трем другим рабочим, исполнялись ими с какой-то даже чрезмерной поспешностью — заметно было что они побаиваются его гнева. По словам бригадира, они договорились с моим архитектором, что прибудут сюда через неделю, так как у них еще оставалась одна незаконченная работа в Бостоне, но ту работу внезапно пришлось отложить, и вот они здесь; из Бостона поля-

ки отправили архитектору телеграмму с сообщением о своем скором приезде. Они, в сущности, были готовы приступить к работе немедленно, не дожидаясь архитектора, поскольку тот еще в прошлую встречу передал им необходимые планы и чертежи и ввел бригадира в курс дела.

Не долго думая, я дал им первое задание — снять слой штукатурки с северной стены комнаты, находившейся на первом этаже как раз под тайником. При этом им следовало действовать осторожно и аккуратно, дабы не повредить стойки, поддерживавшие перекрытия второго этажа. В дальнейшем предстояло очистить все стены комнаты и заново их оштукатурить, так как старый раствор, изготовленный когда-то вручную, еще дедовским способом (в чем я убедился, осмотрев один из первых отколотых ими кусков) давно уже выцвел и растрескался, сделав эту комнату практически непригодной для проживания. Такие же точно ремонтные работы были совсем недавно проведены в той части дома, которую я в данный момент населял, но тогда это заняло куда больше времени, поскольку изменения вносились не только в отделку, но и в планировку всех помещений.

Я понаблюдал немного за их работой, а затем пошел к себе и начал было уже привыкать к равномерному грохоту молотков и треску отдираемых планок, когда вдруг разом наступила тишина. Подождав несколько секунд, я поднялся со стула и вышел в нижний холл, где и застал все троих неподвижно сгрудившимися у стены. Но вот они попятились назад, торопливо осеняя себя крестными знамениями, а затем сорвались с места и, толкая друг друга, ринулись вон из дома. Пробегая мимо меня, Чичиорка прокричал какое-то невнятное ругательство — должно быть, по-польски, — лицо же его было искажено страхом и яростью. Мгновение спустя вся компания была уже на улице, мотор их машины взревел на максимальных оборотах, взвизгнули рессоры, и шум этот начал стремительно удаляться от усадьбы.

Крайне удивленный и обескураженный, я повернулся и посмотрел на то место, где только что велись работы. Они успели уже снять значительную часть штукатурки и сетки, на которой та лепилась, их рабочие инструменты все еще валялись на полу. Последнее, что они сделали — это вскрыли часть стены сразу за плинтусом, где с прошлых лет накопилось огромное количество разного хлама и мусора. Только приблизившись к стене почти вплотную, я смог разглядеть то, что привело этих бездельников в такой неописуемый ужас и заставило столь паническим образом покинуть мой дом.

У основания стены, в узком пространстве за плинтусом, среди давно пожелтевших, обглоданных мышами бумаг, на которых

тем не менее еще можно было различить странные каббалистические рисунки и знаки, среди жутких орудий смерти и уничтожения — коротких ножей и кинжалов, заржавевших скорее от крови, чем от сырости — лежали маленькие черепа и кости как минимум троих детей!

Я далеко не сразу поверил собственным глазам — выходит, все эти пустые нелепые бредни, которых я накануне вдоволь наслушался у Ахава Хопкинса, не были столь уж нелепыми и пустыми? За один-единственный миг я понял очень многое. Итак: при жизни моего прадеда в окрестностях усадьбы с удивительным постоянством бесследно исчезали дети; его подозревали в черной магии и колдовстве, в исполнении тайных сатанинских обрядов, составной частью которых было жертвоприношение невинных младенцев, — и вот здесь, в стенах дома я нахожу неоспоримые доказательства, подтверждающие правоту тех, кто обвинял его в нечестивых и гнусных деяниях.

Выйдя наконец из состояния шока, я понял, что мне надлежит действовать как можно быстрее. Если об этом открытии станет известно в округе, мое дальнейшее пребывание здесь превратится в нескончаемую травлю — об этом уж позаботятся все чадолюбивые и богобоязненные соседи. Оставив колебания, я бросился в свою комнату, схватил первую попавшуюся картонную коробку, вернулся к пролому и тщательно собрал в нее все, что мне удалось найти, вплоть до мельчайшей косточки. Затем я перенес этот страшный груз в наш фамильный склеп и высыпал кости в пустую нишу, некогда хранившую в себе тело Джедедии Пибоди. По счастью, хрупкие детские черепа в процессе транспортировки, раскрошились на мелкие осколки, так что со стороны все это теперь смотрелось лишь как полуистлевшая груда останков давным-давно умершего человека, и только специальная экспертиза могла бы установить происхождение костей, — экспертиза, необходимость которой в данном случае вряд ли кому могла прийти в голову. Таким образом я успел уничтожить улики и был готов отрицать как досужий вымысел или как обман зрения все, что бы ни наговорили рабочие архитектору. Впрочем, на сей счет я беспокоился зря, ибо насмерть перепуганные поляки так и не открыли ему настоящую причину своего бегства из усадьбы.

Между тем я не стал ждать приезда архитектора, чтобы узнать от него все эти подробности — в конце концов такого рода происшествия должны были больше волновать его, чем меня, поскольку наем работников для усадьбы значился в условиях заключенного с ним контракта, но, следуя неизвестно откуда возникшему инстинктивному побуждению, отправился наверх в

тайную комнату, прихватив с собой мощный электрический фонарь и вооружась твердым намерением покончить раз и навсегда со всеми загадками этого дома. Долго искать мне не пришлось — едва луч света упал в открывшийся проем двери, как по спине моей пробежал холодок, — на полу рядом со следами, оставленными мной и архитектором во время нашего первого краткого визита, были отчетливо видны иные, еще более свежие следы; стало быть, некто — или нечто — посещал эту комнату совсем недавно, уже после нас. Следы были хорошо различимы, и мне не составило труда определить, что одни из них принадлежали босым ногам человека, а другие — я совершенно уверен — кошачьим лапам. Но наибольшее впечатление на меня произвел даже не сам факт чьего-то незримого присутствия, а то, что следы брали начало из северо-восточного угла комнаты, где, учитывая ее уродливо-абсурдную геометрию, не было достаточно пространства для передвижения не только человека, но даже и кота — под таким наклоном сходились в этом месте пол и крыша. И все же именно здесь, судя по следам, эти двое впервые появились в комнате, отсюда следы вели уже к черному столу, на котором я обнаружил последнее и самое жуткое свидетельство их пребывания; причем, увлекшись изучением следов, я заметил его лишь тогда, когда уже в буквальном смысле ткнулся в стол носом.

Поверхность стола была покрыта еще не засохшими пятнами какой-то темной жидкости. Небольшая — около трех футов диаметром — лужа этой жидкости скопилась и на полу; рядом с нею в пыли была видна отметина, оставленная не то валявшимся здесь котом, не то куклой или еще каким свертком. Я направил туда луч фонаря, пытаясь определить, что же это такое, затем посветил на потолок в надежде обнаружить дыру, через которую могли бы проникнуть капли дождя, но тут же вспомнил, что со времени моего первого прихода в эту комнату дождей не было вообще. После этого я опустил в лужицу указательный палец и поднес его к свету — жидкость была красной, как кровь — и одновременно я понял, что ничем иным кроме крови она и не могла быть. Каким образом оказалась она в этом месте, я боялся даже предполагать.

К тому времени в голове моей теснилось множество самых ужасных догадок, но я пока не мог свести их к одному логическому заключению. Чувствуя, что здесь мне больше делать нечего, я задержался у стола еще на пару секунд лишь для того, чтобы прихватить с собой несколько толстых старинных книг и лежавшую чуть в стороне рукопись, и со всем этим быстро отступил из комнаты, пугавшей и подавлявшей меня своими не-

мыслимыми изломами стен и демонической игрой светотени меж нависающих потолочных выступов. Очутившись, наконец, в более прозаической обстановке, я почти бегом направился в обжитую часть дома, прижимая к груди свою ношу и испытывая вместе со страхом нечто похожее на чувство вины.

Удивительно, но едва открыв принесенные книги, я пришел к убеждению, что каким-то образом уже знаком с их содержанием. И это при том, что я никогда ранее их не видал и даже не имел понятия о существовании трудов с такими названиями, как «Malleus Maleficarum» и «Daemonialitas» (3) Синистрари. Все они имели самое непосредственное отношение к черной магии и колдовству и содержали огромное количество разных древних легенд и магических заклинаний, обстоятельных описаний уничтожения колдунов и ведьм путем их сожжения, а равно описаний средств и способов перемещения нечистой силы — «среди коих наиболее частым является телесное перемещение из одного места в другое... в окружении бесовских призраков и фантомов, обыкновенно, как сами ведьмы в том признаются, посредством езды под покровом ночи верхом на зверях и чудищах самого невероятного обличья... либо просто ступая пешком по воздуху, выходя из невидимых глазу отверстий, созданный и существующих исключительно для их пользы и недоступных никому другому. Сатана собственнолично обволакивает сонными грезами душу человека, которым он пожелает завладеть, и направляет ее блуждать по одному ему ведомым адским путям... Они пользуются особой мазью, изготовленной по дьявольским рецептам и наставлениям из крови убиенных ими младенцев, каковой мазью они покрывают метловище или стул, обычно служащие им как орудия для перемещения; совершив указанное действо, они сей же час, будь то день или ночь, поднимаются в воздух, по желанию своему становясь недоступными для людских взоров либо же смущая оные зрелищем сего бесовского наваждения...» Я не стал читать дальше, а, отложив эту книгу в сторону, взялся за Синистрари.

И почти сразу же мне на глаза попался отрывок следующего содержания: «Promittunt Diabolo statis temporibus sarificia, et oblaciones; singulis quindecim diebus, vel singulo mense saltem, necem alicijus infantis, aut mortale veneficium, et singulis hebdomadis alia mala tes, incendia, mortem animalium...», подробно излагающий то, как ведьмы и колдуны в четко определенное время осуществляют ритуальные убийства детей или иные магические обряды, связанные с принесением человеческих жертв. Одно только чтение этих строк наполнило мою душу неописуемым смятением и тревогой, так что я оказался уже не в состоя-

нии достаточно внимательно ознакомиться с остальными книгами, ограничившись лишь прочтением их заглавий — «Vitae sophistrarum» Евнапиуса, «De Natura Daemonum» Анания, «Fuga Satanae» Стампа, , «Discurs des Sorciers» Буге и еще одной не имеющей заглавия работы Олауса Магнуса; обложки томов были обтянуты гладким черным материалом, который, как я определил уже позднее, был ни чем иным, как натуральной человеческой кожей.

Столь характерный подбор книг сам по себе уже выдавал наличие здесь чего-то большего, нежели простое любопытство и интерес ко всему, что касается магии и колдовства; я вновь убедился в том, что зловещие слухи о моем прадеде, в изобилии бродившие по Уилбрэхему и его окрестностям, не зря были столь живучи, ибо они имели под собой достаточно серьезные основания. Но книги книгами (о них, впрочем, могли знать очень немногие), а здесь было что-то еще. Что именно? Человеческие кости, спрятанные в простенке под тайником недвусмысленно намекали на страшную связь между поместьем Пибоди и чередой нераскрытых преступлений, с неумолимой регулярностью потрясавших всю округу в течение многих лет. Однако никаких конкретных свидетельств, могущих указать на причастность к этим делам Эзафа Пибоди, не существовало — по крайней мере, до настоящего дня. Значит, в образе жизни и поведении моего прадеда должны были присутствовать еще какие-то более очевидные черты — кроме его нелюдимости и той репутации скряги, о которой мне было известно еще в детские годы, — какие-то иные обстоятельства, что должны были связать в умах людей угрюмого отшельника с происходившими вокруг трагическими событиями. Я не рассчитывал найти ключ к этой загадке в содержимом тайной комнаты, но нужные мне сведения вполне могли оказаться в старых подшивках «Уилбрэхемской Газеты», имевшихся в местной библиотеке.

Сказано — сделано, и вот спустя всего полчаса я уже сидел в книгохранилище сего достойного заведения, склонившись над толстыми пачками пожелтевших страниц. Занятие это было далеко не из приятных и поглощало массу времени, так как мне приходилось изучать от начала и до конца все номера «Газеты», относившиеся к последним годам жизни моего прадеда без сколько-нибудь реальных надежд на успех; правда, следует признать, что пресса того времени была в значительно меньшей степени ограничена условностями жанра и стеснена официальными запретами, чем нынешние издания. Просидев за столом более часа, я не нашел ни одного упоминания о старой усадьбе или ее владельце, хотя неоднократно встречал — и всегда внимательно

прочитывал — отчеты о «вопиющих злодеяниях», совершенных неподалеку от наших мест, жертвами которых, как правило, оказывались дети. Все эти заметки неизменно сопровождались редакционными комментариями, особо выделявшими те показания очевидцев, где говорилось о странном «животном», которое «представляло собой существо черного цвета и крайне подозрительного вида и могло в зависимости от обстоятельств увеличиваться, либо уменьшаться в объеме, иногда будучи ростом с обыкновенного кота, а в иных случаях превышая размерами льва». Подобная путаница в показаниях вполне справедливо объяснялась игрой воображения свидетелей, которые за редким исключением были детьми не старше десяти лет, порой сильно покусанными и покалеченными, но все же избежавшими участи их менее удачливых сверстников, бесследно пропадавших через определенные промежутки времени на протяжении всего 1905-го года, подшивку за который я наугад выбрал для просмотра. И при всем том ни разу, ни в одном номере не упоминался Эзаф Пибоди — так продолжалось вплоть до самого года его смерти.

Только тогда в печати появилась небольшая статья, в которой было по своему отражено расхожее мнение о моем прадеде. «Эзаф Пибоди покинул этот мир; но о нем долго еще будут помнить в наших краях. Среди местных жителей было немало таких, кто приписывал ему сверхъестественные способности и власть над силами тьмы, то есть нечто, происходящее из глубин далеких и мрачных столетий и совершенно не подобающее нашему просвещенному веку. В свое время фамилия Пибоди значилась в списке обвиняемых на знаменитом Салемском процессе (4) ведьм; позднее именно из Салема приехал сюда и построил свой дом близ Уилбрэхема Джедедия Пибоди. Само собой разумеется, что слухи, ходящие вокруг этого семейства, как и всякие суеверия вообще, не основываются на реальных фактах. Исчезновение старого черного кота Эзафа Пибоди, которого никто не видел со дня смерти хозяина, является не более чем простым совпадением. До сих пор еще не прекратились разговоры, касающиеся обстоятельств похорон Эзафа. Утверждают, будто гроб с покойным не был выставлен в открытом виде накануне погребения по причине каких-то таинственных изменений, происшедших с телом либо из-за вынужденного нарушения похоронного обряда, что делало показ мертвеца крайне нежелательным. В этой связи из пыльных сундуков были извлечены на свет божий старинные поверья о колдунах, которые якобы должны быть положены в гроб лицом вниз, после чего покой их не следует нарушать никоим образом, разве только посредством сожжения...»

Статья эта и сам ее стиль показались мне не совсем искрен-

ними, словно автор чего-то не договаривал. Но все же я узнал из нее достаточно много, пожалуй, даже больше, чем хотел бы узнать. Люди считали черного кота Эзафа Пибоди его подручным, так сказать, младшим бесом — ибо у каждого колдуна или ведьмы имеется свой младший бес, обычно принимающий образ какого-нибудь животного. Неудивительно, что те, кто приписывал моему прадеду колдовские способности, относили сюда же и кота — очевидно, при жизни старика кот был с ним так же неразлучен, как и в моих сновидениях. Но сильнее всего меня потрясло описание похорон Эзафа Пибоди, ибо я знал то, что не было известно редактору, а именно — что тело действительно было положено в гроб лицом вниз. Более того, я знал, что покой его был нарушен, хотя, конечно, этого делать не следовало. И последнее — я имел все основания подозревать, что кто-то еще, кроме меня, обитает в усадьбе Пибоди, выходя из моих снов и перемещаясь по комнатам дома, по окружающей местности и по воздуху над ней!

4

Этой ночью опять пришли сны, и вновь они сопровождались голосами, звучавшими столь близко и пронзительно, словно они проникали в меня одновременно как изнутри, так и снаружи. Вновь мой прадед был занят своим страшным делом, а спутник его, черный кот, время от времени останавливался, поворачивал голову и смотрел как будто в упор на меня, при этом на морде его каждый раз возникало выражение злобного торжества. Я видел, как старик в своей островерхой шляпе и длинных черных одеждах появился со стороны леса и, пройдя сквозь стену дома и через темную комнату, очутился перед мрачным алтарем, за которым, ожидая жертвоприношения, стоял Черный Человек. Видеть весь дальнейший ужас было невыносимо, но я не мог уклониться от зрелища, как не мог избавиться и от дьявольских звуков, ибо весь был во власти сна. Потом я увидел его, кота и Черного Человека уже среди густого леса далеко от Уилбрэхема, где в обществе прочих бесовских тварей они справляли Черную Мессу у алтаря под открытым небом; за этим последовала дикая оргия. На сей раз изображение было не столь четким; лишь иногда отдельные сцены прорывались мгновенными вспышками сквозь плотную пелену цветного тумана и жуткую какофонию звуков. Помню странное ощущение зыбкости и чужеродности окружавшего меня мира, который я воспринимал на подсознательном уровне, слыша и видя вещи, непереносимые для нормального человеческого рассудка. До меня постоянно

доносились леденящие кровь песнопения, крики умирающего ребенка, нестройное завывание труб, читаемые задом наперед молитвы, визг и хохот пирующих, которых я мог наблюдать лишь урывками. Также урывками до сознания моего доходили куски разговоров, короткие фразы, ничего не значившие каждая в отдельности, но все вместе создававшие смутную смысловую картину происходящего.

— Достоин ли он избрания?

— Именем Велиала, именем Вельзевула, именем Сатаны...

— От плоти и крови Джедедии, от плоти и крови Эзафа, прибывший сюда вместе с Бэлором...

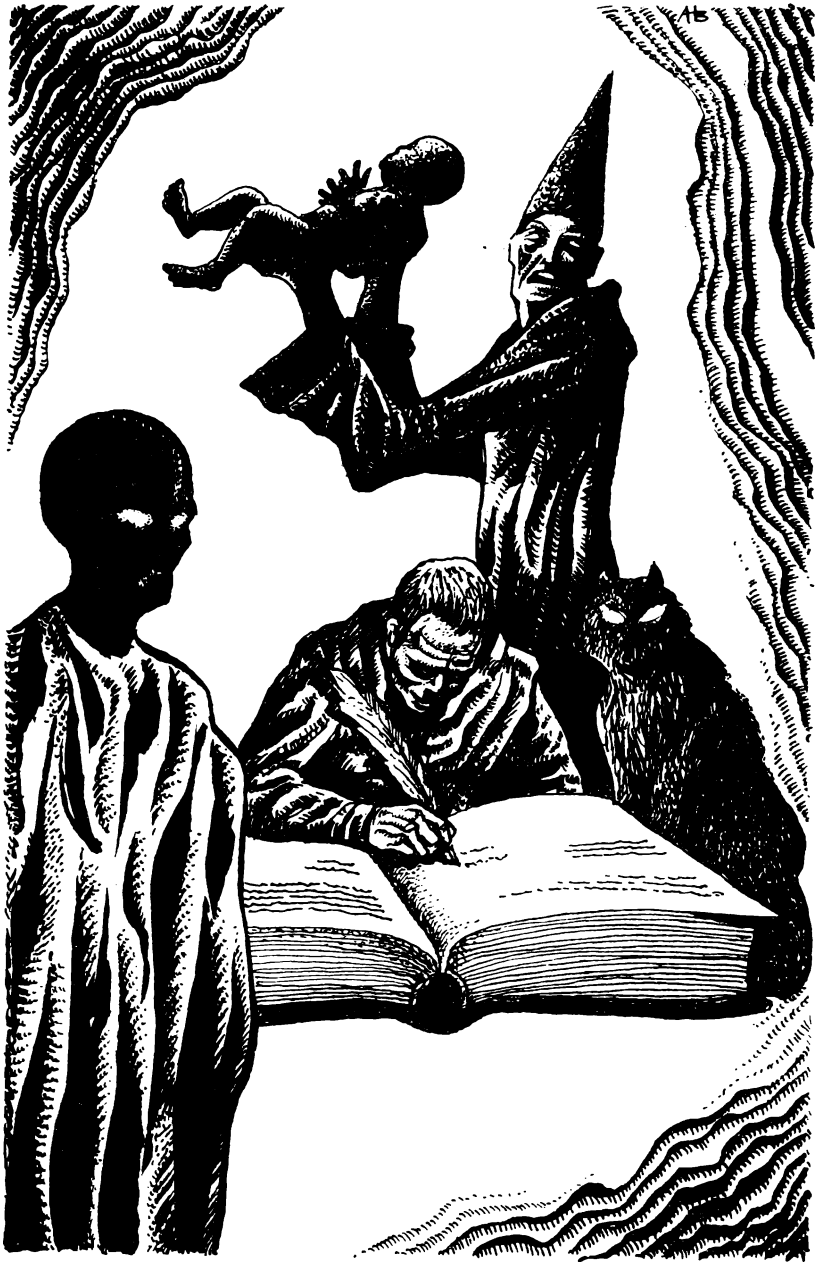
— Подведите его к книге!

В следующем проблеске сновидений я увидел самого себя приближающимся в сопровождении моего прадеда и кота к огромной черной книге, со страниц которой мерцали начертанные горящими буквами имена, и под каждым стояла кровавая роспись. Я тоже был принужден расписаться, причем рукой моей водил Эзаф Пибоди, а кот, которого он называл Бэлором, полоснул острыми когтями по моему запястью; хлынула кровь, в которую и обмакнули перо, кот же при этом начал подпрыгивать и приплясывать, выделывая в воздухе дикие антраша.

В этом сне была одна подробность, особенно смутившая меня по пробуждении. Когда мы шли через лес к месту дьявольского шабаша, я хорошо запомнил тропу, проложенную краем болота; с одной стороны от нее поднимались заросли осоки, а с другой — тянулась зловонная трясина, над которой тяжелым туманом плыли гнилостные испарения. Ноги мои при каждом шаге погружались в черную вязкую жижу, тогда как мои спутники, казалось, плавно летели над самой землей, не оставляя на ней ни малейших отпечатков.

И вот поутру, когда я очнулся — а это случилось много позднее обычного часа — я обнаружил, что моя обувь, еще накануне вечером сиявшая чистотой, была теперь вся облеплена едва подсохшей черной грязью — несомненно той самой, что составляла лишь часть моего сна! Вскочив с кровати, я двинулся в обратном направлении по грязным следам собственных ботинок, поднялся по лестнице на второй этаж, вошел в потайную комнату и — следы обрывались все в том же неестественной формы углу, откуда вели в комнату столь озадачившие меня прежде отпечатки босых ног и кошачьих лап! Я долго отказывался верить собственным глазам, но безумный ночной кошмар упрямо оборачивался действительностью. Еще одним подтверждением тому были глубокие царапины, оставшиеся на моем запястье.

Пошатываясь и спотыкаясь, я выбрался из страшной комна-

ты. Только теперь я начал понимать своего отца, не пожелавшего продавать поместье Пибоди; он мог узнать что-то от моего деда, который, скорее всего, собственноручно уложил Эзафа в гроб лицом вниз. Как бы они оба не презирали все эти суеверные легенды и предания, ни у кого из них не хватило духу открыто пренебречь доставшимся им жутким наследством. Я понял также, почему отсюда так поспешно съезжали все арендаторы — вероятно, на этом доме фокусировались какие-то таинственные и недобрые силы, находящиеся за пределами знаний и власти человека, равно как и любого другого живого существа; и еще я понял, что сам уже попал в сферу притяжения этих неведомых сил, сделавшись таким образом пленником старого дома и его зловещего прошлого.

Только теперь я обратился к последнему еще не изученному мной свидетельству — рукописи, которая, как оказалось, представляла собой дневник моего прадеда. Не медля более ни секунды, я бросился к столу, раскрыл лежавший на нем манускрипт и углубился в чтение. Записи, сделанные беглым почерком Эзафа Пибоди, перемежались многочисленными вырезками из писем, газет, журналов и даже книг, не имевшими между собой непосредственной связи и интересовавшие его постольку, поскольку все они касались необъяснимых и сверхъестественных событий, отражая общепринятые представления о черной магии и колдовстве. Его собственные записи, нерегулярные и отрывистые, были, однако, на редкость красноречивы.

«Сегодня сделал то, что должен был сделать гораздо раньше. Дж. начал обрастать плотью — невероятно. Однако это только часть наследства.

Перевернутый в гробу, он возвращается к жизни. Снова приходит его младший бес, с каждой новой жертвой тело все более набирает плоти. Переворачивать его обратно теперь уже бессмысленно. Остается только огонь.»

Далее: «Кто-то все время присутствует в доме. Кот? Я его часто вижу, однако поймать не могу.»

«Да, это черный кот. Не пойму, откуда он взялся. Беспокойная ночь. Дважды снилась Черная Месса.»

«Видел во сне кота. Он подвел меня к Черной Книге. Я поставил свою подпись.»

«Приснился чертенок по имени Бэлор. Славный малый. Объяснил мне все. Я связан клятвой.»

И вскоре после того:

«Сегодня приходил Бэлор. Не сразу его узнал. Он столь же приятен в облике кота, сколь ранее — в образе черта. Я спросил

его, в каком обличьи он служил Дж. Он ответил: в этом же самом. Привел меня в комнату наверху, один из странных, преломляющих пространство углов которой является выходом наружу. Все это сделал своими руками Дж. Кот объяснил мне, как надо проходить. »

Читать дальше я был уже не в силах. Я и так узнал более чем достаточно.

Я узнал теперь, что в действительности произошло с останками Джеджедии Пибоди. И я знал, что следует делать мне. Преодолевая страх и отвращение, я направился к склепу, вошел внутрь и медленно приблизился к гробу своего прадеда. Тут я впервые заметил бронзовую пластинку, прикрепленную под именем Эзафа Пибоди, на которой было выбито следующее: «Горе тому, кто потревожит его прах!»

Я поднял крышку.

Хоть я и ожидал увидеть нечто подробное, но полученное мною потрясение от этого не стало меньше. С Эзафом Пибоди произошли чудовищные перемены. То, что раньше было лишь кучей костей, прахом и жалкими клочьями платья, теперь начало обретать прежнюю телесную форму. Кожа и мясо вновь нарастали на скелете моего прадеда — плоть его постепенно возвращалась к жизни после того рокового дня, когда я столь бездумно нарушил ход событий, перевернув лежавшие в гробу останки. Здесь же, рядом с ним, я обнаружил еще один ужаснувший меня предмет. Это было сморщенное, иссохшее тельце ребенка, который, хотя он исчез из дома Джорджа Тэйлора менее десяти дней назад, успел уже приобрести тот изжелта-пергаментный оттенок, который обычно достигается полным обезвоживанием и мумификацией тела!

С трудом преодолев оцепенение, я покинул склеп и начал сооружать на дворе костер. Я действовал с лихорадочной поспешностью, опасаясь быть застигнутым за этим занятием кем-нибудь посторонним, хотя в глубине души сознавал, насколько мала была эта возможность, ибо люди десятилетиями избегали показываться вблизи усадьбы Пибоди. Сложив дрова в огромную кучу, я вернулся в склеп и выволок наружу гроб с его жутким содержимым — точно так же, как много лет назад поступил сам Эзаф Пибоди с гробом Джеджедии. Потом я стоял и смотрел, как огонь, разрастаясь, охватывает свою жертву, и был единственным, кто слышал пронзительный вопль ярости, вырвавшийся из самого сердца пламени.

Угли костра тлели всю ночь. Я наблюдал эту картину из окон дома. В один из моментов я почувствовал на себе чей-то взгляд и обернулся к двери.

Большой черный кот сидел у входа в мою комнату, не сводя с меня зловеще светившихся в полумраке глаз.

И я вспомнил тропу через болото, по которой я шел прошлой ночью, отпечатки моих ног, испачканные в грязи ботинки. Я вспомнил глубокие порезы на запястье, и Черную Книгу, в которой я поставил свою подпись. Точно так же, как ранее сделал это Эзаф Пибоди.

Повернувшись лицом к тому месту, где в тени затаился кот, я осторожно и даже ласково позвал его: «Бэлор!»

Он тотчас вошел в комнату и уселся напротив двери.

Стараясь не делать резких движений, я достал из ящика стола револьвер, тщательно прицелился и выстрелил.

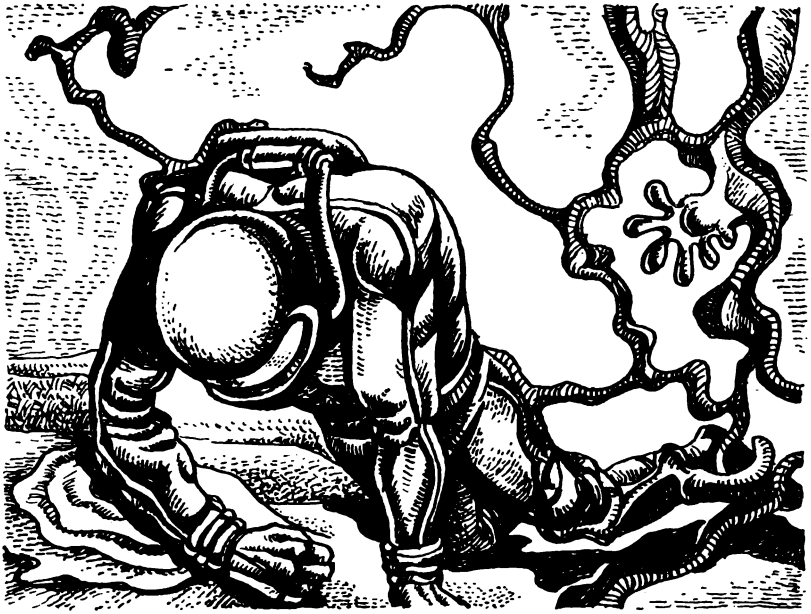
Кот остался сидеть неподвижно, не отрывая от меня взгляда. Выстрел не произвел на него ни малейшего эффекта, даже кончики усов не шевельнулись.

Бэлор. Один из младших бесов.

Стало быть, вот оно — наследство Пибоди. Старый дом, парк и окружающий лес — все это было лишь поверхностной, материальной стороной того, что скрывалось за причудливо искаженными стенами тайной комнаты, за ночными кошмарами, за походом через топь и дьявольским шабашом в лесной чаще — того, что было отныне скреплено моей подписью на страницах Черной Книги...

Интересно, найдется ли кто-нибудь, кто после моей смерти — если я буду погребен тем же способом, что и все колдуны — придет, чтобы перевернуть в гробу мои останки?

В СТЕНАХ ЭРИКСА (5)

Прежде чем попытаться уснуть, я должен сделать кое-какие записи, предваряющие мой официальный отчет обо всем происшедшем. Явление, с которым мне довелось столкнуться, кажется настолько своеобразным и настолько противоречащим нашему прошлому опыту и нашим видам на будущее, что несомненно заслуживает самого подробного описания.

Я прибыл на главный космодром Венеры 18-го марта по земному или VI.9 по местному календарю. Будучи зачислен в состав основной группы под началом Миллера, я получил необходимое снаряжение — в первую очередь часы, настроенные на более быстрое планетарное вращение Венеры — и прошел обычный курс адаптации к работе в газовой маске. Через два дня я был признан годным к исполнению своих обязанностей.

На рассвете VI.9 я покинул форт «Кристальной Компании»

на Terra Nova (6) и двинулся южным маршрутом, нанесенным на карту воздушной разведкой Андерсона. Начало пути было не из легких — после дождя эти джунгли всегда становятся труднопроходимыми. Влага придает сплетающимся лианам и ползучим растениям необычайную упругость и жесткость, так что над иными из них ножу приходилось трудиться по десятку минут. Ближе к полудню начало подсыхать, стебли растений размякли и разрубались уже с одного удара — но и теперь я не смог развить достаточную скорость. Эти кислородные маски Картера слишком тяжелы, постоянное их ношение уже само по себе утомительно. Маски Дюбуа с пористым резервуаром вместо трубок ничуть не уступают им в надежности при вполовину меньшем весе.

Детектор кристаллов функционировал исправно, все время указывая направление, совпадающее с данными Андерсона. Меня всегда занимал принцип работы этого прибора, не имеющего ничего общего с жалким надувательством вроде тех «чудодейственных прутьев», с помощью которых когда-то давным-давно на Земле разные шарлатаны якобы открывали залежи подземных богатств. Судя по показаниям детектора, в пределах тысячи миль отсюда находилось очень крупное месторождение кристаллов, которое, впрочем, наверняка было под охраной этих гнусных полулюдей-полуящериц. Вероятно, они полагают нас, прибывших на Венеру за кристаллами, такими же дураками, какими мы полагаем их самих, падающих ниц и пресмыкающихся в грязи при одном только виде подобной штуковины или же водружающих ее на пьедестал в центре своих храмов. Им для своей же пользы было бы гораздо лучше обзавестись каким-нибудь другим объектом поклонения. Не будь в этом замешана религия, они позволили бы нам взять столько кристаллов, сколько мы сочтем нужным, — ведь даже если бы они научились извлекать из них энергию, запасов все равно с лихвой хватило бы и на эту планету, и на нашу Землю. Лично мне уже надоело обходить стороной главные месторождения и рыскать в поисках единичных кристаллов по долинам заросших джунглями рек. В ближайшее время я намерен обратиться в соответствующие инстанции с просьбой о посылке армии для поголовного уничтожения этих чешуйчатых тварей. Двадцати кораблей с десантом будет вполне достаточно для того, чтобы провернуть всю операцию. Нельзя же, в самом деле, приравнивать этих существ к людям только из-за их так называемых «городов» и «башен». Если не брать во внимание кое-какие навыки в строительстве да еще, пожалуй, их мечи и отравленные дротики, то остается признать, что они совершенно бездарны и примитивны; сами же эти

«городов» вряд ли представляют из себя нечто большее, нежели земные муравейники и бобровые плотины. Мне также кажется весьма сомнительной их способность к полноценному языковому общению — все рассуждения насчет обмена мыслями посредством особых, расположенных на груди щупалец поражают меня своей нелепостью. Что вводит многих в заблуждение, так это их манера передвигаться на двух задних конечностях — случайное совпадение, делающее их отдаленно похожими на людей.

Я надеялся на этот раз миновать полосу венерианских джунглей, не встретив на своем пути туземцев с их проклятыми дротиками. В былые времена, до того, как мы начали охотиться за кристаллами, такая встреча могла закончиться вполне мирно, однако в последнее время эти мерзавцы превратились в сущее бедствие — нападения на людей, а то и перерезание наших водопроводных линий стали вполне обычным явлением. Я все больше убеждаюсь в наличии у них особого чутья на кристаллы — в этом смысле они не уступают самым точным нашим приборам. Никто не помнит случая, чтобы они нападали на человека, который не имел при себе кристаллов — не считая, конечно, обстрелов с дальних дистанций.

Около часа пополудни сильно пущенный дротик едва не сбил шлем с моей головы; в первую секунду мне даже показалось, что повреждена одна из кислородных трубок. Хитрые твари подкрадывались абсолютно бесшумно и благодаря своей окраске были неразличимы на фоне джунглей, но, резко крутнувшись на каблуках и целясь по шевелящимся растениям, я все же достал троих из лучевого пистолета. Один из убитых оказался ростом в добрые восемь футов, с головой, чем-то напоминающей морду тапира. Двое других особей были обычного семифутового роста. Они всегда нападают группами, стараясь взять верх числом, — один полк солдат с лучевым оружием мог бы преподать хороший урок несметной орде таких горе-вояк. Удивительно, как они вообще сумели стать господствующим видом на планете. Впрочем, здесь нет каких-либо иных живых существ, превышающих по уровню развития змеевидных акманов и скорахов или летающих туканов с другого континента — если, конечно, в пещерах Дионейского плато не скрывается что-нибудь, пока еще неизвестное науке.

Около двух часов дня стрелка детектора сместилась к западу, показывая наличие отдельных кристаллов впереди и справа по курсу. Это подтверждало сообщение Андерсона, и я уверенно повернул в ту сторону. Идти стало труднее, местность теперь поднималась в гору и кишела различными мелкими гадами и побегами плотоядных растений. Мне то и дело приходилось раз-

рубать ножом уратов или давить ботинками скорахов; мой кожаный комбинезон был весь в пятнах от разбивавшихся о него с налету крупных насекомообразных дарохов. Солнечный свет едва пробивался сквозь поднимавшуюся от земли дымку, слякоть не просыхала; с каждым шагом я погружался в нее на пять или шесть дюймов, вытаскивая ноги с гулким чавкающим звуком. Натуральная кожа моего комбинезона — не самый подходящий материал для этого климата. Обычная ткань, разумеется, еще хуже — она бы здесь просто сгнила; но тонкая прочная ткань из металлических волокон (наподобие специального свитка для записей, болтавшегося в герметической кассете у меня на поясе) пришлась бы куда более кстати.

Приблизительно в половине четвертого я остановился пообедать — если, конечно, пропихивание пищевых таблеток через щель в маске можно назвать обедом. Продолжив путь, я очень скоро обратил внимание на разительную перемену в окружающем пейзаже — со всех сторон ко мне подступали огромные ядовито-яркие цветы, которые непрерывно меняли свою окраску, исчезая и вновь проступая в невообразимой радужной круговерти оттенков и полутонов. Очертания предметов то расплывались, то становились отчетливо резкими, ритмически мерцая в странном согласии с медленно танцующими здесь и там пятнами света. Казалось, сама атмосферная температура колеблется в том же устойчивом однообразном ритме.

Постепенно все вокруг было охвачено размеренной мощной пульсацией, заполнявшей собой каждую точку пространства и проходившей через каждую клетку моего тела и мозга. Я почти полностью утратил чувство равновесия и едва мог держаться на ногах; попытка избавиться от наваждения, плотно зажмурив глаза и закрыв ладонями уши, не привела ни к чему. Однако сознание мое оставалось достаточно ясным, и несколько минут спустя я сообразил, что именно произошло.

Я встретился с одним из тех удивительных, вызывающих миражи растений, о которых ходит немало историй в среде изыскателей. Андерсон предупреждал меня об этой опасности, он же дал мне точное описание растения — ворсистый стебель, остроконечные листья и испещренные крапинками цветы, чьи эфирные выделения как раз и являются причиной галлюцинаций, свободно проникая сквозь любую из существующих защитных масок.

Вспомнив о том, что случилось с Бэйли, когда три года тому назад он попал в сходную ситуацию, я в первый момент поддался панике и начал бесцельно и беспорядочно метаться в этом сумбурном калейдоскопическом мире, созданном испарениями

зловещих цветов. Но вскоре, взяв себя в руки, я понял, что единственным выходом для меня было движение в сторону, противоположную эпицентру пульсации, движение вслепую и безотносительного того, какие призрачные видения встанут мне поперек дороги, движение до тех пор, покуда не удастся выбраться из зоны действия этих эфиров.

Голова моя сильно кружилась, почва уходила из-под ног; поминутно спотыкаясь и наугад размахивая ножом, я продирался сквозь заросли, стараясь не отклоняться от первоначально взятого направления. В действительности я, вероятно, делал большие зигзаги, потому что прошло, как мне показалось, несколько часов, прежде чем этот мираж начал наконец рассеиваться. Понемногу исчезали танцующие световые пятна, мерцающий многоцветный пейзаж обретал свой естественный облик. Когда я окончательно пришел в себя и посмотрел на часы, они, к моему великому изумлению, показывали лишь двадцать минут пятого. Стало быть, вся борьба с призраками, представлявшаяся мне бесконечно долгой, заняла на деле чуть более получаса.

Однако, любая, даже самая незначительная задержка была бы крайне нежелательной, и к тому же я сбился с маршрута, стремясь по возможности дальше уйти от опасного места. Сверившись с показаниями детектора, я продолжил подъем в гору, прилагая максимум усилий, чтобы наверстать потерянное время. Растительность вокруг была по-прежнему обильной, но представители фауны попадались все реже. Один раз крупный плотоядный цветок захватил мою правую ногу, вцепившись в нее с такой силой, что мне пришлось повозиться, разрезая ножом лепестки и высвобождаясь из хищных объятий.

Прошло еще немного времени и джунгли начали редеть; около пяти часов я вступил в полосу древовидных папоротников с мелким и чахлым подлеском, миновав которую, оказался на краю широкого, покрытого мхами плато. Идти стало гораздо легче; дрожание стрелки детектора предвещало близость искомых кристаллов, что весьма меня озадачило, поскольку единичные экземпляры этих яйцевидных сфероидов встречаются, как правило, в джунглях по берегам рек и никогда — на открытых безлесых пространствах.

Когда полчаса спустя я преодолел наконец подъем и достиг гребня холма, передо мной открылась просторная равнина, окаймленная по линии горизонта смутно темнеющими лесными массивами. Это, вне всякого сомнения, было плато, нанесенное на карту по лотом Мацугавой пятьдесят лет назад и обычно называемое «плато Эрикс» или «Эрицийским Нагорьем» (7). Мое

внимание сразу же привлек небольшой предмет, расположенный почти в самом центре равнины. Яркая сверкающая точка, казалось, притягивала и концентрировала в себе проходящие сквозь дымку испарений желтоватые лучи солнца.Этой точкой мог быть только кристалл — удивительное творение природы, редко превосходящее размерами куриное яйцо, но способное в течение года обеспечивать теплом целый земной город. Наблюдая издали это сияние, я в глубине души посочувствовал убогим человекоящерам, которые, обожествляя кристаллы, не имеют ни малейшего понятия о заключенной внутри них огромной энергии.

Стремясь побыстрее добраться до желанной цели, я перешел на бег и продолжал двигаться в том же темпе даже тогда, когда плотный ковер мха под ногами сменился отвратительно хлюпающей жидкой грязью, над которой лишь местами поднимались жалкие пучки травы. Я не глядел по сторонам, совершенно забыв об опасности, — впрочем, туземцы вряд ли смогли бы устроить засаду на этой плоской, хорошо просматриваемой местности. С каждым шагом свечение кристалла казалось все более ярким, одновременно я начал подмечать некоторую странность в его расположении. Это был, безусловно, редкостный экземпляр; в предвкушении крупной добычи я мчался вперед, не разбирая дороги, брызги грязи веером разлетались у меня из-под ног...

С этого момента я постараюсь быть как можно более точным в своем описании, ибо далее речь пойдет о вещах неправдоподобных — хотя, по счастью, вполне поддающихся проверке. Итак, со всей возможной быстротой я приближался к небольшому возвышению посреди залитой грязью равнины, на котором и находился кристалл. Я был от него уже на расстоянии сотни ярдов, когда страшной силы удар по груди и костяшкам сжатых кулаков опрокинул меня навзничь в мутную слякоть. Несмотря на болотистость почвы и удачно попавший как раз под голову травяной островок, я получил довольно серьезное сотрясение, от которого далеко не сразу оправился. Поднявшись в конце концов на ноги, я почти машинально принялся чистить залепленный грязью комбинезон.

Я все еще не мог взять в толк, что же со мной произошло. Впереди не было видно никакого препятствия — ни в момент столкновения, ни сейчас, некоторое время спустя. Неужели я прости-напросто поскользнулся в грязи? Но разбитые кулаки и боль в груди убеждали в обратном. Или все это было только галлюцинацией, навеянной еще одним растущим где-нибудь поблизости «миражетворным» цветком? Тоже маловероятно, если

учесть отсутствие прочих знакомых уже мне симптомов и равнинный характер местности, на которой негде было укрыться столь приметному растению. Случись все это на Земле, я мог бы предположить здесь наличие заградительного силового поля, обычно устанавливаемого правительством по периметру какой-нибудь запретной зоны, но в этих безлюдных краях подобная вещь была немыслимой.

Так и не придя ни к какому однозначному выводу, я решился на эксперимент. Выставив как можно дальше вперед руку с ножом, я начал осторожно продвигаться по направлению к сверкавшему неподалеку кристаллу. Уже на третьем шаге мне пришлось остановиться — кончик ножа уперся в твердую гладкую поверхность. Да — именно уперся в некую твердую гладкую поверхность там, где я не видел абсолютно ничего.

Инстинктивно отпрянув, я после минутного колебания набрался храбрости, протянул вперед левую руку и ощутил под перчаткой невидимую твердую преграду или — быть может — иллюзию такой преграды. Проведя рукой по гладкой, как стекло, поверхности, я не нащупал ни выступов, ни следов стыка отдельных блоков. Тогда (не без внутренней дрожи) я снял перчатку и дотронулся до поверхности голой рукой. Она действительно была твердой, гладкой и очень холодной, чем резко контрастировала с температурой окружающей среды. Сколько ни напрягал я зрение, мне так и не удалось обнаружить никаких видимых признаков плотного вещества. Оно не преломляло солнечные лучи — иначе я заметил бы искажение перспективы по ту сторону преграды — и не отражало их, судя по отсутствию солнечных бликов на прозрачной поверхности, под каким бы углом я на нее ни пытался смотреть.

Крайне заинтригованный этим обстоятельством, я приступил к более тщательному обследованию странного объекта. Оказалось, что он простирается неопределенно далеко как влево, так и вправо, и, кроме того, уходит вверх на недосягаемую для моих рук высоту. Таким образом, это было нечто вроде стены, построенной здесь с какой-то совершенно непонятной целью из неведомого мне материала. Я снова вспомнил о растении, способном вызывать в сознании любые самые причудливые образы, но, поразмыслив здраво, был вынужден отказаться от этой версии.

Я долго стучал по стене рукояткой ножа и пинал ее своими тяжелыми ботинками, надеясь по звуку ударов составить хоть какое-нибудь представление о чудесном строительном материале. На слух он воспринимался как бетон, тогда как на ощупь скорее напоминал стекло или металл. В конечном счете я убе-

дился в том, что имею дело с явлением, выходящим за рамки обычных земных представлений.

Следующим вполне логичным шагом было определение размеров препятствия, причем если вопрос о его высоте оставался открытым, то прочие параметры — прежде всего протяженность и конфигурация — казались легко доступными для измерения. Итак, придерживаясь руками за стену, я начал осторожно двигаться вдоль нее налево и очень скоро заметил, что иду не по прямой линии. Возможно, стена эта являлась частью обширной окружности или эллипса. И тут мое внимание вновь переключилось на сверкавший в отдалении драгоценный кристалл.

Как уже отмечалось выше, даже с гораздо большей дистанции мне бросилась в глаза некоторая необычность в расположении кристалла, пьедесталом которому служил небольшой холмик, резко выделявшийся на фоне плоской болотистой равнины. Теперь — с расстояния в сто ярдов — я смог, несмотря на легкую дымку, разглядеть, что представлял собой этот холмик, То был труп человека в форменном комбинезоне «Кристальной Компании», лежавший на спине со снятой кислородной маской, край которой торчал из грязи в нескольких дюймах от тела. В его правой руке, конвульсивным жестом прижатой к груди, и находился предмет моих вожделений — великолепный экземпляр сфероида, столь крупный, что мертвые пальцы не могли его целиком охватить. Даже издали было видно, что человек умер совсем недавно. Признаки разложения почти отсутствовали, что с учетом здешнего климата позволяло датировать наступление смерти не далее, как вчерашним днем. Скоро над телом начнут тучами виться трупные мухи-фарноты. Я попробовал догадаться, кто мог быть этим несчастным. Безусловно, никто из тех, кого я встречал на Венере за время последней своей экспедиции. Скорее всего, это был какой-то ветеран, находившийся в долгосрочном поисковом рейде и, не располагая данными предварительной аэросъемки Андерсона, забредший в этот район по собственной инициативе. Здесь он и обрел свой покой, до последнего мгновения сжимая огромный кристалл в коченеющих пальцах.

Минут пять я простоял совершенно неподвижно, полный самых мрачных предчувствий; затем внезапный приступ необъяснимого страха едва не обратил меня в паническое бегство. Виновниками его смерти не могли быть туземцы, поскольку кристалл все еще находился при нем. Не имелось ли здесь какой-нибудь связи с этим таинственным сооружением? И где он нашел кристалл? Приборы Андерсона обнаружили излучение в этом квадрате задолго до того, как он погиб. Теперь невидимая

преграда казалась мне чем-то зловещим, и я отпрянул от нее с невольным содроганием. Как бы то ни было, я должен был взять на себя разрешение этой загадки, действуя быстро и четко во избежание новой трагедии.

Внезапно, возвратясь мыслями к непосредственно к стоявшей передо мной проблеме, я нашел средство измерить высоту стены или хотя бы узнать, есть ли у нее вообще верхний предел. Зачерпнув горсть грязи, я выжал из нее воду, слепил более-менее плотный комок и попытался перебросить его через прозрачный барьер. На высоте около четырнадцати футов комок разбился о невидимую поверхность и стремительно соскользнул вниз, не оставив на стене сколько-нибудь заметных следов. Что ж, высота была довольно впечатляющей. Вторая пригоршня грязи, запущенная под еще более острым углом, ударилась о стену в восемнадцати футах над землей и исчезла внизу так же быстро, как и ее предшественница.

Зачерпнув третью горсть, я долго и старательно прессовал комок в руках, а затем, собрав все силы, бросил его так круто вверх, что сперва даже засомневался, долетит ли он до преграды вообще. Он, однако, долетел и, перевалив на сей раз через стену, шлепнулся в грязь по ту сторону. Наконец-то я получил представление о вертикальных размерах невидимого объекта: последний мой бросок достиг высоты двадцати или двадцати одного фута.

Имея перед собой гладкую двадцатифутовую стену, нечего было и думать о попытке на нее взобраться. Оставалось идти вдоль преграды в надежде ее обогнуть, а заодно найти какой-нибудь проход или место, где она обрывается. Предстояло выяснить, является ли она окружностью или иной замкнутой фигурой, либо же имеет форму дуги или полукруга. Действуя в соответствии с этим планом, я возобновил медленное перемещение налево, ощупывая обеими руками незримую поверхность, дабы не пропустить окно или какую-нибудь щель. Перед началом движения я попытался выковырять ногой углубление в почве, отметив тем самым свою исходную позицию, но грязь оказалась слишком жидкой для этого, и из моей затеи ничего не вышло. Тогда я выбрал в качестве ориентира высокое дерево, поднимавшееся над полосой отдаленного леса и находившееся как раз на одной линии со сверкающей точкой кристалла с сотне ярдов от меня. Теперь, на случай, если бы я не нашел никакого отверстия, я мог по крайней мере заметить то место, в котором полный обход стены по периметру будет завершен.

Продолжая двигаться вдоль стены и внимательно следя за ее изгибом, я довольно скоро пришел к выводу, что она, скорее

всего, образует окружность с диаметром приблизительно в сто ярдов — разумеется, если форма окружности была правильной. Отсюда следовало, что мертвец лежал совсем близко от стены в точке прямо противоположной той, из которой я начал свой обход. А вот где именно он находился — снаружи или внутри замкнутого пространства, — мне вскоре предстояло узнать.

Я медленно огибал преграду, не встречая по пути никаких признаков двери, окна или иного хотя бы самого малого отверстия. Чем яснее вырисовывался внешний контур стены, тем отчетливее было видно, что тело находится внутри незримого кольца. Приближаясь к нему, я как будто уже начал различать смутно знакомые черты. В выражении мертвого лица, в его остекленевшем взгляде было нечто, заставившее меня насторожиться. Подойдя к трупу почти вплотную, я опознал — или мне показалось, что опознал — в нем некоего Дуайта, ветерана, с которым я не был знаком лично, но которого как-то раз, около года тому назад, видел в главном форте Компании. Кристалл в его руке и впрямь был настоящим сокровищем — во всяком случае, он был крупнее всех когда-либо мною виденных.

Я находился уже на расстоянии вытянутой руки от тела — хотя нас по-прежнему разделяла стена, — когда вдруг почувствовал под только что скользившими по гладкой поверхности пальцами пустоту. Еще через секунду я нашарил в невидимой стене разрыв шириною в три фута, уходивший от самой земли на неопределенную высоту. Это не был дверной проем в обычном понимании, ибо я не нашел по его краям никаких следов крепления двери. Без колебаний я ступил внутрь и сделал пару шагов по направлению к распростертому телу — он лежало под прямым углом к тому странному подобию коридора, по которому я сейчас шел. К моему величайшему изумлению обширное пространство внутри ограждения оказалось в свою очередь разделенным на множество небольших помещений.

Осмотрев труп, я не обнаружил на нем никаких следов ранений, что, впрочем, мало меня удивило, поскольку наличие кристалла однозначно указывало на непричастность к этому делу туземных полурептилий. Оглядываясь по сторонам в поисках каких-либо следов, могущих прояснить обстоятельства его гибели, я прежде всего обратил внимание на кислородную маску, валявшуюся в грязи у самых ног мертвеца. Это уже кое-что значило. Без этого устройства ни одни человек не может дышать воздухом Венеры более тридцати секунд, и Дуайт — если это, конечно, был Дуайт — каким-то образом умудрился ее потерять. Вероятно, он плохо застегнул пряжку, в этом случае трубки могли своим весом оттянуть скрепляющие ремни — нелепая

трагедия, которой могло бы не быть, располагай он более совершенной маской Дюбуа с пористым резервуаром. Этих последних тридцати секунд ему не хватило для того, чтобы, опомнившись от неожиданности, быстро наклониться, поднять слетевшую маску и приладить ее на место. Здесь также могло сыграть свою роль внезапное повышение (что порою случается) концентрации циана в окружающей атмосфере. Возможно, как раз в тот момент он любовался действительно великолепным — где бы он его не нашел — экземпляром кристалла. Он, похоже, только перед тем достал его из накладного кармана комбинезона, поскольку клапан кармана был расстегнут.

Я не без труда извлек кристалл из окоченевших в предсмертной судороге пальцев. Огромный, размером больше кулака, сфероид отливал каким-то удивительно живым, чуть красноватым светом в лучах заходящего солнца. Впервые дотронувшись до его поверхности, я испытал нечто вроде испуга, почему-то вообразив, будто вместе с этим предметом мне достается в наследство печальная участь его прежнего обладателя. Однако этот приступ малодушия вскоре прошел, я опустил кристалл в карман своего комбинезона и аккуратно его застегнул. Как и всякий нормальный человек, я не лишен недостатков и слабостей, но суеверие к числу последних не относится.

Закрыв лицо трупа его же собственным шлемом, я поднялся с корточек и двинулся невидимым коридором к выходу в наружной стене. Во мне снова пробудился интерес к странному зданию, неизвестно кем, из какого материала и с какой целью воздвигнутому посреди этого пустынного плато. Само собою разумеется, это не могло быть делом рук человека. Первые наши корабли достигли Венеры семьдесят два года тому назад, и с тех пор единственными более-менее постоянно жившими на ней людьми были обитатели базы Terra Nova. К тому же земная наука пока еще не преуспела в создании столь идеально прозрачного, не отражающего и не преломляющего свет твердого материала. Посещение землянами Венеры еще в доисторическую эпоху, было, конечно же, исключено — стало быть, я столкнулся с явлением сугубо местного происхождения. Быть может, какая-нибудь ныне исчезнувшая и забытая раса высокоразвитых существ господствовала на планете задолго до того, как ей на смену пришли эти никчемные люди-ящерицы. Последним, правда, нельзя отказать в своеобразном градостроительном мастерстве, но одно только предположение, что они могут создать нечто подобное этому, уже сделало бы им слишком много чести. Нет, тут явно не обошлось без вмешательства иной, более развитой цивилизации; возможно даже, мне довелось обнаружить по-

следнее осязаемое свидетельство се былого могущества. Хотя — кто знает? — может быть, последующие земные экспедиции найдут еще что-нибудь в этом роде. Что же касается целей, которым служил этот объект, то здесь можно было гадать до бесконечности — впрочем, столь странный и не сказать чтобы очень практичный строительный материал сам собой наводил на мысль о его культовом назначении.

Сознавая свою неспособность разобраться сейчас со всеми этими проблемами, я предпочел перейти к исследованию внутренних помещений здания. Я был уверен, что весь этот на первый взгляд нетронутый участок равнины в действительности покрыт целой сетью коридоров и комнат, изучение плана которых могло, по моему убеждению, многое прояснить. Ощупывая руками стены, я решительно устремился в незримый проем, обогнул мертвеца и направился по коридору вглубь сооружения, туда, где предположительно побывал мой предшественник. Помещение, в котором находился труп, я решил обследовать на обратном пути.

Со стороны я, наверное, напоминал слепого, который, неуклюже размахивая руками, в тусклом свете вечернего солнца медленно движется по абсолютно ровной местности. Вскоре коридор сделал резкий поворот и начал убывающими по спирали кругами приближаться к центру здания. То и дело мне под руку попадались боковые ходы, пересекающие основной коридор, который в свою очередь нередко разделялся на два, три, а то и четыре направления. В таких случаях я всегда выбирал тот маршрут, который казался мне продолжением спирального коридора. Все эти ответвления можно было изучить после, а сейчас я спешил добраться до самого центра. Невозможно передать словами то странное ощущение, которое я испытывал, блуждая в стиснутом невидимыми стенами пространстве и прикасаясь к следам древней культуры, чьи носители исчезли с лица этой планеты задолго до появления здесь людей.

Внезапно стены коридора расступились, и я почувствовал, что нахожусь с каком-то довольно просторном помещении, которое, как вскоре обнаружилось, имело форму круга диаметром около десяти футов. Сверившись с местоположением мертвеца относительно более удаленных лесных ориентиров, я пришел к выводу, что камера эта должна была находиться в самом центре или в непосредственной близости от центра строения. Из нее брали начало еще пять отдельных коридоров, не считая шестого, по которому я сюда прибыл и вход в который заметил, проведя мысленно прямую линию от него через мертвое тело до высокого

дерева на горизонте, отличавшегося от других особой формой кроны.

В этой комнате я, однако, не нашел ничего, кроме толстого слоя все той же вездесущей слякоти на полу. Решив проверить, имеется ли над этой частью здания перекрытие, я повторил свой эксперимент с метанием вверх комьев грязи и убедился, что оно здесь также отсутствовало. Следовательно крыша — если она вообще когда-нибудь имелась — обрушилась в столь давние времена, что обломки ее успели уйти глубоко в почву, ибо я ни разу не ощутил под ногами что-либо их напоминающее. Одновременно меня удивил тот факт, что такая безусловно древняя постройка нигде не обнаруживала признаков осыпания кладки, провалов в стенах и прочих явлений, неизбежно сопутствующих обветшанию.

Так что же это за сооружение? Что оно из себя представляло в прошлом? Из чего и как оно было построено? Почему я нигде не мог найти стыков между отдельными блоками, всюду встречая лишь ровную, гладкую, как стекло, поверхность? Почему, наконец, ни наружный вход, ни проемы, разделяющие внутренние помещения, не несли на себе никаких следов дверных креплений? Неизвестно. Таким образом, мне удалось выяснить совсем немногое, — я знал только, что нахожусь в здании, имеющем круглую в плане форму с диаметром около ста ярдов, лишенном дверей и крыши и сложенном из твердого, гладкого, идеально прозрачного, не отражающего и не преломляющего свет материала; что внутренняя часть этого здания представляет собой затейливое переплетение коридоров, сходящихся к расположенной в его центре небольшой круглой комнате.

Солнце меж тем склонялось все ниже к западному горизонту, его золотисто-багровый диск уже наполовину погрузился в нависшее над лесом облако испарений, окрашивая их в оранжевые и пурпурные тона. Мне следовало поспешить, если я хотел до наступления темноты найти себе сухое место для ночлега. Я еще раньше принял решение заночевать на гребне покрытого мхом холма, за которым начинался спуск с плато — это было то самое место, откуда я впервые увидел сиявший вдали кристалл. Не исключая возможности ночного нападения человекоящеров, я полагался в этом случае на свое обычное везение. Я неоднократно уже предлагал отправлять в поисковые партии по двое и более человек, чтобы они могли спать по очереди, охраняя друг друга, но администрация Компании не шла навстречу этим пожеланиям, ссылаясь на действительно весьма малый процент ночных нападений. Похоже, что эти чешуйчатые уроды неваж-

но ориентировались в темноте даже со своими потешными факельными лампами.

Найдя коридор, по которому я проник в центр здания, я начал двигаться к выходу. Дальнейшее изучение удивительного феномена пришлось отложить до следующего раза. Я старался как можно точнее повторить свой маршрут по спиральному коридору, полагаясь при этом лишь на память и на те немногие приметы, вроде островков травы на равнине, которые могли подсказать мне правильное направление. Довольно скоро я вновь оказался поблизости от мертвеца, над закрытым шлемом которого уже вились первые мухи-фарноты, что указывало на начавшийся процесс разложения. Я поднял было руку, чтоб отогнать отвратительных насекомых — и тут произошло нечто, поразившее меня, как удар грома. Невидимая стена, остановившая взмах моей руки, весьма убедительно указала мне на то, что, несмотря на все свое старание, я все же сбился с правильного пути, выйдя в конечном счете в коридор параллельный тому, где лежал труп. Вероятно, я сделал в каком-то месте лишний поворот или взял неверное направление на одной из многочисленных развилок этого запутанного лабиринта.

Надеясь обнаружить проход где-нибудь дальше по коридору, я продолжил движение вперед до тех пор, пока не уперся в тупик. Теперь мне оставалось только возвратиться в центральную камеру и начать все сначала. Я не мог сказать наверняка, где я ошибся. Взглянув на землю в надежде увидеть каким-либо образом сохранившиеся отпечатки моих ног, я лишь еще раз убедился в том, что жидкая грязь могла сохранять следы всего несколько мгновений. Я сравнительно быстро добрался до центра здания, где ненадолго задержался, рассчитывая в уме предстоящий маршрут. Накануне я, видимо, слишком забрал вправо. Теперь мне следовало свернуть в левый коридор на одной из развилок — на какой именно, я должен был решить по ходу дела.

Наощупь двигаясь вперед, я с каждым шагом все больше уверялся в правильности выбранного маршрута. Взяв чуть левее в том месте, которое считал наиболее подходящим, я как будто уже начал узнавать коридор, не так давно приведший меня внутрь здания. Делая круг за кругом по спирали, я все внимание теперь направил на то чтобы не попасть по ошибке в какой-нибудь из боковых проходов. Но спустя еще немного времени я, к своему глубокому разочарованию, вдруг обнаружил, что моя траектория лежит далеко в стороне от мертвого тела — судя по всему, этот коридор должен был выйти к наружной стене совсем в другом месте. Тем не менее, полагая, что как раз в этой части

стены, которую я не успел обследовать ранее, может оказаться еще один проход, я сделал несколько дополнительных шагов и сразу же наткнулся на глухую преграду. Очевидно, система внутренних помещений невидимого архитектурного комплекса была куда более сложной, чем я предполагал в самом начале.

Теперь у меня имелось на выбор два варианта продолжения поиска: либо вернуться обратно к центру и вновь раскручивать спираль оттуда, либо попробовать пробраться к телу одним из боковых коридоров. Во втором случае я рисковал окончательно заблудиться в переплетениях невидимых ходов; подумав, я счел за благо отказаться от этой затеи до той поры, пока не найду способ как-нибудь обозначать свой маршрут. А найти такой способ при всем желании не удавалось. Я не имел в своем распоряжении предметов, могущих оставлять заметный след на стене, мне также не из чего было выложить дорожку на поверхности грязи.

Моя ручка для этих целей не годилась — она беспомощно скользила по гладкой плоскости стены, — а о том, чтобы использовать в качестве меток драгоценные пищевые таблетки, не могло быть и речи. Впрочем, даже решившись на такой шаг, я не достиг бы желаемого эффекта — во-первых, потому что таблеток было для этого явно недостаточно, а во-вторых, они все равно затонули бы в недостаточно плотной водянистой жиже. Я обшарил свои карманы в поисках старинной записной книжки (подобные вещи не являются обязательным элементом экипировки, но многие изыскатели по старой привычке пользуются ими и здесь, на Венере, хотя в местном климате бумага довольно быстро гниет и разлагается), страницами которой, разорвав их на части, я мог бы пометить пройденный путь. Как назло, в этот раз книжки в карманах не оказалось. Что касается моего свитка для записей, то мне было просто не по силам разорвать его сверхпрочную металлическую ткань, а кожаным комбинезоном или нижним бельем я не мог воспользоваться без серьезного риска для жизни — принимая в расчет особенности венерианской атмосферы.

Я попробовал мазать невидимую стену грязью, но она соскальзывала вниз и исчезала из виду так же стремительно, как и те комки, что ударялись о преграду, когда я ранее измерял ее высоту. Напоследок я вытащил нож и попытался его острием нацарапать на прозрачной поверхности линию, которую по крайней мере можно было бы нащупать пальцами. Но и здесь меня ждала неудача — лезвие ножа не оставило ни малейшей царапины на удивительном материале.

Отчаявшись разрешить проблему меток, я повернулся кру-

гом и, руководствуясь одной интуицией, двинулся обратно к центру. Вернуться туда оказалось гораздо более легким делом, нежели найти единственно верный маршрут, выводящий наружу. Отныне, наученный опытом, я отмечал в свитке для записей каждый поворот коридора, нарисовав таким образом приблизительную схему своего пути с указанием всех отходящих влево и вправо боковых коридоров. Это была на редкость утомительная работа, я продвигался вперед очень медленно, так как приходилось все проверять на ощупь; при этом вероятность ошибки была чрезвычайно велика, но я терпеливо продолжал свой труд, полагая, что рано или поздно он принесет нужные результаты.

Когда я наконец достиг центральной комнаты, над равниной уже начали сгущаться долгие вечерние сумерки. Тем не менее, я по-прежнему рассчитывал выбраться отсюда до наступления темноты. Внимательно изучив только что нарисованную схему, я как будто нашел точку, в которой была допущена изначальная ошибка, и уверенно зашагал вперед по невидимым коридорам. На этот раз я отклонился влево еще дальше, чем в двух предыдущих попытках, старательно помечая на схеме все повороты на случай, если вновь собьюсь с дороги. В сумерках я смутно угадывал темное пятно трупа, над которым тяжелым густым облаком висели мухи-фарноты, привлеченные запахом гниющего мяса. Пройдет еще немного времени, и со всего плоскогорья сползутся обитающие в грязи сификлиги, которые успешно завершат начатую мухами работу. Не без чувства брезгливости я приблизился к телу и уже собрался было пройти мимо, когда внезапное столкновение со стеной убедило меня в ошибочности моих казавшихся непогрешимыми расчетов.

Только сейчас я по-настоящему понял, что заблудился. Хитросплетение ходов внутри невидимого здания оказалось куда сложнее, чем я предполагал вначале. Импровизировать здесь было бессмысленно; только организованный, методический поиск мог открыть мне путь к спасению. Я все еще надеялся к ночи выйти на сухое место; посему, в очередной раз возвратясь в центральную комнату, предпринял серию поспешных — и уже хотя бы поэтому обреченных на неудачу — попыток выбраться из этой западни, не забывая, однако, при свете электрического фонарика вносить поправки и дополнения в свою схему. Интересно, что луч фонарика без малейших искажений проходил сквозь прозрачные стены, тем самым еще раз демонстрируя удивительные свойства этого материала, отмеченные мною еще днем.

Полная темнота застала меня за прохождением очередного участка лабиринта. Большая часть небосвода была затянута густым слоем облаков, скрывавшим почти все планеты и звезды, но

крохотный зелено-голубой диск Земли по-прежнему ярко сиял на юго-востоке. Земля совсем недавно миновала точку противостояния с Венерой и сейчас находилась в превосходной позиции для наблюдения в телескоп. Даже без помощи последнего я смог разглядеть Луну в те моменты, когда она проходила на фоне тонкого венчика земной атмосферы. Мертвое тело — мой единственный ориентир — теперь совершенно исчезло из виду, и мне волей-неволей пришлось отложить дальнейшие поиски до рассвета. После нескольких неверных поворотов, каждый раз принуждавших меня возвращаться обратно, я добрался наконец до центральной камеры, где и начал устраиваться на ночлег. Жидкая грязь, разумеется, являлась далеко не идеальным ложем, но выбирать не приходилось; к счастью, мой непромокаемый комбинезон позволял даже здесь чувствовать себя более-менее сносно. Должен заметить, что в прошлых своих экспедициях мне уже доводилось спать в подобных — если не в худших — условиях, к тому же я надеялся на то, что предельное физическое утомление поможет мне быстро забыть обо всех неудобствах этого временного пристанища.

В данный момент я сижу на корточках в залитой грязью комнате и пишу эти строки при свете электрического фонарика. Есть, безусловно, нечто комическое в моем теперешнем невероятном положении. Оказаться пленником в здании, лишенном всяких дверей и запоров, — в здании, которое я даже не способен увидеть! Я, конечно же, выйду отсюда уже рано утром и самое позднее завтра к вечеру прибуду на базу в Terra Nova, причем прибуду туда не с пустыми руками. Этот кристалл и впрямь великолепен — как удивительно сверкает и переливается он даже в слабом свете моего фонаря! Я только что достал его из кармана, чтобы как следует рассмотреть. Уснуть никак не удается; я уже провел за составлением этих записей гораздо больше времени, чем рассчитывал. Теперь пора заканчивать. Вряд ли мне, находясь в этом месте, стоит опасаться нападения туземцев. Менее всего мне нравится соседство с трупом — хорошо еще, что моя кислородная маска не пропускает запахов. Я стараюсь экономнее расходовать хлоратовые кубики. Сейчас приму пару пищевых таблеток — и на боковую. Об остальном напишу позже.

ПОЗЖЕ — ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ, VI, 13

Трудности оказались большими, нежели я ожидал. Я все еще нахожусь внутри этого сооружения. Отныне мне следует действовать быстро и расчетливо, если я намерен к концу дня добраться до твердой земли. Накануне я долго не мог заснуть, но зато потом проспал почти до полудня. Возможно, я спал бы доль-

ше, не разбуди меня яркий луч солнца, пробившийся сквозь пелену облаков. Мертвец, целиком облепленный копошащимися отвратительными сификлигами и окруженный целой тучей мух, представлял собой жуткое зрелище. Каким-то образом шлем свалился с его лица, на которое теперь было страшно смотреть. Я вновь с облегчением вспомнил о своей кислородной маске.

Поднявшись на ноги и наскоро почистив комбинезон, я проглотил две пищевых таблетки и вставил в электролизер маски новый кубик хлората калия. До сих пор я расходовал эти кубики очень медленно, но все же мне не помешало бы иметь их в запасе побольше. После сна я почувствовал себя значительно лучше и был уверен, что очень скоро найду выход.

Изучая сделанные накануне записи и схематические наброски, я вновь подивился сложности и запутанности внутренней структуры здания; одновременно меня посетила мысль о возможной ошибке, допущенной еще в самом начале поиска. Из шести сходившихся в центральной камере коридоров я вчера выбрал тот, который, казалось, вполне совпадал с моими визуальными ориентирами. Стоя в его проеме, я видел на одной линии лежавший в пятидесяти ярдах труп и вершину огромного лепидодендрона (8), поднимавшуюся над кромкой отдаленного леса. Однако точность такой проекции была весьма относительной — слишком большое расстояние между мной и мертвым телом позволяло наблюдать практически одну и ту же картину на линии, проходящей через него к горизонту от любого из трех расположенных рядом коридоров. Более того, выбранное мною дерево-ориентир почти ничем не отличалось от других видневшихся вдали крупных лепидодендронов.

Тщательно проверив все три варианта, я к своей досаде обнаружил, что не могу с уверенностью выбрать какой-либо из них как единственно верный. Не означало ли это, что в каждой из вчерашних попыток я мог двигаться поочередно в разных системах коридоров? На сей раз я выясню это наверняка. Не имея возможности обозначать свой путь видимыми следами, я все же нашел способ хоть как-то помечать отправную точку своего маршрута. Я не мог пожертвовать своим комбинезоном, но вполне мог — при моей густой шевелюре — временно обойтись без шлема. Эта достаточно большая и легкая полусфера способна была удержаться на поверхности грязи. Итак, сняв с головы шлем, я положил его у входа в один из коридоров — самый правый из трех, что мне предстояло обследовать.

Я решил — исходя из предположения, что это именно тот коридор, который мне нужен — руководствоваться своей старой схемой, внося в нее все необходимые дополнения. Если с первой

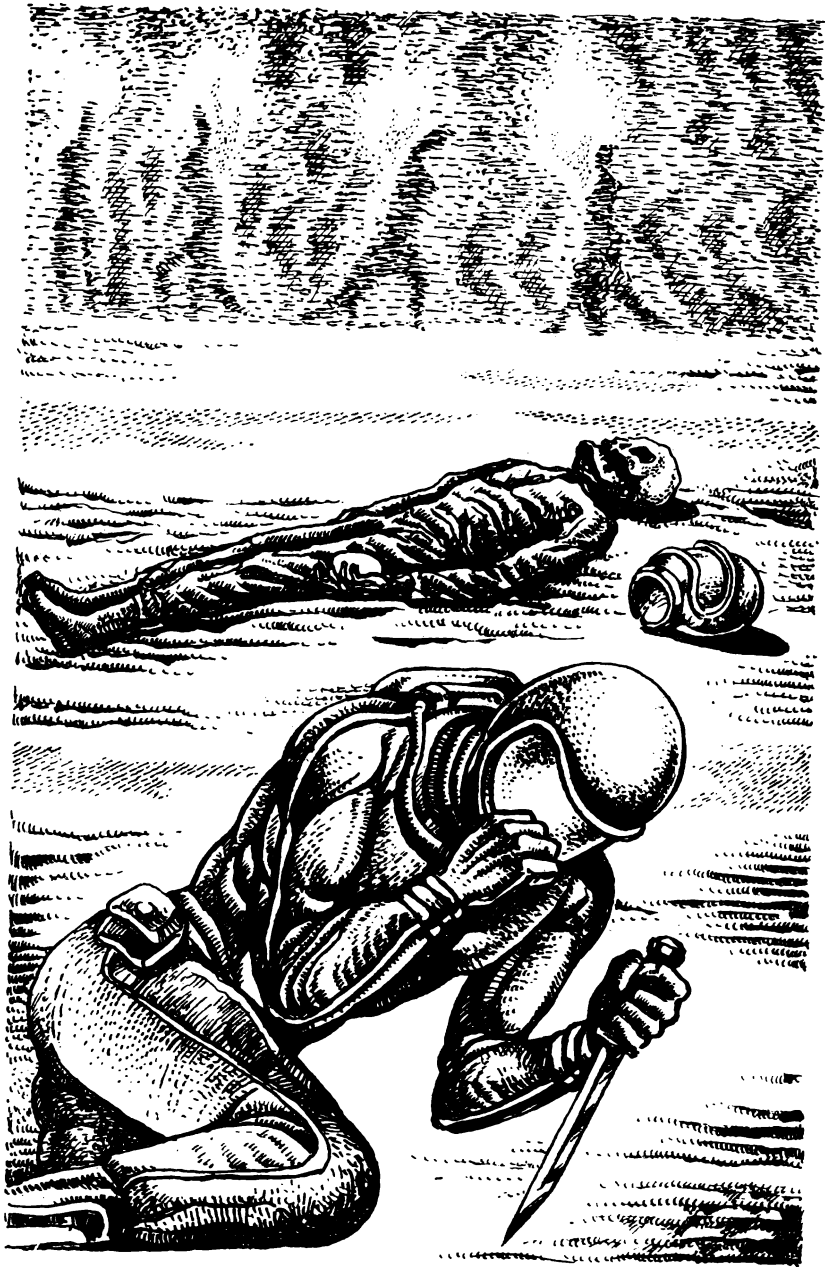
же попытки выйти не удастся, я начну методически прослеживать до конца каждое из боковых ответвлений; если же поиски вновь не дадут результата, то, исчерпав все возможные здесь варианты, я перейду в соседнюю систему коридоров, а затем, если потребуется, и в третью. Рано или поздно я найду выход из лабиринта, надо лишь запастись терпением. Даже при наименее благоприятном развитии событий у меня были все шансы выбраться на открытое пространство равнины до наступления темноты и устроить свой следующий ночлег где-нибудь в более сухом и удобном месте.

Первая серия попыток оказалась безуспешной, но зато, потеряв чуть больше часа, я мог теперь уверенно исключить правый коридор из дальнейших поисков. Он, как выяснилось, давал начало множеству тупиковых направлений, проходивших далеко в стороне от мертвеца и ни в коей мере не совпадавших с моей вчерашней схемой. Как и прежде, я без особых затруднений нашел обратный путь к центру.

Около часа пополудни я поместил свой шлем перед входом во второй по счету коридор и приступил к его исследованию. Сперва я как будто начал узнавать развилки и повороты, но, постепенно продвигаясь дальше, забрел в абсолютно незнакомые мне переплетения ходов. Я так и не смог приблизиться к трупу, более того, я теперь, похоже, был отрезан и от центральной комнаты — и все это несмотря на подробную запись буквально каждого своего шага. Впрочем, нарисованная от руки схема не могла достаточно точно передать некоторые особо хитроумные изгибы и перекрестки, время от времени встречавшиеся мне на пути. Смесь ярости и отчаяния — примерно так я могу определить охватившее меня чувство. Прекрасно понимая, что только терпение может привести меня к желанной цели, я видел, что предстоящая работа будет неимоверно долгой, мучительной и кропотливой.

Прошел еще час бесполезных блужданий по невидимым коридорам; все время ощупывая стены и поминутно оглядываясь то на свой шлем, то на мертвое тело, я вычерчивал новую схему уже без тени былой самоуверенности. Попутно я проклинал собственную неосторожность и дурацкое любопытство, завлекшее меня в этот кошмарный лабиринт — уйди я отсюда сразу после того, как завладел кристаллом, то сейчас давно уже отдыхал бы на главной базе.

Размышляя подобным образом, я внезапно наткнулся на новый, еще не опробованный вариант спасения. Быть может, мне удастся прорыть тоннель под невидимой стеной и через него проникнуть если не наружу, то хотя бы в смежный коридор, откуда

уже легче будет найти выход. Я не имел представления о том, насколько глубоко залегает фундамент здания, но вездесущая грязь — точно такая же, как и повсюду на этой равнине — была аргументом в пользу отсутствия здесь какого-либо пола. Повернувшись лицом в сторону уже совершенно обезображенного трупа, я начал лихорадочно работать широким и острым клинком своего ножа.

Углубясь на шесть дюймов в полужидкое месиво, я добрался до более плотной породы, заметно отличавшейся цветом от верхнего слоя — это была серая глина вроде той, что попадается в геологических пластах вблизи северного полюса Венеры. Ниже грунт становился все более твердым. Поверхностная грязь заливала яму с той же скоростью, с какой вынималась очередная порция глины, но я не обращал на это особого внимания. Если бы мне удалось сделать проход под стеной, грязь не явилась бы столь уж серьезным препятствием.

Однако начиная с глубины трех футов пошел грунт, равного которому по плотности я еще не встречал доселе ни на этой планете, ни где-нибудь еще. Вдобавок ко всему он еще был невероятно тяжелым. Отдельные куски, с трудом отколотые и извлеченные из ямы, напоминали скорее цельные камни или слитки металла, нежели спрессованную глину. Но вскоре даже откалывание и крошение частиц породы стало невозможным, и я был вынужден прекратить работу, так и не достигнув нижнего края стены.

Попытка подкопа, отнявшая у меня целый час времени, оказалась столь же утомительной, сколь и бесплодной; она потребовала от меня огромных затрат энергии, так что мне пришлось принять добавочную пищевую таблетку и вставить в маску новый хлоратовый кубик. Кроме того, эта неудача заставила меня приостановить дальнейшие исследования лабиринта, поскольку я едва держался на ногах от усталости. Кое-как очистив от грязи перчатки и рукава комбинезона, я уселся спиной к невидимой стене, отворотясь от трупа — и вновь принялся за свои записи.

В данный момент мертвец являет собой сплошную шевелящуюся массу, состоящую из разнообразных любителей падали — запах привлек даже крупных слизистых акманов из отдаленных джунглей. Я заметил, что несколько растений-некрофагов с равнины пытаются дотянуться до трупа своими щупальцами-отростками, но не думаю, чтобы они в этом преуспели — слишком уж велико расстояние. Хорошо бы появились какие-нибудь настоящие хищники вроде скорахов, которые могли бы, учуяв мой запах, проползти внутрь здания. Эти твари прекрасно умеют угадывать нужное им направление. Я мог бы тогда проследить

или даже зарисовать их маршрут, что впоследствии послужило бы мне весьма неплохим подспорьем. На случай же непосредственной встречи с хищниками у меня всегда наготове надежный лучевой пистолет. Однако мне вряд ли стоит всерьез рассчитывать на такого рода помощников. Сейчас допишу эти строки, еще немного отдохну и снова отправлюсь на поиски выхода. Первым делом надлежит вернуться в центральную камеру, что, как я полагаю, будет не так уж трудно сделать — а затем на очереди третий из основных коридоров. Я все еще не теряю надежды покончить с этим до темноты.

НОЧЬ — VI, 13

Новые неприятности. Мой путь к спасению осложняется непредвиденными обстоятельствами. Отныне мне предстоит выдержать не только еще одну ночевку в этой грязи, но и настоящий бой по выходе отсюда. Накануне днем, сократив свое время отдыха, я в четыре часа вновь уже был на ногах, а спустя еще пятнадцать минут без особых проблем достиг центральной части сооружения. Оставив свой шлем у входа в последний из трех выбранных мной коридоров, я начал движение вперед, отмечая по ходу все большее количество совпадений с моим старым планом; но через пять минут я остановился, неожиданно заметив нечто, потрясшее меня гораздо сильнее, чем можно было бы ожидать в других, не столь экстремальных условиях.

Это была группа из четырех или пяти гнусных людей-ящериц, появившихся на опушке леса у дальнего края равнины. Я не мог достаточно хорошо видеть их на таком расстоянии, но мне показалось, что они оживленно жестикулируют, повернувшись к ближайшим деревьям, после чего к первой группе присоединилась еще добрая дюжина особей. Собравшись вместе, они прямиком направились к невидимому зданию. Я внимательно следил за их приближением, впервые получив возможность наблюдать строение тела и повадки этих тварей на открытом месте и при нормальном освещении, а не в пропитанном испарениями сумраке джунглей.

Внешним видом они и впрямь напоминали рептилий, хотя сходство, разумеется, было чисто случайным, поскольку обитатели этой планеты в действительности не имели ничего общего с земными формами жизни. Когда они подошли поближе, я убедился в справедливости этого заключения — если не брать в расчет плоскую форму черепа и покрытую слизью зеленоватую, как у лягушки, кожу, они мало чем походили на пресмыкающихся. Передвигались они, поддерживая вертикальное положение тела, на толстых коротких ножках, широкие ступни-присоски которых издавали забавный чавкающий звук

при каждом шаге. Все особи были обычного для туземцев роста — около семи футов — и имели на груди по четыре длинных тонких щупальца. Движения этих щупалец — согласно теориям Фогга, Экберга и Джэнета, которым я, надо сознаться, не очень-то верил до последнего времени, означали, что существа ведут друг с другом оживленный разговор.

Я вытащил из кобуры лучевой пистолет и приготовился к схватке. Врагов было много, но преимущество в вооружении давало мне шанс на победу. Если эти твари знают расположение ходов внутри здания, они попробуют добраться до меня и таким образом сами укажут мне путь к спасению — то есть сделают как раз то, чего я тщетно ожидал от скорахов либо иных плотоядных пришельцев джунглей. В намерении туземцев напасть на меня я не сомневался — даже не видя драгоценного кристалла, хранившегося в моем кармане, они наверняка давно уже учуяли его благодаря своей удивительной способности, о которой я распространялся выше.

Но, как ни странно, атаки не последовало. Вместо этого они рассыпались цепью и образовали вокруг меня широкое кольцо, судя по всему, совпадавшее с внешней линией невидимого барьера. В полной тишине они с любопытством разглядывали меня, жестикулируя своими щупальцами и время от времени кивая головами или помахивая верхними конечностями. Немного погодя я заметил новую партию, вышедшую из леса и вскоре примкнувшую к толпе своеобразных зрителей. Те, кто стоял ближе к трупу, изредка поглядывали на него, но не предпринимали попыток подобраться к телу вплотную. Вид последнего был ужасен, но на человекоящеров это, похоже, не производило ни малейшего впечатления. Лишь иногда кто-нибудь из них отгонял взмахом грудного щупальца или верхней конечности особо надоедливых мух-фарнотов либо давил дисковидной ступней-присоской вертлявых сификлигов, акманов или подобравшиеся слишком близко побеги растения-некрофага.

Непрерывно озираясь по сторонам, я повсюду видел их гадкие рожи и в любую минуту ожидал начала атаки, совершенно забыв о схеме, которую все еще сжимал в руке, и о необходимости продолжать поиски выхода. Вместо этого я стоял, безвольно привалившись спиной к невидимой преграде и постепенно переходя от ступора, вызванного внезапным изменением ситуации, к построению логической цепочки догадок и предположений. Сотни невероятных вещей и событий, прежде ставивших меня в тупик, теперь обрели новый, довольно пугающий смысл — мне никогда ранее не случалось испытывать столь пронзительного ощущения ужаса, как в те мгновения.

Я, кажется, понял, чего ожидали стоявшие вокруг омерзительные существа. Одновременно был, наконец, разгадан секрет этого прозрачного сооружения. Редкостного качества кристалл, завлекший меня на это плоскогорье, труп человека, нашедшего этот кристалл задолго до моего прихода — всему этому было одно зловещее и недвусмысленное объяснение.

Моя неспособность найти выход из этого чудовищного переплетения невидимых коридоров отнюдь не была следствием нагромождения обычных случайностей. Ничего подобного. Это здание, безусловно, было с самого начала задумано как ловушка — лабиринт, сознательно построенный проклятыми туземцами, к мастерству и уровню интеллекта которых я на свою беду привык относиться с презрительным высокомерием. А ведь мог бы насторожиться и заподозрить неладное, зная о их неординарных архитектурных талантах! Теперь стала ясной и цель строительства. Конечно же, это была западня, но западня не простая, а предназначенная для поимки именно нас, людей — недаром же в качестве приманки использовался драгоценный сфероид. Таким образом местные жители, ведущие непримиримую войну с собирателями кристаллов, перешли к новой тактике, используя против нас нашу же собственную алчность.

Дуайт — если это и впрямь его гниющий труп валяется там в грязи — оказался первой жертвой. Он, должно быть, попался уже давно и не смог найти выход наружу, в конечном счете сойдя с ума от недостатка воды или израсходовав весь наличный запас хлоратовых кубиков. Да и маска, похоже, не случайно слетела с его лица — скорее всего, это было самоубийство. Он предпочел один роковой шаг медленному ожиданию смерти, сорвав кислородную маску и позволив губительной атмосфере поставить последнюю точку в этой трагедии. Жуткая ирония судьбы заключалась в самом расположении трупа — лишь в нескольких футах от выхода, который ему так и не удалось обнаружить. Еще небольшое усилие — и он был бы спасен.

А теперь уже я попался в расставленную ловушку. Попался на радость этим безобразным тварям, стоящим кружком и смеющимся над моей беспомощностью. Мысль эта была невыносимой, и я едва не сошел с ума от отчаяния — иначе чем было объяснить тот факт, что в диком приступе паники, не разбирая дороги, я пустился бежать по невидимым коридорам. В течение нескольких последующих минут я вел себя как настоящий маньяк: спотыкался, падал, бросался со всего размаху на стены и в конце концов неподвижно скорчился в грязи — задыхающийся окровавленный ком лишенной разума плоти.

Падение меня немного отрезвило, и, медленно поднявшись

на ноги, я вновь обрел способность видеть и понимать происходящее. Собравшиеся вокруг зрители в каком-то особенном однообразном ритме покачивали грудными щупальцами — это было похоже на смех; в бессильной ярости я погрозил мерзавцам кулаком. Этот жест вызвал у них прилив издевательского веселья, несколько рептилий даже попытались его спародировать, неуклюже задрав кверху свои зеленоватые конечности. Устыдясь собственной нелепой горячности, я постарался собраться с мыслями и критически оценить ситуацию.

В конце концов мои дела были не так плохи, как у Дуайта. В отличие от него мне была известна вся подоплека случившегося — как говорится, кто предостережен, тот вооружен. Я точно знал, что выход в принципе достижим, и никогда бы не повторил его продиктованного отчаянием поступка. И потом, мертвое тело — или скелет, который останется от него в скором времени — служило мне постоянным ориентиром, находясь вблизи отверстия в наружной стене, так что мои терпение и настойчивость рано или поздно должны были принести плоды.

С другой стороны, я имел дополнительное осложнение в лице окружавших здание рептилий. Как я уже убедился на примере этой ловушки, чей невидимый материал превосходил все известные достижения земной науки и техники, мне ни в коем случае нельзя было недооценивать способности своих противников. Даже лучевой пистолет не давал полной гарантии успеха; быстрота и решительность — вот что должно было стать моим главным оружием в предстоящей схватке.

Но прежде следовало выбраться на открытое место - если только я не найду способ заманить рептилий внутрь лабиринта. Осмотрев пистолет и пересчитав запасные обоймы, я внезапно задался вопросом: какое действие может оказать разряд боевого луча на невидимую стену? И почему я с самого начала не использовал этот вполне вероятный шанс на спасение? Мне ничего не было известно о химическом составе преграды — быть может, огненный луч разрежет ее в мановение ока, как кусок сыра. Выбрав для эксперимента стену, отделявшую меня от трупа, я разрядил свой пистолет почти в упор, после чего пощупал кончиком ножа то место, куда был направлен луч. Никаких изменений. Я видел, как пламя растекалось в стороны, едва соприкоснувшись с прозрачной поверхностью — стало быть, и эта моя надежда оказалась тщетной. Приходилось вновь возвращаться к старому испытанному способу; мне предстояло долгое и утомительное исследование всех закоулков хитроумного сооружения.

Итак, приняв пищевую таблетку и заложив новый кубик в

электролизер маски, я вернулся в центральную комнату, чтобы оттуда возобновить свои поиски. Постоянно сверяясь с планом и делая в нем очередные пометки, я проходил коридор за коридором, каждый из которых неизменно заканчивался тупиком. На равнину меж тем опускались вечерние сумерки. Во время своих хождений я то и дело посматривал на молчаливо веселившуюся публику, отметив постоянно происходившие в их рядах замены. Небольшие группы рептилий периодически отделялись от остальных и уходили в сторону леса, откуда тотчас же появлялись другие и занимали их место в оцеплении. Чем дольше я изучал эту их тактику, тем меньше она мне нравилась; понемногу намерения туземцев вырисовывались все отчетливей. Они в любой момент могли бы приблизиться ко мне и вступить в бой, но вместо этого предпочли наблюдать издали мою борьбу с путаницей невидимых коридоров. Чувствовалось, что они получают удовольствие от спектакля — перспектива попасть в руки этим садистам заставила меня содрогнуться.

С наступлением темноты я прекратил поиски и присел отдохнуть. В данный момент пишу при свете фонаря и в ближайшее время намереваюсь лечь спать. На завтрашний день я возлагаю все свои последние надежды — моя фляга почти пуста, а лаколевые таблетки не могут в достаточной мере заменить собой воду. Прекрасно зная, что вода в болотистых районах планеты годится для питься только после дистилляции, я не рискну попробовать влагу, добытую из хлюпающего под ногами грязного массива. Именно ввиду этого обстоятельства мы вынуждены протягивать такие длинные водопроводные линии к местам залегание желтоземных пород — или же обходиться исключительно дождевой водой в тех случаях, когда паршивые туземцы выводят из строя наш трубопровод. Мой запас хлоратовых кубиков не так уж велик, и мне придется уменьшить подачу кислорода. Попытка подкопа и недавние панические метания по коридорам поглотили огромное количество энергии. Завтра я намерен сократить физическую активность до необходимого минимума, сохраняя силы для встречи с рептилиями. Мне потребуется много кислорода на обратный путь до Terra Nova. Враги по-прежнему окружают меня; я вижу кольцо слабо тлеющих факелов. Огоньки эти наводят на меня необъяснимый страх - я никак не могу уснуть.

НОЧЬ — VI, 14

Еще один день поисков — и вновь без успеха! Меня все больше беспокоит проблема воды — к полудню фляга опустела окончательно. По счастью, после обеда пошел сильный дождь; я поспешил возвратиться в центральную камеру, где валялся в

грязи мой шлем, и, используя его как чашу, набрал до полулитра воды. Большую ее часть я сразу же выпил, остальное слил во флягу. Лаколевые таблетки мало помогают против настоящей жажды, и остается лишь надеяться на повторный ливень этой ночью. На всякий случай я положил шлем раструбом кверху, чтобы не упустить ни капли. Пищевых таблеток тоже осталось немного, но пока что ситуация с едой не внушает серьезных опасений. Отныне я уменьшу рацион вдвое. Гораздо хуже дело обстоит с хлоратовыми кубиками; несмотря на мои старания быть предельно экономным, целый день бесконечной ходьбы весьма ощутимо сказался на их запасе. Я чувствую себя ослабевшим — как вследствие постоянного недостатка кислорода, так и по причине все возрастающей жажды. Сокращение рациона, безусловно, ослабит меня еще больше.

С этим лабиринтом творится что-то неладное. Я могу поклясться, что исследовал все боковые ответвления каждого коридора, но всякая новая попытка опровергает правильность моей схемы, внося в нее дополнения или исключая уже нарисованные ходы. Никогда раньше меня не посещала мысль о том, как беспомощны мы в своей повседневной жизни без привычных зрительных ориентиров. Слепому человеку было бы сейчас куда легче, но для большинства из нас зрение является венцом всех чувств. Осознав тщетность своих усилий, я совсем пал духом. Теперь я могу себе представить, каково было бедняге Дуайту. От его тела ныне остался один скелет; сификлиги, акманы и мухи-фарноты сделали свое дело и удалились прочь. Им на смену пришли представители флоры, чьи побеги дотянулись наконец до бренных останков — они росли куда быстрее, нежели я предполагал — и сейчас рвут на части кожаный комбинезон. Между тем новая партия злорадствующих зрителей расположилась по периметру прозрачного барьера, беззвучно хохоча и наслаждаясь лицезрением моих страданий. Еще один день в этой ловушке, и я сойду с ума, если только прежде не скончаюсь от потери сил и отсутствия жизненно необходимых веществ.

Как бы то ни было, я намерен бороться до конца. Дуайт спасся бы, продержись он еще пару-другую минут. Скоро будет трое суток с той поры, как я покинул Terra Nova; пройдет еще немного времени, и наши люди, хватившись меня, начнут поиски. Все мышцы болят, лежание в этой проклятой грязи вряд ли можно назвать отдыхом. Прошлой ночью, несмотря на страшную усталость, я спал лишь урывками; и сегодня, похоже, повторится то же самое. Я пребываю в каком-то бесконечном кошмаре на грани между явью и сном — не в силах пробудиться или заснуть

по-настоящему. Писать становится все труднее из-за дрожи в руках. Кольцо тлеющих факелов — я не вынесу этого.

КОНЕЦ ДНЯ —VI, 15

Наконец-то дело сдвинулось с места! Еще ничего не потеряно. Правда, я очень ослаб; я почти не спал этой ночью, а, задремав уже на рассвете, проснулся в полдень совершенно разбитым. Дождей больше не было, и я ужасно страдаю от жажды. Принял еще одну таблетку сверх назначенной себе нормы, но без воды от нее мало толку. Попробовал было выпить немного болотной жижи, но меня сразу же вывернуло наизнанку, а жажда после этого стала еще более мучительной. С целью экономии хлоратовых кубиков я настолько снизил подачу кислорода, что рискую потерять сознание от удушья. Уже не пытаюсь подняться на ноги и передвигаюсь по грязи на четвереньках. Около двух часов пополудни мне начали попадаться знакомые коридоры, я подобрался к трупу —точнее, к скелету — значительно ближе, чем в прошлые заходы. Однажды только я забрел в тупик, но быстро разобрался в ситуации, сверившись со своей схемой. Главная трудность с этими чертежами заключается в их невероятной громоздкости. Они занимают целых три фута свитка и мне каждый раз приходится, остановившись, подолгу искать на плане нужный отрезок пути. Жажда, усталость и удушье отразились и на моих умственных способностях, так что мне не всегда удается расшифровать даже собственные пометки. Эти пакостные зеленые твари продолжают наблюдать за мной, иронически жестикулируя щупальцами — порой мне кажется, будто в этакой шутливой форме они обсуждают мои шансы на спасение и только что не делают ставок за и против.

В три часа дня я наконец напал на верный след. Я обнаружил проход, не обозначенный в моей схеме, и, двигаясь по нему, начал круг за кругом приближаться к опутанному побегами растений скелету. Коридор раскручивался по спирали, все больше напоминая тот, по которому я в первый раз дошел до цента здания. Встречая боковые ответвления или перекрестки, я старался придерживаться маршрута, повторяющего мой первоначальный путь. В то время как я все ближе и ближе подползал к своему жуткому ориентиру, оживление снаружи нарастало, зрители заметно активизировались, повсюду, куда ни глянь, меня преследовали бурная жестикуляция и беззвучный сардонический хохот. Очевидно, они находили мою настойчивость весьма забавной, полагая меня совершенно беспомощным и рассчитывая легко взять верх, когда дело дойдет до открытого столкновения. Я предоставил им веселиться, сколько влезет; сознавая свою физическую слабость, я полагался на лучевой пистолет с его много-

численными запасными обоймами — в случае чего это оружие поможет мне пробиться сквозь целую фалангу подлых и кровожадных уродов.

Надежды мои крепли с каждой минутой, но я не спешил подниматься на ноги, предпочитая ползти на четвереньках и экономить силы для решающей схватки с рептилиями. Продвигался я очень медленно; возможность сбиться с пути, забредя в тупиковую ветвь коридора, была велика — и все же я видел, как расстояние, отделявшее меня от цели, неуклонно сокращается. Близость избавления взбодрила меня, и я временно забыл о своей боли, жажде и нехватке кислорода. Все рептилии теперь собрались толпой у входа, возбужденно размахивая конечностями, переминаясь с ноги на ногу и не прекращая своего дурацкого смеха. Очень скоро мне предстоит непосредственное знакомство со всей этой шайкой — а, возможно, и с подкреплениями, которые подоспеют из леса.

Сейчас я нахожусь в нескольких ярдах от скелета; я задержался ненадолго, чтобы дополнить свои дневниковые записи, прежде чем выйти наружу и вступить в бой с этими отвратительными существами. Я уверен, что, собрав остатки сил, смогу обратить их в бегство или уложу всех до одного — убойная сила моего пистолета практически неограничена. Затем последует ночевка на сухом мху у края плато, а с утра — утомительный переход через джунгли до Terra Nova. Я буду страшно рад снова увидеть живых людей и нормальные, построенные человеческими руками здания. Обглоданный череп скалит свои ярко-белые зубы в зловещей ухмылке.

БЛИЖЕ К НОЧИ — VI, 15

Ужас и отчаяние. Вновь неудача! Закончив предшествующую запись, я направился было к скелету, но, приблизившись почти вплотную, ударился головой о преграду. Вновь я обманулся — это, похоже, было то же самое место, куда я уже попадал три дня назад во время первой своей безуспешной попытки выбраться из лабиринта. Не помню, кричал ли я что-нибудь в это момент — впрочем, скорее всего, я был слишком измучен для того, чтобы издать хоть малейший звук. Я просто распластался в грязи и долго-долго лежал без движения, глядя прямо перед собой, а зеленые твари за перегородкой меж тем смеялись и резвились пуще прежнего.

Спустя некоторое время я полностью пришел в сознание. Усталость, жажда и удушье навалились на меня свинцовой тяжестью. С огромным трудом я поднял руку и вставил в электролизер новый кубик — не думая об экономии и о пред-

стоящем переходе до Terra Nova. Свежий приток кислорода меня подкрепил, и я смог оглядеться уже более осмысленно.

Мне показалось, что на сей раз я нахожусь несколько дальше от останков злосчастного Дуайта, чем это было при моей самой первой попытке — может быть, я попал в другой, параллельный изначальному коридор? Надежда была крайне слабой, но все же, подтягиваясь на руках, я прополз еще немного вдоль стены и — оказался в том же самом тупике, что и три дня назад.

Это уже был конец. Трое суток борьбы отняли у меня все силы, не приведя ни к какому результату. Скоро я обезумею от жажды, да и с кислородом дела обстоят неважно — оставшихся кубиков явно не хватит на обратный путь. А все-таки странно — почему эти кошмарные создания собрались всей толпой у наружного входа, будто поджидая меня? Впрочем, они могли это сделать просто насмешки ради, чтобы тем самым направить меня по заведомо ложному маршруту и вдоволь повеселиться, глядя на мои мучения.

Долго мне не продержаться, хотя я и не собираюсь торопить события, как это сделал Дуайт. Как раз в эту минуту его ухмыляющийся череп, сдвинутый одним из растений, пожирающих лохмотья кожаного комбинезона, повернулся в мою сторону. Призрачный взгляд этих пустых глазниц пугает меня гораздо больше, чем целая сотня глаз гнусных рептилий. Он придает какой-то особый зловещий смысл мертвому оскалу черепа.

Я неподвижно лежу в грязи, экономя последние силы. Эти записки — которые, я надеюсь, когда-нибудь попадут людям и послужат им предостережением от повторения моих ошибок — скоро будут завершены. После этого я отдохну и затем, дождавшись темноты, которая скроет меня от туземцев, попробую перебросить свиток через стену и промежуточный коридор на открытую равнину. Надо будет послать его как можно левее, чтобы не угодить в толпу этих неутомимых вссельчаков, попрежнему блокирующих выход. Возможно, все это окажется напрасным, и свиток затеряется, потонет в жидкой грязи — но не исключено, что он упадет на одну из многочисленных травянистых кочек и впоследствии будет подобран людьми.

Если только эти записки будут прочитаны, они должны сделать больше, нежели просто предупредить людей о ловушке, в которой я волей судьбы оказался. Я хочу обратиться к представителям моей расы с предложением оставить в покое эти удивительные кристаллы. Они принадлежат Венере и никому больше.

Наша родная планета не так уж нуждается в этом источнике энергии, и я думаю, что пытаясь захватить побольше кристаллов, мы нарушаем какой-то таинственный закон, неведомым нам образом заложенный в самой природе космоса. Кто знает, какие темные могущественные и всепроникающие силы побуждают этих рептилий столь ревностно охранять свои сокровища. Дуайт и я уже заплатили своими жизнями, и многие другие заплатили тоже, и многие еще заплатят. Но кто может поручиться, что эта череда смертей не является всего лишь прелюдией к грядущим великим и страшным событиями? Так оставьте же Венере то, что может и должно принадлежать только ей.

* * *

Я чувствую приближение смерти и боюсь, что с наступлением темноты не смогу перебросить свиток через стену. Если мне это не удастся, свиток станет добычей рептилий, которые, возможно, догадаются о его назначении. Они, разумеется, не захотят оставлять людям ключ к разгадке тайны невидимого лабиринта — откуда им знать, что письмо это может в конечном счете положительно отразиться на их судьбе. Только в преддверии смерти я начинаю понимать, что был несправедлив к этим созданиям. В космических масштабах бытия никому не дано судить о том, чей уровень развития выше, а чей ниже, и какая из цивилизаций — их или наша — больше соответствует нормам вселенского разума.

* * *

Я только что извлек кристалл из накладного кармана, чтобы видеть его перед собой в последние минуты жизни. Он сияет каким-то мрачным враждебным светом в красноватых лучах уходящего дня. Заметив его, группа туземцев заволновалась, характер их жестов решительным образом изменился. Не понимаю, почему они продолжают стоять у входа вместо того, чтобы переместиться в ближайшую ко мне точку по ту сторону внешней стены.

* * *

Тело мое немеет, я не могу больше писать. Голова сильно кружится, но сознание не замутнено. Смогу ли я перекинуть виток через стену? Кристалл сияет с прежней яркостью, хотя сумерки уже подступают ко мне со всех сторон.

* * *

Темнота. Очень ослаб. Они продолжают толпиться у входа, запалив свои дьявольские факелы.

* * *

Что это — они уходят? Мне как будто послышался звук... какой-то свет небе...

ДОНЕСЕНИЕ УЭСЛИ П.МИЛЛЕРА, КОМАНДИРА ГРУППЫ «А», ВЕНЕРИАНСКАЯ КРИСТАЛЬНАЯ КОМПАНИЯ (ВЕНЕРА, TERRA NOVA — VI, 16)

На рассвете VI, 12 наш сотрудник под номером А-49 Кентон Дж.Стэнфилд (земной адрес: Виргиния, Ричмонд, ул. Маршалла 5317) отправился из Terra Nova в ближний поисковый рейд, согласованный с данными детекторной съемки. Должен был возвратиться 13-го или 14-го числа. Не появился к вечеру 15-го, и в 20.00 я с пятью своими людьми вылетел на самолете-разведчике «FR-58" по обозначенному детектором курсу. Стрелка не показывала каких-либо отклонений от результатов произведенных накануне замеров.

Следуя в направлении Эрицийского нагорья, мы постоянно освещали местность прожекторами. Трехствольные лучевые пушки и цилиндры D-излучения были готовы к применению против традиционно враждебных нам туземцев или опасных скоплений хищников.

Пролетая над голой равниной на плато Эрикс, мы заметили группу огней, в которых распознали характерные факельные лампы туземцев. С нашим приближением они бросились врассыпную, спеша укрыться в близлежащих лесных массивах. Детектор показал наличие кристалла в том месте, где они только что группировались. Спланировав ниже, мы высветили на поверхности равнины два отдельных объекта: скелет человека, опутанный ползучими побегами растений, и неподвижное тело футах в десяти от него. На повторном заходе мы снизились еще больше и врезались концом крыла в какое-то препятствие, которое мы не смогли разглядеть.

После аварийной посадки мы пешком направились в сторону упоминавшихся выше объектов, но на подходе к ним были остановлены гладким на ощупь и абсолютно невидимым барьером. Данное обстоятельство чрезвычайно нас озадачило. Двигаясь вдоль преграды, неподалеку от скелета мы обнаружили входное отверстие, за которым оказался узкий коридор с еще одним отверстием, выведшим нас непосредственно к скелету. Одежда последнего была полностью уничтожена растениями-некрофагами, но рядом в грязи лежал шлем, который, как мы установили по его номеру, принадлежал сотруднику Фредерику Н.Дуайту, личный номер В-9, из отряда Кенига, ушедшему с Terra Nova два месяца тому назад в автономный поисковый рейд.

Между скелетом и неподвижным телом находилась еще одна невидимая стена, но мы без труда опознали во втором человеке Стэнфилда. В левой руке он держал свиток для записей, а в

правой — перо; судя по всему, в момент своей смерти он что-то писал. Кристалла нигде не было видно, но детектор показал присутствие очень крупного экземпляра где-то рядом со Стэнфилдом.

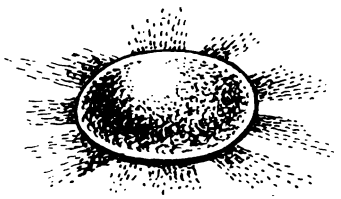
Добраться до него оказалось намного труднее, но в конечном счете нам это удалось. Тело было еще теплым, а огромный кристалл лежал у его ног под слоем жидкой грязи. Первым делом мы ознакомились с тем, что было написано в свитке, и приняли необходимые меры на основании полученных сведений. Содержание свитка представляет собой довольно длинное повествование, приложенное в качестве предисловия к данному отчету; достоверность приведенных в нем фактов подтвердилась проверкой на практике, что позволяет считать эти записки документальным свидетельством. Последние фрагменты записок несут на себе следы интеллектуальной деградации, но большая их часть вполне заслуживает доверия. Причиной смерти Стэнфилда явилось сочетание жажды, удушья и нервного перенапряжения с глубокой психической депрессией. Его маска была на месте, кислород продолжал поступать хотя и в объеме значительно ниже нормального.

Поскольку наш самолет получил повреждение, мы вызвали по радио Андерсона, который вскоре доставил на самолете технической поддержки «FG-7» аварийную бригаду, а также специальное оборудование для резки и взрывных работ. К утру «FR-58» был отремонтирован, и Андерсон увел его на базу, захватив с собой тела погибших и найденный кристалл. Дулйт и Стэнфилд будут похоронены на кладбище Компании, а кристалл отправится в Чикаго с первым же космическим лайнером. В ближайшем будущем мы намерены последовать совету покойного Стэнфилда — тому, что был им дан в начальной, более здравой части записок — и перебросить с Земли регулярные войска для окончательного и полного устранения туземной опасности. Расчистив себе таким образом поле деятельности, мы сможем спокойно наладить добычу кристаллов в таком количестве, какое сочтем нужным.

После полудня мы приступили к всестороннему и тщательному изучению невидимого здания — или, точнее сказать, ловушки. Пользуясь длинными шнурами для маркировки коридоров, мы составили подробную схему лабиринта для наших архивов. Сложность замысла и мастерство исполнения были воистину впечатляющими; образцы невидимого вещества мы направили в лабораторию для химического анализа — сведения эти нам очень пригодятся при штурме многочисленных туземных городов. Наш алмазный бур типа «С» смог углубиться в

прозрачную стену, и сейчас рабочие заняты закладкой динамита, подготавливая сооружение к взрыву. Оно должно быть разрушено до основания как представляющее серьезную угрозу для воздушного и других видов транспорта.

Внимательно рассматривая план лабиринта, нельзя не отметить ту злую шутку, которую он сыграл не только с Дуайтом, но и со Стэнфилдом. Пытаясь найти доступ ко второму телу, мы не смогли проникнуть туда, заходя с правой стороны, но Маркхейм обнаружил выход из первого внутреннего помещения примерно в пятнадцати футах от Дуайта и в четырех-пяти футах от Стэнфилда. Отсюда начинался длинный коридор (целиком обследованный нами уже позднее), в стене которого, сразу же по правую руку, оказалось еще одно отверстие, приведшее нас прямо к телу. Таким образом Стэнфилд мог выбраться наружу, пройдя всего двадцать с небольшим футов, если бы он воспользовался выходом, находившимся непосредственно позади него — выходом, которого он так и не достиг, будучи побежден собственной слабостью и отчаянием.

КОШМАР В РЕД-ХУКЕ

«В каждом из нас тяга к добру уживается со склонностью к злу, и, по моему глубокому убеждению, мы живем в неизвестном нам мире — мире, исполненном провалов, теней и сумеречных созданий. Неизвестно, вернется ли когда-нибудь человечество на тропу эволюции, но в том, что изначальное ужасное знание до сих пор не изжито, сомневаться не приходится».

Артур Мейчен

1

Пару недель тому назад внимание зевак, собравшихся на углу одной из улиц Паскоуга, небольшой деревушки в Род-Айленде, было привлечено необычным поведением высокого,

крепко сложенного, цветущего вида человека, спустившегося с холма по дороге из Чепачета и направлявшегося по главной улице в центральный квартал, образуемый несколькими ничем не примечательными кирпичными строениями — главным образом лавками и складами, — которые одни только и придавали поселению оттенок урбанистичности. Именно в этом месте, без всякой видимой причины, с незнакомцем и случился странный припадок: пристально вглядевшись в самое высокое из зданий, он на секунду-другую застыл, как вкопанный, а затем, издав серию пронзительных истерических воплей, бросился бежать, словно за ним гнались все демоны ада, но на ближайшем перекрестке споткнулся и грохнулся оземь. Когда заботливые руки помогли ему подняться на ноги и отряхнуть от пыли костюм, выяснилось, что он находился в здравом уме и, если не считать легких ушибов, полностью оправился от нервного срыва. Смущенно пробормотав несколько фраз, из которых явствовало, что в недавнем прошлом он перенес глубокую душевную травму, незнакомец повернулся и, не оглядываясь, зашагал обратно по чепачетской дороге. Когда он скрылся из глаз, все свидетели этого маленького происшествия сошлись во мнении, что подобного рода припадков меньше всего приходится ожидать от таких крупных, сильных и энергичных мужчин, каким, без сомнения, был давешний пострадавший, и всеобщее удивление ничуть не уменьшилось от того, что один из стоявших поблизости зевак сказал, что признал в нем постояльца известного в округе молочника, жившего на окраине Чепачета.

Как вскоре выяснилось, человек этот был нью-йоркским детективом Томасом Ф. Мелоуном, находящемся ныне в длительном отпуске по состоянию здоровья, подорванного в результате непомерного объема работы, взваленного им на плечи во время расследования одного жутковатого дела, которому несчастная случайность придала весьма трагическое завершение. Во время облавы, в которой он принимал участие, рухнула несколько старых кирпичных домов, под обломками которых погибли как преследуемые, так и товарищи Мелоуна по службе. Обстоятельства катастрофы столь потрясли детектива, что с тех пор он испытывал необъяснимый ужас при одном виде строений, хотя бы отдаленно напоминающих обрушившиеся, и в конце концов специалисты по умственным расстройствам посоветовали ему уехать из города на неопределенный срок. Полицейский хирург, у которого были родственники в Чепачете, предложил это небольшое поселение, состоящее из двух десятков домов в колониальном стиле, как идеальное место для исцеления душевных ран. Недолго думая, больной оправился в путь, пообещав де-

ржаться подальше от главных улиц более крупных деревень до тех пор, пока на то не будет особого разрешения вунсокетского психиатра, под наблюдение которого он поступал. Прогулка в Паскоуг за свежими журналами была явной ошибкой, и несчастный пациент заплатил за свое ослушание испугом, синяками и стыдом.

Это было все, что удалось выведать сплетникам из Чепачета и Паскоуга; ровно столько же знали и занимавшиеся Мелоуном специалисты с самыми высокими научными степенями. Однако, последним детектив пытался рассказать гораздо больше, и лишь откровеное недоверие, с каким воспринимаоись его слова, заставило его замолчать. С тех пор он носил пережитое в душе и ни единым словом не выразил несогласия с единодушным мнением окружающих, винивших в нарушении его психического равновесия внезапный обвал нескольких дряхлых кирпичных домов в бруклинском Ред-Хуке и последовавшую в результате смерть доблестных блюстителей закона. Он потратил слишком много сил, говорили ему, чтобы разорить это гнездо порока и преступности; по совести говоря, там было много такого, от чего может содрогнуться даже самый мужественый человек, а неожиданная трагедия явилась всего лишь последним ударом. Это простое объяснение было доступно каждому, а потому как Мелоун был отнюдь не прост, он решил в своих же интересах им и ограничиться. Ибо намекать лишеным воображения людям на ужас, выходящий за рамки всех человеческих представлений, ужас, поглощающий и переваривающий древние дома, кварталы и города со времен прежних эпох, означало, что вместо оздоровительного отдыха в деревне он бы прямиком отправился в войлочную камеру психиатрической лечебницы — но для этого он был слишком разумным человеком, если, конечно, не считать некоторой склонности к мистицизму. Его отличало чисто кельтское видение страшных и потаенных сторон бытия и одновременно присущая логикам способность замечать внешне неубедительные вещи — сочетание, которое послужило причиной тому, что в свои сорок два года он оказался далеко от родного дома и занялся делом, не подобающим выпускнику Дублинского Унивеситета, появившемуся на свет на георгианской вилле поблизости от Феникс-Парка.

А потому сейчас, перебирая мысленным взором вещи, которые ему довелось видеть, слышать или только смутно прозревать, Мелоун был даже рад тому, что он остался единственным хранителем тайны, способной превратить бесстрашного бойца во вздрагивающего от каждого шороха психопата, а кирпичные ущелья трущоб, высящиеся посреди океана смуглых, неотличи-

мых друг от друга лиц — в жуткое напоминание о вечно стерегущем нас кошмаре. Это был не первый случай, когда Мелоуну приходилось скрывать свои чувства, ибо знавшие детектива люди считали его добровольное погружение в многоязычную бездну нью-йоркского дна чем-то вроде внезапного и необъяснимого каприза. Но как мог поведать он добропорядочным горожанам о древних колдовских обрядах и уродливых культах, следы которых предстали его чуткому взору в этом бурлящем котле вековой нечисти, куда самые низкие подонки минувших развращенных эпох влили свою долю отравы и непреходящего ужаса? Он видел отсветы зеленоватого адского пламени, возжигаемого при помощи потаенного знания в самом сердце этого крикливого, пестрого людского хаоса, личиной которого была алчность, а душой — богохульное зло, и он только едва заметно улыбался в ответ на сыпавшиеся со всех сторон насмешки по поводу его нововведений в полицейскую практику. Доказывая Мелоуну бесплодность погони за фантастическими призраками и непостижимыми загадками, друзья-острословы цинично уверяли его, что в наши времена в Нью-Йорке не осталось ничего, кроме пошлости и ханжества, а один из них даже готов был биться об заклад на крупную сумму, что, насмотря на свои прежние острые публикации в «Дублинском обозрении», детективу не удастся написать по-настоящему интересной статьи о жизни городских трущоб. Сейчас, вспоминая те времена, Мелоун не мог не удивляться заложенной в основу нашего мироздания иронии, которая обратила в явь слова насмешливого пророка, хотя и вразрез с изначально заложенным в них смыслом. Ужас, навсегда отпечатавшийся в его сознании, не мог быть описан, потому что наподобие книги, упоминавшейся однажды Эдгаром По, «es laesst sich nicht lesen» — он не позволял себя прочесть (9).

2

Ощущение скрытой тайны бытия постоянно преследовало Мелоуна. В юности он находил в самых обыкновенных вещах недоступную другим красоту и высокий смысл, что служило ему источником поэтического вдохновения, однако нужда, страдания и вынужденные скитания заставили его обратить взор в другую сторону, и он содрогнулся при виде многообразия ликов зла, таящихся в окружающем мире. С этого момента жизнь его превратилась в фантасмагорический театр теней, в котором одни персонажи быстро сменялись другими, и на сцене являлись то резко очерченные, исполненные угрозы образы в духе лучших

работ Бердслея (10), то самые невинные фигуры и предметы, за которыми лишь смутно угадывались контуры ужасающих созданий, наподобие тех, что воплощены на гравюрах более тонкого и изощренного Гюстава Доре (11). Ему часто приходило в голову, что насмешливое отношение людей, обладающих высоким интеллектом, ко всякого рода сокровенным знаниям, является счастьем для остального человечества, ибо стоит им хоть раз вплотную заняться изучением секретов, на протяжение многих веков сберегаемых в рамках колдовских культов, как результаты их деятельности не замедлят сказаться в энтропии, которая не только разрушит нашу планету, но и поставит под вопрос существование всей вселенной. Без сомнения, подобного рода размышления накладывали несколько мрачноватый оттенок на мелоунский склад ума, однака, мрачность эта с лихвой компенсировалась врожденными логическими способностями и тонким чувством юмора. Его вполне устраивало, что эти неясные, запретные видения оставались всего лишь объектом абстрактных умозаключений, и только когда выполнение служебного долга привело его к столкновению со слишком неожиданным и ужасающим откровением, этот баланс нарушился, и наступило безумие.

Ред-Хукское дело впервые привлекло внимание детектива, когда он работал в полицейском участке на бруклинской Батлер-Стрит, куда его временно прикомандировали для оказания помощи тамошним сотрудникам. Ред-Хук представляет из себя грязный людской муравейник, образовавшийся на месте старых портовых кварталов напротив Гавернер-Айленд, сгрудившихся вдоль нескольких неухоженных магистралей, что берут начало от доков и бегут вверх по холму, чтобы в конце концов соединиться с некогда оживленнейшими, а теперь почти не использующимися Клинтон- и Корт-Стрит, ведущими в направлении Боро-Холл. В районе преобладают кирпичные строения, возведенные между первой четвертью и серединой прошлого столетия, а потому некоторые наиболее темные улочки и переулки до сих пор сохранили тот своеобразный мрачный колорит, который литературная традиция определяет не иначе как «диккенсовский». Состав населения Ред-Хука остается неразрешимой головоломкой для многих поколений статистиков: сирийские, испанские, итальянские и негритянские корни слились здесь воедино и, щедро посыпанные американским и скандинавским навозом, явили свету свои буйные ростки. Весьма странные крики вырываются порою из недр этого шумного столпотворения и вплетаются в чудовищную органную литанию пароходных гудков, исполняемую под аккомпанемент равномерного биения по-

крытых мазутной пленкой волн о мрачные причалы. Однако в давние времена Ред-Хук был совсем иным: на нижних улицах жили честные трудяги-моряки, а повыше, в изящных резиденциях на склоне холма, селились состоятельные коммерсанты. Следы былого благополучия можно различить и в основательной архитектуре старых домов, и в редкой красоте немногочисленных сохранившихся церквей, и в некоторых других разбросанных там и сям по всему району свидетельствах прежней заботы и любви — прогнивших балясинах лестничных проемов, покосившихся, а порою и сорванных с петель массивных дверях, изъеденных червями декоративных пилястрах или безжалостно вытоптанных лужайках с поваленным ржавым ограждением. А иногда посреди плотно примыкающих друг к другу строений можно встретить легкий остекленый купол, в котором в стародавние времена собиралась семья капитана, чтобы часами наблюдать за океаном и ждать, когда на горизонте появится знакомый крылатый силуэт.

Отсюда, из этой морально и физически разлагающейся клоаки, к небу несутся самые изощреные проклятия на более, чем сотне различных языков и диалектов. Бранясь на все лады и горляня грязные куплеты, по улицам шастают толпы подозрительного вида бродяг, а стоит случайно забредшему сюда прохожему скользнуть взглядом по окнам домов, как в них тут же гаснет свет и видневшиеся за стеклами смуглые, отмеченные печатью порока лица торопливо скрываются за плотными занавесками. Полиция давно уже отчаялась навести здесь хотя бы видимость порядка и заботится лишь о том, чтобы скверна не выходила за границы района и не заражала внешний мир. При появлении патруля на улицах воцаряется мрачное, напряженное молчание, и таким же молчанием отвечают на все вопросы следователей задержанные в Ред-Хуке правонарушители. По свое пестроте состав преступлений здесь не уступает этносу — в посвященном этому району разделе полицейского архива можно найти все виды беззакония, начиная от контрабанды спиртным и «белой костью» и кончая самыми отвратительными случаями убийства и членовредительства. И если статистический уровень преступности в Ред-Хуке не выше, чем в остальных примыкающих районах, то в этом заслуга отнюдь не полиции, но ловкости, с какой здесь умеют скрывать грязные дела. Достаточно заметить, что отнюдь не все люди, ежедневно прибывающие в Ред-Хук, возвращаются обратно — обычно только самые неразговорчивые.

В настоящем положении дел Мелоун обнаружил едва уловимые признаки некой тщательно оберегаемой, некой ужасной

тайны, не сравнимой ни с одним из самых тяжких общественных пороков, о которых столь отчаянно вопиют добропорядочные граждане и которые столь охотно бросаются исцелять священники и филантропы. Ему, совмещавшему в себе пылкое воображение со строгим научным подходом, как никому другому было ясно, что современный человек, поставленный в условия беззакония, неумолимо скатывается до того, что в своей повседневной и религиозной практике начинает следовать не указаниям разума, а темным инстинктам, сохранившимся у него с доисторических времен, когда он еще мало чем отличался от обезьяны. Именно поэтому горланящие и сыплющие ругательствами процессии молодых людей с невидящими глазами и отмеченными оспой лицами, попадавшиеся детективу в предрассветные часы на замусоренных улицах Ред-Хука, заставляли его всякий раз вздрагивать от отвращения чисто антропологического свойства. Группки этих молодых людей можно было увидеть повсюду: то они приставали к прохожим на перекрестках, то, развалившись на дверных ступенях, наигрывали на примитивных музыкальных инструментах какие-то непостижимые мелодии, то пьянствовали или пичкали друг друга грязными историями у столиков кафетерия в Боро-Холл, а то заговорщицки шептались о чем-то, столпившись вокруг заляпанного грязью такси, припаркованного у высокого крыльца одного из полуразвалившихся домов с заколоченными окнами. При всей своей омерзительности они интересовали Мелоуна гораздо больше, чем он мог признаться своим товарищам по службе, ибо за ними скрывалась некая чудовищная сила, берущая начало в неведомых глубинах времени, некое враждебное, непостижимое и бесконечно древнее социальное существо, в своих проявлениях не имеющее ничего общего с бесконечными списками деяний, повадок и притонов преступного мира, с таким тщанием составляемыми в полицейских архивах. Внутри его зрело убеждение, что эти молодые подонки являются носителями какой-то жуткой доисторической традиции, хранителями беспорядочных, разрозненных обломков культов и обрядов, возраст которых превосходит возраст человечества. Слишком уж сплоченными и осмысленными были их действия, и слишком уж строгий порядок чувствовался за их внешней безалаберностью и неряшливостью. Мелоуну не доводилось попусту тратить время на чтение таких книжонок, как принадлежащие перу мисс Мюррей «Колдовские культы Западной Европы», а потому ему и в голову не приходило усомниться в том, что среди крестьян и некоторых других слоев населения издревле существует обычай устраивать нечестивые тайные сборища и оргии, восходящий к темным религиозным системам доа-

рийского периода и запечатленный в народных преданиях как «черная месса» или «ведьмовской шабаш». Он ничуть не сомневался и в том, что зловещие порождения урало-алтайского шаманства и азиатских культов плодородия дожили до наших дней, и лишь иногда содрогался, пытаясь представить себе, насколько древнее и ужаснее должны они быть своих самых древних и самых ужасных описаний.

3

Заняться серьезным изучением Ред-Хука Мелоуна заставило дело Роберта Сейдема. Сейдем, ученый потомок древнего голландского рода, после смерти родителей унаследовал ровно такое количество денег, которое позволяло ему не гнуть спину ради хлеба насущного, и с тех пор жил отшельником в просторном, но изрядно пострадавшем от времени особняке, что его дед своими руками построил во Флэтбуше во времена, когда эта деревушка представляла из себя не более, чем живописную группу коттеджей в колониальном стиле, притулившихся к островерхой, увитой плющом протестанской церквушке с небольшим голландским кладбищем позади. В этом уединенном жилище, возвышающемся в окружении почтенного возраста деревьев, Сейдам провел за книгами и размышлениями без малого шестьдесят лет, отлучившись лишь однажды, лет сорок тому назад, к берегам Старого Света, где и пребывал, занимаясь неизвестно чем, полных восемь лет. Он не держал слуг и мало кому позволял нарушать свое добровольное затворничество. Старых друзей он давно научился избегать, а немногочисленных знакомых, с кем еще поддерживал отношения, принимал в библиотеке — единственной из трех комнат первого этажа, которая содержалась в относительном порядке и была заставлена по стенам высоченными — от пола до потолка — стеллажами с наваленными на них кипами пухлых, замшелых от древности и отталкивающих с виду томов. Расширение городских пределов и последовавшее вслед за этим поглощение Флэтбуша Бруклином прошло для Сейдема абсолютно незамеченным, да и город постепенно перестал замечать его. Если пожилые люди при редких встречах на улице еще узнавали его, то для молодого поколения он был не более чем забавным толстым старикашкой, чей несуразный облик, включавший в себя нечесаную седую шевелюру, всклокоченную бороду, потертую до блеска черную пиджачную пару и старомодную трость с позолоченным набалдашником, неизменно служил поводом для улыбок. До тех пор, пока этого не потребовала служебная необходимость, Мелоуну не доводилось лично

встречаться с Сейдемом, однако ему не раз рекомендовали голландца как крупнейшего авторитета в области средневекового оккультизма, и однажды он даже собрался было взглянуть на принадлежащую его перу монографию, посвященную влиянию Каббалы (12) на легенду о докторе Фаусте — труд, который один из друзей детектива взахлеб цитировал наизусть, — но то обстоятельство, что книга была стремительно раскуплена, и нигде невозможно было найти ни одного экземпляра, помешала осуществлению сего намерения.

Сейдам стал представлять из себя «дело» после того, как какие-то его отдаленные и чуть ли не единственые родственники потребовали вынесения судебного определения о его невменяемости. Требование это, каким бы неожиданным оно ни показалось людям несведущим, явилось результатом длительных наблюдений и ожесточенных споров внутри семьи. Основанием для него послужили участившиеся в последнее время странные высказывания и поступки почтенного патриарха: к первым можно было отести постоянные упоминания каких-то чудесных перемен, которые вот-вот должны явиться миру, к последним — недостойное пристрастие к самым грязным и подозрительным притонам Бруклина. С годами он все меньше обращал внимание на свой внешний вид, и теперь его можно было принять за заправского нищего, что, кстати, не раз случалось с его друзьями, которые, к своему стыду и ужасу, замечали знакомые черты в опустившемся бродяге, доверительно шепчущимся со стайками смуглых, бандитского вида обитателей трущоб на станции подземки или на скамейке возле Боро-Холл. Все разговоры с ним сводились к тому, что, загадочно улыбаясь и через каждое слово вставляя мифологемы типа «Зефирот», «Асмодей» и «Самаэль», он принимался распространяться о каких-то могущественных силах, которые ему уже почти удалось подчинить своей власти. Судебное дознание установило, что почти весь свой годовой доход и основной капитал Сейдем тратил на приобретение старинных фолиантов, которые ему доставляли из Лондона и Парижа, да на содержание убогой квартиры, снятой им в цокольном этаже одного из домов в Ред-Хукс. В этой квартире он проводил чуть ли не каждую ночь, принимая странные делегации, состоящие из экзотического вида иностранных и отечественных подонков всех мастей, и проводя за ее наглухо зашторенными окнами нечто вроде церковных служб и священнодействий. Сопровождавшие его по пятам агенты докладывали о странных воплях и песнопениях, что доносились до них сквозь громовой топот ног, служивший аккомпанементом этим ночным сборищам, и невольно поеживались, вспоминая их нечестивую, неслыханную даже для

такого давно уже привыкшего к самым жутким оргиям района, как Ред-Хук, экстатичность и разнузданность. Однако, когда началось слушание дела, Сейдаму удалось сохранить свободу. В зале суда манеры его снова стали изящными, а речи — ясными и убедительными. Ему не составило труда объяснить странности своего поведения и экстравагантность языка всецелой погруженностью в особого рода научное исследование. Он сказал, что все последнее время посвящал детальному изучению некоторых явлений европейской культуры, что неизбежно требовало тесного соприкосновения с представителями различных национальностей, а также непосредственного знакомства с народными песнями и танцами. Что же касается абсолютно нелепого предположения о том, что на его деньги содержится некая секретная преступная организация, так оно лишь еще раз подчеркивает то непонимание, с каким, как ни прискорбно, зачастую приходится сталкиваться настоящему ученому в своей работе. Закончив эту блистательно составленную и хладнокровно произнесенную речь, он дождался вынесения вердикта, предоставлявшего ему полную свободу действий, и удалился восвояси, исполненный гордости и достоинства, — чего нельзя было сказать о приставленных частных детективах, нанятых на деньги Сейдамов, Корлеаров и Ван Брунтов.

Именно на этой стадии к делу подключились федеральные агенты и полицейские детективы, в числе последних и Мелоун. Блюстители порядка присматривались к действиям Сейдама со все нараставшим интересом и довольно часто приходили на помощь частным детективам. В результате этой совместной работы было выявлено, что новые знакомые Сейдама принадлежали к числу самых отъявленных и закоренелых преступников, которых только можно было сыскать по темным закоулкам Ред-Хука, и что по крайней мере треть из них неоднократно привлекалась к ответственности за воровство, хулиганство и незаконный ввоз эмигрантов. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что круг лиц, в котором вращался ныне престарелый затворник, почти целиком включал в себя одну из самых опасных преступных банд, издавна промышлявшей на побережье контрабандой живого товара — в основном, всякого безымянного и безродного азиатского отребья, которое благоразумно заворачивали назад на Эллис-Айленде. В перенаселенных трущобах квартала, известного в те времена как Паркер-Плейс, где Сейдам содержал свои полуподвальные аппартаменты, постепенно выросла весьма необычная колония никому неведомого узкоглазого народца, родство с которым, несмотря на сходство языка, в самых энергичных выражениях отрицали все выходцы

из Малой Азии, жившие по обе стороны Атлантик-Авеню. За отсутствием паспортов или каких-либо иных удостоверений личности они, конечно, подлежали немедленной депортации, однако шестерни механизма, именуемого исполнительной властью, порою раскручиваются очень медленно, да и вообще, редко кто отваживался тревожить Ред-Хук, если его к тому не принуждало общественное мнение.

Все эти жалкие создания собирались в полуразвалившейся, по средам используемой в качестве танцевального зала каменной церкви, которая возносила к небу свои готические контрфорсы в беднейшей части портового квартала. Номинально она считалась католической, но в действительности во всем Бруклине не нашлось ни одного святого отца, который бы не отрицал ее принадлежность к конгрегации, чему охотно верили полицейские агенты, дежурившие около нее по ночам и слышавшие доносящиеся из ее недр странные звуки. Им становилось не по себе от воплей и барабанного боя, сопровождавших таинственные службы; что же касается Мелоуна, так он гораздо больше страшился зловещих отголосков каких-то диких мелодий (исходящих, казалось, из установленного в потайном подземном помещении расстроенного органа), которые достигали его слуха в моменты, когда церковь была пуста и неосвещена. Дававший по этому поводу объяснения в суде Сейдем заявил, что, по его мнению, этот действительно не совсем обычный ритуал представлял из себя смесь обрядов несторианской церкви и тибетского шаманства. Как он полагал, большинство участников этих сборищ относились к монголоидной расе и происходили из малоизученных областей Курдистана (при этих словах у Мелоуна захолонуло в груди, ибо он вспомнил, что Курдистан является местом обитания йезидов (13), последних уцелевших приверженцев персидского культа почитания дьявола). Однако, чем бы ни кончилось слушание дела Сейдама, оно пролило свет на постоянно растущую волну нелегальных иммигрантов, при активном содействии контрабандистов и по недосмотру таможенников и портовой полиции захлестывающую Ред-Хук от Паркер-Плейс до верхних кварталов, где, подчиняясь законам взаимовыручки, вновь прибывших азиатов приветствовали их уже успевшие обжиться в новых условиях братья. Их приземистые фигуры и характерные узкоглазые физиономии, странным образом контрастирующие с надетыми на них крикливыми американскими нарядами, все чаще можно было увидеть в полицейских участках среди взятых с поличным на Боро-Холл воришек и бродячих гангстеров, и в конце концов было решено произвести их перепись, установить, откуда они берутся и чем

занимаются, а потом передать в ведение иммиграционных властей. По соглашению между федеральными и городскими властями, дело это было поручено Мелоуну, и вот тогда-то, едва начав свое скитание по выгребным ямам Ред-Хука, он и оказался в положении человека, балансирующего на лезвии ножа над пропастью, имя которой было ужас и в глубине которой можно было различить жалкую, потрепанную фигурку Роберта Сейдама.

4

Методы работы полиции отличаются широтой и разнообразием. За время своего бродяжничества Мелону удалось узнать немало разрозненных фактов, касающихся организации, чьи нелицеприятные контуры начали вырисовываться в голове детектива благодаря когда разговорам с тщательно отслеженными «случайными знакомыми», когда вовремя предложенной фляжке с дешевым пойлом, отныне неизменно присутствующей в его заднем брючном кармане, а когда и суровым допросам вконец перепуганных заключенных. Иммигранты действительно оказались курдами, однако, говорили они на неведомом современной лингвистической науке диалекте. Те немногие из них, что добывали себе пропитание честным трудом, в основном работали на подхвате в доках или спекулировали всякой мелочью, хотя некоторых из них можно было увидеть и за плитой греческого ресторанчика, и за стойкой газетного киоска. Однако, подавляющая их часть не имела видимых средств к существованию и специализировалась по различным уголовным профессиям, самыми безобидными из которых были контрабанда и бутлегерство. Все они прибывали на пароходах — трамповых сухогрузах, судя по описанию — и темными, безлунными ночами переправлялись в шлюпках к какой-то пристани, соединенной потайным каналом с небольшим подземным озером, расположенным под одним из домов на Паркер-Плейс. Что это были за пристань, канал и дом, Мелоуну узнать не удалось, поскольку все его собеседники сохранили лишь самые смутные воспоминания о своем прибытии, которые, к тому же, излагали на столь ужасном наречии, что расшифровать его было не под силу самым способным переводчикам. Неясной оставалась и цель, с которой все новые и новые партии курдов завозились в Ред-Хук. На все расспросы относительно их прежнего места жительства, равно как и агенства, предложившего им переехать за океан, они отвечали молчанием, однако было замечено, что как только речь заходила о причине, побудившей их поселиться

здесь, на их лицах появлялось выражение неприкрытого ужаса. В равной степени неразговорчивы оказались и гангстеры других национальностей, и все сведения, которые в конце концов удалось собрать, ограничивались лишь смутными упоминаниями о каком-то боге или великом жреце, который пообещал курдам неслыханное досле могущество, власть и неземные наслаждения, которые они обретут в далекой стране.

Вновь прибывшие иммигранты и бывалые гангстеры продолжали с завидной регулярностью посещать строго охраняемые ночные бдения Сейдема, а вскоре полиция установила, что бывший затворник снял еще несколько квартир, куда можно было войти, только зная определенный пароль. В целом эти конспиративные жилища занимали три отдельных дома, которые и стали постоянным пристанищем для сейдемовских странных друзей. Сам он теперь почти не появлялся во Флэтбуше, изредка забегая туда лишь затем, чтобы взять или положить обратно какую-нибудь книгу. Внешний облик старого голландца продолжал медленно, но неуклонно меняться — теперь в чертах его лица, равно как и в поведении сквозила некая неизвестно откуда взявшаяся диковатость. Дважды Мелоун пытался заговорить с ним, но оба раза разговор кончался тем, ему было велено убираться восвояси. Сейдам заявил, что он знать ничего не знает ни о каких заговорах и организациях и понятия не имеет о том, откуда в Ред-Хукс берутся курды и чего они хотят. Его забота — изучать, по возможности в спокойной обстановке, фольклор всех иммигрантов района, а забота полицейских — охранять правопорядок, по возможности не суя нос в чужие дела. Мелоун не забыл упомянуть о своем восхищении, которое вызвала в нем монография Сейдама, посвященная Каббале и древним европейским мифам, но смягчить старика ему не удалось. Почувствовав подвох, последний весьма недвусмысленно посоветовал детективу катиться куда подальше, что тот и сделал, решив отныне прибегать к иным источникам информации.

Что еще удалось бы раскопать Мелоуну, продолжай он постоянно работать над этим делом, мы теперь никогда не узнаем. Случилось так, что идиотская распря между городскими и федеральными властями на долгие месяцы затормозила расследование, и Мелоуну пришлось заняться другими делами. Но он ни на секунду не забывал о Ред-Хукс и потому был удивлен чуть ли не больше других, когда с Робертом Сейдемом начали происходить удивительные перемены. Как раз в то время, когда весь Нью-Йорк был взбудоражен прокатившейся по городу волной похищений и таинственных исчезновений детей, старый неряха-ученый претерпевал метаморфозы весьма загадочного и

в равной степени абсурдного характера. Однажды он появился в Боро-Холл с чисто выбритым лицом, аккуратно подстриженными волосами и в безупречно подобранном костюме. С тех пор каждый новый день добавлял к его облику все новые черты светскости, и вскоре он уже мало чем отличался от самых утонченных щеголей, поражая знакомых несвойственными ему ранее блеском глаз, живостью речи и стройностью некогда грузной фигуры. Теперь, снова обретя эластичность походки, бойкость манер и (как ни странно!) природный цвет волос, он выглядел гораздо моложе своих лет. С течением времени он начал одеваться все менее консервативно и в конце концов окончательно сразил своих друзей серией многолюдных приемов, устроенных в его заново переоборудованном флэтбушском доме, куда он пригласил не только всех, кого мог припомнить, но и своих полностью прощенных родственников, которые еще совсем недавно яростно добивались его изоляции. Некоторые из гостей приезжали ради любопытства, другие — из чувства долга, но и те и другие не могли скрыть приятного удивления, вызванного умом и обворожительными манерами бывшего отшельника. Он заявил, что в основном закончил работу всей своей жизни, и теперь, после получения кстати пришедшегося наследства, завещанного ему одним полузабытым другом из Европы, он собирается потратить остаток своих дней на удовольствия, которые обещает ему вторая юность, ставшая возможной благодаря покою, диете и тщательному уходу за собой. Все реже и реже можно было увидеть его в Ред-Хуке, и все чаще и чаще появлялся он в обществе, для которого был предназначен от рождения. Полицейские отметили, что гангстеры, ранее собиравшиеся в цокольном помещении на Паркер-Плейс, теперь зачастили в старую каменную церковь, используемую по средам в качестве танцевального зала, но и прежние, все еще принадлежащие Сейдаму квартиры, не были забыты, и там по-прежнему селилась вся районная нечисть.

Затем произошли два на первый взгляд ничем не связанных между собой, но в равной степени важных для Мелоуна события. Первым из них явилось короткое объявление в «Орле», извещающее о помолвке Роберта Сейдема и юной мисс Корнелии Гристен, дальней родственницы новоиспеченного жениха, проживавшей в Бейсайде и прекрасно зарекомендовавшей себя в самых высших слоях общества. Вторым — обыск, проведенный городской полицией в старой церкви после того, как какой-то насмерть перепуганный горожанин доложил, что в одном из полуподвальных окон здания ему на секунду померещилось лицо ребенка. Мелоун, принимавший участие в облаве, воспользо-

вался случаем и с особым тщанием исследовал каждую деталь интерьера. Полиция не нашла ровным счетом ничего — более того, все место выглядело так, будто его не посещали уже тысячу лет, — но обостренное кельтское восприятие Мелоуна не могло пройти мимо некоторых очень подозрительных, очень неуместных в церкви вещей. Чего стоили хотя бы фрески, грубо намалеванные на панелированных стенах! Фрески, на которых лицам святых были приданы такие сардонические выражения и такие вольные позы, что, пожалуй, их не одобрил бы и самый заядлый атеист. Да и греческая надпись, что шла поверх кафедры, пробудила в нем отнюдь не самые приятные ассоциации, ибо бывший студент Тринити-Колледж не мог не узнать в ней древнее колдовское заклинание, на которое он однажды наткнулся, перебирая пыльные рукописи, в университетской библиотеке и которое буквально гласило следующее:

«О друг и возлюбленный ночи, ты, кому по душе собачий лай и льющаяся кровь, ты, что крадешься в тени надгробий, ты, что приносишь смертным ужас и взамен берешь кровь, Горго, Мормо, тысячеликая луна, благоволи принять наши скромные подношения!»

При виде этой надписи, странным образом пробудившей у него в памяти отголоски диких органных мелодий, что во время его ночных бдений у стен церкви доносились, казалось, откуда-то из-под земли, Мелоуна охватила невольная дрожь. Ему пришлось содрогнуться еще раз, когда, обследуя алтарь, он обнаружил металлическую вазу, по краям которой шла темная, похожая на ржавчину полоска, а удушливая волна смрада, внезапно налетевшая невесть откуда и ударившая ему в нос, заставила его на минуту-другую застыть на месте от ужаса и отвращения. Память о варварских органных наигрышах не давала ему покоя, и, прежде чем уйти, он тщательно обшарил все подвальные помещения, но так ничего и нашел. Каким бы подозрительным ни казалось ему это место, он ничего не смог бы доказать, а все его интуитивные догадки относительно богохульственных фресок и надписей могли быть легко опровергнуты предположением, что они являются всего лишь плодом невежества и неискусность церковного художника.

Ко времени сейдемовской свадьбы похищения детей, вылившиеся в настоящую эпидемию, стали привычной темой газетных пересудов. Подавляющее большинство жертв этих странных преступлений происходили из семей самого низкого пошиба, однако все увеличивающееся число исчезновений вызвало у общественности настоящую бурю эмоций. Заголовки газетных статей призывали полицию положить конец беспрецедентной вспышке

насилия, и властям не оставалось ничего иного, как вновь послать детективов из полицейского участка на Батлер-Стрит искать в Ред-Хуке возможные улики, новые обстоятельства и потенциальных преступников. Мелоун обрадовался возможности снова пойти по старому следу и с готовностью принял участие в облаве, проведенной в одном из домов Сейдама на Паркер-Плейс. Несмотря на поступившие сообщения о доносившихся из дома криках и найденной на заднем дворе окровавленной ленточки — из тех, что маленьким девочкам вплетают в волосы, — полиция не обнаружила внутри никаких следов похищенных детей. Однако чудовищные рисунки и надписи, выцарапанные на облупившихся стенах почти во всех комнатах, а также примитивная химическая лаборатория, оборудованная на чердаке, утвердили Мелоуна во мнении, что за всем этим скрывается какая-то поистинне ужасная тайна. Рисунки были на редкость отталкивающими — никогда ранее детективу не доводилось видеть такого количества чудищ всех мастей и размеров. Многочисленные надписи были выполнены каким-то красным веществом и являли собою смешение арабского, греческого, латинского и древнееврейского алфавитов. Мелоун не смог толком прочитать ни одной из них, однако и того, что ему удалось расшифровать, хватило, чтобы остановить кровь в его жилах. Ибо одна из наиболее часто повторявшихся инскрипций, нацарапанная на на эллинистическом варианте древнегреческого языка, изрядно сдобренного ивритом, носила очевидное сходство с самыми жуткими заклинаниями, которыми когда-либо вызывали дьявола под крышами безбожной Александрии:

«HEL . HELOYM . SOTHER . EMMANVEL . SABAOTH . AGLA . TETRAGRAMMATON . AGYROS . OTHEOS . ISCHIROS . ATHANATOS . IEHOVA . VA . ADONAI . SADAY . HOMOVSION . MESSIAS . ESCHEREHEYE» (14)

Встречавшиеся на каждом шагу магические круги и пентаграммы весьма недвусмысленно указывали на предмет религиозного поклонения обитателей этого весьма обшарпанного жилища, прозябавших в нищете и убогости. Последнее обстоятельство было тем более странно, если учесть, что в погребе полицейские обнаружили совершенно невообразимую вещь — небрежно прикрытую куском старой мешковины груду полновесных золотых слитков, на сияющей поверхности которых присутствовали все те же загадочные иероглифы, что и на стенах верхних помещений! Во время облавы полицейским не пришлось столкнуться со сколько-нибудь организованным сопротивлением — узкоглазые азиаты, высыпавшие из каждой двери в неисчислимом количестве, позволяли делать с собою, что угод-

но. Не найдя ничего существенного, представители власти убрались восвояси, но возглавлявший отряд капитан позднее послал Сейдему записку, в которой рекомендовал последнему быть более разборчивым в отношении своих жильцов и протеже ввиду сложившегося вокруг них неблагоприятного общественного мнения.

5

А потом наступил июнь, и Сейдем отпраздновал свадьбу, которая надолго запомнилась местным обывателям. Ни одно событие на их памяти не могло сравниться по своему великолепию с этим празднеством, которое Сейдемы и Герристены устроили им на удивление. Начиная с полудня, весь Флэтбуш был запружен роскошными автомобилями, чьи разноцветные флажки весело развевались на ветру, а имена многочисленых приглашенных, сопровождавших новобрачных на пристань Кунард-Пиэр, если и не составляли украшение нью-йоркских светских хроник, то, по крайней мере, регулярно фигурировали в них. В пять часов прозвучали последние пощания; огромный трансатлантический лайнер медленно отвалил от длинного причала и, неуклюже развернувшись носом на восток и отдав буксирные концы, величественно направился в безбрежные водные просторы, за которыми лежали все чудеса и соблазны Старого Света. К наступлению сумерек лайнер вышел за пределы внешней гавани Нью-Йорка, и припозднившиеся на прогулочной палубе пассажиры получили возможность вволю полюбоваться отражением звезд на незамутненных водах океана.

Сейчас уже никто не может сказать, что именно — гудок следовавшего встречным курсом парового сухогруза или жуткий вопль, донесшийся с нижней палубы — первым нарушило мирное течение жизни на судне. Возможно, оба прозвучали одновременно, но сейчас это уже не имеет никакого значения. Кричали в каюте Сейдема, и вполне вероятно, что если бы матросу, взломавшему дверь и поспешившему на помощь молодоженам, удалось сохранить рассудок, он мог бы порассказать немало страных и ужасных вещей о том, что он там увидел. Однако, этого ему не удалось — издав душераздирающий крик, по громкости превосходивший первые вопли жертв, он выскочил из каюты и принялся, завывая, носиться по всему кораблю. Потребовалось немало труда, чтобы изловить его и заковать в железо. Корабельный врач, минуту спустя вошедший в покои новобрачных, избежал сей жалкой участи, но все последующие годы хранил гробовое молчание относительно того, что предста-

ло его взору в то роковое мгновение. Исключением послужило одно-единственное письмо, которое он отправил Мелоуну в Чепачет. В нем он подтвердил, что кошмарное происшествие было запротоколировано как убийство, однако, естественно, ни в одном полицейском протоколе не были засвидетельствованы такие очевидные пустяки, как, например, глубокие царапины на шее миссис Сейдам, которые не могли быть оставлены рукой ее супруга, да и вообще любой другой человеческой рукой, или кроваво-красная надпись, некоторое время зловеще мерцавшая на стене каюты и позднее восстановленная доктором по памяти как халдейское «ЛИЛИТ». Стоило ли обращать внимание на подобные вещи, которые, к тому же, через несколько минут пропали без следа? Что же касается тела Сейдема, то врачу потребовалось сделать над собой изрядное усилие, прежде чем он смог приступить к осмотру омерзительных останков. В своем послании к Мелоуну доктор сделал особый упор на то, что ему не довелось лицезреть саму ТВАРЬ. За секунду до того, как он включил свет, за открытым иллюминатором каюты промелькнула какая-то фосфорецирующая тень и в воздухе прозвучал слабый отголосок дьявольского смешка, но ничего более определенного ему явлено не было. Доказательством тому, утверждал доктор, может послужить тот факт, что он все еще находится в здравом уме.

Несколько минут спустя внимание экипажа целиком переключилось на подошедший вплотную к ним сухогруз. С парохода была спущена шлюпка, и вскоре толпа смуглых, вызывающего вида оборванцев, облаченных в потрепанную форму береговой полиции, уже карабкалась на борт лайнера, который ввиду всех этих весьма необычных обстоятельств временно застопорил машины. Вновь прибывшие тут же потребовали выдать им Сейдема или его тело — как видно, они знали не только о том, что он находится на борту, но и каким-то непостижимым образом уже пронюхали о его смерти. В тот момент на капитанском мостике воцарилось настоящее столпотворение, ибо два таких события, как доклад перепуганного доктора об увиденном им в каюте и последовавшее непосредственно за ним дикое требование невесть откуда взявшихся полицейских, могло поставить в тупик и мудрейшего из мудрецов, а не то что простого служаку-моряка. Капитан все еще колебался, не зная, как ему поступить, когда предводитель назойливых визитеров, темнокожий араб с пухлыми губами, свидетельствовавшими о том, что в его жилах течет негритянская кровь, протянул ему порядком помятый и замызганный листок бумаги. Он был подписан

Робертом Сейдемом и содержал следующее странноватое сообщение:

В случае, если мне суждено стать жертвой внезапного, равно как и необъяснимого, несчастного случая, и буде он приведет к моей смерти, прошу вас незамедлительно и беспрекословно передать мое тело в руки подателя сего послания и его помощников. От вашей сговорчивости целиком и полностью зависит как моя собственная, так и, вполне возможно, ваша дальнейшая судьба. Все объяснения будут представлены позднее — исполните лишь то, о чем я вас прошу сейчас!

Роберт Сейдем

Капитан и доктор обменялись удивленными взглядами, после чего последний прошептал что-то на ухо первому. В конце концов оба беспомощно пожали плечами и повели непрошенных гостей к аппартаментам Сейдема. Когда они отпирали дверь каюты, доктор посоветовал капитану не смотреть внутрь. Все последующее время, пока пришельцы находились внутри, он провел, как на иголках, немного успокившись только после того, как вся эта разношерстная толпа повалила наружу, унося на плечах свою плотно завернутую в простыню ношу. Он возблагодарил Бога за то, что сверток оказался достаточно тугим для того, чтобы не выдавать очертаний сокрытого внутри предмета, и что у носильщиков хватило ловкости не уронить его по дороге к ожидавшей их у правого борта шлюпке. Лайнер возобновил свой путь, а доктор и корабельный гробовщик вновь отправились в злосчастную каюту, чтобы оказать последние услуги остававшейся в ней мертвой женщине. Там врачу пришлось пережить очередное ужасное откровение, еще более усугубившее его скрытность и даже принудившее к откровенному искажению истины. Ибо когда гробовщик спросил, зачем доктору понадобилось выпускать всю до последней капли кровь из тела миссис Сейдам, у него не хватило смелости признаться, что он не имел к этому злодеянию ни малейшего отношения. Равно как не стал он обращать внимание своего спутника и на пустые ячейки в сетке для бутылок, и на резкий запах спиртного, доносившийся из водослива, куда, несомненно, и было вылито их изначальное содержимое. Только тут он вспомнил, что карманы темнокожих моряков — если, конечно, они были моряками и вообще людьми — сильно оттопыривались, когда они возвращались к своей шлюпке. Как бы то ни было, но два часа спустя на берег была послана радиограмма, и мир узнал все, что ему полагалось знать об этой трагедии.

6

Тем же самым июньским вечером ничего не подозревавший о случившемся на судне Мелоун носился по узким улочкам Ред-Хука в состоянии крайнего возбуждения. Район бурлил, как потревоженный муравейник, а таинственные азиаты — все как на подбор старые знакомцы детектива, — словно оповещенные каким-то неведомым сигналом, в огромном количестве собирались и, казалось, ожидали чего-то возле старой церкви и сейдемовских квартир на Паркер-Плейс. Только что стало известно о трех новых похищениях — на этот раз жертвами стали белокурые, голубоглазые отпрыски норвежцев, уже два века, как мирно населявших Гауэнес, до тех пор относительно благополучный район нью-йоркских пригородов, — и до полиции дошли слухи, что взбешенные потомки викингов формируют ополчение, призванное навести порядок в Ред-Хуке и наказать виновных средствами самосуда. Мелоун, который уже несколько недель убеждал начальство произвести всеобъемлющую чистку в этом районе, наконец преуспел в своих попытках — под давлением обстоятельств, более понятных трезвому рассудку, чем домыслы дублинского мечтателя, руководство городской полицией все-таки решилось нанести сокрушительный удар по гнезду порока. Накаленая обстановка, сложившаяся в районе в тот вечер, только ускорило дело, и около полуночи сводные силы трех близлежащих полицейских участков ворвались на площадь Паркер-Плейс и прилегающие к ней улицы, арестовывая всех, кто только ни подворачивался под руку. Когда были взломаны двери конспиративных жилищ, из полутемных, освещаемых только чадящими канделябрами комнат наружу хлынули неописуемые орды азиатов, среди которых попадалось немало таких, что имели на себе митры, пестрые узорчатые халаты и другие ритуальные парафернали, о значении которых можно было только догадываться. Большинство улик было утрачено в суматохе, ибо арестованные умудрялись выбрасывать какие-то предметы в узкие колодцы, о существовании которых полиция ранее и не подозревала и которые вели, казалось, к самому центру земли. Густой аромат поспешно воскуренного благовония скрыл все подозрительные запахи, но кровь — кровь была повсюду, и Мелоун содрогался от отвращения всякий раз, как взгляд его натыкался на очередной алтарь с еще дымящейся на нем жаровней.

Мелоун разрывался на части от желания попасть всюду ра-

зом, и наконец, после того, как ему сообщили о том, что старинная церковь на Паркер-Плейс полностью очищена от злоумышленников и что там не осталось ни одного необследованного уголка, остановил свой выбор на полуподвальной квартире Сейдема. Он полагал, что именно там спрятана отмычка, которая позволит ему проникнуть в самое сердце таинственного культа, центральной фигурой которого — теперь уже без всякого сомнения — являлся пожилой ученый-мистик. Поэтому понятно то рвение, с каким он рылся в пыльных, пахнущих сыростью и могилой комнатах, перелистывая диковинные древние книги и изучая невиданные приборы, золотые слитки и небрежно разбросанные там и сям пузырьки, запечатанные стеклянными пробками. Один раз он едва не споткнулся о тощего, черного с белыми пятнами кота, который скользнул у него между ногами, попутно опрокинув стоящую на полу склянку с какой-то темно-красной жидкостью. Он здорово испугался, но отнюдь не от неожиданности. И по сей день детектив толком не может сказать, что ему померещилось тогда; однако всякий раз этот кот является ему в снах, и он снова и снова видит, как тот поспешно уносится прочь, претерпевая на ходу чудовищные превращения. Потом он наткнулся на эту ужасную подвальную дверь и долго искал, чем бы ее выбить. Под руки ему попалось старинное тяжелое кресло, сиденьем которого можно было сокрушить порядочной толщины кирпичную стену, не то что трухлявые от времени доски двери, и он принялся за работу. Нескольких ударов оказалось достаточно, чтобы дверь затрещала, заскрипела и, наконец, рухнула целиком — но под давлением с другой стороны! Оттуда, из зияющей черноты проема, с ревом вырвалась струя ледяного воздуха, в которой, казалось, смешались все самые отвратительные миазмы ада. Оттуда же, из неведомых на земле и на небесах областей, пришла неодолимая затягивающая сила, которая сомкнула свои щупальца вокруг парализованного ужасом детектива и потащила его вниз — сквозь дверной проем и дальше, через необъятные сумеречные пространства, исполненные шепотов и криков и раскатов громового хохота.

Конечно, то был всего лишь сон. Так сказали врачи, и ему нечем было им возразить. Пожалуй, для него самого было бы лучше принять все случившееся как сон — тогда старые кирпичные трущобы и смуглые лица иноземцев не повергали бы его в такой ужас. Но сны не врезаются в память настолько, что никакая сила на свете не может потом вытравить из памяти мрачные

подземные склепы, гигантские аркады и бесформенные тени адских созданий, что чередою проходят мимо, сжимая в когтях полуобглоданные, но все еще живые, тела жертв, вопиющих о пощаде или заходящихся безумным смехом. Там, внизу, дым благовоний смешивался с запахом тлена, и в облаках этих тошнотворных ароматов, проплывавших в ледяных воздушных струях, копошились глазастые, похожие на амебы создания. Темные, маслянистые волны бились об ониксовую набережную, и один раз в их мерный шум вплелись пронзительные, дребезжащие звуки серебряных колокольчиков, приветствовавших появление обнаженной фосфоресцирующей твари (ее нельзя было назвать женщиной), которая, идиотски хихикая, выплыла из клубившегося над водой тумана, выбралась на берег и взгромоздилась на стоящий неподалеку резной позолоченный пьедестал, где и уселась на корточки, ухмыляясь и оглядываясь по сторонам.

Во все стороны от озера расходились черные, как ночь, тоннели, и могло показаться, что в этом месте находится источник смертельной заразы, которой в назначенный час предстоит расползтись по всему свету и затопить города и целые нации зловоною волною поветрия, пред которым побледнеют все ужасы чумы. Здесь веками назревал чудовищный гнойник Вселенной, и сейчас, когда его разбередили нечестивыми ритуалами, он готовился начать пляску смерти, цель которой состояла в том, чтобы обратить всех живущих на земле во вздутые пористые свертки гниющей плоти и крошащихся костей, слишком ужасные даже для могилы. Сатана правил здесь свой Вавилонский бал, и светящиеся, покрытые пятнами разложения руки Лилит были омыты кровью невинных младенцев. Инкубы и суккубы (15) возносили хвалу Великой Матери Гекате, (16) им вторило придурочное блеянье безголовых имбецилов. Козлы плясали под разнузданный пересвист флейт, а эгипаны, (17) оседлав прыгавшие, подобно огромным лягушкам, валуны, гонялись за уродливыми фавнами. Естественно, не обошлось и без Молоха (18) и Астарты (19) — ибо посреди этой квинтэссенции дьяволизма границы человеческого сознания рушились и его взору представали все ипостаси царства зла и все его запретные измерения, когда-либо являвшиеся или прозревавшиеся на земле. Ни созданный человеком мир, ни сама Природа не смогли бы противостоять натиску этих порождений тьмы, освобожденных от своих сумрачных узилищ, равно как ни крест, ни молитва не смогли бы обуздать вальпургиеву пляску ужаса, развязанную тщеславным схо-

ластом, подобравшим ключ к наполненному дьявольским знанием сундуку, который ему принесла невежественная азиатская орда.

Внезапно эту исполненую фантазмов тьму прорезал яркий луч света, и посреди адского гвалта, поднятого богопротивными тварями, Мелоун расслышал плеск весел. Он становился все громче, и вскоре на мутной поверхности озера появилась лодка, на носу у которой был установлен зажженный фонарь. Она пришвартовалась у массивного, вделанного в осклизный булыжник набережной кольца и извергла из своих недр толпу смуглых, странной наружности людей, тащивших на плечах тяжелый, завернутый в простыни куль. Они бросили его к ногам обнаженной фосфоресцирующей твари, что восседала на резном золотом пьедестале, и та довольно захихикала и похлопала по нему рукой. Затем вновь прибывшие развернули куль и извлекли из него полуразложившийся труп дородного старика со щетинистой бородой и всклокоченными седыми волосами, который тут же и прислонили стоймя к пьедесталу. Фосфоресцирующая тварь издала еще один идиотский смешок, после чего люди с лодки достали из карманов какие-то бутыли и, окропив ноги мертвеца наполнявшей их красной жидкостью, передали их твари. Она принялась жадно пить.

В то же самое мгновение в одном из бесконечных сводчатых тоннелей раздались треск и тяжелое сопение раздуваемых органных мехов, и через секунду из его темного зева вырвались низкие надтреснутые звуки нечестивой мелодии, дьявольским образом пародирующей святые гимны. Все вокруг пришло в движение: козлы, сатиры, эгипаны, инкубы, суккубы, лемуры, амебы, кособокие лягушки, ревуны с собачьими мордами и просто безмолвные тени — все это кошмарное сборище образовало своего рода процессию и под предводительством отвратительной фосфресцирующей твари, что до того, хихикая, сидела на золотом троне, а теперь важно выступала, сжимая в руках окоченевший труп дородного старика, направилось туда, откуда доносились холодящие душу звуки. Участники процессии скакали и кривлялись в приступе дионисийского безумия, им вторили танцующие в хвосте колонны странные люди с лодки. Ослепленный, растерянный, потерявший уверенность в своем земном или каком-либо ином существвании Мелоун автоматически сделал было несколько неуверенных шагов вслед удалявшемуся шествию, но тут же пошатнулся и, хва-

тая руками воздух, повалился на мокрый холодный булыжник набережной, где и лежал, задыхаясь и дрожа всем телом, в то время как нарастающие звуки демонического органа постепенно поглощали издаваемые процессией визг и вой, и барабанный бой.

До его притупленного ужасом слуха доносились обрывки непристойных песнопений и отдаленные отзвуки невнятных квакающих голосов. Пару раз он слышал, как вся компания принималась выть и стенать в богохульственном экстазе. Однако вскоре все эти звуки сменились мощным, изрыгаемым тысячами глоток речитативом, в котором Мелоун узнал ужасную греческую надпись-заклинание, что ему довелось прочесть однажды над кафедрой старой, служащей ныне танцевальным залом церкви.

«О друг и возлюбленный ночи, ты, кому по душе собачий лай (в этом месте адское сборище испустило отвратительный вой) и льющаяся кровь (здесь последовали душераздирающие вопли вперемешку со звуками, которым нет названия на земле), ты, что крадешься в тени надгробий, (затем, после глубокого свистящего выдоха) ты, что приносишь смертным ужас и взамен берешь кровь, (далее, вслед за короткими, сдавленными воплями, исшедшими из неисчислимого множества глоток) Горго, (и эхом повторенное) Мормо, (и затем в исступлении экстаза) тысячеликая луна, (и на выдохе, в сопровождении флейт) благоволи принять наши скромные подношения!»

Завершив песнопение, вся компания разразилась бурным весельем. К их крикам примешивались страннные свистящие звуки, похожие на змеиное шипение, и на секунду за общим гвалтом не стало слышно даже органа, который на протяжении всей церемонии не переставал оглашать воздух своим басовитым дребезжанием. Затем из бесчисленных глоток вырвался вопль восхищенного изумления, и стены тоннеля затряслись от оглушительных криков, лая и блеяния — в зависимости от того, каким органом та или иная тварь выражала свой восторг, — общий смысл которых сводился к бесконечному повтору пяти жутких слов: «Лилит, о Великая Лилит! Воззри на своего Жениха!» Новые вопли, шум борьбы — и из тоннеля донеслись быстрые влажные шлепки, как если бы кто-то бежал босиком по мокрому камню. Звуки эти явственно приближались, и Мелоун приподнялся на локте, чтобы лицом к лицу встретить это новое испытание своему рассудку.

Окутывавший подземелье полумрак немного рассеялся, и в

исходившем от стен призрачном свечении взору Мелоуна предстал неясный силуэт бегущего по тоннелю существа, которое по всем законам Божьего мира не могли ни бегать, ни дышать, ни даже собственно существовать. То был полуразложившийся труп старика, оживленный дьявольскими чарами только что завершившегося ритуала. За ним гналась обнаженная фосфоресцирующая тварь, сошедшая с резного пьедестала, а у нее за спиной неслись, пыхтя от усердия, смуглые люди с лодки и вся остальная омерзительная компания. Напрягая каждый полуистлевший мускул, мертвец начал понемногу отрываться от своих преследователей — он явно держал курс на позолоченный резной пьедестал, очевидно, являвшийся призом в этой жуткой гонке. Еще мгновение — и он достиг своей цели, при виде чего отвратительная толпа у него за спиной взвыла и наддала скорости. Но было уже поздно. Ибо, собрав последние силы, труп того, кто был некогда Робертом Сейдемом, одним прыжком одолел последние несколько метров, отделявшие его от пьедестала и со всего размаха налетел на предмет своего вожделения. Сила удара была столь чудовищна, что не выдержали и с треском лопнули мускулы богомерзкого создания и его растерзанное тело бесформенной массой стекло к подножию пьедестала, который, в свою очередь, покачнулся, наклонился и, немного побалансировав на краю набережной, соскользнул со своего ониксового основания в мутные воды озера, скрывавшие под собой немыслимые бездны Тартара. В следующий момент милосердная тьма сокрыла от взора Мелоуна окружавший его кошмар, и он без чувств повалился на землю посреди ужасающего грохота, с которым, как ему показалось, обрушилось на него подземное царство тьмы.

7

Рассказ ничего не подозревавшего о смерти Седема детектива о том, что ему довелось пережить в адском подземелье, странным образом подтверждается несколькими весьма красноречивыми уликами и совпадениями, выявленными в ходе расследования — однако это еще не является основанием для того, чтобы принимать его всерьез. Во время облавы без всякой видимой причины обрушились три старых, изъеденных временем и плесенью дома на Паркер-Плейс, погребя под собой половину полицейских и большую часть задержанных, причем за редким исключением и те, и другие были убиты на месте. Спасти удалось лишь тем, кто в тот момент находился подвалах и цокольных этажах. В числе счастливчиков оказался и Мелоун,

которого обнаружили в состоянии глубокого обморока на берегу черного озера, раскинувшегося глубоко под домом Роберта Сейдема, чье обезображенное тело, представлявшее из себя равномерную массу гниющей плоти и перемолотых костей и идентифицированное лишь по пломбам и коронкам на верхней челюсти, лежало в двух шагах от бесчувственного детектива. Дело представлялось властям совершенно ясным: подземелье было соединено с побережьем узким каналом, по которому остановившие лайнер смуглые псевдотаможенники и доставили Сейдема домой. Их, кстати, так никогда и не нашли — во всяком случае, среди трупов, извлеченных из-под обломков, не нашлось никого, кто хотя бы отдаленно подходил под описание, предоставленное корабельным врачом, до сих пор не разделяющим уверенность полиции в столь простой природе этого таинственного дела.

Очевидно, Сейдам возглавлял обширную организацию контрабандистов, так как ведущий к его дому канал был лишь частью разветвленной сети подземных каналов и тоннелей, опутывавшей всю округу. Один из таких тоннелей соединял его дом с огромным пустым пространством под старой церковью, куда из последней можно было попасть лишь через узкий потайной проход, имевшийся в северной стене здания. В этом подземелье были обнаружены весьма необычные и страшные вещи, в том числе расстроенный орган, установленный посреди просторной молельни с длинными рядами скамеек и отталкивающего вида алтарем. Стены молельни были испещерены темными отверстиями, ведущими к невероятно узким и тесным камерам, в семнадцати из которых были обнаружены скованные по рукам и ногам узники, пребывавшие в состоянии тихого и абсолютно неизлечимого умопомешательства. Страшно сказать, но среди них оказались четыре женщины с новорожденными младенцами на руках, и младенцы эти мало напоминали сынов человеческих. Все они умерли вскоре после того как их вынесли на свет, и полицейские врачи сошлись во мнении, что это был для них самый лучший исход. Однако, ни у кого из осматривавших этих странных выродков специалистов не вспыл в памяти мрачный вопрос старика Дельрио: «An sint unquam daemones incubi et succubae, et an ex tali congressu proles enascia quea?» Ни у одного, кроме Мелоуна.

Прежде чем подземные каналы были засыпаны, их осушили и тщательно обследовали дно. В результате было обнаружено огромное количество костных обломков различной величины. После того всем стало ясно, что именно отсюда исходила зловещая эпидемия киднэпинга, что в последнее время будоражила

весь город. Однако из оставшихся в живых задержанных только двоих удалось притянуть к ответу, да и то они отделались всего лишь тюремным заключением, ибо прямых доказательств их участия в кошмарных убийствах так и не было найдено. Что же касается позолоченного резного пьедестала, который, по словам Мелоуна, представлял из себя предмет первостепенной важности для членов мерзкой секты убийц, то все поиски его оказались безрезультатными. Возможно, конечно, что он угодил в бездонную впадину, что находилась непосредственно под домом Сейдема и была слишком глубока для осушения. В конце концов жерло ее окружили стеной и сверху залили бетоном, чтобы она не мешала закладке фундаментов новых домов, но Мелоун так и не смог заставить себя забыть о ее страшном содержимом. Удовлетворенные успешным завершением операции по разгрому опасной банды религиозных маньяков и контрабандистов, полицейские чиновники передали тех курдов, что оказались непричастными к ее преступным деяниям, федеральным властям. Последние тут же депортировали из страны нежелательных азиатов, попутно установив, что они и в самом деле являются йезидами-дьяволопоклонниками. Паровой сухогрух и его смуглый экипаж так и остались зловещей загадкой для всех, хотя не боящиеся ни Богаб ни черта полицейские и утверждают во весь голос, что в любой момент готовы оказать самый достойный прием этой своре контрабандистов и бутлегеров, стоит им появиться вместе во своим кораблем в здешних водах. На все эти хвастливые утверждения Мелун лишь печально покачивал головой, удивляясь про себя безнадежной ограниченности блюстителей закона, которая не позволяет им обратить внимание как на тысячи лежащих перед самым их носом необъяснимым улик, так и на темную природу этого дела в целом; в равной степени сетует он и на газеты, помещающие на своих страницах лишь отдельные сенсационнные подробности ред-хукского кошмара и в то же время принимающие за незаслуживающую публичного освещения секту маньяков-садистов то, что является манифестацией вселенского ужаса на Земле. Однако ему не остается ничего другого, как мирно сидеть в Чепаекте, залечивая расшатанную нервную систему и моля Бога о том, чтобы все пережитое им за последние месяцы перешло из сферы реальной жизни в область причудливого, невероятного вымысла.

Роберт Сейдам покоится рядом со своей невестой на Гринвудском кладбище. Его омерзительные останки зарыли в землю без обычной в таких случаях церемонии, а многочисленные родственники молодоженов смогли облегченно вздохнуть лишь после того, как ужасное происшествие поросло наконец быльем.

Соучастие пожилого ученого в кошмарных редхукских убийствах так и не было доказано юридически, поскольку смерть помогла ему избежать дознания, которому, в противном случае, он бы неминуемо подвергся. Даже обстоятельства его смерти не получилли широкой огласки, а потому у клана Сейдемов есть все основания надеяться, что последующие поколения запомнят его лишь как тихого затворника, питавшего безобидную страсть к изучению магии и фольклора.

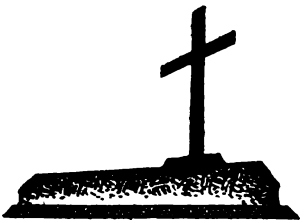
Что же до Зед-Хука, то он ничуть не изменился. Сейдем пришел и ушел — так же мимолетен был сопровождавший его ужас. Но зловещее дыхание тьмы и разложения попрежнему овевает эти скопища старых кирпичных домов, а стайки молодых молодых подонков продолжают сновать по своим неведомым делам под окнами, в которых время от времени мелькают странные огни и перекошенные лица. Переживший века ужас неистребим, как тысячеголовая гидра, а соповождающие его культы берут свои истоки в святотатственных безднах, что будут поглубже демокритова колодца. Дух Зверя вездесущ и всемогущ, а потому горланящие и сыплющие ругательствами процессии молодых людей с невидящими глазами и отмеченными оспой лицами будут продолжать появляться в Ред-Хуке, который является для них некой перевалочной базой, где они ненадолго останавливаются на пути из одной неведомой бездны в другую — на пути, куда их толкают бездушные биологические законы, которые они сами вряд ли понимают. Как и прежде, сегодня в Ред-Хук прибывает больше людей, чем возвращается обратно, и среди местных жителей уже поползли слухи о новых подземных каналах, прорытых контрабандистами и ведущих к тайным центрам торговли спиртным и другими гораздо более предосудительными вещами.

В старой церкви, что ранее использовалась как танцевальный зал только по средам, теперь каждую ночь устраиваются весьма странные увеселения, а редкие прохожие не раз видели в подвальных окнах искаженные ужасом и страданием лица. А совсем недавно один полицейский ни с того ни с сего заявил, что засыпанное подземное озеро, то самое, с зацементированным жерлом глубоководной впадины, было разрыто опять — но кем и с какой целью, он не мог даже предположить.

Кто мы такие, чтобы противостоять Злу, появившемуся на Земле во времена, когда не существовало еще ни человеческой истории , ни самого человечества? Чтобы умилостивить это Зло, наши обезьяноподобные азиатские предки совершали ритуалы, которые и сейчас, подобно раковой опухоли, пожирают все новые и новые кварталы древних кирпичных домов.

Мелоуновские страхи отнюдь не лишены оснований — всего лишь два дня тому назад патрулировавший по Ред-Хуку полицейский услыхал, как в одной темной подворотне смуглая узкоглазая старуха учила крохотную девочку какому-то малопонятному заклинанию. Заинтересовавший происходящим, он остановился и напряг слух. И вот, что он услышал:

«О друг и возлюбленный ночи, ты, кому по душе собачий лай и лющаяся кровь, ты, что крадешься в тени надгробий, ты, что приносишь смертным ужас и взамен берешь кровь, Горго, Мормо, тысячеликая луна, благоволи принять наши скромные подношения!»

ПОГРЕБЕННЫЙ С ФАРАОНАМИ

1

Тайна притягивает тайну. С тех пор, как я приобрел широкую известность в качестве исполнителя невероятных трюков в манере Гарри Гудини (20), я постоянно попадаю во всякого рода загадочные истории, каковые публика, зная мою профессию, связывает с моими интересами и занятиями. Порой эти истории вполне невинны и тривиальны, порой глубоко драматичны и увлекательны, насыщены роковыми и опасными приключениями, а иной раз даже заставляют меня удаляться в обширные научные и исторические изыскания. О многом я уже рассказывал и буду рассказывать впредь без утайки; но есть один случай, о котором я всегда говорю с большой неохотой, и если я теперь собираюсь это сделать, то лишь по настоятельным и назойливым просьбам издателей данного журнала, до которых дошли неясные слухи об этой истории от других членов моей семьи.

Событие это, до сего дня хранившееся мною в тайне, произошло четырнадцать лет назад во время моего посещения Египта в качестве обыкновенного туриста. Я молчал о нем по нескольким причинам. Во-первых, мне не хотелось предавать гласности некоторые безусловно имевшие место факты и обстоятельства, о которых даже не догадываются полчища туристов, осаждающих пирамиды, и которые тщательно скрываются властями Каира, хотя последние, конечно, не могут о них не знать. Во-вторых, мне как-то неудобно излагать инцидент, где такую важную роль играла моя собственная неуемная фантазия. Происходило ли то, свидетелем чему я был — или думал, что был — на самом деле — с достоверностью сказать нельзя; скорее, случившееся следует рассматривать как следствие моих тогдашних штудий в области египтологии и навеянных ими размышлений, на которые меня, к тому же, естественным образом наталкивала окружающая обстановка. Подогретое названными причинами воображение в сочетании с возбуждением, явившимся результатом действительного происшествия, которое было ужасно само по себе, — все это, без сомнения, и привело к кошмару, увенчавшему ту фантастическую ночь что осталась далеко в прошлом.

В январе 1910 года, отработав по контракту в Англии, я подписал договор на турне по театрам Австралии. Условия договора предоставляли мне возможность самому выбрать сроки поездки, и я решил воспользоваться случаем и отправиться в своего рода путешествие, до коих я большой охотник. Вместе с женой мы совершили приятную морскую прогулку вдоль континента и, добравшись до Марселя, сели на пароход «Мальва» компании «Пи энд Оу», державший курс на Порт-Саид, откуда я намеревался начать экскурсию по главным историческим достопримечательностям нижнего Египта и уж затем отправиться в Австралию.

Вояж получился очень милым, в том числе и благодаря нескольким забавным происшествиям, от которых ни один иллюзионист не застрахован даже тогда, когда находится на отдыхе. Я предполагал держать свое имя в секрете, дабы во время путешествия меня никто не беспокоил; но среди пассажиров оказался один факир, чьи настойчивые потуги ошеломить пассажиров показом самых заурядных трюков были настолько смехотворны, что я не мог удержаться от соблазна поставить его на место и повторил те же фокусы с гораздо большим профессионализмом, в результате чего мое инкогнито было безвозвратно погублено. Я рассказываю об этом не ради красного словца, но в виду тех последствий, к которым привела моя неосторожность и которые мне следовало предусмотреть, прежде чем разоблачать себя перед целой толпой туристов, готовой вот-вот рассеяться по долине

Нила. Куда бы я отныне ни направился, меня всюду обгоняла моя известность, лишая нас с супругой спокойствия и несуетности, к которым мы так стремились. Путешествуя в поисках диковин, я сам зачастую становился объектом разглядывания как своего рода диковина.

Отправившись в Египет за колоритными и мистическими впечатлениями, мы были немало разочарованы, когда по прибытии в Порт-Саид увидели одни невысокие песчаные дюны, плавающие в мелкой воде буйки и типичный европейский городок, где все было скучно и неинтересно, за исключением, пожалуй, громадной статуи де Лессепса (21). Тем сильнее охватило нас желание увидеть что-нибудь более заслуживающее внимания, и, посовещавшись, мы решили не мешкая ехать в Каир, к пирамидам, а оттуда — в Александрию, где можно будет сесть на корабль, отплывающий в Австралию, а между делом осмотреть все те греко-римские достопримечательности, которыми только сможет похвастаться эта древняя метрополия.

Путешествие поездом получилось довольно сносное. Всего четыре с половиной часа, но за это время мы успели увидеть значительную часть Суэцкого канала, вдоль которого железная дорога тянется до самой Исмаилии, а немного погодя и отведать Древнего Египта, краем глаза зацепив канал с пресной водой, прорытый еще в эпоху Среднего царства (22) и недавно восстановленный. Но вот, наконец, и Каир, мерцая в сгущающихся сумерках, предстал перед нами — как некое созвездие, тусклый блеск которого превратился в ослепительное сияние, когда мы прибыли на грандиозный центральный вокзал.

И вновь нас постигло разочарование, ибо все, что мы увидели, оказалось европейским, не считая нарядов и лиц. Скучный подземный переход вел на площадь, запруженную экипажами, такси и трамваями и залитую ярким светом электрических огней на высоченных зданиях, а тот театр, где меня тщетно уговаривали выступить и куда я впоследствии попал как зритель, незадолго до нашего приезда был переименован в «Американский космограф». Намереваясь остановиться в отеле «Шепард», мы взяли такси и помчались по широким авеню с фешенебельной застройкой; и среди окружившего нас в отеле комфорта (в основном, англо-американского образца), среди всех этих лифтов и безупречных официантов в ресторане — волшебный Восток с его седою стариной представился нам чем-то бесконечно далеким.

Однако уже на другой день мы с наслаждением окунулись в самую гущу атмосферы «Тысячи и одной ночи», и в лабиринте улиц, в экзотических контурах Каира на фоне неба, казалось, снова ожил Багдад Гаруна аль-Рашида. Сверяясь по «Бедекеру»,

мы миновали площадь Эзбекие и двинулись по улице Муски на восток, в сторону кварталов, населенных коренными жителями. Довольно скоро мы очутились в руках энергичного «чичероне», и, несмотря на все позднейшие метаморфозы, я должен признать, что он был мастером своего дела.

Тогда я еще не понимал, какую ошибку совершил, не обратясь в отеле за услугами официального гида. Теперь перед нами стоял гладко выбритый, сравнительно аккуратный субъект с удивительно глухим голосом; он был похож на фараона и представился нам как Абдул Раис эль-Дрогман. Было очевидно, что он пользуется большим авторитетом среди прочих представителей своего ремесла; правда, в полиции нам потом сообщили, что человек под таким именем им не известен, что слово «раис», по всей видимости, служит частью обращения к любому уважаемому человеку, а «Дрогман» — это, без сомнения, не что иное, как искаженная форма слова «драгоман», обозначающего руководителя туристических групп.

Абдул показал нам такие чудеса, о которых мы раньше только читали и мечтали. Старый Каир уже сам по себе — город-сказка, город-греза: лабиринты узких улочек, окутанных таинственными благовониями; балконы самых прихотливых форм, сходящиеся почти вплотную над вымощенными булыжником мостовыми; совершенно азиатский водоворот уличного движения с его многоязыким гамом, щелканьем бичей, дребезжанием повозок и скрипом телег, звоном монет и криком ослов; калейдоскоп цветастых одежд, тюрбанов, чадр и фесок; водоносы и дервиши, собаки и кошки, гадалки и брадобреи; и, перекрывая все прочие звуки, — причитания нищих слепцов, скрючившихся в своих нишах, и заунывные азаны муэдзинов на минаретах, тонко вычерчивающихся на фоне яркого безукоризненно синего неба.

Не менее заманчивыми оказались и крытые базарные ряды, где, к тому же, было не так шумно. Пряности, духи, ароматические шарики, ковры, шелка, медь; старый Махмуд Сулейман сидит, скрестив ноги, среди своих сосудов с ароматическими смолами, рядом юноши, весело переговариваясь, толкут горчичные зерна в углублении капители древнеримской классической колонны коринфского ордера, завезенной сюда, вероятно, из соседнего Гелиополя, где размещался один из трех легионов императора Августа. А еще мечети и музей — мы осмотрели их все, и еле сохранили свое приподнятое арабское настроение, когда чуть было не поддались темным чарам Египта фараонов, бесценные сокровища которого предлагал нашему взору музей. Большего мы пока и не искали, а потому сосредоточили свое

внимание на средневековой сарацинской роскоши халифов, пышные надгробия-мечети которых составляют помпезный феерический некрополь на краю Аравийской пустыни.

Напоследок Абдул сводил нас по Шариа-Мухаммед-Али к старинной мечети султана Хасана и воротам Баб эль-Азаб с башнями по бокам, сразу за которыми проход меж двух круто поднимающихся стен ведет к величественной Цитадели, возведенной самим Саладином (23) из блоков разрушенных пирамид. Солнце уже заходило, когда мы взобрались на эту кручу, обошли кругом современную мечеть Мухаммеда Али (24) и, встав у парапета, окинули взором с головокружительной высоты волшебный Каир, весь в золоте резных куполов, воздушных минаретов и ослепительных садов.

Высоко над городом вознесся огромный романский купол нового музея, а за ним, по другую сторону загадочного желтого Нила, отца времен и династий, затаили вечную угрозу пески Ливийской пустыни, волнистые, переливающиеся всеми цветами радуги, стерегущие темные тайны веков.

Вслед за багряным закатом пришел пронизывающий холод египетской ночи. Глядя на солнце, балансирующее на краю мира, как тот древний бог Гелиополя Ра-Хорахти, или Солнце горизонта, мы четко различили на фоне алого пожара зловещие очертания пирамид Гизы, этих древних гробниц, на которых к тому времени, когда Тутанхамон всходил на золотой престол в далеких Фивах, уже лежала пыль тысячелетий. И тогда нам стало ясно, что Каира сарацинского с нас хватит, и настала пора прикоснуться к сокровенным тайнам Египта изначального — черного Кема Ра и Амона, Исиды и Осириса.

Экскурсия к пирамидам состоялась на следующий день. Сев в «викторию», мы пересекли остров Гезиру с его гигантскими лебахиями и по небольшому английскому мосту выехали на западный берег. Оттуда мы помчались сперва меж двух рядов внушительной высоты лебахий, а затем мимо обширного зоологического сада в сторону Гизы, пригорода Каира, где впоследствии был воздвигнут мост, соединяющий Гизу непосредственно с Каиром. Свернув вглубь страны по Шариа-эль-Харам, мы миновали район зеркально-гладких каналов и убогих туземных деревушек, и вот, наконец, впереди замаячила цель наших исканий, проступая сквозь рассветную дымку и отражаясь в перевернутом виде в придорожных лужах. Воистину, сорок столетий взирали здесь на нас сверху вниз, как говорил Наполеон своим солдатам.

Дорога взмыла круто вверх, и вскоре мы достигли пункта пересадки между трамвайной станцией и отелем «Мена-хаус». Мы не успели оглядеться, как наш проводник уже раздобыл би-

леты на посещение пирамид и нашел общий язык с толпой шумных и агрессивных бедуинов, которые жили в соседней деревеньке, нищей и грязной, и приставали ко всем путешественникам. Абдул держался с достоинством и не только не подпустил никого к нам, но даже раздобыл у них пару отличных верблюдов для меня и жены и осла для себя, а также нанял группу мальчишек и взрослых мужчин в качестве погонщиков для наших животных. Все это было, впрочем, совершенно излишне, да к тому же и накладно, ибо расстояние, которое нам предстояло преодолеть, было столь незначительным, что вполне можно было обойтись без верблюдов. Но мы не пожалели о том, что пополнили свой опыт представлением об этом довольно неудобном средстве передвижения по пустыне.

Пирамиды Гизы располагаются на высоком скалистом плато по соседству с самым северным из царских и аристократических некрополей, построенных в окрестностях ныне не существующего города Мемфиса, который находился на том же берегу Нила, что и Гиза, но только чуть южнее, и процветал в период между 3400 и 2000 годами до рождества Христова. Крупнейшая из пирамид, так называемая Большая пирамида, стоит ближе всех остальных к современной дороге. Она была возведена фараоном Хеопсом, или Хуфу, около 2800 года до нашей эры; высота ее составляет более 450 футов. К юго-западу от нее в один ряд следуют пирамиды Хефрена и Микерина. Первая из них была сооружена спустя поколение после пирамиды Хеопса и имеет чуть меньшую высоту, хотя и кажется более высокой оттого, что расположена на возвышенном месте. Пирамида Микерина, построенная ок. 2700 года, значительно уступает по высоте двум первым. К востоку от второй пирамиды, на самом краю плато, возвышается чудовищный Сфинкс — немой, загадочный и умудренный знаниями тысячелетий. Он стоит здесь с незапамятных времен, и никто не знает, каков был его первоначальный облик, потому что в правление фараона Хефрена черты лица его были изменены с целью придать им сходство с лицом его царственного реставратора.

По соседству с тремя великими пирамидами находится также множество второстепенных пирамид; часть их сохранилась, от другой остались жалкие следы. Кроме того, все плато испещрено могилами вельмож более низкого, нежели царский, сана. Гробницы эти изначально представляли собой глубокие погребальные ямы, или камеры, с установленными над ними каменными мастабами, сооружениями в форме скамей. Надгробия такого рода были обнаружены на других мемфисских некрополях; образцом их может считаться надгробие Пернеба, выстав-

ленное в Метрополитен-музее в Нью-Йорке. В Гизе, однако, все видимые следы мастаб оказались либо уничтоженными временем, либо расхищенными любителями поживы, и только вырубленные в скалистом грунте камеры, одни из которых по-прежнему занесены песком, другие расчищены археологами, свидетельствуют о том, что здесь некогда находились захоронения. С каждой могилой соединялась своего рода часовня, где жрецы и родня предлагали пищу и молитву витающему над усопшим «ка», или его жизненному началу. Часовни малых гробниц размещались в уже упомянутых надстройках — мастабах; похоронные же часовни пирамид, где покоился царственный прах фараонов, представляли собой как бы отдельные храмы, каждый из которых располагался к востоку от своей пирамиды и соединялся дорожкой с довольно помпезным парадным входом с пропилеями, находившимся на краю скалистого плато.

Вход в храм второй пирамиды, почти погребенный под песчаными заносами, зияет бездонной своей глубиной к юго-востоку от Сфинкса. Традиция упорно именует эти руины «Храмом Сфинкса», что, может быть, справедливо, если, конечно, лицо Сфинкса на самом деле представляет собой подлинное изображение Хефрена, строителя второй пирамиды. Самые чудовищные слухи ходят о том, как выглядел Сфинкс до Хефрена — но каковы бы ни были изначальные черты его лица, монарх заменил их своими собственными, чтобы люди могли глядеть на колосса без содрогания.

Именно в огромном входном храме неподалеку от Сфинкса была найдена диоритовая статуя Хефрена в натуральную величину. Ныне она хранится в Египетском музее; я стоял перед ней, охваченный благоговейным трепетом. Не знаю, раскопано ли это сооружение к настоящему дню, но тогда, в 1910 году, большая его часть оставалась под землей, и вход туда на ночь надежно запирался. Раскопками занимались немцы, так что весьма вероятно, что довести дело до конца им помешала война или что-нибудь еще. Учитывая то, что мне самому довелось пережить, а также кое-какие слухи, имеющие хождение среди бедуинов и почти неизвестные и, уж во всяком случае, не принимаемые на веру в Каире, я бы много отдал за то, чтобы узнать, чем кончилась история с одним колодцем в поперечной галерее, где в свое время были обнаружены статуи фараона в довольно странном соседстве со статуями бабуинов.

Дорога, по которой мы следовали на верблюдах в то утро, описывала крутую дугу, минуя деревянное здание полицейского участка, почту, аптеку и магазины по левую руку от нее, а затем сворачивала на юг и — далее — на восток, делая, таким образом, полный изгиб и одновременно взбираясь на плато, так что мы

даже не заметили, как очутились лицом к лицу с пустыней, с подветренной стороны от Большой пирамиды. Как будто неким циклопом было воздвигнуто грандиозное сооружение, восточную грань которого мы теперь огибали, глядя на простирающуюся далеко внизу долину с малыми пирамидами. Еще дальше, к востоку от этих пирамид, сверкал вечный Нил, а к западу от них мерцала вечная пустыня. Совсем рядом с нами угрожающе высились три главные пирамиды. У самой крупной из них полностью отсутствовала наружная облицовка, и обнажились громадные глыбы, составляющие ее основу. У двух других тут и там виднелись ладно пригнанные куски облицовки, благодаря которой они в свое время выглядели очень гладкими и аккуратными.

Мы спустились к Сфинксу и застыли перед ним, не в силах произнести ни слова, как бы зачарованные его тяжелым невидящим взглядом. На могучей каменной груди его едва различался символ Ра-Хорахти, за изображение которого ошибочно принимали Сфинкса в эпоху поздних династий, и хотя табличка между огромными лапами чудовища была покрыта песком, мы вспомнили слова, начертанные на ней Тутмосом 4-ым, и о видении, что посетило его, когда он был наследником престола. С этого момента улыбка Сфинкса стала вселять в нас безотчетный ужас, и в памяти нашей всплыли легенды о подземных переходах под исполином, уходящих глубоко-глубоко вниз, в такие бездны, о которых даже страшно подумать — бездны, связанные с тайнами более древними, чем тот Египет, что раскапывают современные археологи, и имеющие зловещее отношение к наличию в древнем пантеоне Нила безобразных богов с головами животных. Именно в этот миг я впервые задался праздным вопросом, все кошмарное значение которого прояснилось лишь много часов спустя.

Тем временем к нам стали присоединяться другие туристы, и мы проследовали к погребенному под заносами песка Храму Сфинкса. Он находится в пятидесяти ярдах к юго-востоку от гиганта и уже упоминался мною как парадный вход в коридор, ведущий в погребальный храм Второй пирамиды, расположенный на плато. Большая часть храма все еще оставалась нераскопанной, и хотя нас провели по современному коридору в алебастровую галерею, а оттуда в вестибюль с колоннами, в меня закралось подозрение, что Абдул и местный служитель-немец показали нам далеко не все, что заслуживало внимания.

Затем мы совершили традиционную прогулку по плато с пирамидами, в ходе которой осмотрели Вторую пирамиду с характерными руинами погребального храма к востоку от нее; Третью пирамиду с ее миниатюрными южными спутницами и разру-

шенным восточным храмом; каменные надгробия и могилы представителей четвертой и пятой династий; и, наконец, знаменитую гробницу Кэмпбелла, зияющую черным провалом в пятьдесят три фута глубиной с затаившимся на дне саркофагом. Один из наших погонщиков очистил последний от песка, спустившись в головокружительную бездну на веревке.

Внезапно до нас донеслись крики со стороны Большой пирамиды, где группу туристов буквально осаждала толпа бедуинов, наперебой предлагавших продемонстрировать быстроту в пробежках на вершину пирамиды и обратно. Рекордное время для такого подъема и спуска, говорят, составляет семь минут, однако некоторые хорошо тренированные шейхи с сыновьями уверяли нас, что смогут уложиться в пять, если только им будет предложен, так сказать, необходимый стимул в виде щедрого бакшиша.

Никакого стимула они не получили, зато Абдул по нашей просьбе сводил нас на вершину пирамиды, откуда открывался непревзойденно величественный вид не только на Каир, блиставший в отдалении на фоне крепостной стены золотисто-лиловых холмов, образующих как бы его корону, но и на все пирамиды в окрестностях Мемфиса — от Абу Роаша на севере до Дашура на юге. Саккарская ступенчатая пирамида, представляющая собой переходную форму между невысокой мастабой и собственно пирамидой, соблазнительно и четко вырисовывалась вдалеке среди песков. Именно рядом с этим переходным сооружением была в свое время обнаружена знаменитая гробница Пернеба, т.е. более, чем в четырехстах милях к северу от горной долины Фив, где покоится Тутанхамон. И в который уже раз я словно онемел, объятый неизъяснимым трепетом. Глубокая древность, подступающая со всех сторон, и тайны, которые, казалось, хранил в себе и лелеял каждый из этих памятников старины, наполнили меня таким благоговением и чувством бесконечности, каких я прежде не испытывал.

Измученные восхождением и докучливыми бедуинами, поведение которых выходило за рамки всех приличий,мы почли за благо избавить себя от нудных и утомительных экскурсий внутрь пирамид, куда вели очень тесные и душные проходы, в которых можно было передвигаться только ползком. Между тем на наших глазах несколько особо выносливых ходоков готовились к посещению самого крупного из мемориалов — пирамиды Хеопса. Оплатив с лихвой и отпустив свой местный эскорт, мы пустились в обратный путь, припекаемые послеполуденным солнцем и опекаемые верным Абдулом Раисом, и только пройдя половину пути, пожалели о своей нелюбознательности. Ибо о нижних коридорах пирамид, — коридорах, не упоминаемых в

путеводителях — ходили самые фантастические слухи; известно было также то, что археологи, которые открыли эти коридоры и приступили к их обследованию, тут же заблокировали входы в них и теперь держат их местонахождение в тайне.

Разумеется, все эти сплетни были по большей части безосновательны, по крайней мере, на первый взгляд; и все же то упорство, с каким проводился запрет на посещение пирамид по ночам, а самых нижних ходов и склепа Большой пирамиды — независимо от времени суток, наводило на некоторые размышления. Впрочем, что касается второго запрета, то причиной ему, вероятно, служило опасение, что психологическое воздействие на посетителя может оказаться слишком сильным: согнувшийся в три погибели бедняга будет чувствовать себя как бы погребенным под гигантской каменной грудой, где единственная связь с внешним миром — узкий тоннель, по которому можно передвигаться лишь ползком и вход в который в любой момент может быть завален в результате случайности или злого умысла. Одним словом, все это выглядело столь загадочно и интригующе, что мы решили при первой же возможности нанести пирамидам повторный визит. Мне эта возможность предоставилась гораздо ранее, чем я мог ожидать.

В тот же вечер, когда наши спутники, несколько утомленные напряженной программой дня, устроились отдыхать, мы с Абдулом пошли прогуляться по живописным арабским кварталам. Я уже любовался ими при свете дня, и мне не терпелось узнать, как выглядят эти улицы и базары в сумерках, когда чередование сочных, густых теней с мягкими закатными лучами должно лишь подчеркивать их пленительность и эфемерность. Толпы прохожих редели, но в городе было по-прежнему многолюдно. Проходя по рынку медников Сукен-Наххасину, мы наткнулись на компанию подгулявших бедуинов, которыми, по всем признакам, верховодил дерзкий малый с грубыми чертами лица и в лихо заломленной набекрень фескс. Он еще издали нас приметил, и судя по взгляду, отнюдь не дружелюбному, которым он одарил Абдула, мой верный проводник был здесь хорошо известен и, вероятно, слыл за человека насмешливого и высокомерного.

Возможно, юнца возмущала та странная копия полуулыбки-полуусмешки Сфинкса, которую я сам столь часто замечал на лице Абдула и которая вызывала во мне любопытство пополам с раздражением; а, может быть, ему был неприятен глухой, как бы замогильный резонанс голоса моего проводника. Как бы то ни было, обмен ругательствами и поношениями с упоминанием имен родных и близких состоялся незамедлительно и носил весьма оживленный характер. Этим, однако, дело не кончилось.

Али Зиз, как звал Абдул своего обидчика, когда не употреблял более энергичных прозвищ, принялся дергать моего спутника за халат, тот не заставил себя ждать с ответным действием, и вот уже оба неприятеля самозабвенно тузили друг друга. Еще немного, и внешний вид соперников был бы изрядно попорчен, тем более, что они уже потеряли свои головные уборы, составлявшие предмет священной гордости обоих, но тут вмешался я и силой разнял драчунов.

Поначалу обе стороны не весьма благосклонно отнеслись к моим действиям, однако, в конце концов, пусть не мир, но перемирие состоялось. Противники в угрюмом молчании стали приводить в порядок свою одежду. Немного поостыв, каждый из них встал в благородную позу, каковая резкая перемена выглядела довольно впечатляюще. Затем неприятели заключили своего рода договор чести, являющийся в Каире, как я вскоре узнал, традицией, освященной веками. В соответствии с договором спор предстояло уладить посредством ночного поединка на кулаках на вершине Большой пирамиды, спустя долгое время после ухода последнего любителя поглазеть на пирамиды при лунном свете. Каждый из дуэлянтов обязывался привести с собой секундантов, поединок должен был начаться в полночь и состоять из нескольких раундов, проводимых в как можно более цивилизованной манере.

Много было в упомянутых условиях такого, что возбудило во мне живейший интерес. Дуэль уже сама по себе обещала быть не просто ярким, но и уникальным зрелищем, а когда я представил себе сцену борьбы на этой древней громаде, что высится над допотопным плато Гизы, при бледном свете луны, воображение мое распалилось еще сильнее, заставив задрожать во мне каждую жилку. Адбул охотно согласился принять меня в число своих секундантов, и весь оставшийся вечер мы рыскали с ним по всевозможным притонам в самых злачных районах города — преимущественно в северо-восточной части площади Эзбекие, — где он вылавливал по одному махровых головорезов и сколачивал из них отборную шайку, которой суждено было стать, так сказать, фоном баталии.

Уже минуло девять, когда наша компания верхом на ослах, прозванных в честь таких царственных особ и именитых гостей Египта, как Рамзес, Марк Твен, Дж.П.Морган и Миннехаха, неторопливо двинулась через лабиринты улиц, минуя то восточные, то европейские кварталы. По мосту с бронзовыми львами мы пересекли мутные воды Нила, утыканного лесом мачт, и задумчивым легким галопом направились по обсаженной лебахиями дороге, ведущей в Гизу. Путь наш длился немногим более

двух часов. Подъезжая к месту, мы встретили остатки туристов, возвращавшихся в Каир, и поприветствовали последний трамвай, следовавший туда же. Наконец, мы остались лицом к лицу с ночью, прошлым и луной.

А потом перед нами выросли пугающие громады пирамид. Казалось, они таили в себе некую допотопную угрозу, чего я не заметил прежде, при дневном свете. Теперь же даже наименьшая из них заключала в себе как бы намек на что-то потустороннее. Впрочем, разве не в этой именно пирамиде во времена шестой династии была погребена царица Нитокрис коварная Нитокрис, пригласившая однажды всех своих врагов к себе на пир в храм под Нилом и утопившая гостей, приказав отворить шлюзы? Я вспомнил, что о Нитокрис среди арабов ходят странные слухи, и что при определенных фазах луны они сторонятся Третьей пирамиды. Да и не эту ли царицу имел в виду поэт Томас Мур, когда слагал следующие строки (их любят повторять мемфисские лодочники):

Живет в подводных тайниках,
Вся в золоте и жемчугах,
Та нимфа, что слывет в веках
Хозяйкой Пирамиды?

Как мы ни спешили, Али Зиз и его клеврета оказались расторопнее. Мы еще издали приметили их ослов: фигуры животных четко вырисовывались на фоне пустынного плато. Вместо того, чтобы следовать прямой дорогой к отелю «Мена-хаус», где нас могла увидеть и задержать сонная и безобидная полиция, мы свернули к Кафрел-Харраму, убогой туземной деревушке, расположенной рядом со Сфинксом и послужившей местом стоянки для ослов Али Зиза. Грязные бедуины привязали верблюдов и ослов в каменных гробницах придворных Хефрена, а затем мы вскарабкались по скалистому склону на плато и песками прошли к Большой пирамиде. Арабы шумным роем обсыпали ее со всех сторон и принялись взбираться по стертым каменным ступеням. Абдул Раис предложил мне свою помощь, но я в ней не нуждался.

Почти каждому, кто путешествовал по Египту, известно, что исконная вершина пирамиды Хеопса источена веками, в результате чего получилась относительно плоская площадка в двенадцать ярдов по периметру. На этом-то крохотном пятачке мы и расположились, образовав как бы живой ринг, и уже через несколько секунд бледная луна пустыни сардонически скалилась на поединок, который, если не брать в расчет характер выкриков со стороны болельщиков, вполне мог бы происходить в любом американском спортивном клубе низшей лиги. Здесь так же, как и у нас, не ощущалось нехватки в запрещенных приемах, и мое-

му не вполне дилетантскому глазу практически каждый выпад, удар и финт говорил о том, что противники не отличаются разборчивостью в методах. Все это длилось очень недолго, и, несмотря на свои сомнения относительно использовавшихся приемов, я ощутил нечто вроде гордости за свою собственность, когда Абдул Раис был объявлен победителем.

Примирение свершилось с необыкновенной быстротой, и среди последовавших за ним объятий, возлияний и песнопений я готов был усомниться в том, что ссора имела место на самом деле. Как ни странно, но мне также показалось, что я в большей степени приковываю к себе внимание, нежели бывшие антагонисты. Пользуясь своими скромными познаниями в арабском, я заключил из их слов, что они обсуждают мои профессиональные выступления, где я демонстрирую свое умение освобождаться от самых различных пут и выходить из импровизированных темниц. Манера, в которой велось обсуждение, отличалась не только изумительной осведомленностью обо всех моих подвигах, но и явным недоверием и даже враждебностью по отношению к ним. Только теперь я постепенно стал осознавать, что древняя египетская магия не исчезла бесследно, но оставила после себя обрывки тайного оккультного знания и жреческой культовой практики, каковые сохранились среди феллахов в форме суеверий столь прочных, что ловкость любого заезжего хахви или фокусника вызывает у них справедливую обиду и подвергается сомнению. Мне снова бросилось в глаза разительное сходство моего проводника Абдула с древнеегипетским жрецом, или фараоном, или даже улыбающимся Сфинксом, я вновь услышал его глухой, утробный голос — и содрогнулся.

Именно в этот момент, как бы в подтверждение моих мыслей, произошло то, что заставило меня проклинать ту доверчивость, с которой я принимал события последних часов за чистую монету, между тем как они представляли собой чистой воды инсценировку, притом весьма грубую. Без предупреждения (и я думаю, что по сигналу, незаметно поданному Абдулом), бедуины бросились на меня всей толпой, и вскоре я был связан по рукам и ногам, да так крепко, как меня не связывали ни разу в жизни — ни на сцене, ни вне ее.

Я сопротивлялся, сколько мог, но очень скоро убедился, что в одиночку мне не ускользнуть от двадцати с лишним дюжих дикарей. Мне связали руки за спиной, согнули до предела ноги в коленях и намертво скрепили между собой запястья и лодыжки. Удушающий кляп во рту и повязка на глазах дополнили картину. После этого арабы взвалили меня к себе на плечи и стали спускаться с пирамиды. Меня подбрасывало при каждом шаге, а предатель

Абдул без устали говорил мне колкости. Он издевался и глумился от души; он заверял меня своим утробным голосом, что очень скоро мои «магические силы» будут подвергнуты величайшему испытанию и оно живо собьет с меня спесь, которую я приобрел в результате успешного прохождения через все испытания, предложенные мне в Америке и Европе. Египет, напомнил он мне, стар, как мир, и таит в себе множество загадочных первозданных сил, непостижимых для наших современных знатоков, все ухищрения которых поймать меня в капкан столь дружно провалились.

Как далеко и в каком направлении меня волокли, я не знаю — положение мое исключало всякую возможность точной оценки. Определенно могу сказать одно: расстояние не могло быть значительным, поскольку те, кто нес меня, ни разу не ускорили шага, и в то же время я находился в подвешенном состоянии на удивление недолго. Вот именно эта ошеломляющая краткость пройденного пути и заставляет меня вздрагивать всякий раз, как я подумаю о Гизе и его плато; сама мысль о близости к каждодневным туристическим маршрутам того, что существовало тогда и, должно быть, существует по сей день, повергает меня в трепет.

Та чудовищная аномалия, о которой я веду речь, обнаружилась не сразу. Опустив меня на песок, мошенники обвязали мне грудь веревкой, протащили меня несколько футов и, остановившись возле ямы с обрывистыми краями, погрузили меня в нее самым невежливым образом. Словно целую вечность, а то и не одну, я падал, ударяясь о неровные стены узкого колодца, вырубленного в скале. Поначалу я думал, что это одна из тех погребальных шахт, которыми изобилует плато, но вскоре чудовищная, почти неправдоподобная глубина ее лишила меня всех оснований для каких бы то ни было предположений.

С каждой секундой весь ужас переживаемого мною становился все острее. Что за абсурд — так бесконечно долго опускаться в дыру, проделанную в сплошной вертикальной скале, и до сих пор не достигнуть центра земли! И разве могла веревка, изготовленная человеческими руками, оказаться настолько длинной, чтобы увлечь меня в эти адские бездонные глубины? Проще было предположить, что возбужденные чувства вводят меня в заблуждение. Я и по сей день не уверен в обратном, потому что знаю, сколь обманчивым становится чувство времени, когда ты перемещаешься против своей воли, или когда твое тело находится в искривленном положении. Вполне я уверен лишь в одном: что до поры до времени я сохранял логическую связность мыслей и не усугублял и без того ужасную в своей реальности картину продуктами собственного воображения. Самое большее, что мог-

ло иметь место, это своего рода мозговая иллюзия, от которой бесконечно далеко до настоящей галлюцинации.

Вышеописанное, однако, не имеет отношения к моему первому обмороку. Суровость испытания шла по возрастающей, и первым звеном в цепи всех последующих ужасов явилось весьма заметное прибавление в скорости моего спуска. Те, кто стоял наверху и травил этот нескончаемо длинный трос, похоже, удесятерили свои усилия, и теперь я стремительно мчался вниз, обдираясь о грубые и как будто даже сужавшиеся стены колодца. Моя одежда превратилась в лохмотья, по всему телу сочилась кровь — ощущение от этого по неприятности своей превосходило даже мучительную и острую боль. Не меньшим испытаниям подвергался и мой нюх: поначалу едва уловимый, но постепенно все усиливавшийся запах затхлости и сырости до странности не походил на все знакомые мне запахи; он заключал в себе элемент пряности и даже благовония, что придавало ему как бы оттенок пародии.

Затем произошел психический катаклизм. Он был чудовищным, он был ужасным — не поддающимся никакому членораздельному описанию, ибо охватил всю душу целиком, не упустив ни единой ее части, которая могла бы контролировать происходящее. Это был экстаз кошмара и апофеоз дьявольщины. Внезапность перемены можно назвать апокалиптической и демонической: еще только мгновение назад я стремительно низвергался в узкий, ощерившийся миллионом клыков колодец нестерпимой пытки, но уже в следующий миг я мчался, словно на крыльях нетопыря, сквозь бездны преисподней; взмывая и пикируя, преодолевал бессчетные мили безграничного душного пространства; то воспарял в головокружительные высоты ледяного эфира, то нырял так, что захватывало дух, в засасывающие глубины всепожирающего смердящего вакуума...

Благодарение Богу, наступившее забытье вызволило меня из когтей сознания, терзавших мою душу, подобно гарпиям, и едва не доведших меня до безумия! Эта передышка, как бы ни была она коротка, вернула мне силы и ясность ума, достаточные для того, чтобы вынести еще величайшие порождения вселенского безумия, которые притаились, злобно бормоча, на моем пути.

2

Лишь постепенно приходил я в чувство после того жуткого полета через стигийские пространства. Процесс оказался чрезвычайно мучительным и был окрашен фантастическими грезами, в которых своеобразно отразилось то обстоятельство, что я был связан. Содержание этих грез представлялось мне вполне

отчетливо лишь до тех пор, пока я их испытывал; потом оно как-то сразу потускнело в моей памяти, и последующие страшные события, реальные или только воображаемые, оставили от него одну голую канву. Мне чудилось, что меня сжимает огромная желтая лапа, волосатая пятипалая когтистая лапа, которая воздвиглась из недр земли, чтобы раздавить и поглотить меня. И тогда я понял, что эта лапа и есть Египет. В забытьи я оглянулся на происшествия последних недель и увидел, как меня постепенно, шаг за шагом, коварно и исподволь обольщает и завлекает некий гуль, злой дух древнего нильского чародейства, что был в Египте задолго до того, как появился первый человек, и пребудет в нем, когда исчезнет последний.

Я увидел весь ужас и проклятье египетской древности с ее неизменными страшными приметами — усыпальницами и храмами мертвых. Я наблюдал фантасмагорические процессии жрецов с головами быков, соколов, ибисов и кошек; призрачные процессии, беспрерывно шествующие по подземным переходам и лабиринтам, обрамленным гигантскими пропилеями, рядом с которыми человек выглядит, как муха, и приносящие диковинные жертвы неведомым богам. Каменные колоссы шагали в темноте вечной ночи, гоня стада скалящихся андросфинксов к берегам застывших в неподвижности безбрежных смоляных рек. И за всем этим пряталась неистовая первобытная ярость некромантии, черная и бесформенная; она жадно ловила меня во мраке, чтобы разделаться с духом, посмевшим ее передразнивать.

В моем дремлющем сознании разыгралась зловещая драма ненависти и преследования. Я видел, как черная душа Египта выбирает меня одного из многих и вкрадчивым шепотом призывает меня к себе, очаровывая наружным блеском и обаянием сарацинства и при этом настойчиво толкая в древний ужас и безумие фараонства, в катакомбы своего мертвого и бездонного сердца.

Постепенно видения стали принимать человеческие обличья, и мой проводник Абдул Раис предстал предо мной в царской мантии с презрительной усмешкой Сфинкса на устах. И тогда я увидел, что у него те же черты лица, что и у Хефрена Великого, воздвигшего Вторую пирамиду, изменившего внешность Сфинкса так, чтобы тот походил на него самого, и построившего гигантский входной храм с его бесчисленными ходами, тайну которых не ведают отрывшие их археологи — о ней знают лишь песок да немая скала. Я увидел длинную узкую негнущуюся руку Хефрена, точно такую, какая была у статуи в Египетском музее — у статуи, найденной в жутком входном храме. Теперь я поразился тому, что не вскрикнул в свое время — когда

заметил, что точно такие же руки были у Абдула Раиса... Проклятая рука! Она была отвратительно ледяной и хотела раздавить меня... о, этот холод и теснота саркофага... стужа и тяжесть Египта незапамятных времен... Рука эта была самим Египтом, сумеречным и замогильным... эта желтая лапа... и о Хефрене говорят такие вещи...

Тут я начал приходить в себя; во всяком случае, теперь я уже не всецело находился во власти грез. Я вспомнил и поединок на вершине пирамиды, и нападение вероломных бедуинов, и жуткий спуск на веревке в бездну колодца, прорубленного в скале, и бешеные взлеты и падения в ледяной пустыне, источающей гнилостное благоухание. Я понял, что лежу на сыром каменном полу и что веревки впиваются в меня с прежней силой. Было очень холодно, и мне чудилось, будто меня овевает некое тлетворное дуновение. Раны и ушибы, причиненные мне неровными стенами каменной шахты, нестерпимо ныли и жгли, болезненность их усугублялась какой-то особенной едкостью упомянутого сквозняка, и поэтому одной попытки пошевелиться хватило, чтобы все мое тело пронзило мучительной пульсирующей болью.

Ворочаясь, я ощутил натяжение веревки и сделал вывод, что верхний ее конец по-прежнему выходит на поверхность. Находится ли он в руках арабов или нет, я не знал; не ведал я и того, на какой глубине нахожусь. Я знал наверняка лишь одно: что меня окружает совершенно или почти беспросветный мрак, ибо ни единый луч лунного света не проникал сквозь мою повязку. С другой стороны, я не настолько доверял своим чувствам, чтобы ощущение большой продолжительности спуска, испытанное мною, принимать за свидетельство непомерной глубины.

Исходя из того, что я, судя по всему, находился в довольно просторном помещении, имеющем выход на поверхность через отверстие, расположенное прямо над моей головой, можно было предположить, что темницей для меня послужил погребенный глубоко под землей храм старины Хефрена, тот, что называют Храмом Сфинкса; возможно, я попал в один из тех коридоров, которые скрыли от нас наши гиды в ходе утренней экскурсии и откуда я бы легко смог выбраться, если бы мне удалось найти дорогу к запертому входу в коридор. В любом случае, мне предстояло блуждать по лабиринту, но вряд ли настоящая ситуация была труднее тех, в которые я уже не раз попадал.

Первым делом, однако, следовало избавиться от веревки, кляпа и повязки на глазах. Я полагал, что операция эта не представит для меня большой сложности, поскольку за время моей долгой и разнообразной карьеры в качестве артиста-эскаписта

гораздо более изощренные эксперты, нежели эти арабы, испробовали на мне весь мировой ассортимент уз, пут и оков и ни разу не преуспели в состязании с моими методами. Потом я вдруг сообразил, что когда я начну освобождаться от веревки, она придет в движение, и арабы, если они, конечно, держат в руках ее конец, поймут, что я пытаюсь сбежать, и встанут у входа, чтобы встретить и атаковать меня там. Правда, соображение это имело вес лишь в том случае, если я действительно находился в хефреновском Храме Сфинкса. Отверстие в потолке, где бы оно ни скрывалось, вряд ли могло находиться на слишком большом расстоянии от современного входа рядом со Сфинксом, если, конечно, речь вообще могла идти о каких-либо значительных дистанциях, ибо площадь, известная посетителям пирамид, отнюдь не велика. Во время своего дневного паломничества я не заметил ничего похожего на такое отверстие, но вещи такого рода очень легко проглядеть среди песчаных заносов.

Скорчившись на каменном полу со связанными руками и ногами и предаваясь вышеописанным размышлениям, я почти забыл обо всех ужасах своего бесконечного падения в пропасть и головокружительных пещерных маневров, которые еще совсем недавно довели меня до беспамятства. Мысли мои были заняты лишь одним: как перехитрить арабов. И тогда я решил немедленно приступить к делу и освободиться от пут как можно скорее и не натягивая веревки, чтобы не дать арабам даже намека на то, что я пытаюсь сбежать.

Принять решение, однако, оказалось намного легче, чем осуществить его. Несколько пробных движений убедили меня в том, что без изрядной возни многого не добьешься, и когда после одного особенно энергичного усилия я почувствовал, как рядом со мной и на меня падает, сворачиваясь кольцами, веревка, я нисколько не удивился. «А чего ты хотел? — сказал я себе. — Бедуины, конечно же, заметили твои движения и отпустили свой конец веревки. Теперь они, вне всякого сомнения, поспешат к подлинному входу в храм и будут ждать тебя там в засаде с самыми кровожадными намерениями».

Перспектива рисовалась неутешительная, но в жизни своей я сталкивался с худшими — и не дрогнул, так что не должен был дрогнуть и теперь. В первую очередь надо было развязаться, а потом уже положиться на свое искусство и постараться выбраться их храма целым и невредимым. Сегодня меня даже смешит та безоговорочность, с которой я убедил себя, что нахожусь в древнем храме Хефрена на довольно небольшой глубине.

Убежденность моя рассыпалась в прах, и все первобытные страхи, связанные со сверхъестественными безднами и демони-

ческими тайнами, восстали во мне с удвоенной силой, когда я вдруг обнаружил, что в то самое время, пока я хладнокровно обдумываю свои намерения, одно чудовищное обстоятельство, весь ужас и значение которого я прежде не осознавал, прирастает и в том, и другом отношениях. Я уже говорил, что веревка, падая, свивалась в кольца, которые накапливались рядом со мной и на мне. Теперь я вдруг увидел, что она продолжает падать и свиваться, между тем как ни одна нормальная веревка не могла бы оказаться настолько длинной. Более того, скорость падения ее возросла, и она обрушивалась на меня лавиной. На полу выросла гора пеньки, погребая меня под своими витками, число которых беспрерывно множилось. Очень скоро меня завалило с головой, и мне стало трудно дышать, в то время как кольца продолжали накапливаться и отбирать у меня последний воздух.

Мысли мои опять смешались, и тщетно пытался я отвести от себя угрозу, страшную и неминуемую. Ибо весь ужас моего положения заключался даже не в тех нечеловеческих муках, которые я испытывал, не в том, что во мне по капле иссякал дух и жизненная сила, но в сознании того, что означают эти невообразимые количества падающей на меня веревки, и какие безмерные неведомые пространства в глубинах недр земных, должно быть, окружают меня в этот момент. Так значит бесконечный спуск и захватывающий дух полет через сатанинские бездны были реальностью, и теперь я лежу без всякой надежды на спасение в каком-то безымянном запредельном мире неподалеку от центра земли? Не в силах человеческих было вынести эту ужасную, горькую правду, внезапно обрушившуюся на меня, и я снова впал в спасительное беспамятство.

Говоря о беспамятстве, я вовсе не разумею отсутствия видений. Напротив, моя отрешенность от внешнего, реального мира сопровождалась видениями самыми чудовищными и неописуемыми. Боже!.. И зачем только я прочел так много страниц по египтологии перед тем, как посетить эту землю, родину всемирного мрака и ужаса?! Этот второй обморок заново озарил мой дремлющий разум пугающим постижением самой сути этой страны и ее сокровенных тайн, и по какой-то проклятой прихоти рока грезы мои обратились к уходящим вглубь веков представлениям о мертвых и о том, как они иногда восстают и живут, с душой и во плоти, во чреве загадочных гробниц, более напоминающих дома, нежели могилы. В памяти моей всплыло, приняв причудливый образ, которого я, к счастью, уже не помню, оригинальное и хитроумное устройство египетской погребальной камеры; припомнил я также нелепые и дикие суеверия, породившие это устройство.

Все мысли древних египтян вращались около смерти и мертвецов. Они понимали воскрешение в буквальном смысле — как воскрешение тела. Именно это побуждало их с особой тщательностью мумифицировать тело и хранить все жизненно важные органы в прикрытых сосудах рядом с усопшим. Между тем, помимо тела они верили в существование еще двух элементов: души, которая после того, как ее оценивал и одобрял Осирис, обитала в стране блаженных, и темного, зловещего ка, или жизненного начала, что, сея страх, странствует по верхнему и нижнему мирам, нисходя временами в погребальную часовню к сохраняемому телу, дабы отведать жертвенной пищи, приносимой туда жрецами и набожной челядью, а иногда — ходят и такие слухи! — чтобы войти в тело или в его деревянного двойника, которого всегда кладут рядом, и, покинув пределы гробницы, блуждать по окрестностям, верша свои темные дела.

Тысячелетиями покоились тела в помпезных саркофагах, уставив вверх свои безжизненные очи, если их не посещало ка, в ожидании того дня, когда Осирис возродит в них ка и душу и выведет легионы окоченевших мертвецов из глухих обителей сна на свет. Каким триумфом могло бы обернуться это воскрешение! — но, увы, не все души получат благословение, не все могилы останутся неосквернеными, и потому неизбежно следует ждать нелепых ошибок и чудовищных извращений. Недаром и по сей день среди арабов ходят слухи о несанкционированных сборищах и богомерзких культах, вершимых в самых затаенных уголках нижнего мира, куда могут без страха заходить лишь крылатые невидимые ка да бездушные мумии.

Пожалуй, самые жуткие предания, заставляющие холодеть кровь в жилах, — это те, что повествуют о неких прямо-таки бредовых произведениях деградировавшего жреческого искусства. Я имею в виду составные мумии, представляющие собой противоестественные комбинации человеческих туловищ и членов с головами животных и призванные имитировать древнейших богов. Во все периоды истории существовала традиция мумифицирования священных животных — быков, кошек, ибисов, крокодилов и т.д., чтобы, когда пробьет час, они могли вернуться в мир к еще большей своей славе. Но лишь в период упадка возникла тенденция к составлению мумий из человека и животного — тогда, когда люди перестали понимать истинные права и привилегии ка и души.

О том, куда подевались те составные мумии, легенды умалчивают; определенно можно сказать лишь то, что до сих пор их не находил ни один египтолог. Молва арабов на этот счет слишком походит на досужие домыслы, чтобы относиться к ней всерь-

ез. Ведь они доходят до того, что, будто бы, старый Хефрен — тот, что связан со Сфинксом, Второй пирамидой и зияющим входом в храм, — живет глубоко под землей со своей супругой, царицей злых духов-гулей Нитокрис, и повелевает мумиями, не похожими ни на людей, ни на зверей.

Все это стало предметом моих грез — Хефрен, его царственная половина, причудливое сонмище искусственных мертвецов, — и, правду сказать, я очень рад, что все сколько-нибудь отчетливые очертания выветрились из моей памяти. Самое кошмарное из моих видений имело непосредственное отношение к праздному вопросу, которым я задавался накануне, когда глядел на высеченное в скале лицо Сфинкса, эту вечную загадку пустыни; глядел и спрашивал себя, в какие неведомые глубины ведут потайные ходы из храма, расположенного близ Сфинкса. Вопрос этот, казавшийся мне тогда таким невинным и пустяковым, приобрел в моих снах смысл неистового и буйного помешательства: так какое же исполинское, противоестественное и отвратительное чудовище призваны были изображать первоначально черты лица Сфинкса?

Мое второе пробуждение, если его можно назвать пробуждением, сохранилось в памяти как мгновение беспредельного ужаса, подобного которому — и еще тому, что был пережито мною после — я не испытывал во всю свою жизнь, а жизнь эта была насыщена перипетиями сверх всякой человеческой меры. Напомню, что я лишился чувств в тот момент, когда на меня каскадом обрушивалась веревка, что свидетельствовало о непомерной глубине, на которой я находился. Так вот, придя в сознание, я не ощутил на себе никакой тяжести и, перевернувшись на спину, убедился в том, что пока я лежал в обмороке, — связанный, с кляпом во рту и повязкой на глазах, — какая-то неведомая сила полностью удалила навалившуюся на меня и почти задушившую меня гору пеньки. Правда, осознание всей чудовищности того что произошло, пришло ко мне не сразу; но оно теперь довело бы меня до очередного обморока, если бы к этому моменту я не достиг такой степени духовного изнеможения, что никакое новое потрясение не могло его усугубить. Итак, я был одни на один... с чем?

Не успел я, однако, хоть сколько-нибудь об этом поразмыслить, чем, вероятно, только бы измучил себя перед новой попыткой освободиться от пут, как о себе заявило — и довольно громко — еще одно обстоятельство, а именно: страшная боль, какой я не испытывал ранее, терзала мои руки и ноги, и все тело мое, казалось, было покрыто толстой коркой засохшей крови, что никак не могло явиться результатом моих прежних порезов и ссадин.

Грудь мою также саднило от ран — как будто ее клевал какой-то гигантский кровожадный ибис. Что бы ни представляла собой та сила, что убрала веревку, она была настроена ко мне явно недоброжелательно, и, вероятно, нанесла бы мне и более серьезные повреждения, если бы что-то ее не остановило. Можно было ожидать, что после всего этого я окончательно паду духом, однако, все вышло как раз наоборот, и вместо того, чтобы впасть в бездну отчаяния, я ощутил новый прилив мужества и воли к борьбе. Теперь я знал, что преследующие меня злые силы имеют физическую природу, и бесстрашный человек может сразиться с ними на равных.

Ободренный вышеприведенным соображением, я снова взялся за веревку и, используя весь опыт, накопленный мною в течение жизни, принялся распутывать ее, как я часто это делал в ослепительном свете огней под оглушительные аплодисменты толпы. Привычные подробности процесса освобождения совершенно завладели моим вниманием, и теперь, когда длинная веревка, которой я еще недавно был спеленут, как младенец, постепенно сходила с меня, я вновь почти уверовал в то, что все пережитое мною представляло собой обыкновенную галлюцинацию и никогда не было ни этого ужасного колодца, ни головокружительной бездны, ни бесконечной веревки, и лежал я теперь не где-нибудь, а во входном храме Хефрена возле Сфинкса, куда, пока я был в обмороке, прокрались вероломные арабы, чтобы подвергнуть меня истязанию. Тем более мне следовало поторопиться с распутыванием. Дайте мне только встать на ноги без кляпа и без повязки на глазах, чтобы я мог видеть свет, откуда бы он ни исходил, и тогда я даже буду рад сразиться с любым врагом, каким бы злым и коварным он ни оказался!

Как долго я распутывался, сказать трудно. Во всяком случае, на публике, когда я не был ни изранен, ни изнурен, как теперь, я справлялся с этим значительно быстрее. Но вот, наконец, я освободился и вздохнул полной грудью. Дурной запах, витавший в сыром и холодном воздухе, показался мне теперь еще более смрадным, нежели прежде, когда кляп и края повязки мешали мне обонять его в полной мере. Ноги мои затекли, во всем теле ощущалась неимоверная усталость, и я был не в состоянии тронуться с места. Не знаю, долго ли я так пролежал, пытаясь распрямить члены, долгое время пребывавшие в неестественном, искривленном состоянии, и напряженно всматриваясь в темноту, в надежде уловить хотя бы проблеск света и определить свое местонахождение.

Постепенно ко мне возвратились сила и гибкость; однако глаза мои по-прежнему ничего не различали. С трудом поднявв-

шись на ноги, я осмотрелся по сторонам — кругом был мрак столь же непроницаемый, как и тот, в котором я пребывал с повязкой на глазах. Я сделал несколько шагов; измученные ноги едва меня слушались, и все же я убедился, что могу идти, так что оставалось только решить, в каком направлении. Ни в коем случае нельзя было двигаться наобум, поскольку я мог уйти в сторону, прямо противоположную той, где находился искомый выход. Поэтому я остановился и постарался определить, откуда исходит холодное, наполненное запахом натра дуновение, которое я все это время не переставал чувствовать. Предположив, что источником сквозняка, вероятно, является вход в подземелье, я решил ориентироваться по нему и идти строго в ту сторону, откуда он исходил.

Отправляясь накануне вечером на прогулку, я захватил с собой коробок спичек и маленький электрический фонарик; разумеется, после всех пережитых встрясок в моих карманах — точнее, в том, что от них осталось — не сохранилось ни одного сколько-нибудь тяжелого предмета. Чем дальше я продвигался, тем явственнее становилась тяга и назойливей — запах, пока, наконец, я совершенно не уверился в том, что иду навстречу зловонному испарению, струящемуся из какой-то дыры, наподобие сказочного джина, что являлся рыбаку в виде клубов дыма, вырывающихся из кувшина. О, Египет, Египет... воистину, темна эта колыбель цивилизации и вечный источник невыразимых ужасов и несказанных чудес!

Чем больше я размышлял над природой подземного воздушного потока, тем сильнее во мне росло беспокойство. Если раньше я, почти не задумываясь над тем, почему у него такой запах, предполагал что источником его является какой-нибудь, пусть даже непрямой, выход во внешний мир, то сейчас я абсолютно уверился в том, что это смрадное испарение не имеет ничего общего с чистым воздухом Ливийской пустыни, ни даже малейшей примеси последнего. Мне стало ясно, что это смердят какие-то мрачные бездны, расположенные еще глубже под землей, и что, следовательно, я избрал неверное направление.

После минутного раздумья я решил не менять своего выбора и продолжал следовать тем же курсом. Как бы там ни было, сквозняк оставался моей единственной надеждой, ибо каменный пол, однообразный даже в своей неровности, не давал мне никаких ориентиров. Двигаясь же навстречу этому таинственному испарению, я рано или поздно должен был добраться до какой-либо дыры или щели, а, соответственно, и до стены, и затем, следуя вдоль нее, достигнуть противоположного конца этого грандиозного чертога. Я прекрасно понимал, что все расчеты

мои могут оказаться неверными — ведь даже если я действительно находился во входном храме Хефрена, то попал в ту его часть, куда не водят туристов. Более того, могло случиться, что именно этот зал был неизвестен даже археологам, и одни только подлые арабы, которые всюду снуют и всюду суют свой нос, случайно на него наткнулись и решили использовать его в качестве темницы для меня. Если так, то мог ли я вообще рассчитывать найти выход, если не наружу, то хотя бы в какую-нибудь другую, известную часть храма?

Если разобраться, я не имел никаких доказательств в пользу того,что нахожусь во входном храме. На мгновение все самые чудовищные из моих прежних догадок нахлынули на меня, мешаясь с действительными впечатлениями. Я живо представил себе и свой спуск, и парение в пространстве, и веревку, и раны, и грезы — да-да, грезы, теперь я точно это знал! Так неужели мне и вправду пришел конец? И, может быть, умереть именно теперь, в этот самый момент было бы для меня даже величайшим благом? Ни на один из этих вопросов не смог я найти ответа и механически продолжал свой путь, пока Судьба в третий раз не принудила меня к забытью.

На этот раз внезапность случившегося лишила меня не только сознания, но и подсознания. В том месте, где встречный напор сквозняка усилился настолько, что я с трудом преодолевал его сопротивление, начинался ряд уходящих вниз ступеней, о чем я тогда, разумеется, не подозревал. Делая очередной шаг, я опустил ногу на первую ступеньку, расположенную ниже уровня пола, потерял равновесие и кубарем покатился с лестницы в зловещую бездну беспросветного мрака.

Если я не испустил дух, то лишь благодаря своему крепкому здоровью и кошачьей живучести. Оглядываясь на события той памятной ночи, я иногда просто не могу удержаться от смеха, когда представляю себе свои периодически повторяющиеся обмороки; их регулярность наводит меня на сравнение с дешевыми киномелодрамами тех лет. Не исключено, что никаких потерь сознания не было вовсе и что все подробности моего подземного кошмара были всего лишь эпизодами одного длительного бреда, начавшегося в результате душевного потрясения, вызванного падением в пропасть, и закончившегося благодаря целительному воздействию открытого воздуха и солнца, восход которого застал меня распростертым на горячих песках Гизы под сардоническим ликом Великого Сфинкса, розовеющим в рассветных лучах.

Я изо всех сил стараюсь придерживаться этого последнего объяснения. Я испытал большое облегчение, когда в полиции мне сообщили, что решетка, преграждающая вход в храм Хеф-

рена, была обнаружена незапертой, и что недалеко от входа, действительно, имеется довольно широкая расщелина, которая ведет в еще нераскопанную часть храма. Не меньшее облегчение доставили мне уверения докторов в том, что полученные мною раны естественны в такой ситуации, когда тебя хватают, связывают, бросают в колодец, когда тебе приходится избавляться от пут, падать со значительной высоты (возможно, в какую-то яму во внутренней галерее храма), ползти к выходу, выбираться наружу и так далее... Ничего не скажешь, очень утешительный диагноз! И все-таки я убежден, что все не так просто, как выглядит на первый взгляд. То незабываемое падение в бездну и по сей день представляется мне так, как будто случилось вчера, и я не могу просто взять и выбросить его из головы. Еще на большие сомнения наводит меня тот факт, что так и не был найден человек, приметы которого совпадали бы с приметами моего проводника Абдула Раиса эль-Дрогмана, говорившего замогильным голосом и напоминавшего внешним видом и усмешкой покойного фараона Хефрена.

Я вижу, что отступил от последовательного изложения фактов — вероятно, я сделал это в слабой надежде на то, что мне удастся избежать пересказа финальной сцены — сцены, имеющей наибольшее сходство с галлюцинацией, нежели все предыдущие. Но я обещал рассказать все до конца, а нарушать обещания— не в моих правилах. Когда я очнулся — если только я действительно очнулся — после падения с тех черных каменных ступеней, я был по-прежнему один и в полной темноте. Зловонное испарение, изрядно досаждавшее мне и ранее, перешло теперь все границы, однако я уже настолько успел к нему привыкнуть, что переносил эту пытку стоически. Инстинктивно я начал отползать прочь от его источника; мои окровавленные пальцы ощущали под собой огромные глыбы, составлявшие пол грандиозного помещения, в котором я находился. Пятясь, я ударился головой обо что-то твердое; нащупав предмет рукой, я понял, что это база колонны — колонны невероятных размеров — на поверхности которой были высечены гигантские иероглифы, хорошо различимые наощупь.

Продолжая отступать, я наткнулся еще на несколько колонн столь же громадных, как и первая; расстояния в промежутках между ними были непомерно велики. Внезапно мое внимание было привлечено одним явлением, действие которого на мой слух началось, по всей видимости, значительно раньше, нежели его уловил мой рассудок.

Откуда-то снизу, из глубины, из самых недр земных доносились мерные и отчетливые звуки, разительно отличавшиеся от

всего, что мне когда-либо доводилось слышать. Почти интуитивно ощутил я глубокую древность и явно обрядовый характер этих звуков, а мои познания в египтологии вызвали во мне ассоциацию со звуками флейты, самбуки, систра и тимпана. В этом ритмичном гудении, свисте, стуке и треске мне почудился какой-то леденящий душу ужас, превосходящий любой из земных ужасов; нечто до странности непохожее на индивидуальный человеческий страх, как бы некое безличное соболезнование ко всей нашей планете в целом — соболезнование по поводу того, что ей приходится скрывать в своих недрах такие чудовищные, такие кошмарные вещи, существование которых возвещалось всей этой адской какофонией. Звуки становились все громче, и мне стало ясно, что они приближаются. Вдруг — о, боги всех пантеонов мира, сойдитесь воедино и охраните мой слух от подобного впредь! — вдруг я расслышал, как где-то в отдалении, едва слышно раздается мертвящая душу маршеобразная поступь шагающих.

Жутко становилось уже оттого, что звуки шагов, столь несхожие между собой, сочетались в идеальном ритме. Муштра нечестивых тысячелетий стояла за этим шествием обитателей сокровенных земных глубин — шагающих, бредущих, крадущихся, ползущих, мягко ступающих, цокающих, топающих, грохочущих, громыхающих... и все это под невыносимую разноголосицу издевательски настроенных инструментов. Неужели... Господи, сделай так, чтобы я забыл все эти жуткие арабские легенды! — бездушные мумии... сборище странствующих ка... орда мертвецов сорокавековой истории страны фараонов, будь они прокляты!.. Составные мумии, шествующие в непроглядднейшем мраке подземных пустот во главе с царем Хефреном и его верной супругой Нитокрис, царицей злых духов-вампиров...

Процессия неумолимо приближалась. — О, небо! Избавь меня от этих звуков — от стука этих ног и копыт, от шуршания этих лап, от скрежета этих когтей, — я слышу их все отчетливее! Вдали, на необъятных просторах этой уходящей в бесконечность площади замерцал, заколыхался на отравленном сквозняке отблеск света, и я счел за благо укрыться за грандиозным подножием колонны-колосса, чтобы хоть на время оградиться от ужаса, что надвигался на меня с миллионами ног, проходящих маршем по гигантским гипостилям нечеловеческого страха и уму непостижимой древности. Свечение усилилось; грохот шагов и нестройный ритм достигли такой громкости, что мне стало дурно. Предо мною, в мерцающем оранжевом свете постепенно вырисовывалась картина, исполненная такой пугающей величественности, что я на время забыл свой страх и отвра-

щение и открыл в изумлении рот... Какой же высоты должны достигать эти колонны, если уже одни основания их настолько колоссальны, что Эйфелева башня в сравнении с любой из них будет выглядеть, как спичечный коробок? И что это были за руки, которые высекли иероглифы на базах колонн в этой грандиозной каверне, где свет дня представляется слабой, неудачной выдумкой?

Я просто не стану на них смотреть. Как за спасительную соломинку, ухватился я за это решение, когда, замирая от страха, услышал, как скрипят их суставы, как отвратительно они хрипят, заглушая и унылую, мертвую музыку, и однообразную, размеренную поступь. Хорошо еще, что они безмолвствовали... Но Боже! их богомерзкие факела стали отбрасывать тени на поверхности этих умопомрачительных колонн! нет, нет, только не это!!! Где это видано, чтобы у гиппопотамов были человеческие руки и в них — факела?.. чтобы у людей были головы крокодилов?..

Я отвернулся, чтобы ничего этого не видеть — увы! тени, звуки, нечистый запах были везде. Я вспомнил способ, которым в детстве, находясь в мучительном промежуточном состоянии между бодрствованием и сном, отгонял преследовавшие меня кошмары, и стал повторять про себя слова: «Это мне снится! Это всего лишь сон!» Но все мои усилия были тщетны, и мне ничего не оставалось, как только закрыть глаза и молиться... во всяком случае, мне кажется, что именно так я и сделал, ибо никогда нельзя быть уверенным, когда пересказываешь свои видения, а что все случившееся было не более, чем видением, я знаю сегодня наверняка.

Не переставая думать о том, как бы мне выбраться отсюда, я временами украдкой приоткрывал глаза и озирался по сторонам, пытаясь разглядеть хоть какую-нибудь деталь, которая указывала бы на то, что где-то есть место, где нет ни этого гнилостного дразнящего испарения, ни уходящих в необозримую вышину колонн, ни этих неестественных, карикатурных, причудливых, кошмарных теней. Снопы огня, треща, вырывались из факелов, количество которых все прибывало, и вскоре все помещение было залито ослепительно ярким светом, так что если бы оно не было полностью лишено стен, то я бы несомненно увидел — рано или поздно, но увидел — какой-нибудь предел или неподвижный ориентир. Но тут мне снова пришлось закрыть глаза — я просто не мог этого не сделать, когда осознал, сколько их здесь собралось, и когда увидел одну фигуру, что выступала гордо и торжественно и выделялась среди прочих отсутствием верхней половины тела.

Внезапно дьявольский звук, напоминающий предсмертный булькающий хрип и улюлюкающий вой одновременно, с громовым треском разрезал атмосферу — атмосферу склепа, наполненную клубящимися нефтяными и смоляными истечениями, — и превратил ее в один согласный хор, исходящий из бессчетного количества богохульствующих глоток этих гротескных и уродливых фигур. Глаза мои открылись вопреки моей воле — правда, всего лишь на мгновение, но и этого мгновения было достаточно, чтобы узреть во всем объеме сцену, которую даже вообразить было бы невозможно без страха, лихорадочной дрожи и физического изнеможения. Все эти исчадия ада выстроились в одну шеренгу, лицом в ту сторону, откуда исходил ядовитый воздушный поток. При свете факелов мне были видны их склоненные головы — по крайней мере, головы тех, у кого они были. Они отправляли культ перед огромной черной дырой, изрыгающей клубы поганого, зловонного пара; две гигантские лестницы отходили от нее под прямыми углами с обеих сторон, концы их терялись в непроницаемом мраке. Лестница, с которой я упал, без сомнения, была одной из них.

Размеры дыры были выдержаны в точной пропорции с размерами колонн: обычный дом потерялся бы в ней, а любое общественное здание средней величины можно было бы легко задвинуть туда и выдвинуть обратно. Отверстие было таким огромным, что взгляд не мог охватить его целиком; огромным, зияющим угольной чернотой и испускающим отвратительное зловоние. Прямо к порогу этого разверстого входа в жилище Полифема они бросали какие-то предметы — судя по их жестам, жертвоприношения. Впереди всех стоял Хефрен, надменный царь Хефрен с презрительной усмешкой на устах, он же проводник Абдул Раис, в золотом венце; заупокойным голосом он нараспев произносил монотонные слова заклинаний. Рядом с ним преклонила колени прекрасная царица Нитокрис; всего одно мгновение лицезрел я ее профиль — и успел отметить, что правая половина лица ее была съедена крысами или какими-то другими плотоядными тварями. И снова я был вынужден закрыть глаза — вынужден потому, что увидел, какие предметы предлагаются в качестве жертвоприношений этой зловонной дыре или обитающему в ней местному божеству.

Судя по той церемонности и торжественности, с которой отправлялся обряд, то, что скрывалось во мраке дыры, почиталось чрезвычайно высоко. Что это было за божество — Осирис? Исида? Гор? Анубис? а, может быть, какой-то грандиозный и неведомый Бог Мертвых? Ведь существует же предание, что еще

задолго до того, как стали почитать известных ныне богов, воздвигались чудовищные алтари и колоссы Неведомому.

Теперь, когда я уже настолько закалился духом, что мог без содрогания смотреть на то, как эти твари справляют свой истовый загробный культ, мысль о побеге снова пришла мне в голову. Зал был залит тусклым светом, колонны отбрасывали густую тень. Пока эти гротескные персонажи дурного сна были всецело поглощены своим леденящим душу занятием и сосредоточенно священнодействовали, у меня еще было время проскользнуть к дальнему концу одной из лестниц и взойти по ней незамеченным; а там, когда я достигну верхних пределов, судьба и мастерство авось и выведут меня на свет Божий. О том, где же я все-таки нахожусь, я по-прежнему не имел понятия — да, признаться, и не задумывался об этом всерьез. Был момент, когда мне даже показалось забавным, что я так серьезно обдумываю побег из своего собственного сна — ибо чем еще могло быть то, что меня окружало? Не исключено, впрочем, что местом моего погребения служила какая-то никому неизвестная подвальная часть входного храма Хефрена, того самого, который в течение поколений традиция упорно именует Храмом Сфинкса. Однако я не мог тратить времени на догадки и потому решил положиться на силу своих мускулов и ума, надеясь, что они вернут меня в наружный мир и в здравый рассудок.

Извиваясь, как червь, я пополз по-пластунски к подножию левой лестницы, которая, как мне показалось, была более доступной. Не стану утомлять читателя описанием подробностей своего трудоемкого пути и ощущений, которые я испытал; о них легко можно догадаться, если принять во внимание тот отвратительный спектакль, что разыгрывался предо мной в зловещем колеблющемся свете факелов: ибо чтобы не быть обнаруженным, я вынужден был постоянно держать его в поле зрения. Как я уже говорил, нижний конец лестницы терялся в густом мраке; сама она круто возносилась вверх, не делая никаких изгибов, и заканчивалась площадкой с парапетом, расположенной на головокружительной высоте прямо над исполинским дверным проемом. Таким образом, последний этап моего многотрудного пути пролегал на приличном расстоянии от нечестивого сборища. Тем не менее, лицезрение его приводило меня в трепет и тогда, когда сборище осталось далеко по правую руку от меня.

С горем пополам добравшись до ступеней, я полез наверх, стараясь держаться ближе к стене, которая была покрыта росписями самого отталкивающего характера. Порукой моей безопасности являлось то всепоглощающее, восторженное внимание, с которым эти чудовища вперяли глаза в извергающую клубы не-

чистот клоаку и в непотребную жертвенную пищу, что была разложена на каменном полу перед ней, как на алтаре. Крутая громада лестницы была сложена из грандиозных порфировых блоков, как будто она предназначалась для ступней исполина; я поднимался по ней, казалось, целую вечность. Боязнь быть обнаруженным в сочетании с чудовищной болью от ран, возобновившейся в результате новой нагрузки на организм, превратили мое восхождение в одну долгую мучительную пытку, воспоминание о которой по сей день причиняет мне почти физическую боль. Я решил, что когда я достигну площадки, то не стану задерживаться на ней ни секунды, но сразу продолжу свой путь наверх по первой попавшейся лестнице, если, конечно, таковая попадется. Я не испытывал ни малейшей охоты окидывать прощальным взором толпу богомерзких отродий, шаркавших лапами и преклонявших колени в 70-80 футах подо мной. Но в тот момент, когда я уже всходил на площадку, вновь раздался оглушительный хор предсмертных булькающих хрипов и надтреснутых голосов. Судя по его церемонному звучанию, он не являлся признаком того, что меня обнаружили, и потому я нашел в себе смелость остановиться и осторожно выглянуть из-за парапета.

Оказалось, что таким своеобразным способом собравшиеся приветствовали того, кто наконец-то высунулся из отвратительной дыры, чтобы взять приготовленную для него сатанинскую пищу. Даже с высоты моего наблюдательного пункта обитатель норы производил впечатление чего-то чрезвычайно громадного; это было нечто грязно-желтое, косматое, с необычной, как бы судорожной манерой двигаться. Величиной он был, пожалуй, с доброго гиппопотама, но внешний вид имел особый. Казалось, у него нет шеи: пять отдельных лохматых голов росли в один ряд прямо из туловища, имевшего форму неправильного цилиндра; первая из них была меньше остальных, вторая — средней величины, третья и четвертая — одного размера и самые крупные, пятая — довольно маленькая,хотя и покрупнее первой.

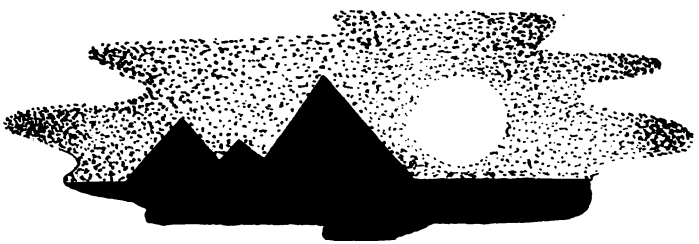
Из голов стремительно вылетали своего рода твердые щупальца; словно ястребы, они набрасывались на разложенную на полу непотребную пищу и хватали ее непомерно большими порциями. Временами чудовище как бы прядало вверх, временами удалялось в свое логово посредством весьма необычных маневров. Его манера двигаться была настолько странной и необъяснимой с точки зрения здравого смысла, что я глядел на него как зачарованный, и страстно желал, чтобы оно показалось целиком.

И оно показалось... оно показалось, и в ту же секунду я в ужасе отвернулся и бросился вверх по лестнице, что вздымалась за моей спиной и уходила во тьму. Я мчался без оглядки, взбегая

по каким-то немыслимым ступеням, карабкаясь по приставным лестницам, с трудом удерживая равновесие на наклонных плоскостях; мчался туда, куда меня не вели ни логика, ни обычное человеческое зрение, но, вероятно, лишь законы царства бредовых видений — иного объяснения я не нахожу и не найду вовек. Такое могло происходить лишь во сне, иначе восход солнца не застал бы меня живым в песках Гизы под сардоническим ликом Великого Сфинкса, розовеющим в рассветных лучах.

Великий Сфинкс! Боже! — вот праздный вопрос, который я задавал себе в то благословенное солнечное утро: ... какое исполинское и отвратительное чудовище призваны были изображать первоначальные черты лица Сфинкса? Будь проклято то зрелище, во сне ли оно было, наяву ли, в котором мне явился предельный, абсолютный ужас — неведомый Бог Мертвых, облизывающийся в предвкушении поживы в своем огромном жутком логове и получающий богомерзкие лакомства из рук бездушных тварей, которые не имеют права на существование... Пятиголовый монстр, высунувшийся из норы... пятиголовый монстр величиной с гиппопотама... пятиголовый монстр — и тот, для кого этот монстр — не более, чем его собственная передняя лапа!

Но я остался жив — я знаю, что это был всего лишь сон.

СНЫ В ВЕДЬМИНОМ ДОМЕ

Уолтер Джилмен не мог сказать, являлись ли его сны следствием болезни или ее причиной. Все, происходившее с ним таило в себе нечто ужасное, порочное, наполнявшее душу гнетущим страхом, который исходил, казалось, от каждого камня старинного города, и более всего — от ветхих стен мансарды древнего дома, что издавна прослыл в округе нечистым: здесь, в убогой комнатке проводил Джилмен свои дни: писал, читал, бился с длинными рядами цифр и формул, а по ночам — метался в беспокойном сне на обшарпанной железной кровати. В последнее время слух его обострился до необычайной степени, и это причиняло невыносимые страдания — даже каминные часы пришлось остановить: маятник гремел как артиллерийская батарея. По ночам едва различимые голоса далеких улиц, зловещая возня крыс за изъеденными червями стенами и скрип рассыхающихся балок

где-то наверху сливались в один грохочущий ад. Темнота всегда приносила с собой множество звуков — Джилмен почти свыкся с ними, но все же вздрагивал от ужаса при мысли о том, что однажды привычный шум может стихнуть, уступая место иным звукам, которые — подозревал он — до времени таятся в обычном грохоте.

Джилмен поселился в древнем Аркхэме, где, казалось, остановилось время, и люди живут одними легендами. Здесь повсюду в немом соперничестве вздымаются к небу островерхие крыши; под ними, на пыльных чердаках, в колониальные времена скрывались от преследований Королевской стражи аркхэмские ведьмы. Но не было в жуткой истории города места, с которым связывалось бы больше страшных воспоминаний, чем с той самой комнатой в мансарде, что послужила приютом Уолтеру Джилмену; именно эта самая комната в этом самом доме приняла когда-то в свои стены старую Кецию Мейсон, ту, чей побег из Салемской тюрьмы так и остался загадкой для всех. Это последнее происшествие имело место в 1692 году. Тюремный надзиратель в ту ночь сошел с ума и с тех пор непрерывно бормотал нечто нечленораздельное о каком-то косматом животном с белыми клыками, якобы выбежавшим из камеры, где содержалась Кеция. На стенах помещения тогда же были обнаружены странные рисунки, нанесенные липкой красной жидкостью и изображающие углы и многоугольники, истолковать смысл которых был не в состоянии даже высокоученый Коттон Мазер (25).

Видимо, Джилмену все же не следовало так много заниматься. Изучение таких дисциплин, как неэвклидова геометрия и квантовая физика само по себе является достаточно серьезным испытанием для разума; когда же эти науки безрассудно совмещают с древними преданиями, пытаясь отыскать черты необычайной многомерной реальности в тумане готических легенд или просто в таинственных старых сказках, что шепотом рассказывают темными вечерами у камина, — тогда умственное перенапряжение почти неизбежно. Юность Джилмена прошла в Хейверхилле; только после поступления в Аркхэмский университет он постепенно пришел к мысли о некоей внутренней связи избранного им предмета, математики, с фантастическими преданиями о древних магических таинствах. Сама атмосфера дышащего стариной Аркхэма каким-то непонятным образом воздействовала на воображение юноши. Внимательные к одаренному студенту университетские преподаватели настоятельно советовали ему «несколько поубавить пыл», с которым он отдавался учебе и пошли даже на то, чтобы сократить для него обязательный курс наук. Кроме того, Джилмену было запрещено

пользоваться некоторыми книгами весьма сомнительного, а подчас и явно запретного содержания, что хранились под замком в подвалах университетской библиотеки. К несчастью, эта последняя мера предосторожности запоздала: к тому времени Джилмен уже получил достаточно мрачное представление об ужасающих откровениях «Некрономикона» Абдула Аль-Хазреда, дошедшего до нас в отрывках «Книги Эйбона», и запрещенного исследования фон-Юнцта «Сокровенные культы». Одних неясных намеков и беглых упоминаний оказалось достаточно для сопоставления с абстрактными математическими формулами, что абсолютно по-новому освещало свойства вселенной и взаимодействие известных и неведомых нам измерений пространства.

Джилмен знал, конечно, что живет в пресловутом Ведьмином Доме; собственно, именно поэтому он и снял здесь комнату. В архивах графства Эссекс сохранилось немало документов о судебном процессе над Кецией Мейсон. Ее признания, сделанные, впрочем, явно под давлением высокого суда, произвели на юношу совершенно необычайное впечатление. Обвиняемая заявила судье Гаторну, что ей известны некие геометрические фигуры, точнее, прямые и искривленные линии, определенные сочетания которых могут указывать направления «выхода из пределов этого пространства». Подсудимая Мейсон дала также понять, что названные ею фигуры служат для «перехода в другие миры», и не стала отрицать, что вышеуказанные линии нередко использовались на ночных собраниях, а вернее сборищах, проходивших либо в долине Белого Камня, что находится по ту сторону холма Медоу-Хилл, либо на пустынном островке, лежащем посередине реки в пределах городской черты. Названная Мейсон, кроме того, дала показания о некоем Черном Человеке, о принесенных ею клятвах и о своем новом тайном имени Нахав. Вскоре после этого она начертила на стенах своей камеры уже упоминавшиеся фигуры и бесследно исчезла.

Странные фантазии будоражили воображение Джилмена, когда он думал о Кеции Мейсон; когда же юноша узнал, что дом, дававший приют старой колдунье более двух с половиной веков назад, по-прежнему стоит на узкой улочке в центре Аркхэма, его охватил необъяснимый трепет. Наконец, ушей Джилмена достигли и те из аркхэмских легенд, что горожане осмеливались передавать только шепотом. В необычайных этих историях утверждалось, что Кецию Мейсон и по сей день видят в ее старом доме и на близлежащих улицах; что по утрам жильцы этого дома и прилегающих особнячков неоднократно обнаруживали у себя на теле неровные следы укусов, причем отпечатки зубов по форме удивительно напоминали человеческие; что в канун пер-

вого мая и в день всех Святых многие аркхэмцы слышали приглушенные детские крики, а когда эти дни, издревле внушавшие горожанам неподдельный ужас, проходили, вблизи дома старой ведьмы появлялся отвратительный запах, исходивший откуда-то с чердака; наконец, говорили, что в ветшавшем на глазах Ведьмином Доме, как, впрочем, и в некоторых других местах, незадолго перед рассветом появляется неизвестный косматый зверек небольших размеров с необычайно острыми зубками, и если ему попадается случайный прохожий, то он с любопытством обнюхивает его. Наслушавшись таинственных историй, Джилмен решился любой ценой поселиться в Ведьмином Доме. Это оказалось несложно: дом пользовался дурной славой, и желавших снять его целиком не находилось; тогда здание разбили на дешевые меблированные комнаты. Джилмен не смог бы объяснить, что он ожидал найти в своем новом жилище, но ему непременно нужно было попасть туда, где в силу каких-то неизвестных ему обстоятельств пожилая городская обывательница из XVII столетия была наделена — вероятно, неожиданно для нее самой — способностью проникать в такие глубины математики, каких, быть может, не достигал умственный взор столь выдающихся мыслителей современности, как Планк, Гейзенберг, Эйнштейн и де Зиттер.

Джилмен внимательно обследовал чуть ли не весь дом, разыскивая под отставшими обоями на оштукатуренных и деревянных стенах хоть какие-нибудь следы тайных знаков; уже через неделю ему удалось получить ту самую комнату в мансарде с восточной стороны здания, где, как полагали, Кеция предавалась своим магическим занятиям. Это помещение, собственно, никто и не снимал — да и кому захотелось бы надолго оставаться в такой комнате! — и все же владелец дома, поляк, предоставил ее Джилмену с большой неохотой. Однако и здесь с новым жильцом ничего особенного не происходило — до того самого времени, когда обнаружились первые признаки его болезни. Призрак Кеции не спешил явиться в мрачных залах и комнатах старого дома, косматый зверек не вползал украдкой в унылые покои Джилмена, чтобы обнюхать его, а предпринятые новым жильцом настойчивые поиски не увенчались успехом — ему не удалось обнаружить каких бы то ни было следов магических формул старой ведьмы. Иногда юноша предпринимал долгие прогулки по тенистым хитросплетениям немощеных, пахнувших плесенью переулков старого города; побуревшие от времени жуткие глыбы домов, не имевших, казалось, возраста, склонялись над его головой, словно грозя обрушиться вниз, и с издевкой бросали на него злобные взгляды узких подслеповатых

оконец. Здесь, думал Джилмен, когда-то проходили поистине ужасные события; ему казалось порой, что доступное поверхностному взгляду таит в себе неопределенный намек на то, что страшное прошлое еще не полностью умерло и, возможно, где-нибудь, пусть в самых темных, узких и извилистых переулках старого города продолжает жить прежней жизнью. Джилмен дважды побывал и на лежавшем посередине реки острове, что вызывал столько суеверных толков в городе. Там он сделал зарисовки необычных фигур, образуемых рядами серых, поросших мхом камней, расставленных неведомой рукой в туманном прошлом, которое не оставило никаких иных следов в памяти людей.

Комната Джилмена представляла собою помещение довольно внушительных размеров и имела при этом весьма необычную форму: северная ее стена имела явный наклон внутрь, к северу же был скошен и низкий потолок. В наклонной стене Джилмен обнаружил небольшое отверстие с неровными краями — несомненно, ход в крысиную нору — и еще несколько таких же отверстий, но уже тщательно заделанных; отсутствовали малейшие признаки того, что имеется — или хотя бы имелся ранее — какой-нибудь доступ в пространство между наклонной стеной комнаты и совершенно прямой внешней стеной здания: взглянув на дом снаружи, легко было убедиться, что там когда-то имелось и окно, заложенное, впрочем, уже очень давно. Также совершенно недоступной оказалась и та часть чердака, которая находилась над комнатой Джилмена и определенно должна была иметь наклонный пол. Когда юноша, воспользовавшись приставной лестницей, проник на покрытый густой паутиной чердак с совершенно горизонтальным полом, над входом в свою комнату он обнаружил стену с очевидными следами когда-то бывшего в ней проема, теперь крепко заколоченного весьма старыми на вид досками — они держались на длинных деревянных гвоздях, бывшими в столь широком ходу в колониальную эпоху. Увы, сколь ни убедительны были просьбы и заверения Джилмена, флегматичный и на редкость упрямый домовладелец отказался позволить вскрыть хотя бы одно из замкнутых пространств, примыкавших к комнате.

С течением времени интерес Джилмена к тому, что могли скрывать необычная стена и потолок его новой комнаты, только возрастал — он начал думать, что величина угла между ними может иметь некий математический смысл, дающий ключ к разгадке того, для чего они были предназначены. У старой Кеции, размышлял он, имелись же какие-то причины жить в комнате именно такой странной формы; разве не утверждала она сама, что именно посредством сочетаний определенных углов можно

покинуть пределы известного нам пространства? Постепенно, однако, замкнутые пустоты за стеной и над потолком все меньше привлекали к себе внимание Джилмена — ему стало казаться, что назначение непривычной формы связано не с тем, что находится за поверхностью, а с тем, что лежит по эту сторону.

Первые симптомы нервной болезни и нездоровые сновидения появились в начале февраля. Очевидно, в течение всего времени, что Джилмен жил в комнате, необыкновенная ее форма оказывала на него в высшей степени странное, едва ли не гипнотическое воздействие: в ту холодную блеклую зиму он то и дело ловил себя на том, что все пристальнее вглядывается в линию, соединяющую наклонную стену и скошенный потолок. Примерно в то же время он стал ощущать и растущее беспокойство по поводу обнаружившейся вдруг полной неспособности сконцентрироваться на изучаемых дисциплинах — беспокойство тем более оправданное, что приближался срок очередных экзаменов. С другой стороны, чуть меньше давал себя знать невероятно обострившийся слух. Однако, несмотря на это последнее обстоятельство, жизнь Джилмена превратилась в навязчивую и почти непереносимую какофонию; но самым ужасным было неослабевающее ощущение, что в этом хаосе присутствуют новые, неслыханные доселе звуки — они находились где-то у самой границы восприятия, быть может, имея источник вне пределов постигаемого. Что касается обычных шумов, то самые отвратительные звуки производили крысы, копошившиеся за старыми деревянными стенами. Иногда их скрытная возня казалась даже осмысленной. Из-за наклонной северной стены доносилось что-то вроде резкого сухого грохота, когда же шум исходил из заколоченной части чердака над самой комнатой Джилмена, юноша замирал в ужасе, как если бы предчувствовал нечто страшное, только и дожидающееся своего часа, чтобы окончательно завладеть его разумом.

Сновидения Джилмена полностью вышли за пределы нормального; он догадывался, что причиной тому послужило одновременное чересчур глубокое изучение математики и определенных разделов древнего фольклора. Слишком много размышлял он над возможностью существования таинственных пространств, что, как подсказывали математические формулы, должны были находиться вне известного нам трехмерного мира. Слишком много размышлял он о том, могла ли старая Кеция Мейсон — ведомая, несомненно, силами, превосходящими человеческий разум, — найти способ проникнуть в эти неведомые пространства. Пожелтевшие от времени страницы судебных протоколов сохранили слишком много дьявольски красноречивых свидетельств как самой колдуньи, так и ее обвинителей о

существовании явлений, лежащих вне сферы чувственного опыта человека. Описания сказочного спутника ведьмы, подвижного косматого зверька, были невероятно реалистичны, несмотря даже на откровенную фантастичность некоторых деталей.

Косматая тварь, размером не более крупной крысы, была известна в городе под именем Бурого Дженкина и являлась, видимо, порождением небывалого случая массовой галлюцинации; так в 1692 не менее одиннадцати человек под присягой утверждали, что видели ее собственными глазами. Сохранились и более поздние, совершенно независимые свидетельства; поражала невероятная способная привести в замешательство степень их сходства. Очевидцы рассказывали, что зверек покрыт длинной шерстью, по форме сходен с крысой, имеет необыкновенно острые зубы; мордочка его, снизу и по бокам также поросшая шерстью, удивительно напоминает болезненно сморщенное человеческое лицо, а крошечные лапки выглядят как миниатюрная копия человеческих кистей. Говорили также, что мерзкая тварь выполняет обязанности посыльного от старой Кеции к дьяволу, а питается она якобы кровью самой ведьмы, подобно тому, как это делают вампиры. Голос отвратительного существа, по словам слышавших его, представляет собой невообразимо отвратительный писк, но, тем не менее, говорит оно на всех известных языках. Ни одно из невероятных чудовищ, являвшихся Джилмену в беспокойных снах, не наполняло его душу таким смрадом и омерзением, как этот ужасный крошечный гибрид; ни один из ночных образов, переселившихся в воспаленный мозг юноши со страниц древних хроник и из рассказов его современников, не вызывал у него и тысячной доли того страха и отвращения, какие внушала маленькая тварь, без устали сновавшая в его видениях.

Чаще всего во сне Джилмену представлялось, что он погружается в какую-то пропасть, бездну, наполненную странным сумрачным светом, исходившим из невидимого источника, и невероятно искаженными звуками. Невозможно было составить хоть сколько-нибудь отчетливое представление о материальных и гравитационных свойствах окружавшего хаоса или о его воздействии на самого Джилмена. Юноша всегда ощущал во сне, что каким-то образом движется — отчасти по своей воле, отчасти подчиняясь смутному импульсу извне — но никак не мог определить характер своих перемещений: он не шел, не карабкался, не летел, не плыл и не полз. О том, что, собственно, с ним происходило, Джилмен не мог судить с достаточной уверенностью, поскольку необъяснимое искажение перспективы лишало его возможности видеть собственное тело, руки или ноги; при этом он чувствовал, как весь его организм претерпевает удиви-

тельную трансформацию, словно он был изображен в какой-то косой проекции, хотя и сохранял странное карикатурное сходство с тем, что было Джилменом в нормальном мире.

Пропасти ночных видений отнюдь не пустовали — они были заполнены скоплениями какого-то вещества совершенно невероятной формы и неестественно резкой окраски: некоторые из них имели, видимо, органическую природу, другие — явно неорганическую. Несколько таких органических предметов, казалось, вызывали у него смутные воспоминания о чем-то, но Джилмен не мог дать себе ясный отчет, на что, собственно, могут с таким ехидством намекать ему эти ночные образы. Позже он разделил для себя массу органических объектов на несколько, по-видимому, естественных классов, явно отличных друг от друга по способу и характеру перемещений. Из всех этих групп особенно выделялась одна, включавшая предметы, чьи движения казались более осмысленными и поддающимися логике, чем это было присуще остальным. И все же эти странные предметы — равно органического и неорганического происхождения — совершенно не укладывались в рамки категорий человеческого разума. Неорганические предметы иногда имели определенное сходство то с разнообразными призмами, то с какими-то лабиринтами, нагромождениями кубов и плоскостей, даже с циклопическими постройками; среди органических объектов Джилмен с удивлением находил и простые скопления каких-то пузырей, и некие подобия осьминогов и многоножек, и оживших индусских идолов, и наконец, отвлеченные узоры, изысканные линии которых, переливаясь, переходили одна в другую, составляя нечто вроде тела огромной змеи. Все вокруг несло в себе какую-то невыразимую угрозу, скрытый ужас; стоило Джилмену по движениям того или иного существа заподозрить, что оно заметило его, как юношу охватывал столь невыносимый, столь отвратительный страх, что он немедленно просыпался, будто от толчка. О том, каким образом передвигались органические существа в его снах, Джилмен мог бы сообщить не больше, чем о своих собственных непостижимых перемещениях. Со временем ему открылась новая тайна — он заметил, что время от времени некоторые из объектов неожиданно возникают из пустоты и столь же неожиданно исчезают. Окружавшую его бездну наполняла ужасная смесь визжащих и ревущих голосов; невозможно было бы определить высоту, тембр или ритм этих звуков, но казалось, что они каким-то образом согласованы во времени со смутными видоизменениями являвшихся во сне предметов и существ. С обреченностью и ужасом юноша постоянно ожидал того момента, когда в своих непрерывных модуляциях этот неослабе-

вающий рев достигнет такой силы, которую уже невозможно будет выдержать.

Но первая встреча с Бурым Дженкином произошла не здесь. Вместо чудовищной бездны для нее были заготовлены другие сны — не такие тяжелые и с видениями, более отчетливыми в своих очертаниях. Такие сны обычно предшествовали погружению в более глубокое и страшное забвение. Лежа в темноте и борясь со сном, Джилмен обычно замечал, как его ветхую комнатку постепенно заполняет облако мягкого, искристого, как бы отраженного света, и тогда в фиолетовой дымке отчетливо проступает угол между наклонной стеной и потолком, так настойчиво привлекавший к себе его внимание в последнее время. Маленькое чудовище выпрыгивало из прогрызенной крысами дыры в углу и, постукивая коготками по широким, изъеденным временем половицам, приближалось к Джилмену, обратив к нему полную злобного ожидания бородатую мордочку, так похожую на человеческое лицо; к счастью, этот неглубокий сон милосердно рассеивался, прежде чем отвратительная тварь успевала подобраться достаточно близко, чтобы начать обнюхивать Джилмена. У Дженкина были дьявольски длинные острые клыки. Чуть ли не каждый день юноша заделывал дыру в стене, из которой появлялся Дженкин, но на следующую ночь крысы уничтожали вновь появившуюся преграду, сколь бы крепкой она ни казалась. Однажды по просьбе Джилмена хозяин дома забил отверстие куском жести, однако назавтра юноша обнаружил, что крысы прогрызли новый ход, попутно то ли вытолкнув, то ли вытащив наружу небольшой кусочек кости очень странного вида.

Дженкин решил не сообщать своему врачу об открывшейся болезни, опасаясь, как бы его не отправили в университетский лазарет как раз в тот момент, когда на счету была каждая минута: приближались очередные экзамены. Он, собственно, и так уже не сдал дифференциальное исчисление и психологию, но все же у него оставалась надежда подтянуться до конца семестра.

В начале марта нечто новое появилось в тех неглубоких снах Джилмена, которые предшествовали более длительным видениям: рядом с ужасным призраком Бурого Дженкина стало появляться неясное размытое пятно, все больше напоминавшее силуэт согбенной старухи. Новый образ встревожил Джилмена гораздо больше, чем он сам мог бы ожидать; в конце концов он решил, что очертания пятна и в самом деле похожи на очень преклонных лет женщину, которую он действительно дважды встречал, прогуливаясь по темным извилистым переулкам в окрестностях заброшенных доков. Ему особенно запомнился взгляд старой карги — внешне безразличный, но на самом деле

злобный и язвительный, взгляд, от которого его бросало в дрожь, при первой встрече, когда он заметил очень большую крысу, пробегавшую через тенистую аллею чуть в стороне от него — ни с того ни с сего Джилмен подумал тогда о Буром Дженкине. Теперь, рассуждал он, пережитое однажды нервное потрясение вновь дает о себе знать в бессмысленном сне.

Джилмен не мог более отрицать, что атмосфера дома, в котором он поселился, была явно нездоровой; и все же прежний болезненный интерес удерживал его там. Он убеждал себя в том, что все видения вызваны исключительно его болезнью, и как только горячка пройдет, ночные чудовища отступят. Кошмары эти, однако, необычайно занимали Джилмена своей потрясающей жизненностью и убедительностью; всякий раз, просыпаясь, юноша смутно чувствовал, что во сне он испытал куда больше, чем ему удалось запомнить. Джилмен был уверен — хотя и думал об этом с отвращением — что в тех снах, которые не сохранялись в памяти, он беседовал о чем-то с Бурым Дженкином и старухой. Они убеждали его куда-то пойти вместе с ними и встретиться с кем-то третьим, обладавшим еще большими силами, чем они.

К концу марта Джилмен начал делать большие успехи в математике, хотя другие дисциплины все больше обременяли и раздражали его. Он приобрел какое-то особое математическое чутье, позволявшее ему без труда решать, к примеру, уравнения Римана, и немало поражал профессора Апхэма тонким пониманием проблем четвертого измерения и иных вопросов, которые ставили в тупик его товарищей по учебе. Однажды в аудитории обсуждалась возможность существования нерегулярных искривлений пространства и теоретическая вероятность сближения или даже соприкосновения нашего участка вселенной с другими ее областями, удаленными от нас не менее, чем самые далекие звезды нашей галактики, или чем сами другие галактики, а может быть даже не менее далекие, чем такие объекты, которые, как можно предположить лишь гипотетически, находятся вне пределов Эйнштейновского континуума пространства-времени. Всех поразило, с какой свободой владеет Джилмен этими темами, несмотря даже на то, что некоторые из его построений не могли не возбудить новых слухов о его эксцентрической нервозности и замкнутости. Однокашникам Джилмена оставалось только недоуменно пожимать плечами, когда они слушали его совершенно хладнокровные рассуждения о том, что человек — обладай он математическими познаниями, человеческому разуму все же вряд ли доступными — мог бы одним усилием воли перемещаться с Земли на любое другое небесное тело, лежащее

в одной из бесчисленных точек, составляющих узоры дальних созвездий.

Такие перемещения, утверждал далее Джилмен, требуют для своего осуществления лишь двух последовательных шагов: во-первых, выхода из известной нам трехмерной сферы, и во-вторых, входа в какую-либо иную трехмерную же сферу, возможно, бесконечно удаленную от нас. Нет оснований допускать, что в большинстве случаев подобные пространственные переходы сопряжены с угрозой для жизни. В принципе, любое существо из любой части трехмерного пространства, вероятно, могло бы совершенно безболезненно для себя находиться в четвертом измерении; что же касается второй стадии, то здесь все будет зависеть от того, какой именно участок трехмерного пространства будет выбран в качестве цели. Обитатели одних планет вполне могут оказаться способными жить на других — даже на планетах, принадлежащих иным галактикам или сходным пространственным фазам иного континуума пространства-времени, хотя, несомненно, должно существовать значительное количество совершенно несовместимых в этом отношении небесных тел или областей космоса, будь они даже, с математической точки зрения, расположены в непосредственной близости друг от друга.

Не исключена также возможность того, что обитатели одной пространственной области способны существовать в других, пусть им неизвестных и даже не укладывающихся в их физические представления, — в мирах с определенным или неопределенным множеством дополнительных измерений, буде такие миры расположены внутри или вне данного пространственно-временного континиума; возможно, вероятно и обратное. Этот вопрос подлежит дальнейшему обсуждению, однако, с полной уверенностью можно утверждать, что изменения в живом организме, сопровождающие переход с одного пространственного уровня на другой, более высокий, не сопряжены с какими-либо разрушительными последствиями для биологической целостности этого организма, насколько мы ее понимаем. Джилмен не мог с достаточной ясностью обосновать этот последний пункт своих рассуждений, но такая незначительная недоработка, несомненно, вполне компенсировалась замечательно ясным пониманием многих других очень сложных проблем. Профессору Апхэму особенно импонировали иллюстрации Джилмена к вопросу об известной близости высшей математики к некоторым сторонам древней магии, таинства которой дошли до нас из неизмеримо далеких эпох — доисторических, а может быть, и дочеловеческих — когда познания о Вселенной и ее законах были куда шире и глубже наших.

В начале апреля Джилмен почувствовал нешуточное беспокойство по поводу своей затянувшейся болезни. Внушали тревогу и рассказы соседей: их нельзя было толковать иначе, как свидетельство появления у Джилмена симптомов лунатизма.

Судя по всему, во сне он покидал свою постель — сосед снизу часто слышал скрип половиц в его комнате в предутренние часы. Тот же сосед утверждал, что по ночам сверху раздается и стук башмаков, но это была ошибка: каждое утро Джилмен находил свою одежду и обувь точно в том же месте, где оставлял их на ночь. Поистине, в этом ужасном старом доме развивались слуховые галлюцинации — разве самому Джилмену не пришлось убедиться в этом, после того как даже в дневное время ему стало казаться, что из черных пустот за наклонной стеной и над скошенным потолком доносятся, помимо крысиной возни, и какие-то другие звуки? Его болезненно обостренный слух начал различать в давно заложенной части чердака прямо над комнатой слабые отзвуки чьих-то шагов, и иногда эти галлюцинации казались ему ужасающе реальными.

В одном сомнений быть не могло: Джилмен страдал лунатизмом. Дважды в ночное время его комнату находили пустой, хотя вся одежда была на месте. Он узнал об этом от своего товарища — студента Фрэнка Илвуда, вынужденного по бедности поселиться в том же мрачном и нелюбимом горожанами доме. Илвуд, прозанимавшись как-то до глубокой ночи, решил обратиться к Джилмену за помощью — ему никак не давались несколько дифференциальных уравнений, — но в комнате на верхнем этаже никого не было. Конечно, со стороны Илвуда было довольно-таки бесцеремонно открывать даже и незапертую дверь чужой комнаты и заглядывать внутрь, не получив ответа на настойчивый стук, но ему действительно требовалась помощь, и он понадеялся что сосед сверху не слишком огорчится, если его достаточно вежливо растолкать. Илвуд поднимался наверх примерно в то же время и еще через несколько дней, но Джилмена снова не оказалось дома. Выслушав его рассказ, последний не мог не задаться вопросом, где же он был ночью, босой, в одной пижаме? Он решил обязательно исследовать эту загадку, если только ночные хождения не прекратятся; можно например, посыпать мукой пол в коридоре, чтобы с утра выяснить, куда ведут следы. Несомненно, покинуть комнату он мог только через дверь, поскольку с внешней стороны дома у окна не было никаких выступов или хотя бы неровностей, по которым можно было бы выбраться наружу.

К середине апреля болезненно обостренный слух Джилмена подвергся новому испытанию — до его комнаты стали доносить-

ся тонкие заунывные причитания суеверного заклинателя духов по имени Джо Мазуревич — он снимал квартиру в первом этаже. Мазуревич имел обыкновение рассказывать длинные, бессвязные истории о призраке старухи Кеции и маленьком косматом зверьке с необычайно острыми клыками, вечно что-то вынюхивавшем; по его словам, эта парочка настолько навязчиво преследовала его своими явлениями, что пришлось воспользоваться серебряным распятием (специально выданным для этой цели отцом Иваницким из церкви Св.Станислава), чтобы избавиться от нее. Джо молился так усердно, потому что приближалась ночь Великого Шабаша. Ночь накануне первого мая называется Вальпургиевой; в это время самые страшные силы зла покидают ад и переносятся на Землю, а все подданные сатаны собираются вместе, чтобы предаться таким отвратительным занятиям и таинствам, что их даже невозможно назвать обычному человеку. Для Аркхэма это всегда было самое тяжелое время в году, хотя благородная публика с Мискатоникского Авеню, Хай-стрит или улицы Селтонстол и предпочитает изображать полное неведение на сей счет. Страшные дела творятся тогда в городе; бывает, даже пропадают дети. Джо хорошо разбирался в таких вещах: еще на родине бабка рассказывала ему разные жуткие истории, которые слышала, в свою очередь, от своей бабки. Мудрые люди советуют на это время вооружиться четками и побольше молиться. Вот уже три месяца, как старуха Кеция и Бурый Дженкин не попадаются на глаза ни самому Мазуревичу, ни его земляку и соседу Павлу Чонскому — вообще никому в городе. Это недаром. Раз они держатся в тени, значит, что-то задумали.

16 числа Джилмен побывал, наконец, у врача, и был очень удивлен, узнав, что если у него и есть температура, то не такая высокая, как он боялся. Доктор внимательно расспросил его о симптомах и порекомендовал обратиться к специалисту по нервным болезням. Джилмен даже обрадовался, что не попал на прием к прежнему университетскому врачу, человеку еще более дотошному. Старик Уолдрон, недавно оставивший практику, уже как-то раз настоял на том, чтобы Джилмен сделал длительный перерыв в своих занятиях; то же самое он сделал бы и сейчас — но разве можно было бы остановиться именно в тот момент, когда вычисления сулили столь блестящие результаты! Несомненно, он уже нащупывал границу четвертого измерения, и кто знает, насколько далеко он может продвинуться в своих поисках?

Но даже при мысли о возможном успехе Джилмена не оставляло недоумение по поводу того, откуда, собственно, он черпает

такую уверенность. Неужели и гнетущее чувство неотвратимой угрозы исходит всего лишь от строчек математических формул, которыми день за днем заполнял он бесчисленные листки бумаги? Воображаемые шаги над потолком, мягкие и крадущиеся, ужасно раздражали. Появилось какое-то новое и все усиливающееся ощущение: Джилмену казалось, будто что-то или кто-то склоняет его к чему-то ужасному, чего он ни при каких условиях не должен делать. А лунатизм? Куда он отправлялся по ночам во сне? И что это был за звук, вернее, слабый отголосок какого-то звука, то и дело прорывавшийся сквозь невообразимое смешение уже привычных шумов даже в дневное время, когда он и не думает спать? Едва различимый, этот звук подчинялся какой-то странной ритмической закономерности, не похожей ни на что земное, кроме, может быть, ритмов самых сокровенных гимнов Шабаша, названий которых не смеет произносить смертный. Иногда Джилмен со страхом думал, что есть в этом ритме и нечто от того скрежета и рева, что заполнял мрачные пропасти его сновидений.

Сны, между тем, становились все ужаснее. В первой, менее глубокой их части, злобная старуха появлялась теперь в дьявольски отчетливом облике, и Джилмен убедился, что именно она так напугала его во время давнишней прогулки по старым городским кварталам. В этом невозможно было усомниться — достаточно было взглянуть на ее согбенную спину, длинный нос и морщинистое лицо, легко было узнать и бесформенное коричневое платье. Лицо старухи носило выражение самой гнусной злобы и омерзительного возбуждения; по утрам Джилмен вспоминал ее каркающий голос, настойчивый и угрожающий. Он должен был предстать перед Черным Человеком, и вместе с ним отправиться к трону Азатота, что находится в самом сердце хаоса, — вот чего требовала старуха. Там своею собственной кровью распишется он в книге Азатота, раз уж удалось ему самостоятельно дойти до сокровенных тайн. Джилмен почти готов был подчиниться и отправиться вместе с ведьмой, Бурым Дженкином и тем, третьим, к трону хаоса, туда, где бездумно играют тонкие флейты; его останавливало только упоминание об Азатоте — из книги «Некрономикон» он знал, что этим именем обозначают исконное зло, слишком ужасное, чтобы его можно было описать.

Старуха всегда появлялась, будто из пустоты, вблизи того угла, где наклонный потолок встречался с наклонной стеной. Кажется, она материализовывалась ближе к потолку, чем к полу; в каждом новом сне она понемногу приближалась к Джилмену, и он видел ее все отчетливее. Бурый Дженкин тоже

приближался к юноше в течение этого непродолжительного сна; в облаке неестественного фиолетового света зловеще поблескивали его длинные желтовато-белые клыки. Его визгливый хихикающий голосок все сильнее врезался Джилмену в память, и по утрам юноша вспоминал, как мерзкая тварь говорила что-то об Азатоте и о ком-то по имени Ньярлат-хотеп.

Затем следовали более глубокие и длительные сны, в них тоже все имело гораздо более отчетливые очертания, чем прежде; Джилмен теперь ясно почувствовал, что окружающие его пропасти принадлежат четвертому измерению. Органические объекты, чьи движения казались наименее беспричинными и бесцельными, вероятно, представляли собою проекции живых существ, населяющих нашу планету, включая и людей. Что касается остальных, то Джилмен не решался даже представить себе, как они могут выглядеть в своих собственных пространственных сферах. Два существа из числа двигавшихся наиболее осмысленно (одно напоминало скопление переливающихся пузырей вытянутой сферической формы, а другое, поменьше — многоугольник совершенно невероятной окраски с быстро сменяющимися выступами на поверхностях), казалось, чуть ли не опекали Джилмена и двигались рядом с ним или чуть впереди, пока он пробирался между какими-то гигантскими призмами, огромными лабиринтами, нагромождениями кубов и плоскостей, подобиями странных циклопических построек. На всем протяжении сна видения сопровождались отдаленным скрежетом и ревом, постоянно пребывавшими в силе, как будто стремившимися к некоему чудовищному пределу мощности, совершенно не переносимому для человеческого слуха.

В ночь с 19 на 20 апреля в сновидениях Джилмена появилось нечто новое и чрезвычайно важное. Почти вопреки своей воле он парил по сумеречной пропасти вслед за скоплением переливающихся пузырей и маленьким многоугольником, когда заметил, что края находившихся в стороне от него гигантских призм образуют на удивление правильные повторяющиеся углы. В то же мгновение он оказался вне привычной бездны, обнаружив, что стоит, едва удерживая равновесие, на склоне каменистого холма, залитого ярким, хотя и рассеянным светом. Джилмен был без обуви, в одной только пижме. Он пытался пойти дальше, но не в силах был оторвать ноги от земли. Кружащиеся клубы каких-то густых испарений скрывали от него окрестности: Джилмен видел только небольшую часть склона прямо перед собой; он содрогнулся при мысли о том, какие звуки может таить в себе непроницаемый для взора туман.

Затем он заметил две с трудом подползавшие к нему фигуры

— то были старуха и маленькая косматая тварь. Старая ведьма с видимым усилием поднялась на колени и как-то необыкновенно скрестила руки. Бурый Дженкин, тоже с большим трудом, приподнял правую лапку, так пугающе похожую на человеческую кисть, и указал ею куда-то в пустоту. Подчиняясь непостижимому импульсу извне, Джилмен, преодолевая огромную тяжесть, потащился по направлению, обозначенному средней линией угла, под которым сходились скрещенные руки ведьмы и лапка маленького чудовища. Едва Джилмен сумел сделать пару шагов, как снова оказался в привычной полутемной пропасти. Вокруг проносились бесчисленные тела всевозможных форм; чувствуя немыслимое головокружение, Джилмен стремительно падал куда-то вниз, и стремительному полету не было конца... Он проснулся в своей постели, в мансарде старого дома, сводившей с ума своей непонятной формой.

Не было и речи о том, чтобы заняться чем-нибудь серьезным; Джилмен не пошел на лекции. К своему немалому удивлению он вдруг обнаружил, что какая-то неведомая сила странным образом управляет его зрением: он просто не мог оторвать взгляда от совершенно пустого места на полу. Со временем положение точки, притягивавшей его невидящий взор, менялось, но только к полудню удалось Джилмену справиться с непреодолимым желанием сидеть на одном месте, уставившись в пустоту. Около двух часов дня он отправился в город перекусить и, шагая по узким переулкам, неожиданно заметил, что все время поворачивает на юго-восток. Ему потребовалось известное усилие воли, чтобы заставить себя зайти в кафе на Черч-Стрит, но после обеда непонятное притяжение только усилилось.

Все-таки в ближайшее время придется обратиться к психиатру — может быть, это как-то связано с лунатизмом; но до тех пор нужно хотя бы попытаться самому справиться с болезненным наваждением. Несомненно, у него еще достанет сил сопротивляться непостижимому притяжению; полный решимости бороться, Джилмен направился на север, по Гаррисон-стрит, но обнаружил, что едва способен медленно тащиться по улице. Пока ему удалось добраться до моста через Мискатоник, он весь облился холодным потом; ухватившись за железные перила, юноша взглянул на лежавший вверх по течению остров, что пользовался такой дурной славой; в ярких лучах послеполуденного солнца резко выделялись правильные ряды древних каменных глыб, стоявших в мрачной задумчивости...

А потом бросился прочь. Он едва не упал, различив на пустынном острове какую-то фигуру, в которой нетрудно было узнать странную старуху, чей образ безжалостно вторгся в его сны.

Рядом со старухой шевелилась высокая трава, как если бы у ног ее, на земле, копошилось какое-то другое живое существо. Увидев, что старая ведьма поворачивается в его сторону, Джилмен стремительно спустился с моста и углубился в сумрачные аллеи, высаженные по берегу реки. Даже находясь на значительном расстоянии от острова, он, казалось, чувствовал всю силу чудовищной, неукротимой злобы, которую источал полный насмешки взгляд согбенной ветхой старухи в коричневом платье.

Странное притяжение с юго-востока не ослабевало; Джилмену стоило огромных усилий добраться до старого дома и взойти по шаткой лестнице к себе в мансарду. Несколько часов просидел он бесцельно, в полном молчании, сосредоточив бессмысленный взгляд на неведомой ему точке, медленно смещавшейся к западу. Около шести вечера его тонкий слух снова уловил заунывные молитвы Джо Мазуревича, жившего двумя этажами ниже. В отчаянии Джилмен схватил шляпу и вышел на залитую лучистым золотом заходящего солнца улицу, решившись полностью отдаться странному чувству, влекшему его теперь точно на юг. Часом позже солнце зашло. Темнота застала Джилмена в открытом поле, где-то за Ручьем Висельников; впереди него сверкало звездами весеннее небо. Стремление во что бы то ни стало идти вперед сменилось почти непреодолимым желанием оторваться от Земли, пусть только мысленно, и устремиться в космос. Джилмен вдруг понял, откуда исходит странное притяжение, мучившие его весь день.

Источник притяжения — в небе. Какая-то точка небесной сферы властно звала к себе Джилмена, чем-то манила его. Очевидно, она располагалась где-то между Гидрой и Арго Навис; Джилмен знал теперь, что неведомая звезда влекла его к себе с той минуты, как он проснулся рано утром. В то время эта звезда находилась под ним, внизу, а сейчас переместилась на юг и медленно двигалась к западу. Что могло все это означать? Не сходит ли он с ума? Долго ли все это будет продолжаться? Вновь собравшись с силами, Джилмен повернул обратно и медленно, с трудом зашагал домой.

У дверей его поджидал Мазуревич; жгучее желание сообщить соседу о новых сверхъестественных событиях боролось в нем с суеверным страхом говорить на подобные темы. Дело в том, что в доме снова появился колдовской свет. Накануне Джо довольно поздно вернулся домой — по всему Массачусетсу отмечался День Патриота, — уже после полуночи. Перед тем, как войти в дом, он взглянул на окна Джилмена: сначала они показались ему совершенно темными, но потом стало заметно слабое фиолетовое свечение. Джо хотел бы предостеречь молодого

джентльмена, ибо всякому в городе было известно, что такой свет всегда сопровождает появление призрака старухи Кеции и Бурого Дженкина. Раньше Мазуревич предпочитал не заговаривать на эту тему, но теперь он видит, как это необходимо: появление колдовского света означало, что Кеция и ее зубастая тварь начали преследовать юного джентльмена. Не раз и сам Джо Мазуревич, и Павел Чонский и домовладелец господин Домбровский вроде бы замечали, что такой же свет пробивается наружу сквозь щели в стенке, закрывавшей часть чердака над комнатой джентльмена; правда, все трое сговорились держать язык за зубами... Лучше бы молодому джентльмену сменить комнату и запастись распятием хорошего ксендза, вроде отца Иваницкого.

Выслушивая нескончаемую болтовню соседа снизу, Джилмен ощущал, как тиски страха все плотнее сжимаются вокруг него. Конечно, Джо наверняка был в изрядном подпитии, когда возвращался домой накануне ночью; тем не менее его упоминание о фиолетовом свете имело ужасное значение. Именно такой искристый свет всегда окружал старуху и маленькую косматую тварь в тех недолгих и отчетливых снах, которые предшествовали погружению в неведомые пропасти более глубоких видений; однако сама мысль, что бодрствующий сторонний наблюдатель мог видеть свет, являвшийся Джилмену во сне, решительно не укладывалась в рамки разумного. И где только этот парень мог такое узнать? Может, он и сам разговаривает или ходит во сне? Нет, Джо говорит, что нет. Надо будет все-таки проверить. Может быть, Фрэнк Илвуд что-нибудь знает, хотя очень уж не хочется обращаться к нему с такого рода расспросами.

Горячка, невероятные сновидения, лунатизм, слуховые галлюцинации — а теперь еще и подозрение, что он разговаривает во сне, и без того очень нездоровом! Необходимо отложить занятия, посоветоваться с психиатром, и взять себя в руки. Поднявшись на второй этаж, Джилмен задержался было у двери Илвуда, но увидел, что того нет дома. Он неохотно поднялся к себе и сел, не зажигая света. Взгляд был по-прежнему прикован к югу; кроме того, он поймал себя на том, что настойчиво прислушивается к тишине, словно надеясь уловить некий звук с чердака, и кажется, воображает, будто видит зловещий фиолетовый свет, просачивающийся сквозь микроскопическую щель в низком наклонном потолке.

Той ночью во сне фиолетовый свет обрушился на него с возросшей силой, а старая ведьма и маленькая косматая тварь подобрались еще ближе и явно издевались над ним, визжа нечеловеческими голосами и делая какие-то дьявольские жесты. Джилмен был даже рад погрузиться в сумрачную бездну с ее

привычным приглушенным ревом, хотя и там настойчивое преследование двух существ, похожих на скопление переливающихся пузырей и маленький многоугольник со сторонами, меняющимися словно в калейдоскопе, вызывало особенно острое ощущение угрозы и необычайно раздражало. Затем сверху и снизу возникли огромные сходящиеся плоскости из очень гладкого материала — и Джилмен очутился в ином пространстве, ослепившем его резким холодным светом, представлявшим из себя какую-то неистовую смесь красного, желтого и синего.

Он полулежал на высокой террасе, окруженной балюстрадой совершенно фантастической формы; внизу простиралась бескрайняя равнина, вся покрытая невероятно причудливыми остроконечными пиками, огромными наклонными плоскостями, неизвестно каким чудом удерживавшимися в равновесии, куполами, башенками наподобие минаретов, дисками, опиравшимися на тонкие шпили и бесчисленными комбинациями других фигур. Некоторые из камня, остальные из металла — все они переливались великолепными красками в ослепительном многоцветном сиянии неба. Взглянув наверх, Джилмен увидел три гигантских пламенеющих диска разных оттенков, находившихся на различных расстояниях от необыкновенно далекого дугообразного горизонта, на котором выделялись вершины низких гор. Позади, насколько хватало глаз, были видны все новые и новые ярусы вздымавшихся к небу террас, подобных той, на которой находился Джилмен. Скопление необыкновенных строений, скорее всего, что-то вроде города, простиралось до самых пределов видимости; Джилмен надеялся только, что оттуда не донесется какой-нибудь новый невыносимый звук.

Он очень легко поднялся с террасы; пол был выложен из отполированного камня неизвестной породы с частыми прожилками. Джилмена поразила причудливая форма угловатых плиток — не то, чтобы полностью асимметричная, но скорее имеющая какую-то свою необычную симметрию, правил которой он никак не мог уразуметь. Балюстрада по краю террасы, доходившая Джилмену до груди, была необычайно тонко и причудливо отделана: вдоль перил на небольшом расстоянии друг от друга стояли фигурки весьма необычного вида и очень искусной работы, изготовленные, по-видимому, как и сама балюстрада, из какого-то неизвестного металла. Цвет этого металла невозможно было определить в царившем здесь ослепительном хаосе; нельзя было также понять, что могут изображать эти странные статуэтки. Они представляли из себя нечто вроде поставленных вертикально цилиндров, сужающихся к концам, с тонкими спицами, расходившимися из центра, как от ступицы колеса. На

обоих концах, сверху и снизу, каждый цилиндр имел по шарику, или набалдашнику, с пятью плоскими треугольной формы лучами, наподобие лучей морской звезды. Лучи лежали почти точно в горизонтальной плоскости, лишь немного отклоняясь от центрального цилиндра. Нижними своими шариками фигурки были припаяны к сплошным перилам, но крепление казалось крайне непрочным из-за очень маленькой площади соприкосновения двух поверхностей в месте пайки, так что нескольких статуэток недоставало: видимо, они были кем-то отломлены. Высота фигурок не превышала двенадцати сантиметров, а максимальный диаметр спиц составлял сантиметров десять.

Поднявшись на ноги, Джилмен сразу почувствовал голыми ступнями довольно сильный жар, исходивший от плиток пола. Он был здесь совершенно один, и первым делом подошел к балюстраде, чтобы взглянуть вниз, где в головокружительной глубине — не меньше шестисот метров — лежал бескрайний город. Прислушавшись, он уловил какую-то ритмическую смесь мелодичных свистящих звуков разной высоты, едва доносившихся с узких улиц внизу; Джилмен пожалел, что не сможет рассмотреть обитателей города. Через некоторое время юноша почувствовал, как от слишком долгого взгляда вниз начинает кружиться голова: пошатнувшись, он инстинктивно потянулся к сверкающей балюстраде и схватился правой рукой за одну из фигурок. Движение было несильным, но его оказалось достаточно, чтобы удержаться на ногах; зато не выдержала невероятно тонкая пайка, и фигурка со спицами отломилась от своей опоры. Головокружение еще чувствовалось, и не выпуская статуэтку из правой руки, левой Джилмен покрепче ухватился за гладко отполированные перила.

В этот момент его обостренный слух уловил какое-то движение сзади; он быстро оглянулся на террасу и увидел пять фигур, приближавшиеся к нему осторожно, но и без всякой скрытности. В двух из них он сразу узнал злобную старуху и косматого зверька с острыми клыками. Одного взгляда на остальных было достаточно, чтобы сознание покинуло Джилмена. Он увидел живых существ ростом примерно в два с половиной метра точно такого же вида, как статуэтки на балюстраде; существа передвигались на своих нижних лучах, изгибая их наподобие паучьих лапок...

Джилмен проснулся в своей постели, весь в холодном поту; лицо, ладони и ступни как будто слегка саднили. Вскочив на ноги, он умылся и оделся с молниеносной быстротой, словно ему вдруг понадобилось срочно уйти из дому. Он еще не знал, куда пойдет, но понял, что и на сей раз занятиями в колледже придет-

ся пренебречь. Непостижимое притяжение какой-то точки между Гидрой и Арго Навис сегодня не чувствовалось, но на смену ему пришло другое, еще более сильное ощущение того же рода. Теперь он испытывал непреодолимое желание двигаться куда-то на север, как можно дальше на север. Джилмен боялся идти по мосту, с которого открывался вид на пустынный остров посередине Мискатоника, и поэтому пересек реку в районе Пибодиавеню. Часто он запинался, но продолжал шагать, не глядя себе под ноги: зрение и слух его были прикованы к неведомой точке в безоблачной выси голубого неба.

Примерно через час Джилмену удалось в какой-то степени овладеть собой, и он обнаружил, что ушел довольно далеко от города. Вокруг простирались блеклые пустые солончаки; Джилмен шел по узкой дороге, что вела в Инсмут, старинный полузаброшенный городок, куда по каким-то непонятным соображениям так опасались ездить жители Аркхэма. Хотя появившееся с утра стремление двигаться на север не ослабло, Джилмен нашел в себе силы сопротивляться ему, равно как и возобновившемуся притяжению с юго-востока; более того, ему далось почти уравновесить их. С трудом добредя до города и выпив чашку кофе в небольшом заведении, он нехотя зашел в библиотеку и стал бесцельно перелистывать первые попавшие под руку журналы. Затем Джилмен снова бродил по улицам, встретил пару знакомых, вспоминавших впоследствии, что их поразил его необыкновенный загар; он не стал рассказывать им о своей недавней прогулке за город. Часа в три пополудни Джилмен пообедал в каком-то ресторане; к этому времени притяжение с севера и юга то ли ослабло, то ли окончательно разделилось на два противоположных импульса. Позже он убивал время в дешевом кинематографе, тупо уставившись на сменявшие друг друга бессмысленные живые картинки и почти не замечая их.

Около девяти Джилмен направился, наконец, домой, и с большим трудом дотащился до старого особняка. Внизу опять раздавалось неразборчивое нытье молившегося Мазуревича, и Джилмен поспешил наверх, в свою мансарду, даже не заглядывая к Илвуду. Он вошел в комнату, включил тусклую лампочку — и остолбенел, не веря своим глазам. Еще только открывая дверь, он уловил каким-то боковым зрением, что на письменном столе находится совершенно посторонний предмет — и теперь мог убедиться в этом. Не имея обычной опоры, она просто лежала на боку — статуэтка, отломившаяся от перил в последнем кошмарном сне. Все детали полностью совпадали: сужающийся к концам цилиндр, радиально расходящиеся от него спицы, на-

балдашники сверху и снизу, плоские, чуть отогнутые в сторону лучи — все было на месте. При электрическом освещении фигурка казалась искристо-серой, с зелеными прожилками; несмотря на страх и замешательство, Джилмен заметил на одном из набалдашников след от пайки, скреплявшей статуэтку с перилами балюстрады, которую он видел во сне.

Джилмен не закричал только потому, что ужас совершенно парализовал его. Невозможно было перенести такое смешение сна и реальности. Все еще плохо владея собой, он взял фигурку в руки и, пошатываясь, пошел вниз, в квартиру Домбровского, хозяина дома. Нытье суеверного заклинателя духов с первого этажа по-прежнему разносилось по ветхим коридорам, но Джилмен больше не обращал на него внимания. Владелец дома был у себя и любезно приветствовал юного джентльмена. Нет, он никогда не видел этой вещицы и ничего не знает о ней. Но вот жена говорила, что сегодня утром, убирая комнаты, она нашла какую-то занятную жестянку в постели одного из жильцов. Может, это та самая жестянка и есть. Домбровский позвал жену и та, по-утиному раскачиваясь, степенно ввалилась в комнату. Точно, та самая вещичка. В кровати у молодого джентльмена лежала, у стенки. Конечно, очень странно она выглядит, да ведь у мистера Джилмена в комнате и других необычных вещей полно: книг каких-то, рисунков, записей. И ничего ей про эту вещицу неизвестно.

Джилмен поднимался к себе в состоянии крайнего смятения, не зная, то ли сон его все еще продолжался, то ли лунатизм развился до такой крайней степени, что заводил его во время ночных блужданий во сне в совершенно незнакомые места. Но, все-таки, где он мог найти столь необычный предмет? Джилмен не помнил, чтобы ему приходилось видеть его в каком-нибудь из аркхэмских музеев. Но должен же он был где-то находиться прежде. Видимо, образ статуэтки вызвал в его воображении сложную картину, и он увидел себя на террасе, окруженной балюстрадой. Завтра надо будет навести кое-какие справки — очень осторожно, разумеется — и может быть, сходить, наконец, к психиатру.

А до тех пор стоит хотя бы выяснить, куда он ходит во сне. Поднимаясь наверх и проходя по обветшалому залу, куда выходила дверь его комнаты, он насыпал повсюду немного муки, две горсти которой сдолжил у хозяина, нисколько не скрывая, зачем она ему понадобилась. По пути Джилмен остановился было у дверей Илвуда — но тот, видно, опять отсутствовал: в комнате было темно. Войдя к себе, Джилмен положил фигуру со спицами на стол и лег, даже не раздевшись — настолько он был утомлен и

истощен как умственно, так и физически. В заколоченной части чердака над наклонным потолком опять, кажется, кто-то еле слышно скребся, и можно было различить чьи-то глухие мягкие шажки, но Джилмен чувствовал себя слишком разбитым, чтобы обращать на это внимание. Непонятное притяжение с севера снова начало усиливаться, но точка на небосклоне, из которой оно исходило, видимо, постепенно приближалась к горизонту.

Пришел сон, и в ослепительном фиолетовом свете опять появилась старуха с неизменно сопровождавшим ее косматым зверьком с длинными клыками; на сей раз очертания обеих фигур были отчетливее, чем когда бы то ни было прежде. Этой ночью они подобрались вплотную к юноше, и он почувствовал, как старая ведьма вцепилась в него иссохшими пальцами. Джилмена молниеносно вытащили из постели и бросили куда-то в пустоту, он снова услышал размеренный рев и увидел неясный сумрачный свет, наполнявший собою бездну, бурлившую вокруг. Но все это длилось лишь какую-то долю секунды, ибо в следующее мгновение он оказался в тесном замкнутом помещении с глухими голыми стенами из нетесаных досок и балок, сходившихся прямо над головой, и со странным неровным полом, идущем под уклон к одной из стен. Почти весь наклонный пол был заставлен ровными рядами низких сундучков, наполненных книгами, среди которых были и сравнительно новые, и постариннее, и настолько древние, что они чуть ли не разваливались на глазах; в центре стояли стол и скамейка, видимо, прибитые к полу. Поверх книг были разбросаны небольшие предметы совершенно невероятных форм; в ярком фиолетовом свете Джилмену удалось разглядеть одну вещицу, которая оказалась в точности похожей на ту статуэтку со спицами, которую он уже видел сначала во сне, а потом наяву. Слева от него пол обрывался, образуя темный треугольный провал, откуда сначала донесся глухой стук, а еще через секунду — показалась гнусная косматая тварь с длинными желтыми клыками, выделявшимися на бородатой мордочке, удивительно напоминавшей человеческое лицо.

Злобно ухмылявшаяся старуха была рядом и все так же крепко держала Джилмена. По ту сторону стола стоял некто, кого юноша никогда прежде не видел. Это был высокий худой человек с очень черной кожей, но впрочем, без каких бы то ни было негроидных черт; на голове и на лице у него не было ни единого волоска, одежду же его составлял один только бесформенный балахон из тяжелой черной материи. Ног незнакомца не было видно из-за стола и скамейки, но, очевидно, он был во что-то обут, поскольку всякое его движение сопровождалось отчетливым стуком. Человек ничего не говорил; мелкие, но пра-

вильные черты его лица не имели совершенно никакого выражения. Он молча указал на огромную раскрытую книгу, лежавшую на столе, после чего старая ведьма сунула в правую руку Джилмена не менее огромное стальное перо. Всю эту невероятную сцену окутывала атмосфера невыносимого, сводящего с ума ужаса; это ощущение достигло своей высшей точки в тот момент, когда маленькая косматая тварь вскарабкалась на плечи Джилмену и, проворно спустившись по левой руке к кисти, впилась острыми длинными клыками в запястье в том месте, где заканчивалась манжета. Из раны на внутренней части руки хлынула кровь — и Джилмен провалился в небытие.

Проснувшись наутро — а это было 22 апреля — Джилмен почувствовал довольно сильную боль в запястье левой руки; манжета пижамной куртки потемнела от засохшей крови. Он мог лишь очень смутно припомнить видения прошедшей ночи, и только фантастическая сцена с черным человеком в странной комнате, как живая, стояла у него перед глазами. Вероятно, на самом деле, во сне его укусила крыса, а в мозгу возникло целое кошмарное видение. Открыв дверь, Джилмен убедился, что за ночь на рассыпанной по полу муке не появилось никаких следов,если не считать огромных отпечатков, оставленных, как видно, сапожищами неотесанного малого, снимавшего комнату напротив. Итак, нынче он не ходил во сне. Надо, наконец, избавиться от крыс. Следует самым серьезным образом поговорить с хозяином. А пока Джилмен заткнул отверстие в нижней части наклонной стены свечным огарком, примерно подходившим по диаметру. В ушах у него все еще стоял звон, как если бы ему до сих пор были слышны отзвуки ужасного шума, сопровождавшего сновидения.

Принимая ванну и переодеваясь, Джилмен все пытался вспомнить, что еще он видел во сне после той сцены в неизвестном помещении, залитом ярким фиолетовым светом, но память отказывалась воссоздать хоть какую-нибудь более или менее определенную картину. Поразившая его сцена, должно быть, возникла в воображении под влиянием мыслей о заколоченной части чердака над комнатой, так властно привлекавшей к себе его внимание в последнее время; дальнейшие воспоминания были неясны и расплывчаты. Кажется, он опять видел сумеречный свет туманной пропасти; потом возникла новая бездна, еще глубже и темнее, где видения уже не имели определенной формы. Джилмена втолкнули туда два неизменно сопровождавших его существа, одно как скопление вытянутых пузырей, а другое — будто маленький многоугольник; вступив в эту новую область теперь уже полного мрака, они, подобно самому Джил-

мену, обратились во что-то вроде клочков тумана или пара. Впереди двигался еще кто-то, какое-то более крупное облако пара, время от времени принимавшее более определенные очертания, но все же недостаточно ясное. Как показалось Джилмену, они перемещались не строго по прямой, а скорее описывали совершенно невероятные кривые или, возможно, спирали в непостижимом завихрении эфира, где не действовали физические или математические законы какого бы то ни было пространства, которое мы только способны представить себе. Затем появились едва различимые огромные скачущие тени, какая-то чудовищная пульсация, лишь отчасти доступная слуху, и высокий монотонный наигрыш невидимой флейты — но здесь воспоминания окончательно обрывались. Джилмен решил, что эти последние видения проникли в его сон из «Некрономикона», точнее, из той его части, где речь шла о некоем лишенном жалости существе по имени Азатот, что управляет пространством и временем, восседая на черном троне в середине всего Хаоса...

Смыв кровь с запястья, Джилмен убедился, что крысы не очень сильно его покусали; юношу озадачило только расположение двух крохотных ранок. Вдруг ему пришло в голову, что на постели не осталось ни единого пятнышка крови, что, судя по ее количеству на руке и манжете, казалось совершенно невероятным, если только, конечно, ночью он не поднимался с кровати. Значит, он все-таки ходил во сне, не покидая, правда, комнату, а крыса укусила его, когда он остановился где-нибудь, сев, скажем, на стул, а то и в менее естественном положении? Джилмен внимательно осмотрел всю комнату в поисках пятен или хотя бы высохших капель крови, но не обнаружил ничего подобного. Надо было посыпать мукой пол не только за дверями и на лестнице, но и внутри комнаты; впрочем, ему уже не требовалось никаких дополнительных доказательств того, что он страдал лунатизмом. Он знал, что болен — теперь требовалось остановить болезнь. Нужно попросить о помощи Фрэнка Илвуда. Этим утром странное притяжение из космоса, кажется, ослабло, однако появилось другое ощущение, еще более непостижимое. Джилмен испытывал смутное, но вместе с тем настойчивое желание немедленно бежать куда-то от всего, что его окружало, но куда именно его так тянет, он не знал. Взяв со стола таинственный предмет со спицами, он как будто почувствовал, что прежняя тяга на север чуть усилилась, но если даже и так, ее значительно превосходило и даже почти сводило на нет новое загадочное желание, вызывавшее у Джилмена гораздо большее смятение, чем прежде.

Взяв с собою странную статуэтку со спицами, Джилмен от-

правился вниз, к Илвуду; ему пришлось собрать все свои силы, чтобы не обращать внимание на доносившееся с первого этажа завывание заклинателя духов. Слава Богу, Илвуд оказался дома, впрочем, он был, кажется, занят. Илвуду действительно нужно было скоро идти завтракать, а затем отправляться на занятия; Джилмену пришлось поспешить, чтобы успеть выложить все, что касалось сновидений и страхов последнего времени. Илвуд выслушал его с сочувствием, согласившись, что необходимо что-то предпринять. Его поразило изможденное и исхудавшее лицо раннего гостя, кроме того, он обратил внимание на неестественный загар Джилмена, замеченный за последнюю неделю и многими другими. Однако он признался, что вряд ли сможет вот так, с ходу дать какой-нибудь конкретный совет. Ему не случалось видеть, чтобы Джилмен ходил по дому во сне, и разумеется, мало что известно о возможных причинах столь необычных сновидений. Хотя... Как-то вечером он случайно услышал разговор Мазуревича с молодым франко-канадцем, который живет как раз под Джилменом: они делились страхами по поводу приближения Вальпургиевой ночи, что наступает уже через несколько дней; оба выражали глубокое сожаление по поводу печальной судьбы юного джентльмена, снявшего комнату в мансарде. Дерошер, ну, тот самый франко-канадец, рассказывал, что по ночам он слышит с мансарды шаги босых и обутых ног, а однажды, уже поздней ночью, с трепетом подкравшись к двери верхней комнаты и заглянув в замочную скважину, он увидел у Джилмена фиолетовый свет. Свет, пояснил Дерошер, пробивался сквозь щели, так что выполнить свой план до конца он не решился. В комнате раздавались какие-то голоса — вот последнее, что удалось расслышать Илвуду до того, как Мазуревич и Дерошер окончательно перешли на таинственный шепот.

Илвуд не очень хорошо понимал, что, собственно, заставило суеверную парочку пуститься в такого рода сплетни; вероятно, их воображение подстегивало, с одной стороны, то, что Джилмен допоздна не ложится спать и страдает лунатизмом, а с другой — приближение кануна первого мая, дня, которому укоренившиеся в народе предрассудки приписывают особое сверхъестественное значение. Нет сомнений, что Джилмен разговаривает во сне: именно благодаря этому Дерошер, подслушивавший у двери, узнал о фиолетовом свете, который Джилмен так часто видит во сне. Таковы уж эти люди: стоит им услышать что-нибудь о каком-либо необычном явлении, как они начинают воображать, что сами были ему свидетелями. Что касается плана действий на ближайшее время, то прежде всего Джилмену следует перебраться к Илвуду, чтобы впредь не оставаться по

ночам одному. Илвуд, если только, конечно, сам не заснет, станет будить Джилмена, как только он заговорит или начнет подниматься с постели во сне. Затем срочно нужно повидать врача. Кроме того, надо будет показать этот странный предмет в здешних музеях и кое-кому из преподавателей — может быть, удастся выяснить, что представляет собой эта необычная вещь, солгав на всякий случай, будто она найдена в мусорном ящике. Ну, и Домбровскому придется, наконец, потравить крыс в доме.

Заботливо опекаемый Илвудом, Джилмен посетил в тот день все занятия. Все еще чувствовалось странное притяжение неизвестных небесных тел, но теперь ему вполне удавалось справиться с ним. В перерывах между лекциями Джилмен показал принесенный с собою загадочной предмет со спицами нескольким профессорам; все они проявили самый искренний интерес, но никто не смог прояснить природу или происхождение этой необычайной вещи. Следующую ночь Джилмен провел на кушетке, которую Илвуд велел поставить у себя в комнате; впервые за несколько недель у него не было никаких тревожных сновидений. И все же юношу не покидало ощущение, что болезнь отступила лишь на время; его по-прежнему ужасно раздражало беспрестанное нытье заклинателя духов.

Еще несколько дней Джилмен наслаждался почти полным отсутствием всяких проявлений своего заболевания. По свидетельству Илвуда, он совершенно не разговаривал во сне и не пытался встать с постели; тем временем хозяин старательно посыпал все углы дома отравой для крыс. Беспокоила только постоянная болтовня суеверных иностранцев, чье воображение разыгралось до чрезвычайности. Мазуревич долго навязывал Джилмену и наконец всучил-таки крестик, освященный почтенным патером Иваницким. Дерошеру тоже было чем поделиться: оказывается, он готов был поклясться, что в первые две ночи после переезда Джилмена к Илвуду в опустевшей комнате наверху все же раздавались чьи-то осторожные шаги. Павел Чонский утверждал, что слышал как-то ночью неопределенные звуки в зале и на лестнице, а мадам Домбровская давала голову на отсечение, что недавно, впервые после дня всех Святых, снова видела Бурого Дженкина. В наивных россказнях было конечно мало смысла; врученное ему дешевое распятие Джилмен повесил на ручку гардероба, стоявшего в изголовье кушетки.

За три дня Джилмен и Илвуд обошли все городские музеи, пытаясь узнать хоть что-нибудь о загадочном предмете со спицами, но поиски не дали никакого результата. Везде, однако, странная фигурка вызывала неподдельный интерес: ее необычайный внешний вид не мог не возбудить любознательности

ученых. От статуэтки отломили одну из треугольных ножек-лучей и подвергли ее химическому анализу. Профессор Эллери установил, что в необычном сплаве содержатся платина, железо, теллур и еще по меньшей мере три неизвестных вещества с огромным атомным весом, идентифицировать которые современная наука совершенно не в состоянии. Они не просто отличаются от всех известных элементов, но и вообще не укладываются в периодическую таблицу — даже в имеющиеся в ней пустые клетки. Тайна эта остается неразгаданной до сего дня, а сам необычный предмет до сих пор находится в экспозиции музея Мискатоникского университета...

Утром 27-го апреля в стене комнаты, давшей Джилмену временный приют, появилась свежая крысиная дыра; впрочем, Домбровский тут же забил ее куском жести. Яд, как видно, давал небольшой эффект: мерзкие твари скреблись и пищали за стенами с неослабевающей силой.

Вечером Илвуд где-то задержался, и Джилмен стал дожидаться его, не ложась спать. Он не хотел засыпать в пустой комнате, тем более, что чуть раньше, в сумерках он опять видел отвратительную старуху, чей образ стал частью его страшных снов. Что это все-таки была за старуха, и что за животное гремело какой-то жестянкой на куче мусора у входа в захламленный дворик? Старая карга, похоже, заметила юношу и даже бросила на него злобный взгляд исподлобья — или это ему только показалось?

К вечеру следующего дня оба молодых человека очень устали и почувствовали, что с наступлением ночи заснут крепким, глубоким сном. Они коротали вечер, вяло обсуждая положение своих дел с математикой, изучение которой так сильно завладело Джилменом, быть может, ко вреду для него самого; рассуждали и о том, насколько реальной может быть связь этой дисциплины с магией и волшебными сказками древности, связь, казавшаяся столь туманной и в то же время не лишенной вероятности. Они говорили о старой Кеции Мейсон, и Илвуд согласился, что у Джилмена имелись вполне достаточные с научной точки зрения основания строить определенные догадки относительно тех неизвестных до сих пор, но очень важных сведений, на которые могла натолкнуться старуха совершенно случайно еще в XVII столетии. Сокровенные культы, к которым принадлежат колдуньи, нередко сохраняют, передавая из поколения в поколение, удивительные тайны, принадлежавшие далеким, давно забытым эпохам. Поэтому ни в коем случае нельзя исключать возможность того, что Кеция действительно владела искусством преодолевать границы измерений. Недаром в преданиях

всегда подчеркивается, что для ведьм не существует телесных преград. А кто может сказать, какие явления лежат в основе сказок о том, как по ночам ведьмы летают на помеле?

Неизвестно, способен ли современный исследователь овладеть такими же возможностями, двигаясь исключительно по пути математического анализа. Успехи в этой области, говорил Джилмен, могут привести к самым опасным и непредсказуемым последствиям, ибо кто может знать, что происходит в пространствах, граничащих с нашим, но нам недоступных? С другой стороны, открывающиеся возможности просто необычайны, поистине беспредельны. К примеру, в некоторых областях вселенной время может просто не существовать; тогда, перейдя в такую область и оставаясь в ней, можно жить бесконечно долго, практически не старея: организм там не будет подвержен метаболическим процессам и старению, кроме разве что тех случаев, когда понадобится вернуться в свое собственное пространство или отправиться в какое-либо другое. Можно было бы, скажем, отправиться в такую область космоса и вернуться на Землю в отдаленном будущем или прошлом все таким же молодым.

Нет достаточных оснований судить, удавалось ли когда-нибудь что-либо подобное человеку. Предания старины запутаны и двусмысленны, а традиция более близких к нам исторических периодов связывает любые попытки выйти за пределы возможного с необходимостью сверхъестественного и ужасного союза с обитателями и посланцами запредельных миров. Здесь-то и выступает на передний план страшная фигура представителя или посланника тайных ужасных сил — будь то «Черный человек» колдовских заклинаний или Ньярлат-хотеп «Некромикона». Есть и не менее мерзкие, но менее могущественные посланники, или посредники темных сил — они имеют вид животных или странных гибридов и упоминаются в преданиях как ближайшие спутники ведьм... У обоих молодых людей давно уже слипались глаза, и они наконец улеглись. Засыпая, и тот и другой слышали неверные шаги Джо Мазуревича, шедшего к себе с очередной попойки; добравшись до своей комнаты, он опять начал молиться, и от его нечеловеческих, отчаянных возгласов по коже пробегал мороз.

Той ночью Джилмен снова видел во сне фиолетовый свет. Сначала кто-то скребся и грыз что-то твердое за дощатой стеной, потом ему показалось, что чья-то рука неуклюже нащупывает ручку двери. Затем он увидел, как по ковру, покрывавшему пол, к нему приближаются старуха и маленькая косматая тварь. Лицо старой ведьмы горело нечеловеческим возбуждением, а маленькое чудовище с желтыми клыками гнусно хихикало, с

издевкой указывая на темную неподвижную фигуру Илвуда, глубоко спавшего на своей кровати в противоположном углу комнаты. Страх настолько парализовал Джилмена, что отчаянный крик застрял у него в горле. Как и в прошлый раз, мерзкая старуха схватила юношу за плечи и, вытащив его из постели, бросила куда-то в пустоту. Вновь промелькнули короткой вспышкой беспредельные скрежещущие пропасти, и уже в следующее мгновение он оказался в каком-то темном и грязном зловонном проулке между высокими стенами старых полуразвалившихся домов.

Прямо перед ним стоял черный человек в бесформенном платье, которого он видел в предыдущем сне в тесной комнате со сводчатым потолком; старуха держалась рядом и словно требовала чего-то от Джилмена своими повелительными кивками и грозными гримасами. Бурый Дженкин с какой-то игривой преданностью терся о ноги черного человека, скрытые по щиколотки в глубокой грязи. Справа от Джилмена виднелся темный проем открытой двери; черный человек молча указал на него. Злобно ухмыляясь, ведьма двинулась туда, увлекая за собой и Джилмена — она тащила его за рукава пижамы. Показалась какая-то лестница, источавшая отвратительное зловоние и зловеще скрипевшая под ногами; тут юноша заметил, что от ведьмы исходит слабое фиолетовое свечение. Они поднялись на лестничную площадку и остановились перед закрытой дверью. Старуха открыла ее, немного повозившись с задвижкой, а затем, красноречивым жестом приказав Джилмену ждать ее здесь, исчезла в черном дверном проеме.

Невероятно острый слух позволил юноше различить чей-то сдавленный крик; тут же вернулась старуха, державшая в руках что-то маленькое и бесформенное; она протянула свою ношу Джилмену, словно приказывая помочь ей. Стоило юноше взглянуть на то, что ему протянули и увидеть маленькое личико ребенка, как сковывавшие его чары мгновенно спали. Все еще не владея своим голосом, он, однако, нашел в себе силы бежать и стремительно бросился вниз по скрипучей лестнице. На улице ему опять пришлось ступить в отвратительную глубокую грязь — но тут его остановил поджидавший у входа Черный человек: он преградил путь и крепко схватил юношу за плечи. Теряя сознание, Джилмен услыхал слабое, но пронзительное хихиканье маленького клыкастого, похожего на крысу чудовища.

Проснувшись утром 29 апреля, Джилмен почти телесно ощутил, как погружается в настоящую пучину ужаса. Едва открыв глаза, он понял, что произошло нечто невероятное, потому

что очнулся он в своей старой комнате в мансарде, где потолок и северная стена сходились под таким необычным углом; Джилмен лежал на нерасправленной постели. Почему-то болело горло; с трудом поднявшись, он с диким страхом уставился себе на ноги: ступни и обшлага пижамных брюк были покрыты засохшей черной грязью. В ту минуту он еще не мог вспомнить во всех подробностях сновидения прошедшей ночи, но в одном сомнений быть не могло: он опять ходил во сне. Илвуд, как видно, крепко спал и не мог ни услышать его, ни остановить. Пол был покрыт множеством грязных следов — странно, что они не доходили до двери. Чем дольше смотрел Джилмен на эти следы, тем больше они его поражали. Помимо своих собственных следов, он обнаружил на полу более мелкие, почти круглые отпечатки — можно было бы подумать, что они оставлены ножками большого кресла или стола, если бы преобладающая их часть не оказалась разделенной на две равные половинки. Кроме них, на полу имелись несколько необычные грязные следы крысиных лапок, ведшие в комнату из свежей дыры в стене и обратно. Полное замешательство и ужас от мысли, что он сходит с ума, охватили Джилмена, когда, с трудом доковыляв до двери и открыв ее, он взглянул на небольшой холл и лестницу, ведшую вниз — там не было ни одного следа. Чем подробнее вспоминал юноша свой отвратительный сон, тем больший страх охватывал его; к этому чувству примешивалось ужасное уныние, почти отчаяние, которое навевали заунывные причитания Джо Мазуревича, раздававшиеся двумя этажами ниже.

Спустившись к Илвуду, Джилмен разбудил его, чтобы рассказать о происшедшем; выслушав, тот не мог, однако, найти разумного объяснения случившемуся. Где был Джилмен этой ночью, как он добрался до своей кровати, не оставив следов внутри дома, каким образом в его комнате оказались грязные отпечатки ножек кресла или стола — ни на один из этих вопросов не было ответа. А эти темные лиловатые следы на горле? Можно подумать, что Джилмен пытался задушить себя собственными руками. Он приложил руки к синякам — нет, размеры совершенно не совпадали. Во время беседы заглянул Дерошер: он хотел сообщить, что незадолго до рассвета наверху был какой-то ужасный стук. Нет, после полуночи по лестнице никто не поднимался, а вот до полуночи он, кажется, слышал чьи-то тихие осторожные шаги в мансарде и на лестнице; они ему страшно не понравились. В Аркхэме, говорил Дерошер, наступает очень неспокойное время. Так что молодому джентльмену лучше бы все-таки надеть крестик, который ему дал Джо Мазуревич. Даже днем становится небезопасно: вчера, только

стемнело, в доме раздавались странные звуки — что-то вроде детского плача, оборванного чьей-то решительной, сильной рукой.

Джилмен механически привел себя в порядок и отправился на занятия, однако в то утро он был не способен сосредоточиться на учебе. Мрачные предчувствия окончательно завладели юношей; казалось, он ждет какого-то нового сокрушительного удара судьбы. В полдень Джилмен завтракал в университетской столовой; ожидая десерта, он машинально подобрал с соседнего стула оставленную кем-то местную газету и стал ее просматривать... Джилмен так и не дождался своего десерта; то, что он прочитал в одной из заметок на первой странице, разом лишило его сил и заставило внутренне окаменеть. Словно в тумане, юноша расплатился и поплелся к Илвуду.

В газете сообщалось, что прошлой ночью в районе Орнской пристани при весьма загадочных обстоятельствах произошло похищение ребенка: исчез двухлетний сын некоей Анастасии Волейко, туповатой на вид работницы местной прачечной. Как выяснилось, мать ребенка давно уже опасалась чего-то подобного, но ее страхи основывались на таких диких предрассудках, что никто не принимал их всерьез. Волейко утверждала, что примерно с начала марта поблизости от ее дома постоянно появлялся пресловутый Бурый Дженкин, по поведению которого она поняла, что ее маленький Ладислаш выбран в качестве жертвы для ужасного Шабаша в так называемую Вальпургиеву ночь. Волейко обращалась к своей соседке Мэри Чанек с просьбой оставаться на ночь в их комнате, чтобы защитить ребенка, но та не осмеливалась выполнить эту просьбу. Обращаться в полицию казалось ей бесполезным, поскольку там, по ее мнению, не верят в подобные вещи. Между тем, сколько она себя помнит, детей похищают в округе каждый год. Сожитель Анастасии Волейко, Питер Стовацкий, также не желал помочь ей, поскольку «ребенок ему только мешал».

Еще одна заметка, помещенная рядом, произвела на Джилмена настолько ошеломляющее впечатление, что он буквально облился холодным потом. В ней приводился рассказ двух припоздниившихся гуляк, проходивших мимо той же пристани в первом часу ночи. Оба признавали, что находились в состоянии опьянения, и тем не менее клятвенно заверяли, будто видели, как в темный переулок неподалеку от пристани крадучись заходили три очень странно одетых человека. Необычная троица состояла из огромного негра в балахоне, старухи в лохмотьях и молодого белого в одной пижаме. Старуха буквально тащила за собой молодого человека, а об ноги негра все время, пока их

было видно, терлась ручная крыса, неутомимо снующая в грязи.

Джилмен просидел весь день в каком-то оцепенении; так его и застал по возвращении домой Илвуд, уже видевший газеты и сделавший поистине ужасные выводы из прочитанного. Теперь ни тот, ни другой не сомневались, что они оказались в центре очень серьезных и жутких событий. Нечто чудовищное, немыслимое происходило у них на глазах: ночные кошмары вторгались в повседневную реальность; только трезвая готовность противостоять миру призраков может предотвратить еще более страшные события. Несомненно, рано или поздно Джилмену придется повидать врача, но лучше не делать этого сейчас, когда все газеты полны сообщений о вчерашнем похищении ребенка.

Оставалось по-прежнему непонятным, что же происходило на самом деле; страшная неизвестность сводила с ума. Илвуд и Джилмен тревожным шепотом обменивались самыми невероятными предположениями. Могло ли случиться так, что Джилмен, сам того не зная, во сне, продвинулся в своих исследованиях пространства и его измерений куда дальше, чем предполагал? Мог ли он действительно перемещаться из нашей вселенной в иные миры, о существовании которых и не догадывался прежде? Где мог он находиться — если действительно покидал свою комнату — в те ночи, когда его преследовали все эти дьявольские видения? Сумрачные ревущие пропасти — зеленый каменистый склон холма — блистающая всеми цветами радуги терраса — притяжение неизвестных планет — черная спираль эфира — черный человек — грязный переулок и скрипучая лестница — старая колдунья и маленькая косматая тварь с длинными клыками — скопление пузырей и маленький многоугольник — странный загар — ранки на руке — что-то маленькое и бесформенное в руках у старухи — покрытые грязью ноги — сказки и страхи суеверных иностранцев — что все это, наконец, означало? Насколько применимы здесь законы логики и здравого смысла?

Ночью ни тот, ни другой не мог заснуть, но наутро они не пошли в колледж и немного вздремнули. Настало 30-е апреля, после захода солнца должен был начаться Шабаш, вызывавший такой панический страх у всех без исключения местных жителей старшего поколения. Мазуревич вернулся домой ровно в 6; по его словам, рабочие на фабрике передавали, что Вальпургиева оргия должна состояться в овраге за пригорком Медоу-Гилль, там, где посреди небольшой площадки, на которой почему-то не растет ни единой травинки, стоит древний Белый камень. Некоторые даже обращались в полицию и советовали именно в том месте и искать пропавшего Ладислава Волейко, но никто не ве-

рил, что полицейские хоть пальцем шевельнут. Джо настойчиво уговаривал бедного молодого джентльмена надеть на шею крестик; чтобы успокоить доброго малого, Джилмен так и сделал, спрятав маленькое распятие под рубашкой.

Поздно вечером оба молодых человека дремали в креслах, убаюканные молитвами суеверного простака с первого этажа. Борясь со сном, Джилмен ни на секунду не переставал вслушиваться в тишину, так как, сам того не желая, надеялся все же, что его неестественно тонкий слух поможет разобрать за привычными скрипами старого дома другие звуки, едва различимые и такие пугающие. С каким-то болезненным чувством он дал волю воспоминаниям о прочитанном «Некромиконе» и «Черной книге» и вдруг поймал себя на том, что тихонько раскачивается на месте в такт тем гнусным ритмам, что, говорят, сопровождают самые отвратительные обряды Шабаша и происходят оттуда, где время и пространство не существуют.

Неожиданно он понял, к чему так внимательно прислушивается — к сатанинским гимнам мерзкого празднества в далекой черной долине. Откуда он так хорошо знал, что произойдет дальше? Откуда могло быть ему известно, в какую именно минуту Нахав и ее прислужник должны внести вслед петуху и черной жабе наполненную кровью чашу? Джилмен увидел, что Илвуд заснул, но тщетно пытался разбудить своего товарища окриком: какая-то неведомая сила не давала ему раскрыть рот. Он был не властен более над самим собой. Неужели он все-таки расписался в книге Черного человека?

Потом слабое дуновение ветра донесло какие-то новые слабые звуки, доступные лишь его воспаленному, нечеловеческому слуху. Над дальними дорогами, полями и холмами летели эти звуки, преодолевая многие мили, но Джилмен сразу узнал их. То разжигали костры, и танцоры становились в круг. Как не отправиться туда?.. Но что же за сила завладела им? Увлечение математикой — древние предания — старуха Кеция — Бурый Дженкин... И тут он увидел, что в стене, недалеко от его кушетки, появилось новое отверстие. И гимны, доносившиеся издалека, и молитвы Джо Мазуревича на первом этаже перекрывал теперь другой звук: кто-то мерзко и настырно скребся за дощатой стеной. Лишь бы не погасла электрическая лампочка, успел подумать Джилмен. В эту минуту из отверстия в стене показалась зубастая бородатая мордочка (то была жуткая, издевательская копия лица старухи Кеции, понял, наконец, юноша), и тут же кто-то чуть слышно, неуверенно толкнулся в дверь.

Перед глазами возникла визжащая сумрачная пропасть, и Джилмен почувствовал, что силы оставляют его по мере того,

как вокруг смыкаются бесформенные переливающиеся пузыри. Впереди несся маленький многоугольник со сторонами, сменяющимися, будто стеклышки в калейдоскопе; бурлящую пустоту вокруг пронизывали все быстрее следовавшие друг за другом и все повышавшиеся звуки — они составляли какую-то неясную мелодию, стремившуюся, казалось, разрешиться некоей неописуемой и невыносимой кульминацией. Похоже, Джилмен знал, что должно произойти — чудовищный взрыв ритма Вальпургиевой ночи, музыки космоса, вобравшей в себя всю силу брожения изначального пространства-времени; ритм этот таится глубоко в недрах материи, но иногда пробивается вверх в отмеренных слабых отзвуках, проникающих во всякий слой бытия; такие взрывы не проходят бесследно — они придают определенным периодам в сознании любого из миров всеобщий страх и ужасное значение.

Через секунду перед его глазами возникла новая картина. Джилмен снова оказался в залитой фиолетовым светом тесной комнатке со сводчатым потолком и наклонным полом, с низкими сундуками, полными древних рукописей, скамейкой и столом, странными небольшими предметами и с треугольным отверстием в полу. На стене лежало что-то маленькое и белое — совершенно раздетый мальчик лет двух, видимо, без сознания. По другую сторону стояла мерзкая старуха со злобным взглядом; в правой се руке сверкал нож с замысловатой рукояткой, а в левой ведьма держала необычной формы чашу из светлого металла, покрытую каким-то странным орнаментом, с тонкими ручками по бокам. Колдунья хрипло прокаркала слова какого-то заклинания — Джилмен не понял их, но он, кажется, встречал несколько фраз на этом языке в «Некрономиконе».

Глаза его постепенно привыкали к фиолетовому свечению; Джилмен увидел, что старуха наклонилась вперед и протянула через стол пустую чашу. Не владея более собой, юноша покорно вытянул руки и принял от нее кубок, отметив про себя его сравнительно малый вес. В ту же минуту на край треугольного отверстия в полу вскарабкался гнусный Дженкин. Затем ведьма жестом указала юноше, в каком положении он должен держать чашу, а сама занесла над крошечной жертвой огромный причудливой формы нож, как можно выше подняв правую руку. Клыкастая косматая тварь тем временем подхватила ведьмино заклинание резким взвизгивающим голоском, а колдунья каркала что-то в ответ. Джилмен почувствовал, как острое отвращение разъедает кору равнодушия, сковавшую его мысли и чувства; чаша задрожала в его руках. Еще секунда — и вид огромного ножа, опускающегося на маленькую беззащитную

жертву, окончательно разрушил чары: Джилмен отбросил чашу, издавшую резкий звон, словно треснутый колокольчик, и руки его простерлись над столом, стремясь предотвратить чудовищное преступление.

В мановение ока он легко поднялся по наклонному полу, обогнул угол стола, вырвал нож из лап старухи и отбросил его в сторону с такой силой, что, звякнув о край узкого треугольного отверстия, огромный резак исчез в темном провале. Но уже в следующую секунду Джилмен утратил преимущество, которое давала ему внезапность; иссохшие пальцы старой колдуньи мертвой хваткой вцепились ему в горло, и он увидел перед собой морщинистое лицо ведьмы, перекосившееся от бешеной ярости. Джилмен почувствовал, как цепочка от дешевого нательного крестика врезалась в шею; положение было отчаянное, и он подумал, что, может быть, на колдунью подействует хотя бы вид распятия? Ужасная старуха обладала нечеловеческой силой, но пока она продолжала сжимать свои железные пальцы вокруг его горла, Джилмен сумел дотянуться слабеющими руками до крестика и вытащил его из-под рубашки, порвав при этом цепочку.

При виде этого оружия ведьма явно струсила, ее хватка настолько ослабела, что Джилмену удалось разжать старухины пальцы. Еще немного — и он подтащил бы ее к самому краю треугольного отверстия, но тут колдунья словно получила откуда-то дополнительный заряд энергии и с новой силой вцепилась юноше в горло. На сей раз он решился ответить тем же, и его руки потянулись к горлу мерзкого создания. Прежде чем старуха успела заметить, что он делает, Джилмен обернул вокруг ее шеи цепочку с крестиком и быстро затянул ее так, что дыхание ведьмы скоро прервалось. В ту минуту, когда ее сотрясала агония, Джилмен почувствовал несколько резких укусов в лодыжку и увидел, что Бурый Дженкин пришел на помощь своей хозяйке. Сильнейшим пинком он отправил маленькое чудовище в черный треугольный провал и услышал его удаляющийся визг где-то далеко внизу.

Джилмен не знал, мертва ли старуха; он просто бросил ее там, куда она упала. Отвернувшись, он взглянул на стол — и то, что он увидел, едва не лишило несчастного последних признаков разума. Бурый Дженкин, на редкость жилистый, вооруженный к тому же четырьмя дьявольски проворными лапками, не терял времени даром, пока старая колдунья пыталась задушить Джилмена. Нелегкая схватка была напрасной: то, чему юноша хотел помешать, все же произошло — только не грудь ребенка была пронзена острым кинжалом, а шея его — клыками косматого

чудовища; чаша, еще недавно валявшаяся на полу, стояла теперь наполненной, рядом с маленьким безжизненным тельцем.

В нескончаемом бреду снова возникла нечеловеческая песнь Шабаша, что доносилась из беспредельной дали; где-то там, понял Джилмен, должен находиться и сам Черный человек. Смутные воспоминания о прежних видениях сливались в сознании с обрывками математических формул; юноша был почему-то уверен, что в дальних закоулках памяти должны сохраниться те самые фигуры и углы, нужные ему теперь для того, чтобы переместиться обратно в нормальный мир, в первый раз без посторонней помощи. Джилмен знал уже, что находится в заколоченной когда-то части чердака над своей комнатой; но удастся ли выбраться отсюда сквозь наклонный пол или через сужающееся пространство за наклонной стеной? Кроме того, даже если это удастся, не переместится ли он просто из одного сна в другой — из привидевшейся в кошмаре комнатки над наклонным потолком в ничуть не более реальный фантом старого дома, куда он хочет вернуться? Джилмен был больше не в силах провести границу между сном и действительностью.

Невыносимо страшно погружаться в ревущую сумрачную пропасть, где бьется жуткий пульс Вальпургиевой ночи: смертельный ужас охватил юношу при мысли, что ему придется услышать собственными ушами первозданный ритм космоса, таившийся до поры в неведомых глубинах. Даже сейчас он чувствовал чудовищную низкую вибрацию — слишком хорошо догадываясь, что за ней кроется. В ночь Шабаша космический пульс достигает населенных миров, сзывая посвященных на страшные обряды, назвать которые не дано смертному. Множество тайных гимнов основано на подслушанных у вечности ритмах, но человеческое ухо не способно вынести их во всей первозданной полноте. Джилмена страшило и другое: может ли он, полагаясь на одну только хрупкую память, быть уверенным, что перенесется именно туда, куда хочет? Не окажется ли он вдруг на склоне каменистого холма, освещенного зеленым солнцем, или на мозаичной террасе над городом чудовищ с маленькими щупальцами в какой-то иной галактике, или даже в черной воронке последних пределов хаоса, где царит лишенный жалости владыка демонов Азатот?

Джилмен решился,наконец, совершить этот ужасный прыжок в пространство — и тут вдруг исчезло фиолетовое свечение, и он очутился в полной темноте. Эта ведьма — старая Кеция — Нахав — она умерла. И тут к отдаленному гимну Шабаша и визгу Бурого Дженкина в черном треугольном провале добавился новый звук, еще более дикий: ужасный вой откуда-то снизу.

Джо Мазуревич! Молитва — заклинание — заговор от Хаоса Наступающего — вот она обращается в необъяснимо торжествующий визг — насмешливая действительность слилась наконец с лихорадочным сном! Йо! Шубб — Ниггурат! Всемогущий Козел с легионом младых...

Джилмена нашли лежащим на полу его комнаты в мансарде, имевшей такую странную форму, еще задолго до рассвета: нечеловеческий вопль поднял на ноги Дерошера, Чонского, Домбровского и Мазуревича, тут же прибежавших наверх. Крик разбудил даже крепко спавшего в своем кресле Илвуда. Джилмен был жив; он лежал с широко открытыми остановившимися глазами, по-видимому, без сознания. На горле у него были огромные синяки, а на левой лодыжке — глубокая рана от укусов крысы. Одежда была в сильном беспорядке, крестик, подаренный Джо Мазуревичем, исчез. Илвуд весь дрожал: он не смел и предполагать, что могло случиться с его другом во сне на этот раз. Мазуревич был явно не в себе; он объяснил свое состояние «знамением», которое получил якобы в ответ на свои молитвы,и тут же, услышав за наклонной стеной отчаянную крысиную возню и писк, неистово перекрестился.

Когда больного уложили на кушетку в комнате Илвуда, был вызван доктор Мальковский, врач с хорошей репутацией, известный к тому же, как человек, умеющий, когда это требовалось, хранить молчание. Он сделал Джилмену несколько подкожных инъекций, приведших больного в расслабленное состояние, по крайней мере внешне похожее на сон. В течение дня Джилмен несколько раз приходил в сознание и бессвязно шептал что-то Илвуду, пытаясь рассказать о кошмарах последней ночи. Процесс выздоровления шел мучительно и медленно, тем более, что с самого начала обнаружилось весьма печальное обстоятельство.

Джилмен — еще недавно обладавший невероятно тонким слухом — совершенно оглох. Доктор Мальковский, спешно вызванный по этому поводу, сообщил Илвуду, что обе барабанные перепонки пациента зверски разорваны, как если бы они подверглись воздействию звуковых колебаний такой чудовищной силы, какую человек ни представить себе, ни тем более выдержать положительно не в состоянии. Как честный человек л добросовестный специалист, доктор Мальковский находит неуместным строить какие бы то ни было догадки о том, каким образом звук подобной силы, раздавшись всего несколько часов назад, не всполошил всю долину Мискатоника.

Используя для общения с больным бумагу и карандаш, Илвуд мог сравнительно легко поддерживать беседу с Джилменом. Оба не знали, что и подумать о происшедшем, и почли за благо

вспоминать обо всем как можно меньше. Было решено покинуть проклятый старый дом сразу же, как только удастся найти новую квартиру. В вечерних газетах сообщалось, что накануне вечером, сразу после заката, полиция обнаружила в долине за Медоу-Гилль какое-то странное сборище; при этом упоминалось, что так называемый Белый камень, находящийся в той местности, издавна служит объектом суеверного почитания. Арестовать никого не удалось, среди собравшихся был замечен огромного роста негр. В другой заметке отмечалось, что пропавший без вести Ладислаш Волейко до сих пор не найден.

Последнее происшествие в ряду ужасных событий этой весны случилось той же ночью. Илвуду никогда не забыть его, ибо вызванное им нервное потрясение оказалось настолько велико, что он вынужден был прервать учебу до начала следующего семестра. Весь вечер ему слышалась крысиная возня за стеной, но он не придавал этому особого значения. Спустя довольно длительное время после того, как они с Джилменом улеглись спать, комнату огласили ужасные душераздирающие вопли. Илвуд вскочил с постели, включил свет и бросился к кровати больного. Тот кричал нечеловеческим голосом, словно от какой-то невообразимой пытки, и извивался всем телом под скомканными простынями; на одеяле появилось быстро растущее кровавое пятно.

Илвуд не смел прикоснуться к своему другу, но постепенно крики и конвульсии прекратились. К этому времени Домбровский, Чонский, Дерошер, Мазуревич и жилец с верхнего этажа уже столпились в дверях комнаты, хозяин отослал жену срочно телефонировать доктору Мальковскому. Возглас изумления и страха вырвался у присутствующих, когда из пропитанной кровью постели выскочил маленький, похожий на крысу зверек и тут же исчез в новой крысиной дыре, появившейся в стене рядом с кушеткой пострадавшего. Когда врач, наконец, прибыл и стал убирать окровавленное белье, чтобы осмотреть больного, Уолтер Джилмен был уже мертв.

Было бы попросту бесчеловечно строить какие-либо теории насчет того, что могло убить Джилмена. Было похоже на то, что кто-то прогрыз тоннель сквозь все его тело — и вырвал сердце. Домбровский, отчаявшийся вывести крыс, смирился с мыслью об убытках и уже через неделю переехал со всеми старыми жильцами в не менее сомнительное, но все же не такое ветхое помещение на Уолнет-стрит. Труднее всего было держать в узде Джо Мазуревича: задумчивый заклинатель духов беспробудно пьянствовал, вечно ныл и нес нечто нечленораздельное о привидениях и прочих ужасах.

В ту последнюю страшную ночь Джо себе на беду слишком

долго разглядывал алые от крови следы крысиных лапок, ведшие от кровати Джилмена к свежей дырке в стене. На ковре они были почти не видны, но между краем ковра и плинтусом оставался небольшой участок голого пола. Здесь-то и обнаружил Мазуревич нечто ужасное; во всяком случае, он хотел всех в этом уверить, хотя очевидцы с ним не соглашались, признавая в то же время, что следы действительно очень странные. Отпечатки на половицах и в самом деле отличались от обычных крысиных следов, но даже Чонский и Дерошер решительно отвергали их сходство с отпечатками крошечных человеческих рук.

Ведьмин Дом никогда более не сдавался внаем. После того, как Домбровский с жильцами съехали, здание подверглось окончательному запустению — его сторонились не только благодаря дурной славе, но и из-за появившегося там ужасного зловония. Возможно, крысиный яд, которым пользовался бывший владелец, наконец-то подействовал, поскольку вскоре после того, как последний жилец покинул здание, оно превратилось в истинное проклятие для всей округи. Как установила санитарная инспекция, смрад исходил из заколоченных пустот вдоль стены и под потолком в восточной части мансарды; несомненно, число отравленных крыс было огромно. Решили, однако, что не стоит тратить время на разборки перегородок и дезинфекцию пустот за ними; зловоние скоро должно было пройти само собой, да и место это было не из тех, где очень уж заботились о соблюдении правил санитарии. В самом деле, многие в городе утверждали, что чуть ли не каждый год после Первомая и Дня всех Святых с чердака ведьминого дома распространяется неизвестно откуда взявшееся отвратительное зловоние. Погрязшие в привычном равнодушии соседи молча переносили это неудобство, хотя оно отнюдь не способствовало улучшению репутации района. В конце концов городская строительная комиссия запретила дальнейшее использование дома под жилье.

С тех пор так и не удалось найти разумное объяснение всему, что происходило с Джилменом — в особенности его странным сновидениям. Илвуда размышления о случившемся едва не довели до психического расстройства; он возобновил учебу только осенью, но уже через несколько месяцев навсегда покинул стены колледжа. Вернувшись в университет, молодой человек смог убедиться в том, что городские пересуды о всевозможных призраках почти смолкли; в самом деле, со времени гибели Джилмена никаких новых сплетен о появлении старухи Кеции или Бурого Дженкина не возникало — были, правда, какие-то толки о странных звуках в покинутом домс, но они существовали чуть ли не столько же, сколько само здание. К счастью для

Илвуда, его уже давно не было в городе, когда дальнейшие события дали пищу новым слухам на старую тему. Конечно, он узнал обо всем впоследствии и провел после этого немало часов в невыразимо мучительных размышлениях и гнетущей неопределенности; но куда страшнее и невыносимее было бы находиться в тот момент где-то рядом, а то и увидеть все собственными глазами.

В марте 1931 года сильный буран разрушил крышу и трубу опустевшего ведьминого дома; огромная масса колотого кирпича, почерневшей, поросшей мхом дранки, прогнивших досок и балок рухнула вниз, на чердак, проломив и потолок мансарды. Весь верхний этаж был завален обломками и мусором, но никто и не подумал притронуться к развалинам до тех пор, пока не придет время сносить обветшавший дом. Развязка наступила в декабре того же года, когда несколько рабочих, нехотя и с некоторым страхом, расчищали бывшую комнату Джилмена: тут же по городу поползли самые невероятные слухи.

В мусоре, проломившем наклонный потолок и свалившемся прямо в комнату, было найдено несколько предметов, один вид которых заставил рабочих немедленно вызвать полицию. Чуть позже полицейские вынуждены были, в свою очередь, пригласить коронера и нескольких экспертов-медиков из университета. Необычайная находка представляла собою несколько костей — частью сломанных и раздробленных, но вне всякого сомнения человеческих. Самым загадочным было то, что кости имели явное недавнее происхождение, хотя доступ в единственное место, где они могли находиться без того, чтобы их кто-нибудь обнаружил, то есть, в заколоченную низкую каморку с наклонным полом на чердаке, по всеобщему убеждению, был практически невозможен в течение очень многих лет. По заключению главного эксперта при коронере, некоторые из костей принадлежали, скорее всего, младенцу мужского пола, тогда как другие — их нашли лежащими вперемешку с полусгнившими обрывками одежды грязно-коричневого цвета — несомненно, пожилой женщине очень низкого роста, со сгорбленной спиной. Тщательное исследование обломков и мусора позволило также обнаружить множество крошечных костей крыс, раздавленных при обвале крыши, а также и более старые крысиные кости со следами чьих-то зубов, форма которых не могла не вызвать изрядного числа недоуменных вопросов и самых странных ассоциаций.

Кроме того, были найдены в большом количестве обрывки рукописных книг и масса желтоватой пыли — все, что осталось от каких-то других бумаг, видимо, еще более древних. Все без исключения фрагменты, поддававшиеся чтению, касались чер-

ной магии, причем наиболее сложных и жутких ее разделов; явно недавнее происхождение некоторых рукописей до сей поры составляет не меньшую загадку, чем найденные там же человеческие кости. Еще одна неразгаданная тайна — неразборчивый старомодный почерк автора рукописей: почерк этот был одним и тем же как в недавних записях, так и в тех, что были сделаны, судя по их состоянию и водяным знакам на бумаге, не менее чем за 150-200 лет до описываемых событий. Многие, однако, придерживаются мнения, что наибольшую загадку представляет собой происхождение разнообразных и крайне необычных предметов, в разной степени сохранности обнаруженных в развалинах, — предметов, чье назначение, материалы и способы изготовления совершенно не поддаются определению. Один из таких предметов, вызвавший наиболее глубокий интерес у университетских специалистов, представлял собою сильно поврежденную копию уродливой формы вещицы, переданной Джилменом в университетский музей, и отличался от последней разве только более крупными размерами, материалом (то был не металл, а камень синего цвета), и наличием подножия странной угловатой формы, покрытого надписями, которые до сих пор не удалось расшифровать.

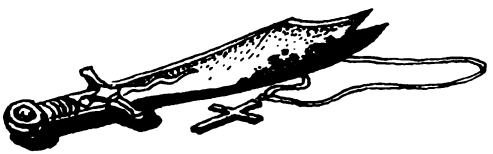
По сей день остаются бесплодными и попытки целого ряда археологов и антропологов истолковать рисунки, вырезанные на расколотой чаше из легкого металла; при ее обнаружении на внутренней поверхности были замечены странные бурые пятна довольно зловещего вида. Внимание многих иностранцев и доверчивых старушек привлек и дешевый никелевый крестик современной работы на оборванной цепочке, также найденный в мусоре и признанный дрожащим от ужаса Джо Мазуревичем за тот самый, который он много лет назад подарил бедняге Джилмену. Некоторые думают, что крестик затащили в каморку на чердаке крысы; другие полагают, что он просто валялся где-нибудь в углу старой комнаты Джилмена. Кое-кто, и Джо в том числе, выдвигают на сей счет настолько дикие и фантастические теории, что их просто невозможно принимать в расчет.

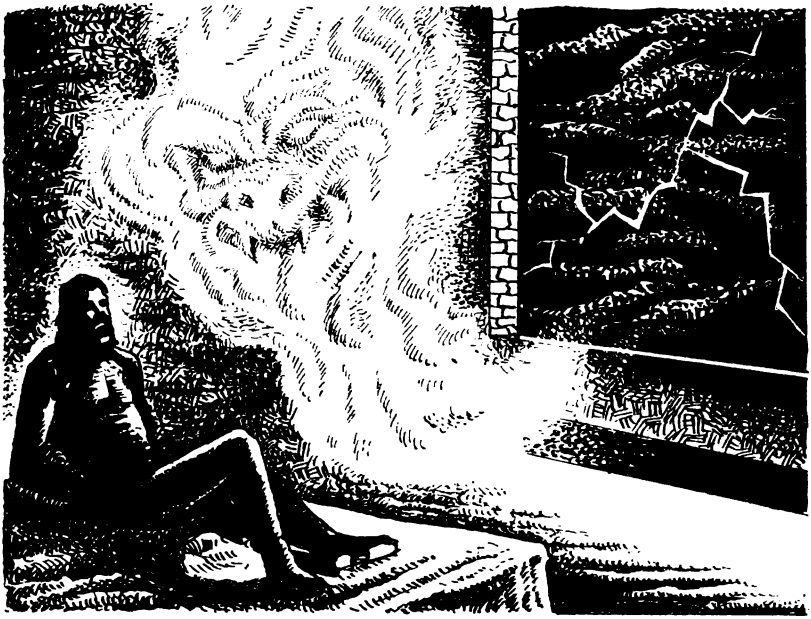
Когда вскрыли наклонную северную стену в комнате Джилмена, оказалось, что мусора в ней куда меньше, чем следовало бы ожидать, судя по количеству обломков, упавших в комнату; однако, то, что было там найдено, повергло рабочих в неописуемый ужас. Нижняя часть когда-то замкнутого пространства представляла собою настоящий склеп, устланный толстым слоем детских костей — от довольно свежих до таких старых, что они рассыпались в прах от прикосновения. Поверх костей лежал огромный нож, несомненно, старинной работы, с причудливым, в

своем роде изысканным орнаментом; сверху он был завален мусором.

В этом-то мусоре, зажатым между куском кирпичной кладки из печной трубы и упавшей откуда-то широкой доской, и был найден предмет, вызвавший в Аркхэме куда больше удивления, скрытого страха и суеверных домыслов, чем любая другая находка в проклятом доме. То был частично разрушенный скелет огромной дохлой крысы, строение которого настолько разительно отличается от нормы, что до сих пор вызывает и горячие споры, и странные умолчания сотрудников кафедры сравнительной анатомии Мискатоникского университета. Лишь очень скупые сведения о скелете стали достоянием широкой публики — в основном, они были получены от строительных рабочих, участвовавших в сносе старого дома и рассказывавших о клочках длинной бурой шерсти, прилипшей к старым костям.

По слухам, строение пятипалых лапок найденного скелета крысы дает основание заключить, что на каждой из них один палец был противопоставлен всем остальным — черта, совершенно естественная, скажем, для миниатюрной обезьянки, но никак не для крысы. Кроме того, маленький череп с ужасными желтыми клыками имеет, как рассказывают, крайне необычную форму, и если рассматривать его под определенным углом, выглядит как многократно уменьшенная, мерзко искаженная копия человеческого черепа. Обнаружив это маленькое чудовище, рабочие с трепетом перекрестились, а позже поставили в церкви Св. Станислава по свечке в благодарение за избавление от режущего слух визга, раздававшегося временами в старом Ведьмином Доме: они знали, что никогда более не услышат этого ужасного звука.

ЗАТАИВШИЙСЯ СТРАХ

1. ТЕНЬ НА КАМИННОЙ ТРУБЕ

В ту ночь, когда я явился в заброшенный особняк на вершине Темпест-Маунтин (26) в поисках Затаившегося Страха, воздух сотрясался от бушующей в окрестностях грозы. Я прибыл туда не один: безрассудная храбрость тогда еще не сопутствовала моей любви к ужасным и невероятным тайнам бытия — любви, превратившей мой жизненный путь в непрерывную череду поисков необъяснимых ужасов в литературе и действительности. Со мной были двое — люди надежные и сильные, за чьей помощью я уже обращался в свое время. С тех пор они постоянно сопровождали меня во всех опасных экспедициях, ибо как нельзя лучше подходили для этого.

Мы покинули деревню без лишнего шума, опасаясь репортеров, которые не спешили разъезжаться по домам, хотя миновал уже месяц с того дня, когда кошмарные деяния смерти повергли

местных жителей в состояние невероятной паники. Позже у меня возникла мысль, что эти репортеры могли бы оказать мне помощь, но в тот момент я и слышать о них не хотел. Ни на секунду не допускал я даже мысли о том, чтобы взять их с собой в качестве помощников. Ведь по ходу поисков я рано или поздно выдал бы им свою тайну, которую никому не решался доверить из страха, что мир сочтет меня безумцем или свихнется сам. И даже сейчас, осмеливаясь рассказывать обо всем происшедшем и надеясь, что мои мучительные размышления еще не сделали меня маньяком, я жалею о том, что тайна раскрыта. Ибо только я один знаю, что такое Страх, затаившийся на этой зловещей необитаемой горе.

Наш небольшой автомобиль милю за милей продвигался по первозданным лесам и холмам и наконец остановился перед густо заросшим деревьями крутым подъемом. То была мрачная местность. Нам уже доводилось осматривать ее, но прежде она не производила столь гнетущего впечатления, как теперь, когда на нас надвигалась ночь и вокруг не было видно ни одного из зевак, толпами бродивших здесь в последнее время. Ничто не мешало нам зажечь ацетиленовый фонарь, но мы удержались от этого соблазна: пламенем фонаря легко привлечь чье-нибудь недружелюбное внимание. В сгустившейся тьме пейзаж приобрел зловещие очертания, и его болезненная странность наверняка бросилась бы мне в глаза, даже если бы я и понятия не имел о бродившем там ужасе. Дикие звери здесь не водились — инстинкт самосохранения не пускал их в места, где разгуливала сама смерть. Озаряемые вспышками молний старые деревья и кустарники трепетали, как в лихорадке и казались неестественно толстыми, а холмы и пригорки, поднимавшиеся над землей, покрытой бурьяном и осинами рытвин, напоминали свернувшихся клубками змей и голые черепа, раздутые до гигантских размеров.

К тому времени Темпест-Маунтин уже более ста лет был обителью Затаившегося Страха. Я узнал об этом из газетного репортажа о бедствии, постигшем эти места и приковавшем внимание всего мира. Местность эта представляет собой уединенную пустынную возвышенность в той части Катскилльских гор, что отмечена слабым и кратковременным проникновением голландской цивилизации. Собственно, все, что последняя оставила по себе, — это несколько полуразрушенных особняков да тронутых печатью вырождения поселений, представлявших из себя пару-другую жалких деревушек, разбросанных по этим Богом забытым склонам. До тех пор, пока не была организована местная полиция, представители цивилизованного мира были

редкими гостями в здешних краях; впрочем, и сегодня патрулирование местности осуществляется весьма незначительными силами. О живущем на склонах горы кошмаре повествовали старинные предания, ходившие среди жителей окрестных деревень. Эта тема была самой значительной в незатейливых беседах бедняков-полукровок, покидавших пределы своих долин только затем, чтобы выменять сплетенные ими корзины на еду, которую они сами были не в состоянии вырастить или добыть охотой, да на самую простую утварь, которую они не умели изготовить.

Затаившийся Страх поселился в мрачном необитаемом особняке Мартенсов, расположенном на высокой и вместе с тем не очень крутой возвышенности, названной Темпест-Маунтин из-за часто случающихся над нею гроз. Вот уже более ста лет об этом старинном доме, окруженном дремучим лесом, рассказывают самые невероятные и ужасающие истории, в которых фигурирует громадная, бесшумно подкрадывающаяся смерть, которая с наступлением лета покидает пределы дома и начинает бродить в округе. С раздражающим увлечением местные жители передавали легенды о демоне, который с наступлением темноты хватает одиноких путников, чьи тела находят затем в чудовищном состоянии — расчлененные, с обглоданными костями. Либо не находят совсем. В некоторых рассказах шепотом упоминаются кровавые следы, ведущие к проклятому особняку. Одни говорят, что Затаившийся Страх из его убежища вызывает гром, другие утверждают, что это просто его голос.

Никто из живущих за пределами этой лесной глуши никогда не верил этим пестрым и противоречивым россказням с их бессвязными, нелепыми описаниями таинственного демона. И как раз наоборот, ни одному из тамошних фермеров или деревенских жителей и в голову не приходило усомниться в том, что особняк Мартенсов населен нечистой силой. Такого рода вольнодумства местные жители не допускали, хотя ни одному из любопытствующих, что посещали особняк под впечатлением наиболее живописных рассказов, так и не удалось обнаружить каких-либо зловещих следов существования монстра. От древних старух можно было услышать живописные истории о призраке заброшенного дома, о семействе Мартенсов, о их разноцветных глазах, ставших своеобразным наследственным признаком, о их сверхъестественном долголетии и об убийстве, ставшем проклятием их рода.

Ужас, наполнявший самые фантастические местные легенды, заявил о себе неожиданным и жутким образом; это, собственно, и привело меня сюда. Однажды летней ночью, после

грозы небывалой силы, вся округа была поднята на ноги жителями одной из деревень, ударившимися в паническое бегство от родных очагов. Событие это никак не могло быть результатом примитивного обмана или розыгрыша. Сбившиеся в жалкие кучки поселяне почти онемели от охватившего их неописуемого ужаса; они сами толком не знали, что их так перепугало, и в то же время ни на миг не сомневались в реальности страшно й угрозы. Они ничего не видели, однако из соседней деревни до них доносились такие жуткие вопли, что несчастные не сомневались — туда пришла Крадущаяся Смерть.

Утром местные жители и представители полиции штата последовали за трясущимися от страха горцами в деревушку, куда, по их словам, явилась смерть. Она действительно побывала там. Было похоже на то, что от удара молнии под всем этим поселением буквально разверзлась земля, попутно разрушив несколько утлых, зловонных лачуг; но эти материальные потери не шли ни в какое сравнение с числом человеческих жертв и их жутким видом. Из семидесяти пяти человек, населявших, по некоторым подсчетам, эту деревню, на месте трагедии не было найдено ни одного оставшегося в живых. Вздыбленная земля была покрыта кровью и страшными ошметками человеческих тел, вид которых красноречиво свидетельствовал о ярости и разрушительной мощи когтей и зубов демона. В то же время не было видно ни единого следа, ведущего с места этого кровавого пиршества. Все, кто осматривал место трагедии, пришли к единодушному мнению, что злодеяние совершено скорее всего каким-то невероятно злобным и сильным животным. Вместе с тем, в тот момент ни у кого не повернулся язык высказать предположение о том, что загадочная смерть всех этих людей явилась результатом массового убийства, каковые часто встречались в среде опустившихся поселенцев. Такая версия возникла лишь после того, как были обнаружены двадцать пять обитателей подвергшейся жуткому нашествию деревни, которым удалось избежать печальной участи большинства. Однако чем было объяснить хотя бы то, что этим двадцати пяти удалось зверски расправиться со своими сородичами, вдвое превосходившими их числом? Факт оставался фактом — в ту летнюю ночь с небес прогремел гром, который оставил после себя мертвую деревню, усеянную растерзанными и изуродованными самым чудовищным образом телами ее обитателей.

Взбудораженная округа немедленно связала это ужасное событие с заколдованным особняком Мартенсов, несмотря на то, что он отстоял от места трагедии более чем на три мили. Полицейские скептически пожимали плечами — расследуя дело,

они лишь косвенно увязывали существование особняка с происшедшим, а когда узнали, что он необитаем, и вовсе забыли о нем. Местные жители, однако, с величайшей тщательностью обследовали старый дом: они перевернули все вверх дном, прощупали длинными шестами пруды и ручьи, переломали все кусты и прочесали прилегавший к дому лес. Все было тщетно — смерть, потрясшая округу своим явлением, сделала свое дело и удалилась восвояси.

На второй день поисков об этом деле уже вовсю трубили газеты, чьи репортеры наводнили склоны Темпест-Маунтин. Они детально описали случившееся и взяли несусветное множество интервью у местных старожилов, пытаясь пролить свет на эту жуткую историю. Я был далеко не в восторге от их репортажей, ибо сам справедливо считаюсь большим знатоком ужасов и полагаю их своей прерогативой. И вот, неделю спустя, под влиянием какого-то необъяснимого импульса я зарегистрировался в числе репортеров, буквально оккупировавших гостиницу в Лефертс-Корнерз, ближайшей к Темпест-Маунтин деревушке, и в тот же день, 5 августа 1921, года получил допуск в поисковый штаб. Недели через три репортеры в большинстве своем разъехались, тем самым предоставив мне свободу действий, и я приступил к собственному расследованию — прежде всего на основании тщательно подобранных документов и описаний места происшествия, которые мне удалось собрать еще до отъезда газетчиков.

Итак, в ту летнюю ночь я вышел из машины, заглушил двигатель и, внимая отдаленному ворчанию грома, в сопровождении двух вооруженных спутников двинулся вперед, преодолевая последние подступы к вершине Темпест-Маунтин и освещая электрическим фонарем уже замаячившие между стволами гигантских дубов призрачно-серые стены. Окутавший одинокую громаду здания мрак ночи, который не могли прорвать лучи слабого света, пробуждал во мне зловещие предчувствия. И все же я продолжал путь без малейших колебаний. Моя решимость проверить свою гипотезу была тверда, как алмаз. Гипотеза же заключалась в том, что гром вызывает демона смерти из какого-то страшного потайного убежища; сам же демон вполне может оказаться как материальным телом, так и неким смертоносным духом — в любом случае я шел на Темпест-Маунтин с целью увидеть его.

В предыдущие дни я успел тщательно осмотреть полуразрушенное здание — это было частью моего скрупулезно разработанного плана. В соответствии с ним для нашего ночного бдения была выбрана бывшая спальня Яна Мартенса, убийство которого

часто упоминалось в деревенских легендах. Смутное чувство подсказывало мне, что помещение, в котором жил много лет назад сделавшийся жертвой злодеяния один из Мартенсов, наилучшим образом соответствует моей цели. В комнате площадью около двадцати квадратных футов, расположенной на втором этаже в юго-восточном углу здания, как и повсюду в доме, валялись обломки мебели и прочая рухлядь. В окнах — одно из них, выходившее на восток, отличалось огромными размерами, другое, обращенное на юг, было небольшим и довольно узким — недоставало стекол и ставен. Против большого окна располагался внушительных размеров голландский камин, украшенный изразцами с запечатленным на них библейским сюжетом о блудном сыне. Против другого окна стояла просторная, встроенная в стену кровать.

Я прислушивался к раскатам грома, пробивавшимся сквозь плотную стену деревьев, и обдумывал дальнейшие шаги. Первым делом я решил подготовить возможные пути к отступлению и закрепил на боковых выступах большого окна три веревочные лестницы, которые благоразумно прихватил с собой. Их нижние концы касались травы под окном — я проверил это заблаговременно. Затем мы приволокли из другой комнаты широкую кровать на ножках и поставили боковой стороной к окну. Забросав кровать еловыми ветками, мы расположились на ней, держа наготове оружие. Согласно моему плану, всю ночь попеременно двое должны были отдыхать, а третий нести дежурство. Откуда бы ни появился демон, возможность отхода была нам обеспечена. Если он войдет в комнату через дверь, мы ускользнем по веревочным лестницам, а если влезет в окно, в нашем распоряжении дверь и лестница внутри здания. Нам и в голову не приходило, что все может обернуться гораздо хуже, хотя, памятуя о недавнем жутком происшествии, мы обязаны были внутренне подготовиться к самому страшному.

В какой-то момент моего дежурства, а именно между полуночью и часом ночи, несмотря на зловещую обстановку, открытые окна и приближавшуюся грозу, мною овладела странная дремота. Я расположился между двумя своими спутниками — Джорджем Беннетом (он был ближе к окну) и Уильямом Тоби, лежавшим у камина. Беннет спал, очевидно охваченный, тою же болезненной дремотой, что и я, поэтому дежурство я передал Тоби, хотя и он уже клевал носом. И вдруг поймал себя на том, что пристально смотрю на камин, более того, я был просто не в силах оторвать от него глаз, что само по себе было довольно странно.

Проносившиеся перед моим внутренним взором образы наверняка были навеяны приближавшейся грозой, ибо во время короткого сна меня посетили поистине апокалиптические видения. Один раз я наполовину проснулся — скорее всего по той причине, что мой товарищ, лежавший у окна, беспокойно взмахнул рукой и уронил ее мне на грудь. В полусне я не видел, насколько бдительно стоит на часах Тоби, но помню, что испытал острое беспокойство по этому поводу. Силы зла угнетали меня своим присутствием. Потом я, кажется, снова уснул, вновь погрузившись в некий потусторонний хаос, но почти сразу же был вырван оттуда разрезавшим ночную тишину жутким воплем, подобного которому мне не доводилось слышать ни разу в жизни. Ни до того, ни после мое в достаточной мере богатое воображение не могло воссоздать этот страшный, леденящий душу вой.

Исходивший из самых глубин человеческого естества страх сливался в этом вопле с агонией бешеной и безнадежной борьбы против демонической тяги черных врат забвения, по ту сторону которых кончалась жизнь и начиналось неведомое. В кромешной тьме ощутив справа от себя пустое пространство, я понял, что Тоби исчез — одному только Богу ведомо куда. На груди у меня все еще лежала тяжелая рука другого моего товарища.

Чудовищный удар молнии потряс гору. Она дрогнула и пошла ходуном. Яркий свет озарил древнюю рощу, и самый могучий из дубов, патриарх этих изогнувшихся под напором вихря деревьев, остался стоять рассеченный надвое. В дьявольской вспышке молнии я увидел, как другой мой спутник внезапно вскочил; в отблеске небесного пламени, проникшего в комнату через окно, его тень упала на трубу камина, с которого я по-прежнему не сводил глаз. Тем, что остался жив и не потерял рассудок, я обязан необъяснимому чуду. Именно необъяснимому, ибо тень на каминной трубе не была тенью Джорджа Беннета и вообще никакой другой человеческой тенью — это был страшный, уродливый, богопротивный силуэт, исчадие самых потаенных глубин ада; бесформенная мерзость, не поддающаяся описанию и недоступная восприятию слабого человеческого рассудка. Мгновение спустя я остался один в этом отмеченном печатью проклятия доме, и тут-то меня затрясло крупной дрожью. Джордж Беннет и Уильям Тоби исчезли, не оставив после себя никаких следов. Об их дальнейшей судьбе мне ничего не известно.

2. ЗАСТИГНУТЫЕ БУРЕЙ

После страшного приключения в особняке я несколько дней пролежал в комнате, которую снимал в Леффертс-Корнерз. Потрясение, полученное мною в этом проклятом доме, привело к нервному истощению. Я почти не помнил, как мне удалось добраться до автомобиля, завести его и беспрепятственно проскользнуть обратно в деревню. В памяти возникали только неясные контуры гигантских деревьев, раскинувших свои огромные ветви у меня на пути и напоминавших облаченные в доспехи и увешанные оружием фигуры сказочных великанов. Помню я и демонические раскаты грома, и адские тени, отбрасываемые низкими холмами, которыми сплошь и рядом была усеяна местность.

Охваченный лихорадочным ознобом, я тщетно пытался представить себе то отвратительное существо, что бросило на камин кошмарную тень, при виде которой я едва не сошел с ума. Я отчетливо сознавал, что наконец-то мне удалось увидеть — пусть мельком — один из величайших ужасов мира, одного из бесчисленных монстров потусторонних глубин — одного из тех чудовищ, что вечно точат свои когти в темноте, тревожа нас производимыми при этом звуками. Мы слышим их, стоит нам приблизиться к последнему пределу, но зрению нашему, благодаря милосердной Природе, они недоступны. Я пытался бесстрастно проанализировать увиденное, но на это у меня не хватило духу: едва я пытался отнести это Нечто, лежавшее в ту ночь между мной и окном, к известным мне классам существ и явлений, как меня начинала бить неодолимая дрожь — словно инстинкт самосохранения срабатывал во мне, требуя забыть пережитый ужас. Отбросившее тень существо не проронило ни звука; если бы оно издало рычание, заворчало или разразилось издевательским смехом, мне было бы легче пережить воспоминание об испытанном мною вселенском кошмаре. Но его присутствие было совершенно безмолвным. Его тяжелая рука — или, вернее, передняя конечность — лежала у меня на груди... Скорее всего, это было органическое тело, либо когда-то бывшее органическим... Ян Мартенс, в чью комнату я вторгся, покоился в могиле неподалеку от особняка... Я должен был отыскать Беннета и Тоби, если, конечно, они еще живы... Почему, взяв их, оно не тронуло меня? Какая удушающая дремота и какие ужасные сновидения...

Скоро я пришел к выводу, что, дабы не сойти с ума, мне просто необходимо рассказать кому-нибудь о случившемся. К тому времени я уже решил не прекращать поиски Затаившегося

Страха, ибо для меня нет ничего хуже неопределенности — я предпочитал знать истину, какой бы страшной и отталкивающей она ни была. Исходя из этого, после долгих раздумий я выбрал линию поведения, какой мне следовало отныне придерживаться, человека, которому я мог доверить свою тайну, и, наконец, способ, каким можно было выследить демона, стеревшего с лица земли моих спутников и одним лишь видом своей кошмарной тени едва не лишившего меня рассудка.

Среди моих знакомых в Леффертс-Корнерз практически не было местных жителей, зато я успел войти в контакт со многими репортерами, и они оказались довольно славными ребятами. Кое-кто из них еще оставался на месте в надежде раскрыть загадку ужасной трагедии. Один из таких упрямцев очень пригодился бы мне в качестве помощника, и чем дольше я раздумывал, тем больше склонялся к кандидатуре Артура Монро. Это был темноволосый худощавый человек лет тридцати пяти от роду, чьи образованность, вкус, интеллект и темперамент выдавали незаурядную натуру, свободную от воздействия традиционных идей и понятий.

В начале сентября я посвятил Артура Монроу в свою тайну и сразу увидел, что эта история вызывает в нем неподдельный интерес и что, более того, он также проникся желанием во что бы то ни стало раскрыть загадку Затаившегося Страха. Когда я умолк, он проанализировал отдельные моменты моего повествования, проявив при этом величайшую проницательность и здравый ум. Но что было особенно ценным, так это его в высшей степени практичные рекомендации: например, он посоветовал отложить все наши действия вокруг дома Мартенсов до тех пор, пока мы не вооружимся более подробными историческими и географическими сведениями. По его инициативе мы прочесали всю округу в поисках информации, касавшейся семейства Мартенсов и его зловещих тайн, и вышли на человека, обладавшего ценными сведениями об этом таинственном клане — для нас это было поистине чудесной находкой. Кроме того, не жалея времени, мы подолгу беседовали с теми из местных жителей, что, несмотря на пережитый ужас, остались в родных местах. Для успеха нашего предприятия был также совершенно необходим скрупулезный осмотр всех мест, так или иначе связанных с трагедиями, которые упоминались в рассказах поселян.

Было бы преувеличением сказать, что результаты этой работы пролили свет на тайну, которая не давала нам покоя; и все же, тщательно осмотрев места, где, по рассказам аборигенов, случались несчастья, мы обнаружили одну любопытную закономерность — чаще всего кошмары происходили в непосредствен-

ной близости от заброшенного дома или в окружавших его мрачных лесных чащобах. Были впрочем, и исключения из этого правила. Например, последнее из кошмарных происшествий, то самое, о котором узнал весь мир, случилось в пустынной местности вдали от дома и прилегавших к нему лесных массивах.

Что же касается происхождения и внешнего вида Затаившегося Страха, с этим дело обстояло хуже — недалекие и забитые деревенские жители не могли сказать ничего определенного по этому поводу. В своих сбивчивых рассказах они выставляли его то змеей, то человекоподобным гигантом, а то и мечущим громы и молнии дьяволом, летучей мышью, стервятником или ходячим деревом. На первых порах мы решили ограничиться выводом, что это живой организм, весьма чувствительный к природным явлениям, связанным с освобождением электрических разрядов; хотя некоторые легенды и наделяли его крыльями, мы все же предпочли гипотезу о чисто наземном существе — ведь чаще всего оно старательно избегало открытых пространств. С другой стороны, как можно было объяснить ту сверхъестественную быстроту, с которой оно передвигалось, совершая свои злодеяния?

Мало-помалу, нам удалось довольно близко сойтись с местными жителями. Они вызывали у нас неподдельный интерес. Дурная наследственность и глухая изоляция вынудили их опуститься на несколько ступеней эволюционной лестницы, и теперь их уделом было чисто растительное существование. Они боялись чужаков, но постепенно привыкли и даже привязались к нам, и когда мы прочесывали заросли вокруг особняка Мартенсов и прощупывали каждый его уголок в поисках затаившегося страха, они оказали нам большое содействие. Однако, едва мы заикнулись о том, что нам нужно найти Беннета и Тоби, как они впали в отчаяние, ибо, несмотря на совершенно искреннее желание помочь нам, они были твердо уверены в том, что, как и их пропавшие без вести сородичи, эти двое навсегда ушли из мира людей. Мы, в свою очередь, были убеждены, что большинство местных жителей оказались жертвами похищений или убийств, которые никак не могли быть совершены хищниками, давным-давно истребленными в этих местах. Нам оставалось только с замиранием сердца ожидать дальнейших событий.

Миновала середина октября, а дела наши не продвинулись почти ни на шаг. Должно быть, ясные ночи отпугивали демона, и он не осмеливался предпринимать никаких агрессивных действий. Несмотря на тщательность, с которой мы обследовали дом и местность, нам не удалось достичь какого-либо ощутимого результата, и в конце концов мы пришли к выводу, что Затаившийся Страх был нематериальным явлением. Мы боялись

скорого наступления холодов, полагая, что они надолго прервут наше расследование: имевшиеся у нас в распоряжении факты неоднозначно указывали на то, что зимой демон ведет себя тихо. А потому наш последний осмотр подвергшейся нашествию демона деревушки, проведенный нами в один из октябрьских дней, отличался излишней спешкой, граничившей с отчаянием. В деревне не было ни души — Страх заставил жителей уйти отсюда.

Несмотря на то, что злополучная деревушка была довольно старым поселением, у нее до сих пор не имелось названия. С незапамятных времен стояла она в безлесой, но уютной теснине между двумя возвышенностями, которые именовались Коун-Маунтин и Мейпл-Хилл; деревня прилегала несколько ближе к последней из них — несколько землянок и хижин были устроены прямо на ее склоне. Если оперировать географическими понятиями, то деревня, о которой идет речь, находится в двух милях к северо-западу от Темпест-Маунтин и в трех милях от стоящего в дубраве особняка. Между особняком и окраиной деревни на две с четвертью мили простиралась совершенно открытая, довольно ровная местность — если не считать редких холмиков, напоминающих свернувшихся на солнце змей. На ней не росло ничего, кроме сорной травы да встречавшихся местами зарослей бурьяна. На основании этой топографической диспозиции мы в конце концов заключили, что демон пришел с Коун-Маунтин, южный склон которой, заросший лесом и довольно сильно вытянутый в длину, почти достигал западного отрога Темпест-Маунтин. По смещениям почвы мы нашли оползень, спускавшийся с Мейпл-Хилл. Кроме того, нам сразу же бросилось в глаза стоявшее на ее склоне одинокое дерево — прямое и высокое, оно было расщеплено надвое страшным ударом грома, вызвавшим демона из его логова.

Не менее двадцати раз мы с Артуром Монро скрупулезно, дюйм за дюймом осматривали растерзанную деревню, ощущая при этом неясный, нараставший с каждой минутой страх, лишавший нас способности здраво мыслить и анализировать увиденное. Каким-то странным образом мы были уверены в том, что кошмарная трагедия, опустошившая деревню, не даст нам абсолютно никакого ключа к разгадке, а нависшие прямо над нашими головами свинцовые тучи, казалось, только подчеркивали трагичную безрезультатность наших усилий. Мы обследовали место со всей возможной тщательностью — осмотрели каждый дом, каждую землянку в поисках тел погибших, не оставили без внимания ни единого фута прилегавшего к деревне склона, пытаясь обнаружить пещеру или какое-нибудь другое укрытие, но все было напрасно. Как я уже говорил, все это время над нами

витала какая-то неясная угроза, как если бы громадные грифоны с перепончатыми крыльями плотоядно взирали на нас из космической бездны.

До вечера было еще далеко, но на нас быстро надвигалась темнота; вскоре послышалось ворчание грозы, собиравшейся над Темпест-Маунтин. Даже сейчас, в дневное время, звук грома, прокатившийся над этой проклятой местностью, заставил нас содрогнуться; нечего и говорить, что возможность быть застигнутыми грозой во мраке ночи вызывала у нас панический ужас. И все же мы отчаянно надеялись на то, что гроза разразится именно после наступления темноты. Покинув склон горы, на осмотр которого ушла впустую уйма времени, мы направились к ближайшему обитаемому селению, где рассчитывали найти нескольких жителей, согласных помочь нам в поисках. Хотя подобные предложения и вызвало у большинства из них суеверный ужас, несколько молодых поселенцев все же не раз соглашались сопровождать нас при условии, что мы будем идти впереди и защищать их от любых неожиданностей.

Однако нашим планам не суждено было осуществиться. На нас обрушился проливной дождь, и плотная водяная завеса преградила нам путь. Нужно было срочно искать укрытие. Небо было темным, почти как ночью, и это обстоятельство, в сочетании с безумным ливнем, неимоверно затрудняло каждый шаг. К счастью, за время наших предыдущих вылазок мы хорошо изучили местность, а потому, определяя направление движения в свете грозовых разрядов, мы быстро добрались до скопления убогих домишек и забрались в хижину, которая показалась нам не такой дырявой, как все остальные. В этой грубо сколоченной из разнокалиберных бревен и досок хибарке еще сохранилась дверь; было в ней и одно-единственное крошечное окошко. И дверь, и окно были обращены в сторону Мейпл-Хилл. Заложив дверь толстой жердью, чтобы ее не могли распахнуть дождь и ветер, мы закрыли окно тяжелыми ставнями, отыскать которые не составило труда, поскольку мы уже не раз бывали в этой хижине. Угнетенные кромешной тьмой и вынужденным бездействием, мы молча сидели на шатких ящиках и курили трубки, время от времени включая свои карманные фонарики. Вспышки молний пробивались сквозь щели в стенах хижины; несмотря на дневное время, снаружи стояла такая жуткая темнота, что каждая вспышка буквально ослепляла нас.

Окружающая обстановка, включая неистовство разыгравшейся стихии и состояние тягостного ожидания, до боли в сердце напомнила мне кошмарное ночное бдение в особняке на Темпест-Маунтин. И опять, в который уже раз, мне в голову полез-

ли проклятые вопросы, непрестанно мучившие меня с момента исчезновения Тоби и Беннета, унесенных дьявольской тенью на каминной трубе. Почему демон, подкравшийся к трем наблюдателям либо со стороны окна, либо от входной двери, схватил обоих лежавших по краям и не тронул меня, находившегося посредине? Или он приберегал меня напоследок? Постигла бы меня участь моих спутников, если бы титанический удар молнии не спугнул его тогда? Почему жертвы не были схвачены в естественном порядке, при котором, с какой стороны ни возьмись, я оказался бы вторым? И вообще, как ему удалось захватить Тоби и Беннета — с помощью длинных щупальцев или каким-нибудь еще более хитроумным образом? А может быть, он знал, что я был главным в этой компании, и уготовлял мне гораздо более страшный конец, нежели моим компаньонам?

За этими невеселыми раздумьями и застал меня чудовищный удар молнии, сопровождаемый шумом осыпающейся земли. Одновременно поднялся свирепый ветер, демонические завывания которого усиливались с каждой минутой. Мы были уверены, что еще одно дерево на Мейпл-Хилл стало жертвой страшного грозового удара, и Монроу поднялся с ящика, желая убедиться в этом собственными глазами. Едва он снял ставень, как в узкое окошко с оглушающим свистом ворвались дождь и ветер, помешавшие мне расслышать, что говорил Артур. Он между тем наполовину высунулся из окна, обозревая устроенную Природой адскую свистопляску.

Через некоторое время ветер начал понемногу стихать, а неестественный мрак — рассеиваться. Судя по всему, буря кончалась. До сих пор я надеялся, что буйство стихии захватит ночные часы, и мы хоть немного приблизимся к разгадке демонической тайны, однако луч солнечного света, украдкой пробившийся в хижину сквозь щель в стене, лишил меня этой надежды. Я сказал Артуру, что нам нужно впустить в хибарку побольше света, пусть даже вместе с дождем, и распахнул дверь настежь. Почва вокруг домика представляла из себя однообразную грязевую массу, сильно размытую водой; однако вокруг не было решительно ничего, что могло бы на такой длительный срок привлечь внимание моего спутника, который по-прежнему стоял спиной ко мне, высунувшись из окна, и не отвечал на мои вопросы. Приблизившись к нему, я тронул его за плечо, но он никак не отозвался на мое прикосновение. Тогда я шутливо встряхнул его, а затем развернул в свою сторону — и тут-то железные когти смертельного ужаса, уходящего своими корнями в беспредельное прошлое, сокрытое в бездонной пучине вечной ночи, навеки вцепились мне в душу.

Ибо Артур Монро был мертв, а вместо его лица моим глазам предстало отвратительное кровавое месиво.

3. ЧТО ОЗНАЧАЛО КРАСНОЕ ЗАРЕВО

В ночь на 8 ноября 1921 года разразилась жестокая буря. Она застала меня у особняка Мартенсов, на сей раз в абсолютном одиночестве. Несмотря на разыгравшуюся непогоду, я с идиотским упорством раскапывал могилу Яна Мартенса при свете отбрасывавшего неясные тени фонаря. Буря стала собираться еще днем, когда я только приступил к раскопкам, а сейчас ночная мгла плотно окутала землю, и неистовые порывы ветра терзали густую листву гигантских дубов, охранявших покой старинного дома.

События, начало которым было положено 5 августа, основательно выбили меня из колеи. Мне было отчего сойти с ума — тень демона в особняке, нечеловеческое напряжение нервов, трагический случай с Артуром Монро, гибель которого представлялась мне на редкость жуткой и непонятной. Я догадывался о том, какие чувства вызовет она у местных жителей, и потому тайком схоронил его, надежно запрятав растерзанное тело от посторонних глаз — я предпочел, чтобы его сочли бесследно исчезнувшим. Я хорошо справился со своей задачей — все попытки отыскать его ни к чему не привели. Наверняка поселяне заподозрили что-то неладное в этом исчезновении, но я молчал, не желая лишний раз пугать их. Может быть, это прозвучит странно, но гибель моего спутника не вызвала у меня обычной в таких случаях жалости. Испытанное в особняке потрясение не прошло для меня бесследно — в тот момент что-то перевернулось в моем сознании, и я не мог помышлять ни о чем другом, кроме как о поисках Затаившегося Страха; памятуя о судьбе Артура Монроу, я решил продолжать расследование в одиночку и хранить обо всем глубокое молчание.

Обстановка, в которой происходили раскопки, могла бы кого угодно довести до нервного потрясения. Мрачные первобытные деревья, неестественно огромные и уродливые, зловеще возвышались надо мною, словно каменные столпы в друидском храме; они стояли такой плотной стеной, что до меня долетали только слабые отзвуки раздававшихся над головой сильнейших раскатов грома, а проливной дождь и сопровождавший его ужасающей силы ветер почти полностью поглощались этой дьявольской растительностью, напоминая о себе лишь редкими каплями и слабыми дуновениями. На фоне заскорузлых стволов, освещаемых тусклыми, едва пробивавшимися сквозь листву вспышками мол-

ний, поднимались стены необитаемого особняка, увитые плющом и покрытые пятнами сырости; немного ближе ко мне простирался уже целую вечность разраставшийся без присмотра сад в голландском стиле, дорожки и беседки которого были густо покрыты какой-то белой плесенью, бурно разросшейся в этом нескончаемом полумраке. И уже совсем рядом находилось семейное кладбище Мартенсов; стоявшие там скособоченные деревья широко раскинули свои жуткие ветви, а их корни сдвинули с могил плиты, никогда не знавшие ухода и почитания, и высасывали яд из лежащих под ними останков. Глядя на низкие холмики, чьи очертания угадывались под бурым покровом гниющих во мгле допотопного леса листьев, я с дрожью вспоминал точно такие же бугорки, разбросанные по всей истерзанной молниями округе.

К заброшенной могиле меня привела история. Да, только к истории оставалось мне обратиться, ибо все мои практические действия вызывали одни лишь сатанинские издевательства судьбы. Теперь я твердо был уверен в том, что Затаившийся Страх был нематериальным телом, призраком, обладавшим волчьими клыками и передвигавшимся верхом на полуночных молниях. Исходя из многочисленных преданий, услышанных мною еще в пору наших совместных с Артуром Монро поисков демона, я решил, что это мог быть только призрак Яна Мартенса, умершего в 1762 году. Потому-то я и торчал в ту ночь у проклятого особняка и, более того, с идиотским упорством раскапывал могилу одного из его обитателей.

Особняк Мартенсов был построен в 1670 году Герритом Мартенсом, преуспевающим коммерсантом из Нового Амстердама, который не мог смириться с переходом голландских поселений под власть Британской короны. Неприязнь к английским чиновникам и вообще ко всему английскому заставила его уйти в этот Богом забытый край и возвести дом на одинокой горной вершине, что привлекла его своей удаленностью от людских поселений и необычностью пейзажа. Летом, однако, над горою часто бушевали жестокие грозовые бури, и это было, вероятно, единственным обстоятельством, омрачавшим радость Геррита Мартенса по поводу окончания строительства особняка. Еще только выбирая эту возвышенность для возведения дома, хеер Мартенс решил, что гора тут ни при чем — просто лето выдалось грозовое. Но страшные грозы сотрясали Темпест-Маунтин каждое последующее лето, но Мартенсу не оставалось ничего, кроме как жалеть о выборе места, ибо дом уже стоял на горе, и исправлять что-либо было поздно. В последствии, сочтя эти грозы причиной мучивших его головных болей, он

оборудовал подвал, куда спускался всякий раз, когда наверху бушевал кромешный ад.

О потомках Геррита Мартенса было известно меньше, чем о нем самом. Поскольку все Мартенсы воспитывались в духе ненависти ко всему английскому, они почти не общались с принявшими владычество Британской короны колонистами, а коль скоро таковых было подавляющее большинство, то Мартенсы не вступали в общение фактически ни с кем. Живя сущими отшельниками, они превратились, по свидетельству соседей, в умственно неполноценных людей — с трудом могли изъясняться и с таким же трудом воспринимали чужую речь. Все они были отмечены странным наследственным признаком — разноцветными глазами, один из которых был, как правило, карим, а другой — голубым. Год от года ослабевали их и без того непрочные связи с окружающим миром. И наконец они окончательно отрезали себя от него стенами угрюмого фамильного особняка, вступая в брачные отношения друг с другом и многочисленной прислугой. В результате число обитателей этого убежища настолько возросло, что многие из них, окончательно деградировав в столь дикой изоляции, покинули поместье и смешались с населявшими прилегающие долины метисами — вот откуда берут начало нынешние убогие поселяне. Другая же часть обитателей дома Мартенсов так и осталась жить в своем мрачном родовом гнезде, уже не представляя себе жизни вне своего клана и постепенно утрачивая последние речевые навыки. И лишь одно чувство не атрофировалось у них со временем — они по-прежнему весьма болезненно реагировали на частые грозы.

Большая часть этой информации исходила от Яна Мартенса. Движимый жаждой приключений, он вступил в колониальную армию, едва Темпест-Маунтин достигло известие об Олбанской конвенции (27). Он был первым из потомков Геррита, которому удалось повидать мир. Когда же шесть лет спустя, после завершившейся в 1760 году кампании, он вернулся в свое родовое поместье, ему пришлось столкнуться с открытой ненавистью, которую, несмотря на его разноцветные мартенсоновские глаза, испытывали к нему отец, дядья и братья — еще бы, ведь он явился из ужасавшего их большого мира. А он, в свою очередь, с трудом выносил бесчисленные предрассудки и странности своего семейства. И хотя проносившиеся над горой грозы уже не вызывали у него болезненных ощущений, окружавшая обстановка все больше угнетала его, и в письмах к своему проживавшему в Олбани другу он все чаще и чаще писал о своем намерении покинуть отчий дом.

Весной 1763 года Джонатан Гиффорд, олбанский друг Яна

Мартенса, начал беспокоиться по поводу долгого молчания последнего; беспокойство это усугублялось тем, что Джонатан знал о царившей в доме Мартенсов обстановке и о дурном отношении к Яну его родственников. Решив навестить Яна лично, он оседлал коня и отправился в горную глушь. Судя по его дневнику, он достиг Темпест-Маунтин 20 сентября и нашел особняк в ужасающе ветхом состоянии. Угрюмые Мартенсы, потрясшие его своей воистину скотской нечистоплотностью, сказали ему, с трудом ворочая непослушными языками, что Ян мертв. Его убило молнией, упрямо повторяли они, еще той осенью, и сейчас он лежит в могиле у самого края прилегающего к дому сада. Они показали посетителю неухоженную могилу без каких-либо знаков и надписей над ней. Вызывающая манера, в которой Мартенсы принимали Гиффорда и рассказывали ему о смерти Яна, была явно подозрительной, а потому неделю спустя, вооружившись заступом и мотыгой, Гиффорд вернулся в поместье и раскопал место захоронения. Он нашел то, что и ожидал найти — проломленный зверским ударом череп — и, вернувшись в Олбани, публично обвинил Мартенсов в убийстве их родственника.

Несмотря на отсутствие прямых улик, история об убийстве быстро облетела всю округу, и с этого дня люди отвернулись от Мартенсов. Никто не имел с ними никаких дел, а их удаленный особняк начали обходить стороной, как место, над которым тяготело проклятие. Мартенсы как-то ухитрялись жить независимо от внешнего мира, потребляя выращенные у себя продукты. На то, что в этом угрюмом особняке все еще теплилась жизнь, указывали загоравшиеся время от времени в окнах огни. Последний раз эти огни видели в 1810 году, но уже задолго до того они зажигались крайне редко.

Мало-помалу вокруг особняка и горы, на которой он стоял, возник ореол жутковатой легендарности. Место это по-прежнему обходили стороной, о нем рассказывали шепотом самые невероятные истории. Только в 1816 году поселенцы решились навестить старый дом и узнать причину долгого отсутствия огней в окнах. Явившись туда, любопытствующие не обнаружили в доме ни одной живой души; да и сам особняк наполовину превратился в развалины.

Ни в особняке, ни вокруг него любопытствующие не обнаружили ни одного скелета и в конце концов пришли к заключению, что обитатели дома скорее всего покинули его, и, если они и нашли смерть, то только не в этих стенах. Вероятно, это случилось несколько лет назад. Огромное количество наскоро сколоченных навесов (строения эти нельзя было назвать

хижинами) указывало на то, как сильно разросся их клан в последние годы. Было очевидно, что они опустились на крайнюю ступень вырождения, о чем свидетельствовала разломанная мебель и разбросанное по всему дому столовое серебро, явно давно уже не знавшее ухода. И все же, несмотря на то, что дом был оставлен его жуткими хозяевами, Страх обитал в нем по-прежнему, если только не возрос многократно. По горам прокатилась волна новых зловещих преданий о доме на Темпест-Маунтин, ужасном, опустевшем навещаемым мстительным призраком. Вот этот-то дом и возвышался надо мною в ночь, когда я раскапывал могилу Яна Мартенса.

Я назвал свои продолжительные раскопки идиотским занятием; оно и действительно представляется таким, если учесть объект и метод раскопок. Мне довольно быстро удалось докопаться до гроба, под крышкой которого я обнаружил пригоршню праха — и больше ничего. Охваченный яростным порывом, я принялся копать дальше, словно намереваясь достать из-под земли призрак Яна Мартенса собственной персоной. Один Бог знает, что в действительности я надеялся найти; помню только неотвязную мысль о том, что раскапываю могилу человека, чей дух бродит по ночам в окрестностях Темпест-Маунтин.

Трудно сказать, до каких чудовищных глубин дошел бы я, орудуя своей лопатой, если бы она, пройдя сквозь тонкий слой глины, не провалилась в пустоту. Что и говорить, происшедшее меня потрясло — наличие подземных пустот подтверждало мою сумасшедшую гипотезу. Вслед за лопатой в образовавшееся отверстие полетел и я сам; во время падения моя лампа погасла, но я тут же достал из кармана электрический фонарик и осветил им стены небольшого горизонтального туннеля, бесконечно протянувшегося в обоих направлениях. Туннель был достаточно широк, чтобы протиснуться сквозь него; и хотя ни один человек, будучи в здравом уме, в тот момент не решился бы на столь дикий поступок, я презрел опасность и бесстрашно пополз по узкому проходу в направлении дома, корчась и извиваясь, как червяк.

Какими словами описать эту картину — затерянный в бесконечном подземном пространстве человек в диком исступлении пробивается сквозь тесный туннель, впиваясь ногтями в землю и чувствуя нехватку воздуха при каждом движении. Боже, что это был за туннель! Его невероятные изгибы вели к черной бездне, несовместимой с понятиями времени и пространства. О своей безопасности я тогда и не помышлял; впрочем, об объекте моих поисков я тоже благополучно забыл, всецело сосредоточившись на продвижении по этому жуткому подземелью. Это был сущий

кошмар, но я упрямо продвигался вперед. Это продолжалось так долго, что вся моя прошлая жизнь показалась мне далеким бледным видением, и я ощутил себя всего лишь одним из неведомых подземных кротов, населявшим эти адовы глубины. Внезапно я вспомнил о своем электрическом фонарике; непонятно, почему мысль о нем пришла мне в голову лишь в конце проделанного мною пути. Я щелкнул переключателем и в тусклом луче электрического света увидал глиняные стены прохода, уходившего прямо вперед и плавно заворачивавшего где-то вдали.

Еще некоторое время я продолжал ползти. Мой фонарик уже начал сдавать, когда проход круто пошел вверх, и мне пришлось менять способ передвижения. Я задрал голову и неожиданно увидал два далеких демонических отражения моего угасавшего светильника. Две эти точки, гибельные и лучезарные, холодно мерцавшие в жуткой кромешной мгле, были способны свести с ума кого угодно — такие невероятные ассоциации они вызывали. Я замер на месте, предчувствуя смертельную опасность, но мозг мой отказывался повелевать моими членами, и я не мог двинуться ни вперед, ни назад. Жуткие глаза приблизились ко мне; но само существо было по-прежнему скрыто подземной мглой. Мне удалось различить только один коготь — но, Боже мой, какой это был коготь! Затем я услышал донесшийся сквозь земляную толщу характерный треск, природу которого определил в тот же миг — это грохотала и неистовствовала страшная гроза над горой. Поскольку некоторую часть пути я продвигался вверх, мне было ясно, что поверхность земли была уже близка, и глухие раскаты грома могли достигать подземного прохода. Но я по-прежнему был окутан кромешной тьмой, в которой светились бездушной злобой вперившиеся в меня глаза.

Слава Богу, тогда я не знал, что это было, иначе наверняка сразу бы испустил дух. Спасло меня не что иное, как гром небесный, который вдруг грянул с невообразимой силой. После нескольких минут кошмарного ожидания с невидимых высот на гору обрушился один из тех ударов, что оставляли после себя лишь груды вздыбленной земли и воронки огромных размеров. Титанической силы молния поразила проклятое подземелье, пробив отделявший его от поверхности слой глины, попутно ослепив, оглушив и едва не парализовав меня.

Некоторое время я беспомощно барахтался посреди земляных комьев и потоков грязи. На поверхности бушевал сильнейший дождь. Осмотревшись, я обнаружил, что нахожусь в знакомом мне месте — на крутом, лишенном растительности юго-западном склоне горы. Яркие молнии то и дело освещали вздыбленную землю и остатки низкого пригорка,

протянувшегося вдоль уходящего вверх, поросшего лесом склона. Теперь уже было бы невозможно найти место моего выхода из погибельных катакомб. Мой рассудок пребывал в столь же диком смятении, что и земля у меня под ногами; а потому в тот миг, когда вдали к югу от меня вспыхнуло яркое красное зарево, я еще не постиг окончательно, какого немыслимого кошмара удалось мне избежать в ту ночь.

Когда спустя пару дней поселяне поведали мне, отчего вспыхнуло это зарево, я испытал ужас, несравнимый по силе с тем, что сковал меня под землей, в виду горящих глаз и сверкающих когтей неведомого монстра. В деревушке, что лежала в двадцати милях от Темпест-Маунтин, произошел очередной разгул Страха. Вслед за ударом молнии, выбросившем меня на поверхность земли, с ветки дерева, раскинувшегося над одним из домов, спрыгнуло неведомое существо и, проломив крышу, устроило в нем жуткое пиршество. Чудовище сделало свое дело, но охваченные яростью поселенцы подожгли хижину до того, как ему удалось ускользнуть. Это случилось как раз в тот момент, когда когтистого монстра с горящими глазами похоронила под собой обрушившаяся от удара молнии земля.

4 УЖАС В ГЛАЗАХ

Разумеется, нужно быть безнадежным безумцем, чтобы, зная то, что открылось мне за последние дни, в одиночку продолжать поиски Затаившегося Страха. То, что по крайней мере два воплощения демона оказались уничтоженными, было довольно слабой гарантией моей умственной и физической безопасности в этом Ахероне многоликого демонизма. И все же, чем более чудовищные вещи всплывали на поверхность, тем большим становилось рвение, с каким я продолжал свои поиски.

Когда через два дня после моей вылазки в логово обладателя страшных когтей и глаз я узнал, что в тот же самый момент в двадцати милях от ненавистного подземелья парил злой дух, я испытал буквально конвульсивный ужас. Но этот ужас одновременно пробуждал во мне дикий интерес — в нем была некая чарующая гротескность, что делало мои ощущения почти приятными. Порою в ночных кошмарах, когда неведомые силы проносят нас в своих вихревых объятиях над крышами мертвых городов, увлекая к хохочущему зеву ущелья Нисы, мы находим огромное наслаждение в том, чтобы дико кричать и бросаться — какая бы бездонная пропасть ни открывалась перед нами — в этот безумный вихрь ночных образов. То же самое происходило

сейчас и со мной — сознание того, что в округе обитали два монстра, окончательно свело меня с ума, заставляя очертя голову погружаться в самую глубь земли и рыть ее голыми руками в поисках смерти, взиравшей на меня буквально с каждого дюйма отравленной почвы.

На следующий день я снова пришел на могилу Яна Мартенса и раскопал ее во второй раз. Это не принесло никаких результатов — оползни уничтожили все следы подземного прохода, выкопанный грунт смыло дождем обратно в яму, и я даже не мог определить, насколько глубоко удалось мне раскопать могилу на этот раз. Я проделал утомительный путь к отдаленной деревушке, где погибло в огне отродье Страха, однако не нашел там ничего, что могло бы послужить достойным вознаграждением за мои труды. Мне лишь удалось откопать в золе несколько костей, да и те явно не принадлежали монстру. От местных жителей я узнал, что жертвой погибшего в огне демона пал один-единственный обитатель хижины, но я убедил их в обратном, представив им на рассмотрение обнаруженный на пепелище обгорелый, но, тем не менее, хорошо сохранившийся человеческий череп и несколько костных осколков, которые, без сомнения, были некогда частью другого черепа. Никто не мог даже приблизительно описать монстра, хотя многие видели, как он прыгал с дерева; все называли его просто дьяволом. Тщательно осмотрев огромное дерево, в кроне которого скрывалось чудовище, я не нашел никаких следов его пребывания там. Я также пытался найти следы, которые, по логике вещей, должны были вести в соседний темный лес, но мои поиски продолжались недолго — я не мог вынести вида неестественно огромных стволов деревьев и их жутких корней, торчавших над землей и зловеще змеившихся во всех направлениях.

Следующим шагом был проведенный с микроскопической тщательностью повторный осмотр опустевшей деревни, где смерть собрала свою самую обильную дань и где за минуту до смерти несчастный Артур Монро увидел то, о чем не успел сказать. Хотя мои предыдущие безрезультатные поиски были в высшей степени скрупулезными, сейчас у меня появились новые идеи, которые требовали подтверждения. Побывав в могиле Яна Мартенса, я убедился, что обитавшее под землей существо было по меньшей мере одним из воплощений демона. Тот день, 14 ноября, я потратил на осмотр склонов Коун-Маунтин и Мейпл-Хилл, с которых хорошо просматривалась деревня. Особенно внимательно я изучал рыхлые оползни на Мейпл-Хилл.

Я потратил на поиски добрую половину дня, но это не принесло мне ровным счетом ничего нового. Когда над холмами ста-

ли сгущаться сумерки, я все еще стоял на Мейпл-Хилл и смотрел вниз, устремляя взор то на деревушку, то на Темпест-Маунтин. После заката солнца, который в тот вечер был просто великолепен, взошла луна и залила своим серебристым светом равнину, возвышавшиеся вдали горные вершины и странные приземистые холмики, которыми была усеяна вся окружающая местность. Это был вполне мирный пасторальный пейзаж, однако он не вызывал у меня ничего, кроме ненависти, ибо мне хорошо было известно, что скрывается за его кажущейся безмятежностью. Я ненавидел сиявшую с издевательской щедростью луну и терзавшие мою душу горы, а к зловещим продолговатым холмикам испытывал самое настоящее отвращение. Казалось, все вокруг было поражено неким омерзительным недугом и отовсюду ощущалось смертоносное дыхание потаенных сил зла.

Рассеянно взирая на залитую лунным светом долину, я внезапно подметил весьма странную — с точки зрения топографии — особенность местности. Я имею в виду расположение вышеупомянутых холмиков, а также их природу. Не обладая специальными знаниями в области геологии, я тем не менее сразу же заинтересовался происхождением этих загадочных бугорков, в изобилии разбросанных вокруг. Я успел заметить, что особенно много их было у самой вершины Темпест-Маунтин и несколько меньше — у подножия горы. Я принимал их за результат сопротивления почвы наступавшим на нее миллионы лет тому назад ледникам. Сопротивление это, вполне естественно, оказалось гораздо слабее на вершине горы. Однако теперь, при свете луны, низко повисшей на ночном небосводе и делавшей тени предметов особенно длинными и таинственными, мне вдруг пришло в голову, что между странными холмиками и громадой Темпест-Маунтин существует некая еще не понятая до конца и в то же время строгая система пространственных отношений. Вершина горы была, вне всякого сомнения, центром, от которого неравномерно разбросанными лучами отходили ряды холмиков, как если бы зловещий дом Мартенсов был спрутом, раскинувшим щупальца Страха в ожидании появления очередной жертвы. Этот фантастический образ внушил мне необъяснимый трепет, и я решил проанализировать причины, по которым ранее счел эти холмики результатом деятельности ледника.

Еще раз обдумав все самым тщательным образом, я отбросил ледниковую гипотезу, после чего опять одолели гротескные, ужасные в своей смысловой направленности аналогии, основанные не только на моем вчерашнем посещении подземного логова, но и на доскональном знании рельефа и прочих особенностей местности. Еще не придя к какому-либо определенному заклю-

чению, я, как полоумный, безостановочно бормотал одни и те же обрывки фраз: «Боже мой!.. Кротовины... проклятое место наверняка изрыто норами... сколько же их... в ту ночь в особняке... они схватили сначала Тоби и Беннета... по обе стороны от меня...» Затем в каком-то исступлении я принялся раскапывать ближайший ко мне холмик; руки мои отчаянно дрожали, но вместе с тем меня не покидало состояние непонятного веселого возбуждения. Неожиданно из моей груди вырвался крик изумления — я наткнулся на точно такой же туннель, что и тот, по которому я пробирался в кошмарную предыдущую ночь.

Что было потом? Я помню свой бешеный бег по залитым лунным светом лугам и по жуткому черному лесу, покрывавшему склон горы. Зажав в руке лопату, совершая огромные прыжки и крича во всю глотку что-то нечленораздельное, я бежал к особняку Мартенсов. Я помню, как очутился в подвале, который оказался буквально по крышу заполонен зарослями вереска; помню несколько безуспешных попыток откопать сердцевину губительного подземного мира, из которого исходили зловещие приземистые холмики. Еще помню свой идиотский смех, когда мне наконец удалось наткнуться на подземный проход в основании каминной трубы — там рос могучий бурьян, отбрасывавший причудливые тени в мерцающем свете свечи, случайно оказавшейся у меня под рукой. В тот миг я не знал еще, что именно обитало в этих адских подземных сотах, и дожидался раскатов грома, которые пробудили бы их обитателей. Здесь погибли два моих друга; и, может быть, причиной их смерти были существа, населявшие эти адовы глубины. Ни на секунду не оставляло меня фанатичное желание, которым я был одержим вот уже столько дней — желание узнать тайну Затаившегося Страха, который я некогда классифицировал как материальный и органический.

Мои размышления по поводу того, осматривать ли проход в одиночку прямо сейчас (у меня был при себе карманный фонарь) или попытаться позвать на помощь поселян, были прерваны внезапным порывом ветра, ворвавшегося в подвал снаружи и задувшего мою свечу. Я оказался в полной темноте. Луна больше не светила сквозь щели и отверстия в крыше подвала, и, чувствуя, как меня охватывает безумная тревога, я услыхал в отдалении зловещее ворчание приближавшейся грозы. В моем мозгу пронеслась череда причудливо сплетенных между собою образов и ассоциаций, побудивших меня забиться в самый дальний угол подвала. И все же, несмотря на сковывавшее меня оцепенение, я не спускал глаз с кошмарного отверстия в основании камина. В слабом мерцании молний, пробивавшемся сквозь ще-

ли в стенах, моему взору представали то груды раскрошившихся кирпичей, то заросли отвратительного бурьяна. Каждое новое мгновение наполняло меня страхом и в то же время возбуждало жуткое любопытство. Кого вызывала буря из этого убежища? Да и было ли кого вызывать отсюда? В ярком свете, отбрасываемом молниями, я выбрал себе укрытие позади густой поросли бурьяна и затаился там. Надо признать, это был благоразумный шаг — из своей засады я мог следить за отверстием в трубе, не опасаясь, что сам окажусь замеченным.

Если небеса окажутся милосердными, то когда-нибудь они сотрут из моей памяти увиденное мною и дадут мне прожить остаток дней моих в состоянии относительного душевного покоя. Я до сих пор не могу спать по ночам, а во время грозы вынужден прибегать к помощи опиума. Представшая моему взору картина открылась мне внезапно, без какого-либо предупреждения. Я увидел стремительный демонический поток, что струился подобно полчищам выбегающих из норы крыс; поток, вырвавшийся из каких-то невообразимых глубин и сопровождавшийся тяжелым дьявольским дыханием и сдавленным ворчанием — словно какая-то неведомая бомба разорвалась под землей, изрыгнув из преисподней на поверхность неисчислимое множество смертельно ядовитых осколков. Это была омерзительная пляска дьявольской ночи, нескончаемое движение полуразложившихся органических тел, вид которых был настолько жутким и чудовищным, что перед ними бледнело отвращение, вызываемое искусственными созданиями черной магии. Бурлящий, вздымающийся и пенящийся, подобный переплетению змеиных тел, поток вырывался из отверстого зева у основания камина, подобного ядовитой заразе растекался по подвалу, сквозь щели и дыры выскальзывал из него наружу и там разбивался на множество мелких потоков, которые, растекаясь во все стороны, исчезали во тьме проклятого леса, неся страх, безумие и смерть.

Бог знает, сколько их там было — должно быть, тысячи. Вид этого страшного потока в слабых отблесках молний, время от времени озарявших местность, потряс меня до глубины души. Когда же наконец он стал иссякать и распался на отдельные особи, мне впервые удалось разглядеть их — это были карликовые, уродливые, густо поросшие волосяным покровом обезьяноподобные существа, некие чудовищные, демонические карикатуры на род людской. Все это время они оставались совершенно безмолвными — я не услышал даже слабого писка, когда одна из проносившихся мимо тварей отработанным движением вцепилась в своего более слабого собрата и принялась пожирать его. На помощь каннибалу поспешили другие и с тошнотворным

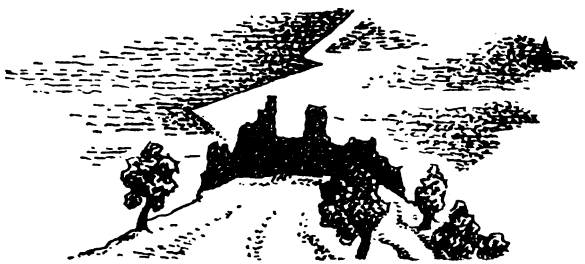
наслаждением доели то, что осталось от жертвы. Усилием воли я стряхнул с себя вызванное страхом и отвращением оцепенение — мое болезненное любопытство все же побороло царивший в душе ужас — и в тот момент, когда последнее из чудовищ покидало свое адское пристанище, я достал пистолет и с наслаждением всадил в него пулю.

Потом были визжащие, скользящие, стремительные тени багрового безумия, обгонявшие друг друга в бешеном полете по бесконечным коридорам сверкающего молниями кроваво-красного неба; бесформенные фантомы и калейдоскопические образы дьявольского пейзажа, навеки запечатлевшегося в моей памяти; чащи чудовищных переросших дубов со змеевидными корнями, высасывающими мертвенные соки из почвы, кишащей миллионами дьяволов-каннибалов; ряды жутких приземистых холмиков-полипов, омерзительными щупальцами заброшенных во внешний мир из центров подземной перверсии; смертоносные молнии, чей блеск озарял увитые плющом стены и затянутые бурно разросшейся плесенью демонические аркады... Мне остается только благодарить Всевышнего за ниспосланное на меня интуитивное озарение, которое научило меня спасти свою жизнь, укрывшись в обитаемых людьми местах, ибо вряд ли мой смятенный рассудок смог бы самостоятельно привести меня в деревню, мирно спавшую под ясным звездным небом.

Мне понадобилась целая неделя, чтобы прийти в себя, после чего я вызвал из Олбани команду взрывников. Они заложили в особняк на Темпест-Маунтин изрядную порцию динамита. Сила взрыва была огромна — особняк и вся верхняя часть Темпест-Маунтин оказались стертыми с лица земли. Кроме того, ребята из Олбани замуровали подземные ходы во всех обнаруженных на поверхности холмиках и уничтожили некоторые неестественно громадные деревья, своим существованием отравлявшие ландшафт. После того, как все эти мероприятия были закончены, ко мне вернулся сон, однако состояние душевного покоя навсегда покинуло меня с тех пор, как я узнал сокровенную тайну Затаившегося Страха. Страх цепко держит меня своими когтями, ибо кто может сказать наверняка, что дьявольское наваждение из Темпест-Маунтин уничтожено до конца и что где-нибудь в огромном мире нет чего-нибудь подобного? Кто осмелится, зная то, что знаю я, вспоминать о неведомых подземных пещерах без панического страха за свое будущее? Я не могу без содрогания видеть колодец или вход в метро... Почему врачи не в состоянии прописать мне лекарство, приносящее успокоение во время грозы?

То, что я увидел в зареве вспышки выстрела, было настолько

очевидным, что в течение целой минуты я сохранял спокойствие. Затем до меня дошла суть увиденного, и на некоторое время я потерял рассудок. Представшее моему взору существо вызывало тошноту — это была омерзительная белесая гориллоподобная тварь с острыми желтыми клыками и свалявшейся шерстью, конечный результат дегенерации человекоподобных млекопитающих, чудовищное порождение жуткой популяции каннибалов, бесчисленные поколения которых обитали в страшной подземной изоляции. Я увидел воплощение хаотического, ощерившегося Страха, который крадется по пятам жизни, одержимый желанием погубить ее. Застреленное мною существо издохло, но я успел перехватить его предсмертный взгляд. Глаза его были того же странного свойства, что отличало горящие зенки существа, встреченного мною под землей, и вызывали они такие же безумные ассоциации. Один из них был голубой, другой карий. Это были разноцветные мартенсовские глаза, глаза из древних легенд и преданий; глаза, открывшие мне в пароксизме наполнявшего подвал безмолвного ужаса, во что превратился этот исчезнувший род, обитавший некогда в страшном, отрезанном от мира доме на вершине Темпест-Маунтин?

ПЕС

Они все не стихают, эти невыносимые звуки, эти кошмарные хлопки невидимых гигантских крыльев и отдаленный, едва слышный лай какого-то огромного пса — они продолжают мучать меня. Это не сон, боюсь, даже не бред — слишком многое произошло, чтобы у меня нашлось место спасительным сомнениям.

Все, что осталось от Сент-Джона — обезображенный труп; лишь я один знаю, что случилось с ним — и знание это таково, что легче бы мне было самому раскроить себе череп, чем с ужасом дожидаться, когда и меня постигнет та же участь. Бесконечными мрачными лабиринтами таинственных видений подбирается ко мне невыразимо страшное Возмездие и приказывает безмолвно: «Убей себя!»

Простят ли небеса те безрассудства и нездоровые пристра-

стия, что привели нас к столь чудовищному концу?! Утомленные обыденностью повседневной жизни, способной обесценить даже самые романтические и изысканные радости, мы с Сент-Джоном, не раздумывая, отдавались любому новому эстетическому или интеллектуальному веянию, если только оно сулило хоть какое-нибудь убежище от всепоглощающего пресыщения. В свое время мы отдали восторженную дань и сокровенным тайнам символизма, и экстатическим озарениям прерафаэлитов, и еще многому другому — но все эти увлечения слишком быстро теряли в наших глазах очарование и привлекательность новизны.

Мрачная философия декадентства была последним средством, которое еще могло подстегивать воображение, но это давалось лишь благодаря непрестанному углублению наших познаний — и в первую очередь в области демонологии. Бодлер и Гюисманс скоро потеряли свою первоначальную привлекательность, и нам приходилось прибегать к более сильным стимулам, какие мог нам доставить только опыт непосредственного общения со сверхъестественным. Эта зловещая потребность во все новых и новых возбудителях и привела нас в конце концов к тому отвратительному увлечению, о котором и теперь, несмотря на весь ужас моего настоящего положения, я не могу вспоминать иначе, как с непередаваемым стыдом и страхом; к пристрастию, которое не назовешь иначе, как самым гнусным проявлением человеческой разнузданности; к мерзкому занятию, имя которому — гробокопательство.

Нет сил описывать подробности наших ужасных раскопок или перечислить, хотя бы отчасти, самые жуткие из находок, украсивших кошмарную коллекцию, которую мы втайне собирали в огромном каменном доме, где жили вдвоем, отказавшись от помощи слуг. Наш домашний музей представлял собою место поистине богомерзкое: с каким-то дьявольским вкусом и неврастенической извращенностью создавали мы там целую вселенную страха и тления, чтобы распалить свои угасавшие чувства. Находился он в потайном подвале глубоко под землей; огромные крылатые демоны из базальта и оникса, оскалившись, изрыгали там неестественный зеленый и оранжевый свет, потоки воздуха из спрятанных в стенах труб заставляли прыгать в диком танце смерти полосы красной погребальной материи, вплетенные в тяжелые черные занавеси. Особое устройство позволяло наполнять разнообразными запахами воздух, поступавший через трубы в стенах: потворствуя самым диким своим желаниям, мы выбирали иногда аромат увядших лилий с надгробий, иногда — дурманящие восточные благовония, словно доносящиеся из не-

всдомых капищ царственных мертвецов, а порой — я содрогаюсь, вспоминая теперь об этом — страшный, тошнотворный смрад открытой могилы.

Вдоль стен ужасной комнаты были расставлены многочисленные ящики; в одних лежали очень древние мумии, в других — совсем недавние образцы чудесного искусства таксидермистов; тут же имелись и надгробия, собранные со старейших кладбищ всего мира. В нишах хранились черепа самых невероятных форм и человеческие головы в различных стадиях разложения: полусгнившие лысины великих государственных мужей и необычайно свежие детские головки, обрамленные нежным золотом мягких кудрей.

Тут было множество картин и скульптур, неизменно на загробные темы, в том числе и наши с Сент-Джоном живописные опыты. В специальной папке из тонко выделанной человеческой кожи, всегда запертой, мы держали несколько рисунков на такие сюжеты, о которых я и сейчас не смею говорить; автор работ неизвестен — предполагают, что они принадлежат кисти самого Гойи, но великий художник никогда не решался признать этого публично. Здесь же хранились наши музыкальные инструменты, как струнные, так и духовые: нам доставляло удовольствие упражняться в диссонансах, поистине дьявольских в своей изысканности и противоестественности. В многочисленные инкрустированные шкатулки мы складывали главную свою добычу — самые невероятные, невообразимые предметы, какие только можно похитить из склепов или могил, вооружившись для этого всем безумием и извращенностью, на которые только способен человеческий разум. Но об этом я менее всего смею распространяться — слава Богу, у меня достало смелости уничтожить наши страшные трофеи задолго до того, как меня впервые посетила мысль покончить с собой!

Тайные вылазки, доставлявшие нам все эти ужасные сокровища, всякий раз становились для нас своего рода эстетическим событием. Ни в коем случае не уподоблялись мы вульгарным кладбищенским ворам, но действовали только там и тогда, где и когда имелось для того сочетание вполне определенных внешних и внутренних условий, включая характер местности, погодные условия, время года, даже определенную фазу луны и, конечно, наше собственное состояние. Для нас занятие это всегда было формою артистического самовыражения, ибо к каждой детали раскопок мы относились с требовательностью истинных художников. Неправильно выбранное время очередной экспедиции, слишком яркий свет, неловкое движение при разрытии влажной почвы — все это могло полностью лишить нас того ост-

рого удовольствия, что мы получали, извлекая из земли какую-нибудь очередную ее зловеще оскаленную тайну. Поиск новых мест для раскопок и все более острых ощущений становился со временем все более лихорадочным и безостановочным — причем инициатива всегда принадлежала Сент-Джону. Именно он в конце концов привел нас на то проклятое место, где нас начал преследовать страшный неотвратимый рок.

Какая злая судьба завела нас на то ужасное голландское кладбище? Думаю, виной всему были смутные слухи и предания о том, кто был захоронен там пять столетий назад — в свое время он тоже грабил могилы и нашел в одной из них — гробнице, известной своими сверхъестественными свойствами, — некий предмет, обладавший якобы необычайными силами. Я отчетливо помню ту ночь на кладбище: бледная осенняя луна над могильными крестами, огромные страшные тени, причудливые силуэты деревьев, мрачно склонившихся над густой высокой травой и потрескавшимися надгробными плитами, тучи необычно крупных летучих мышей на фоне блеклой луны, поросшие плющом стены древней кирки, ее шпиль, безмолвно указующий на темно-серые небеса, какие-то светящиеся жучки, скачущие в извечной пляске смерти посреди зарослей тиса у ограды и запах плесени, гнилости, влажной травы и еще чего-то неопределенного, смешивающийся с ветром, налетавшим с дальних болот и моря; но наиболее тягостное впечатление произвел на нас обоих едва слышный в отдалении, но, должно быть, необычайно громкий лай какого-то, по-видимому, огромного пса — впрочем, его не было видно, более того, нельзя было даже примерно определить, откуда доносился лай. Тем не менее, одного этого звука было вполне достаточно, чтобы задрожать от ужаса, ибо мы хорошо помнили, что рассказывали в окрестных деревнях: обезображенный труп того, кого мы искали, был несколькими веками раньше найден в этом самом месте. Его растерзала огромными клыками неведомая гигантская тварь.

Я помню, как мы раскапывали могилу средневекового кладбищенского вора, как трепетали, глядя друг на друга, на могилу, на бледную всевидящую луну, страшные гигантские тени, громадных нетопырей, древнюю кирку, танцующие загробные огоньки, ощущая тошнотворные запахи, слыша странный, неизвестно откуда доносившийся лай, в самом существовании которого мы не были до конца уверены.

Но вот вместо рыхлой сырой земли лопата ткнулась во что-то твердое, и скоро нашему взору открылся продолговатый полусгнивший ящик, покрытый коркой солевых отложений веками нетронутой земли. Гроб, необыкновенно массивный и крепкий,

был все же достаточно старым, а потому нам без особого труда удалось взломать крышку и насладиться открывшимся зрелищем.

Он сохранился очень хорошо, просто на удивление хорошо, хотя пролежал в земле уже пять столетий. Скелет, в нескольких местах разрушенный клыками безжалостной твари, выглядел поразительно прочно. Мы с восхищением разглядывали чистый белый череп с длинными крепкими зубами и пустыми глазницами, в которых когда-то горел такой же лихорадочный, вожделеющий ко всему загробному взгляд, какой отличал ныне нас. Мы нашли в гробу еще кое-что — это был очень любопытный, необычного вида амулет, который покойный, очевидно, носил на цепочке вокруг шеи. Он представлял собою странную стилизованную фигурку сидящей крылатой собаки, или сфинкса с полусобачьей головой, искусно вырезанную в древней восточной манере из небольшого куска зеленого нефрита. В каждой черточке сфинкса было нечто отталкивающее, напоминавшее о смерти, жестокости и злобе. Внизу имелась какая-то надпись — ни Сент-Джону, ни мне никогда прежде не доводилось видеть таких странных букв; вместо клейма мастера на обратной стороне был выгравирован причудливый жуткий череп.

Едва увидев амулет, мы поняли, что он непременно должен стать нашим: из всех существующих на свете вещей лишь этот необычайный предмет мог быть достойным вознаграждением за наши усилия. Мы бы взяли его даже в том случае, если бы он был нам совершенно незнаком; однако, рассмотрев загадочную вещицу поближе, мы убедились, что это не так. Амулет и в самом деле не походил ни на что известное рядовому читателю учебников по истории искусств, но мы сразу узнали его: в запрещенной книге «Некрономикон», написанной безумным арабом Абдулом Аль-Хазредом, этот амулет упоминается в качестве одного из зловещих символов души в культе некрофагов из недоступной европейцам страны Лянь в Центральной Азии. Мы тщательно изучили описание страшного амулета у этого арабского демонолога; очертания его, писал Аль-Хазред, отражают таинственные, сверхъестественные свойства души тех людей, которые истязают и пожирают мертвецов.

Мы забрали нефритовый амулет и, бросив последний взгляд на выбеленный временем череп с пустыми глазницами, закрыли гроб, ни к чему более не прикасаясь. Сент-Джон положил наш трофей в карман пальто, и мы поспешили прочь от ужасного места; нам показалось, что огромная стая нетопырей стремительно опускается на только что ограбленную могилу. Но может быть, это нам только померещилось — ведь свет осенней луны так слаб и бледен!

Утро следующего дня застало нас на борту судна, направлявшегося из Голландии в Англию; нам по-прежнему казалось, будто издалека доносится лай какого-то огромного пса. Должно быть, у нас просто разыгралось воображение, подстегнутое нагонявшими тоску и грусть завываниями осеннего ветра.

Не прошло и недели со дня нашего возвращения на родину, как начали происходить очень странные события. Мы жили настоящими отшельниками, не имея ни друзей, ни родственников, ни даже слуг, в старинной усадьбе на краю болотистой пустоши, и лишь очень редкий посетитель нарушал наш покой нежданным стуком в дверь.

Теперь, однако, по ночам стал слышен какой-то шум, какой-то стук не только у входных дверей, но и у окон, как верхнего, так и нижнего этажа. Однажды вечером (мы как раз сидели в библиотеке) нам обоим даже показалось, что какая-то огромная тень на мгновение заслонила собою заглядывавшую в окно луну; другой раз нам послышалось нечто вроде глухих хлопков огромных крыльев где-то невдалеке. Наши попытки выяснить, что же все-таки происходит вокруг дома, ничего не дали; мы приписали все это причудам воображения — в ушах у нас до сих пор стоял отдаленный глухой лай, почудившийся нам во время вылазки на старое голландское кладбище. Нефритовый амулет хранился в одной из ниш нашего тайного музея, и порою мы зажигали перед ним свечу, источавшую необычный тонкий аромат. В «Некрономиконе» Аль-Хазреда мы черпали все новые сведения о свойствах магического предмета, о связи духов и призраков с тем, что он символизирует; все прочитанное нами не могло не вселять тревожных опасений.

Но самое ужасное было впереди.

В ночь на 24-е сентября 19... года я сидел у себя в комнате, когда раздался негромкий стук в дверь. Я решил, конечно, что это Сент-Джон, и пригласил его войти — в ответ послышался резкий смех. За дверью никого не оказалось. Я бросился к Сент-Джону и разбудил его: мой друг ничего не мог понять и был встревожен не меньше моего. Той же самой ночью глухой далекий лай над болотами обрел для нас ужасающую в своей неумолимости реальность.

Четырьмя днями позже, находясь в нашей потайной комнате в подвале, мы услыхали, как кто-то тихо заскребся в единственную дверь, что вела на лестницу, по которой мы спускались в подвал из библиотеки. Мы испытывали в тот момент удвоенную тревогу, ведь кроме страха перед неизвестностью нас постоянно мучило опасение, что кто-нибудь может обнаружить нашу отвратительную коллекцию. Потушив все огни, мы осторожно по-

добрались к двери и в следующее мгновение распахнули ее — но за ней никого не оказалось, и только неизвестно откуда взявшаяся тугая волна спертого воздуха ударила нам в лицо да в тишине отчетливо прозвучал непонятный удаляющийся звук, представлявший из себя смесь какого-то шелеста, тоненького смеха и отчетливого бормотания. В тот момент мы не могли сказать, сошли ли мы с ума, бредим ли, или все же остаемся в здравом рассудке. Замерев от страха, мы осознавали только, что быстро удаляющийся от нас невидимый призрак что-то бормотал по-голландски.

После этого происшествия ужас и неведомые колдовские чары опутывали нас все крепче и крепче. Мы, в общем, склонялись к тому простому объяснению, что оба постепенно сходим с ума под влиянием своего чрезмерного увлечения сверхъестественным, но иногда нам приходила в голову мысль, что мы стали жертвами немилосердного злого рока. Необычайные явления стали повторяться настолько часто, что их невозможно было даже перечислить. В нашей одинокой усадьбе словно поселилось некое ужасное существо, о природе которого мы и не догадывались, с каждым днем адский лай, разносившийся по продуваемым всеми ветрами пустошам, становился все громче. 29 октября мы обнаружили на разрыхленной земле под окнами библиотеки несколько совершенно невероятных по размерам и очертаниям следов. Гигантские эти отпечатки поразили нас не менее, чем огромные стаи нетопырей, что собирались вокруг дома в невиданном прежде и все возраставшем количестве.

Кошмарные события достигли своей кульминации вечером 18 ноября; Сент-Джон возвращался домой с местной железнодорожной станции, когда на него напала какая-то неведомая и ужасная хищная тварь. Крики несчастного доносились до самого дома, я поспешил было на помощь, но было уже слишком поздно: на месте ужасной трагедии я успел только услышать хлопки гигантских крыльев и увидеть бесформенную черную тень, мелькнувшую на фоне восходящей луны.

Мой друг умирал. Я пытался расспросить его о происшедшем, но он уже не мог отвечать связно. Я услышал только отрывистый шепот: «Амулет... проклятье... »

После чего Сент-Джон умолк навеки, и все, что от него осталось, было недвижимой массой истерзанной плоти.

Назавтра я похоронил своего друга — ровно в полночь, в глухом заброшенном саду, пробормотав над свежей могилой слова одного из тех сатанинских заклятий, которые он так лю-

бил повторять при жизни. Прочитав последнюю строку, я вновь услышал приглушенный лай огромного пса где-то вдали за болотами. Взошла луна, но я не смел взглянуть на нее. Когда же в слабом ее свете я увидал огромную смутную тень, перелетавшую с холма на холм, то, не помня себя, я закрыл глаза и ничком повалился на землю. Не знаю, сколько времени пролежал я там; поднявшись наконец, я медленно побрел домой, а там, спустившись в подвал, совершил мерзкий обряд поклонения амулету из зеленого нефрита, лежавшему в своей нише, словно на алтаре.

Было страшно оставаться одному в старом пустом доме на заболоченной равнине, и на следующий же день я отправился в Лондон, прихватив с собой нефритовый амулет, а остальные предметы нашей святотатственной коллекции частью сжег, а частью закопал глубоко в землю. Но уже на четвертую ночь в городе я вновь услышал отдаленный лай; не прошло и недели со времени моего приезда, как с наступлением темноты я стал постоянно ощущать на себе чей-то пристальный взгляд. Однажды вечером я вышел подышать свежим воздухом в районе набережной королевы Виктории. Я медленно брел в неопределенном направлении, как вдруг отражение одного из фонарей в воде заслонила чья-то черная тень и на меня неожиданно обрушился порыв резкого ветра. В эту минуту я понял, что участь, постигшая Сент-Джона, ожидает и меня.

На другой день я тщательно упаковал нефритовый амулет и повез его в Голландию. Не знаю, какого снисхождения мог я ожидать в обмен на возврат таинственного талисмана его владельцу, ныне бездвижному и безмолвному. Но я полагал, что ради своего спасения обязан предпринять любой шаг, если в нем есть хоть капля логики. Что такое был этот пес, почему он преследовал меня — оставалось все еще неясным; но впервые я услышал лай именно на старом голландском кладбище, а все дальнейшие события, включая гибель Сент-Джона и его последние слова, указывали на прямую связь между обрушившимся на нас проклятием и похищением амулета. Вот отчего испытал я такое непередаваемое отчаяние, когда после ночлега в одной из роттердамских гостиниц обнаружил, что единственное средство спасения было похищено у меня.

Той ночью лай был особенно громким, а на следующий день из газет я узнал о чудовищном злодеянии. Кровавая трагедия произошла в одном из самых сомнительных городских кварталов. Местный сброд был до смерти напуган: на мрачные трущобы легла тень ужасного преступления, перед которым померкли са-

мые гнусные злодеяния их обитателей. В каком-то мерзком воровском притоне целое семейство преступников было буквально разорвано в клочья каким-то неведомым существом, что не оставило после себя никаких следов. Никто ничего не видел — соседи слышали только негромкий гулкий лай огромного пса, не умолкавший всю ночь.

И вот я снова стоял на мрачном погосте, где в свете бледной зимней луны все предметы отбрасывали жуткие тени, голые деревья скорбно клонились к пожухлой заиндевевшей траве и растрескавшимся могильным плитам, а шпиль поросшей плющом кирки злобно рассекал холодное небо — и безумно завывал ночной ветер, дувший со стылых болот и ледяного моря. Лай был едва слышен той ночью, более того, он смолк окончательно, когда я приблизился к недавно ограбленной могиле, спугнув при этом необычно большую стаю нетопырей, парившую над кладбищем с каким-то зловещим любопытством.

Зачем я пришел туда? Совершить поклонение, принести клятву верности или покаяться безмолвным белым костям? Не могу сказать, но я набросился на мерзлую землю с таким остервенением и отчаянием, будто кроме моего собственного разума мною руководила какая-то внешняя сила. Раскопать могилу оказалось значительно легче, чем я ожидал, хотя меня ждало неожиданное препятствие: одна из многочисленных когтистых тварей, летавших над головой, вдруг набросилась на меня и стала биться о кучу вырытой земли; мне пришлось прикончить нетопыря ударом лопаты. Наконец, я добрался до полуистлевшего продолговатого ящика и снял отсыревшую крышку. Это было последнее осмысленное действие в моей жизни.

В старом гробу, скорчившись, весь облепленный шевелящейся массой огромных спящих летучих мышей, лежал обокраденный нами не так давно скелет, но ничего не осталось от его прежней безмятежности и чистоты: теперь его череп и кости — в тех местах, где их было видно — были покрыты запекшейся кровью и клочьями человеческой кожи с приставшими к ней волосами; горящие глазницы смотрели со значением и злобой, острые окровавленные зубы сжались в жуткой гримасе, словно предвещавшей мне ужасный конец. Когда же из оскаленной пасти прогремел низкий, как бы насмешливый лай, и я увидел в мерзких окровавленных костях чудовища недавно украденный у меня амулет из зеленого нефрита, разум покинул меня; закричав изо всех сил, я бросился прочь, и скоро мои вопли напоминали уже скорее взрывы истерического хохота.

Звездный ветер приносит безумие... Эти когти и клыки веками стачивались о человеческие кости... Кровавая смерть на крыльях нетопырей из черных, как ночь, развалин разрушенных временем храмов Велиара... Сейчас, когда лай мертвого бесплотного чудовища становится все громче, а хлопки мерзких перепончатых крыльев слышны все ближе у меня над головой, только револьвер сможет дать мне забвение — единственное надежное убежище от того, чему нет названия и что называть нельзя.

ХРАМ

(Рукопись, найденная на побережье Юкатана)

20 августа 1917 года я, Карл Генрих, граф фон Альтберг-Эренштайн, капитан-лейтенант военно-морского флота Германской империи, командир субмарины V-29, помещаю эти записи в запечатанную бутыль с тем, чтобы доверить их водам Атлантики в точке, мне доподлинно неизвестной, но расположенной приблизительно на 20-м градусе северной широты и 35-м градусе западной долготы, где лежит на океанском дне мой потерявший управление корабль. Я делаю это с целью довести до общего сведения ряд весьма неординарных фактов, которые едва ли когда-нибудь смогут быть предъявлены мною лично, учитывая безнадежность моего настоящего положения, — здесь я имею в виду не только саму катастрофу V-29, столь же загадочную, сколь и непоправимую, но и — что еще хуже — все более очевидные признаки ослабления моей железной германской воли и силы духа.

18 июня, после полудня, как я тогда же и передал по радио на V-61, находившуюся неподалеку от нас и державшую курс на базу в Киле, мы торпедировали британское грузовое судно «Виктория», шедшее из Нью-Йорка в Ливерпуль. Это произошло на 45 градусах 16 минутах северной широты и 28 градусах 34 минутах западной долготы. Мы позволили экипажу перебраться в спасательные шлюпки и засняли гибель корабля на кинопленку для последующей демонстрации этих кадров в Имперском Адмиралтействе. Судно тонуло, можно сказать, живописно, зарываясь носом в волны и все выше задирая корму, пока, наконец, его корпус не встал совсем вертикально и спустя несколько мгновений окончательно исчез под водой. Наша кинокамера не упустила ни малейшей детали; остается лишь сожалеть, что такой превосходный документальный материал никогда уже не попадет в Берлин. Завершив съемку, мы расстреляли из пулеметов спасательные шлюпки, и я скомандовал погружение.

Когда перед заходом солнца мы снова всплыли на поверхность, первое, что попалось нам на глаза, было тело матроса, мертвой хваткой вцепившегося в ограждение палубы нашей лодки. Несчастный молодой человек (судя по внешности, это был грек или итальянец, темноволосый, с правильными, на редкость красивыми чертами лица) несомненно, принадлежал к экипажу «Виктории». Он, похоже, пытался найти спасение на борту того самого корабля, который волею судьбы стал виновником гибели его собственного судна — еще одна жертва несправедливой и агрессивной войны, развязанной подлыми собаками-англичанами против нашего славного Отечества. Обыскав труп, мои люди обнаружили в кармане его куртки весьма необычный предмет — искусно вырезанную из слоновой кости голову юноши с покрывавшим ее лавровым венком. Лейтенант Кленц, мой помощник и заместитель, изъял эту скульптуру у матросов и, полагая, что имеет дело с произведением огромной исторической и художественной ценности, сохранил ее у себя. Для нас обоих осталось загадкой, каким образом подобная вещь могла попасть в руки к простому матросу.

После обыска мертвец был выброшен за борт; при этом произошли два события, вызвавших сильное волнение среди членов экипажа. Глаза трупа сперва были закрыты, но, когда его с большим трудом оторвали от поручня и потащили к краю палубы, они внезапно широко раскрылись; многие потом всерьез утверждали, будто бы взгляд этот был осмысленным. По их словам, мертвец внимательно и несколько даже насмешливо наблюдал за склонившимися над ним в тот момент Шмидтом и Циммером. Боцман Мюллер, человек хотя и достаточно пожилой, но отнюдь

не умудренный жизнью — а что вы хотите от этой суеверной эльзасской свиньи! — был настолько впечатлен странным поведением трупа, что продолжал следить за ним, когда тот был уже в воде; он клятвенно уверял, что видел своими глазами, как мертвец, погрузившись на небольшую глубину, расправил скрюченные прежде конечности и, приняв классическую позу пловца, начал стремительно удаляться от лодки в южном направлении. Мы с Кленцем положили конец всем этим проявлениям дремучего крестьянского невежества, сделав самый суровый выговор своим людям, Мюллеру в первую очередь.

На следующей день обстановка на корабле была неспокойной вследствие внезапного недомогания, случившегося сразу у нескольких членов экипажа. Причиной тому, вероятно, было нервное переутомление, обычное для долгих морских походов, и плохой сон. Они казались рассеянными и какими-то отупевшими; убедившись, что это не симуляция, я временно освободил всех больных от несения вахты. Море порядком штормило, и мы опустились на глубину, где качка была не столь ощутимой, и где мы могли переждать непогоду без особых проблем, если, конечно, не считать за проблему невесть откуда взявшееся подводное течение, не обозначенное ни на одной из наших океанографических карт. Стенания больных между тем становились откровенно раздражающими; видя, однако, что это не сказывается на боевом духе команды в целом, мы решили до времени воздержаться от радикальных шагов. Наши ближайшие планы предусматривали продолжение крейсерских операций в этих водах; в качестве главной цели был выбран лайнер «Дакия», упоминавшийся в недавних сообщениях германских агентов из Нью-Йорка.

Когда в конце дня лодка поднялась на поверхность, волнение моря уже почти улеглось. На северном горизонте дымили трубы боевого корабля, не представлявшего, впрочем, серьезной угрозы для нашей всегда готовой к погружению субмарины. Гораздо больше нас встревожили бредовые речи боцмана Мюллера, который с наступлением темноты сделался совсем невменяемым. Противно было слушать его детский лепет о мертвецах, плавающих в открытом море и якобы заглядывающих в иллюминаторы подлодки; в этих вздувшихся, тронутых разложением трупах он узнавал людей, чью смерть ему приходилось ранее наблюдать в ходе наших победоносных боевых операций. По его утверждению, предводителем мертвецов был молодой человек, труп которого мы при известных уже обстоятельствах обнаружили на палубе субмарины. Дабы впредь избавить себя от выслушивания подобных гнусностей, мы приказали заковать Мюллера в канда-

ды и хорошенько вразумить его плетьми. Эта воспитательная процедура вряд ли пришлась по душе рядовому составу команды, но — дисциплина прежде всего. Мы с лейтенантом Кленцем отклонили также обращение делегации матросов во главе с Циммером, просивших нас выбросить в море загадочное скульптурное изображение.

20 июня заболевшие накануне матросы Боум и Шмидт перешли из состояния прострации в состояние буйного помешательства. Я всерьез пожалел о том, что подводный флот Германии не комплектуется дополнительно офицерами-психиатрами, — какникак речь идет о немецких жизнях, каждая из которых драгоценна; однако постоянные вопли и причитания этой парочки насчет какого-то нависшего над всеми нами ужасного проклятья начали пагубно отражаться на дисциплине остальных, что вынудило нас прибегнуть к мерам исключительного характера. Экипаж воспринял происшедшее в угрюмом молчании, в то же время на боцмана Мюллера это подействовало умиротворяюще; в дальнейшем он уже не доставлял нам хлопот. Будучи освобожден от оков вечером того же дня, он без лишних слов приступил к исполнению своих обязанностей.

На протяжении всей следующей недели мы были очень взвинчены, каждую минуту ожидая появления «Дакии». Напряженное состояние усугублялось исчезновением Мюллера и Циммера, без сомнения, покончивших с собой на почве преследовавших их навязчивых страхов; этот факт, впрочем, нельзя считать доказанным, поскольку никто не видел, как самоубийцы бросались за борт. Я, в сущности, был рад отделаться от Мюллера, который даже своим молчанием действовал на экипаж угнетающе. Люди теперь стали более замкнуты, чувствовалось, что они втайне чего-то боятся. Многие были нездоровы, но никто больше не устраивал истерик. Общая атмосфера повлияла и на лейтенанта Кленца, которого начали раздражать самые пустяковые вещи — такие, например, как игры дельфинов, целыми стаями собиравшихся вокруг V-29, или все возрастающая интенсивность южного течения, не показанного на наших картах.

В конечном счете стало ясно, что «Дакию» мы упустили. Подобные неудачи не являются чем-то из ряда вон выходящим, и мы испытывали скорее облегчение, нежели досаду, ибо теперь на очереди стояло возвращение в Вильгельмсхафен (28). В полдень 28 июня мы повернули на северо-восток и после нескольких весьма курьезных стычек с необычно большими скоплениями дельфинов дали машинам полный ход.

Взрыв в двигательном отсеке в два часа ночи явился для нас

полной неожиданностью. Безо всякой видимой причины — ибо я при всем желании не могу сослаться на какие-либо неполадки в машинах или на небрежность персонала — корабль вдруг из конца в конец содрогнулся от удара страшной силы. Лейтенант Кленц поспешил в двигательный отсек, где обнаружил пробитый топливный бак и развороченную взрывом главную установку, а также тела погибших механиков Раабе и Шнайдера. Наше положение таким образом резко ухудшилось, лодка была обездвижена и лишена управления; правда, остались неповрежденными химические регенераторы воздуха и устройства, обеспечивающие всплытие и погружение корабля и работу шлюзовых камер, но и здесь все зависело лишь от того, надолго ли хватит запасов сжатого воздуха и энергии аккумуляторных батарей. Попытка воспользоваться спасательными лодками неминуемо привела бы к пленению нас неприятелем, испытывающим необъяснимую злобу и ненависть по отношению к нашей великой германской нации; что же касается радио, то нам со времени потопления «Виктории» ни разу не удавалось выйти на связь с другими субмаринами имперского флота.

С момента аварии и вплоть до 2-го июля мы дрейфовали на юг, не встречая по пути никаких судов. Дельфины по-прежнему окружали V-29 плотным кольцом — обстоятельство, достойное удивления, если учесть расстояние, пройденное нами за это время. Утром 2-го июля вдали показался боевой корабль под американским флагом, что возбудило в команде сильнейшее желание капитулировать. В результате лейтенанту Кленцу пришлось пристрелить одного из матросов, по имени Траубе, который с особой настойчивостью призывал к совершению этого противного немецкой природе поступка. Все прочие крикуны сразу притихли, и мы успели уйти под воду незамеченными.

На следующей день с юга появилась огромная стая морских птиц. Погода стала быстро ухудшаться, все указывало на приближение бури. Задраив люки, мы ожидали дальнейшего развития событий, пока необходимость погружения не стала очевидной — в противном случае наш неуправляемый корабль рисковал быть опрокинутым чрезвычайно высокими и крутыми волнами. До сих пор мы старались экономить электричество и сжатый воздух, давление которого уже ощутимо упало; но сейчас у нас не было выбора. Мы погрузились на сравнительно небольшую глубину и, едва только шторм начал стихать, решили снова всплыть на поверхность. Тут нас ожидало новое потрясение: полностью отказали все устройства, обеспечивающие вертикальный ход субмарины. Очутившись в своеобразном подводном плену, люди очень скоро пришли в состояние, близ-

кое к панике, некоторые вновь начали намекать на хранившуюся у лейтенанта Кленца античную скульптуру как на источник всех наших бед. Однако вид автоматического пистолета их несколько успокоил. Бедные парни — мы все время старались их чем-нибудь занять, заставляя чинить вышедшее из строя оборудование, хотя и сами прекрасно сознавали абсолютную бесполезность этих усилий.

Обычно мы с Кленцом спали по очереди; как раз во время моего сна, около пяти часов утра 4-го июля, и произошел открытый мятеж. Шестеро оставшихся в живых ублюдков, полагая отныне свою гибель неизбежной, внезапно пришли в дикую ярость, причиной которой послужило воспоминание о нашем отказе за два дня до того сдаться в плен военному кораблю янки. С животным ревом метались они по кораблю, круша мебель, приборы и инструменты и поминая на разные лады все ту же злосчастную скульптуру и ее мертвого хозяина, так потрясшего их своим многозначительным взглядом и нехарактерной для трупа подвижностью. Лейтенант Кленц оказался не на высоте положения, пребывая в растерянности и бездействии, чего, впрочем, и следовало ожидать от слабовольного и женоподобного уроженца Рейнской провинции. Я пристрелил всех шестерых, как того требовала обстановка, и после еще раз лично удостоверился в смерти каждого.

Мы удалили трупы через шлюзовые камеры и остались на V-29 вдвоем. Кленц очень нервничал и почти все время был пьян. Мы решили держаться как можно дольше, благо в нашем распоряжении были значительные запасы провианта, а химические установки исправно вырабатывали кислород — к счастью, ни одна из них не пострадала от рук этих грязных скотов. Однако все наши компасы, глубиномеры и прочие хрупкие приборы были разбиты, так что в дальнейшем мы могли определять свое местонахождение лишь приблизительно, пользуясь для этого наручными часами и календарем и вычисляя скорость дрейфа путем наблюдений за различными морскими организмами через бортовые иллюминаторы или из боевой рубки. Заряда аккумуляторных батарей вполне хватало для внутреннего освещения корабля, кроме того, мы периодически включали наружный прожектор, но в какую бы сторону мы его не направляли, везде были видны одни и те же дельфины, плывшие параллельным с нами курсом. Эти дельфины заинтересовали меня с чисто научной точки зрения; как известно, обычный Delphinus delphis является млекопитающим из семейства китовых и, подобно всем другим млекопитающим, не может жить без воздуха, однако я специально два часа подряд следил за одним из этих пловцов, и за все это время он ни разу не поднимался к поверхности океана.

По прошествии нескольких дней мы с Кленцом пришли к выводу, что, продолжая дрейфовать в южном направлении, субмарина понемногу опускается на глубину. Мы отмечали изменения в окружающей нас подводной флоре и фауне и прочли на эту тему немало книг из моей походной библиотеки. Должен признать, что научная компетентность моего товарища по несчастью оставляла желать много лучшего. В его стиле мышления не было ничего прусского, он при всяком удобном случае давал волю своему нездоровому воображению или же пускался в пространные рассуждения, не представлявшие никакого практического интереса. Приближение смерти пугало его чрезвычайно — нередко я заставал его за молитвой, в которой он поминал всех мужчин, женщин и детей, в разное время отправленных нами на дно; забывая при этом, что любые действия, совершенные ради блага Германии, являются справедливыми и достойными всяческого одобрения. Постепенно теряя чувство реальности, он мог часами смотреть на скульптурный образ античного юноши и рассказывать фантастические истории о кораблях и людях, бесследно исчезнувших в море. Иногда, в порядке психологического эксперимента, я сам уводил его на эту зыбкую почву, дабы развлечься его бесконечными поэтическими цитатами и вольными переложениями старых морских легенд. Мне было искренне его жаль, я вообще не умею оставаться равнодушным, когда вижу страдания немца; но что поделаешь — он был не тем человеком, вместе с которым легко встречать смерть. За себя лично я был спокоен и с гордостью думал о том, как родное Отечество будет чтить мою память и как моим сыновьям будут ставить в пример их доблестного отца.

9-го августа мы обнаружили в непосредственной близости от лодки океанское дно и осветили его лучами прожектора. Местность под нами представляла собой холмистую равнину, большей частью покрытую ковром из морских трав и колониями мелких моллюсков. То здесь, то там из темноты выступали очертания одиноко торчавших морских скал, заросших водорослями и густо облепленных ракушками, но, несмотря на это, чем-то неуловимо схожих между собой. По утверждению Кленца, это были останки погибших кораблей. Гораздо больше его озадачила каменная глыба, поднимавшаяся вертикально над морским дном на высоту примерно четырех футов и имевшая два фута в диаметре; ее боковые стены, очень ровные и гладкие, в верхней части резко сходились, образуя треугольную, правильной формы вершину. Я объяснил происхождение этого феномена обнажением кристаллических горных пород, Кленцу же померещились на поверхности глыбы какие-то странные пись-

мена. Спустя некоторое время его начала бить нервная дрожь, и он отвернулся от иллюминатора с выражением сильнейшего испуга на лице. Причину столь постыдного малодушия я нахожу лишь в его общем угнетенном состоянии, вызванном беспредельностью, мрачностью и таинственностью открывшейся перед нами морской бездны. Такое испытание оказалось сверх его сил; я же, как оно и подобает германскому офицеру, сохранил ясность мыслей и полное хладнокровие, успев между делом отметить два интересных обстоятельства: во-первых, V-29 прекрасно выдерживала глубоководное давление, на которое ее конструкция изначально рассчитана не была; во-вторых, нас по-прежнему сопровождали дельфины, тогда как большинство ученых-натуралистов категорически отрицают возможность существования высших форм жизни на этих глубинах. Хотя теперь я был уверен в том, что в своих первых оценках преувеличил быстроту погружения субмарины, но, в любом случае, достигнутая нами глубина была достаточно велика для того, чтобы сделать упомянутые выше факты заслуживающими внимания. Определив скорость нашего дрейфа по ориентирам на океанском дне, я убедился в правильности моих прежних расчетов, произведенных еще в поверхностных слоях воды.

Между тем настал момент, когда несчастный Кленц сошел с ума уже бесповоротно. Это случилось в 3 часа 15 минут пополудни 12 августа. Перед тем он находился в боевой рубке, наружный прожектор был включен — и вдруг я увидел, как он врывается в каюту, где я сидел за книгой, и сразу догадался обо всем по его лицу. Вот что он мне сказал (привожу его речь дословно): «Он зовет нас к себе! Он зовет нас к себе! Я слышу его! Нам надо идти!» Произнося это, он схватил со стола скульптуру, засунул ее в карман и потянул меня за руку к трапу, ведущему на палубу субмарины. Только теперь я понял, что он хочет открыть люк и выбраться вместе со мною наружу. Сама эта идея, грозившая верной гибелью нам обоим, была настолько нелепой и страшной, что я, признаться, сперва даже растерялся. Остановившись, я попробовал его урезонить, но он уже был неуправляем. «Идем же, скорее, — твердил он свое, — ждать больше нечего; лучше раскаяться и получить прощение, чем упорствовать, вынося себе окончательный приговор». Тогда я попытался изменить тактику, перейдя от уговоров к прямым оскорблениям. Я назвал его маньяком, жалким безумным ничтожеством, — все было тщетно. Он кричал мне в ответ: «Если я действительно безумен, то это счастье! Да будут боги милосердны к тем, кто может сохранить рассудок вплоть до грядущего ужасного конца!

Еще не поздно сойти с ума, так поспешим, пока Он зовет, в последний миг даруя нам прощение!»

После этой вспышки красноречия сознание его как будто слегка прояснилось, и он уже гораздо более спокойным голосом попросил меня позволить ему уйти одному, раз уж я не намерен составить ему компанию. На сей раз я не колебался с принятием решения. Да, конечно, это был немец, мой соотечественник, но в то же время он был не пруссак, а всего лишь рейнландец, к тому же плебейского происхождения; и потом — это был потенциально опасный безумец. Уступив его самоубийственной просьбе, я тем самым избавился бы от спутника, чье присутствие на корабле отныне таило в себе угрозу и моей собственной жизни. Я попросил его не уносить с собой скульптуру — ответом на это был жуткий истерический смех, звучание которого я не берусь описать словами. Когда же я осведомился, не желает ли он оставить какую-нибудь памятную вещицу или локон волос, которые я мог бы передать его семье в Германии, если вдруг удастся спастись, то вновь услышал все тот же отвратительный хохот. Дальнейшее промедление не имело смысла, он забрался в шлюзовую камеру, и я, выдержав необходимую паузу, привел в действие механизм, отправивший беднягу к праотцам. Удостоверившись, что тело покинуло пределы подлодки, я включил прожектор, надеясь увидеть его в последний раз — меня интересовало, будет ли труп сплющен в лепешку глубоководным давлением или же останется невредимым, как те удивительные дельфины. Мне, однако, не удалось обнаружить никаких следов моего бывшего соратника, ибо дельфины, сгрудившись плотной массой перед боевой рубкой, начисто перекрыли обзор.

Очень скоро я пожалел, что перед уходом Кленца не вытащил тайком у него из кармана эту скульптуру, поскольку воспоминание о ней не давало мне с той поры покоя. Я постоянно видел перед собой эти юные, прекрасные черты лица в обрамлении сплетающихся листьев, испытывая при этом волнение, необычное для моей отнюдь не артистической натуры. Меня впервые по-настоящему огорчило отсутствие собеседника. Кленц, хотя и далеко не ровня мне по уровню интеллекта, все же был лучше, чем никто. Я плохо спал этой ночью и, ворочаясь на своей койке, продолжал думать о неумолимо приближающейся развязке. Я, разумеется понимал, что мои шансы на спасение ничтожны.

На следующий день я, как обычно, поднялся в рубку для изучения обстановки за бортом субмарины. В северном направлении подводный ландшафт мало чем отличался от того, что мы

наблюдали в течение последних четырех суток. Правда, скорость дрейфа V-29 теперь значительно уменьшилась. Развернув прожектор в противоположную сторону, я заметил, что дно впереди начинает идти под уклон; в поле зрения все чаще стали попадать одинаковые по форме монолиты, расположенные не в хаотическом беспорядке, а словно повинуясь какой-то определенной схеме. Океанское дно уходило вниз гораздо круче, чем погружалась подлодка, и вскоре, дабы хоть что-нибудь разглядеть, мне пришлось направить луч света почти вертикально вниз. В результате слишком резкого изменения угла наклона произошел обрыв электрического привода; ликвидация этой неисправности отняла у меня несколько минут. Наконец, все было восстановлено, и при свете прожектора моему взору открылась лежащая меж двух горных отрогов подводная долина.

Не будучи никоим образом склонен к бурным проявлениям эмоций, я все же в первый момент не смог сдержать удивленного возгласа. Я вынужден сознаться в этом, хотя человеку, воспитанному в лучших традициях великой прусской культуры, не пристало удивляться подобным вещам — достаточно было обратиться к своим познаниям в геологии и истории, чтобы вспомнить о гигантских тектонических смещениях, происходивших в разное время как в океанских, так и континентальных областях земной коры. А увидел я следующее: далеко внизу параллельно друг другу тянулись, исчезая во мраке, ряды полуразрушенных зданий великолепной, хотя и весьма необычной по своему стилю архитектуры, построенных большей частью из мрамора — если судить по тому мягкому и бледному мерцанию, с каким их стены отражали лучи света. Развалины мертвого города занимали собой все пространство узкой вытянутой долины, по сторонам которой на уступах крутых горных склонов располагались многочисленные, особняком стоящие храмы, дворцы и виллы. Крыши домов были обрушены, колонны повалены и расколоты, но следы былой красоты и величия проглядывали повсюду в нагромождениях древних руин.

Встреча с мифической Атлантидой — ибо я до тех пор полагал ее существование мифом — внезапно пробудила во мне азарт исследователя. По дну долины, как я догадался, в древние времена протекала река — мне удалось разглядеть остатки гранитных и мраморных мостов, дамб, террас и набережных, некогда, вероятно, утопавших в роскошной зелени аллей и скверов. Охваченный энтузиазмом, я едва не опустился до идиотской сентиментальности, ранее столь раздражавшей меня самого в рассуждениях бедного Кленца. Только сейчас я впервые заметил отсутствие южного течения — V-29 медленно планировала над

затонувшим городом, подобно тому, как снижается аэроплан перед посадкой в обычных городах там, наверху. Я также с опозданием обнаружил исчезновение сопровождавшей меня стаи дельфинов.

Спустя примерно два часа лодка легла на каменные плиты площади, примыкавшей к скалистому склону горы. По одну сторону от меня раскинулся город, отлого спускавшийся к руслу реки; по другую сторону я в неожиданной близости от себя увидел богатый, отлично сохранившийся фасад громадного здания, очевидно, храма, выдолбленного внутри цельной скалы. Каких трудов могло стоить создание столь титанического сооружения — на сей счет остается лишь строить догадки; тем более что, судя по множеству окон, за монументальным фасадом должны скрываться довольно обширные внутренние помещения. Парадная лестница в средней части фасада поднималась к огромным, распахнутым настежь дверям, отраженным по периметру рельефными фигурами, напоминавшими персонажей вакхического карнавала. Особенно сильное впечатление произвели на меня мощные колонны и фриз, украшенный скульптурами поразительной красоты и изящества: здесь были изображены идиллические картины пасторальной жизни, а также процессии жрецов и жриц со странного вида предметами культа, совершающих обряд поклонения некоему лучезарному божеству. Мастерство художественного исполнения было просто феноменальным; искусство этого народа казалось в чем-то близким по духу к древнегреческому, и в то же время оно резко отличалось от него. Что-то подсказывало мне, что я имею дело с очень отдаленным во времени предшественником эллинской культуры, нежели с непосредственным ее вдохновителем. У меня уже не вызывал сомнений тот факт, что все это грандиозное произведение архитектуры вплоть до мельчайших деталей было высечено из единого скального монолита, который являлся частью нависавшего над долиной горного хребта. Размеры внутренних помещений храма для меня оставались загадкой; возможно, основу их составляла огромная естественная пещера или даже система пещер, проникающих далеко вглубь горы. Ни время, ни вода никак не отразились на первоначальном великолепии древнего храма — а это, конечно, мог быть только храм, — и ныне, тысячи лет спустя, нетронутый и неосквернённый, он покоился в окружении вечного мрака и безмолвия океанской бездны.

Не помню, сколько часов провел я в созерцании затонувшего города с его домами, арками, статуями и мостами, с его колоссальным храмом, прекрасным и пугающе таинственным одно-

временно. Даже в преддверии смерти моя любознательность брала верх над всеми остальными чувствами — прожектор выхватывал из темноты все новые и новые удивительные подробности. Но он был бессилен проникнуть в зияющий провал центрального входа в храм; в конце концов я вспомнил о необходимости экономить энергию и отключил прожектор, свет которого и так уже был заметно слабее, чем несколько недель назад, в первые дни нашего вынужденного дрейфа. Перспектива в скором времени остаться без света лишь обострила во мне жажду немедленной деятельности. Именно я, представитель великой Германии, должен первым пройти по следам этой канувшей в вечность цивилизации!

Я достал и осмотрел глубоководный водолазный костюм, изготовленный из гибко сочлененных металлических пластин, проверил работу портативного фонаря и регенератора воздуха. Определенное затруднение представлял выход из шлюзовой камеры в одиночку, без чьей-либо помощи, но я был уверен, что сумею решить эту проблему, используя свои технические знания и опыт.

16 августа я покинул борт V-29 и, увязая ногами в толстом слое ила, покрывающем улицы разрушенного города, двинулся вниз по направлению к речному руслу. Мне нигде не удалось обнаружить скелетов или иных человеческих останков, но зато я сделал немало иных, бесценных с точки зрения археологии находок, прежде всего скульптур и старинных монет. Сейчас я не имею возможности распространяться на эту тему во всех подробностях, скажу лишь, что испытал благоговейный трепет при знакомстве с культурой, находившейся в полном расцвете величия и славы в те времена, когда по долинам Европы бродили пещерные жители, а могучий Нил нес свои воды мимо диких, первозданных берегов. Быть может, те, кто найдет эту рукопись (если она вообще будет когда-нибудь найдена), сумеют ближе подойти к разгадке тайны, о которой я здесь говорю лишь смутными намеками. Тем временем энергия моих электрических батарей уже подошла к концу, и я был вынужден поторопиться с возвращением, решив посвятить весь следующий день осмотру храма в глубине скалы.

17-го числа, когда я окончательно укрепился в своих намерениях проникнуть внутрь храма, меня внезапно постигло тяжкое разочарование: как оказалось, все элементы, необходимые для подзарядки портативного фонаря, были уничтожены еще во время июльского бунта этих паршивых свиней. Ярость моя была беспредельной, однако германский здравый смысл не позволил мне отправиться без соответствующего снаряжения в непрогляд-

ную тьму пещеры, вполне могущей оказаться логовом какого-нибудь невиданного морского чудовища или запутанным лабиринтом ходов, из которых я никогда не смог бы выйти наружу. Все, что я был в состоянии сделать — это направить на фасад здания изрядно уж потускневший луч прожектора V-29 и при его свете взойти по ступеням наверх, чтобы вблизи рассмотреть украшения храма. Сноп света падал на дверь под восходящим углом, и когда я заглянул внутрь в надежде хоть что-нибудь разглядеть во мраке, то не увидел даже смутных очертаний стены или свода в той стороне, куда устремлялся луч. Сделав шаг или два вперед, предварительно ощупывая палкой пол, я не осмелился идти дальше. Более того — впервые в жизни я ощутил пронзительный, леденящий ужас. Теперь я начал лучше понимать душевное состояние несчастного Кленца; в то время как храм притягивал меня все сильнее, внутри меня возрастал слепой страх перед неизвестностью, ожидавшей меня за этим порогом. Вернувшись на борт субмарины, я выключил свет и принялся размышлять, сидя в полной темноте. Электричество следовало экономить на случай крайней необходимости.

Субботу 18-го числа я так и провел в темноте, мучимый самыми разными мыслями и воспоминаниями; это было очень нелегким испытанием даже для моей истинно германской выдержки. Кленц, на свое счастье, успел сойти с ума и погибнуть, прежде чем мы достигли этих затаившихся в глубине океана зловещих обломков далекого прошлого — и он тогда еще призывал меня последовать его примеру. Неужели и вправду Судьба сохранила мне разум лишь для того, чтобы привести меня, беспомощного и беззащитного, к концу более ужасному, чем в состоянии вообразить человек? Нет, очевидно, все дело было в нервном перенапряжении; впечатлительность — удел ничтожеств, и я обязан усилием воли преодолеть эту временную слабость.

Я так и не смог заснуть в ту ночь и, уже не думая об экономии, снова включил свет. Было страшно досадно, что электричеству суждено кончиться раньше, чем запасам воздуха и продовольствия. Вспомнив еще об одном — наиболее простом из всех возможных — исходе, я хорошенько почистил свой автоматический пистолет. Ближе к утру я, должно быть, уснул при включенном свете, так как, проснувшись вчера после полудня, обнаружил батареи совершенно безжизненными. Я зажег одну за другой несколько спичек и в отчаянии посетовал на ту непредусмотрительность, с какой мы давным-давно израсходовали все имевшиеся у нас свечи.

Когда погасла последняя спичка, которую я решился истра-

тить, я долго сидел в темноте и полном безмолвии. В который раз уже думая о неизбежности смерти, я просматривал в памяти всю череду недавних событий и внезапно наткнулся на как будто дремавшее до поры мимолетное впечатление, которое заставило бы содрогнуться любого более слабого и суеверного человека. Голова лучезарного божества на фасаде храма была тем же самым скульптурным портретом античного юноши, принесенным из моря мертвым матросом и впоследствии возвращенным обратно в море погибшим при этом Кленцем.

Я был слегка озадачен таким совпадением, но ни в коей мере не устрашен. Только недоразвитым умам свойственна поспешность, с какой они объясняют любую необычную и сложную для понимания вещи действием якобы сверхъестественных сил. Совпадение, безусловно, было довольно странным, но я, как человек здравомыслящий, не собирался увязывать факты, не предполагающие между собой никакой логической связи, или искать закономерную последовательность в трагических событиях, произошедших с нами со дня гибели «Виктории» вплоть до настоящего времени. Ощущая потребность в дополнительном отдыхе, я принял успокоительное лекарство и погрузился в сон. Мое нервозное состояние отразилось и на сновидениях, ибо я все время слышал крики тонущих в море людей и видел мертвые лица, прильнувшие к иллюминаторам лодки. Среди этих отвратительных мертвых масок я вдруг увидел живое, насмешливо глядевшее на меня лицо молодого матроса, обладателя той самой проклятой статуэтки.

Описывая сегодняшний день с момента своего пробуждения, я должен быть особенно внимательным, поскольку нервы мои расшатаны и реальные факты в моем сознании начинают пытаться с галлюцинациями. Мой случай должен представлять исключительный интерес для психологов, и я сожалею, что недоступен сейчас для научного наблюдения со стороны компетентных германских специалистов.

Первым, что я почувствовал, едва открыв глаза, было непреодолимое желание сию же минуту встать и идти в храм; желание это росло и усиливалось, и лишь какой-то подсознательный рефлекс самосохранения удержал меня от этого безумного шага. Вскоре после того мне почудился свет, слабо струящийся в окружавшей меня кромешной тьме; я как будто заметил смутные фосфорические блики в воде за иллюминатором, выходящим в сторону храма. Это возбудило мое любопытство, поскольку мне ничего не было известно о глубоководных организмах, способных быть источником столь сильного свечения. Но прежде чем я успел что-либо предпринять, следующее, уже третье подряд не-

объяснимое явление заставило меня вообще усомниться в объективности своих ощущений. На сей раз это была слуховая галлюцинация — ритмический мелодичный звук, похожий на не очень стройное и в то же время чарующе прекрасное хоровое песнопение или религиозный гимн, каким-то образом доносившийся извне сквозь звуконепроницаемый корпус лодки. Угадав в этом первый опасный признак психического расстройства, я зажег еще несколько спичек и принял большую дозу раствора бромистого натрия, которая несколько сняла напряжение — по крайней мере, она помогла рассеять акустическую иллюзию. Но фосфорическое свечение не исчезало, и я с трудом подавил в себе нелепое желание приблизиться к иллюминатору, в надежде разгадать его природу. А свет меж тем казался поразительно реальным; я вскоре начал различать вокруг себя знакомые предметы и среди них пустой стакан из-под бромистого натрия, который уж точно никак не мог быть давним, отложившимся в памяти визуальным впечатлением, поскольку виделся мне сейчас не на своем привычном месте, а там, где я случайно поставил его несколько минут назад. Это последнее обстоятельство меня порядком озадачило, я пересек комнату и дотронулся рукой до стакана. Он действительно находился здесь, я видел и осязал его одновременно. Теперь я знал, что либо свет этот и впрямь был настоящим, либо же он являлся частью столь глубокой и всеобъемлющей галлюцинации, что всякая попытка устранить ее была заранее обречена на провал. Поэтому я, прекратив бесполезную борьбу с самим собой, немедленно отправился наверх в боевую рубку, чтобы взглянуть оттуда на источник таинственного света. Разве не могла им оказаться еще одна германская субмарина, дававшая мне неожиданный шанс на спасение?

Читателю ни в коем случае не стоит принимать все, изложенное мною ниже, за объективную истину. Поскольку эти события не укладываются в рамки естественного порядка вещей, они неизбежно являются продуктом моего расстроенного воображения. Итак, поднявшись в рубку, я обнаружил подводное пространство в целом гораздо менее освещенным, чем ожидал его увидеть. Вокруг не было никаких фосфоресцирующих растений или животных, и спускавшийся к руслу реки город был окутан непроницаемым мраком. Что же касается зрелища, представшего передо мной по другую сторону рубки, то оно не показалось мне ни особо эффектным или абсурдным, ни тем более наводящим страх, однако оно погасило последнюю искру надежды, тлевшую еще в глубине моего сознания. Ибо распахнутая дверь и окна вырубленного в скале подводного храма из-

лучали яркий, слегка колеблющийся свет, напоминавший отблески огромного жертвенного костра, горевшего где-то далеко внутри здания.

Мои последующие впечатления сумбурны и фрагментарны. По мере того, как я все пристальнее вглядывался в эту противоестественную картину, меня начали посещать разные видения — в глубине храма мне представлялись какие-то предметы и фигуры; некоторые из них перемещались, иные были неподвижны. Тогда же я вновь услышал те самые отдаленные звуки хора, которые впервые достигли моего слуха сразу же после пробуждения. Постепенно нараставшие во мне беспокойство и страх сконцентрировались вокруг молодого пришельца из моря и его резной статуэтки, во всех деталях повторявшей изображения на фризе и колоннах храма. Вспомнив бедного Кленца, я подумал о том, где может сейчас покоиться его тело вместе с этой статуэткой, унесенной им обратно в океан. Перед уходом он пытался меня о чем-то предупредить, но я не прислушался к его словам, — ведь это был всего лишь слабохарактерный и мягкотелый рейнландец, помешавшийся от невзгод и опасностей, которые любой уроженец Пруссии способен переносить без малейшего напряжения.

Мне остается добавить совсем немногое. Навязчивая идея — войти внутрь храма — превратилась теперь в категорический, требующий беспрекословного подчинения приказ. Отныне моя германская воля не управляет уже моими поступками, но я пока могу выказывать самостоятельность во второстепенных вопросах. Эта же разновидность умственной болезни ранее погубила Кленца, заставив его устремиться в морскую пучину даже без элементарного защитного снаряжения; однако я, человек прусского склада ума и характера, намерен до конца использовать все те немногие возможности, которыми пока располагаю. Когда я понял, что мне так или иначе придется идти в храм, я первым делом тщательно осмотрел и подготовил к выходу свой водолазный костюм, шлем и регенератор воздуха, после чего взялся за составление этих поспешных записей в надежде, что они когда-нибудь станут достоянием гласности. Покидая — теперь уже навсегда — свою субмарину, я отправлю к поверхности океана запечатанную бутыль с этой рукописью.

Я не испытываю страха, меня также мало тревожат пророчества сумасшедшего Кленца. Все виденное мной не имеет ничего общего с реальной действительностью; в конечном итоге следствием моего безумия явится самая обыкновенная смерть от удушья, когда иссякнет запас кислорода. Горящий внутри храма

свет — это не более чем обман зрения, так что мне предстоит по-немецки спокойно и мужественно встретить смерть в безмолвии и непроглядной тьме океанских вод. Демонический хохот, который я слышу, дописывая эти строки, на деле является лишь порождением моего угасающего рассудка. Теперь мне осталось лишь облачиться в водолазный костюм, открыть люк и бесстрашно войти в эту своеобразную древнюю усыпальницу, молчаливо хранящую тайны неизмеримых глубин и далеких забытых столетий.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

1

Даже самые леденящие душу ужасы редко обходятся без иронии. Порою она входит в них как составная часть, порою, по воле случая, бывает связана с их близостью к тем или иным лицам и местам. Великолепным образцом иронии последнего рода может служить событие, случившееся в старинном городе Провиденсе в конце 40-х гг, когда туда частенько наезжал Эдгар Аллан По в пору своего безуспешного сватовства к даровитой поэтессе Хелен Уитмен. Обычно По останавливался в Мэншн-хаус на Бенефит-стрит, в той самой гостинице, что некогда носила название «Золотой шар» и в разное время привечала таких знаменитостей, как Вашингтон, Джефферсон и Лафайет. Излюбленный маршрут прогулок поэта пролегал по названной улице на север — к дому миссис Уитмен и расположенному на соседнем холме погосту церкви Св.Иоанна с его многочисленны-

ми могилами восемнадцатого столетия, ютившимися под сенью деревьев и имевшими для По особое очарование.

Ирония же состоит в следующем. Во время своей прогулки, повторявшейся изо дня в день, величайший в мире мастер ужаса и гротеска всякий раз проходил мимо одного дома на восточной стороне улицы — обветшалого старомодного строения, громоздившегося на круто уходящем вверх пригорке; с огромным запущенным двором, доставшимся ему от тех времен, когда окружающая местность практически представляла собой пустырь. Не похоже, чтобы По когда-либо писал или говорил об этом доме; нет свидетельств и в пользу того, что он вообще обращал на него внимание. Тем не менее, именно этот дом в глазах двоих людей, обладающих некоторой информацией, по ужасам своим не только равен, но даже превосходит самые изощренные и жуткие из вымыслов гения, столь часто проходившего мимо него в неведении; превосходит — и поныне стоит и взирает на мир тусклым взглядом своих оконниц, как пугающий символ всего, что неописуемо чудовищно и ужасно.

Дом этот был — и, в определенном смысле, остался — объектом такого рода, которые всегда привлекают внимание зевак. Если изначально он представлял собой нечто вроде фермерского домика, то впоследствии приобрел ряд признаков типичной новоанглийской колониальной постройки середины восемнадцатого столетия и превратился в помпезный двухэтажный особняк с остроконечной крышей и глухой мансардой, с георгианским парадным входом и внутренней панельной обшивкой в тогдашнем вкусе. Дом стоял на склоне холма, поднимавшегося к востоку, и был обращен фасадом на юг; нижние окна с правой его стороны находились почти вровень с землей, зато левая сторона дома, граничившая с улицей, была открыта до самого фундамента. На архитектуре дома, строившегося более полутора столетий тому назад, отразились нивелировка и выпрямление дороги, пролегавшей в непосредственной близости от него. Речь идет все о той же Бенефит-стрит, которая прежде называлась Бэк-стрит и представляла собой дорожку, петлявшую между захоронениями первых поселенцев. Выпрямление ее стало возможным лишь тогда, когда тела были перенесены на Северное кладбище, и, таким образом, отпало всякое моральное препятствие к тому, чтобы проложить путь прямо по старым фамильным делянкам.

Первоначально западная стена дома располагалась на крутом склоне холма на расстоянии примерно в двадцать футов от дороги, однако в результате расширения улицы, осуществленного чезадолго до революции, промежуточное расстояние существенно сократилось, а подвальный этаж обнажился настолько,

что пришлось соорудить кирпичную стену с двумя окнами и дверью, оградившую его от нового маршрута для публичного передвижения. Когда сто лет тому назад был проложен тротуар, промежуток между домом и улицей исчез окончательно, и По во время своих прогулок мог видеть лишь стену серого скупого кирпича, начинавшуюся на одном уровне с тротуаром и увенчивавшуюся на высоте десяти футов старомодным, крытым гонтом корпусом самого дома.

Обширный земельный участок простирался от дома вверх по склону холма почти до Уитон-стрит. Площадка между фасадом дома и Бенефит-стрит, как и следовало ожидать, сильно возвышалась над уровнем тротуара, образовав своего рода террасу, огражденную высоким каменным валом, сырым и замшелым; узкий и крутой ряд ступеней, проходя через вал, уводил меж каньонообразных поверхностей вверх — в царство запущенных лужаек, неухоженных садов и осыпающихся кирпичных кладок, где разбитые цементные урны, ржавые котлы, затейливые треножники, некогда служившие им опорой, и тому подобная утварь валялись повсюду, образуя восхитительный фон для видавшей виды парадной двери с зияющим наверху оконным проемом, прогнившими ионическими пилястрами и треугольным фронтоном, изъеденным червями.

Все, что я слышал о страшном доме в детстве, сводилось к тому, что, якобы, в нем умерло необыкновенно большое число людей. Именно это, как уверяли меня, заставило первых владельцев покинуть дом лет через двадцать после того, как он был построен. Просто там была нездоровая атмосфера — быть может, из-за сырости и поганых наростов в подвале, из-за всепроникающего тошнотворного запаха, из-за сквозняков в коридорах или, наконец, из-за недоброкачественной воды в колодцах и на водокачке. Все перечисленные причины выглядели достаточно веско, а дальше такого рода предположений никто из моих знакомых не шел. И только записные книжки моего дядюшки, неутомимого собирателя древностей, доктора Илайхью Уиппла, поведали мне о существовании более мрачных и смутных догадок, лежащих в основе фольклора, бытовавшего среди слуг прежних времен и простого люда; догадок, никогда не выходивших за пределы узкого круга посвященных людей и по большей части забытых в те времена, когда Провиденс вырос в крупный современный город с непрерывно меняющимся населением.

Можно сказать определенно, что в большинстве своем горожане не склонны были считать этот дом «домом с привидениями» или чем-нибудь в этом роде. Доказательством тому служит

отсутствие рассказов о лязге цепей, ледяных сквозняках, блуждающих огнях и лицах, мелькающих в окнах. Сторонники крайних взглядов иной раз называли дом «несчастливым», но даже они не шли дальше такого определения. Что действительно не вызывало сомнений, так это чудовищное количество людей, умирающих в нем, — точнее сказать, умерших, поскольку после некоторых событий, случившихся более шестидесяти лет назад, дом опустел, ибо его стало практически невозможно сдать внаем. Характерно, что смерть в этом доме никогда не бывала скоропостижной и происходила от самых различных причин. Общим было лишь то, что у больного постепенно как бы иссякала жизненная сила, и каждый умирал от той болезни, к которой был склонен от природы, но только гораздо скорее. А у тех, кто оставался в живых, в различной степени проявлялись малокровие или чахотка, а иногда и снижение умственных способностей, что, разумеется, говорило не в пользу целебных качеств помещения. Следует также добавить, что соседние дома, похоже, вовсе не обладали подобными пагубными свойствами.

Вот все, что было мне известно до тех пор, пока мои настойчивые расспросы не вынудили дядюшку показать мне записи, которые, в конечном счете, и подвигли нас на наше жуткое расследование. В пору моего детства страшный дом пустовал; в расположенном на высоком уступе дворике, где никогда не зимовали птицы, росли одни бесплодные, причудливо изогнутые и старые до безобразия деревья, высокая, густая, неестественно блеклая трава и уродливые, как ночной кошмар, сорняки. Детьми мы часто посещали это место, и я до сих пор помню тот мальчишеский азартный страх, который я испытывал не только перед нездоровой причудливостью этих зловещих растений, но и перед самой атмосферой и тяжелым запахом полуразрушенного здания, в которое мы иногда заходили через незапертую парадную дверь, чтобы пощекотать нервы. Маленькие оконца были по большей части лишены стекол, и невыразимый дух запустения витал над еле державшейся панельной обшивкой, ветхими внутренними ставнями, отстающими обоями, отваливающейся штукатуркой, шаткими лестницами и теми частями поломанной мебели, которые еще оставались там. Пыль и паутина вносили свою лепту в ощущение ужаса, и настоящим храбрецом считался тот мальчик, который отваживался добровольно подняться по стремянке на чердак, обширное балочное пространство которого освещалось лишь крошечными мерцающими оконцами на концах фронтона и было заполнено сваленными в кучу обломками сундуков, стульев и прялок, за многие годы опутанными и оку-

танными паутиной настолько, что они приобрели самые чудовищные и дьявольские очертания.

И все же самым страшным местом в доме был не чердак, а сырой и промозглый подвал, внушавший нам, как это ни странно, наибольшее отвращение, несмотря на то, что он находился целиком над землей и примыкал к людной улице, от которой его отделяла лишь тонкая дверь да кирпичная стена с окошком. Мы не знали, стоит ли заходить в него, поддаваясь тяге к чудесному, или же лучше избегать этого, дабы не навредить душе и рассудку. Ибо, с одной стороны, дурной запах, пропитавший весь дом, ощущался здесь в наибольшей степени; с другой стороны, нас пугала та белесоватая грибовидная поросль, что всходила в иные дождливые летние дни на твердом земляном полу. Эти грибы, карикатурно схожие с растениями во дворе, имели прямо-таки жуткие формы, представляя собой отвратительные пародии на поганки и индейские трубки; подобных грибов мне не случалось видеть ни в каких других условиях. Они очень быстро сгнивали и на определенной стадии начинали слегка фосфоресцировать, так что запоздалые прохожие нередко рассказывали о бесовских огоньках, мерцающих за пустыми глазницами окон, распространяющих смрад.

Мы никогда — даже в пору самых буйных своих сумасбродств в канун дня всех святых — никогда не посещали подвал по ночам, зато во время дневных посещений нередко наблюдали упомянутое свечение, особенно если день выдавался пасмурный и сырой. Была еще одна вещь, более, так сказать, неуловимая, которую, как нам казалось, мы тоже часто наблюдали, — весьма необычная вещь, хотя скорее существовавшая в воображении, нежели в действительности. Я имею в виду контур, смутный белесоватый контур на грязном полу — что-то вроде тонкого подвижного налета плесени или селитры, который, как нам порой казалось, мы различали среди скудной грибовидной поросли перед огромным очагом в кухне. Иногда нас поражало жуткое сходство этого пятна с очертаниями скрюченной человеческой фигуры, хотя в большинстве случаев такого сходства не наблюдалось, а зачастую и вовсе не было никакого белесого налета. Однажды дождливым днем видение представилось мне намного отчетливее, чем прежде, и еще мне показалось, что я различил нечто вроде испарения — легкое, желтоватое и мерцающее, оно поднималось над пятном плесени и улетучивалось в зияющую дыру дымохода. В тот же день я рассказал об увиденном дяде, и хотя он только улыбнулся этому причудливому образу фантазии, в улыбке его, казалось, сквозило какое-то воспоминание. Позднее я узнал что представление, сходное с моим, входило в

некоторые смутные старинные поверья, распространенные среди простого люда — поверья, связанные с причудливыми зверовидными формами, которые принимает дым, выходя из крупных дымоходов, и с гротескными контурами, которые порой имеют извилистые корни деревьев, пробившиеся в подвал сквозь щели между камнями фундамента.

2

Пока я не достиг совершеннолетия, дядя не спешил знакомить меня со сведениями и материалами, касавшимися страшного дома, которые ему удалось собрать. Доктор Уиппл был консервативным здравомыслящим врачом старой школы и, несмотря на весь свой интерес к вышеописанному месту, остерегался поощрять юный, неокрепший ум в его естественной склонности к сверхъестественному. Сам он считал, что как дом, так и его местонахождение всего-навсего обладают ярко выраженными антисанитарными свойствами и не имеют никакого отношения к сверхъестественному; в то же время он понимал, что если тот ореол таинственности, что окружает дом, возбуждает интерес даже в таком материалистически настроенном человеке, как он, то в живом воображении мальчика ореол этот непременно обрастет самыми жуткими образными ассоциациями.

Дядюшка жил бобылем. Этот седовласый, чисто выбритый, несколько старомодный джентльмен имел репутацию местного историка и неоднократно скрещивал полемическую шпагу с такими прославленными любителями дискуссий и охранителями традиций, как Сидни С.Райдер и Томас У.Бикнел. Он жил с одним слугой мужского пола в георгианском особняке с дверным кольцом и лестницей с железными перилами, стоявшем, ежеминутно рискуя рухнуть вниз, на краю обрыва по ходу Норт-Корт-стрит рядом со старинным кирпичным зданием, где некогда располагались суд и колониальная администрация. Именно в этом здании 4 мая 1776 года дедушка моего дяди — кстати, двоюродный брат того знаменитого капитана Уиппла, который в 1772 году потопил на своем капере военную шхуну «Гаспи» флота Ее Величества — голосовал за независимость колонии Род-Айленд. Дни напролет просиживал дядя в своей библиотеке — сырой, с низкими потолками, с некогда белой, а теперь потемневшей от времени панельной обшивкой, с затейливыми резными украшениями над камином и крошечными оконцами, почти не пропускавшими света из-за вьющихся снаружи виноградных лоз, — просиживал в окружении старинных фамильных реликвий и бумаг, содержавших немало подозрительных ссылок на

страшный дом по Бенефит-стрит. Да и не так уж далеко от дядюшкиного дома располагался этот очаг заразы — ведь Бенефит-стрит проходит по склону крутого холма, на котором некогда располагались дома первых поселенцев, прямо над зданием суда.

Когда, наконец, мои докучливые просьбы и зрелость лет моих вынудили дядю поведать мне все, что он знал и скрывал о страшном доме — передо мной предстала довольно знаменательная хроника. Сквозь все обилие фактов, дат и скучнейших генеалогических выкладок красной нитью проходило ощущение некоего гнетущего и неотвязного ужаса и сверхъестественной демонической злобы, что произвело на меня впечатление куда более сильное, нежели на моего почтенного дядюшку. События, казалось бы, ничуть между собой не связанные, согласовывались удивительным и жутким образом, а несущественные, на первый взгляд, подробности заключали в себе самые чудовищные возможности. Меня одолел новый жгучий интерес, в сравнении с которым прежнее детское любопытство представлялось безосновательным и ничтожным. Это первое откровение подвигло меня на многотрудные изыскания и, в конечном счете, на леденящий душу эксперимент, оказавшийся губительным для меня и моего родственника. Ибо дядюшка все-таки настоял на том, чтобы принять участие в начатых мною изысканиях, и после одной ночи, проведенной нами в том доме, никогда больше не вернулся на свет Божий. Один Господь ведает, как мне одиноко без этой доброй души, чья долгая жизнь была отмечена честностью, добродетелями, безупречными манерами, великодушием и ненасытной жаждой знаний. В память о нем я воздвиг мраморную урну на кладбище Св. Иоанна — на том самом, которое так любил По: оно расположено на вершине холма под сенью высоких ив; его могилы и надгробия безмятежно теснятся на небольшом пространстве между старинной церковью и домами и стенами Бенефит-стрит.

В мешанине дат, которой открывалась история дома, казалось бы, нет и тени чего-либо зловещего — ни в отношении его постройки, ни в отношении воздвигшего его семейства, состоятельного и почтенного. Тем не менее, уже с самого начала во всем этом было как бы некое предчувствие беды, довольно скоро воплотившееся в реальности. Летопись, добросовестно составленная дядей из разрозненных свидетельств, начиная с постройки дома в 1763 году, отличалась в изложении событий удивительным изобилием подробностей. Первыми жильцами дома были, судя по всему, некто Уильям Гаррис, его супруга Роуби Декстер и дети: Элькана (г.р.1755), Абигайль (г.р.1757), Уиль-

ям-младший (г.р.1759) и Рут (г.р.1761). Гаррис был преуспевающим купцом; он вел морскую торговлю с Вест-Индией через фирму Обедайи Брауна и племянников. Когда в 1761 году Браун-старший приказал долго жить и во главе компании встал его племянник Никлас, Гаррис стал хозяином брига «Пруденс» ("Благоразумие"), построенного в Провиденсе, грузоподъемностью 120 тонн, что дало ему возможность возвести собственный домашний очаг, предмет его чаяний со дня женитьбы.

Место, выбранное им для постройки, — недавно выпрямленный отрезок новой фешенебельной Бэк-стрит, пролегавшей по склону холма прямо над многолюдным Чипсайдом, — не оставляло желать лучшего, а возведенное здание, в свою очередь, делало честь этому месту. Это было лучшее из того, что мог себе позволить человек с умеренными средствами, и Гаррис поспешил въехать в новый дом накануне рождения пятого ребенка. Мальчик появился на свет в декабре, но был мертворожденным. И в течение следующих полутора столетий ни один ребенок не родился в этом доме живым.

В апреле следующего года семью постигло новое горе: дети внезапно заболели, и двое из них — Абигайль и Рут — умерли, не дожив до конца месяца. По мнению доктора Джоуба Айвза, их унесла в могилу какая-то разновидность детской лихорадки; другие врачи единодушно утверждали, что болезнь скорее напоминала туберкулез или скоротечную чахотку. Как бы то ни было, но она, похоже, оказалась заразной — ибо именно от нее в июне того же года скончалась служанка по имени Ханна Бауэн. Другой слуга — Илайа Лайдесон — постоянно жаловался на дурное самочувствие и уже собирался вернуться на ферму к своему отцу в Рехобот,как вдруг воспылал страстью к Мехитабель Пиэрс, принятой на место Ханны. Илайа умер на следующий год — год воистину печальный, поскольку он был ознаменован кончиной самого Уильяма Гарриса, здоровье которого не выдержало климата Мартиники, где ему за последние десять лет приходилось часто и подолгу бывать по служебным делам.

Молодая вдова так и не оправилась от потрясения, вызванного смертью мужа, а кончина ее первенца Эльканы, последовавшая спустя два года, окончательно повредила ее рассудок. В 1768 году она впала в легкое умопомешательство и с тех пор держалась взаперти в верхней половине дома. Забота о доме и семье пала на плечи ее старшей сестры, девицы Мерси Декстер, которая специально для этой цели туда переселилась. Худая и некрасивая Мерси обладала огромной физической силой, однако с тех пор, как она переехала в страшный дом, здоровье ее стало на глазах ухудшаться. Она была исключительно предана своей

несчастной сестре и питала особую привязанность к своему племяннику Уильяму, единственному из детей, кто остался жив. Правда, этот некогда румяный крепыш превратился в хилого и болезненного мальчика. В том же году умерла служанка Мехитабель, и сразу после этого второй слуга, Береженый Смит, уволился, не дав своему поступку сколько-нибудь вразумительных объяснений, если не считать каких-то совершенно диких небылиц и сетований на то, что ему якобы не нравилось, как пахнет в доме. Какое-то время Мерси не удавалось найти новых слуг, поскольку семь смертей и одно умопомешательство за пять лет привели в движение механизм распространения сплетен, которые в скором времени приобрели самый абсурдный характер. В конце концов, однако, ей удалось найти двоих из другой местности: это были Энн Уайт, угрюмая, замкнутая особа из той части Норт-Кингстауна, которая позднее выделилась в самостоятельный город под названием Эксетер, и расторопный бостонец по имени Зенас Лоу.

Первым, кто придал пустопорожней, хотя и зловеще окрашенной болтовне более или менее четкие очертания, стала Энн Уайт. Мерси следовало бы хорошенько подумать, прежде чем нанимать в прислуги уроженку Нуснек-Хилла — эта дремучая дыра была в те времена и остается поныне гнездом самых диких суеверий. Не далее, как в 1892 году, жители Эксетера выкопали мертвое тело и в торжественной обстановке сожгли его сердце, дабы предотвратить пагубные для общественного здоровья и мира влияния, которые якобы не замедлили бы воспоследовать, если бы покойник был оставлен в покое. Можно себе представить настроения тамошней общины в 1768 году! Язык у Энн Уайт был настолько злым и длинным, что через несколько месяцев пришлось ее уволить, а на ее место взять верную и добрую амазонку из Ньюпорта Марию Роббинс.

Между тем несчастная Роуби Гаррис окончательно потеряла рассудок и принялась на весь дом оглашать свои сны и видения, носившие самый чудовищный характер. Временами это становилось просто невыносимым; она могла издавать ужасающие вопли часами. В конце концов, сына ее пришлось временно поселить в доме его двоюродного брата Пелега Гарриса, жившего в Пресвитерианском переулке по соседству с новым зданием колледжа. Благодаря этому мальчик заметно поправился, и если бы Мерси отличалась не только благими намерениями, но и умом, она бы отправила его к брату насовсем. О том, что именно выкрикивала миссис Гаррис во время своих буйных припадков, семейное предание умалчивает; лучшем случае оно сообщает настолько экстравагантные сведения, что своей нелепостью они

сами себя опровергают. Да и то — разве не смехотворно звучит утверждение, что женщина, имевшая самые элементарные познания во французском, могла часами выкрикивать непристойные и идиоматические выражения на этом языке, или что эта же женщина, находясь в полном одиночестве в надежно охраняемой комнате, исступленно жаловалась на то, что, будто бы, какое-то существо с пристальным взглядом бросалось на нее и пыталось укусить? В 1772 году умер слуга Зенас; узнав об этом, миссис Гаррис разразилась отвратительным довольным хохотом, совершенно ей не свойственным. Она скончалась на следующий год и была похоронена на Северном кладбище рядом со своим мужем.

В 1775 году, когда разразилась война с Великобританией, Уильям Гаррис-младший, несмотря на свои шестнадцать лет и слабое телосложение, умудрился вступить в Армию Наблюдения под командованием генерала Грина — и с этого дня наслаждался постоянным улучшением здоровья и престижа. В 1780 году, будучи капитаном вооруженных сил Род-Айленда на территории штата Нью-Джерси (ими командовал полковник Энджелл), он повстречал, полюбил и взял себе в жены Фиби Хетфилд из Элизабеттауна; на будущий год, с почетом уйдя в отставку, он вернулся в Провиденс вместе со своей молодой женой.

Нельзя сказать, что возвращение юного воина было абсолютно ничем не омрачено. Дом, правда, по-прежнему был в хорошем состоянии, а улица, на которой он стоял, переименована из Бэк-стрит в Бенефит-стрит, зато некогда крепкое телосложение Мерси Декстер претерпело весьма печальную и отчасти странную метаморфозу: эта добрая женщина превратилась в сутулую и жалкую старуху с глухим голосом и поразительно бледным лицом. На удивление сходное превращение произошло и с единственной оставшейся в живых служанкой Марией. Осенью 1782 году Фиби Гаррис родила мертвую девочку, а 15 мая следующего года Мерси Декстер завершила свою самоотверженную, скромную и добродетельную жизнь.

Уильям Гаррис, теперь уже полностью удостоверившись в существенно нездоровой атмосфере своего жилища, принял меры к переезду, предполагая в дальнейшем заколотить дом насовсем. Сняв на время комнаты для себя и жены в недавно открывшейся гостинице «Золотой шар», он принялся хлопотать о постройке нового, более приличного дома на Вестминстер-стрит, в строящемся районе города за Большим мостом. Именно там в 1785 году появился на свет его сын Дьюти, и там семья благополучно проживала до тех пор, пока посягательства со сто-

роны коммерции не вынудили ее вернуться на другой берег реки, на Энджел-стрит, пролегавшую по ту сторону холма; в новый жилой район Ист-Сайд, туда, где в 1876 году ныне покойный Арчер Гаррис построил себе пышный, но безвкусный особняк с мансардной крышей. Уильям и Фиби скончались в 1797 году во время эпидемии желтой лихорадки, и Дьюти был взят на воспитание своим кузеном Рэтбоуном Гаррисом, сыном Пелега.

Рэтбоун был человеком практичным и сдавал дом на Бенефит-стрит внаем, несмотря на нежелание Уильяма, чтобы там кто-нибудь жил. Он полагал, что его святой долг перед подопечным заключается в том, чтобы собственность последнего приносила как можно больше доходу; при этом его немало не тревожили ни смерти и заболевания, в результате которых жильцы сменяли друг друга с быстротой молнии, ни все растущая враждебность к дому со стороны горожан. Вероятно, он ощутил лишь легкую досаду, когда в 1804 году муниципалитет распорядился, чтобы территория дома была окурена серой и смолой. Причиной для такого решения со стороны городских властей послужили возбудившие немало досужих толков четыре смерти, вызванные, предположительно, уже сходившей в то время на нет эпидемией лихорадки. Ходил слух, в частности, будто от дома пахнет лихорадкой.

Что касается самого Дьюти, судьба дома мало его беспокоила, поскольку, достигнув совершеннолетия, он стал моряком и в войну 1812 года с отличием служил на капере «Бдительный» под началом капитана Кэхуна. Воротясь целым и невредимым, в 1814 году он женился и вскоре стал отцом. Последнее событие произошло в ту достопамятную ночь на 23 сентября 1815 году, когда случился страшный шторм и воды залива затопили полгорода; при этом целый шлюп доплыл аж до Вестминстер-стрит, и мачты его едва не колотились в окна Гаррисов как бы в символическое подтверждение тому, что новорожденный мальчик по имени Желанный — сын моряка. Желанный не пережил своего отца: он пал смертью храбрых в сражении под Фредериксбургом в 1862 году. Ни он, ни сын его Арчер почти ничего не знали о страшном доме, помимо того, что это какое-то совершенно ненужное бремя, которое почти невозможно сдать внаем — быть может, по причине его дряхлости и затхлости, свойственной всякой старческой неопрятности. В самом деле, дом ни разу не удалось сдать внаем после целого ряда смертей, последняя из которых случилась в 1861 году и которые за всеми треволнениями, вызванными начавшейся войной, были преданы забвению. Кэррингтон Гаррис, последний из рода по мужской линии, отно-

сился к дому как к заброшенному и до некоторой степени живописному объекту преданий — но лишь до той поры, пока я не поведал ему о своем эксперименте. И если прежде он намеревался сравнять особняк с землей и построить на его месте многоквартирный дом, то после беседы со мной решил оставить его на месте, провести в него водопровод и впустить жильцов. Так он и сделал — и не имел никаких затруднений. Кошмар навсегда оставил дом.

3

Нетрудно представить, какое сильное впечатление произвели на меня семейные хроники Гаррисов. На всем протяжении этой довольно длинной повести мне мерещилось неотвязное и неотступное тяготение неведомого зла, превосходящего любое другое из существующих в известной мне природе; было также очевидно, что зло это связано с домом, а не с семьей. Впечатление мое подтверждалось множеством разрозненных фактов, с грехом пополам сведенных моим дядей в подобие системы: я имею в виду предания, бытовавшие среди слуг, газетные вырезки, копии свидетельств о смерти, выданных врачами-коллегами дядюшки, и тому подобные вещи. Вряд ли мне удастся привести здесь этот материал в полном объеме, ибо дядюшка был неутомимым собирателем древностей и испытывал живейший интерес к страшному дому; могу упомянуть лишь несколько наиболее важных моментов, заслуживающих внимания хотя бы потому, что они регулярно воспроизводятся во многих сообщениях из самых различных источников. К примеру, прислуга в своих сплетнях практически единодушно приписывала неоспоримое верховенство в дурном влиянии затхлому и затянутому плесенью погребу дома. Некоторые слуги — в первую очередь, Энн Уайт, — никогда не пользовались кухней в погребе, и, по меньшей мере, три легенды повествовали о причудливых, напоминающих людей или бесов, очертаниях, которые принимали корни деревьев и налеты плесени в погребе. Эти последние сообщения особенно глубоко задели меня в связи с тем, что я видел собственными глазами, когда был ребенком; однако у меня создалось впечатление, что самое главное в каждом из этих случаев было в значительной мере затемнено добавлениями, взятыми из местного ассортимента рассказов о привидениях для публичного пользования.

Энн Уайт, со своими эксетерскими суевериями, распространяла наиболее экстравагантную и, в то же время, наиболее последовательную версию, уверяя, что прямо под домом находится

могила одного из тех вампиров, то есть мертвецов с сохранившимся телом, питающихся кровью или дыханием живых людей, и чьи богомерзкие легионы высылают по ночам в мир свои образы или призраки, дабы те охотились за несчастными жертвами. Для уничтожения вампира необходимо, как советуют всеведущие старушки, его откопать и сжечь у него сердце — или по крайней мере, всадить ему в сердце кол. Именно та настойчивость, с которой Энн требовала проведения раскопок в погребе, и стала решающей причиной для ее увольнения.

Тем не менее, ее небылицы имели широкую и благодарную аудиторию и принимались на веру тем охотнее, что дом действительно стоял на том месте, где раньше находилось кладбище. Для меня же все значение этих историй заключалось не столько в упомянутом обстоятельстве, сколько в том, как замечательно они увязывались с некоторыми другими фактами — в частности, с жалобами вовремя уволившегося слуги Береженого Смита, который жил в страшном доме намного раньше Энн и совершенно не был знаком с ней, на то, что по ночам нечто «отсасывает у него дыхание»; со свидетельствами о смерти четырех жертв лихорадки, выданными доктором Чедом Хопкинсом в 1804 году и сообщающими о том, что у покойников наблюдалась необъяснимая нехватка крови; и, наконец, со смутными обрывками бреда несчастной Роуби Гаррис, сетовавшей на острые зубы полуневидимого «чего-то» с тусклым взглядом.

Как бы ни был я свободен от непростительных предрассудков, сообщения эти вызвали во мне странное ощущение, которое было усугублено парой газетных вырезок, касавшихся смертей в страшном доме и разделенных изрядным промежутком времени: одна — из «Провиденс Газет энд Кантри- Джорнел» от 12 апреля 1815 года, другая — из «Дейли Трэнскрипт энд Кроникл» от 17 октября 1845 году. В обеих заметках излагалось одно и то же ужасное обстоятельство, повторяемость которого, на мой взгляд, знаменательна. В обоих случаях умирающий (в 1815 году — знатная пожилая дама по фамилии Стэнфорд, в 1845 году — школьный учитель среднего возраста Илиазар Дюрфи) претерпевал самое чудовищное видоизменение, а именно: вперив перед собой тусклый взгляд, пытался укусить за горло лечащего врача. Однако еще более загадочным был последний случай, положивший конец сдаче дома внаем: я имею в виду серию смертей от малокровия, каждой из которых предшествовало прогрессирующее умопомешательство, причем пациент коварно покушался на жизнь своих родных, пытаясь прокусить им шею или запястье.

Упомянутый ряд смертей относится к 1860-61 гг., когда мой

дядя только приступал к врачебной практике; перед уходом на фронт он много слышал об этих случаях от своих старших коллег. Что действительно не поддается никакому объяснению, так это тот факт, что жертвы — люди простые и необразованные, ибо никаким другим невозможно было сдать этот обладающий дурными запахом и славой дом — бормотали проклятия по-французски, между тем как ни один из них в принципе никогда не имел возможности хоть сколько-нибудь изучить этот язык. Нечто подобное происходило за сто лет до этих смертей с несчастной Роуби Гаррис, и совпадение это настолько взволновало моего дядюшку, что он начал коллекционировать факты из истории страшного дома, особенно после того, как узнал кое-что из первых рук от докторов Чейза и Уитмарша, вскоре по своем возвращении с войны. Я лично имел возможность убедиться в том, как глубоко размышлял дядюшка над этим предметом и как рад он был моему интересу к нему — интересу непредвзятому и сочувственному, позволявшему ему обсуждать со мной такие материи, над которыми другие просто посмеялись бы. Фантазия его не заходила так далеко, как моя, он чувствовал, что жилище это неординарно по своей способности вызывать творческий импульс и заслуживает внимания хотя бы в качестве источника вдохновения в области гротескного и макабрического.

Я, со своей стороны, склонен был отнестись ко всему этому с исключительной серьезностью и сразу же приступил не только к проверке показаний очевидцев, но и к собиранию новых фактов — насколько это было в моих силах. Я неоднократно беседовал со старым Арчером Гаррисом, тогдашним владельцем дома, вплоть до его смерти в 1916 году и получил от него и от еще живой его сестры, девицы Элис, подтверждение всех семейных дат, собранных моим дядюшкой. Однако, когда я поинтересовался у них, какое отношение мог иметь дом к Франции или французскому языку, они признались, что столь же искренне недоумевают по этому поводу, как и я. Арчер не знал вообще ничего; что же касается мисс Гаррис, то она поведала мне о некоем упоминании, которое слышал ее дед, Дьюти Гаррис, и которое могло пролить некоторый свет на эту загадку. Старый морской волк, на два года переживший своего погибшего в бою сына по имени Желанный, припоминал, что его няня, старая Мария Роббинс, смутно догадывалась о чем-то, что могло придать особый смысл французскому бреду Роуби Гаррис, который ей доводилось слышать в последние дни жизни несчастной. Мария жила в страшном доме с 1769 вплоть до переезда семьи в 1783 году и была свидетельницей смерти Мерси Декстер. Как-то раз она обмолвилась в присутствии маленького Дьюти об одном

несколько странном обстоятельстве, сопровождавшем последние минуты Мерси, но он впоследствии — и очень скоро — совершенно забыл, что это было за обстоятельство, за исключением того, что оно было отчасти странным. Но даже и это внучке его удалось вспомнить с большим трудом. Она и ее брат не так интересовались домом, как сын Арчера Кэррингтон, который является его нынешним владельцем и с которым я беседовал после своего эксперимента.

Выжав из семейства Гаррисов всю информацию, какую оно только могло мне предоставить, я набросился на старинные городские летописи и документы с еще большим рвением, нежели то, какое в этом отношении подчас выказывал дядюшка. Я стремился к тому, чтобы иметь исчерпывающую историю того участка, где стоял дом, начиная с его застройки в 1636 году, а еще лучше — и с более древних времен, если бы только удалось откопать какую-нибудь легенду индейцев Наррагансетта. Прежде всего я установил, что этот участок в свое время представлял собой часть длинной полосы земли, изначально пожалованной некоему Джону Трокмортону; одной из многих подобных полос, бравших начало от Таун-стрит возле реки и простиравшихся через холм, почти совпадая с нынешней Хоуп-стрит. Участок Трокмортона в дальнейшем, конечно, неоднократно подвергался разделам, и я весьма прилежно проследил судьбу той его части, по которой позднее пролегла Бэк-, она же Бенефит-стрит. Действительно, ходил такой слух, что раньше там располагалось семейное кладбище Трокмортонов; однако, изучив документы более тщательно, я обнаружил, что все могилы давным-давно были перенесены на Северное кладбище, то, что находится на Потакет-Уэст-Роуд.

Потом вдруг я наткнулся на одно свидетельство (благодаря редкостной случайности, ибо оно отсутствовало в основном массиве документов и легко могло быть упущено из виду), которое возбудило во мне живейший интерес, поскольку замечательно согласовывалось с некоторыми наиболее туманными аспектами проблемы. Это был договор, составленный в 1697 году и предоставлявший в аренду клочок земли некоему Этьену Руле с женой. Наконец-то появился французский след — а, помимо него, еще один, и намного более значительный, нежели все прежние, налет ужасного, который имя это вызвало из самых отдаленных уголков моего разнородного чтения в области жуткого и сверхъестественного, — и я лихорадочно бросился изучать план участка, сделанный еще до прокладывания и частичного выпрямления Бэк-стрит между 1747 и 1758 гг. Я сразу нашел то, чего наполовину ждал, а именно: на том самом месте, где теперь

стоял страшный дом, Руле с женой в свое время разбили кладбище (прямо за тогдашним одноэтажным домиком с мансардой), и не существовало никакой записи, в которой упоминалось бы о переносе могил. Заканчивался документ совершенной неразберихой, и я вынужден был обыскать библиотеки Шепли и Исторического Общества штата Род-Айленд, прежде чем мне удалось найти местную дверь, которая отпиралась именем Этьена Руле. В конце концов, мне-таки удалось кое-что откопать, и хотя это «кое-что» было весьма смутным, оно имело настолько чудовищный смысл, что я немедленно приступил к обследованию подвала страшного дома с новой и тревожной скрупулезностью.

Руле прибыли в эти края году этак в 1696 из Ист-Гринуича, спустившись вдоль западного побережья залива Наррагансетт. Они были гугенотами из Кода и столкнулись с немалым противодействием со стороны членов городской управы, прежде чем им позволили поселиться в Провиденсе. Неприязнь окружающих преследовала их еще в Ист-Гринуиче, куда они приехали в 1686 году после отмены Нантского эдикта; носились слухи, будто неприязнь эта выходила за рамки обычных национальных и расовых предрассудков и не имела отношения даже к спорам из-за дележа земли, вовлекавшим иных французских переселенцев в такие стычки с англичанами, которые не мог замять сам губернатор Эндрос. Однако их ярый протестантизм — слишком ярый, как утверждали некоторые, — и та наглядная нужда, которую они испытывали после того, как их, в буквальном смысле, вытолкали взашей из поселка, помогли им снискать убежище в Провиденсе. Этьен Руле, склонный не столько к земледелию, сколько к чтению непонятных книжек и черчению непонятных схем, получил место канцеляриста на складе пристани Пардона Тиллингаста в южном конце Таун-стрит. Именно в этом месте спустя много лет — возможно что лет через сорок, то есть, уже после смерти Руле-старшего — произошел какой-то бунт или что-то в этом роде, со времени которого о семействе Руле, похоже, ничего больше не было слышно.

Впрочем, еще столетие с лишком эту семью частенько вспоминали, как яркий эпизод в спокойной, размеренной жизни новоанглийского приморского городка. Сын Этьена Поль, неприятный малый, чье сумасбродное поведение, вероятно, и спровоцировало тот бунт, что сгубил семью, вызывал особый интерес, и хотя Провиденс никогда не разделял ужаса перед черной магией со своими пуританскими соседями, широкое распространение в нем получили россказни о том, что Руле-младший и произносил-то свои молитвы не в урочное время, и направлял-то их не по тому адресу. Именно этот слух, вероятно,

я лег в основу той легенды, о которой знала старуха Роббинс. Какое отношение это имело к французским бредням Роуби Гарриса и других обитателей страшного дома, можно было либо вообразить, либо определить путем дальнейших изысканий. Я задавался вопросом, многие ли из тех, кто знал эту легенду, принимали во внимание ее дополнительную связь с ужасным, которая была мне известна благодаря моей начитанности. Я имею в виду ту полную зловещего значения запись в анналах чудовищного ужаса, которая повествует о некоем Жаке Руле из Кода, приговоренном в 1598 году к костру за бесноватость, а затем помилованном французским парламентом и заключенном в сумасшедший дом. Он обвинялся в том, что был застигнут в лесу, весь в крови и в клочьях мяса, вскоре после того, как два волка задрали мальчугана, причем очевидцы видели, как один из волков убегал вприпрыжку целым и невредимым. Такая вот милая домашняя сказочка, приобретающая, впрочем, зловещий смысл, если принять во внимание имя персонажа и место действия. Я, тем не менее, пришел к выводу, что кумушки из Провиденса в большинстве своем ничего не слыхали о ней. Поскольку если бы слыхали, то совпадение имен наверняка повлекло бы за собой какие-нибудь решительные действия, продиктованные страхом. А в самом деле: что, если какие-то не имевшие широкого хождения слухи о Жаке Руле и привели к финальному бунту, стершему французское семейство с лица городской земли?

Я стал посещать проклятое место все чаще и чаще, изучая нездоровую растительность в саду, осматривая стены здания и внимательно обследуя каждый дюйм земляного пола в погребе. Испросив разрешения у Кэррингтона Гарриса, я подобрал ключ к неиспользуемой двери, ведущей из погреба прямо на Бенефит-стрит; я сделал это потому, что предпочитал иметь более близкий доступ во внешний мир, нежели тот, что могли предоставить неосвещенная лестница, прихожая на первом этаже и парадный вход. Там, где пагубность таилась в наиболее концентрированном виде, я проводил долгие послеполуденные часы, обшаривая каждую пядь, заглядывая в каждый уголок, — и солнечные лучи просачивались внутрь сквозь щели в затканной паутиной наземной двери, благодаря которой лишь несколько шагов отделяло меня от безопасного уличного тротуара. Но — увы! — старания мои не были вознаграждены новыми находками: кругом была все та же угнетающая затхлость, едва уловимые болезнетворные запахи и все те же очертания на полу. Представляю, с каким любопытством разглядывали меня многочисленные прохожие через пустые оконные проемы!

Наконец, по наущению дядюшки, я решил обследовать мес-

то в темное время суток — и однажды в непогожую ночь сноп света из моего электрического фонарика метался по заплесневелому полу с жуткими фигурами на нем и причудливо искривленными слабо фосфоресцирующими грибами. В ту ночь обстановка подействовала на меня настолько удручающе, что я был почти готов к тому, что увидел, если только это мне не показалось, а именно: очертания «скрючившейся фигуры», отчетливо выделявшиеся среди белесоватых наростов. Это была та самая фигура, о существовании которой я слышал еще мальчишкой. Ясность и отчетливость ее были поразительны и бесподобны — и, глядя на нее, я снова разглядел то слабое желтоватое мерцающее испарение, которое ужаснуло меня в дождливый день много лет тому назад.

Над человекоподобным пятном плесени возле очага поднималась она, эта слабая, болезнетворная, чуть светящаяся дымка; клубясь и извиваясь в темноте, она, казалось, непрерывно принимала различные неясные, но пугающие формы, постепенно истончаясь и улетучиваясь в черноту огромного дымохода, оставляя за собой характерный омерзительный смрад. Все это было отвратительно — и лично для меня усугублялось всем, что мне было известно об этом месте. Дав себе слово не покидать своего поста, что бы ни случилось, я внимательно наблюдал за исчезновением испарения — и, наблюдая, не мог отделаться от ощущения, что и оно, в свою очередь, плотоядно следит за мной своими не столько видимыми, сколько воображаемыми зрачками. Когда я рассказал обо всем дяде, он пришел в сильное возбуждение и после часа напряженных раздумий принял определенное и радикальное решение. Взвесив в уме всю важность предмета и всю весомость нашего отношения к нему, он настоял на том, чтобы мы оба подвергли испытанию — а, если возможно, то и уничтожению — ужас этого дома путем совместного неусыпного дежурства по ночам в затхлом клейменом плесенью подвале.

4

В среду 25 июня 1919 года, с разрешения Кэррингтона Гарриса, которому мы, впрочем, не стали говорить о своих истинных намерениях, я и дядя притащили в страшный дом два складных стула, одну раскладушку и кое-какие научные приборы, исключительно громоздкие и хитроумные. Разместив все это в подвале при свете дня, мы занавесили окна бумагой и оставили дом до вечера, когда должно было начаться первое наше дежурство. Перед уходом мы надежно заперли дверь, ведущую из под-

вала в первый этаж, чтобы наши высокочувствительные приборы, добытые под большим секретом и по высокой цене, могли оставаться там в безопасности столько дней, сколько могло нам потребоваться для дежурств. План на вечер был такой: до определенного часа мы оба сидим не смыкая глаз, а затем начинаем дежурить в очередь по два часа каждый, сначала я — потом дядя; при этом один из нас отдыхает на раскладушке.

Природная предприимчивость, с которой дядюшка раздобыл инструменты в лабораториях университета Брауна и арсенала на Крэнстон-стрит, а также инстинктивно выбранное им направление наших поисков, великолепно показывают, какой запас жизненных сил и энергии сохранялся в этом 80-летнем джентльмене. Образ жизни Илайхью Уиппла соответствовал тем принципам гигиены, которые он пропагандировал как врач, и если бы не ужасное происшествие, то и по сей день он пребывал бы в полном здравии. Только двум лицам ведомы истинные причины случившегося — Кэррингтону Гаррису и вашему покорному слуге. Я не мог не рассказать обо всем Гаррису, так как он был владельцем дома и имел право знать о нем все. Кроме того, мы предуведомили его о своем эксперименте, и после того, что случилось с дядей, я решил, что один только Гаррис в силах понять меня и поможет мне дать необходимые публичные разъяснения. Услышав мою историю, Гаррис побелел, как мел; но он согласился помочь, и я решил, что теперь можно без всякой опаски пустить в дом жильцов.

Заявить, что во время бдения в ту непогожую ночь мы чувствовали себя вполне бодро, было бы с моей стороны глупо и нечестно. Я уже говорил, что мы ни в коем случае не были подвержены вздорным суевериям, однако научные штудии и долгие размышления научили нас тому, что известная нам трехмерная вселенная представляет собой лишь ничтожную долю от всего материального и энергетического мира. В данном, конкретном случае несметное количество свидетельств из многочисленных достоверных источников указывали на явное существование неких сил, обладающих огромной мощью и, с точки зрения человека, исключительно недобрых. Сказать, что мы серьезно верили в вампиров или, скажем, в оборотней, означало бы сделать слишком обобщенное и потому неточное заявление. Скорее следует указать на то, что мы отнюдь не были склонны отрицать возможность существования неких неведомых и незафиксированных модификаций жизненной силы и разжиженного вещества, модификаций, редко встречающихся в трехмерном пространстве из-за своего более тесного родства с другими измерениями, но, тем не менее, находящихся в доста-

точной близости к нашему миру, чтобы время от времени проявлять себя перед нами, каковые проявления мы, из-за отсутствия подходящего пункта наблюдения, вряд ли когда-нибудь сможем объяснить.

Короче говоря, мы с дядей полагали, что бесчисленное множество неоспоримых фактов указывает на известное пагубное влияние, гнездящееся в страшном доме, — влияние, восходящее к тому или иному из злополучных французских переселенцев двухвековой давности и по-прежнему проявляющее себя через посредство каких-то непонятных и никому не ведомых законов движения атомов и электронов. О том, что члены семьи Руле находились в некоем противоестественном контакте с внешними кругами бытия — кругами враждебными, внушающими нормальным людям лишь страх и отвращение, — достаточно красноречиво говорили письменные свидетельства. Не вышло ли, в таком случае, так, что волнения черни в те давно канувшие в прошлое тридцатые годы семнадцатого столетия привели в движение некие кинетические структуры в патологически устроенном мозгу одного или нескольких из французов — хотя бы того же порочного Поля Руле, — в результате чего структуры эти, так сказать,пережили своих умерщвленных носителей и продолжали функционировать в каком-то многомерном пространстве вдоль исходных силовых линий, определенных неистовой злобой взбунтовавшихся горожан?

В свете новейших научных гипотез, разработанных на основе теории относительности и внутриатомного взаимодействия, такого рода вещи уже не могут считаться невозможными ни в физическом, ни в биохимическом отношениях. Вполне можно вообразить некий чужеродный сгусток вещества или энергии — пускай бесформенный, пускай какой угодно, — существование которого поддерживается неощутимым или даже нематериальным паразитированием на жизненной силе или телесной ткани и жидкости других, более, что ли, живых организмов, в которые он проникает и с материей которых он временами сливается. Сгусток этот может иметь явно враждебные намерения, а может и просто руководствоваться слепыми мотивами самосохранения. В любом случае такой монстр в наших глазах неизбежно приобретает вид аномалии и незваного гостя, и истребление его должно составлять священный долг каждого, кто не враг природе, здоровью и здравому смыслу.

Что смущало нас более всего, так это наше полное неведение относительно того, в каком виде предстанет нам противник. Ни один из людей, находившихся в здравом уме, никогда не видел его, и лишь очень немногие более или менее ясно его ощущали.

Это могла быть энергия в чистом виде — как бы некий эфирный образ, пребывающий вне царства вещества, а могло быть и что-то материальное, но лишь отчасти; какая-нибудь там неизвестная науке пластичная масса, способная произвольно видоизменяться, образуя расплывчатые подобия твердого, жидкого, газообразного или нераздельно-неслиянного состояний. Человекоподобный налет плесени на полу, форма желтоватого испарения и извивы древесных корней в некоторых древних поверьях — все это говорило о каком-то хоть и отдаленном, но сходстве с человеческой фигурой; однако, насчет того, насколько показательным и постоянным могло оказаться это сходство, ничего хоть сколько-нибудь определенного сказать было нельзя.

На случай предполагаемой встречи с противником мы запаслись двумя видами оружия: крупной специально модифицированной трубкой Крукса, работающей от двух мощных аккумуляторных батарей и оснащенной особыми экранами и отражателями — это на случай, если бы враг вдруг оказался неосязаемым, и его можно было бы отразить лишь посредством эфирных излучений, обладающих огромной разрушительной силой; и парой армейских огнеметов, вроде тех, что использовались в Мировой войне — на случай, если бы враг оказался частично материальным и мог бы быть подвергнут механическому уничтожению, — ибо, подобно суеверным эксетерским крестьянам, мы готовы были испепелить сердце своего врага, если бы таковое у него оказалось. Все эти орудия агрессии мы разместили в подвале таким образом, чтобы до них легко было дотянуться с раскладушки и со стульев и чтобы они, в то же время, были нацелены на то место перед очагом, где находилась плесень, принимавшая различные причудливые формы. Кстати, как днем, когда мы располагали мебель и механизмы, так и вечером, когда мы приступили непосредственно к дежурству, пресловутое пятно было едва заметно, и на секунду я даже усомнился, видел ли я его когда-нибудь вообще в более ярко выраженной форме; впрочем, уже в следующую секунду я вспомнил о бытовавших преданиях.

Мы заступили на дежурство в подвале в десять вечера, в час, когда переводят стрелки, и пока не замечали никаких перемен в интересующем нас отношении. При тусклом мерцании атакуемых ливнем уличных фонарей и еле заметном свечении омерзительной грибной поросли внутри можно было различить источающие сырость каменные стены без малейшего следа известки; влажный, смердящий, подернутый плесенью твердый каменный пол с его непотребными грибами; куски гнилого дерева, некогда бывшие скамейками, стульями, столами и прочей, те-

перь уже трудно сказать какой мебелью; тяжелые, массивные доски и балки пола первого этажа над нашими головами; увечную дощатую дверь, ведущую в каморы и закрома, расположенные под другими частями дома; крошащуюся каменную лестницу со сломанными деревянными перилами; и неровную зияющую дыру очага с какими-то ржавыми железками внутри, видимо, некогда служившими в качестве крюков, подставок, вертелов, сифонов и заслонки для жаровни; и среди всего этого мы также различали свои немудреные стулья и мирную раскладушку, а рядом — громоздкие и мудреные разрушительные механизмы.

Как и в прежние свои визиты, мы не стали запирать дверь на улицу — на тот случай, если бы нам вдруг оказалось не под силу справиться с враждебным явлением: тогда мы имели бы прямой и удобный путь к избавлению. Мы полагали, что наши постоянные ночные бдения рано или поздно спровоцируют таящееся здесь зло на то, чтобы проявить себя, и, заранее запасшись всем необходимым, мы сможем совладать с ним при помощи одного или другого средства сразу же после того, как достаточно хорошо разглядим и поймем, что это такое. О том, сколько времени может уйти на то, чтобы пробудить и истребить эту сущность или существо, мы не имели ни малейшего понятия. Мы, конечно, хорошо понимали, что предприятие наше далеко не безопасно, ибо ничего нельзя было сказать заранее о том, насколько сильным может оказаться враг. И все же мы считали, что игра стоит свеч, и самостоятельно решились на риск без колебаний, понимая, что обратиться за посторонней помощью означало бы поставить себя в нелепое положение и, быть может, погубить все дело. В таком вот настроении мы сидели и беседовали до позднего часа, пока мой дядюшка не стал клевать носом, так что мне пришлось напомнить ему, что настало время для его двухчасового сна.

Чувство, похожее на страх, сопровождало мое одинокое бдение в первые послеполуночные часы — я сказал «одинокое», ибо тот, кто бодрствует в присутствии спящего — воистину одинок; может быть, более одинок, чем ему кажется. Дядюшка тяжело дышал; шум дождя снаружи аккомпанировал его глубоким вдохам и выдохам, а дирижировал ими другой звук — раздражающее капанье воды где-то далеко внутри, ибо в доме этом было отвратительно сыро даже в сухую погоду, а при таком ливне, как сегодня, его должно было просто затопить. При свете грибов и тусклых лучей, украдкой пробивавшихся с улицы сквозь занавешенные окна, я рассматривал старую кирпичную кладку стен. Когда от нездоровой атмосферы вокруг мне стало тошно, я при-

открыл дверь и некоторое время глядел вдоль улицы то в один, то в другой конец, лаская взгляд знакомыми пейзажами и вбирая грудью нормальный здоровый воздух. По-прежнему не происходило ничего такого, что могло бы вознаградить мое неусыпное бдение, и я непрерывно зевал, поддаваясь теперь уже усталости, а не страху.

Внезапно внимание мое было привлечено тем, как дядюшка заворочался во сне. Прежде, где-то под конец первого часа своего сна, он уже несколько раз беспокойно пошевелился на раскладушке; теперь же он не просто ворочался, но и довольно странно дышал — неравномерно и со вздохами, как-то уж очень напоминавшими удушливые стоны. Посветив на него фонариком и обнаружив, что он повернулся ко мне спиной, я перешел на другую сторону раскладушки и снова включил фонарик, чтобы посмотреть, не стало ли ему плохо. И хотя то, что я увидел, было, в общем-то, пустяком, я пришел в немалое замешательство, причиной которому, вероятно, было то, что замеченное мною странное обстоятельство связалось в моем представлении со зловещим характером нашего местонахождения и миссии, поскольку само по себе оно не было ни пугающим, ни, тем более, сверхъестественным. А заключалось это обстоятельство всего-навсего в том, что лицо дядюшки — наверное, под влиянием каких-то абсурдных сновидений, вызванных ситуацией, в которой мы находились, — имело выражение нешуточного волнения, каковое, насколько я мог судить, было отнюдь ему не свойственно. Обычное выражение его лица отличалось самой добротой и тем спокойствием, которое присуще лицам всех благовоспитанных джентльменов; теперь же на нем отражалась борьба самых разнообразных чувств. Я думаю, что, в сущности, именно это разнообразие и встревожило меня больше всего. Дядя, который то хватал воздух ртом, то метался из стороны в сторону, широко открыв глаза, представлялся мне не одним, но многими людьми одновременно; казалось, он был странным образом чужим самому себе.

Потом он принялся бормотать, и меня неприятно поразил вид его рта и зубов. Поначалу я не мог разобрать слов, но потом — с ужасающей внезапностью — мне послышалось в них нечто такое, что сковало меня ледяным страхом, отпустившим меня лишь тогда, когда я вспомнил о широте эрудиции дядюшки и о тех бесконечных часах, которые он просиживал над переводами статей по антропологии и древностям из «Revue des Deux Mondes». Да! — почтенный Илайхью Уиппл бормотал по-французски, и те немногие фразы, что мне удалось различить, похо-

же, относились к жутчайшим из мифов, когда-либо переведенных им из известного парижского журнала.

Неожиданно пот выступил на лбу спящего, и он резко подскочил, наполовину проснувшись. Нечленораздельная французская речь сменилась восклицаниями на английском, и грубый голос взбудораженно выкрикивал: «Задыхаюсь, задыхаюсь!» Потом, когда настало окончательное пробуждение и волнения на дядином лице улеглись, он схватил меня за руку и поведал мне содержание своего сна, об истинном смысле которого я мог только догадываться — с суеверным страхом!

По словам дяди, все началось с цепочки довольно заурядных снов, а завершилось видением настолько странного характера, что его невозможно было отнести ни к чему из когда-либо им прочитанного. Видение это было одновременно и от мира, и не от мира сего: какая-то геометрическая неразбериха, где элементы знакомых вещей выступали в самых необычных и сбивающих с толку сочетаниях; причудливый хаос кадров, наложенных один на другой; некий монтаж, в котором пространственные и временные устои разрушались и снова восстанавливались самым нелогичным образом. Из этого калейдоскопического водоворота фантасмагорических образов иногда выплывали своего рода фотоснимки, если можно воспользоваться этим термином, — фотоснимки исключительно резкие, но, в то же время, необъяснимо разнородные.

Был момент, когда дядюшке представилось, будто он лежит в глубокой яме с неровными краями, окруженной множеством хмурых людей в треуголках со свисающими из-под них беспорядочными прядями волос, и люди эти взирают на него весьма неодобрительно. Потом он снова очутился во внутренних покоях какого-то дома — по всем признакам, очень старого — однако детали интерьера и жильцы непрерывно видоизменялись, и он никак не мог уловить точного очертания лиц, мебели и даже самого помещения, ибо двери и окна, похоже, пребывали в состоянии столь же непрерывного изменения, как и предметы, более подвижные по натуре. Но уж совсем нелепо, нелепо до ужаса (недаром дядя рассказывал об этом едва ли не с робостью, как будто он допускал мысль, что ему не поверят) прозвучало его заявление, что, якобы, многие из лиц несли на себе черты явного фамильного сходства с Гаррисами. Самое интересное, что дядюшкин сон сопровождался ощущением удушья, как будто некое всеобъемлющее присутствие распространило себя на все его тело и пыталось овладеть его жизненными процессами. Я содрогнулся при мысли о той борьбе, какую этот организм, изрядно изношенный за восемь десятков с лишним лет непрерывного

функционирования, должен был вести с неведомыми силами, представляющими серьезную опасность и для более молодого и крепкого тела. Однако уже в следующую минуту я подумал о том, что это всего лишь сон и ничего больше, и что все эти неприятные видения были обусловлены не чем иным, как влиянием на моего дядю тех исследований и предположений, которыми в последнее время были заняты наши с ним умы в ущерб всему остальному.

Беседа с дядюшкой развлекла меня и развеяла ощущения странности происходящего; не в силах сопротивляться зевоте, я воспользовался своим правом отойти ко сну. Дядя выглядел очень бодрым и охотно приступил к дежурству, несмотря на то, что кошмар разбудил его задолго до того, как истекли его законные два часа. Я мгновенно забылся, и вскоре меня атаковали видения самого обескураживающего свойства. Прежде всего меня охватило чувство беспредельного, вселенского одиночества; враждебные силы вздымались со всех сторон и бились в стены моей темницы. Я лежал связанный по рукам и ногам, во рту у меня был кляп. Глумливые вопли миллионов глоток, жаждущих моей крови, доносились до меня из отдаления, перекликаясь эхом. Лицо дяди предстало предо мной, пробуждая еще менее приятные ассоциации, нежели в часы бодрствования, и я помню, как несколько раз силился закричать, но не смог. Одним словом, приятного отдыха у меня не вышло, и в первую секунду я даже не пожалел о том пронзительном, эхом отдавшемся крике, который проложил себе путь сквозь барьеры сновидений и одним махом вернул меня в трезвое и ясное состояние бодрствования, в котором каждый из реально существовавших предметов перед моими глазами выступил с более, чем естественными, отчетливостью и натуральностью.

5

Укладываясь спать, я повернулся к дяде спиной, и теперь, в это мгновение внезапного пробуждения, увидел только уличную дверь, окно ближе к северу и стены, пол и потолок в северной части комнаты; все это запечатлелось в моем сознании с неестественной яркостью, словно сработала фотовспышка, по той причине, что я увидел все это при свете несравнимо более ярком, нежели свечение грибов или мерцание уличных фонарей. Свет этот не только не был сильным, но даже более или менее сносным; при нем невозможно было бы, скажем, читать обычную книгу, и все же его хватило на то, что я и раскладушка отбрасывали тени. Кроме того, он обладал неким желтоватым проника-

ющим качеством, каковое заставляло подумать о вещах куда более могущественных, нежели простая яркость света. Я осознал это с какой-то нездоровой ясностью, несмотря на то, что еще два моих чувства подвергались самой яростной атаке. Ибо в ушах моих продолжали звенеть отзвуки ужасающего вопля, а ноздрях мой страдал от зловония, заполнявшего собой все вокруг. Мой ум, не менее настороженный и бдительный, нежели чувства, сразу осознал, что происходит нечто исключительно необычайное; почти автоматически я вскочил и повернулся, чтобы схватить орудия истребления, которые мы оставили нацеленными на гнездо плесени перед очагом. Поворачиваясь, я заранее боялся того, что мне, возможно, пришлось бы там увидеть — ибо разбудивший меня крик явно исходил из уст моего дядюшки, а, кроме того, я до сих пор не знал, от какой опасности мне придется его и себя защищать.

Однако то, что я увидел, превзошло худшие из моих опасений. Существуют ужасы ужасов, и это было одно из тех средоточий вселенского кошмара, которые природа приберегает лишь для немногих проклятых и несчастных. Из одолеваемой грибами земли извергалась парообразное трупное свечение, желтое и болезненное; оно кипело и пузырилось, струилось и плескалось, образуя гигантскую фигуру с расплывчатыми очертаниями получеловека-полумонстра; сквозь него я различал дымоход и очаг. Оно все состояло из глаз — хищных и дразнящих, — а морщинистая, как у насекомого, голова истончалась в струйку, которая зловонно вилась и клубилась и, наконец, исчезала в недрах дымохода. И хотя я видел все это своими глазами, лишь намного позже, напряженно припоминая, я сумел более или менее четко восстановить дьявольские контуры фигуры. Тогда же она была для меня не более, чем бурлящим, слабо фосфоресцирующим облаком, отвратительным до безобразия облаком, которое обволакивало и размягчало до состояния омерзительной пластичности некий объект, к коему было устремлено все мое внимание. Ибо объект этот был не чем иным, как моим дядей, почтенным Илайхью Уиппом; с чертами лица чернеющими и постепенно сходящими на нет, он скалился, невнятно и злобно бормоча, и протягивал ко мне свои когтистые сочащиеся лапы, желая разорвать меня на части в той дикой злобе, которую принес с собой сюда этот ужас..

Только дисциплина спасла меня от безумия. Готовясь загодя к критическому моменту, я психологически муштровал себя, и меня выручила одна слепая выучка. Понимая, что бурлящее предо мною зло — это явно не та субстанция, на которую можно воздействовать огнем или химическими веществами, я оставил

без внимания огнемет, маячивший по правую руку от меня, и, включив аппарат с трубкой Крукса, навел на развернувшуюся передо мной сцену не знающего времени святотатства сильнейшее из эфирных излучений, когда-либо исторгнутых искусством человеческим из недр и токов естества. Образовалась синеватая дымка, раздались оглушительные шипение и треск, и желтоватое свечение как будто стало тускнеть, но уже в следующее мгновение я убедился в том, что потускнение это кажущееся и что волны из моего аппарата не произвели абсолютно никакого эффекта.

Потом, в самый разгар этого демонического зрелища, глазам моим предстала новая порция ужаса, исторгшая вопли из моей глотки и заставившая меня броситься, тыкаясь и спотыкаясь, по направлению к незапертой двери на тихую и безопасную улицу; броситься, не думая о том, какие, быть может, кошмарные вещи я выпускаю в мир и уж тем более о том, какие суждения и вердикты соотечественников я навлекаю на свою бедную голову. Случилось же следующее: в той тусклой смеси желтого и голубого внешний вид моего дяди претерпел как бы некое тошнотворное разжижение, сущность которого исключает возможность какого бы то ни было описания; достаточно сказать, что по ходу этого процесса на испаряющемся лице дядюшки происходила такая сумасшедшая смена идентичностей, какая могла бы прийти в голову лишь безумцу. Он был одновременно и чертом и толпой, и склепом и карнавальным шествием. В неровном и неоднородном свете желеобразное лицо его приобретало десятки, сотни, тысячи образов; дьявольски скалясь, оно оплывало,как тающий воск, и принимало на себя многочисленные карикатурные личины — личины причудливые и в то же время знакомые.

Я видел фамильные черты Гаррисов — мужские и женские, взрослые и детские, — и черты многих других людей — старческие и юношеские, грубые и утонченные, знакомые и незнакомые. На мгновение мелькнула скверная подделка под миниатюру с изображением несчастной Роуби Гаррис, которую мне доводилось лицезреть в школе при Музее Графики, а в другой раз мне показалось, что я различил худощавый облик Мерси Декстер, такой, каким я его помнил по портрету в доме Кэррингтона Гарриса. Все это выглядело чудовищно сверх всякой меры, и вплоть до самого конца — когда уже совсем вблизи от поганого пола с образующейся на нем лужицей зеленоватой слизи замелькала курьезная мешанина из лиц прислуги и младенцев — до самого конца мне казалось, что видоизменяющиеся черты боролись между собой и пытались сложиться в облик, напоминающий добродушную физиономию моего дяди. Я тешу себя

мыслью, что он тогда еще существовал и пытался попрощаться со мной. Мне помниться также, что и я, собираясь покинуть дом, прошептал, запинаясь, запекшимися губами слова прощания; тонкая струйка пара проследовала за мной в открытую дверь на орошаемую ливнем прохожую часть.

Остальное помню смутно и, вспоминая, трепещу. Не только на умытой дождем улице, но и в целом свете не было ни единой души, которой бы я осмелился поведать о случившемся. Без всякой цели я брел на юг и, миновав Университетскую горку и библиотеку, спустился по Хопкинс-стрит, перешел через мост и очутился в деловой части города с ее высотными зданиями, среди которых я почувствовал себя в безопасности; казалось, они защищают меня, подобно тому как и вообще все продукты современной цивилизации защищают мир от вредности старины с ее чудесами и тайнами. Сырая блеклая заря занялась на востоке, обнажив допотопный холм с его старинными крышами — куда меня звал мой долг, оставшийся невыполненным. И я направился туда — до нитки вымокший, без шляпы, оторопев от утреннего света — и вошел в ту страшную дверь на Бенефит-стрит, которую я оставил распахнутой настежь; так она и висела там, задавая загадку рано встающим жильцам, с которыми я не посмел заговорить.

Слизи не было — она вся ушла в поры земляного пола. Не осталось и следа от той гигантской скрюченной фигуры из селитры перед очагом. Беглым взглядом я окинул раскладушку, стулья, механизмы, свой забытый головной убор и светлую соломенную шляпу дядюшки. Оторопь владела всем моим существом, и я с трудом пытался вспомнить, что было во сне и что на самом деле. Мало-помалу ко мне возвращалось сознание, и вскоре я уже твердо знал, что наяву я был свидетелем вещей куда более ужасных, нежели во сне. Усевшись, я попытался осознать происшедшее в пределах здравого смысла и найти способ уничтожить этот ужас, если, конечно, он был реальным.Это явно не было ни материей, ни эфиром и ни чем-либо другим из того, что доступно мысли смертного. Чем же еще могло оно быть, если не какой-то диковинной эманацией, какими-то вампирическими парами — вроде тех, о которых эксетерские селяне рассказывают, будто они порою таятся в кладбищенских недрах? Кажется, я нашел ключ к разгадке — и снова принялся разглядывать тот участок пола перед очагом, где плесень и селитра принимали такие необычные формы. Через десять минут в голове моей созрело решение, и, прихватив с собой шляпу, я ринулся домой. Там я принял ванну, плотно закусил и заказал по телефону кирку, мотыгу, лопату, армейский респиратор и шесть бу-

тылей серной кислоты; все это должно было быть доставлено завтра утром к двери в подвал страшного дома по Бенефит-стрит. Потом я попытался заснуть, но безуспешно, и провел оставшиеся часы за чтением и сочинением глупых стишков, что помогало мне развеять мрачные мысли.

На следующее утро в одиннадцать часов я приступил к рытью. Погода стояла солнечная, чему я был несказанно рад. Я был по-прежнему один, ибо как бы я ни страшился того, что искал, рассказать э случившемся кому-нибудь постороннему казалось мне еще страшнее. Позднее, правда, я поведал обо всем Гаррису, но я это сделал только по необходимости, и, кроме того, он сам был немало наслышан о странностях страшного дома от пожилых людей и потому был скорее склонен верить, чем отрицать. Ворочая комья черной вонючей земли, рассекая лопатой на части белесую грибковую поросль, из которой тут же начинал сочиться желтоватый вязкий гной, я трепетал от нетерпения и страха: кто знает, что я найду там, в глубине? Недра земные хранят тайны, которых человечеству лучше не знать, и меня, похоже, ждала одна из них.

Мои руки заметно тряслись, но я упорно продолжал копать и вскоре стоял в уже довольно широкой яме, вырытой собственными руками. По мере углубления отверстия, ширина которого составляла примерно шесть футов, тяжелый запах нарастал, и я более не сомневался в том, что мне не избежать контакта с исчадием ада, выделения которого были бичом этого дома в течение полутора столетий с лишком. Мне не терпелось узнать, как оно выглядит — каковы его форма и состав, и до какой толщины отъелось оно на дармовой жизненной силе за многие века. Чувствуя, что дело близится к развязке, я выбрался из ямы, разбросал и разровнял накопившуюся кучу земли и разместил по краям ямы с двух сторон от себя огромные бутыли с кислотой так, чтобы в случае необходимости можно было опорожнить их быстро одну за другой в образовавшуюся скважину. Потом я снова взялся за работу и на этот раз сваливал землю не куда попало, а только по обе другие стороны ямы; работа пошла медленнее, а вонь усилилась настолько, что мне пришлось надеть респиратор. Сознавая свою близость к неведомому, таившемуся у меня под ногами, я едва сохранял присутствие духа.

Внезапно лопата моя вошла во что-то не столь твердое, как земля. Я вздрогнул и сделал было первое движение к тому, чтобы выкарабкаться из ямы, края которой уже доходили мне до самого горла. Однако я взял себя в руки и, стиснув зубы, соскреб немного земли при свете своего карманного фонаря. Показалась какая-то поверхность, тусклая и гладкая, что-то вроде полупро-

тухшего свернувшегося студня с претензией на прозрачность. Я поскреб еще немного и увидел, что он имеет форму. В одном месте был просвет — там часть обнаруженной мной субстанции загибалась. Обнажилась довольно обширная область почти цилиндрической формы; все это напоминало громадную гибкую бело-голубую дымовую трубу, свернутую вдвое, при этом в самом широком месте диаметр ее достигал двух футов. Еще несколько скребков — и я пулей вылетел из ямы, чтобы быть как можно дальше от этой мерзости; не останавливаясь, в каком-то исступлении, одну за другой я накренял громадные бутыли и низвергал их едкое содержимое в эту зияющую бездну, на ту невообразимую аномалию, чей колоссальный локоть мне только что довелось лицезреть.

Ослепительный вихрь зеленовато-желтого пара, каскадом извергавшийся из глубины, никогда не изгладится из моей памяти. И по сию пору обитатели холма поминают о желтом дне, когда отвратительные тлетворные пары воздымались над рекой Провиденс в том месте, куда сбрасывают фабричные отходы, и только мне одному ведомо, как они обманываются относительно истинного источника этих паров. Рассказывают также о чудовищном реве, сопровождавшем этот выброс и доносившемся, вероятно, из какой-то поврежденной водопроводной трубы или подземного газопровода, — но и здесь я мог бы поправить молву, если бы только осмелился. У меня нет слов, чтобы описать весь этот ужас, и я до сих пор не могу понять, почему я остался жив. Я лишился чувств сразу после того, как опустошил четвертую емкость, которой я был вынужден воспользоваться, когда пары стали проникать через мой респиратор. Очнувшись, я увидел, что яма более не испускает пара.

Две оставшиеся бутыли я опорожнил без всякого видимого результата, и тогда мне стало ясно, что яму можно засыпать. Я работал до глубокой ночи, но зато ужас покинул дом навсегда. Сырость в подвале была уже не такой затхлой, а диковинные грибы высохли и превратились в безобидный грязновато-серый порошок, раскинувшийся по полу, как пепел. Один из глубочайших ужасов земных сгинул навеки, и если есть на свете ад, то в тот день он, наконец-то, принял в свое лоно грешную душу богомерзкого существа. Когда последняя порция земли шлепнулась с моей лопаты вниз, я пролил первую из неподдельных слез, в дань памяти своего любимого дядюшки.

Когда наступила весна, в саду на бугре, где стоял страшный дом, не взошли ни блеклая трава, ни причудливые сорняки, и через некоторое время Кэррингтон Гаррис благополучно сдал

дом нанимателям. Это место по-прежнему овеяно для меня тайной, но самая таинственность его меня пленяет, и нынешнее чувство облегчения наверняка смешается со странной горечью, когда этот дом снесут, а вместо него воздвигнут какой-нибудь модный магазин или вульгарное жилое здание. Старые голые деревья в саду стали приносить маленькие сладкие яблоки, и в прошлом году птицы впервые свили себе гнездо среди их причудливых ветвей.

БЕЗЫМЯННЫЙ ГОРОД

В письме Фрэнку Б. Лонгу, датированном 26 января 1921 года, Г. Ф. Лавкрафт посвятил несколько строк обсуждению следующего своего рассказа под названием «Безымянный город». Он писал: «Рискуя навеять на Вас тоску, я прилагаю к своему посланию свой последний — только что законченный и напечатанный — рассказ «Безымянный город». Он составлен на основе сновидения, которое, в свою очередь, было вызвано скорее всего размышлениями над многозначительной фразой из «Книги чудес» Дансени — «неотражаемая чернота бездны». «Безумный араб Аль-Хазред» — вымышленная личность. Приписанное ему двустишие написано мною специально для этого рассказа, а Абдул Аль-Хазред — это псевдоним, который я взял себе в пятилетнем возрасте, когда был без ума от «Тысячи и одной но-

чи». Я толком не могу оценить этот рассказ — Вы первый, кто увидит его после меня — однако хочу сказать, что вложил в него много труда. Я порвал два варианта начала, уловив нужную линию только с третьей попытки, и разрушил (лучше сказать, основательно переделал) заключительную часть. Моей целью было показать концентрированный поток ужасов — дрожь по телу, еще раз дрожь, и еще раз — и каждый раз все страшнее и страшнее!...»

Приблизившись к безымянному городу, я сразу же ощутил тяготевшее над ним проклятие. Я двигался по жуткой выжженной долине, залитой лунным светом, и издали увидел его; таинственно и зловеще выступал он из песков — так высовываются части трупа из неглубокой, кое-как закиданной землею могилы. Ужасом веяло от источенных веками камней этого допотопного чуда, этого пращура самой старой из пирамид; а исходившее от него легкое дуновение, казалось, отталкивало меня прочь и внушало отступиться от древних зловещих тайн, которых не знает и не должен знать ни один смертный.

Далеко в Аравийской пустыне лежит Безымянный Город, полуразрушенный и безмолвный; его низкие стены почти полностью занесены песками тысячелетий. Этот город стоял здесь задолго до того, как были заложены первые камни Мемфиса и обожжены кирпичи, из которых воздвигли Вавилон. Нет ни одной легенды настолько древней, чтобы в ней упоминалось название этого города или те времена, когда он был еще полон жизни. Зато о нем шепчутся пастухи возле своих костров, о нем бормочут старухи в шатрах шейхов, и все как один остерегаются его, сами не зная почему. Это было то самое место, которое безумный поэт Абдул-Аль-Хазред увидел в своих грезах за ночь до того, как сложил загадочное двустишие:

То не мертво, что вечность охраняет,
Смерть вместе с вечностью порою умирает.

Конечно, мне было известно, что арабы не зря остерегаются Безымянного Города, упоминаемого в причудливых сказаниях и до сих пор скрытого от людских глаз; однако я отогнал мысли о причинах этих опасений и двинулся верхом на верблюде в нехоженую пустыню. Я — единственный, кому довелось его увидеть, и потому ни на одном лице не застыло такой печати ужаса, как на моем, ни одного человека не охватывает такая страшная дрожь, как меня, когда ночной ветер сотрясает окна. Когда я

проходил по городу в жуткой тишине нескончаемого сна, он смотрел на меня, уже остывший от пустынного зноя под лучами холодной луны. И, возвратив ему этот взгляд, я забыл свое торжество, которое испытал, найдя его, и остановил своего верблюда, замерев в ожидании рассвета.

После нескольких часов ожидания я увидел, как на востоке повис предрассветный полумрак, звезды поблекли, а затем серые сумеречные тона оттеснил розовый свет, окаймленный золотом. Я услышал стон и увидел песчаную бурю, бушевавшую среди древних камней, хотя небо было ясным и обширные пространства пустыни оставались неподвижными. Затем над линией горизонта, окаймляющей пустыню, взошел огненный край солнца, который был виден сквозь уносившуюся прочь небольшую песчаную бурю, и мне, охваченному какой-то лихорадкой, почудился доносившийся из неведомых глубин металлический скрежет, который словно приветствовал огненный диск, как некогда приветствовали его колоссы Мемнона с берегов Нила. В ушах моих стоял звон, воображение бурлило, пока я неспешно погонял своего верблюда, приближаясь к этому затерянному в песках безмолвному месту, которое из всех живущих на земле удостоился созерцать я один.

Я бродил среди бесформенных фундаментов домов, не находя ничего, похожего на резьбу или надписи, которые напомнили бы о людях, — если это были люди — построивших город и живших в нем невообразимо давно. Налет древности на этой местности был каким-то нездоровым, и больше всего на свете мне хотелось увидеть какие-нибудь знаки или эмблемы, доказывавшие, что город и в самом деле был задуман и заложен представителями рода людского. Без сомнения, мне были неприятны пропорции и размеры этих развалин. Благодаря запасу разнообразных инструментов и снаряжения, я сделал множество раскопок внутри пространств, окруженных стенами разрушенных сооружений; однако дело шло медленно — я не обнаружил ничего значительного. Когда вновь наступила ночь и взошла луна, я почувствовал дуновение прохладного ветра, а вместе с ним возвращение отступившего было страха; и я не решился заночевать в городе. Когда я покидал древние стены, чтобы уснуть вне их пределов, за моей спиной возник небольшой гудящий песчаный вихрь, пронесшийся над серыми камнями, хотя луна была яркой, а пустыня по большей части оставалась спокойной.

Я пробудился на рассвете, вырвавшись из хоровода кошмарных сновидений, в ушах стоял звон, подобный колокольному. Я увидел, как красный край солнца пробивается сквозь последние порывы небольшой песчаной бури, вздымающейся над Безымян-

ным Городом, и отметил про себя безмятежность всего остального ландшафта. Я еще раз отважился побродить среди развалин, которые вздувались под песками, как какой-нибудь сказочный великан под покрывалом, еще раз попытался откопать реликвии забытой расы, и вновь безрезультатно. В полдень я отдохнул, а затем длительное время посвятил исследованию стен, линий бывших улиц и контуров почти исчезнувших зданий. Все говорило о том, что некогда это был могучий город, и я задумался, в чем же состоял источник его величия. В моем воображении возникла полная картина великолепия века столь отдаленного, что о нем не могли знать и халдеи. В моей голове промелькнули таинственные образы: Обреченный Сарнаф, стоявший на земле Мнара, когда человечество было молодо; загадочный Иб, высеченный из серого камня задолго до появления на Земле рода людского.

Неожиданно я наткнулся на место, где залежи породы круто вздымались из песков и образовывали невысокую скалу, и здесь с радостью для себя обнаружил следы существования народа, жившего задолго до Великого Потопа. Грубо высеченные на поверхности скалы формы являлись, несомненно, фасадами нескольких небольших приземистых домов и храмов, вырубленных в скале; я подумал, что интерьер этих зданий наверняка хранит не одну тайну невообразимо далеких столетий, тогда как резные изображения, расположенные снаружи, давным-давно могли стереть песчаные бури.

Я заметил неподалеку темные проемы. Они располагались очень низко и были засыпаны песком, но я расчистил один из них лопатой и ползком протиснулся в него, держа перед собой зажженный факел, который, как я справедливо рассудил, был совершенно необходим для раскрытия тайн Безымянного Города. Очутившись внутри, я понял, что вырубленное в скале пространство действительно было храмом. Я увидел явные признаки того, что здесь, в этих благодатных местах, какими они были до их превращения в пустыню, жили люди, и этот храм был для них местом поклонения. Были здесь примитивные алтари, столбы, ниши, — удивительно низкие; хотя мне и не удалось обнаружить ни скульптуры, ни фрески, зато было здесь множество отдельных камней с явно рукотворными формами, превращавшими их в некие символы. Потолок отделанного резцом зала был очень низким — я едва мог выпрямиться, стоя на коленях, — и это показалось мне странным. Однако площадь зала была настолько велика, что мой факел освещал лишь часть темного пространства. В дальних углах зала меня охватывала дрожь — некоторые алтари и камни напоминали о забытых обрядах,

ужасных, отвратительных и необъяснимых по своей сути — что за люди могли воздвигнуть и посещать такой храм? Рассмотрев все, что было внутри, я выполз обратно, охваченный жаждой узнать, что еще откроют мне храмы.

Уже приближалась ночь, однако увиденные мною предметы вызывали у меня любопытство, в конце концов пересилившее страх, и я остался среди длинных, отбрасываемых в лунном свете теней, наполнивших меня ужасом, когда я впервые увидел Безымянный Город. В сумерках я расчистил другой проем и заполз в него с новым факелом; внутри я обнаружил еще большее количество камней и символов, столь же непонятных, как и в первом храме. Комната была такой же низкой, но гораздо менее просторной и заканчивалась очень узким проходом, заполненным мрачными загадочными идолами. Я пристально разглядывал их, как вдруг шум ветра и крик моего верблюда, стоявшего снаружи, нарушили тишину, и я вынужден был выйти, чтобы посмотреть, чего он так испугался.

Над допотопными руинами ярко сияла луна, освещая плотное облако песка, поднятое, как мне показалось, сильным, но уже стихающим ветром, который дул со стороны вздымавшейся надо мною скалы. Я посчитал, что этот холодный ветер, несущий песок, и напугал моего верблюда, и хотел было отвести его в более надежное укрытие, как вдруг бросил случайный взгляд наверх и увидел, что ветра над скалой не было. Я был поражен этим, меня вновь охватил страх, но я тут же вспомнил о внезапно налетающих и ограниченных малым пространством ветрах, которые наблюдал до того на восходе и закате солнца, и убедил себя, что все в порядке. Я решил, что ветер дует из какой-нибудь расщелины, ведущей в пещеру, и посмотрел на поднятый в воздух песок, пытаясь проследить, откуда он появился. Скоро мне удалось определить, что источником его появления было черное устье храма, расположенного далеко к югу от меня — я едва мог разглядеть его. Тяжелой поступью я двинулся к этому храму, преодолевая сопротивление удушливого песчаного облака; приблизившись к нему, я разглядел его очертания и размеры — он оказался больше прежних храмов, а ведущий в него дверной проем был забит спекшимся песком в гораздо меньшей степени. Я попытался было войти внутрь через этот проем, но ледяной ветер ужасающей силы остановил меня, едва не погасив мой факел. Ветер рвался из темной двери наружу с фантастической силой и зловеще завывал, вздымая песок и развевая его среди таинственных развалин. Скоро ветер утих, песчаный вихрь стал понемногу успокаиваться, пока не улегся окончательно. Однако среди призрачных камней города ощущалось чье-то незримое

присутствие, а взглянув на луну, я увидел, что она подрагивает и колышется, словно отражение в подернутой рябью воде. Трудно найти слова, чтобы передать мой страх, и все же он не заглушил жажды открытий, и потому, едва ветер прекратился, я тут же вошел в темный зал, откуда он только что вырывался.

Этот храм, как мне удалось заметить снаружи, был больше других; скорее всего, он представлял собой естественное углубление, раз по нему гулял ветер, берущий начало неведомо где. Здесь я мог стоять в полный рост, и все-таки алтари и камни были такими же приземистыми, как и в предыдущих храмах. Наконец-то я увидел следы изобразительного искусства древнего народа — на стенах и потолочном своде видны были скрученные лохмотья засохшей краски, которая уже почти выцвела и осыпалась. С возрастающим волнением я разглядывал хитросплетения тонко очерченных резных узоров. Подняв факел над головой, я осмотрел потолочный свод и подумал, что он имеет чересчур правильную форму, чтобы быть естественным для этого углубления. Доисторические резчики камня, подумалось мне, должно быть, обладали хорошими техническими навыками.

Затем яркая вспышка фантастического пламени открыла мне то, что я искал — проход, ведущий к тем самым отдаленным пропастям, откуда брали свое начало внезапно поднимавшиеся ветры. У меня подкосились колени, когда я увидел, что это был просто небольшой дверной проем, явно рукотворный, вырезанный в твердой скале. Я просунул в проем факел и увидел черный туннель, под низким сводчатым потолком которого находился пролет многочисленных мелких, грубо высеченных ступенек. Ступеньки круто сбегали вниз. О, эти ступеньки будут сниться мне всегда. Я пришел узнать их тайну. В ту минуту я даже не знал, как их лучше назвать — ступеньками лестницы или просто выступами для ног, по которым можно было спуститься в бездну. В голове у меня роились безумные мысли; казалось, слова и предостережения арабских пророков плывут над пустыней из стран, известных людям, в Безымянный Город, о котором люди не должны знать ничего. После минутного колебания я оказался по ту сторону входа и начал осторожный спуск по ступенькам, пробуя каждую из них ногой, словно это была приставная лестница.

Такой жуткий спуск может привидеться разве что в тяжелом бреду или в страшном наркотическом опьянении. Узкий проход увлекал меня вниз и вниз, он был бесконечен, словно страшный, населенный нечистью колодец, и света факела у меня над головой было недостаточно, чтобы осветить те неведомые глубины, в которые я опускался. Я потерял чувство времени и забыл, когда

последний раз смотрел на часы, а мысль о расстоянии, пройденном мною в этом туннеле, заставляла меня содрогаться. Местами спуск становился еще более крутым или, напротив, более пологим, местами менялось его направление; однажды мне попался длинный, низкий, пологий проход, в котором в первые мгновения я едва не вывихнул себе ногу, споткнувшись на каменистом полу. Продвигаться пришлось с осторожностью, держа факел впереди себя на расстоянии вытянутой руки. Потолок здесь был таким низким, что даже стоя на коленях нельзя было полностью распрямиться. Затем опять начались пролеты крутых ступенек. Я продолжал свой бесконечный спуск, когда мой слабеющий факел погас. Кажется, я не сразу заметил это, а когда все же обнаружил, что остался без огня, моя рука по-прежнему сжимала факел над головой, как если бы он продолжал гореть. Состояние неизвестности наполнило меня тревогой — я почувствовал себя несчастным земным скитальцем, явившимся з далекие, древние места, охраняемые неведомыми силами.

Во тьме на меня обрушился поток разнообразных мыслей и видений — обрывки взлелеянных мною драгоценных демонических познаний, сентенции безумного араба Аль-Хазреда, абзацы из кошмарных апокрифов Дамаска и нечестивые строки из бредового «Образа мира» Готье де Метца. Я твердил про себя обрывки причудливых фраз и бормотал что-то о демонах и Афрасиабе, плывущих вниз по течению Окса; раз за разом всплывали в моем сознании три слова из сказки лорда Дансени, а именно — «неотражаемая чернота бездны». Один раз, когда спуск неожиданно круто пошел вниз, я начал цитировать — в виде монотонного пения — что-то из Томаса Мора, и цитировал до тех пор, пока от этих строк мне не сделалось страшно:

И тьмы сосуд, черневший предо мною,
Как адские котлы с их страшным наполненьем
Из лунных снадобий, что разлиты в затменье.
Я наклонился, чтоб тропу увидеть,
Что вниз в ущелье круто обрывалась,
И разглядел в пленительных глубинах
Зеркальной гладкости обрыв, чернее смоли,
Весь будто вымазанный темным липким дегтем,
Что смерть выплескивает с щедростью на берег,
Где обитает на неведомых вершинах.

Казалось, время остановилось, как вдруг я вновь почувствовал, что ноги мои стоят на ровном горизонтальном полу, и обнаружил, что нахожусь в каком-то помещении. Оно было

ненамного выше комнат в двух меньших храмах, находившихся сейчас наверху, невообразимо далеко от меня. Я не мог стоять в полный рост: выпрямиться по-прежнему можно было только опустившись на колени. В полной темноте я заметался наугад, и очень скоро понял, что нахожусь в узком коридоре, вдоль стен которого стоят рядами деревянные ящики со стеклянными крышками — я определил это на ощупь. Отполированное дерево и стекло... в этой палеозойской бездне? Мысли о том, что может скрываться за этим, заставили меня содрогнуться. Ящики были явно с намерением расставлены по обе стороны прохода на одинаковом расстоянии друг от друга. Они были продолговатой формы и стояли горизонтально; своими размерами и формой они напоминали гробы, и это в очередной раз наполнило меня ужасом. Попытавшись сдвинуть с места один за другим два или три ящика, я обнаружил, что они прочно закреплены на месте.

Проход этот, насколько я понял, был довольно длинным; поэтому, не опасаясь встретить препятствие на своем пути, я быстро устремился вперед, стараясь бежать, но это выходило у меня плохо — удавалось лишь еле-еле передвигать ноги; наверное, со стороны это выглядело бы отталкивающе, но кто мог увидеть меня в этой кромешной тьме? Время от времени я ощупывал пространство то слева, то справа от себя, чтобы убедиться, что стены и ряды ящиков все еще тянутся вдоль прохода. Как всякий человек, я настолько привык мыслить визуальными образами, что почти забыл о темноте и рисовал в своем воображении бесконечный однообразный коридор с расставленными вдоль него ящиками из дерева и стекла — как если бы эта картина была доступна моим глазам. И вдруг внезапно меня на мгновение охватило какое-то неописуемое чувство, и я действительно увидел этот коридор.

Я не могу сказать точно, когда мое воображение трансформировалось в настоящее зрение; просто в какой-то момент я заметил впереди постепенно усиливающееся свечение, и до меня дошло, что я вижу смутные очертания коридора и ящиков, проступавшие вследствие какой-то неизвестной подземной фосфоресценции. В первые минуты все было точь-в-точь, как я себе представлял, поскольку свечение было очень слабым; но по мере того, как, спотыкаясь и едва удерживая равновесие, я продолжал механически продвигаться вперед, в направлении усиливавшегося света, становилось все более очевидным, что мое воображение рисовало лишь слабое подобие подлинной картины. Этот зал не был тронут печатью недоработанности, как храмы в городе наверху; нет, это был совершенный памятник самого величественного экзотического искусства. Яркие, насы-

щенные и вызывающе фантастические узоры и рисунки складывались в непрерывную настенную роспись, линии и цвета которой не поддаются описанию. Ящики были сделаны из необычного золотистого дерева, а верхняя их часть — из тонкого стекла, и внутри них я увидел мумифицированные фигуры, по своей гротескности превосходившие образы самых диких ночных сновидений.

Я не могу передать всю степень их уродливости. Уместнее всего было бы сравнение с рептилиями: было в их очертаниях что-то от крокодила и в то же время нечто тюленье. Но более всего они походили на какие-то фантастические существа, о которых едва ли слышал хоть один биолог или палеонтолог. По своим размерам они приближались к человеку маленького роста, а их передние конечности завершались мелкими, но четко очерченными стопами, подобно тому, как человеческие руки завершаются ладонями и пальцами. Но самой странной частью их тел были головы. Ее очертания противоречили всем известным в биологии принципам. Невозможно назвать ничего определенного, с чем можно было бы сравнить эти головы — в продолжение одного мгновенного проблеска мысли я успел подумать о кошке, бульдоге, мифическом Сатире и человеке. Сам Юпитер не мог бы похвалиться таким огромным выпуклым лбом, однако рога, отсутствие носа и крокодилья челюсть не позволяли втиснуть эти головы в пределы каких-либо известных критериев. Некоторое время я раздумывал о подлинности этих мумий, склоняясь к серьезному подозрению, что это всего лишь рукотворные идолы, но остановился на том, что все же предо мной представители неких архидревних видов, обитавших здесь, когда Безымянный Город был еще в расцвете. Как завершающий штрих к нелепому их виду можно отметить одеяния чудовищ — большинство из них были с непомерной щедростью завернуты в роскошнейшие ткани и увешаны украшениями из золота, драгоценных камней и неизвестных мне блестящих металлов.

Значительность этих пресмыкающихся тварей была, должно быть, огромной, поскольку они занимали первое место в сюжетах буйных фантастических фресок на стенах и потолке. С бесподобным мастерством художник изобразил их жизнь в мире, который был их миром, с городами и садами, построенными и размеченными в соответствии с их размерами, и я не мог отделаться от мысли, что их история, представленная в этих изображениях, — не более чем аллегория, предназначенная, вероятно, демонстрировать развитие народа, который поклонялся этим странным существам. Я решил, что для людей, населявших

Безымянный Город, они были тем же, чем была волчица для Рима или какие-нибудь тотемные животные для индейских племен.

Остановившись на этой точке зрения, я мог видеть воочию вехи несомненно замечательной истории Безымянного Города. Я словно внимал сказанию о могучей столице на морском побережье, которая правила миром до того, как Африка поднялась из океанских волн; я наблюдал за ходом борьбы с пустыней, которая после отступления моря надвинулась на плодородную долину, где стояла столица. Я видел войны, в которых она участвовала, ее триумфы и поражения, беды и радости и, наконец, стал свидетелем страшной битвы города против пустыни, когда тысячи населявших его людей (аллегорически представленные здесь в виде гротескных рептилий) были вынуждены прорубать сквозь скалы подземный путь, предназначенный каким-то чудом привести их в другой мир, о существовании которого говорили их пророки. Все эти сюжеты, совершенно сверхъестественные на первый взгляд, были представлены весьма правдоподобно, и связь изображений с леденящим душу спуском, который я совершил, не вызывала сомнений. На некоторых фресках я даже узнавал пройденные мной участки.

Продвигаясь ползком по коридору в направлении более яркого света, я увидел живописно изображенные последующие этапы истории — уход сынов народа, который в течение десяти миллионов лет населял безымянный город и окружающую его долину; сынов народа, чьи души сжались от боли расставания с местами, где их пращуры, бывшие некогда кочевниками, осели на заре земной юности; с местами, вросшими в плоть и кровь всех последующих поколений и хранившими воздвигнутые в девственной скале первобытные храмы, заполненные святынями, которым никогда не переставали поклоняться обитатели этих мест. Свет усилился, и я рассмотрел изображения более тщательно. По-прежнему полагая, что странные рептилии представляют неведомых людей, я попытался мысленно дополнить картину их жизни и обычаев. Многое казалось мне странным и необъяснимым. Цивилизация, имевшая свою письменность, находилась — и это было очевидно — на более высоком уровне, чем несравненно более поздние египетская и халдейская цивилизации, и вместе с тем в ее облике имелись любопытные упущения. Например, я так и не смог отыскать хотя бы одного изображения смерти или похоронной процессии, за исключением картин, запечатлевших сцены войны, насилия и эпидемий. Меня заинтересовало, в чем состояла причина такого сокрытия

естественной смерти. Похоже было, что иллюзорный идеал бессмертия был взлелеян этим народом в течение жизни многих поколений.

Сцены, изображенные ближе к концу прохода, отличались наибольшей живописностью и экстравагантностью: лунный пейзаж Безымянного Города, опустевшего и лежавшего в развалинах, резко контрастировал с видом неких райских кущ, к которым, должно быть, пробили путь сквозь скалы люди из Безымянного Города. На этих фресках город и пустынная долина были показаны неизменно в лунном свете, а над рухнувшими стенами поднимался золотой нимб, приоткрывая завесу, за которой таилось лучезарное совершенство прежних времен... словно некий ускользающий призрак вышел тогда из-под кисти художника. Пышность сцен райской жизни настолько лилась через край, что невозможно было поверить в их подлинность: мне открылся неведомый мир вечного дня, с роскошными городами, благоухающими холмами и долинами. Рассматривая последние фрески, я подумал, что вижу признаки творческого кризиса художника. Изображения были выполнены менее искусно, а их сюжеты отличались неуемной фантастичностью — в этом они намного превосходили даже самые неправдоподобные из ранних сцен. Наверное, это было запечатленное в красках свидетельство медленного упадка древнего народа и одновременного возрастания ненависти этих людей к окружавшему их миру, который наступал на них вместе с пустыней. Фигуры людей — по-прежнему представленные в виде священных рептилий — постепенно уменьшались и истощались, однако их души, изображенные в виде ореолов, парящих над руинами в лунном свете, сохранили прежние пропорции. Изнуренные священники — на фресках это были рептилии в красочных одеждах — посылали проклятия принесенному извне воздуху и всем, кто вдыхал его; леденящая кровь финальная сцена изображала, как какой-то человек самого обычного вида, вероятно, один из первых обитателей Ирема, Города Столбов, был растерзан представителями более бдревней расы. Я вспомнил, как боятся арабы Безымянного Города, и вздохнул с облегчением, ибо на этом фрески обрывались, а далее шли нерасписанные стены и потолок.

Увлеченный непрерывной чередой запечатленных на стенах сюжетов истории, я приблизился к самому краю нависшего надо мной своим низким потолком зала и обнаружил ворота, сквозь которые пробивалось фосфоресцирующее излучение, освещавшее мой путь сюда. Ползком приблизившись к ним вплотную, я не мог не вскрикнуть от крайнего изумления, вызванного тем,

анфилады других, более ярко освещенных комнат предо мной предстала безграничная пустота, заполненная однородным сиянием — такое сияние видит человек, стоящий на вершине Эвереста и устремивший взор в бескрайние просторы подернутого дымкой и ласкаемого лучами солнца воздушного океана. Позади меня остался проход, настолько тесный, что я не мог выпрямиться в полный рост; впереди лежала лучезарная подземная бесконечность.

Проход завершался площадкой, с которой брала начало круто уходившая в бездну лестница — нескончаемая чреда мелких ступенек, похожих на оставшиеся позади, в темных проходах — однако все, что лежало в четырех-пяти футах от меня, было скрыто от взора светящимся туманом. Рядом с левой стеной прохода высилась распахнутая массивная бронзовая дверь, неправдоподобно толстая, украшенная причудливыми барельефами. Эта дверь, если бы ее затворить, могла бы совершенно изолировать весь этот подземный мир лучезарного света от пробитых в скале склепов и проходов. Я посмотрел на ступеньки и решил, что ни за что на свете не стану спускаться вниз. После этого я лег ниц на каменный пол, и пламя безумных мыслей охватило меня — даже под натиском смертельной усталости не покидали они моего сознания.

Закрыв глаза, я лежал и предавался размышлениям, и опять в сознании возникали сюжеты фресок... но на сей раз они были наполнены новым, зловещим смыслом. Я говорю о сценах, запечатлевших расцвет безымянного города: растительный мир долины вокруг него, дальние страны, с которыми вели торговлю его купцы. Для меня оставалось загадкой неизменно выдающееся положение аллегорически изображенных пресмыкающихся тварей, и я подумал, что представленная в картинах история скорее всего достаточно точно отражала истинное положение вещей. Пропорции Безымянного Города на фресках были подогнаны под размеры рептилий. Я задумался над тем, какими же должны были быть подлинные размеры и пропорции Безымянного Города. И вновь вспомнил о необычайно низких потолках первобытных храмов и подземного коридора, вырубленных таким образом несомненно для того, чтобы выразить свое подобострастие перед пресмыкающимися божествами, которым здесь поклонялись; при этом их почитатели волей-неволей должны были опуститься на четвереньки. Возможно, сами обряды предполагали передвижение ползком для имитации движений этих рептилий. Однако никакая религиозная теория не могла убедительно объяснить, почему горизонтальные проходы этого страшного спуска были такими же низкими, как и храмы — или еще

ниже, поскольку в них невозможно было выпрямиться даже стоя на коленях. Новый приступ страха охватил меня, когда я подумал об этих древних рептилиях, чьи омерзительные мумифицированные формы так напоминали мои собственные. Рождающиеся в сознании ассоциации бывают очень причудливыми, и я весь сжался от мысли о том, что, за исключением того несчастного, растерзанного толпой на последней фреске, я был единственным носителем человеческого облика среди этого скопища реликвий и символов первозданной жизни.

Но в который уже раз страх, сидящий в моей мятущейся душе, был побежден любопытством. Лучезарная пропасть манила меня — увидеть и открыть то, что она таила в себе, почел бы за величайшую честь самый выдающийся исследователь. Я ни на минуту не сомневался в том, что эта череда странных мелких ступенек вела в чудесный таинственный мир, и надеялся обнаружить там свидетельства существования представителей человеческого рода, которых не нашел в покрытом росписями коридоре. Фрески этого подземного царства изображали сказочные города и долины, и моя фантазия уже парила над роскошью колоссальных развалин, ожидавшей меня внизу.

Мои страхи, собственно, относились скорее к прошлому, нежели к будущему. Даже физический страх, вызванный моим положением здесь, в этом тесном коридоре с его мертвыми рептилиями и допотопными фресками, за много миль от привычного верхнего мира, перед лицом мира иного, наполненного пробивавшимся сквозь туман гнетущим светом, не мог сравниться со смертельным ужасом, навеваемым обстановкой и духом восставшей из первозданного хаоса. Казалось, из первобытных камней и вырубленных в скале храмов Безымянного Города выступала сама древность, глубину которой нельзя было выразить никакими измерениями; позднейшая из потрясавших воображение географических карт, увиденная мною на фресках, содержала очертания океанов и континентов, неизвестных современному человеку, и лишь немногие из контуров смутно напоминали мне сегодняшние очертания некоторых земель и берегов. И уже никому не дано узнать, что произошло в течение разделявшей времена геологической эры, ибо стерлись росписи и скатилась в омерзительную трясину упадка некогда гордая раса, ненавидевшая смерть. Было время, когда в этих пещерах и в лежащих за ними лучезарных сферах ключом била жизнь, а сейчас здесь стоял я, один среди уцелевших памятников глубокой древности, и содрогался от мысли о бесчисленных веках, в течение которых эти реликвии пребывали здесь в молчаливом бдении.

Внезапно я почувствовал новый приступ безумного страха — того самого страха, который то и дело завладевал мною начиная с момента, когда я впервые увидел жуткую долину и Безымянный Город под холодной луной; и, несмотря на то, что силы мои были на исходе, я лихорадочно сжался, присев на корточки, и устремил свой взор в черный коридор, соединявшийся с туннелем, который вел наверх, в мир, населенный людьми. Чувства, охватившие меня, напоминали те, что заставили остерегаться безымянного города ночью, и были столь же мучительны и необъяснимы. Мгновение спустя, однако, я испытал еще большее потрясение, услышав звук — первый звук, взломавший глухую тишину этих замогильных глубин. Это был глубокий, низкий стон... словно скопище духов, обреченных на вечные муки, стенает под землей; стон исходил из темного коридора, в который я вперил свой взор. Звук стремительно нарастал, и наконец, в низком проходе раскатилось громовое эхо. В тот же миг я ощутил усилившийся поток холодного воздуха — он струился из туннелей со стороны стоявшего наверху города. Этот холодный воздух несколько взбодрил меня и привел в состояние душевного равновесия, ибо мгновение спустя я вспомнил о внезапных порывах ветра, которые каждый раз на восходе и на закате возникали вокруг устья, открывавшего вход в бездну; как раз один из этих порывов и помог мне обнаружить потайные туннели. Я посмотрел на часы — близилось время восхода солнца — и исполнился решимости оказать сопротивление этому шквальному потоку, который устремился в недра земли, служившие ему домом, с таким же неистовством, с каким рвался он вечером наружу. Страх растаял, и это было вполне объяснимо: мои размышления над неизвестным феноменом были прерваны проявлением естественной природной стихии.

Между тем, становясь все неистовее, стон перерастал в пронзительный визг, с которым ветер ночи устремлялся в подземную пучину. Я снова упал ничком и лихорадочно вцепился в пол, в ужасе представив себе, как шквальный поток швырнет меня сквозь распахнутую дверь в разверзшуюся за нею фосфоресцирующую бездну. Боязнь провалиться в эту пропасть первая овладела мной; однако к тому времени, когда я заметил, что мое тело действительно скользит по направлению к зияющему входу в пропасть, я был уже пленником тысячи новых страхов, завладевших моим воображением. Неумолимость воздушного потока пробудила во мне самые невероятные фантазии; содрогнувшись, я вновь сравнил себя с тем увиденным мною в жутком коридоре единственным представителем рода человеческого, который был разорван в клочья сыновьями Безымянного Города — ибо в той

беспощадной силе, с которой терзал меня завихрявшийся поток, угадывалось нарастающее с каждой секундой мстительное неистовство, словно вызванное неспособностью быстро расправиться со мной. Кажется, в последний момент из моей груди вырвался дикий вопль — я почти потерял рассудок — но даже если это было так, мой крик растворился в шуме этой преисподней с ее завывавшими ветрами-призраками. Я попытался ползти назад, преодолевая сопротивление невидимого убийственного потока, но не смог даже удержаться на месте — струя воздуха медленно и неумолимо подталкивала меня к входу в неизвестный мир. Остатки разума покинули меня, загадочное двустишие безумного араба Аль-Хазреда, увидавшего Безымянный Город во сне, вновь завертелось в моей голове, и я безостановочно повторял его вслух:

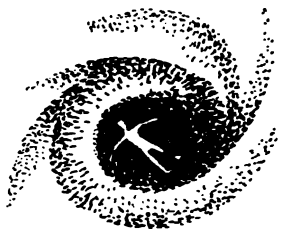
То не мертво, что вечность охраняет,
Смерть вместе с вечностью порою умирает.

Только задумчивые сумрачные боги пустыни знают, что произошло тогда... с какой неописуемой яростью я боролся во тьме с несущим смерть потоком, какой Абаддона вернул меня в жизнь, где я обречен всегда помнить о ветре ночи и дрожать при его появлении до тех пор, пока забытье — или что-нибудь похуже — не овладеет мною. Что это было? Нечто чудовищное, неестественное, колоссальное; слишком далеко выходило оно за пределы человеческого разума, чтобы можно было поверить своим глазам и убедить себя в том, что это увиденное нечто — не игра воображения. Я до сих пор не могу поверить в реальность увиденной мною картины, и только в немые, отягощенные проклятием предрассветные часы, когда невозможно уснуть, я перестаю сомневаться в ее подлинности.

Как я уже говорил, ярость обрушившегося на меня воздушного потока была поистине адской, дьявольской в худшем смысле этого слова, и его звучание наполняло меня ужасом и омерзением, ибо я чувствовал скрытую в нем злобу необитаемой вечности. Скоро эти звуки, которые до того казались мне совершенно хаотичными, приобрели какую-то ритмичность, они терзали мой мозг. Я услышал леденящие кровь проклятия и звериный рык чужеязычных монстров, доносившиеся из глубин, где в течение многих миллиардов лет покоились бесчисленные древности, скрытые от озаренного рассветом мира людей. Повернувшись, я увидел контуры, четко вырисовывавшиеся на фоне лучезарного эфира бездны, которые нельзя было увидеть из сумрачного коридора — кошмарная стая бешено мчавшихся дья-

волов, с перекошенными от ненависти мордами, в нелепых доспехах; полупрозрачные дьяволы, порождение расы, о которой люди не имеют ни малейшего понятия, — ползучие рептилии Безымянного Города.

Как только ветер утих, я погрузился туда, где властвовали загробные чудовища — во тьму земных недр; ибо за последней из тварей с лязгом захлопнулась могучая бронзовая дверь, породив оглушающий раскат музыкального металлического скрежета, эхо которого вырвалось в далекий мир людей, приветствуя восходящее солнце, как некогда приветствовали его колоссы Мемнона с берегов Нила.

НЕИМЕНУЕМОЕ

Как-то осенней порою, под вечер, мы сидели на запущенной гробнице семнадцатого века посреди старого кладбища в Аркхэме и рассуждали о неименуемом. Устремив взор на исполинскую иву, в ствол которой почти целиком вросла старинная могильная плита без надписи, я принялся фантазировать по поводу той, должно быть, нездешней и, вообще, страшно сказать какой пищи, которую извлекают эти гигантские корни из почтенной кладбищенской земли. Приятель мой ворчливо заметил, что все это сущий вздор, так как здесь уже более ста лет никого не хоронят, и, стало быть, в почве не может быть ничего такого особенного, чем бы могло питаться это дерево, кроме самых обычных веществ. И вообще, добавил он, вся эта моя непрерывная болтовня о «неименуемом» и разном там «страшно сказать каком»

— все это пустой детский лепет, вполне гармонирующий с моими ничтожными успехами на литературном поприще. По его мнению, у меня была нездоровая склонность заканчивать свои рассказы описанием всяческих кошмарных видений и звуков, которые лишают моих персонажей не только мужества и дара речи, но и памяти, в результате чего они даже не могут поведать о случившемся другим. Всем, что мы знаем, заявил он, мы обязаны своим пяти органам чувств, а также религиозным откровениям; следовательно, не может быть и речи о таких предметах или явлениях, которые бы не поддавались либо строгому описанию, основанному на достоверных фактах, либо истолкованию в духе канонических богословских доктрин — в качестве последних же предпочтительны догматы конгрегационалистов (29) со всеми их модификациями, привнесенными временем и сэром Артуром Конан-Дойлем (30).

С Джоэлом Мэнтоном (так звали моего приятеля) мы частенько вели долгие и нудные споры. Он был директором Восточной средней школы, а родился и воспитывался в Бостоне, где и приобрел то характерное для жителя Новой Англии самодовольство, которое отличается глухотой ко всем изысканным обертонам жизни. Он придерживался мнения, что если что-нибудь и имеет реальную эстетическую ценность, так это наш обычный, повседневный опыт, и что, следовательно, художник призван не возбуждать в нас сильные эмоции посредством увлекательного сюжета и изображения глубоких переживаний и страстей, но поддерживать в читателе размеренный интерес и воспитывать вкус к точным, детальным отчетам о будничных событиях. Особенно же претила ему моя излишняя сосредоточенность на мистическом и необъяснимом; ибо, несравнимо глубже веруя в сверхъестественное, нежели я, он терпеть не мог, когда потустороннее низводили до уровня обыденности, делая его предметом литературных упражнений. Его логичному, практичному и трезвому уму никак было не постичь, что именно в уходе от житейской рутины и в произвольном манипулировании образами и представлениями, как правило, подгоняемыми нашими ленью и привычкой под избитые схемы действительной жизни, можно черпать величайшее наслаждение. Все предметы и ощущения имели для него раз и навсегда заданные пропорции, свойства, основания и следствия; и хотя он смутно осознавал, что мысль человеческая временами может сталкиваться с явлениями и ощущениями отнюдь не геометрического характера, абсолютно не укладывающимися в рамки наших представлений и опыта, он все же считал себя арбитром, полномочным проводить условную черту и удалять из зала суда все, что не может быть

познано и испытано среднестатистическим гражданином. Наконец, он был почти уверен в том, что не может быть ничего по-настоящему «неименуемого». Само слово это ни о чем ему не говорило.

Пытаясь переубедить этого самодовольно коптящего небо ортодокса, я прекрасно сознавал всю тщетность лирических и метафизических аргументов, но было в обстановке нашего послеобеденного диспута нечто такое, что побуждало меня выйти за рамки обычной дискуссии. Полуразрушенные плиты, патриархальные деревья, остроконечные крыши старинного городка — прибежища ведьм и колдунов, — обступившие кладбище со всех сторон — все это вкупе подвигло меня встать на защиту своего творчества, и вскоре я уже разил врага его собственным оружием. Перейти в контратаку, впрочем, не составило особого труда, поскольку я знал, что Джоэл Мэнтон весьма чувствителен ко всякого рода бабушкиным сказкам и суевериям, которые не принял бы в наши дни всерьез ни один мало-мальски образованный человек. Я говорю о таких поверьях, как, например, то, что после смерти человек может объявляться в самых отдаленных местах или что на окнах навеки запечатлеваются предсмертные образы людей, глядевших в них всю жизнь. Серьезно относиться к тому, о чем шушукаются деревенские старушонки, заявил я прежде всего, ничуть не лучше, чем верить в посмертное существование неких бестелесных субстанций отдельно от их материальных двойников, а также в явления, не укладывающиеся в рамки обычных представлений. Ибо если верно, что мертвец способен передавать свой видимый или осязаемый образ в пространстве (на расстояние в пол-земного шара) и во времени (через века), то как же можно называть нелепыми предположения, что заброшенные дома населены диковинными существами, обладающими органами чувств, или что старые кладбища накапливают в себе разум поколений, чудовищный и бесплотный? И если все те свойства, что мы приписываем душе, не подчиняются никаким физическим законам, то так ли уж невозможно вообразить, что после физической смерти человека продолжает жить некая чисто духовная сущность, принимающая такую форму — или скорее бесформенность, — которая необходимо должна представляться наблюдателю чем-то абсолютно и даже именно «неименуемым»? И вообще, когда размышляешь о подобных вещах, то лучше всего оставить в покое так называемый «здравый смысл», который в данном случае означает не что иное, как элементарное отсутствие воображения и гибкости ума. Последнее я высказал Мэнтону тоном дружеской рекомендации.

День клонился к закату, но нам даже не приходило в голову закругляться с беседой. Мэнтона, похоже, ничуть не тронули мои доводы, и он продолжал оспаривать их с той убежденностью в своей правоте, каковая, вероятно, и принесла ему успех на педагогической ниве. Я же имел в запасе достаточно веские аргументы, чтобы не опасаться поражения. Стемнело, в отдельных окнах замерцали огоньки, но мы не собирались покидать свое удобное место на гробнице. Моего прозаического друга, по-видимому, немало не беспокоила ни глубокая трещина, зияющая в поросшей мхом кирпичной кладке прямо за нашей спиной, ни царивший вокруг кромешный мрак, вызванный тем, что между надгробием, на котором мы расположились, и ближайшей освещенной улицей возвышалось полуразрушенное нежилое здание, выстроенное еще в семнадцатом веке. Здесь, в этой непроглядной тьме, на полуразвалившейся гробнице вблизи заброшенного дома мы вели нескончаемую беседу о «неименуемом», и когда Мэнтон наконец устал изрекать колкости, я поведал ему об одном ужасном случае, действительно имевшем место и легшем в основу того из моих рассказов, над которым он более всего смеялся.

Рассказ этот назывался «Чердачное окно». Он был опубликован в январском выпуске «Уисперс» за 1922 год. Во многих городах страны, в особенности на Юге и на тихоокеанском побережье, журналы с этим рассказом даже убирали с прилавков, удовлетворяя жалобам слабонервных идиотов. Одна лишь Новая Англия выказала изрядную долю невозмутимости и только пожимала плечами в ответ на мою эксцентричность. Прежде всего, утверждали мои критики, пресловутое существо просто биологически невозможно, и то, что я о нем сообщаю, представляет собой всего лишь одну из версий расхожей деревенской байки, которую Коттон Мэзер (31) лишь по чрезмерной доверчивости вставил в свое сумбурное «Христианское величие Америки», причем подлинность этой небылицы настолько сомнительна, что сей почтенный автор даже не рискнул назвать место, где произошел ужасный случай. И уж вовсе невыносимым было то, как я развил и усложнил голую канву древнего мистического сюжета, тем самым окончательно разоблачив себя как легкомысленного и претенциозного графомана. Мэзер и правда писал о появлении на свет некоего существа, но кто, кроме дешевого сенсуалиста, мог бы поверить, что оно сумело вырости и, во плоти и во крови, принялось по ночам заглядывать в окна домов, а днем прятаться на чердаке заброшенного дома, и так до тех пор, пока столетие спустя какой-то прохожий не увидал его в чердачном окне, а потом так и не смог объяснить, отче-

го у него поседели волосы? Все это походило на вздор, притом несносный, и приятель мой не замедлил согласиться с последним утверждением. Тогда я поведал ему о содержании дневника, обнаруженного среди прочих бумаг семейного архива менее, чем в миле от того места, где мы находились, и датированного 1706-1723 гг. В дневнике упоминалось о необычных шрамах на спине и груди одного из моих предков, и я заверил Мэнтона в подлинности этого свидетельства. Я также рассказал ему о страшных историях, имеющих хождение среди местного населения и передающихся по секрету из поколения в поколение, а также о том, что отнюдь не в переносном смысле сошел с ума один паренек, осмелившийся в 1793 году войти в покинутый дом, чтобы взглянуть на некие следы, которые, как предполагалось, должны были там наличествовать.

Да, то было время диких суеверий — какой впечатлительный человек не содрогнется, изучая массачусетские летописи пуританской эпохи? Сколь бы ничтожными ни были наши познания в том, что скрывалось за внешней стороной событий, но уже по тем отдельным чудовищным проявлениям, когда гной вырывался и бил ключом, можно судить о всей степени разложения. Ужас перед черной магией — вот луч света, указующий на тот кошмар, что царил в смятенных умах человеческих, но даже и это — пустяк. Из жизни изгонялись красота, изгонялась свобода — мы можем об этом судить по бытовым и архитектурным останкам эпохи, а также по ядовитым проповедям невежественных богословов. Под смирительной рубашкой из ржавого железа таилась дурная злоба, извращенный порок и сатанинская одержимость. Вот в чем был подлинный апофеоз неименуемого!

Ни единого слова не смягчил Коттон Мэзер, когда разразился анафемой в той демонической 6-ой книге, которую не рекомендуется читать после наступления темноты. Сурово, словно библейский пророк, в немногословной и бесстрастной манере, в какой не умел выражаться никто после него, он поведал о твари, породившей на свет нечто среднее между собою и человеком, нечто, обладающее дурным глазом, и о безымянном пьяном бедолаге, повешенном, несмотря на все его протесты и вопли, за одно то, что у него был такой глаз. На этом откровенность Мэзера кончается, и он не делает ни малейшего намека на то, что произошло потом. Возможно, он просто не знал, а, может быть, и знал, да не осмелился сказать. Потому что все те, кто знал, предпочитали молчать, и до сих пор не известно, что заставляло их приглушать голос до шепота при упоминании о замке на двери, скрывавшей за собой чердачную лестницу в доме бездетного, убогого и угрюмого старца, установившего на могиле, которую

все обходили стороной, плиту без надписи. При этом всякий может ознакомиться с достаточным количеством уклончивых слухов, от которых стынет самая пылкая кровь.

Все эти сведения я почерпнул из найденной мною семейной хроники; там же содержится множество скрытых намеков и не предназначенных для посторонних ушей историй о существах с дурным глазом, появлявшихся по ночам то в окнах, то на безлюдных лесных опушках. Возможно, что именно одна из таких тварей напала на моего предка ночью на проселочной дороге, оставив следы рогов на его груди и следы когтей, сходных с обезьяньими, на спине. На самой же дороге были обнаружены четко отпечатавшиеся в пыли перемежающиеся отпечатки копыт и чего-то, отдаленно напоминающего лапы человекообразной обезьяны. Один почтальон рассказывал, что, проезжая верхом по делам службы, он видел вышеупомянутого старика, преследовавшего и окликавшего какое-то гадкое существо, вприпрыжку уносившееся прочь. Дело происходило на Медоу-Хилл незадолго до рассвета при тусклом сиянии луны. Интересно, что многие поверили почтальону. Доподлинно известно также то, что в 1710 году, в ночь после похорон убогого и бездетного старца (тело которого положили в склеп позади его дома, рядом со странной плитой без надписи) на кладбище раздавались какие-то голоса. Дверь на чердак отпирать не стали, и дом был оставлен таким, каким был — мрачным и заброшенным. Когда из него доносились звуки, все вздрагивали и перешептывались, ободряя себя надеждой на прочность замка на чердачной двери. Надежде этой пришел конец после кошмара, случившегося в доме приходского священника, жильцов которого обнаружили не просто бездыханными, но разодранными на части. С годами легенды все более приобретали характер рассказов о привидениях; причину этого я усматриваю в том, что если отвратительное существо действительно когда-то жило, то потом оно, вероятно, скончалось. Сохранилась лишь память о нем — тем более ужасная оттого, что она держалась в секрете.

За время моего рассказа Мэнтон потерял свою обычную словоохотливость, и я понял, что слова мои произвели на него глубокое впечатление. Когда я замолчал, он не рассмеялся, как обычно, но вполне серьезным тоном осведомился у меня о том пареньке, что сошел с ума в 1793 году и явился прототипом главного героя моего рассказа. Я объяснил ему, зачем тому мальчику потребовалось посетить мрачный, заброшенный дом, который все обходили стороной. Случай этот не мог не заинтересовать моего приятеля, поскольку он верил в то, что на окнах запечатлеваются лица людей, сидевших подле них. Наслушав-

пись рассказов о существах, появлявшихся в окнах пресловутого чердака, паренек решил сам взглянуть на них — и прибежал обратно, заходясь в истошном крике.

Пока я говорил, Мэнтон был погружен в глубокую задумчивость, но как только я закончил, он сразу вернулся в свое обычное скептическое расположение духа. Допустив, хотя бы в качестве предпосылки для дальнейшей дискуссии, что какой-то противоестественный монстр существовал на самом деле, Мэнтон, однако, считал своим долгом напомнить мне, что даже к самому патологическому извращению натуры вовсе не обязательно относиться, как к «неименуемому» или, скажем, не описуемому средствами современной науки. Признав, что я отдаю должное его здравомыслию и несгибаемости, я привел еще несколько свидетельств, добытых мною у очень пожилых людей. В этих позднейших историях с привидениями, пояснил я, речь шла о фантомах столь ужасных и отвратительных, что никак нельзя предположить, чтобы они имели органическое происхождение. Это были кошмарные призраки гигантских размеров и самых чудовищных очертаний, в одних случаях видимые, в других — только осязаемые; в безлунные ночи они как бы плыли по воздуху, появляясь то в старом доме, то возле склепа позади него, то на могиле, где рядом с безымянной плитой пустило корни молодое деревцо. Правда ли, что они душили и рвали людей на части, как то утверждала голословная молва, или нет, я не знаю, но во всяком случае, призраки эти оставляли по себе сильное и неизгладимое впечатление. Неспроста старейшие из местных жителей испытывали к ним суеверный страх еще каких-нибудь только два поколения назад, и лишь в последнее время о них почти перестали вспоминать, что, кстати, и могло послужить причиной их преждевременной кончины. Наконец, если взглянуть на проблему с эстетической стороны и вспомнить, какие гротескные, искаженные формы принимают духовные эманации, или призраки, человеческих существ, то нельзя не согласиться, что вряд ли удается добиться связного и членораздельного описания и выражения в случаях, когда мы имеем дело с такой бесформенной парообразной мерзостью, как дух злобной, уродливой бестии, само существование которой уже есть страшное кощунство по отношению к природе. Эта чудовищная химера, порожденная мертвым мозгом дьявольской помеси зверя и человека — не представляет ли она нам во всей неприглядной наготе все подлинно, все откровенно неименуемое?

Должно быть, час уже был очень поздний. Летучая мышь на удивление бесшумно пролетела мимо; она задела меня крылом,

да и Мэнтона, вероятно, тоже — в темноте я не видал его, но мне показалось, что он взмахнул рукой.

— А дом? — заговорил он спустя некоторое время. — Дом с чердачным окном — он сохранился? И там по-прежнему никто не живет?

— Да, я видел его собственными глазами.

— Ну и как? Там что-нибудь было? Я имею в виду, на чердаке или где-нибудь еще...

— Там, в углу на чердаке, лежали кости. Не исключено, что именно их и увидал тот паренек. Слабонервному, чтобы свихнуться, и того достаточно, ибо если все эти кости принадлежали одному и тому же существу, то это было такое кошмарное чудовище, какое может привидеться только в бреду. С моей стороны было бы кощунством не избавить мир от этих костей, поэтому я сходил за мешком и оттащил их к могиле за домом. Там была щель, в которую я их и свалил. Только не сочти меня за идиота! Видел бы тот череп! У него были рога сантиметров по десять в длину, а лицевые и челюстные кости примерно такие же, как у нас с тобой.

Вот когда я почувствовал, что Мэнтона, который почти прижался ко мне, пробрала настоящая дрожь! Но любопытство его оказалось сильнее страха.

— А окна?

— Окна? Они все были без стекол. У одного окна даже выпала рама, а в остальных не осталось ни кусочка стекла. Представь себе такие небольшие ромбовидные окна с решетками, что вышли из моды еще до 1700 года. Думаю, что стекла в них отсутствовали уже лет сто, не меньше. Кто знает, может быть, их выбил тот паренек? Предание молчит на этот счет.

Мэнтон снова затих. Он размышлял.

— Знаешь, Картер, — заговорил он, наконец, — мне бы хотелось взглянуть на этот дом. Ты мне его покажешь? Черт с ними, со стеклами, меня интересует сам дом. И та могила, куда ты кинул кости. И другая могила, без надписи. Ты прав, во всем этом есть что-то жуткое.

— Ты уже видел этот дом, Мэнтон. Он стоял у тебя перед глазами весь сегодняшний вечер.

Некоторый налет театральности, с которым я произнес последнюю фразу, подействовал на моего приятеля куда сильнее, чем я мог ожидать: судорожно отпрянув от меня, он издал оглушительный вопль, сопровождаемый таким призвуком, словно он освобождался от удушья, ибо вопль этот вместил в себя все накопившееся и сдерживаемое дотоле напряжение. Да, надо было слышать этот крик! Но самое ужасное заключалось в том, что на

него последовал ответ! Не успело стихнуть эхо, как из кромешной тьмы донесся скрип, и я догадался, что открылось одно из решетчатых окон в этом проклятом старом доме неподалеку от нас. Более того, поскольку все рамы, кроме одной, давным-давно выпали, я понял, что скрип этот издает жуткая пустая рама пресловутого чердачного окна.

Потом все с той же заклятой стороны дохнуло затхлым воздухом могилы, и сразу вслед за тем, совсем уже близко от меня, раздался пронзительный крик; он исходил из той жуткой гробницы, где покоились зверь и человек. В следующее мгновение удар чудовищной силы, нанесенный мне невидимым объектом громадных размеров и неизвестных свойств, свалил меня с моего скорбного ложа, и я растянулся на пленённой корнями почве зловещего погоста, в то время как из могилы вырвалась такая адская какофония шумов и сдавленных хрипов, что фантазия моя мгновенно населила окружающий беспросветный мрак мильтоновскими легионами безобразных демонов. Поднялся вихрь иссушающе-ледяного ветра, раздался грохот обваливающихся кирпичей и штукатурки, но прежде чем понять, что произошло, я милостью Божией лишился чувств.

Не обладая моим крепким телосложением, Мэнтон, как это часто бывает, оказался более живучим, и хотя он пострадал сильнее моего, мы очнулись почти одновременно. Наши койки стояли бок о бок, и через несколько секунд нам стало ясно, что мы находимся в больнице Св.Марии. Персонал сгорал от любопытства; нас обступили со всех сторон и, чтобы освежить нашу память, поведали нам о том, как мы попали сюда. Оказалось, что какой-то фермер обнаружил нас в полдень на пустыре за Медоу-Хилл, примерно в миле от старого кладбища, в том самом месте, где некогда, по слухам, находилась бойня. У Мэнтона было два серьезных ранения груди и несколько мелких резаных и колотых ран на спине. Я отделался более легкими повреждениями, зато все тело мое было покрыто ссадинами и синяками самого удивительного свойства; один из кровоподтеков, например, напоминал след копыта.

Мэнтон явно знал больше, чем я, однако он ничего не сказал озадаченным и заинтригованным врачам до тех пор, пока не выведал у них все, что касалось характера наших ран. Только после этого он сообщил, что мы стали жертвами разъяренного быка — выдумка, на мой взгляд, довольно неудачная, ибо откуда было взяться в таком месте быку?

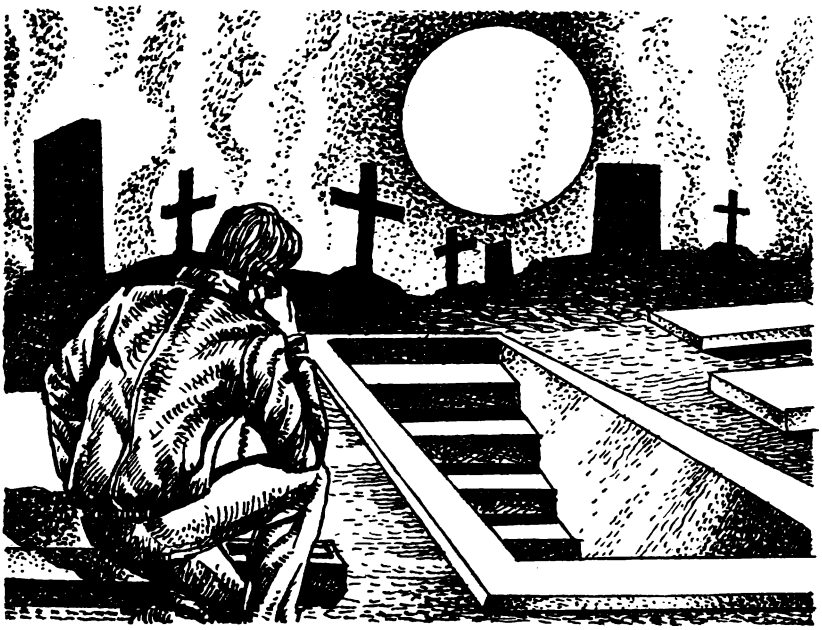
Как только врачи и сиделки удалились, я повернулся к приятелю и шепотом, исполненным благоговейного страха, спросил:

— Но, Боже правый, Мэнтон, что это было на самом деле? Судя по характеру ран, это было оно. Ведь так?

И хотя я почти догадывался, каким будет ответ, он ошеломил меня настолько, что я даже не ощутил чувства торжества от одержанной победы.

— Нет, это было нечто совсем другое, — прошептал Мэнтон. — Оно было повсюду... какое-то желе... слизь... И в то же время оно имело очертания, тысячи очертаний, столь кошмарных, что они бегут всякого описания. Там были глаза — и в них порча! Это была какая-то бездна... пучина... воплощение вселенского ужаса! Картер, это было неименуемое!

ПОКАЗАНИЯ РЭНДОЛЬФА КАРТЕРА

Еще раз повторяю, джентльмены: все ваше расследование ни к чему не приведет. Держите меня здесь хоть целую вечность; заточите меня в темницу, казните меня, если уж вам так необходимо принести жертву тому несуществующему божеству, которое вы именуете правосудием, — но вы не услышите от меня ничего нового. Я рассказал вам все, что помню, рассказал как на духу, не исказив и не сокрыв ни единого факта, и если что-то осталось для вас неясным, то виною тому — мгла, застлавшая мне рассудок, и неуловимая, непостижимая природа тех ужасов, что навлекли на меня эту мглу.

Повторяю: мне неизвестно, что случилось с Харли Уорреном, хотя мне кажется — по крайней мере, я надеюсь, — что он пребывает в безмятежном забытьи, если, конечно, блаженство такого рода вообще доступно смертному. Да, в течение пяти лет

я был ближайшим другом и верным спутником Харли в его дерзких изысканиях в области неведомого. Не стану также отрицать, что человек, которого вы выставляете в качестве свидетеля, вполне мог видеть нас вдвоем в ту страшную ночь, в половине двенадцатого, на Гейнсвильском пике, откуда мы, по его словам, направлялись в сторону Трясины Большого Кипариса — сам я, правда, всех этих подробностей почти не помню. То, что у нас при себе были электрические фонари, лопаты и моток провода, соединяющий какие-то аппараты, я готов подтвердить даже под присягой, поскольку все эти предметы играли немаловажную роль в той нелепой и чудовищной истории, отдельные подробности которой глубоко врезались мне в память, как бы ни была она слаба и ненадежна. Относительно же происшедшего впоследствии и того, почему меня обнаружили наутро одного и в невменяемом состоянии на краю болота — клянусь, мне неизвестно ничего, помимо того, что я уже устал вам повторять. Вы говорите, что ни на болоте, ни в его окрестностях нет такого места, где мог бы произойти описанный мною кошмарный эпизод. Но я только поведал о том, что видел собственными глазами, и мне нечего добавить. Было это видением или бредом — о, как бы мне хотелось, чтобы это было именно так! — я не знаю, но это все, что осталось в моей памяти от тех страшных часов, когда мы находились вне поля зрения людей. И на вопрос, почему Харли Уоррен не вернулся, ответить может только он сам, или его тень, или та безымянная сущность, которую я не в силах описать.

Повторяю, я не только знал, какого рода изысканиям посвящает себя Харли Уоррен, но и некоторым образом участвовал в них. Из его обширной коллекции старинных редких книг на запретные темы я перечитал все те, что были написаны на языках, которыми я владею; таких, однако, было очень мало по сравнению с фолиантами, испещренными абсолютно мне неизвестными знаками. Большинство, насколько я могу судить, — арабскими, но та гробовдохновенная книга, что привела нас к чудовищной развязке — та книга, которую он унес с собой в кармане, — была написана иероглифами, подобных которым я нигде и никогда не встречал. Уоррен ни за что не соглашался открыть мне, о чем эта книга. Относительно же характера наших штудий, я могу лишь повторить, что сегодня уже не вполне его себе представляю. И, по правде говоря, я даже рад своей забывчивости, потому что это были жуткие занятия; я предавался им скорее с деланным энтузиазмом, нежели с неподдельным интересом. Уоррен всегда как-то подавлял меня, а временами я его даже боялся. Помню, как мне стало не по себе от выражения его лица накануне того ужасного происшествия — он с увлече-

нием излагал мне свои мысли по поводу того, почему иные трупы не разлагаются, но тысячелетиями лежат в своих могилах, неподвластные тлену. Но сегодня я уже не боюсь его; вероятно, он столкнулся с такими ужасами, рядом с которыми мой страх — ничто. Сегодня я боюсь уже не за себя, а за него.

Еще раз говорю, что я не имею достаточно ясного представления о наших намерениях в ту ночь. Несомненно лишь то, что они были самым тесным образом связаны с книгой, которую Уоррен захватил с собой — с той самой древней книгой, написанной непонятным алфавитом, что пришла ему по почте из Индии месяц тому назад. Но, готов поклясться, я не знаю, что именно мы предполагали найти. Свидетель показал, что видел нас в половине двенадцатого на Гейнсвильском пике, откуда мы держали путь в сторону Трясины Большого Кипариса. Возможно, так оно и было, но мне это как-то слабо запомнилось. Картина, врезавшаяся мне в душу — и опалившая ее, — состоит всего лишь из одной сцены. Надо полагать, было уже далеко за полночь, так как ущербный серп луны стоял высоко в окутанных мглой небесах.

Местом действия было старое кладбище, настолько старое, что я затрепетал, глядя на многообразные приметы глубокой древности. Находилось оно в глубокой сырой лощине, заросшей мхом, бурьяном и причудливо-стелющимися травами. Неприятный запах, наполнявший лощину, абсурдным образом связался в моем праздном воображении с гниющим камнем. Со всех сторон нас обступали дряхлость и запустение, и меня ни на минуту не покидала мысль, что мы с Уорреном — первые живые существа, нарушившие многовековое могильное безмолвие. Ущербная луна над краем ложбины тускло проглядывала сквозь нездоровые испарения, которые, казалось, струились из каких-то невидимых катакомб, и в ее слабом, неверном свете я различал зловещие очертания старинных плит, урн, кенотафов (32) и сводчатых входов в склепы — крошащихся, замшелых, потемневших от времени и наполовину скрытых в буйном изобилии вредоносной растительности.

Первое впечатление от этого чудовищного некрополя сложилось у меня в тот момент, когда мы с Уорреном остановились перед какой-то ветхой гробницей и скинули на землю поклажу, по-видимому, принесенную нами с собой. Я помню, что у меня было две лопаты и электрический фонарь, а у моего спутника — точно такой же фонарь и переносной телефонный аппарат. Между нами не было произнесено ни слова, ибо и место, и наша цель были нам как будто известны. Не теряя времени, мы взялись за лопаты и принялись счищать траву, сорняки и налипший грунт со старинного плоского надгробья. Расчистив крышу склепа, со-

ставленную из трех тяжелых гранитных плит, мы отошли назад, чтобы взглянуть со стороны на картину, представшую нашему взору. Уоррен, похоже, производил в уме какие-то расчеты. Вернувшись к могиле, он взял лопату и, орудуя ею как рычагом, попытался приподнять плиту, расположенную ближе других к груде камней, которая в свое время, вероятно, представляла собою памятник. У него ничего не вышло, и он жестом позвал меня на помощь. Совместными усилиями нам удалось расшатать плиту, приподнять ее и поставить на бок.

На месте удаленной плиты зиял черный провал, из которого вырвалось скопище настолько тошнотворных миазмов, что мы в ужасе отпрянули назад. Когда спустя некоторое время мы снова приблизились к яме, испарения стали уже менее насыщеными. Наши фонари осветили верхнюю часть каменной лестницы, сочащейся какой-то злокачественной сукровицей подземных глубин. По бокам она была ограничена влажными стенами с налетом селитры. Именно в этот момент прозвучали первые сохранившиеся в моей памяти слова. Нарушил молчание Уоррен, и голос его — приятный, бархатный тенор — был, несмотря на кошмарную обстановку, таким же спокойным, как всегда.

— Мне очень жаль, — сказал он, — но я вынужден просить тебя остаться наверху. Я совершил бы преступление, если бы позволил человеку с таким слабыми нервами, как у тебя, спуститься туда.

Ты даже не представляешь, несмотря на все, прочитанное и услышанное от меня, что именно суждено мне увидеть и совершить. Это страшная миссия, Картер, и нужно обладать стальными нервами, чтобы после всего того, что мне доведется увидеть внизу, вернуться в мир живым и в здравом уме. Я не хочу тебя обидеть и, видит Бог, я рад, что ты со мной. Но вся ответственность за это предприятие, в определенном смысле, лежит на мне, а я не считаю себя вправе увлекать такой комок нервов, как ты, к порогу возможной смерти или безумия. Ты ведь даже не можешь себе представить, что ждет меня там! Но обещаю ставить тебя в известность по телефону о каждом своем движении — как видишь, провода у меня хватит до центра земли и обратно.

Слова эти, произнесенные бесстрастным тоном, до сих пор звучат у меня в ушах, и я хорошо помню, как пытался увещевать его. Я отчаянно умолял его взять меня с собой в загробные глуби, но он был неумолим. Он даже пригрозил, что откажется от своего замысла, если я буду продолжать настаивать на своем. Угроза эта возымела действие, ибо у него одного был ключ к тайне. Это-то я очень хорошо помню, а вот в чем заключался предмет наших изысканий, я теперь не могу сказать. С большим

трудом добившись от меня согласия быть во всем ему послушным, Уоррен поднял с земли катушку с проводом и настроил аппараты. Я взял один из них и уселся на старый, заплесневелый камень подле входа в гробницу. Уоррен пожал мне руку, взвалил на плечо моток провода и скрылся в недрах мрачного склепа.

С минуту мне был виден отблеск его фонаря и слышно шуршание сходящего с катушки провода, но потом свет внезапно исчез, как если бы лестница сделала резкий поворот, и почти сразу вслед за этим замер и звук. Я остался один, но у меня была связь с неведомыми безднами через магический провод, обмотка которого зеленовато поблескивала в слабых лучах лунного серпа.

Я то и дело высвечивал фонарем циферблат часов и с лихорадочной тревогой прижимал ухо к телефонной трубке, однако в течении четверти часа до меня не доносилось ни звука. Потом в трубке раздался слабый треск. И я взволнованным голосом выкрикнул в нее имя своего друга. Несмотря на все свои предчувствия, я все же никак не был готов услышать те слова, что донеслись до меня из глубин проклятого склепа и были произнесены таким возбужденным, дрожащим голосом, что я не сразу узнал по нему своего друга Харли Уоррена. Еще совсем недавно казавшийся таким невозмутимым и бесстрастным, он говорил теперь шепотом, который звучал страшнее, чем самый душераздирающий вопль: «Боже! Если бы ты только видел то, что вижу я!»

В тот момент у меня отнялся язык, и мне оставалось только безмолвно внимать голосу на другом конце трубки. И вот до меня донеслись исступленные возгласы:

— Картер, это ужасно! Это чудовищно! Это просто невообразимо!

На этот раз голос не изменил мне, и я разразился целым потоком тревожных вопросов. Вне себя от ужаса, я твердил снова и снова:

— Уоррен, что случилось? Говори же, что происходит?

И вновь я услышал голос друга — искаженный страхом голос, в котором явственно слышались нотки отчаяния:

— Я не могу тебе ничего сказать, Картер! Это выше всякого разумения! Мне просто нельзя тебе ничего говорить, слышишь ты? Кто знает об этом, тот уже не жилец. Боже правый! Я ждал чего угодно, но только не этого.

Снова установилось молчание, если не считать бессвязного потока вопросов с моей стороны. Потом опять раздался голос Уоррена — на этот раз на высшей ступени невстового ужаса:

— Картер, ради всего святого, умоляю тебя — верни плиту на место и беги отсюда, пока не поздно! Скорей! Бросай все и

выбирайся отсюда — это твой единственный шанс на спасение. Делай, как я говорю, и ни о чем не спрашивай!

Я слышал все это и тем не менее продолжал, как исступленный задавать вопросы. Кругом меня были могилы, тьма и тени; внизу подо мной — ужас, недоступный воображению смертного. Но друг мой находился в еще большей опасности, нежели я, и, несмотря на испуг, мне было даже обидно, что он полагает меня способным покинуть его при таких обстоятельствах. Еще несколько щелчков, и после короткой паузы отчаянный вопль Уоррена:

— Сматывайся! Ради Бога, верни плиту на место и дергай отсюда, Картер!

То, что мой спутник опустился до вульгарных выражений, указывало на крайнюю степень его потрясения, и эта последняя капля переполнила чашу моего терпения. Молниеносно приняв решение, я закричал:

— Уоррен, держись! Я спускаюсь к тебе!

Но на эти слова абонент мой откликнулся воплем, в котором сквозило теперь уже полное отчаяние:

— Не смей! Как ты не понимаешь! Слишком поздно! Это я во всем виноват — мне и отвечать! Бросай плиту и беги — мне уже никто не поможет!

Тон Уоррена опять переменился. Он сделался мягче, в нем была слышна горечь безнадежности, но в то же время ясно звучала напряженная нота тревоги за мою судьбу.

— Поторопись, не то будет слишком поздно!

Я старался не придавать его увещеваниям большого значения, пытаясь стряхнуть с себя оцепенение и выполнить свое обещание прийти к нему на помощь. Но когда он заговорил в очередной раз, я по-прежнему сидел без движения, скованный тисками леденящего ужаса.

— Картер, поторопись! Не теряй времени! Это бессмысленно... тебе нужно уходить... лучше я один, чем мы оба... плиту...

Пауза, щелчки и вслед за тем слабый голос Уоррена:

— Почти все кончено... не продлевай мою агонию... завали вход на эту чертову лестницу и беги, что есть мочи... ты только зря теряешь время... прощай, Картер... прощай навсегда...

Тут Уоррен резко перешел с шепота на крик, завершившийся воплем, исполненным тысячелетнего ужаса:

— Будь они прокляты, эти исчадия ада! Их здесь столько, что не счесть! Господи!.. Беги! Беги! Беги!!!

Потом наступило молчание. Бог знает, сколько нескончаемых веков я просидел, словно парализованный — шепча, бубня, бормоча, взывая, крича и вопя в телефонную трубку. Века сме-

нялись веками, а я все сидел и шептал, бормотал, звал, кричал и вопил:

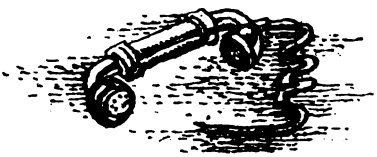
— Уоррен! Уоррен! Ты меня слышишь? Где ты?

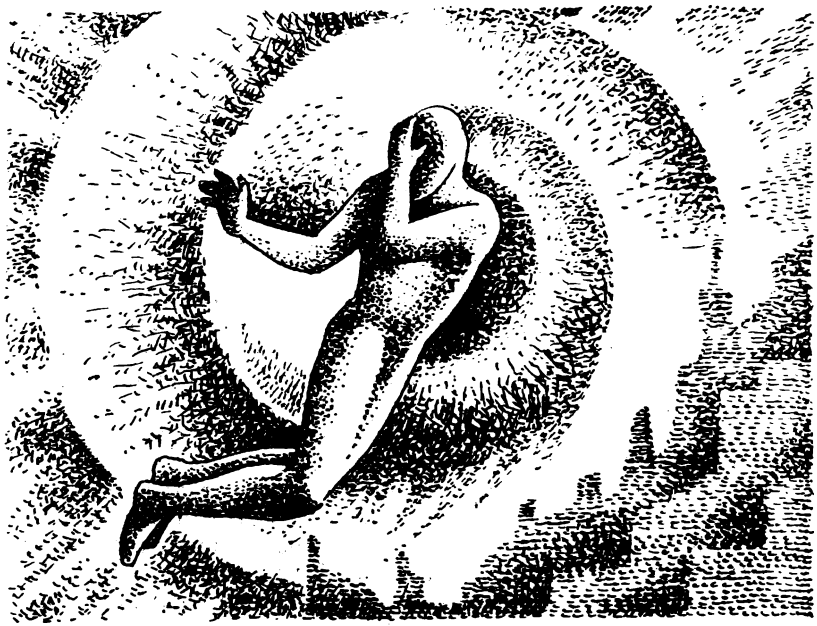
А потом на меня обрушился тот ужас, что явился апофеозом всего происшедшего — ужас немыслимый, невообразимый и почти невозможный. Я уже упоминал о том, что, казалось, вечность миновала с тех пор, как Уоррен прокричал свое последнее отчаянное предупреждение, и что теперь только мои крики нарушали гробовую тишину. Однако через некоторое время в трубке снова раздались щелчки, и я весь превратился в слух.

— Уоррен, ты здесь? — позвал я его снова, и в ответ услышал то, что навлекло на мой рассудок беспроглядную мглу. Я даже не пытаюсь дать себе отчет в том, что это было — я имею в виду голос, джентльмены, — и не решаюсь описать его подробно, ибо первые же произнесенные им слова заставили меня лишиться чувств и привели к тому провалу в сознании, что продолжался вплоть до момента моего пробуждения в больнице. Стоит ли говорить, что голос был низким, вязким, глухим, отдаленным, замогильным, нечеловеческим, бесплотным? Так или иначе, я не могу сказать ничего более. На этом кончаются мои отрывочные воспоминания, а с ними и мой рассказ. Я услышал этот голос — и впал в беспамятство. На неведомом кладбище в глубокой сырой лощине, в окружении крошащихся плит и покосившихся надгробий, среди буйных зарослей и вредоносных испарений я сидел, оцепенело наблюдая за пляской бесформенных, жадных до тлена теней под бледной ущербной луной, когда из самых сокровенных глубин зияющего склепа до меня донесся этот голос.

И вот что он сказал:

— Глупец! Уоррен мертв!

ХАОС НАСТУПАЮЩИЙ

Немало уже написано разными авторами о наслаждениях и муках, что таит в себе опиум. Экстатические и ужасные откровения Де Куинси (33), «Искусственный рай» Бодлера трудами их почитателей и искусством переводчиков стали драгоценным достоянием всего человечества; миру прекрасно известны и колдовское очарование, и скрытые угрозы и непередаваемая таинственность тех туманных областей, куда переносится человек под воздействием наркотика. Но сколь бы обширны ни были подобные свидетельства, никто еще не осмелился раскрыть людям природу тех фантастических видений, что открываются внутреннему взору употребляющего опиум, или хотя бы обозначить направление того необъяснимого движения по неведомым, необычайным и прекрасным путям, что непреодолимо увлекают всякого, кто принимает те или иные наркотические вещества. Де

Куинси переносился в Азию, сказочно изобильную землю смутных теней, чья отталкивающая древность настолько впечатляет, что «невообразимый возраст народов и их имен подавляет всякое ощущение своего собственного возраста у отдельных их представителей»; но и этот писатель не осмелился пойти дальше. Те же, кто осмеливался на такое, редко возвращались назад, а если и возвращались, то либо хранили полное молчание, либо сходили с ума. Я пробовал опиум лишь однажды — во времена Великой эпидемии; тогда врачи очень часто прибегали к этому средству, желая облегчить своим пациентам мучения, избавить от которых обычные лекарства уже не могли. В моем случае произошла, очевидно, сильная передозировка — врач был совсем измотан постоянным страхом за жизнь своих больных и напряженной работой, — и мои видения завели меня очень далеко. В конце концов я все же пришел в себя... Я выжил, но с тех пор по ночам ко мне приходят очень странные образы, и я больше не позволяю вводить мне опиум.

Когда мне дали наркотик, я испытал совершенно невыносимую, пульсирующую головную боль. Сама жизнь моя уже не заботила меня в ту минуту, ибо я хотел непременно избавиться от боли, все равно как — с помощью лекарств, ценой беспамятства или даже смерти. Я находился в состоянии, близком к бреду; и потому мне трудно теперь точно определить момент погружения в наркотическое забытье — думаю, препарат начал действовать незадолго до того, как размеренные удары внутри моего черепа перестали причинять ужасную боль. Как уже говорилось, я получил чрезмерно большую дозу опиума и поэтому не исключаю, что реакция моего организма на наркотик была не совсем типична. В моем случае преобладало ощущение полета, или скорее, падения, странным образом не связанное с ощущением тяжести моего собственного тела и направления движения; в то же время я совершенно определенно ощущал, что вокруг незримо присутствует множество других тел или предметов — их скопления имели природу, бесконечно отличную от моей, и все же были каким-то образом со мной связаны. Иногда мне казалось, что это не я куда-то падаю, а вся вселенная и самое время проносятся мимо меня. Неожиданно терзавшая меня боль совсем исчезла, и мне представилось, что источник пульсации, которую я по-прежнему чувствовал, находится не внутри, а вне меня. Падение тоже прекратилось, уступив место ощущению какой-то неловкой временной передышки; я прислушался: размеренные удары, грохотавшие у меня в голове, теперь более всего напоминали шум необозримого океана — он словно успокаивался после немыслимого, титанического шторма, про-

должая, однако, сотрясать неведомый пустынный берег огромными валами волн. Затем я открыл глаза.

Некоторое время я не мог как следует разглядеть помещение, в котором находился, — все было размыто, как на фотографии с дурным фокусом. Наконец, я понял, что нахожусь в полном одиночестве посреди очень странной, прекрасно убранной комнаты с огромным количеством больших и светлых окон. Что это могло быть за место, я не имел ни малейшего представления; мысли мои по-прежнему путались, но я различил разноцветные ковры и гобелены, изящно отделанные столики, стулья, оттоманки, диваны, хрупкие вазы, расставленные повсюду, а также изящные орнаменты на стенах — очень странные, но в то же время смутно напоминавшие что-то очень хорошо знакомое. Я все еще продолжал осматриваться кругом, а мною уже начинали завладевать совсем иные ощущения и мысли. Медленно, но неотвратимо, подавляя сознание и заглушая все иные впечатления, наступал на меня дикий страх перед неизвестностью; он только возрастал от того, что невозможно было понять его причину, он таил в себе какую-то угрозу, нет, не угрозу смерти, а чего-то иного, неизъяснимого, невиданного, невыразимо более ужасного и отвратительного, чем смерть.

Я быстро понял, что источником моего страха и ужасным его символом было не что иное, как это невыносимое биение: непрестанные удары отзывались в утомленном мозгу со способной свести с ума силой. Они доносились откуда-то извне — снизу — и вызывали в сознании чудовищные образы. Мне казалось, что некто или нечто скрывается от меня за шелковыми занавесями, развешенными вдоль стен, за стрельчатыми окнами с переплетами — и что недоступность этого нечто моему взору является великим для меня благом. Я заметил, что на окнах — а их было так много, что это как-то сбивало с толку — есть ставни, и принялся закрывать их все подряд, стараясь не смотреть наружу. На одном из столиков лежали кремень и точило, с помощью которых я зажег свечи в стоявших у стен канделябрах. Закрытые ставни и яркий блеск свечей создали ощущение относительной безопасности и несколько успокоили меня, хотя я и не сумел окончательно отгородиться от монотонных ударов прибоя. Теперь одновременно со страхом я почувствовал ничуть не меньшее возбуждение: мне захотелось непременно выяснить, откуда идет этот необыкновенный шум, хотя я все еще ужасно боялся его. Я раздвинул портьеры у той стены, из-за которой, как мне казалось, доносились монотонные удары, и увидал небольшую, богато драпированную гобеленами галерею, в конце которой была видна резная дверь и окно эркера. Меня очень тянуло подойти

к этому окну, хотя, как ни странно, не менее сильно мне хотелось вернуться назад. Преодолев мучительные колебания, я все же приблизился к окну и увидал бескрайний океан и огромный водоворот на горизонте. Несколько секунд я пристально вглядывался вдаль, и тут-то эта невероятная картина обрушилась на меня со всей своей демонической силой.

То, что я увидел, мне не случалось видеть прежде — да и никому другому из живущих, разве что в болезненном бреду или наркотическом опьянении. Здание, где я находился, стояло на узкой полоске земли — вернее, теперь это была узкая полоска земли — метров на сто поднимавшейся над водой, что бурлила в безумном водовороте. По обеим сторонам от меня виднелись огромные красные оползни, а впереди ужасные волны продолжали наступать, монотонно и ненасытно пожирая сушу. Примерно в миле от берега к небесам вздымались грозные валы не менее пятнадцати метров высотою, а на горизонте в мрачном раздумьи застыли, словно огромные хищные птицы, зловещие черные тучи самых невероятных очертаний. Волны были темно-фиолетовыми, почти черными: словно лапы громадного жадного чудовища хватались они за податливую красную почву. Казалось, океан, это огромное злобное существо, объявил непримиримую войну тверди земной, подстрекаемый к тому самим разъяренным небом.

Очнувшись, наконец, от оцепенения, в которое повергло меня это сверхъестественное зрелище, я увидал, что и мне самому угрожает непосредственная опасность. Пока я стоял, оцепенело уставившись на океан, несколько метров земной тверди уже обвалились в воду — недалек был тот момент, когда и дом, подмытый волнами, должен был рухнуть в неистовую пучину. Я поспешил на противоположную сторону здания и вышел в первую попавшуюся дверь, заперев ее каким-то странной формы ключом, который нашел внутри. Теперь я мог получше рассмотреть окрестности и сразу же заметил, что враждебные друг другу вода и суша были разделены в этом месте на две совершенно непохожие части. По разные стороны узкого мыса, на котором я стоял, казалось, располагались разные миры. Слева от меня море мягко вздымало огромные зеленые волны, мирно накатывавшиеся на берег в лучах яркого солнца. Но в самом этом солнце и даже в его положении на небосклоне было что-то такое, что заставило меня содрогнуться; но что это было — ни тогда, ни сейчас я не мог бы сказать. Справа же простиралось совсем другое море — голубое, покойное, лишь слегка колыхавшееся ,— а небо над ним было темнее, чем слева, и омываемый волнами берег казался скорее белесым, чем красноватым, как с другой стороны.

Затем я принялся рассматривать сушу — и обнаружил нечто совершенно поразительное: покрывавшие ее растения имели на редкость необыкновенный вид. Я никогда прежде не видел ничего подобного и ни о чем подобном не читал. Вероятно, они были тропического или по крайней мере субтропического происхождения — впрочем, мое предположение основывалось главным образом на том, что здесь царила ужасная жара. Некоторые растения чем-то напоминали флору моих родных мест: подобные гибриды могли бы получиться, если бы хорошо известные мне деревья или кустарники перенесли в другой климатический пояс. А вот многочисленные огромные пальмы не были похожи ни на одно известное мне растение. Дом, из которого я только что вышел, был очень невелик — не больше коттеджа средних размеров, — но выстроен, очевидно, из мрамора, и в каком-то причудливом эклектичном стиле, являвшем собой странную смесь восточных и западных архитектурных концепций. По углам фасада располагались коринфские колонны, а красную черепичную крышу архитектор позаимствовал у китайской пагоды. От двери вглубь берега вела дорожка примерно метровой ширины, посыпанная необыкновенно белым песком и обсаженная величественными пальмами, цветущими деревьями и кустарником неизвестной мне породы. Дорожка постепенно забирала вправо, туда, где море было голубым, а берег — белесоватым. Какая-то неведомая сила заставила меня во весь дух броситься бежать по тропинке, словно за мной гнался злой дух из бьющегося позади океана. Дорожка вела вверх по пологому склону, и я быстро поднялся на вершину холма. Оттуда был хорошо виден и мыс, и дом, где я недавно пришел в себя, и черный водоворот за ним, и зеленое море с одной стороны, и синее — с другой; а надо всем висело какое-то проклятие, неведомое и невообразимое. Никогда больше не видел я ничего этого, но часто спрашиваю себя...

Бросив прощальный взгляд на берег и океан, я зашагал вперед: моему взору открывались все новые картины.

Как я уже говорил, постепенно удаляясь от кромки воды, дорожка постепенно заворачивала направо. Впереди и немного левее я мог теперь видеть необозримую равнину, простиравшуюся на многие тысячи акров и сплошь покрытую волнующейся массой густой травы, достигавшей высоты человеческого роста. Почти у самого горизонта стояло огромное пальмовое дерево — оно зачаровывало меня и необъяснимо влекло к себе. Непостижимость всего увиденного вкупе с чувством облегчения от того, что мне удалось бежать с мыса, где надо мной нависла непосредственная опасность, на время ослабили мою

тревогу, но стоило лишь мне остановиться, устало опустившись на дорожку и машинально погрузив руки в теплый беловато-золотистый песок, как меня вновь объял панический страх. К дьявольским ударам прибоя добавилось что-то не менее ужасающее, что-то таившееся в шорохе высокой травы. Я закричал, отчаянно и бессвязно: «Тигр? Тигр? Это ты, Зверь, ты? Это ты, Зверь, которого я боюсь?» В памяти вдруг всплыла прочитанная когда-то давным-давно древняя история о тиграх, только я никак не мог вспомнить имя автора. И все-таки, несмотря на продолжавший мучить меня непередаваемый страх, я вспомнил его. Конечно же это был Редьярд Киплинг; мне даже не показалось странным, что поначалу я отнес его, чуть ли не своего современника, к древним писателям. Мне вдруг нестерпимо захотелось еще раз взглянуть на томик Киплинга с этим рассказом, и я чуть было не отправился назад, в дом на мысу, чтобы отыскать там книгу, но вовремя одумался — к тому же мне очень хотелось поскорее добраться до той высокой пальмы.

Не знаю, смог ли бы я противостоять желанию вернуться назад, если бы с неменьшей силой меня не влекла к себе огромная пальма вдали. Этот последний импульс, наконец, возобладал; я покинул песчаную долину и принялся скользить вниз по склону, несмотря на весь тот страх, который внушала мне высокая трава и мысль, что в ней могут быть змеи. Я решил до конца сражаться за свою жизнь и рассудок, чего бы ни стоило мне сопротивление угрозам, таившимся в море или на суше. Однако, поражение в этой борьбе начинало казаться мне неминуемым, и это становилось все яснее и яснее всякий раз, как безумный шорох жуткой травы сливался с удаленными, но все еще отчетливо слышными тревожными ударами огромных волн. Я то и дело останавливался и зажимал уши руками, ища хоть какого-нибудь облегчения, но от этих невыносимых звуков не было спасения. Мне показалось, что прошла целая вечность, пока я добрался до пальмы, так притягивавшей меня к себе, и упал в благословенную тень широких листьев.

Вслед за тем произошло несколько совершенно невероятных событий, поочередно ввергавших меня то в экстаз, то в ужас; я вспоминаю о них с содроганием и не смею предлагать своих толкований. Едва только я заполз под сень пальмовых листьев, как откуда-то сверху, из ветвей, появился младенец такой красоты, какую мне прежде не приходилось видеть. В каких-то лохмотьях, весь запыленный, он все равно выглядел как фавн или полубог; в густой тени мне показалось даже, что от него исходит что-то вроде сияния. Мальчик улыбнулся мне и протянул ручку, но прежде чем я приподнялся с земли, чтобы заговорить с ним,

сверху раздалось чудесное сладостное пение; чистые ноты сливались в неземную возвышенную гармонию. Солнце уже зашло, и тут я убедился в том, что головку младенца действительно окружает ореол искристого света. Он обратился ко мне мелодичным серебристым голоском: «Это конец. Сквозь сумерки спустились они со звезд. Теперь все кончено, мы блаженно почили в Телоэ, что лежит за потоками Аринури». Пока ребенок говорил, сквозь листья пальмы на землю опускалось какое-то мягкое сияние, и поднявшись на ноги, я приветствовал тех, кто, как мне было известно, главенствовали среди певцов — бога и богиню, ибо смертным не дается такая красота. И они взяли меня за руки и сказали: «Идем, дитя, ты слышал голоса. Все будет хорошо. В Телоэ, что лежит за Млечным путем и потоками Аринури, есть города из янтаря и халцедона. Там, над величественными куполами сияет множество неведомых прекрасных светил. В Телоэ под мостами слоновой кости текут реки из жидкого золота, и по ним большие барки держат путь в цветущий Семизвездный Кифарион. В Телоэ и Кифарионе царствуют вечная юность, красота и услады, там слышны только смех, песни и звуки лютни. Одни только боги обитают в Телоэ на Золотой реке, но и ты почишь среди них».

Я зачарованно слушал — но вдруг заметил, что вокруг меня все переменилось. Пальма, еще недавно дававшая спасительную тень моему изможденному телу, осталась далеко внизу. Я плыл по воздуху вместе с младенцем и двумя ботами, излучавшими прекрасное сияние; нас сопровождал с каждой минутой все возраставший в числе сонм излучавших свет, увенчанных виноградными лозами юношей и дев — их лица озаряла радость, легкий ветер раздувал их волосы. Мы медленно поднимались ввысь, словно на крыльях благоуханного воздуха, но воздушная волна, казалось, исходила не от земли, а из золотистой туманности наверху; младенец шептал мне на ухо, что я должен смотреть только на потоки нисходящего света, и не должен оглядываться на мир, который только что покинул. Юноши и девы распевали ямбы и хореи под аккомпанемент лютен, и я чувствовал, что погружаюсь в атмосферу мира и счастья, куда более глубокого, чем я мог представить себе в жизни. Однако в следующую минуту царившую круг меня гармонию грубо нарушил один-единственный звук, переменивший всю мою судьбу и потрясший меня до глубины души. В сладостные мелодии певцов и лютен вторглась, образуя с ними какое-то дьявольски-издевательское созвучие, отвратительная, демоническая пульсация ужасного океана. И как только удары черных волн донесли до моих ушей страшное откровение морей, я забыл о предостереже-

нии младенца и посмотрел вниз, на обреченный берег, который, мнилось мне, счастливо и навсегда покинул.

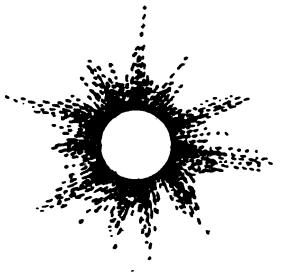
Внизу, сквозь тонкую оболочку атмосферы, был видна ненавистная мне Земля, все так же вращавшаяся, все так же бесконечно вращавшаяся вокруг своей оси со всеми своими злобными, буйными водами, пожирающими дикие берега, швыряющими пену на шаткие бастионы опустошенных городов. В мрачном свете луны мелькали картины, которые я не в силах описать, которые я не в силах забыть: пустыни, покрытые истлевшими трупами, джунгли из руин и разложения на месте оживленных некогда равнин и селений моей родины, водовороты бурлящего океана там, где когда-то вздымались крепкие замки моих предков. Вокруг северного полюса гигантские топи изрыгали из себя зловонные пузыри и облака ядовитых испарений и с бессильной яростью шипели в ожидании натиска вздымавшихся к небу волн, что кружились и бесновались в дрожащих глубинах. Но вот оглушительный взрыв расколол ночь, и опустевшую землю рассекла огнедышащая трещина. Черный океан все пенился, пожирая пустыню по краям, а трещина в центре неумолимо росла.

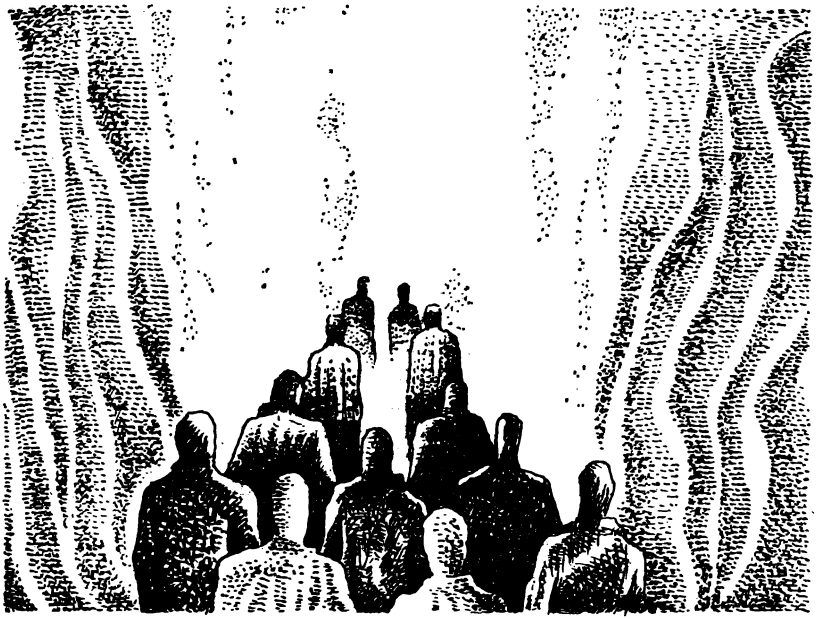
Не осталось больше суши, кроме страшной пустыни, но грозово дымящийся океан продолжал наступать на нее. Вдруг бешеное море словно испугалось чего-то, оно замерло на миг, ужаснувшись лика темных богов земных недр, превосходящих своею силою злого бога вод. Но, как бы то ни было, океан уже не мог повернуть вспять, да и пустыня слишком долго страдала от его кошмарных волн, чтобы помогать теперь старому недругу. А посему воды, поглотив остатки земли, устремились в дымящуюся пропасть, теряя при этом все свои былые завоевания. Они уходили с недавно затопленной суши, вновь являя глазу картины смерти и распада, мутными струями они уходили с древнего океанского дна, на котором покоились с тех незапамятных времен, когда время только начиналось, а земные боги еще не родились. Сначала над водой поднялись одетые в траур развалины знакомых столиц. Луна возложила свои бледные лилии на мертвое тело Лондона, Париж же поднялся из своей влажной могилы, чтобы получить благословение далеких звезд. Потом появились развалины не менее мрачные, но совсем незнакомые — ужасные башни и монолиты в тех местах, где, как думают люди, никогда и не было суши.

Волны больше не грохотали в размеренном ритме — его сменил невероятный рев и шипение устремлявшейся в трещину воды. Шедший из разлома пар превратился в дым, и, с каждой минутой становясь все гуще, почти полностью закрыл собою Землю. От копоти и гари руки и лицо у меня покрылись черным

налетом; я хотел было взглянуть, не произошло ли то же самое с моими спутниками, но когда обернулся, их уже не было... Потом вдруг все кончилось: я проснулся на одре болезни... Но я помню, что когда облако испарений из подземных бездн совсем скрыло собой поверхность Земли, твердь словно возопила в безумной агонии, потрясая трепещущий эфир. Хватило одной ужасной вспышки и взрыва, одного ослепительного оглушающего удара огня, дыма и молний, чтобы освободить от вечных пут древнюю луну, которая, словно обрадовавшись избавлению, стала стремительно удаляться в пустоту.

Когда же дым рассеялся, и я захотел посмотреть на Землю, то увидал вместо нее лишь рой холодных насмешливых звезд, умирающее желтое Солнце и бледные печальные планеты, что разыскивали повсюду свою пропавшую сестру.

ЛУННОЕ БОЛОТО

Куда, в какую дальнюю жуткую страну, ушел от нас Денис Барри, мне не дано знать. Я был рядом с ним в последнюю ночь, что он провел среди людей, и слышал его ужасные вопли в ту минуту, когда все свершилось. На поиски тела была поднята вся полиция графства Мит, множество окрестных крестьян. Его искали долго и повсюду, но безуспешно. С тех пор я не могу слышать, как лягушки квакают на болотах, и не выношу лунного света, особенно когда остаюсь один.

Я был близок с Денисом Барри еще во время его пребывания в Америке, где он нажил свое огромное состояние, и в числе первых поздравил его с покупкой старого родового замка, что стоял на краю топей в древнем захолустном местечке Килдерри. Еще его отец жил там, и Барри решил, что ему приятнее всего будет наслаждаться своим достатком на родине предков. Когда-

то представители его рода владели всем Килдерри — они-то и построили этот замок и веками жили в нем; но те времена давно миновали, и на протяжении жизни вот уже нескольких поколений замок пребывал в запустении и медленно превращался в груду развалин. Вернувшись к себе в Ирландию, Барри регулярно писал мне о том, как его стараниями старый замок поднимается из руин, башня за башней восстанавливая свою былую красу; как плющ несмело взбирается по вновь отстроенным стенам, повторяя уже пройденный много веков тому назад путь; как крестьяне благословляли нового хозяина поместья за то, что его заморское золото возвращает тамошним местам былую славу. Но все эти удачи вскоре сменились несчастьями — простолюдины забыли прежние восхваления и один за другим покидали родные места, словно их гнал оттуда какой-то злой рок. А еще через некоторое время он прислал письмо, в котором умолял меня приехать, ибо он остался в замке почти в полном одиночестве и за исключением нескольких слуг и батраков, выписанных им с севера страны, ему не с кем было перекинуться даже парой слов.

Как сообщил мне Барри в вечер моего приезда, причиной всех его бед были окрестные болота. Я добрался до Килдерри на закате чудесного летнего дня; золотистое небо бросало яркие отсветы на зеленые холмы, овраги, и голубую поверхность небольших лужиц и озер, там и тут видневшихся посреди трясины, посреди которой, на островке твердой почвы, мерцали неверной белизной какие-то странные и очень древние руины. Вечер выдался на редкость прекрасным, но его немного омрачило то обстоятельство, что на станции в Баллилохе крестьяне пытались меня о чем-то предупредить и туманно намекали на какое-то проклятие, лежавшее на Килдерри; наслушавшись их бредней, я и вправду вдруг почувствовал невольный озноб при виде позолоченных огоньками фонарей башенок замка. Там, в Баллилохе, меня дожидался присланный Денисом автомобиль — Килдерри был расположен в стороне от железной дороги. Бывшие на станции фермеры старались держаться подальше от машины, а узнав, что она предназначается для меня, стали поодиночке подходить ко мне и, близко наклоняя побледневшие лица, шептать на ухо какую-то бессвязную чушь. Лишь вечером, встретившись с Барри, я наконец смог понять, что все это означало.

Крестьяне покинули Килдерри, потому что Денис Барри задумал осушить Большие топи. При всей своей любви к Ирландии, он слишком хорошо перенял у американцев их практическую сметку, чтобы спокойно взирать на прекрасный, но совершенно бесполезный участок земли, на котором можно

было бы добывать торф, а впоследствии и посеять что-нибудь. Местные предания и суеверия совершенно не трогали Барри, и он только посмеивался над своими арендаторами, когда те сначала отказывались помочь в работах, а потом, увидев, что их землевладелец и не думает отступаться от намеченной цели, осыпали его проклятиями и, собрав нехитрые пожитки, уехали в Баллилох. На их место он выписал батраков с севера, а вскоре ему пришлось заменить и домашних слуг. Но среди чужаков Денис чувствовал себя одиноко, а потому просил приехать меня.

Когда я узнал подробнее, какие именно страхи выгнали обитателей Килдерри из их родных лачуг, я рассмеялся еще сильнее, чем Барри: здешнее простонародье было приверженно совершенно диким и сумасбродным фантазиям. Все местные жители поголовно верили в какую-то крайне нелепую легенду, повествующую о соседних топях и охранявшем их мрачном духе, который якобы обитал в древних развалинах на дальнем островке посреди топей — тех самых, что бросились мне в глаза еще на закате. По деревням ходили дурацкие сказки об огоньках, танцующих над трясиной, о необъяснимых порывах ледяного ветра, случавшихся иногда теплыми летними ночами, о привидениях в белом, паривших над водой, и, наконец, о призрачном каменном городе, что скрывался в глубине под болотной тиной. Но самым распространенным и единогласно признанным за непреложную истину было поверье об ужасном проклятии, которое ждет всякого, кто осмелится хоть пальцем прикоснуться к болоту, не говоря уже о том, чтобы осушить его. Есть тайны, рассуждали простолюдины, которые лучше не трогать, ибо они существуют со времен Великого Мора, что покарал сынов Партолана в те незапамятные времена, когда еще не было истории. В «Книге Завоевателей» говорится, что все эти потомки греков вымерли и были погребены в Таллате, но килдеррийские старики рассказывали, что один город был пощажен благодаря заступничеству покровительствовавшей ему богини Луны, которая и укрыла под лесистыми холмами, когда немедийцы приплыли из Скифии на тридцати кораблях.

Вот такие пустые россказни и заставили крестьян покинуть Килдерри: нет ничего удивительного в том, что Денис Барри не отнесся к ним с должным вниманием. Между тем, он живо интересовался древностями и после того, как топи будут осушены, предполагал произвести раскопки. Ему доводилось часто бывать и на том дальнем островке, где белели древние развалины; их почтенный возраст не вызывал сомнений, а очертания были очень нетипичными для Ирландии. К сожалению, но слишком сильные разрушения не позволяли судить с достаточной сте-

пенью достоверности об их первоначальном виде и назначении. Подготовка к дренажным работам почти закончилась, и недалек уже был тот час, когда выписанные с севера бараки должны были сорвать с запретной трясины ее наряд из зеленых мхов и рыжеватого вереска, заставив умолкнуть крохотные ручейки с усеянным ракушками дном и обмелив мирные голубые озерца, обрамленные кустарником.

Когда рассказ Барри наконец подошел к концу, у меня уже вовсю слипались глаза: путешествие, занявшее целый день, было довольно утомительным, да и наша беседа затянулась далеко за полночь. Лакей проводил меня в комнату, отведенную мне в дальней башне замка, Окна ее выходили как раз на деревню, за которой начинались примыкавшие к болоту луга, а немного поодаль и самое болото, и мне были видны крыши безмолвных домишек, под которыми вместо прежних хозяев ютились теперь батраки-северяне, ветхая приходская церковь со старинным шпилем, и — вдали, за темной трясиной, — древние руины, сиявшие призрачным отраженным светом луны. Я уже почти заснул, как вдруг мне послышались какие-то слабые отдаленные звуки: диковатые, но несомненно музыкальные, они исполнили меня странным возбуждением, придавшим необыкновенную окраску моим видениям той ночи. Проснувшись наутро, я не сомневался, что это были именно видения, причем куда более чудные, чем дикий посвист флейты, под который я засыпал. Под влиянием рассказанных Денисом Барри легенд, мое спящее сознание перенесло меня в величественный город посреди зеленой равнины; там я видел улицы и статуи из мрамора, просторные дворцы и храмы, барельефы и надписи на стенах — то были величественные картины древней Эллады. Я рассказал о своем сне Барри, и мы вместе от души посмеялись над ним, хотя в то утро мой друг не мог скрыть серьезной озабоченности по поводу наемных рабочих. Вот уже шестой день подряд они выходили на работу с опозданием: ни один из них не мог вовремя проснуться; поднявшись же наконец, они долго приходили в себя, еле шевелились и поголовно жаловались на недосыпание — и это несмотря на то, что все они ложились спать довольно рано.

Я провел утро и большую часть дня, гуляя в одиночестве по деревне и заговаривая время от времени с бездельничающими поденщиками. Барри был занят последними приготовлениями к осушению болота. Без всякой видимой причины его люди казались вялыми и истощенными; насколько я понял, почти все безуспешно пытались вспомнить, что видели во сне прошедшей ночью. Я рассказывал им о своем сне, но они никак не реагировали на него до тех пор, пока я не упомянул о почудившихся мне

необычных звуках флейты. Тут мои собеседники принимались очень странно смотреть на меня и признавались, что помнят нечто подобное.

За ужином Барри объявил мне, что планирует начать основные работы через два дня. Я был рад этому: хотя и неприятно будет наблюдать, как исчезают с лица земли мхи и вереск, ручейки и озерца, но, с другой стороны, мне не терпелось увидеть собственными глазами те древние тайны, что возможно таятся глубоко под залежами торфа. Той ночью сон с поющими флейтами и мраморными двориками неожиданно прервался на какой-то тревожной ноте; я видел, как в город пришел мор, как наступали на него поросшие лесом холмы и как погребли они под собою усеянные трупами улицы, оставив в неприкосновенности один только стоявший на возвышенности храм Артемиды, в котором почила жрица Луны по имени Клио. Холодная и безмолвная лежала она, а ее посеребренную годами голову украшала корона из слоновой кости.

Я уже говорил, что проснулся посреди ночи в сильной тревоге. Какое-то время я даже не мог понять, продолжаю ли спать или уже бодрствую, потому что пронзительный свист флейт все еще стоял у меня в ушах. Но когда я увидал на полу полосы холодного лунного света, струившегося сквозь частый переплет старинного окна, я решил, что все-таки проснулся, как и следовало ожидать, в своей постели в замке Килдерри. Я еще более уверился в этом, услышав, как часы в одной из нижних комнат пробили два раза. Но тут откуда-то издалека опять донесся терзавший меня во сне свист — дикая, сверхъестественная мелодия, напоминавшая экстатическую пляску меналийских фавнов. Эти звуки не давали заснуть, и я в раздражении вскочил с постели. Не могу сказать, почему я подошел именно к тому окну, что выходило на север, или зачем стал разглядывать безмолвную деревню и луга, лежавшие по краю болота. У меня не было ни малейшего желания глазеть на окрестности, ибо я хотел спать; но от свиста не было спасения, и мне нужно было посмотреть, что там в конце концов происходит и каким-нибудь образом остановить дикую свистопляску. Откуда я мог знать, что мне предстоит увидеть?

В лунном свете, затопившем просторный луг, моим глазам предстало зрелище, которое я не смогу забыть во всю оставшуюся жизнь. Под пение тростниковых флейт, разносившееся над болотом, извиваясь в жутком нечеловеческом танце, скользила странная толпа; все происходящее напоминало одну из древних мистерий, справлявшихся где-нибудь на Сицилии в честь богини Деметры в первое полнолуние после сбора винограда. Огром-

ный луг, золотистый свет луны, пляшущие тени, и царившая надо всем этим резкая монотонная мелодия флейт — эта немыслимая сцена буквально парализовала меня; несмотря на невыносимый страх, я успел заметить, что половину танцоров составляли поденщики, которым давно полагалось спать в своих кроватях, а другую... До сих пор я не знаю, что представляли собой эти призрачные существа в белоснежных одеяниях; почему-то я решил, что это печальные белые нимфы здешних ручьев и ключей. Должно быть, я простоял немало минут, глядя на это немыслимое действо из своего окна в башне, а потом вдруг провалился в тяжелое забытье без сновидений, от которого очнулся только когда солнце уже приближалось к зениту.

Первым моим желанием было немедленно рассказать обо всем увиденном ночью Денису Барри, но яркое солнце, заглядывавшее в мои окна, успокоило меня и внушило уверенность в том, что все эти кошмары не имеют никакой связи с действительностью. Я подвержен довольно странным видениям, но мне всегда хватало силы воли не верить в их реальность. Вот и на сей раз я ограничился тем, что расспросил некоторых рабочих: нынче они опять проспали и, как и в прошлый раз, ничего не могли припомнить из своих снов, кроме какого-то пронзительного монотонного свиста. Постоянные упоминания об этих загадочных звуках сильно меня озадачивали, но, в конце концов, это могли быть просто осенние кузнечики, что появились раньше времени и тревожили всех нас во сне. Днем я встретил Барри — он сидел в библиотеке и размышлял над планами работ, которые должны были начаться уже назавтра, и тут-то, вспомнив об этом, я впервые испытал нечто вроде бессознательного ужаса, что изгнал из Килдерри местных крестьян. По какой-то необъяснимой причине меня ужаснула сама мысль потревожить покой болота и темные тайны, сокрытые в его глубинах. Перед моим внутренним взором вставали леденящие кровь картины, доселе скрытые на неведомой глубине под многовековым торфяником. Теперь мне казалось безумием обнажать эти сокровенные глуби пред лицом дневного светила, и я пожалел, что у меня нет убедительного повода немедленно уехать из замка. Я попытался заговорить об этом с Барри, но при первых же моих словах он принялся так громко смеяться, что я не осмелился продолжать. Мне оставалось только молча наблюдать, как сияющее солнце заходит за далекие холмы, и весь Килдерри, замерев в ожидании чего-то, зажигается алыми и золотыми огнями.

Я до сих пор не могу сказать с определенностью, насколько реальны были события той ночи. В одном нет у меня сомнений: все происшедшее намного превосходит самую буйную человече-

скую фантазию; с другой стороны, если то был лишь бред, то как объяснить исчезновение людей, о котором впоследствии стало известно всякому? Исполненный самых мрачных предчувствий, я лег довольно рано и долго не мог заснуть в зловещей тишине старой башни. Было очень темно: луна уже пошла на убыль, и ясное небо осветилось как следует только после полуночи. Я лежал и размышлял о Денисе Барри и о том, что случится завтра с болотом; мною все больше овладевало острое желание немедленно выскочить из дома, сесть в автомобиль Дениса и уехать как можно быстрее из этих злополучных мест. Но прежде чем мой страх оформился в какие-либо действия, я заснул — и во сне опять увидел холодный и мертвый город в долине, безмолвно раскинувшийся под покровом ужасной тени.

Разбудил меня, должно быть, все тот же резкий свист, но едва открыв глаза, я сразу же потерял способность к чему-либо прислушиваться. Я лежал спиною к выходившему на топи восточному окну; по всем законам логики в тот момент в него должна была заглядывать ущербная луна и бросать свои блики на противоположную стену — но то, что я увидел, не было бледным светом луны. Сквозь небольшое окно в комнату врывался невероятно мощный поток неестественного ярко-красного сияния, заставлявшего все окружающие предметы сверкать каким-то неземным блеском. Мои дальнейшие действия могут показаться странными, но только в детских сказках герой всегда совершает решительные и правильные поступки. Я же, вместо того, чтобы выглянуть из окна и посмотреть на болото, откуда исходило необычайное свечение, старательно отводил от него взгляд и, объятый ужасом, неловко натягивал на себя одежду, лихорадочно перебирая в уме возможные способы бегства. Помню, как схватил револьвер и шляпу, но тут же засунул их куда-то, не успев ни воспользоваться оружием, ни покрыть головы. Но в конце концов невероятное алое свечение настолько зачаровало меня, что, преодолевая страх, я подкрался к восточному окну и выглянул наружу; совершенно точно помню, что в эту минуту в стенах замка и над деревней разносился безумный и настойчивый свист флейт.

Из древних развалин на далеком островке, подобно раскаленной лаве, растекался над болотом сияющий поток зловещего пурпурно света. Не берусь описать вид самих развалин, ибо некоторое время я, должно быть, пребывал в умопомешательстве: руины представились мне восставшими в своем былом величии и совершенстве. Гордое и прекрасное, каким оно было в незапамятные времена, стояло вдали великолепное здание в окружении стройных колонн, и сверкающий мрамор крыши разре-

зал небо подобно навершию древнего храма на высокой горе. Неумолчно пели флейты, барабаны отбивали ритм, а я, пораженный и испуганный, не мог оторвать глаз от темных фигур, безумно кривлявшихся посреди мрамора и блеска огней. Впечатление было потрясающее, немыслимое, и я мог бы до бесконечности стоять так, глядя во все глаза, если бы вдруг где-то слева от меня не раздался самый настоящий взрыв музыки. Дрожа от страха, странным образом смешанного с восторгом, я пересек свою круглую комнату и подошел к северному окну, из которого открывался вид на деревню и луга по кромке болота. Глаза мои снова округлились от удивления, словно до того момента я видел только самые обычные вещи: по залитому жутким багровым светом лугу двигалась длинная процессия странных существ, извивавшихся, как в самом кошмарном сне.

То скользя по земле, то паря в воздухе, одетые в белое духи болот медленно возвращались домой — к незыблимым топям и развалинам на островке; их силуэты образовывали какие-то странные переплетения, похожие на фигуры древних ритуальных плясок. Полупрозрачными руками размахивали они в такт ужасной мелодии невидимых флейт, увлекая к болоту толпу батраков, неуверенно шатавших за ними со скотской, слепой, бессмысленной покорностью, словно их толкала вперед невидимая, но властная злая сила. Когда нимфы уже приближались к трясине, из дверей замка под моим окном вышла еще одна кучка спотыкавшихся, покачивавшихся, как во хмелю, людей; они наощупь пересекли двор и влились в основную толпу на лугу. Несмотря на значительное расстояние, я сразу же узнал в маленькой группке, присоединившейся к толпе, выписанную с севера прислугу; особенно выделялась среди остальных уродливая, нескладная фигура повара. Его черты и движения, ранее вызывающие у окружающих только смех, казались теперь исполненными глубокого трагизма. Флейты продолжали свою страшную песнь, а с развалин на острове снова послышался барабанный бой. Не нарушая молчания, нимфы грациозно скользнули в болото и растаяли в нем одна за другой. Ковылявшие за ними люди не были столь уверены в своих движениях: они неловко плюхались в трясину и исчезали в водоворотах зловонных пузырьков, едва видных в багровом свете. И как только последний из несчастных — а им оказался толстяк повар — дотащился до берега и грузно повалился в болотную жижу, флейты и барабаны смолкли, призывные красные лучи погасли, и обреченная деревня осталась лежать в запустении, освещенная тусклым светом ущербной луны.

Я был раздавлен всем случившимся. Что это? Сошел ли я с

ума или все еще находился в здравом рассудке? Сон это или явь? Меня спасло лишь милосердное оцепенение, в котором я пребывал все это время. Пусть это покажется смешным, но в тот момент я исступленно молился всем богам, каких только помнил из школьного курса классической мифологии — Артемиде, Латоне, Деметре, Персефоне и Плутону. Самые дикие предрассудки ожили во мне. Я понял, что стал свидетелем гибели целой деревни, и теперь в огромном пустом замке остались только мы с Денисом Барри, чьи дерзость и упрямство и обрекли окружающих на страшную смерть. Как только я подумал о нем, новый приступ отчаянного ужаса овладел мною, и, лишившись последних сил, я упал там, где стоял. Это был не обморок, но полное физическое истощение. Через некоторое время я почувствовал порыв ледяного ветра из восточного окна и услышал душераздирающие крики, что неслись откуда-то с нижних этажей замка. Скоро эти вопли достигли такой неописуемой силы и пронзительности, что от одного воспоминания о них я и теперь почти лишаюсь чувств. Однако я совершенно точно могу сказать, что голос, столь отчаянно вопивший в тишине, принадлежал моему несчастному другу.

Очевидно, холодный ветер и крики снова подняли меня на ноги, потому что я отчетливо помню, как бежал сломя голову по темным комнатам и коридорам, а потом через двор в нависшую над замком ужасную тьму. Меня нашли на рассвете: не помня себя, я бродил в окрестностях Баллилоха. Однако прежде чем закончить, мне следует остановиться на тех событиях, которые довели меня до помрачения рассудка. Выйдя из леса навстречу обнаружившим меня людям, я пытался поведать им о двух невероятных вещах, что привиделись мне в ночь моего бегства; сами по себе незначительные, они до сих пор тревожат мой разум, стоит лишь мне оказаться в болотистой местности или увидеть свет луны.

Когда я бежал из проклятого Богом замка вдоль края топей, ушей моих достиг непривычный звук: его можно услышать во всех заболоченных местах нашей планеты, но я уверен, что в Килдерри его доселе не слыхали. В стоячих водах, до того совершенно лишенных всякой живности, теперь кишели огромные склизкие лягушки, непрестанно и пронзительно квакавшие в темноте — но тембр этого мерзкого кваканья как-то очень не вязался с их размерами. Они надувались и поблескивали зеленой кожей, устремляя свои круглые глаза куда-то вверх. Я проследил взгляд одной из мерзких тварей, что была особенно уродлива, неловка и жирна, и увидел то, что навсегда лишило меня душевного равновесия.

Мой взгляд уперся в развалины на отдаленном островке: от них напрямую к луне восходил широкий луч слабого мерцающего света, не отражавшегося в воде. В верхней части этого светящегося столба я увидел некую отчаянно извивавшуюся, чудовищно искаженную тень — казалось, она боролась с тащившими ее неведомо куда демонами. Почти лишившись остатков разума, я все же умудрился разглядеть в этой ужасной тени чудовищное, невероятное, омерзительное, гнусное сходство с тем, кто был когда-то Денисом Барри.

ПРАЗДНИК

«Efficiut Daemones, ut quae non sunt, sic tamen quasi sint, conspicienda hominibus exhibeant».

Лактанций

Мой дом остался далеко позади; я был весь во власти чар восточного моря. Уже стемнело, когда я услышал шум прибоя и понял, что море — вон за тем холмом с прихотливыми силуэтами ив на фоне светлеющего неба и первых ночных звезд. Я должен был исполнить завет отцов, и потому быстро шагал по свежевыпавшему снегу, тонким слоем покрывавшему дорогу, уныло ведущую ввысь, туда, где Альдебаран мерцал среди ветвей. Я спешил в старинный город на берегу моря, где никогда прежде не бывал, хотя частенько грезил о нем.

Стояли святки. Люди называют этот праздник Рождеством, но в глубине души знают, что он древнее Вифлеема и Вавилона, древнее Мемфиса и самого человечества. Стояли святки, когда

я, наконец, добрался до древнего городка на берегу моря, где некогда жил мой народ, жил и отмечал этот праздник еще в те незапамятные времена, когда он был запрещен. Несмотря на запрет, из поколения в поколение передавался завет: отмечать праздник каждые сто лет, чтобы не угасала память о первозданных тайнах. Народ мой был очень древним, он был древним уже триста лет назад, когда эти земли только заселялись. Предки мои были чужими в здешних местах, ибо пришли сюда из южных опиумных стран, где цветут орхидеи. Это были темноволосые нелюдимые люди, говорившие на непонятном языке и лишь постепенно освоившие наречие местных голубоглазых рыбаков. Потом мой народ разбросало по свету, и объединяли его одни лишь ритуалы, тайный смысл которых навек утерян для ныне живущих. Я был единственным, кто в эту ночь вернулся в старинный рыбацкий поселок, ибо только бедные да одинокие умеют помнить.

Я достиг вершины холма и увидел Кингспорт — в наступивших сумерках он казался огромным: заснеженный Кингспорт с затейливыми флюгерами и шпилями, старомодными крышами и дымниками на печных трубах, причалами и мостками, деревьями и погостами; с бесчисленными лабиринтами улочек, узких, извилистых и крутых, сбегающих с чудовищной высоты холма в центре города, холма, увенчанного церковью и пощаженного временем; с невообразимой мешаниной домов колониального периода, разбросанных тут и там и громоздящихся под разными углами и на разных уровнях, словно кубики, раскиданные рукой младенца. Древность парила на серых крылах над посеребренными морозом кровлями. Один за другим в окнах вспыхивали огни, вместе с Орионом и бессмертными звездами освещая холодные сумерки. Волны прибоя мерно ударяли в полусгнившие пристани — там затаилось море, вечное загадочное море, откуда некогда вышел мой народ.

Холм, на вершине которого я стоял, находился чуть в стороне от дороги; лишенный растительности и открытый всем ветрам, теперь он стал кладбищем — я понял это, когда, приглядевшись, увидел черные надгробия. Они зловеще вырисовывались в темноте, словно наполовину истлевшие ногти гигантского мертвеца. Дорога выглядела заброшенной, снег на ней был нетронут. Временами мне чудилось, будто издалека доносится какой-то звук, жуткий и размеренный, напоминающий скрип виселицы на ветру. В 1692 году в этих местах были повешены по обвинению в колдовстве четверо моих родичей, но точное место казни было мне неизвестно.

Спускаясь по дороге, прихотливо петлявшей по склону, я

изо всех сил прислушивался, пытаясь уловить отзвуки веселья, столь обычного для таких небольших городков по вечерам, но не расслышал ни звука. Тогда я вспомнил о том, что сейчас Рождество, и решил, что освященные веками традиции здешних пуритан вполне могут отличаться от общепринятых и, вероятно, заключаются в тихой истовой молитве в кругу домочадцев. После этого я больше не прислушивался и не искал взглядом попутчиков, но спокойно продолжал свой путь мимо тускло освещенных фермерских домишек и погруженных во мрак каменных оград — туда, где вывески на старинных лавках и тавернах для моряков поскрипывали на соленом морском ветерке, где вычурные кольца на дверях с колоннами поблескивали при свете из крошечных занавешенных окон, выходящих на безлюдные немощеные улочки.

Я заранее ознакомился с планом города и знал, как пройти к дому, где меня должны были признать за своего и оказать мне радушный прием... ибо деревенское предание живет долго. Уверенным шагом я проследовал по Бэк-стрит к зданию окружного суда, пересек по свежему снежку единственную в городе плиточную мостовую и очутился за Маркет-хаусом, где начиналась улица Грин-лэйн. Планы города, изученные мною, были составлены очень давно, однако с тех пор Кингспорт нимало не изменился, и я не испытывал никаких затруднений с дорогой. Правда, в Аркхэме мне сказали, что здесь ходят трамваи, но я не видел над собой проводов; что же касается рельсов, то их все равно не было бы видно из-за снега. Впрочем, я не пожалел, что решил идти пешком — с вершины холма заснеженный городок выглядел таким привлекательным! Чем ближе я подходил к цели, тем непреодолимее становилось мое желание постучать в двери дома, где жили мои соплеменники, — седьмого по счету дома на левой стороне Грин-лэйн, со старомодной остроконечной крышей и выступающим вторым этажом, как строили до 1650 года.

Когда я подошел к нему, внутри горел свет. Судя по ромбовидным окнам, дом поддерживался в состоянии, весьма близком к первоначальному. Верхняя его часть выдавалась вперед, нависая над узкой, заросшей травой улочкой и едва не касаясь выступающего верхнего этажа дома напротив, так что я оказался как бы в туннеле. Низенький каменный порог был полностью очищен от снега. Тротуара я не заметил; входные двери многих соседних домов располагались высоко над землей, к каждой из них вело по два ряда ступеней с железными перилами. Все это выглядело довольно необычно: я не был уроженцем Новой Англии и никогда не видел ничего подобного. В общем, мне здесь

понравилось, и, вероятно, я бы даже нашел окружающий вид приятным для глаза, если бы еще по улицам ходили люди, если бы на снегу виднелись следы, если бы хоть на некоторых окнах были подняты шторы.

Взявшись за железное дверное кольцо, я ощутил нечто похожее на страх. Ощущение это вызревало во мне давно; причинами его могли служить и курьезность моей миссии, и промозглые сумерки, и странная тишина, царившая в этом старинном городе с его незаурядными обычаями. И когда мой стук вызвал отклик, я струсил окончательно... ибо перед тем, как дверь, скрипя, отворилась, я не услышал ничего похожего на звуки приближающихся шагов. Впрочем, испуг мой длился недолго: у открывшего мне дверь старика в домашнем халате и шлепанцах было доброе лицо, и это меня несколько успокоило. В руках он держал перо в и восковую табличку, на которой тут же нацарапал витиеватое, в старинном стиле приветствие, предварительно показав мне жестами, что он немой.

Знаком предложив мне следовать за собою, хозяин провел меня в освещенную свечами комнатушку с массивными открытыми балками на низком потолке, скудно обставленную потемневшей от времени чопорной мебелью семнадцатого века. Вся комната была олицетворением прошлого; ни одна деталь не была упущена. Здесь была и разверстая пасть очага, и прялка, у которой спиной ко мне сидела согбенная старушка в широком капоте и огромной шляпе с полями. Несмотря на праздничный день, она молча пряла свою пряжу. В воздухе ощущалась какая-то непонятная сырость, и я подивился тому, что в очаге не горел огонь. Слева от меня, напротив ряда занавешенных оконец, стояла скамья, повернутая ко мне высокой спинкой; мне показалось, что на ней кто-то сидит, но я не был в этом уверен. Обстановка подействовала на меня угнетающе, и я вновь ощутил давешний безотчетный страх. Более того, страх этот усилился, и причиной этому было именно то, что лишь недавно его заглушило: я имею в виду доброе лицо старика, ибо чем дольше я в него всматривался, тем более меня ужасала сама доброта его. Неподвижные, застывшие зрачки, кожа белая, как воск... Внезапно я понял, что это вовсе не лицо, а маска, дьявольски искусная маска. И еще меня поразило то, что старик был в перчатках. Трясущимися руками он снова нацарапал что-то на табличке. Я прочел: в очень вежливой форме мне предлагалось немного подождать, прежде чем меня отведут к месту праздника.

Указав на стул, стол и стопку книг, хозяин удалился. Усевшись, я принялся рассматривать книги; это были старинные,

почтенные фолианты, в том числе совершенно дикие «Чудеса науки» старины Морристера, кошмарный «Saducimus Triumphatis» Джозефа Глэнвиля, изданный в 1681 году, шокирующая «Daemonolatreia» Ремигия, напечатанная в 1595 году в Лионе и, наконец, самый жуткий из вышеперечисленных, чудовищный и непотребный «Некрономикон» безумного араба Абдула Аль Хазреда в запрещенном переводе на латинский Олауса Вормия; я ни разу не видал этой книги, но слышал о ней самые ужасные вещи. Со мной не вступали в разговор, тишина нарушалась лишь скрипом уличных вывесок, колеблемых ветром, да мерным жужжанием прялки, у которой сидела старушка в шляпе с полями козырьком и все пряла и пряла свою бесконечную пряжу. И комната, и книги, и хозяева дома, словом, все вокруг действовало на меня угнетающе, вселяло безотчетную тревогу, но я должен был исполнить завет отцов и принять участие в этих странных торжествах, с какими бы неожиданностями мне ни пришлось столкнуться. Поэтому я взял себя в руки и принялся за чтение. Вскоре моим существом всецело, до дрожи, завладело одно место в этом проклятом «Некрономиконе», где высказывалась одна мысль и приводилась одна легенда — и та, и другая настолько жуткие, что противоречили здравому рассудку и не укладывались в голову. В конце концов, я бросил книгу, не дочитав страницы, поскольку мне почудилось, будто я слышу, как закрывается одно из окон напротив скамьи — стало быть, оно прежде было тихо отворено? Затем послышался какой-то шум, совсем не похожий на звук хозяйкиной прялки. Впрочем, здесь я мог и ошибиться, потому что старуха работала очень энергично, а еще прежде раздался бой старинных часов. Что бы там ни было, но с этого момента у меня пропало ощущение, будто на скамье кто-то сидит, и я снова погрузился в чтение, трепеща над каждым словом, а потом в комнату вернулся хозяин. Он был одет в широкую старинную мантию и опустился на ту самую скамью, так что теперь мне его не было видно. Да, ожидание было не из приятных, и нечестивая книга в моих руках делала его неприятным вдвойне. Но вот пробило одиннадцать, старик встал, скользнул к громоздкому резному сундуку в углу комнаты и вынул из него два плаща с капюшонами. Один из них он надел на себя, другим облек свою хозяйку, которая, наконец-то оставила свое монотонное занятие. Затем они оба направились к выходу; старуха ковыляла, прихрамывая, а хозяин захватил с собой ту самую книгу, которую я читал, дал мне знак следовать за ним и натянул капюшон на свое неподвижное лицо-маску.

Мы шли по безлунным извилистым улочкам этого древнего,

невообразимо древнего города; мы шли, а в занавешенных окошках один за другим гасли огоньки, и Сириус, смеясь, глядел на то, как множество фигур в рясах с капюшонами безмолвно выходили из всех домов, образуя то тут, то там жуткие процессии, которые шествовали по улицам города, минуя скрипучие вывески и допотопные фронтоны, соломенные крыши и ромбовидные окошки; пробирались цепочками по крутым переулкам с навалившимися друг на друга скособоченными и полуразрушенными зданиями; скользили через проходные дворы и церковные дворики; и фонари их, качаясь, сливались в леденящие душу шаткие созвездия.

Среди этих бесшумных толп двигался и я вслед за своим безмолвным вожатым; в мои бока упирались локти, казавшиеся неестественно мягкими; меня теснили тела, на удивление податливые, но я так и не разглядел ни одного лица, не услыхал ни единого звука. Все выше и выше и выше всходили кошмарные вереницы, и тут я увидел, что все они сливаются в один грандиозный широкий поток в том самом месте на вершине горы в центре города, где сходились, как в фокусе, все эти сумасшедшие улицы и где стояла величественная белокаменная церковь. Я уже видел ее с гребня холма, когда глядел на Кингспорт в сгущающихся сумерках, и помню, что затрепетал, когда мне показалось, будто Альдебаран на мгновенье застыл на призрачном шпиле ее.

Церковь стояла в центре пустыря; часть его занимало кладбище, другая часть представляла собой полумощеную площадь, снежный покров на ней был сметен ветром; вдоль нее простирался ряд невообразимо древних домов с остроконечными крышами и выступающими фронтонами. Блуждающие огоньки танцевали над могилами, освещая унылые надгробья, как ни странно, не отбрасывающие теней. Глядя с вершины холма поверх кладбища, где ничто не загораживало обзора, я мог различить отблески звезд на водной глади в бухте, сам же город был погружен в глубокий мрак. Лишь изредка я замечал, как то один, то другой фонарь приближался со стороны города по одной из кривых улочек, чтобы нагнать толпу, которая тем временем бесшумно входила в храм. Я стоял и ждал, пока она вся скроется в черном проеме двери, пока за ней проследуют и все отставшие. Старик тянул меня за рукав, но я твердо решил войти последним. Уже переступая порог храма, чей беспросветный мрак поглощал толпу, я обернулся, чтобы кинуть прощальный взгляд туда, где кладбищенские огоньки заливали тусклым светом мостовую. И, обернувшись, я содрогнулся. Как я уже говорил, почти весь снег был сметен

ветром, но несколько белых пятен осталось на дорожке перед входом; так вот, устремленные назад в мимолетном взгляде, мои усталые глаза не различили на снегу ни единого отпечатка чьей-либо ступни, чужой или моей собственной.

Несмотря на несметное число внесенных фонарей, церковь была едва освещена, поскольку большая часть толпы уже успела исчезнуть. Остальные входили в боковой неф, заполняя проходы между сиденьями с высокими спинками; темный провал входа в склепы зловеще зиял прямо перед кафедрой. В нем-то и исчезали безмолвные фигуры. Вслед за ними и я спустился в черное душное подземелье. Хвост этой мрачной колонны жутковато извивался, а когда я увидел, как он вползает в почтенный склеп, зрелище это показалось мне просто невыносимым. Очутившись внутри, я заметил, что процессия устремляется в какое-то отверстие в полу склепа, и через несколько секунд уже спускался вместе со всеми по грубо обтесанным ступеням узкой извилистой лестницы. Источая сырость и специфический запах, бесконечной спиралью уходила она в самые недра горы меж двух однородных на всем своем протяжении стен, сложенных из сочащихся влагой каменных блоков, покрытых осыпающейся штукатуркой. Это был долгий, утомительно долгий и безмолвный спуск; между тем стены и ступени постепенно стали приобретать другой вид: похоже, они были высечены в сплошной скале. Но более всего меня угнетало то, что бесчисленные шаги не производили ни звука и не отдавались эхом. Казалось, прошла уже целая вечность, а мы все спускались и спускались, и тут мое внимание привлекли боковые коридоры или, скорее, ходы — из неведомых уголков вековечного мрака вели они в эту шахту, служившую сценой для ночной мистерии. Ходов становилось все больше; они были бесчисленны, эти нечестивые катакомбы, таящие невыразимую угрозу. Тяжелый запах гниения, исходящий из них, становился все въедливее и невыносимее. Я не сомневался в том, что мы прошли всю гору сверху донизу и теперь находились ниже уровня самого города — и не мог не содрогнуться при мысли о том, насколько древним должен быть этот город, если даже самые недра его источены червями зла.

Потом впереди забрезжил свет, тусклый и зловещий, и вскоре послышался тихий плеск подземных вод. И в который уже раз меня пробрала дрожь — слишком уж не по душе мне было все, что принесла с собой эта ночь, и я горько сожалел о том, что послушался зова предков и явился на этот первобытный ритуал. По мере того, как лестница и коридор становились шире, я все яснее различал новый звук — жалобную и жалкую пародию на

флейту, и вдруг предо мной развернулась грандиозная панорама внутреннего мира: обширное побережье, сплошь покрытое поганой порослью, озаряемой столпом огня нездорового зеленоватого оттенка, извергающимся из недр его, и омываемой широкой маслянистой рекой, струящейся из каких-то ужасающе невообразимых бездн, чтобы слиться с чернейшими из пучин древнего, как мир, океана.

Мне стало дурно; я задыхался, глядя на этот богомерзкий Эреб с его громадными поганками, вредоносным пламенем и вязкими водами, в то время как люди в мантиях выстраивались полукругом лицом к пылающему столпу. Начинался святочный ритуал, который древнее человечества и которому суждено пережить человечество: первобытный ритуал солнцестояния, сулящего победу весны и зелени над зимой и снегом; ритуал огня и обновления, света и музыки. Этот-то ритуал и вершился теперь на моих глазах в адском подземелье. Я наблюдал за тем, как они поклоняются столпу болезнетворного огня и бросают в воду пригоршнями какую-то слизистую поросль, зеленовато поблескивающую в хлористом зареве. И еще я видел, как нечто бесформенное сидело, скорчившись, в стороне от света и пронзительно дудело в свою флейту, и сквозь эти звуки мне слышалось как бы некое приглушенное хлопанье крыльев, приближавшееся из зловонной тьмы, непроницаемой для взора. Но более всего меня пугал огненный столп: неутомимо извергаясь из глубин, самых последних и непостижимых, он не рождал теней, как рождало бы любое здоровое пламя, зато покрывал мертвые стены тошнотворной и ядовитой зеленой накипью. И все это яростное полыхание не несло в себе ни толики тепла, только холод, липкость смерти и разложения.

Тем временем мой провожатый протиснулся сквозь толпу прямо к тому месту, откуда изрыгалось пламя, обратился лицом к собравшимся и принялся производить размеренные обрядовые жесты. В определенные моменты все склонялись в раболепном поклоне, особенно когда он вознес над головой руку с ненавистным «Некрономиконом», захваченным из дома. И я отвешивал поклоны вместе со всеми, ибо был призван на этот праздник писаниями своих отцов. Затем старик подал сигнал притаившемуся в полумраке флейтисту, и тот, сменив тональность, заиграл чуть громче; кошмар, который за этим последовал, превосходил всякое воображение. При его появлении я чуть не рухнул на обезображенную лишайником почву, пронзенный страхом не от мира сего, не от мира того, и не от мира любого, но страхом безумных расстояний между галактиками.

Из невообразимой гущи мрака по ту сторону гангренозного

полыхания негреющего огня, из сатанинских пространств, в которых влачит свои волны маслянистая река, неслышно, невидимо и неодолимо, приближалась, ритмично хлопая крыльями, стая, по-видимому, ручных, дрессированных гибридов, в уродстве своем недоступных ни охвату незамутненным взором, ни осмыслению неповрежденным рассудком. Не то вороны, не то вампиры... одним словом, это было нечто такое, о чем я не могу, да и не хочу вспоминать. Медленно и неуклюже приближались они, частично на своих перепончатых лапах, частично с помощью перепончатых крыльев; и когда они, наконец, достигли толпы священнодействующих, те принялись хватать и седлать их... и один за другим уносились прочь вдоль подземной реки в глубины преисподней, в галереи страха, туда, где отравленные ручьи пополняют чудовищные водопады, навеки скрытые от глаз людских.

Старая прядильщица умчалась вместе со всеми, старик остался, потому что я ответил отказом, когда он подал мне знак оседлать одну из тварей и следовать за остальными. Выпрямившись на нетвердых ногах, я обнаружил, что все исчезли — и люди, и животные, и даже бесформенный флейтист, и только две крылатых бестии терпеливо паслись неподалеку. Я продолжал упираться, и тогда старец вновь извлек свои перо и дощечку и начертал слова, из коих следовало, что он действительно является полномочным представителем моих отцов — основателей святочного культа на этой древней земле, что имеется распоряжение, в соответствии с которым я должен был сюда вернуться и что самые главные таинства еще впереди. Почерк его был старомодно затейлив, а в подтверждение своих слов, ибо я по-прежнему пребывал в нерешительности, он вынул откуда-то из многочисленных складок своей просторной мантии перстень с печаткой и часы. На обоих предметах красовался наш фамильный герб. И все же это было скверное доказательство, поскольку из бумаг, имевшихся в семейном архиве, я знал, что эти самые часы были зарыты в землю вместе с телом моего прапрапрапрапрадедушки еще в 1698 году.

Тогда старик откинул капюшон, чтобы продемонстрировать наше фамильное сходство, но я лишь пожал плечами, потому что знал: никакое это не лицо, а дьявольски искусная восковая маска. Тем временем порхающие твари стали проявлять признаки беспокойства и рыть когтями землю, поросшую лишайником; старик, похоже, тоже начал терять терпение. Когда одно из существ, не вытерпев, стало потихоньку пятиться, старик рванулся, чтобы остановить его, и от этого резкого движения восковая маска слетела с того места, где у него должно было находиться

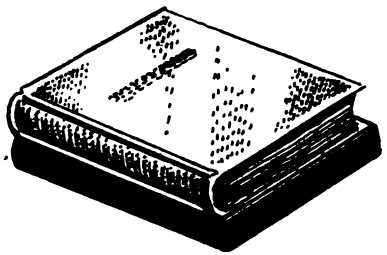
лицо. То порождение горячечного бреда, что предстало предо мной в этот миг, загородило мне путь обратно к лестнице, по которой мы сюда спустились, а потому я бросился, не помня себя, в подземную реку, влачащую маслянистые воды свои в неведомые морские гроты; бросился вниз головой в эту зловонную квинтэссенцию подземных ужасов, не дожидаясь, пока мои истошные вопли навлекут на меня все загробные легионы, какие только могут таиться в этих ядовитых безднах.

В больнице, где я очнулся, мне сообщили, что меня обнаружили на рассвете в водах кингспортской гавани, полуокоченевшего, вцепившегося мертвой хваткой в кусок дерева, ниспосланный мне Провидением. По следам на снегу было установлено, что накануне вечером, переходя через гору, я свернул не на ту развилку и упал со скал Оранжевого мыса. Мне нечего было на это возразить, просто нечего — и все: из широких окон больничной палаты открывался вид на море крыш, среди которых старинные составляли лишь какую-нибудь пятую часть; с улиц доносился шум трамваев и автомобилей. Мне клялись, что это Кингспорт, и я согласно кивал. Узнав, что больница расположена по соседству со старым кладбищем на Центральном холме, я впал в истерику, и тогда меня перевезли в больницу Святой Марии в Аркхэме, где я должен был получить более основательный уход. Там мне очень понравилось, тем более, что тамошние доктора отличались либеральными взглядами и даже посодействовали мне в получении копии злополучного «Некромикона» Аль Хазреда, снятой с оригинала, хранившегося под замком в библиотеке Мискатоникского университета. Поскольку болезнь моя был каким-то образом связана с психозом, мне посоветовали выкинуть из головы всякие навязчивые идеи.

Читая ту чудовищную главу, я трепетал — и трепетал вдвойне, ибо — клянусь! — содержание ее было мне не в диковинку. Я уже читал ее прежде, что бы там ни показывали следы на снегу, а где я читал ее... об этом лучше не вспоминать. В часы, свободные от сна, нет никого, кто мог бы мне об этом напомнить; зато все сны мои с некоторых пор превратились в кошмары, и причиной тому — слова, которые я не смею процитировать. Я могу привести лишь один абзац; вот как он выглядит в моем переводе с неуклюжей вульгарной латыни:

«Нижние из пещер подземных, — писал безумный араб, — недоступны глазу смотрящего, ибо чудеса их непостижимы и устрашающи. Проклята земля, где мертвые мысли оживают в новых причудливых воплощениях; порочен разум, пребывающий вне головы, его носящей. Великую мудрость изрек Ибн Шакабао, сказав: блаженна та могила, где нет колдуна; блажен тот

город, чьи колдуны лежат во прахе. Ибо древнее поверье гласит, что душа, проданная диаволу, не спешит покидать пределы склепа, но питает и научает самого червя грызущего, пока сквозь тлен и разложение не пробьется новая чудовищная жизнь, и жалкие поедатели падали не наберутся хитроумия, чтобы вредить, и силы, чтобы губить. Огромные ходы тайно проделываются там, где хватило бы обычных нор земных, и рожденные ползать научаются ходить».

ИЗГОЙ

В ту ночь Барон устал от страшных снов:
В них все, с кем он на поле бил врагов,
В обличиях чертей и колдунов
Ему предстали.

Китс

Несчастен тот, на кого воспоминанья детских лет наводят лишь уныние и страх. Увы тому, кто помнит только долгие часы уединения в пространных и зловещих залах с тяжелыми портьерами и сводящими с ума рядами старинных книг или одни безмолвные бдения в сумеречных рощах среди причудливых, гигантских, лозами отягченных деревьев, безмолвно простирающих изогнутые ветви в вышину. Такую участь присудили боги мне — обманутому и обескураженному, опустошенному и сломленному. И все же в те мгновения, когда рассудок мой готов умчаться за пределы свои — к иному! — я в отчаянии цепляюсь

за эти увядшие воспоминания и странным образом успокаиваюсь.

Где я родился, мне не ведомо; помню только замок, бесконечно старый и бесконечно страшный, со множеством темных галерей и высокими потолками, где глаз мог различить лишь паутину да сумрачные тени. Стены древних каменных коридоров, казалось, источали сырость, и мерзкий запах стоял повсюду, как будто разлагались груды трупов, оставленных минувшими поколениями. В замке никогда не было света, и поэтому я любил зажечь свечу и, не отрываясь, глядеть на нее. Но света не было и снаружи, ибо ненавистные деревья намного превосходили высотой самую высокую из доступных мне башен. Лишь одна черная башня возносилась над лесом и уходила в неведомое наружное небо, но подходы к ней были разрушены, и на нее никак нельзя было взобраться, разве что сделать заведомо безнадежную попытку вскарабкаться по голой стене, одолевая ее камень за камнем.

Вероятно, я прожил в этом месте долгие годы, но я не умею определять время. Кто-то, должно быть, заботился об удовлетворении моих нужд, однако я не могу припомнить никого, кроме самого себя; ни единой живой души, если не считать безмолвных крыс, летучих мышей и пауков. Впрочем, кто бы он ни был, мой радетель, он представляется мне невероятно старым, потому что мое первое понятие о живом человеке связано с чем-то карикатурно схожим со мной самим, только гораздо более уродливым, отталкивающим, сморщенным — и ветхим, как и весь замок. Я никогда не находил ничего отталкивающего в тех костях и скелетах, что усыпали дно глубоких, сложенных из камня ям в подвалах замка. В моем воображении эти предметы причудливо ассоциировались с повседневностью, и я считал их, пожалуй, более натуральными, чем цветные изображения людей, попадавшиеся мне в пыльных книгах. Все, что я знаю, вычитано мною из этих книг. Никто не наставлял и не учил меня, и я не помню, чтобы хоть раз за все эти годы мне довелось услышать человеческий голос, в том числе и свой собственный, ибо хотя я и читал о том, что такое речь, мне даже в голову не приходило попробовать заговорить вслух. Наружность моя равно не являлась предметом моих размышлений, так как в замке не было зеркал, и я разве что бессознательно ощущал себя похожим на тех молодых людей, чьи изображения попадались мне на рисунках и гравюрах в книгах. Молодым же я осознавал себя потому, что почти не имел воспоминаний.

За стенами замка, по другую сторону гниющего рва, я часто отдыхал под темными кронами молчаливых деревьев и часами

мечтал о прочитанном в книгах, с тоскою рисуя себя среди веселых и шумных толп, ласкаемых солнечными лучами в том мире, что заслонял собою бескрайний лес. Однажды я попытался выбраться из этого леса, но чем дальше отходил от замка, тем гуще становились тени, тем больше наполнялся воздух гнетущим страхом, и я, как сумасшедший, ринулся назад, боясь заблудиться в лабиринте ночной немоты.

Так, в вечном полумраке, я ждал и мечтал, сам не зная, о чем. Но вот тоска моя по свету в этом сумрачном безлюдьи стала столь невыносимой, что я не вытерпел и с мольбою воздел руки к единственной башне, черной и полуразрушенной, которая возвышалась над лесом и уходила в неведомое наружное небо. И тогда я решил, что поднимусь на эту башню, чего бы это мне ни стоило, ибо лучше раз взглянуть на небо и погибнуть, чем вечно жить, не видя света дня.

В промозглом полумраке я взбирался по старым, стертым каменным ступеням, пока не достиг места, где они кончались, и откуда наверх вели лишь небольшие углубления в стене, которыми я и воспользовался на свой страх и риск. Ужас и отчаяние внушал мне этот мертвый гладкий каменный цилиндр, черный, пустынный и немой, тем более зловещий оттого, что с его стен в воздух то и дело бесшумно вэмывали вспугнутые мною нетопыри. Но еще в больший ужас и отчаяние приводило меня то, как невероятно долго длился мой подъем, ибо сколько я ни лез, тьма у меня над головой не рассеивалась. Вековым могильным холодом повеяло на меня, и я затрепетал, не в силах объяснить себе, почему я не могу достичь света. Вообразив, что меня внезапно застигла ночь, тщетно пытался я нащупать свободной рукой бойницу, чтобы выглянуть наружу и определить высоту, на которой нахожусь.

Но вот, после бесконечно долгого и рискованного подъема вслепую по этой безнадежной, вогнутой круче, я почувствовал, что голова моя упирается во что-то твердое, и понял, что достиг крыши или, во всяком случае, какой-то площадки. В темноте я не мог различить, что это за преграда, а потому потрогал ее рукой и убедился, что это нечто каменное и неподвижное. Тогда я стал двигаться по окружности башни, цепляясь за все, за что только можно было ухватиться на этой скользкой стене, и поминутно рискуя сорваться вниз, пока, наконец, не нашел то место, где преграда слегка поддавалась. Поскольку руки мои были заняты, я уперся в эту плиту, или, точнее, люк, головой и, рванувшись вверх, приподнял ее. Моя надежда увидеть свет не оправдалась, и, пролезая в открывшийся проем, я уже знал, что путь мой завершен лишь на время, ибо передо мною была ровная

каменная площадка, большего диаметра, нежели нижняя часть башни. Очевидно, это был пол какой-то грандиозной дозорной комнаты. Выбираясь на него, я старался двигаться так, чтобы тяжелая плита не вернулась на свое место, но вся моя осторожность ни к чему не привела — простершись в изнеможении на каменном полу, я услышал жуткое гулкое эхо, вызванное ее падением. Впрочем, я надеялся, что при необходимости мне снова удастся ее приподнять.

Теперь-то уж, казалось мне, я нахожусь на такой высоте, куда не достают ветви проклятого леса. С трудом поднявшись на ноги, я стал наощупь искать окно, чтобы, наконец, увидеть небо, месяц и звезды, о которых так много читал. Но куда бы я ни ткнулся, меня всюду ждало разочарование, и я обнаружил лишь широкие мраморные выступы, служившие подставкой для продолговатых сундуков необыкновенного вида и пугающих размеров. Чем больше я думал и гадал, тем неодолимее становилось желание узнать, что за седые тайны скрывает это хранилище, отрезанное от нижней части замка в течение столь многих веков. Но тут я неожиданно нащупал нишу с каменной дверью, обрамленной каким-то необычным рельефом. Толкнув ее, я убедился, что она заперта — тогда я собрал все силы и одним могучим рывком, способным сокрушить все земные препятствия, втащил ее внутрь, на себя. Едва я сделал это, как меня охватило сильнейшее из блаженств, когда-либо испытанных мною — впереди, за декоративной металлической решеткой, к которой поднималось несколько каменных ступеней, сияла мягким лучистым светом полная луна, виденная мною до сих пор лишь в сновидениях и смутных грезах, которые я не осмеливаюсь назвать воспоминаниями.

Полагая, что на этот раз я уж точно достиг самой верхушки башни, я было бросился вверх по ведущим к решетке ступеням, но тут луну закрыла туча, в наступившей темноте я споткнулся и далее был вынужден продвигаться уже более осторожно и медленно. Когда я добрался до решетки, было по-прежнему темно; тронув ее, я удостоверился в том, что она не заперта, но открывать ее полностью не стал, боясь упасть с той головокружительной высоты, на которую поднялся. И в этот момент снова появилась луна.

Ничто не может потрясти так сильно, как то, что до беспредельности неожиданно и до нелепости невероятно. Самое страшное из того, что мне довелось пережить прежде, не шло ни в какое сравнение с тем, что предстало моему взору в этот миг — с той абсурдной картиной, что открылась передо мной. Сама по себе она была, пожалуй, заурядной, но тем-то и более ошелом-

ляющей, ибо вот что я увидал: вместо головокружительной панорамы бескрайнего леса, обозреваемой с огромной высоты, сразу за решеткой и на том же уровне, где я стоял, простиралась ровная поверхность земли, усеянная мраморными плитами и обелисками, сгрудившимися вокруг старинной каменной церкви, шпиль которой призрачно поблескивал в лунном свете.

Полубессознательно я отворил решетку и ступил на выложенную белым гравием дорожку, расходившуюся в двух направлениях. Моим рассудком, в каком бы оторопелом и беспорядочном состоянии он ни пребывал, по-прежнему владело неистовое стремление к свету, и даже то невероятное, что со мной произошло, не могло остановить меня. Я не имел понятия, да и не хотел понять, что это было — сон, наваждение или волшебство, — но я был полон решимости узреть великолепие и блеск мира, чего бы это мне ни стоило. Я не ведал, кто я, что я, где я нахожусь, но, продолжая следовать вперед неверными шагами, я вдруг начал смутно что-то припоминать, и это дремавшее во мне до поры воспоминание подсказало мне, что путь мой не совсем случаен. Миновав участок с плитами и обелисками, я вышел через арку на открытое пространство и теперь следовал по дороге, местами сохранившейся и хорошо заметной, местами же странным образом терявшейся среди густых трав, где только отдельные развалины выдавали ее прежнее присутствие. Один раз мне пришлось переплыть через быстрый поток, вздымавшиеся посреди которого остатки замшелой и осыпающейся каменной кладки указывали на то, что здесь некогда стоял мост.

Прошло, должно быть, свыше двух часов, прежде чем я достиг своей предполагаемой цели — почтенного, плющом увитого замка посреди парка с густыми зарослями деревьев, замка до безумия знакомого и до неузнаваемости чужого. Я обнаружил, что ров заполнен водой, а многих известных мне башен нет. Меня также смутило присутствие нескольких новых флигелей. Однако больше всего меня привлекли и приятно удивили настежь распахнутые окна, из которых вырывались снопы яркого света и доносились звуки самого буйного веселья. Приблизившись к одному из них, я заглянул внутрь и увидел большую компанию людей в необычных одеяниях; они пировали и вели оживленную беседу. Я ни разу не слышал, как звучит человеческая речь, и потому мог только смутно угадывать, о чем они говорили. Черты некоторых присутствующих пробудили во мне неясные, бесконечно далекие воспоминания; остальные лица были совершенно незнакомыми.

Через окно, расположенное вровень с землей, я вступил в ярко освещенный зал — и это был шаг от неповторимого пробле-

ска надежды к жесточайшему из потрясений, к отчаянию и осознанию горькой истины. Кошмар уже стоял у порога, ибо как только я вошел, глазам моим предстала ужаснейшая из сцен, какие только можно вообразить. Едва я сделал этот шаг, как всю компанию охватил внезапный и необъяснимый ужас чудовищной силы, исказивший до уродства лица гостей и исторгнувший нечеловеческие вопли едва ли не из каждой глотки. Все разом бросились уносить ноги. В создавшейся суматохе и панике одни падали в обморок, другие подхватывали и тащили бесчувственный тела за собой в безумной спешке. Многие прикрыли глаза руками и, словно слепые котята, беспомощно тыкались в разные стороны, опрокидывая мебель и налетая на стены, прежде чем им удавалось добраться до какой-либо из многочисленных дверей.

Оставшись один в роскошной зале и еще не придя в себя от их душераздирающих криков, отзвуки которых постепенно стихали в отдалении, я вдруг затрепетал при мысли о том, что где-то рядом со мной затаилось нечто, чего я до сих пор не замечал. На первый взгляд зал казался пустым, но когда я двинулся к одной из ниш, мне почудилось, будто я уловил там какое-то шевеление или что-то в этом роде — там, за обрамленным золотом дверным проемом, ведшим в другой, чем-то похожий на первый, зал. По мере приближения к арке, я все более убеждался в том, что кроме меня, в зале кто-то есть, и все же ужас, что предстал передо мной, был слишком неожиданным. Издав первый и последний в своей жизни звук — отвратительное завывание, потрясшее меня не меньше, чем его омерзительная причина — я узрел во всей ужасной очевидности такое невообразимое, неописуемое и безобразное чудище, какое вполне могло одним видом своим превратить веселую компанию в беспорядочную толпу обезумевших от страха беглецов.

Я не в силах даже приблизительно описать, как выглядело это страшилище, сочетавшее в себе все, что нечисто, скверно, мерзко, непотребно, аморально и анормально. Это было какое-то дьявольское воплощение упадка, запустения и тлена; гниющий и разлагающийся символ извращенного откровения, чудовищное обнажение того, что милосердная земля обычно скрывает от людских глаз. Видит Бог, это было нечто не от мира сего — во всяком случае, теперь уже не от мира сего — и, тем не менее, к ужасу своему, я углядел в его изъеденных и обнажившихся до костей контурах отталкивающую и вызывающую карикатуру на человеческий облик, а в тех лохмотьях, что служили ему одеянием — некий отдаленный намек на знатность, отчего мой ужас только усилился.

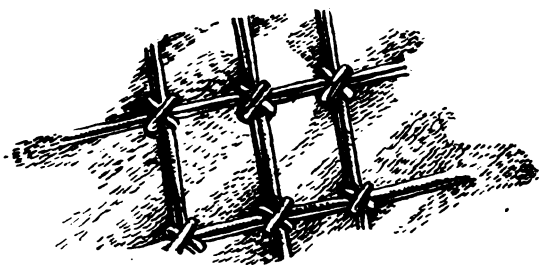
Я был почти парализован — правда, не настолько, чтобы не предпринять слабую попытку к бегству; но одного неверного шага назад оказалось недостаточно для того, чтобы разрушить чары, которыми сковал меня этот безымянный и безголосый монстр. Глаза мои, словно заколдованные неподвижно уставившимися в них тусклыми, безжизненными зрачками, отказывались повиноваться мне и, как я ни старался, не закрывались — они лишь милосердно затуманились, и богомерзкий призрак представлялся мне теперь не так отчетливо, как в момент первого шока. Я попытался было поднять руку, чтобы заслониться от этого зрелища, но нервы мои были настолько притуплены, что рука не вполне повиновалась моей воле. Однако в результате этой попытки я потерял равновесие, и, чтобы не упасть, мне пришлось ступить несколько шатких шагов вперед. И только тогда, в тот самый момент, когда я делал эти шаги, я внезапно и как-то судорожно осознал, насколько близко нахожусь от этого чудовищного исчадия ада; мне даже почудилось, что я слышу глухой шум его дыхания. Находясь на грани помешательства, я все же нашел в себе силы выбросить вперед руку и отстранить от себя зловонный призрак, стоявший почти вплотную ко мне. И в этот самый миг, в это катастрофическое мгновение вселенского кошмара и адского катаклизма пальцы мои коснулись протянутой ко мне гниющей лапы монстра, стоявшего под позолоченным сводом.

Я не издал ни звука, но все кровожадные вампиры, оседлавшие ночной ветер, вскричали за меня в тот самый миг, когда на мой рассудок одной стремительной лавиной обрушились душегубительные воспоминания. За одну секунду я вспомнил все, что было со мною прежде, еще до того ужасного замка с его деревьями; я припомнил и здание, со временем переделанное, в котором сейчас находился; и, что было кошмарнее всего, я узнал то богомерзкое существо, что в момент, когда я отдергивал свои запятнанные пальцы от его лапы, оскалилось в чудовищной ухмылке.

Но во вселенной наряду с горечью существует и сладость, и имя этой сладости — забвение. В немыслимом ужасе того мгновения забылось все, что угнетало меня, и наплыв мрачных воспоминаний рассеялся хаотичным эхом перекликающихся образов. Грезя наяву, я покинул это проклятое логово призраков и быстро и бесшумно выбежал наружу — туда, где светила луна. Вернувшись на кладбище с мраморными плитами и спустившись по ступеням к каменному люку, я убедился, что его уже не сдвинуть с места, но это меня отнюдь не огорчило, ибо с давних пор я ненавидел тот старинный замок внизу и его деревья. Отныне я разъезжаю верхом на ночном ветре в компании с насмешливыми

и дружелюбными вампирами, а когда наступает день, мы резвимся в катакомбах Нефрен-Ка, что находится в неведомой и недоступной долине Хадоф возле Нила. Я знаю, что свет — не для меня, не считая света, струимого луной на каменные гробницы Неба; не для меня и веселье, не считая веселья безымянных пиров Нитокрис под Большой пирамидой. И все же в этой своей вновь обретенной свободе и безрассудстве я едва ли не благословляю горечь отчуждения.

Ибо, несмотря на успокоение, принесенное мне забвеньем, я никогда не забываю о том, что я — изгой, странник в этом столетии и чужак для всех, кто пока еще жив. Мне это стало ясно — навеки — с тех пор, как я протянул руку чудовищу в огромной позолоченной раме; протянул руку и коснулся холодной и гладкой поверхности зеркала.

БЕЛЫЙ КОРАБЛЬ

Я — Бэзил Элтон, смотритель маяка на Норт-Пойнт. Это занятие досталось мне от отца, а отцу — от деда. Мой маяк стоит в отдалении от берега, возвышаясь над покрытыми слизью скалами, которые обнажаются во время отлива, а во время прилива полностью скрываются под водой. Вот уже два столетия мимо этого маяка проплывают величественные корабли, странствующие по всем семи морям. Во времена моего деда их было неисчислимое множество; потом, когда смотрителем стал мой отец, число их несколько уменьшилось, а сейчас они стали такими редкими гостями в наших краях, что порою я, сидя на маяке, испытываю чувство неизбывного одиночества, ощущая себя единственным человеком на планете.

Большие старинные корабли с белоснежными парусами при-

ходили сюда издалека — с таинственного Востока, где сияют тысячи горячих ярких солнц, а белые минареты купаются в сладчайших ароматах чудесных садов. К моему деду часто заглядывали старые капитаны и рассказывали ему разные истории, которые тот излагал потом моему отцу, а отец пересказывал мне, когда мы сидели с ним долгими осенними вечерами у огня, внимая зловещему завыванию ветра. Много историй услышал я тогда от него, но еще больше узнал из книг, которые дарили мне ученые люди, когда я стал юношей и открыл свою душу чудесам.

Знания, почерпнутые мною из книг и из рассказов старых людей, были завораживающими, но более всего очаровали меня откровения, которые подарил мне океан. Лазурный, изумрудный, седой, свинцовый, черный, спокойный, взволнованный или неистовствующий — океан никогда не молчал. Целыми днями смотрел я на него и внимал его голосу, и в конце концов научился понимать океан с полуслова. Сначала он рассказывал мне лишь короткие незатейливые сказки о тихих пляжах и ближних портах, но со временем мы стали с ним близкими друзьями, и он начал доверять мне самые сокровенные свои тайны. Он говорил о людях, землях и событиях, которые были странны, необычны и бесконечно далеки от меня во времени и пространстве. Иногда при наступлении сумерек на горизонте раздвигалась серая дымка, и я видел проблески неведомых путей, уходящих в безграничную даль; бывало, что по ночам темные морские воды становились прозрачными и фосфоресцирующими и дарили моему взору проблески неведомых путей, уходящих в безграничную глубь. Пути эти когда-то существовали, или могли существовать в нашем мире; они виделись мне так же часто, как и пути, которые есть, ибо океан очень стар — он древнее гор, он хранит в себе память и мечты бесконечного Времени.

Когда высоко в небе светила полная луна, с юга приходил Белый Корабль. Он мягко и бесшумно скользил по воде; море при этом могло быть спокойным или взволнованным, дружелюбным или враждебным — в любую погоду Белый Корабль шел одинаково мягко и бесшумно. Паруса его были приспущены, а ряды весел взлетали в однообразном ритме, поднимая соленые брызги. Однажды ночью я увидел на палубе корабля бородатого человека, который кивнул мне, казалось, приглашая взойти на борт и отплыть к дальним неведомым берегам. После этого я еще много раз видел его в полнолуние, но никогда больше не кивал он мне, зазывая на корабль.

Но в одну яркую лунную ночь я откликнулся на зов. Я побе-

жал по океанским водам и взошел на Белый Корабль по мосту, сотканному из лунного света. Человек, пригласивший меня когда-то кивком головы, сейчас приветствовал меня на мягком певучем языке, который я не знал, но очень хорошо понял. И в течение многих часов, которые были заполнены звучными песнями гребцов, плыли мы в сторону таинственного юга, золотого от сияния полной луны.

А когда наступил яркий розовый рассвет, я увидел зеленую полоску берега дальней земли — чудесной, неповторимой и неизвестной мне земли. Непосредственно от воды вверх поднимались полосы пышной зеленой растительности, в которой там и тут виднелись сверкавшие белые крыши и колоннады необыкновенных храмов. Когда мы приблизились к зеленому берегу, человек с бородой поведал мне историю этой земли. Земля эта называется Зар, сказал он, и здесь обитают все мечты и мысли о прекрасном, которые когда-либо осеняли людей, а потом были забыты ими. И когда я снова окинул взглядом зеленые полосы растительности, я понял, что все сказанное им — правда, ибо среди картин, представших моему взору, было много видений, которые открылись мне однажды за расступившейся дымкой над горизонтом и в фосфоресцирующих глубинах океана. Здесь были фантазии, превзошедшие по своему великолепию все, что я когда-либо знал: видения молодых поэтов, умерших в нищете, не дождавшись того, что миру откроются их мечты и откровения. Но мы не коснулись стопами своими лугов Зара, ибо сказано было, что ступивший на эту землю никогда не вернется на родной берег.

Прошло немало времени после того, как Белый Корабль молчаливо уплыл прочь от сокрытых в зеленых рощах храмов Зара, и мы увидели далеко на горизонте шпили могучего города. Человек с бородой сказал мне: — Это Таларион, Город Тысячи Чудес; в нем обитают все тайны, которые стремились разгадать люди, но которые так и не открылись им.

И я снова взглянул на город, на этот раз более пристально, и увидел, что он превосходит своими размерами все виденные мною ранее города, а также все города, о которых я когда-либо слышал или мечтал. Шпили храмов подпирали небесный свод, и ни один смертный не смог бы дотянуться взглядом до них — так высоко вознеслись они; далеко за горизонт уходили угрюмые серые стены, поверх которых можно было разглядеть лишь несколько крыш, зловещих и мрачных и тем не менее украшенных роскошными фризами и соблазнительными скульптурами. Я страстно возжелал войти в этот очаровательный и в то же время

отталкивающий город и умолял человека с бородой высадить меня на сияющем причале у огромных резных ворот Акариэля, но он, мягко улыбнувшись, сказал мне: — Не проси об этом. Многие вошли в Таларион, Город Тысячи Чудес, но никому не удалось вернуться оттуда. Там бродят демоны и безумцы, которые давно уже перестали быть людьми, а улицы его белы от непогребенных костей тех, перед чьим взором предстал идол Лати, который повелевает городом.

И Белый Корабль проследовал на юг мимо стен Таларионa, и много дней летела вслед за нами птица, чьи ярко раскрашенные перья, казалось, были отлиты из небесной лазури, что выпустила ее из себя и послала за Белым Кораблем.

А потом мы увидели ласковый берег, горевший пестрым костром — так много там было роскошных цветов всех оттенков; вглубь его тянулись чудесные рощи, пронизанные радиально расходящимися аллеями. Яркое полуденное солнце светило над всем этим великолепием. Мы слышали пение невидимых голосов и нежные, гармоничные звуки лиры, перемежавшиеся легким смехом, столь прелестным, что я в нетерпении приказал гребцам как можно скорее причалить к неведомому берегу, ибо сгорал от желания увидеть скрытые от меня чудеса своими глазами. И человек с бородой не произнес ни слова, а только пристально посмотрел на меня, в то время как мы приближались к отороченному лилиями берегу. Внезапно налетевший с цветущих лугов и густых лесов ветер принес запах, вызвавший у меня дрожь. А потом ветер усилился, и воздух наполнился зловонным могильным духом зачумленных городов и их страшных кладбищ. И когда мы в страхе отплыли прочь от этого берега, человек с бородой наконец разомкнул уста, сказав мне: — Это Ксура, Страна Несбывшихся Радостей.

И снова небесная птица устремилась за Белым Кораблем и летела за ним над благословенным теплым морем, ласкаемая восходящими от него ароматными бризами. Мы плыли много дней и ночей, и когда над нами всходила полная луна, мы внимали звучным песням гребцов, и песни эти, казались так же хороши, как в ту далекую ночь, когда я покинул родной берег. В одну из лунных ночей мы бросили якорь в гавани Сона-Ниль. Ее покой надежно охраняют два хрустальных мыса, что поднимаются из моря и сходятся друг с другом, образуя великолепную сияющую арку. Это была Страна Мечты, и мы сошли на ее зеленеющий берег по золотому мосту, сотканному из лунных лучей.

В стране Сона-Ниль нет ни времени, ни пространства, ни

страдания, ни смерти, и я остался жить в ней на многие тысячелетия. В этой стране привольно раскинулись роскошные луга и рощи, там цветут яркие ароматные цветы, весело журчат голубые ручьи и реки, бьют прозрачные освежающие фонтаны и гордо вздымаются могучие храмы, замки и города. И нет конца этой земле, ибо за одной великолепной перспективой открывается другая, еще более прекрасная. В городах и селениях живет безмятежный народ, и каждый человек наделен безукоризненным изяществом манер и движений, а впридачу — ничем не омраченным счастьем. Несколько тысячелетий прожил я на этой земле, и все это время я беззаботно бродил в садах, где из-за подстриженных кустов выглядывали аккуратные пагоды, а белые дорожки были размечены чудесными цветами. Я взбирался вверх по пологим холмам, с вершин которых мне открывалась чарующая панорама неземной красоты. Я видел селения, разбитые на дне мирных зеленых долин, видел золотые купола огромных городов, блестевшие далеко на горизонте, за которым начиналась бесконечность. Когда же наступала ночь и всходила полная луна, я смотрел на мерцающую поверхность моря и на хрустальные ворота гавани, где бросил якорь Белый Корабль.

Это было в незабвенный год Тарпа. Однажды, стоя на холме и пристально глядя на полную луну, я внезапно увидел на ее фоне зовущие очертания небесной птицы и почувствовал шевельнувшееся в моей душе беспокойство. Потом я обратился к человеку с бородой и поведал ему о своих новых устремлениях — мне хотелось отплыть в далекую Катурию, которую никто никогда не видел, но о которой было известно, что она лежит далеко на западе, там, за базальтовыми столбами. Это Земля Надежды, вместилище идеальных образов всего того, о чем мы знаем; по крайней мере, так думают люди. Но человек с бородой сказал мне: — Остерегайся тех гибельных морей, за которыми лежит Катурия. В Сона-Ниле нет боли и смерти, а что знаешь ты о земле, которая лежит за базальтовыми столбами на западе?

Однако я настаивал на своем, и в следующее полнолуние человек с бородой неохотно покинул безмятежную гавань, чтобы отправиться со мною на Белом Корабле в нехоженные моря.

И снова небесная птица летела перед нами и вела нас на запад, к базальтовым столбам, но на этот раз не раздавалось под полной луной звучных песен гребцов. В своем воображении я часто рисовал неведомую землю Катурии с ее пышными рощами и великолепными дворцами и со сладостным замиранием сердца

представлял себе радости и удовольствия, которые ожидали меня. «Катурия, — говорил я себе, — это обиталище богов и страна неисчислимых городов, выстроенных из чистого золота. Ее чудесные сандаловые леса с ровными и стройными рядами деревьев напоминают благоуханные рощи Каморина, и веселые птицы поют в густых кронах. На покрытых зеленью и цветами холмах Катурии стоят храмы из розового мрамора, щедро украшенные резными изображениями, которые прославляют ратные подвиги их создателей; во дворах храмов блистают серебряными струями фонтаны, ароматные воды которых издают завораживающие музыкальные звуки, а приходят те воды из берущей свое начало в подземном гроте реки Нарг. И опоясаны города Катурии золотыми стенами, и улицы их тоже вымощены золотом. В садах растут дивные орхидеи и слышится плеск небольших озер, дно которых выложено янтарем и кораллами. Ночью сады и улицы залиты светом фонарей, сделанных из трехцветного панциря гигантской морской черепахи; в воздухе плывут тихие звуки лютни и голоса певцов. Все дома Катурии роскошны и достойны называться дворцами, и каждый из них стоит на берегу благоухающего канала, несущего воды священного Нарга. Дома сложены из порфира и мрамора, а их позолоченные крыши отражают яркие лучи солнца, и города выглядят еще более великолепными и радуют взоры блаженных богов, когда те смотрят на них с высоких дальних гор. Самый великолепный из всех дворцов — дворец монарха Дориба, которого некоторые считают полубогом, а иные и вовсе богом. Высоко в поднебесье взметнулся дворец Дориба, окруженный стенами со множеством мраморных башен. Огромные скопища людей собираются в его просторных залах, а на стенах тут и там висят трофеи многолетних походов. Крыша этого дворца сделана из чистого золота и держится на высоких столбах из рубинов и лазурита, и такие великолепные резные скульптуры героев и богов установлены на ней, что тот, кто взирает на них, может представить себя смотрящим на живых обитателей Олимпа. Пол во дворце сделан из стекла, под которым текут хитроумно осветленные воды Нарга, несущие в себе рыб дивной окраски, неизвестных за пределами прелестной Катурии».

Так разговаривал я сам с собою о вожделенной Катурии, но человек с бородой уговаривал меня повернуть назад и возвратиться в Сона-Ниль, ибо все знают о счастливой земле Сона-Ниль, а неведомую Катурию не доводилось еще видеть никому.

И наступил тридцать первый день с тех пор, как мы отправились вслед за птицей, и мы увидели базальтовые столбы Запада.

Они были окутаны белым туманом, словно саваном, и нельзя было разглядеть их вершины — они и впрямь могли доставать до небес. И человек с бородой опять принялся умолять меня повернуть назад, но я и слушать его не хотел; ибо из-за окутанных мертвенным туманом базальтовых столбов донеслись до меня голоса певцов и звуки лютни, которые были слаще сладчайших песен Сона-Ниля и звучали гимном, прославляющим меня, смельчака, который в ночь полной луны отправился в далекое путешествие и тысячу лет жил в Стране Мечты. И Белый Корабль устремился на звук мелодии — прямо в туман между столбами. А когда музыка смолкла и туман рассеялся, мы увидели, что вместо благословенной Катурии перед нами бурлит стремительное, непреодолимое течение. И это течение подхватило наш беспомощный барк и понесло его в неизведанные дали. Вскоре мы услышали отдаленный грохот падающей воды, и нашему взору открылся бьющий на горизонте фонтан брызг, вздымаемый гигантским водопадом, который собирал в себя воды всех океанов мира и обрушивал их в бездонное небытие. И человек с бородой сказал мне, не в силах сдержать слез: — Мы отказались вернуться в прекрасную страну Сона-Ниль, которую нам уже больше никогда не увидеть. Боги сильнее людей, и они победили.

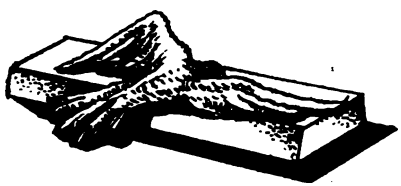
Я закрыл глаза в ожидании катастрофы, и небесная птица, бешено машущая лазурными крылами над краем потока, перестала видеться мне.

После адского грохота, сопровождавшего кораблекрушение, наступила кромешная тьма, и я услышал дикие вопли людей и существ, которые не были людьми. С востока поднялся ураган и обдал меня своим леденящим дыханием; я бессознательно сжался, ощутив под собой холодную гладкую поверхность какого-то большого камня, который непостижимым образом поднялся из морских глубин и стал моей опорой и спасением. Грохот повторился, а потом наступила тишина, и я решился открыть глаза. И когда я сделал это, то обнаружил, что нахожусь на платформе маяка, который покинул миллион лет тому назад, уплыв в океанские просторы на Белом Корабле. Маяк был погружен во тьму — впервые с тех пор, как он перешел к моему деду, его фонарь погас. Внизу во мраке смутно вырисовывались обломки разбитого судна.

Не дожидаясь рассвета, я вошел внутрь башни и увидел на стене календарь, который показывал тот самый день, когда я уплыл на Белом Корабле. И когда рассвет озарил океан, я спустился вниз и попытался рассмотреть обломки корабля, налетевшего на скалу, но не увидел ничего, кроме странной

мертвой птицы цвета лазурного неба да одного-единственного деревянного бруса, который по своей необычной белизне превосходил морскую пену и снежные шапки на вершинах гор.

И после этого океан уже не раскрывал мне своих тайн; и много раз потом всходила над ним полная луна, но Белый Корабль больше не являлся ко мне с юга.

ДРУГИЕ БОГИ

На высочайшей из земных вершин живут боги земли, и ни один человек не отважится сказать, что ему довелось видеть их. Когда-то они обитали на других вершинах, пониже, но с тех пор, как род людской начал распространяться с равнин на скалистые снежные склоны, боги стали уходить на все более и более недоступные горы, пока в конце концов не осталось им последней, самой высокой вершины. Покидая прежние горы, они забирали с собой все свои знаки, и лишь однажды, как гласит молва, оставили некий образ, высеченный на поверхности пика Нгранек.

Сейчас боги поселились на неведомом Кадафе, что стоит в холодной пустыне, куда не ступала нога человека, и стали они суровыми и безжалостными, ибо не осталось для них горы выше этой — горы, на которой они могли бы скрыться в случае прихода людей. Боги стали суровыми и безжалостными, и если раньше

они смирялись, когда смертные вытесняли их с обжитых мест, то теперь пришедшие к ним люди не возвращаются назад. Неведение людей о Кадафе, что стоит в холодной пустыне — великое благо для них, ибо в противном случае они непременно предпринимали бы неблагоразумные попытки взобраться на Кадаф.

Временами, когда богов земли охватывает тоска по старым обиталищам, они выбирают одну из тихих безлунных ночей и приходят на вершины, где жили прежде. Там негромко плачут они, предаваясь играм, как в те времена, когда они были единственными обитателями этих незабвенных склонов. Однажды люди видели слезы богов над сияющей белоснежной шапкой Тураи, но приняли их за дождь, в другой раз — услышали вздохи богов в заунывном вое ветра, что гулял в предрассветных сумерках на Лерионе. Боги имеют обыкновение путешествовать на облаках, что служат им кораблями, а потому мудрые старики из окрестных деревень не устают рассказывать легенды, предостерегающие людей от подъема на некоторые из высоких вершин облачными ночами — ведь боги сейчас не столь снисходительны, как в прежние времена.

В Ультаре, что лежит за рекой Скай, жил когда-то старик, жаждущий увидеть богов земли; он глубоко изучил семь тайных книг земли и был знаком с «Пнакотическими Рукописями», повествующими о далеком, скованном морозами Ломаре. Звали его Барзаи Мудрый, и вот что рассказывают жители деревни о том, как он взошел на гору в ночь необычного затмения. Барзаи знал о богах так много, что мог бесконечно рассказывать об их образе жизни и привычках. Он разгадал столько их тайн, что в конце концов его самого стали считать полубогом. Именно он дал мудрый совет гражданам Ультара, когда они приняли свой выдающийся закон, запрещающий убийство кошек, и он же первым поведал молодому священнику Аталю о том, куда уходят эти самые черные кошки в полночь накануне праздника Святого Иоанна. Барзаи знал очень много о богах земли и проникся желанием увидеть их лица. Он верил, что знание великих тайн богов защитит его от их гнева и потому решил взойти на вершину высокой скалистой Хатег-Кла в ночь, когда, как ему было известно, они соберутся там.

Хатег-Кла расположена в сердце каменистой пустыни, что начинается за Хатегом, по имени которого гора и названа, и вздымается она подобно каменной статуе в безмолвном храме. Ее пик всегда окутан траурным туманом — ведь туманы являются памятью богов, а боги любили Хатег-Кла больше других своих обиталищ. Боги земли часто прилетают туда на своих облачных кораблях и окутывают бледной дымкой склоны, чтобы никто не видел, как они исполняют танец памяти на вершине

при ярком свете луны. Обитатели Хатега говорят, что взбираться на Хатег-Кла опасно в любое время, но смертельно опасно взбираться туда в ночь, когда бледная дымка окутывает вершину и скрывает из вида луну; однако Барзаи, пришедший из соседнего Ультара вместе с молодым священником Аталем, своим учеником, не обратил внимания на эти предостережения. Будучи всего-навсего сыном содержателя гостиницы, Аталь порядочно трусил; другое дело Барзаи, чей отец владел землей и жил в старинном замке, — у Барзаи не было в крови присущего другим суеверного страха, и он только посмеивался над боязливыми деревенскими жителями.

Несмотря на уговоры крестьян, Барзаи и Аталь отправились из Хатега в каменистую пустыню; сидя у костра на ночных привалах, они без устали говорили о богах земли. Они шли день за днем, а вдали вздымалась к небесам огромная Хатег-Кла, окруженная ореолом траурной дымки. На тринадцатый день они достигли подножия горы, и Аталь осмелился заикнуться о своих опасениях. Но старый и многоопытный Барзаи не ведал страха и потому смело направился вверх по склону, по которому не взбирался ни один человек со времен Сансу, чьи деяния с благоговейным ужасом описаны в замшелых «Пнакотических рукописях».

Путь двух странников пролегал среди скал и был опасен из-за часто встречающихся ущелий, крутых утесов и горных обвалов. Постепенно стало очень холодно, пошел снег, и Барзаи с Аталем начали поскальзываться и падать, но все так же ползли и продирались вверх с помощью своих посохов и топоров. Под конец воздух стал разреженным, небеса изменили цвет с голубого на черный, и путникам стало тяжело дышать — но они упорно продвигались все дальше и дальше вверх, изумляясь необычности пейзажа и содрогаясь при мысли о том, что увидят они на вершине, когда скроется луна, и гора окутается бледной дымкой. В течение трех дней взбирались они и наконец приблизились к самой крыше мира, после чего расположились под открытым небом, ожидая, когда луна скроется в облаках.

Четыре ночи минуло с того времени, когда они разбили лагерь в ожидании облаков; однако тех все не было, и луна по-прежнему источала холодное сияние сквозь тончайшую траурную дымку, накинутую вокруг безмолвной вершины. На пятую ночь, когда наступило полнолуние, Барзаи заметил далеко на севере несколько плотных облаков и поднял на ноги Аталя. Они принялись внимательно следить за их приближением. Могучие и величественные, облака медленно плыли в их сторону, будто осознавая направление своего движения, приблизившись же, они выстроились цепью вокруг пика высоко над головами наблюдателей, сокрыв луну и вершину от их взоров. В течение

долгого часа Барзаи с Аталем смотрели кругом во все глаза, но видели лишь водоворот туманных паров и образовавшийся облачный щит, который постепенно уплотнялся и наполнял их души все большей и большей тревогой. Барзаи был мудр, много чего знал о богах земли; он напряженно вслушивался, стараясь уловить звуки, которые хоть что-нибудь могли сказать ему; Аталь же проникся холодом тумана и зловещим молчанием ночи, и великий страх охватил его. И когда Барзаи двинулся к вершине и энергичным взмахом руки позвал за собой Аталя, прошло немало времени, прежде чем тот пошел следом.

Туман настолько сгустился, что трудно было находить путь, и когда Аталь наконец пошел за Барзаи, он смог лишь смутно различать серый силуэт своего спутника вверху на склоне, неясно вырисовывавшемся в лунном свете, который едва пробивался сквозь облака. Барзаи шагал далеко впереди, и, несмотря на почтенный возраст, восхождение, казалось, стоило ему меньших сил, чем Аталю; он нисколько не боялся туч, которые вырастали перед ним и преодолеть которые было под стать только очень сильному и бесстрашному человеку, и ни на секунду не останавливался перед широкими черными ущельями, перепрыгнуть которые Аталю удавалось с огромным трудом. Так неукротимо взбирались они вверх, зависая над скалами и безднами, скользя и спотыкаясь, и порой их охватывал благоговейный ужас, вызванный необъятностью и устрашающей тишиной холодных ледяных пиков и безмолвных гранитных скал.

Барзаи пропал из поля зрения Аталя совершенно неожиданно, после того, как начал взбираться на чудовищный утес, который внезапно стал у него на пути и который мог перекрыть дорогу любому смертному, не вдохновленному богами земли. Аталь находился далеко внизу и был занят размышлениями о том, что он будет делать, достигнув неприступного утеса, как вдруг с удивлением обнаружил, что заоблачный свет усилился, как если бы выступающая из тумана вершина с залитым лунным светом местом встречи богов вдруг оказалась совсем рядом. Карабкаясь в направлении выступающего утеса и светового пятна, он ощутил потрясение, по силе своей не сравнимое ни с каким другим, испытанным им ранее. Ибо сквозь сильный туман услышал он голос Барзаи, который бешено и восторженно кричал:

— Я слышу богов. Я слышу, как боги земли поют во время пиршества на Хатег-Кла! Барзаи-Пророк знает голоса богов земли! Туман рассеивается, луна светит ярко, и я обязательно увижу, как бешено танцуют боги на Хатег-Кла, которую они любили в юности. Мудрость Барзаи сделала его выше богов земли, и все их заклинания и запреты — ничто для него; Барзаи

увидит богов, заповедных богов, богов земли, которые с презрением отвергают человеческий взор!

Аталь не мог слышать голосов, о которых говорил Барзаи, но очень надеялся услышать, ибо в тот момент он был уже близко от выступающего утеса и осматривал его, пытаясь отыскать опору для ног. Затем ушей его вновь достиг голос Барзаи, который стал пронзительней и громче:

— Туман почти рассеялся, и луна отбрасывает тени на склон; голоса богов земли выдают их испуг и неистовство, они боятся прихода Барзаи Мудрого, который более велик, чем они... Свет луны колеблется, когда боги земли танцуют под ней; я увижу, как танцуют боги, как они прыгают и завывают в лунном свете... Свет становится тусклым, и боги боятся...

В то время как Барзаи выкрикивал все это, Аталь ощутил странные изменения в окружавшем его пространстве. Было похоже, что законы земли отступили перед более высокими законами — ибо хотя путь был как никогда крут и опасен, ведущая к вершине тропа вдруг сделалась пугающе легкой для восхождения, а выступающий вертикально вверх утес вдруг перестал представлять собой какое бы то ни было препятствие. Едва он достиг его, как заскользил, невзирая на опасность, вверх по выпуклой поверхности. Лунный свет странным образом ослабел, и как только Аталь завершил свой крутой подъем сквозь туман, он услыхал, как Барзаи Мудрый надрывно кричит в тени:

— Луна темна, и боги танцуют в ночи; и ужас разлит по небу, ибо на луну опустилось затмение, которое не предрекала ни одна из человеческих книг или книг богов земли... Неведомое волшебство нисходит на Хатег-Кла, ибо пронзительные крики испуганных богов обратились в смех, а ледяные склоны бесконечно вздымаются в черные небеса, куда поднимаюсь и я... Эй! Эй! Наконец-то! В тусклом свете вижу я богов земли!

И в этот момент Аталь, только что совершивший головокружительный подъем на невообразимую кручу, услышал во тьме отвратительный смех, перемежающийся воплем, какого никогда не слыхал и никогда не услышит ни один человек (забудем о воплях, что роятся в ослепительном свете бессвязных ночных кошмаров) — воплем, в котором дрожь ужаса и мука всей прожитой жизни, которая вот-вот оборвется, слились в одном чудовищном мгновении:

— Другие боги! Это другие боги! Это боги внеземного ада, что стерегут слабых богов земли!.. Отведи взор... Поспеши прочь... Не смотри! Не смотри! О, мщение бесконечных бездн... О, эта проклятая, эта дьявольская пропасть... Милосердные боги земли, я падаю в небеса!

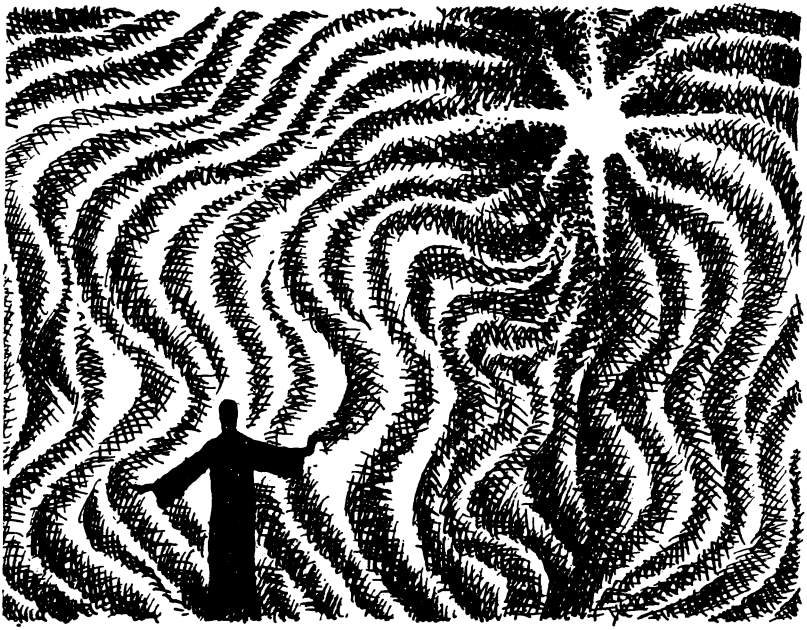
И в тот момент, когда Аталь закрыл глаза, заткнул уши и

попытался спрыгнуть вниз, силясь преодолеть это ужасное, исходящее из неведомых высот притяжение, раздался на Хатег-Кла тот чудовищный раскат грома, что разбудил добропорядочных крестьян и честных горожан Хатега, Нира и Ультара, и сквозь облака увидели они то самое необычайное затмение луны, которое никогда не предсказывалось ни в одной из книг. И когда луна наконец скрылась, Аталь пришел в себя на снегу, покрывающем склоны Хатег-Кла, гораздо ниже того места, до которого он дошел, и не увидел он там ни богов земли, ни других богов.

А в замшелых «Пнакотических Рукописях» говорится, что когда мир был молодым и Сансу взошел на Хатег-Кла, он не обнаружил там ничего, кроме безмолвных льдов и скал. Но после того, как жители Ультара, Нира и Хатега преодолели свой страх и взошли по тем проклятым кручам в поисках Барзаи Мудрого, они увидели, что на голом утесе вершины был высечен странный символ гигантских — пятьдесят локтей в ширину — размеров, как если бы какой-то титанический резец прошелся по скале. И символ этот был подобен тому, который ученые люди встречали в наиболее таинственных и жутких частях «Пнакотических Рукописей», оказавшимся слишком древними, чтобы их можно было прочесть. Вот и все, что увидели они.

Барзаи Мудрый так и не был найден, и никто не мог уговорить праведного священника Аталя помолиться за упокой его души. Более того, и по сей день жители Ультара, Нира и Хатега боятся затмений, и темными ночами, когда бледная дымка скрывает вершину горы и луну, они без устали повторяют свои молитвы. А над дымкой, окутавшей Хатег-Кла, боги земли по-прежнему исполняют иногда свой танец памяти — ведь они знают, что ничто и никто не может помешать им; они любят приплывать с неведомого Кадафа на облачных кораблях и предаваться своим древним играм, совсем как в те времена, когда земля была молодой, а люди не были одержимы мыслями о восхождении на недоступные им вершины.

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Из выходящего на север окна моей комнаты видна Полярная Звезда. Долгими осенними ночами, когда снаружи завывает и неистовствует северный ветер, а деревья, шелестя огненной листвою, переговариваются между собой, я сижу у окна и неотрывно наблюдаю за ее зловещим мерцанием. Незаметно проходят часы, и ночная мгла понемногу начинает таять в серых предрассветных сумерках. Постепенно тускнеет высокомерная Кассиопея, Большая Медведица поднимается над беспокойно шелестящими деревьями, которые всю ночь надежно скрывали ее от моего взора, повисший над кладбищенским холмом Арктур начинает нервно помигивать, предвещая скорый рассвет, а Волосы Вероники, струящиеся далеко на востоке, начинают излучать мягкое таинственное сияние — одна лишь Полярная Звезда неподвижно висит там, где взошла с наступлением темноты. Я смотрю на небосвод и вижу ее жуткий

дрожащий свет. Она напоминает мне всевидящее око неведомого безумца, что жаждет донести до людей некое диковинное послание и тщетно силится восстановить его в своей памяти, но не может вспомнить ничего, кроме того, что послание это еще совсем недавно обременяло его мозг. Время от времени, когда по ночам небо заволакивается тучами, ко мне приходит сон.

Я хорошо помню ночь великой Авроры, когда над болотом, обрамленном деревьями с огненной листвой, вспыхнул безумный фейерверк демонических огней. Потом набежавшие облака скрыли пламя небес, и я сразу же заснул.

...Тонкий бледный серп луны смотрел вниз с ночного неба, и я впервые увидел город. Спокойный и сонный, он раскинулся в центре широкого плато, окруженного со всех сторон причудливыми горными вершинами. Его стены и башни были выстроены из мертвенно-бледного мрамора, из того же мрамора были сложены его колонны и купола. Вдоль мощеных камнем улиц стояли мраморные столбы, верхушки которых украшали резные изображения суровых бородатых людей. Теплый воздух был прозрачен и недвижим. И над этим величественным городом, отклонившись от зенита не более чем на десять градусов, мерцала всевидящим оком Полярная Звезда. Я долго смотрел на город, однако так и не дождался наступления дня. Но после того, как повисший над горизонтом и никогда не заходящий за него красный Альдебаран неспешно преодолел четверть небосвода, я увидал огни и движение в домах и на улицах города. Повсюду прохаживались странно одетые и в то же время исполненные благородства фигуры; озаряемые светом тонкого бледного серпа луны, люди спокойно и неторопливо беседовали друг с другом, и я хорошо понимал их язык, хотя он и не был похож ни на одно из известных мне наречий. А когда красный Альдебаран проделал половину своего небесного пути, тишина и мгла вновь воцарились над горизонтом.

Я проснулся другим человеком. Память моя хранила образ города, но в душе моей всплыло иное, более смутное воспоминание, происхождение которого было загадкой для меня. После этого я часто видел город во снах, одолевавших меня пасмурными ночами; иногда он представал передо мною в жарких золотистых лучах солнца, что медленно катилось вдоль горизонта, не заходя за него. Но ясными ночами сон покидал меня, и, подняв глаза к черному небосводу, я встречал там лишь взгляд Полярной Звезды, холодный и пристальный как никогда.

Через некоторое время я принялся рисовать себе картины моего пребывания в этом необыкновенном городе. Сначала я желал оставаться неким бестелесным и всевидящим призраком, дабы наблюдать жизнь города со стороны, но затем возжаждал

погрузиться в гущу городской суеты и вести неспешные беседы с людьми, которые ежедневно собирались на площадях. «Это не сон, — говорил я себе, — ибо чем могу я доказать, что жизнь в этом городе менее реальна, нежели мое существование в каменном доме, расположенном к югу от мрачного болота и кладбища, раскинувшегося на низком холме над ним — в доме, в выходящие на север окна которого каждую ночь заглядывает Полярная Звезда?»

Однажды ночью я отчетливо услышал речи людей, собравшихся на большой, украшенной причудливыми статуями площади. Я ощутил в себе какую-то перемену и внезапно понял, что перестал быть призраком и обрел наконец-то материальную форму. Я не был более чужаком на улицах Олафоэ, что лежал на плато Саркия между вершинами Нотон и Кадифонек. Я слышал голос моего друга Алоса, и произносимые им речи ласкали мой слух, ибо это были речи настоящего мужа и патриота. Той ночью в город пришли вести о падении Дайкоса и о наступлении инутов — это страшное племя желтокожих карликов-убийц пять лет тому назад явилось с неведомого Запада, чтобы опустошить наше царство. Им удалось взять множество наших городов, они овладели укреплениями у подножий гор, и теперь им были открыты все пути на плато. Они возьмут и его, если только мы все как один не выйдем на защиту нашего города и не отразим нападение врагов, превосходящих нас числом в десятки раз. Это будет очень нелегко, ибо карликовые дьяволы очень искусны в ведении войн и к тому же не обременяют себя законами чести, которые удерживают высокорослый, сероглазый народ Ломара от жестоких завоевательных походов.

Последней надеждой на спасение был мой друг Алос — он командовал силами, которые защищали город на плато. Спокойно и твердо говорил он о предстоящих опасностях и призывал мужей Олафоэ, храбрейших во всем Ломаре, вспомнить о великих подвигах их предков. Много веков назад далекие пращуры обитателей Ломара были вынуждены уйти из Зобны, спасаясь от нашествия гигантского ледника. Путь зобнийцев лежал на юг, где их подстерегали Гнофкеусы — длиннорукие, заросшие с головы до пят отвратительной шерстью кровожадные каннибалы. Однако нашим отважным предкам, говорил Алос, удалось смести их со своего пути и продолжить исход на спасительный юг. Алос призывал всех сограждан взять в руки оружие и отразить вторжение инутов. Я был едва ли не единственным исключением — моя физическая слабость и подверженность частым обморокам во время большого напряжения сил не были теми качествами, которые необходимы воину. Однако я обладал са-

мым острым во всем городе зрением (и это несмотря на то, что в течение многих лет подолгу изучал «Пнакотикские Рукописи» и «Заветы Отцов Зобны»), и мой начальственный друг оказал мне великую честь, доверив пост на сторожевой башне Тапнен. Я должен был наблюдать за узким горным проходом у подножия пика Нотон, которым могли воспользоваться инуты, чтобы подобраться к городу вплотную и застать врасплох его защитников. Моей же задачей было подать при появлении врагов сигнал нашим солдатам, предотвратив тем самым падение и гибель города.

Я находился на башне один, без помощника, ибо каждый боеспособный мужчина был на счету там, внизу, где стояли насмерть храбрейшие сыны Ломара. Мозг мой, в течение нескольких суток не знавший ни сна, ни отдыха, был перевозбужден от волнения и страшной усталости, но я решил исполнить свой долг до конца во что бы то ни стало, ибо страстно любил свою родную землю, что именовалась Ломар, и в особенности мраморный город Олафоэ, раскинувшийся между вершинами Нотон и Кадифонек.

Оказавшись в самой верхней комнате башни, я увидел тонкий бледный серп луны, зловеще подрагивавший в серой дымке, которая заволокла далекую долину Баноф. А сквозь отверстие в потолке поблескивала Полярная Звезда — она то игриво подмигивала, то пристально глядела на меня, и был это взгляд недруга и искусителя. Я подозреваю, что именно она сослужила мне дурную службу, навеяв предательский сон вкрадчивым нашептыванием дьявольского десятистишия, которое раз за разом повторялось в моем мозгу:

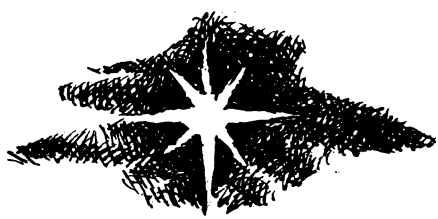
Явь то или сон — полет планеты
Отмеряет нам сто тысяч лет,
Открывая старые секреты
Городов, которых ныне нет.
И другие, новые светила
Всходят ночью в черных небесах;
Все, что наша память сохранила,
Исчезает в легких облаках.
И лишь в прежней жизни, как во сне
Постучится прошлое ко мне.

Я тщетно боролся с овладевавшей мною дремотой, пытаясь найти связь между этими странными строками и знаниями, почерпнутыми мною из «Пнакотикских Рукописей». Моя отяжелевшая голова упала на грудь, и когда я устремил свой взор вверх — а это было уже во сне, — то увидал, что Полярная Звезда насмешливо смотрела на меня в окно; она висела так

высоко над горизонтом, что ее не могли скрыть огромные, узловатые ветви деревьев, которые, сгибаясь под ураганным ветром, шумели листвою над угрюмым болотом. Все это происходило во сне — и я до сих пор не очнулся от него.

Иногда, охваченный стыдом и отчаянием, я бешено кричу, взывая к персонажам моих снов и умоляя их разбудить меня до того, как минуты пройдут незамеченными через горный проход у пика Нотон и овладеют беззащитным городом; но демоны сновидений лишь громко смеются и уверяют меня, что я вовсе не сплю. Они издеваются надо мной, не давая очнуться от сна, в то время как низкорослые желтокожие враги скользят мимо ничего не подозревающих защитников цитадели и овладевают ею. Я не исполнил своего долга, я предал мраморный город Олафоэ и не оправдал доверия Алоса, моего друга и командира. И тени моих снов все еще смеются надо мной. Они говорят, что земли Ломар никогда не было на нашей планете и что это всего-навсего плод моих ночных фантазий. Они говорят, что в тех краях, где Полярная Звезда сияет высоко в небе, а красный Альдебаран медленно оборачивается по самому краю небосвода, нет и никогда не было ничего, кроме тысячелетних льдов и снегов и что здесь никогда не обитало никакой иной расы, кроме приземистых существ с желтой, отполированной жестокими ледяными ветрами кожей и что существа эти называются эскимосами.

Охваченный мучительным сознанием своей вины, стремясь во что бы то ни стало спасти город, над которым нависла страшная опасность, я тщетно стараюсь стряхнуть с себя эту дьявольскую дремоту и избавиться от наваждения образа каменного дома, расположенного к югу от угрюмого болота, и кладбища на низком холме; а Полярная Звезда, безжалостная и насмешливая, смотрит вниз с черного небосвода, зловеще подмигивая мне и напоминая собой всевидящее око неведомого безумца, который жаждет донести до людей некое диковинное послание и тщетно силится восстановить его в своей память, но не может вспомнить ничего, кроме того, что послание это еще совсем недавно обременяло его мозг.

ИРАНОН

Однажды в гранитный город Телос забрел юноша в венке из виноградной лозы. Мирра блестела в его выгоревших до желтизны волосах, пурпурный плащ был изодран о колючие кусты склонов горы Сидрак, что высится напротив древнего каменного моста. Обитатели квадратных домов Телоса, люди недалекие и суровые, хмуро расспрашивали странника, откуда пришел он, как зовут его и каковы его средства. Так отвечал им юноша: — Я Иранон, родом из Эйры, далекого города, который я почти забыл и жажду снова отыскать. Я исполняю песни, знакомые мне по жизни в том городе, и призвание мое — создавать красоту из своих детских воспоминаний. Мое богатство — в том немногом, что я помню, в грезах и мечтах, которые я воспеваю в садах, когда нежно сияет луна, а западный ветер колышет бутоны лотоса.

Услышав это, зашептались между собой жители Телоса. В их

гранитном городе отродясь не слыхали ни смеха, ни песен, но даже эти угрюмые люди посматривают иногда по весне на карфианские холмы, и в голову им приходят мысли о лютнях отдаленной Унэи, о которой так часто рассказывают путешественники. Поразмыслив, они попросили странника остаться и спеть на площади перед Башней Млина, хотя не понравился им ни цвет его поношенного одеяния, ни мирра в волосах, ни венок из виноградных листьев, ни музыка юности, что звучала в его звонком голосе. Вечером пел Иранон, и пока он пел, какой-то старец принялся молиться, а один слепой потом утверждал, что видел светящийся нимб вокруг головы певца. Но большинство слушателей зевало и смеялось, иные же отправились спать, поскольку не поведал им Иранон ничего полезного, а пел лишь свои воспоминания, грезы и надежды.

— Я помню сумрак, луну и тихие песни, и окно, подле которого меня укачивала мать. И была за окном улица с золотыми огнями, и тени плясали на стенах зданий. Я помню квадрат лунного света — света, какого я не встречал больше нигде, и видения, плясавшие в луче этого света, покуда моя мать пела мне. Помню я и яркое утреннее солнце над многоцветными летними холмами, и сладкий аромат цветов, приносимый западным ветром, от которого пели деревья.

О, Эйра, город из мрамора и изумрудов, не перечесть твоих красот! Как любил я теплые и благоухающие рощи за кристально-чистой рекой Нитрой, и водопады крохотной Крэй, что текла по зеленой долине! В тех лесах и долах дети сплетали друг другу венки, а едва над раскидистыми деревьями, что росли на горе ввиду городских огней, вплетенных в отраженную водами Нитры звездную ленту, сгущались сумерки, меня начинали посещать странные, сладкие грезы.

И были в городе дворцы из цветного с прожилками мрамора, с позолоченными куполами и расписными стенами, зеленые сады с лазурными прудами и хрустальными фонтанами. Часто играл я в тех садах и плескался в прудах, и лежал, утопая в блеклых цветах, что росли под густыми кронами деревьев, и мечтая обо всем на свете. Бывало, на закате я поднимался длинной улицей, что взбегала по склону холма, к акрополю и, остановившись на открытой площадке перед ним, смотрел вниз на Эйру, чудесный город из мрамора и изумрудов, окутанный дымкой золотистых огней.

Как давно тоскую я по тебе, Эйра — ведь был я очень мал, когда мы отправились в изгнание! Но мой отец был твоим Царем, и, если будет на то воля Рока, я вновь увижу тебя. Семь земель прошел я в поисках тебя, и настанет час, когда я начну править твоими рощами и садами, улицами и дворцами. Я буду

петь людям, знающим, о чем я пою, и не отвернутся, не высмеют меня, ибо я есть Иранон, бывший в Эйре принцем.

Той ночью обитатели Телоса положили путника в хлеву, а поутру к нему пришел архонт и повелел идти в мастерскую сапожника Атока и стать его подмастерьем.

— Но ведь я Иранон, певец, — ответил он, — и не лежит у меня душа к ремеслу сапожника.

— Все в Телосе обязаны усердно трудиться, — возразил архонт. — Таков закон.

Тогда отвечал ему Иранон: — Зачем же трудитесь вы? Разве не затем, чтобы жить во счастии и довольстве? А если для того ваши труды, чтобы работать все больше, то когда же вы обретете счастье? Вы трудитесь, чтобы обеспечить себе жизнь, но разве жизнь не соткана из красоты и песен? И если в трудах ваших не появилось среди вас певцов, то где же плоды ваших усилий? Труд без песни похож на утомительное и бесконечное путешествие. Разве не была бы смерть более желанной, чем такая жизнь?

Но иерарх оставался угрюм, не внял словам юноши и в ответ упрекнул его:

— Ты очень странный юноша. Не нравятся мне ни обличье твое, ни голос. Слова, что ты говоришь, богохульны, ибо изрекли боги Телоса, что труд есть добро. После смерти нам обещан богами приют света, где будет вечный отдых и хрустальная прохлада. Мысль там не будет досаждать сознанию, красота — глазам. Иди же к Атоку-сапожнику, иначе прогонят тебя из города до заката. Здесь каждый обязан приносить пользу, а пение есть безделица.

Итак, Иранон вышел из хлева и побрел узкими каменными улочками между унылых прямоугольных домов из гранита. Он надеялся увидеть зелень, но его окружал лишь серый камень. Лица встречных были хмуры и озабочены. На набережной медлительной Зуро сидел отрок с грустными глазами и пристально смотрел на поверхность воды, выискивая на ней зеленые веточки с набухшими почками, которые нес с гор паводок. И отрок этот обратился к Иранону: — Не ты ли тот, кто, как говорят архонты, ищет далекий город в прекрасной земле? Я, Ромнод, хоть и телосской крови, но еще не успел состариться и стать похожим на остальных; я страстно тоскую по теплым рощам и дальним землям, где обитают красота и песни. За карфианским хребтом лежит Унэя, город лютни и танца. Люди шепчутся о нем как о прекрасном и ужасном одновременно. Вот куда пошел бы я, будь я достаточно взрослым, чтобы найти дорогу. Не пойти ли туда и тебе? Там у песен твоих нашлись бы добрые слушатели. Давай вместе уйдем из Телоса и отправимся по весенним

холмам. Ты покажешь мне путь, а я буду внимать твоим песням по вечерам, когда звезды одна за другой навевают грезы мечтателям. И может статься Унэя, город лютни и танца, и есть прекрасная Эйра, которую ты ищешь. Говорят, ты очень давно не видел Эйру, а названия городов, как известно, часто меняются. Пойдем в Унэю, о золотоволосый Иранон, где люди, узнав наши цели и устремления, примут нас как братьев. И никто из них не засмеется и не нахмурится нам в лицо.

Так отвечал ему Иранон:

— Да будет по-твоему, малыш; если кто-нибудь в этом каменном мешке возжаждет красоты, ему нужно искать ее в горах, как можно дальше отсюда. Мне не хочется оставлять тебя томиться у медлительной Зуро. Но не думай, что восхищение искусством и понимание его обитают сразу за карфианским хребтом. Их нельзя отыскать за день, год или пять лет пути. Послушай, когда я был юн, как ты, я поселился в долине Нартоса, у холодной реки Хари. Там никто не желал внимать моим мечтам. И я решил, что как только подрасту, пойду в Синару, на южный склон горы, где спою на базаре улыбчивым погонщикам одногорбых верблюдов. Но достигнув Синары, я нашел караванщиков пьяными и погрязшими в пороках; я увидел, что песни их вовсе не схожи с моими. И тогда я отправился на лодке вниз по Хари — до города Джарена, чьи стены украшены плитками разноцветного оникса. Но солдаты в Джарене подняли меня на смех и прогнали прочь. С таким же успехом бродил я и по многим другим городам. Я видел Стефелос, что лежит ниже великого водопада, и проходил мимо топи, на месте которой некогда стоял Сарнат. Я посетил Фраю, Иларнек и Кадаферон на извилистой реке Эй, долго жил в Олатоу, что в земле Ломар. Желающих послушать меня всегда набиралось немного. И потому я уверен, что привет и ласка ждут меня только в Эйре, городе из мрамора и изумрудов, в котором когда-то царствовал мой отец. Мы с тобой будем искать Эйру. Однако я согласен с тобой, нам не мешало бы посетить и отдаленную, благословенно-лютневую Унэю за карфианским хребтом. Она и впрямь может оказаться Эйрой, хотя я не думаю, что это так. Красоту Эйры невозможно вообразить, и никто не в состоянии говорить о ней без восторга. А об Унэе перешептываются одни только караванщики, да еще и плотоядно ухмыляются при этом.

На закате Иранон и юный Ромнод покинули Телос и долгое время странствовали по зеленым холмам и тенистым лесам. Труден и запутан был их путь. Казалось, никогда им не прийти в Унэю, город лютни и танца. Но в сумерках, когда высыпали звезды, Иранон заводил песню об Эйре и ее красотах, Ромнод же внимал ему, и оба чувствовали себя на редкость счастливыми.

Они питались фруктами и красными ягодами и не замечали течения времени, а между тем, прошло, должно быть, много лет. Маленький Ромнод заметно вытянулся, голос его теперь звучал ниже, но Иранон оставался все тем же и по-прежнему украшал свои золотистые волосы виноградной лозой и ароматными смолами лесов. Так незаметно разгорелся и угас день, когда Ромнод стал выглядеть старше Иранона. А ведь был он очень юн при первой их встрече на берегу ленивой, одетой в камень Зуро, где сидел он и искал веточки с набухшими почками. Но вот однажды в полнолуние путники взошли на высокий горный гребень и взглянули вниз на мириады огней Унэи. Недаром селяне говорили им, что они были уже совсем близко от нее. Тут понял Иранон, что это не его родная Эйра. Огни Унэи были совсем другими — резкими и слепящими, тогда как в Эйре они светили мягко и волшебно, подобно лунному свету, переливающемуся на полу подле окна, у которого мать Иранона некогда убаюкивала его своей колыбельной. Но, так или иначе, Унэя была городом лютни и танца, а потому спустились Иранон с Ромнодом по крутому склону, чтобы отыскать людей, которым песни и мечты доставили бы радость.

Едва вошли они в город, как оказались в толпе бражников, что в венках из роз бродили из дома в дом, свешивались с балконов и выглядывали из окон. Они усердно внимали песням Иранона. Когда же он кончил петь, то они осыпали его цветами и аплодисментами. Тогда ненадолго уверовал Иранон, что нашел наконец тех, кто думал и чувствовал подобно ему самому, хотя город этот никогда не мог бы сравниться красотою с незабвенной Эйрой. На рассвете же огляделся Иранон по сторонам, и его охватило смятение, ибо купола Унэи не сияли золотом, а были серыми и мрачными, а горожане стали бледными от гульбы, тупыми от вина и даже отдаленно не напоминали лучезарных жителей Эйры. Но поскольку эти люди осыпали его цветами и аплодировали его песням, Иранон решил остаться в городе, а вместе с ним и Ромнод, которому по душе пришлись шумные пирушки. Теперь он постоянно носил в волосах мирт и розы.

Часто пел Иранон веселым гулякам по ночам, но, как и раньше, был увенчан лишь лозой из горных лесов и никак не мог забыть мраморных улиц Эйры и кристальной чистоты Нитры. Пел он и в чертогах Монарха, стены которых изукрашены фресками. Стоя на хрустальном возвышении над зеркальным полом, пением своим он рождал в воображении слушателей удивительные картины. Зеркало пола, казалось, отражало уже не хмельные физиономии пирующих, а нечто иное, нечто прекрасное и полузабытое. И повелел ему Царь сбросить с плеч своих поношенный пурпур, и одел певца в атлас и золотое

шитье, и украсил персты его кольцами зеленого нефрита, а запястья — браслетами из разукрашенной слоновой кости; он устроил певцу ночлег в позолоченной, увешанной богатыми гобеленами спальне, на узорчатом, резном ложе под цветным шелковым балдахином. Так жил Иранон в Унэе, городе лютни и танца.

Неизвестно, сколько времени провел певец в Унэе, но вот однажды привез Царь во дворец неистовых, кружившихся, как волчки, танцоров из лиранийской пустыни и смуглых флейтистов из восточного города Драйнена. После этого на пирах все чаще стали бросать цветы танцорам и флейтистам, чем певцу Иранону. Ромнод же, что был маленьким мальчиком в каменном Телюсе, с каждым днем становился все тупее и черствее. Лицо его оплывало и краснело от выпитого вина, он все реже и реже предавался мечтам и все с меньшим воодушевлением слушал песни товарища. А Иранон стал тих и печален, но по вечерам все так же не уставал повествовать об Эйре, городе из мрамора и изумрудов.

Но вот однажды ночью Ромнод, обрюзгший и краснолицый, укутанный в вышитые маками шелка, тяжело захрипел на своем затрапезном ложе и в жутких корчах скончался. В это время Иранон, все такой же бледный и стройный, тихо пел самому себе песни, сидя в дальнем углу. Когда же певец оросил слезами могилу друга и осыпал ее зелеными распускающимися ветвями, столь милыми прежде сердцу Ромнода, он сбросил с себя шелка и пышные украшения и ушел прочь из Унэи, города лютни и танца. Он покинул город всеми забытый, никем не замеченный, облачившись в свой рваный пурпур — тот самый, в котором пришел когда-то, увенчанный свежими лозами с гор. Он ушел на закате и снова пустился на поиски своей родной земли и людей, что восхитились бы его мечтами и песнями. В городах Сидафрии и в землях, что лежат за пустыней Бнази, над его ветхозаветными песнями и поношенным пурпурным одеянием вовсю потешались дети. А Иранон все так же оставался молодым и носил венки в соломенных волосах, и все так же воспевал Эйру, усладу прошлого и надежду будущего.

Однажды вечером вышел он к убогой хижине дряхлого пастуха, грязного и согбенного, который пас свое стадо на каменистом склоне над зыбучими песками и болотами. Обратился к нему Иранон, как и ко многим другим:

— Не подскажешь ли ты мне путь к Эйре, городу из мрамора и изумрудов, где протекает кристально-истая Нитра и где водопады крохотной Крэй поют свои песни цветущим холмам и долам, поросшим кипарисами?

Услышав это, пастух пристально и как-то странно вгляделся

в Иранона, будто вспоминая что-то очень далекое, затерянное во времени. Он пристально рассмотрел каждую черточку облика незнакомца, не обойдя вниманием и золотистые волосы, и венец из виноградных листьев. Но был он стар и, покачав головой, ответил: — О, путник, я и в самом деле слышал это название — Эйра — и другие, о которых говорил ты. Но возвращаются они ко мне из бесконечно далекой пустыни прожитых лет. Слышал я их еще в далеком детстве из уст товарища по играм, мальчика из нищей семьи, склонного к странным мечтаниям. Он, бывало, сплетал длинные повести о луне и цветах и западном ветре. Мы часто смеялись над ним, ибо мы-то знали его с самого рождения. Он же воображал себя сыном Царя. Был он очень хорош собой, совсем как ты, но всегда был полон глупых и странных фантазий. Он покинул дом совсем маленьким, чтобы найти кого-нибудь, кто захотел бы выслушать его песни и поверить в его мечты. Как часто пел он мне о дальних странах, коих не было и в помине и о разных невозможных вещах. Часто он рассказывал мне об Эйре, и о реке Нитре, и о водопадах крохотной Крэй. Там, как он утверждал, был он некогда Принцем, хотя мы-то знали его от рождения. Нет и не было никогда ни мраморного города Эйры, ни тех, кто хотел бы найти усладу в его странных песнях. Разве что это было в мечтах моего друга детства — а звали его Ираноном, — но он давно и бесследно пропал.

В сумерках, когда на небосводе зажигались одна за другой звезды, а луна проливала на болото сияние, похожее на то, что предстает глазу ребенка, которого на ночь укачивает мать, шел в глубину смертоносных зыбей старик. Был он в рваном пурпурном плаще, голова его была увенчана высохшими виноградными листьями. Пристально вглядывался он вдаль, будто высматривая впереди золоченые купола прекрасного сказочного города, где люди еще верят в мечты. Той ночью вечно юная и прекрасная нота перестала звучать в повзрослевшем мире.

ДЕРЕВО

На цветущем склоне горы Менэлус, что в Аркадии, неподалеку от развалин древней виллы растет оливковая роща. Рядом с ней возвышается надгробие, некогда прекрасное, с величественными скульптурами, но ныне разрушенное, как и дом. У одного края могилы, раздвинув потемневшие от времени плиты пентелийского мрамора, растет необычайных размеров олива. Вид ее вызывает отвращение сходством с каким-то уродливым человеком или с телом, обезображенным смертью. Селяне избегают ходить мимо него по ночам, когда лунный свет едва пробивается сквозь кривые ветви. Гора Менэлус — излюбленное место козлоногого Пана, которого всегда окружает множество странных спутников и приятелей. Простые деревенские парни уверены, что олива каким-то образом связана со всей этой нечистой компанией.

Но старый пасечник, живущий в доме неподалеку, рассказывал мне совсем другое.

Много лет тому назад, когда вилла на склоне была новой и великолепной, в ней проживали два скульптора — Калос и Мусид. Красота их творений славилась повсюду от Лидии до Неаполя. Никто не осмелился бы утверждать, что один превосходит другого в мастерстве. Гермес работы Калоса стоял в мраморной раке в Коринфе, а Паллада Мусида венчала колонну, установленную в рядом с афинским Парфеноном. Все отдавали должное таланту скульпторов, удивляясь теплу их братской дружбы и отсутствию между ними зависти.

Но хотя и жили они в гармонии, характеры их были на редкость разными. Пока окруженный городскими бездельниками Мусид кутил по ночам в Тегии, Калос оставался дома. Он укрывался от взглядов своих рабов в уединенном прохладном уголке оливковой рощи. Там размышлял он над переполнявшими его образами и искал формы, которые делали бы красоту бессмертной в оживающем мраморе.

Пустомели утверждали, что Калос беседует с духами рощи, что его статуи суть образы фавнов и дриад, с которыми он там встречается, ибо живой натурой он никогда не пользовался.

Настолько знамениты были Калос и Мусид, что никто не удивился, когда к ним прибыли посланники от тирана Сиракуз. Они приехали вести переговоры о весьма дорогостоящей статуе богини удачи Тайкэ, которую тиран задумал поставить в городе. Скульптура должна была достигать огромных размеров, но при этом выполнить ее нужно было весьма тонко, чтобы она стала еще одним чудом света и привлекала в Сиракузы тысячи путешественников. Тот, чью работу примут, был бы возвеличен безмерно. За эту-то честь Калос и Мусид были приглашены посоревноваться. Их братская любовь была широко известна, и хитрый тиран рассудил, что каждый, вместо того, чтобы скрывать свою работу от другого, предложит другу помощь и совет. Эта душевная щедрость должна была породить два образа неслыханной красоты, лучший из которых затмил бы мечты поэтов.

Скульпторы с радостью приняли предложение тирана. Все последующие дни их рабы слышали неутомимый стук молотков. Калос и Мусид скрывали свою работу от всех остальных, но отнюдь не друг от друга. Ничьи иные глаза, кроме их собственных, не созерцали божественные фигуры, которые от сотворения мира были сокрыты в грубых глыбах, а сейчас высвобождались силой их гения. Как и прежде, по вечерам Мусид посещал пиры в Тегии, а Калос бродил в одиночестве по оливковой роще. Но с

течением времени в неизменно веселом и жизнерадостном Мусиде стали проявляться признаки уныния. Люди принялись гадать о причинах столь угнетенного состояния человека, у которого есть блестящая возможность завоевать своим искусством величайшую награду. Прошло немало месяцев, но кислое выражение лица Мусида так и не сменилось признаками нетерпеливого, азартного ожидания, которое столь естественно должно было появиться в подобном случае.

Но вот однажды Мусид рассказал о болезни Калоса, и всем стала понятна его печаль, поскольку глубокое и чистое взаимное влечение двух скульпторов было общеизвестно.

Тогда многие принялись навещать Калоса и, действительно, все как один отмечали его странную бледность. Но при этом было в нем и выражение счастливой безмятежности, что делало его взгляд более загадочным, чем взгляд Мусида. Мусид же был охвачен непередаваемым волнением и, пожелав самостоятельно кормить и ухаживать за своим другом, удалил от него всех рабов.

Сокрытые тяжелыми занавесями, стояли две незаконченные фигуры. В последнее время к ним редко прикасались резцы больного и его преданного брата.

А Калос продолжал слабеть, несмотря на помощь озадаченных врачей и нежную заботу своего друга. Все чаще просил он, чтобы его перенесли в возлюбленную им рощу. Там он просил оставить его в одиночестве, как если бы желал побеседовать с чем-то невидимым. Мусид безропотно выполнял все просьбы Калоса, хотя глаза его и наполнялись слезами при мысли, что брат его больше печется о нимфах и дриадах, чем о себе самом.

Наконец, настал день, когда Калос заговорил о смерти. Рыдающий Мусид пообещал ему изваять памятник более восхитительный, чем знаменитый склеп Мазолуса. Но Калос попросил его не говорить более о мраморных красотах. Лишь одно желание преследовало умирающего — чтобы в изголовье его гроба положили веточки, обломленные по его указанию с нескольких олив из рощи.

Однажды ночью, сидя в одиночестве во тьме оливковой рощи, Калос скончался.

Неописуемой красоты был монумент, что высек из мрамора охваченный скорбью Мусид для своего возлюбленного друга. Никто другой не изваял бы барельефов, вобравших в себя все великолепие Елисейских полей (34). Не забыл Мусид положить в могилу и веточки, обломленные в оливковой роще.

Когда боль утраты несколько поутихла, он возобновил работу над фигурой Тайкэ. Вся слава теперь должна была принадле-

жать ему одному, поскольку тиран Сиракуз жаждал заполучить только творение Калоса или Мусида и никого другого. Выполнение заказа послужило выходом чувствам скульптора, и с каждым днем он трудился упорнее, избегая развлечений, которым некогда предавался. Все вечера он неизменно проводил у могилы своего друга, где уже успела взойти молодая олива. Так быстр был ее рост и настолько необычен вид, что все, кто видел ее, не могли сдержать возгласа удивления. Да и сам Мусид выглядел очарованным, но порою испытывал к дереву нечто похожее на отвращение.

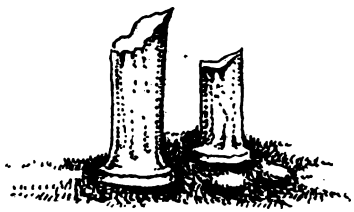
Через три года после кончины Калоса Мусид отправил тирану посланника. На агоре в Тегии прошел слух, что величественная статуя завершена. К этому времени олива у могилы приобрела поразительные размеры, превзойдя высотой все остальные деревья своего вида. Одна особенно тяжелая ветвь простиралась над крышей дома, в котором трудился Мусид. Многие приходили посмотреть на необычайно большое дерево и заодно восхититься работой скульптора, поэтому Мусид редко бывал один. Но толпы гостей не досаждали ему. Напротив, теперь, когда его работа была закончена, он, казалось, страшился одиночества. Холодный ветер с гор вздыхал в ветвях оливковой рощи и дерева на могиле, и вздохи эти навевали ужас, ибо в них чудились невнятные звуки неведомой речи.

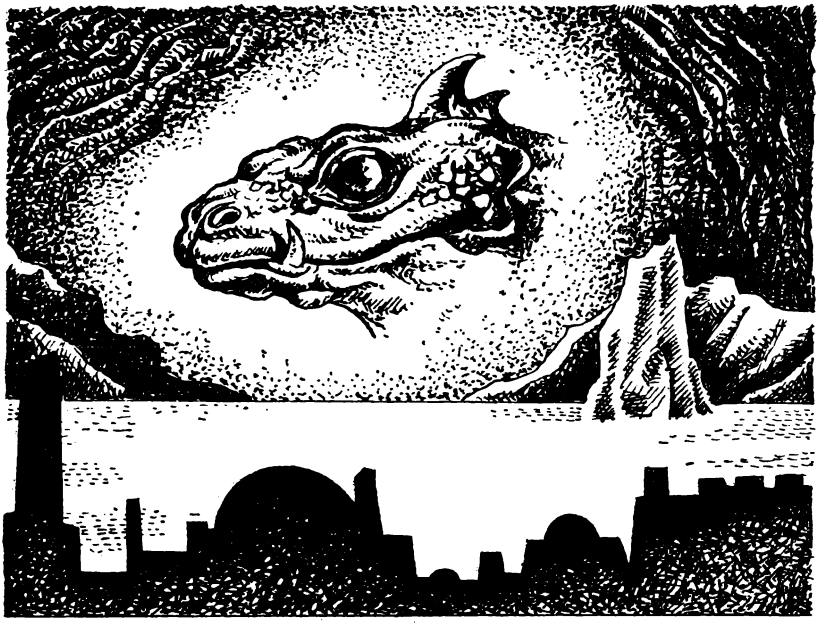
В тот вечер, когда в Тегию прибыли посланники тирана, в небе сгущались грозовые облака. Всем было известно, что они приехали забрать великолепное изваяние Тайкэ, обессмертив тем самым имя Мусида. Правитель города устроил им теплый прием. Ночью над горой Менэлус разразился ураган. Но люди из далеких Сиракуз не замечали его, уютно устроившись в теплом дворце. Они рассказывали о своем прославленном тиране, о блеске его столицы и бурно радовались великолепию статуи, которую Мусид изваял для Сиракуз. А тегийцы в ответ говорили о доброте Мусида и о его неизмеримой скорби по ушедшему другу; о том, что даже грядущие лавры вряд ли утешат его в отсутствие Калоса, который, может быть, носил бы их вместо Мусида. Упомянули они и о дереве, что выросло на могиле. Как раз в этот миг ветер завыл еще ужаснее, и все — как сиракузцы, так и жители Аркадии — вознесли молитву Эолу.

На следующее утро, согретое ласковыми лучами солнца, консул повел посланцев вверх по склону к обители скульптора. Вскоре они обнаружили, сколь страшный след оставил после себя ночной ураган. Еще издалека услышав вопли рабов, они ускорили шаг и, прибыв на место, замерли от ужаса: сверкающая колоннада просторного зала, где мечтал и творил Мусид, больше

не возвышалась посреди оливковой рощи. От дома остались только стены, поскольку на легкий и некогда роскошный перистиль (35) обрушилась тяжелая ветвь того самого необычного дерева, о котором они говорили накануне. Мраморная поэма, возведенная руками гениев, со сверхъестественным тщанием была превращена в неприглядный могильник. Как гости, так и тегийцы стояли, объятые страхом, среди руин, безмолвно вперив взор в зловещее дерево, причудливо напоминавшее человеческий силуэт, корни которого уходили в глубину усыпальницы Калоса. Их недоумение и страх безмерно усилились после осмотра развалин. Благородный Мусид и его чудесно выполненная статуя бесследно исчезли. Среди колоссальных руин царил полнейший хаос. Представители двух городов удалились глубоко разочарованными — сиракузцы из-за того, что им нечего было везти домой, тегийцам же было некого отныне восхвалять. Тем не менее, Сиракузы получили через некоторое время прекрасную статую из Афин, а тегийцы утешились тем, что возвели на агоре храм, увековечив гений, добродетели и братскую преданность Мусида.

А оливковая роща по-прежнему растет на том же самом месте, растет и дерево на могиле Калоса. Старый пасечник рассказывал мне, что иногда ветви его шепчутся на ночном ветру, бесконечно повторяя: «Oida! Oida! — Мне ведомо! Мне ведомо!»

КАРАЮЩИЙ РОК НАД САРНАТОМ

В земле Мнара есть большое тихое озеро, в которое не впадает и из которого не вытекает ни рек, ни ручьев. Десять тысяч лет тому назад на его берегу стоял могучий город, который назывался Сарнат; однако сейчас там не найти и следов этого города.

Говорят, что в незапамятные времена, когда мир был еще молод и племя, обитавшее в Сарнате, не было известно в землях Мнара, у озера стоял другой город; он был выстроен из серого камня и назывался Иб. Древний, как само озеро, он был населен очень странными существами. Они были на редкость уродливы — их облик поражал грубостью и отталкивающей необычностью форм, что вообще характерно для существ, появившихся на свет во время зарождения мира. На сложенных из кирпичей колоннах Кадатерона есть надписи, свидетельствующие о том, что населявшие город Иб существа имели телесный покров

зеленоватого цвета — точно такого же, как вода в озере, как поднимавшийся над ним туман; у них были очень выпуклые глаза, толстые отвислые губы и уши совершенно необычной формы. Кроме того, они были безголосыми. Еще на этих колоннах можно прочесть, что в одну из ночей эти странные существа спустились с луны в повисший над землей Мнара густой туман, и вместе с ними спустилось на землю большое тихое озеро и серый каменный город Иб. Обитатели серого города поклонялись каменному идолу цвета зеленой озерной воды, формы которого повторяли очертания Бокруга, огромной водяной ящерицы; перед этим идолом устраивали они свои жуткие пляски в холодном свете выпуклой луны. Однажды, как написано в папирусах Иларнека, они научились добывать огонь, и после этого постоянно зажигали его на своих многочисленных церемониях. И все же об этих существах сказано очень немного — ведь они жили в глубокой древности, а род человеческий слишком молод, чтобы помнить о них.

Прошли многие тысячелетия, прежде чем на землю Мнара явились люди — племена темнокожих кочевников со стадами тонкорунных овец; они построили города Траа, Иларнек и Кадатерон на реке Ай, разбросавшей свои изгибы посреди равнины Мнара. И самые мужественные из племен пришли на берег озера и на том самом месте, где были найдены в земле драгоценные металлы, построили Сарнат.

Эти бродячие племена заложили первые камни Сарната неподалеку от серого города Иб — и вид его обитателей вызвал изумление у пришельцев. Однако к изумлению этому примешивалась ненависть, ибо пришельцы считали, что существа со столь омерзительной внешностью не должны обитать в сумрачном мире людей. Необычные скульптуры, украшавшие серые монолиты Иба тоже не понравились жителям Сарната — слишком уж долго стояли они на земле, хотя им пора было исчезнуть с ее лика еще до прихода людей на тихую землю Мнара, лежавшую в немыслимой дали от других стран яви и грез.

Чем чаще обитатели Сарната обращали свои враждебные взоры на жителей Иба, тем сильнее они их ненавидели — последние казались им слабыми и немощными, а их рыхлые, как у медуз, тела казались идеальными мишенями для камней и стрел. И вот однажды молодые воины — лучники, копьеносцы и метатели камней — ворвались в Иб и истребили всех его обитателей, столкнув трупы в озеро своими длинными копьями, ибо не желали они прикасаться руками к их омерзительным медузоподобным телам. Ненавистные пришельцам серые монолиты, увенчанные скульптурами, тоже были брошены в озеро; волоча

их к воде, завоеватели не могли не изумляться огромному труду, который был затрачен на то, чтобы доставить их сюда из неведомого далека — таких каменных громад не было ни в земле Мнара, ни в соседних землях.

Так был разрушен древний город Иб, и не осталось от него ничего, кроме идола, вырезанного из камня цвета зеленой озерной воды — идола, так похожего на Бокруга, водяную ящерицу. Этого идола молодые воины взяли с собой как символ победы над поверженными богами и жителями Иба, а также как знак своего господства на земле Мнара. Они водрузили его в своем храме, в котором в ту же ночь произошло нечто очень страшное — ибо над озером взошли тогда таинственные огни, а наутро пришедшие в храм люди обнаружили, что идол исчез, а верховный жрец Таран-Иш лежит мертвый с гримасой невообразимого ужаса на лице. Умирая, верховный жрец непослушной рукой изобразил на хризолитовом алтаре Знак Рока.

Много верховных жрецов было в Сарнате после Таран-Иша, но зеленый каменный идол цвета озерной воды так никогда и не был найден. Много лет и веков прошло после того страшного и загадочного события. За это время Сарнат вырос и укрепился, в нем царило благоденствие, и только жрецы да дряхлые старухи помнили о знаке, начертанном Таран-Ишем на хризолитовом алтаре. Между Сарнатом и Иларнеком пролегал теперь караванный путь, и добываемые из недр земных золото и серебро обменивались сарнатцами на другие металлы, дорогие одежды, самоцветы, книги, инструменты для искусных ремесленников и на разнообразные предметы роскоши, какие только были известны людям, населявшим берега реки Ай. Сарнат стал средоточием мощи, красоты и культуры; его армии завоевывали соседние города, и правители Сарната скоро стали властелинами не только всей земли Мнара, но и многих других окрестных земель.

Великолепен был город Сарнат, и во всем мире вызывал он гордость и изумление. Окружавшие его стены были сложены из отполированного мрамора, добытого в прилегающих к городу каменоломнях. Стены эти достигали трехсот локтей в высоту и семидесяти пяти локтей в ширину, и разъезжавшие по их верху колесницы могли свободно разминуться друг с другом. Стены простирались в длину на добрых пятьсот стадий и обрывались только у озера, на берегу которого дамба из зеленого камня сдерживала натиск волн, которые ежегодно во время празднования даты разрушения Иба странным образом вздымались на неслыханную высоту. В Сарнате было пятьдесят улиц, соединявших берега озера с воротами, от которых начинались караванные пути, и улицы эти пересекались пятьюдесятью другими. Почти все

они были выложены ониксом, и только те из них, по которым проводили слонов, лошадей и верблюдов, были мощены гранитом. Каждая улица, берущая начало у озера, заканчивалась воротами, и ворота эти были отлиты из бронзы и украшены фигурами львов и слонов, вырезанными из камня, который в наше время неизвестен людям. Дома в Сарнате были построены из глазурованного кирпича и халцедона, и около каждого стоял окруженный ажурной решеткой сад с бассейном, стены и дно которого были выложены горным хрусталем. Дома отличались странной архитектурой — ни в одном другом городе не было подобных домов, и путешественники, приезжавшие в Сарнат из Траа, Иларнека и Кадатерона, восторженно любовались венчавшими их сверкающими куполами.

Но самыми величественными сооружениями Сарната были дворцы, храмы и сады, заложенные и построенные старым царем Зоккаром. Много дворцов было в Сарнате, и самый скромный из них превосходил по величию и мощи любой из дворцов соседних Траа, Иларнека и Кадатерона. Дворцы Сарната были так высоки, что, оказавшись внутри, можно было представить себя вознесенным на самые небеса, а в свете горящих факелов, пропитанных дотерским маслом, на их стенах можно было увидеть огромных размеров росписи, изображавшие царей и ведомые ими войска. Великолепие этих росписей ошеломляло зрителя и одновременно вызывало у него чувство божественного восторга. Интерьер дворцов украшали нескончаемые колонны — они были высечены из цветного мрамора и отличались непередаваемой красотой форм. Пол во дворцах представлял собой мозаику из берилла, лазурита, сардоникса и других ценных камней — ступавшим по такому полу казалось, что они идут по девственному лугу, на котором растут самые красивые и редкие цветы. А еще были во дворцах не менее изумительные фонтаны, испускавшие ароматизированные водяные струи самых причудливых форм. Все дворцы были великолепны, но самым прекрасным их них был дворец царей Мнара и прилегавших к Мнару земель. Царский трон покоился на загривках двух золотых львов, припавших к земле перед прыжком; он сильно возвышался над сверкающим полом, а потому, чтобы приблизиться к нему, нужно было преодолеть множество ступенек. Трон был вырезан из цельного куска слоновой кости, и вряд ли кто-нибудь смог бы объяснить происхождение столь огромного куска. Было в том дворце большое число галерей и множество амфитеатров, на арене которых гладиаторы развлекали царей, сражаясь с львами и слонами. Иногда амфитеатры заполнялись водой, поступавшей из озера через мощные акведуки, и тогда на потеху царст-

вующим особам в них устраивались бои между пловцами и разными смертоносными морскими гадами.

Семнадцать храмов Сарната напоминали своими формами огромные башни. Они были очень высокими и величественными и сложены были из яркого многоцветного камня, нигде более не известного. Самый большой из них взметнулся ввысь на добрую тысячу локтей и служил он жилищем верховным жрецам, которые были окружены невообразимой роскошью, едва ли уступавшей той, в коей купались цари Мнара. Нижние помещения храма представляли собой залы, такие же обширные и великолепные, как и залы во дворцах; жители Сарната приходили сюда молиться Зо-Калару, Тамишу и Лобону, своим главным богам, чьи окуриваемые фимиамом священные изображения можно было увидеть на тронах монархов. Не в пример другим богам, лики Зо-Калара, Тамиша и Лобона были переданы настолько живо, что можно было поклясться — это сами милостивые боги восседают на тронах из слоновой кости. Сложенная из циркона нескончаемая лестница вела в башню с покоями, из которых верховные жрецы взирали днем на город, долину и озеро, а ночью молча смотрели на таинственную луну, исполненные одним им понятного смысла звезды и планеты и их отражение в большом тихом озере. В этой башне исполнялся древний тайный обряд, имеющий целью выказать величайшее отвращение к Бокругу, водяной ящерице, и здесь же стоял хризолитовый алтарь со Знаком Рока, начертанным на нем Таран-Ишем.

Столь же прекрасными были сады, заложенные старым царем Зоккаром. Они располагались в центре Сарната, занимая довольно обширное пространство, и были окружены высокой стеной. Над садами был возведен огромный стеклянный купол, сквозь который в ясную погоду проходили лучи солнца, звезд и планет; а когда небо было затянуто тучами, сады освещались их сверкающими подобиями, свисавшими с высокого купола. Летом сады охлаждались ароматным свежим бризом, навеваемым хитроумным воздуходувным устройством, а зимой отапливались скрытыми от глаз очагами, и в садах этих царствовала вечная весна. По блестящим камушками среди зеленых лужаек сбегали небольшие ручейки, через которые было переброшено множество мостиков. Ручьи образовывали живописные водопады и пруды, по зеркальной глади которых величественно плавали белоснежные лебеди. Пение экзотических птиц чудесной музыкой разливалось над волшебными садами. Зеленые берега поднимались от воды правильными террасами, увитыми плющом и украшенными ярким цветами. Можно было бесконечно любоваться этой великолепной картиной, присев на одну из много-

численных скамеек и мрамора и порфира. Там и тут стояли маленькие храмы и алтари, где можно было отдохнуть и помолиться богам.

Каждый год праздновали в Сарнате дату разрушения Иба, и в такие дни все пили вино, танцевали и веселились. Великие почести возлагались теням тех, кто стер с лица земли город, населенный странными древними существами. Память о жертвах жестокого нашествия и их богах неизменно подвергалась издевательским насмешкам — увенчанные розами из садов Зоккара танцоры и одержимые изображали в непристойных плясках погибших жителей и богов Иба. А цари Мнара смотрели на озеро и посылали проклятия костям лежавших на его дне мертвецов.

Поначалу верховные жрецы не любили эти празднества, ибо им-то хорошо были известны зловещие предания о таинственном исчезновении зеленого идола и о странной смерти Таран-Иша, который оставил Знак Рока на хризолитовом алтаре. С их высокой башни, говорили они, видны иногда огни, блуждающие под водами озера. Но с тех пор прошло уже много лет, и никаких бедствий так и не выпало на долю Сарната. Люди забыли о Знаке Рока и каждый год праздновали дату вторжения в Иб, смеясь над жертвами и проклиная их; и даже жрецы стали без страха участвовать в этих безумных оргиях. Ибо кто же, как не они, совершали древний тайный обряд, проникнутый всепожирающим отвращением к Бокругу, водяной ящерице? Так пронеслась над Сарнатом тысяча лет радости и изобилия.

Роскошным сверх всякого представления было празднование тысячелетия разрушения Иба. О грядущем событии стали говорить еще за десять лет до его наступления. Накануне торжественного дня в Сарнат съехались многие тысячи жителей Траа, Иларнека и Кадатерона, а также многие тысячи жителей других городов Мнара и земель вокруг него. В предпраздничную ночь под мраморными стенами Сарната возведены были шатры князей и палатки простолюдинов. В зале для царских пиров, в окружении веселящейся знати и услужливых рабов, восседал повелитель Мнара Нагрис-Хей, опьяненный старым вином из подвалов завоеванного Пнора. Столы ломились от самых изысканных яств — здесь были запеченные павлины с дальних гор Имплана, пятки молодых верблюдов из пустыни Бназик, орехи и пряности из рощ Сидатриана и растворенные в уксусе жемчужины из омываемого волнами Мталя. Было также невообразимое количество соусов и приправ, приготовленных искуснейшими поварами, которых специально для этой цели собрали со всей земли Мнара. Однако наиболее изысканным угощением должны были послужить выловленные в озере огромные

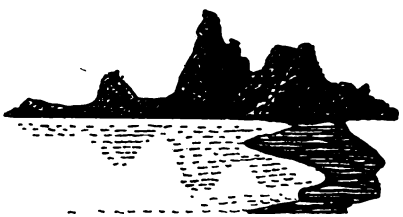
рыбины, что подавались на украшенных алмазами и рубинами золотых подносах.

Царь и его свита пировали во дворце, с вожделением поглядывая на ожидавшие их золотые подносы с необыкновенно вкусной рыбой — но не только они веселились в тот час. Все жители и гости Сарната, охваченные неописуемым восторгом, праздновали тысячелетие славной даты. Веселье шло и в башне великого храма жрецов; предавались возлияниям в своих раскинутых под стенами Сарната шатрах князья соседних земель. В свете выпуклой луны великие дворцы и храмы отбрасывали мрачные тени на зеркальную гладь озера, от которого навстречу луне поднималась зловещая зеленая дымка, окутывая зеленым саваном башни и купола безмятежно веселящегося города. Первым, кто заметил это явление, был верховный жрец Гнай-Ках; а потом и все остальные увидели, что на поверхности воды появились какие-то странные огни, и серая скала Акурион, прежде гордо возвышавшаяся над гладью озера неподалеку от берега, почти скрылась под водой. И в душах людей начал стремительно нарастать смутный страх. Князья Иларнека и далекого Рокола первыми свернули свои шатры и, едва ли сознавая причину своего беспокойства, поспешно покинули Сарнат.

А ближе к полуночи все бронзовые ворота Сарната внезапно распахнулись настежь и выплеснули в открытое пространство толпы обезумевших людей, при виде которых стоявшие под стенами города князья и простолюдины в испуге бросились прочь, ибо лица этих людей были отмечены печатью безумия, порожденного невообразимым ужасом, а слова, мимоходом слетавшие с их уст, воссоздавали такую кошмарную картину, что ни один из услышавших их не пожелал остановить свой стремительный бег, дабы убедиться в их правдивости. Глаза людей были широко раскрыты от непередаваемого страха, а из раздававшихся в ночной мгле воплей можно было понять, что нечто ужасное произошло в зале, где пировал царь со своей свитой. Очертания Нагрис-Хея и окружавших его знати и рабов, прежде четко видневшиеся в окнах дворца, вдруг превратились в скопище омерзительных безмолвных существ с зеленой кожей, выпуклыми глазами, толстыми отвислыми губами и ушами безобразной формы. Эти твари кружились по залу в жутком танце, держа в лапах золотые подносы, украшенные алмазами и рубинами, и каждый поднос был увенчан языком яркого пламени. И когда князья и простолюдины, в панике покидавшие Сарнат верхом на слонах, лошадях и верблюдах, снова посмотрели на окутанное дьявольской дымкой озеро, они увидели, что серая скала Акурион полностью скрылась под водой. Вся земля Мнара и все сосед-

ние земли наполнились слухами о чудовищной катастрофе, постигшей Сарнат; караваны не искали более путей к обреченному городу и его россыпям драгоценных металлов. Много времени понадобилось для того, чтобы путники отважились наконец пойти туда, где раньше стоял Сарнат; это были храбрые и отчаянные молодые люди, золотоволосые и голубоглазые, и происходили они не из тех племен, что населяли землю Мнара. Люди эти смело приблизились к самому берегу озера, желая взглянуть на город Сарнат. Они увидели большое тихое озеро и серую скалу Акурион, возвышавшуюся над водной гладью неподалеку от берега, но не увидели они чуда света и гордости всего человечества. Там, где некогда возвышались стены в триста локтей, за которыми стояли еще более высокие башни, простиралась однообразная болотная топь, кишащая отвратительными водяными ящерицами — вот и все, что увидели путники на месте могучего града, в котором обитало некогда пятьдесят миллионов жителей. Шахты и россыпи, в которых добывали драгоценные металлы, тоже бесследно исчезли. Сарнат пал страшной жертвой карающего рока.

Но не только кишащее ящерицами болото обнаружили следопыты на месте погибшего Сарната. На берегу его они нашли странного древнего идола, напоминавшего своими очертаниями Вокруга, огромную водяную ящерицу. Идол был доставлен в Иларнек и помещен там в одном из храмов, где под яркой выпуклой луной жители со всего Мнара воздавали ему самые великие почести.

ГИПНОС

«Если же говорить о сне, этом зловещем и своенравном хозяине наших ночей, то смелость, с какой люди раз за разом отдают себя в его власть, была бы достойна великого удивления, не будь она результатом простого неведения и непонимания опасности».

Бодлер

Да хранят меня милосердные боги, если таковые действительно существуют — в те часы, когда ни сила воли, ни какие-либо средства, изобретенные человеком, не могут развести овладевающих мною объятий сна.

Смерть милосердна, ибо из ее владений нет возврата. Но тот, кто, выстрадав знание, вернулся из потаеннейших владений ночи, уже навсегда лишится мира и покоя.

Глупец я был, что так неистово стремился погрузиться в тайны, не предназначенные для человеческого рассудка. Глупцом или богом был мой единственный друг, который вел меня этим путем, а в конце испытал все ужасы, которые могли бы достаться и на мою долю.

Я припоминаю нашу первую встречу на железнодорожной станции, где этот человек оказался в центре внимания толпы пошлых зевак. Он лежал без сознания, судорога свела его тело, придав ему уродливую неподвижность. На мой взгляд ему было около сорока лет: на это указывали глубокие морщины на изнуренном, со впалыми щеками, но безукоризненно правильном и красивом лице да еще редкие нити седины в густых волнистых волосах и небольшой аккуратной бородке, которая прежде была, вероятно, иссиня-черной. Высокий божественной формы лоб был точно высечен из белоснежного мрамора.

Внешность этого человека напомнила мне, скульптору по профессии, статую фавна, найденную в руинах храма античной Эллады и чудесным образом ожившую в наш удушливый век только для того, чтобы подчеркнуть холодную тяжесть напрасно прожитых лет.

И когда он открыл свои огромные, лихорадочно блестевшие черные глаза, я понял, что именно он способен стать единственным близким человеком для меня, у которого никогда не было друзей. Я знал, что именно такие глаза должны были видеть величие и ужасающую непостижимость царств, находящихся за пределами сознания и реальности; царств, которые я лелеял в своих грезах, но напрасно искал наяву.

Я разогнал толпу и предложил ему пройти со мной, быть моим учителем и проводником в призрачном мире фантазии. Он согласился, не сказав ни слова. Позднее я обнаружил, что у него удивительно мелодичный голос, в котором сливались пение скрипок и легкий звон хрусталя. Часто мы говорили дни и ночи напролет, пока я вытачивал его бюсты и миниатюрные головки из слоновой кости, дабы обессмертить различные выражения его лица.

Я не берусь передать словами суть наших занятий — слишком уж эфемерной была их связь с обыденной человеческой жизнью. Они открывали перед нами огромную, неведомую вселенную, лежащую за пределами доступных нашему пониманию материи, времени и пространства. Вселенную, возможность существования которой мы ощущаем лишь иногда в тех особенных сновидениях, что неведомы заурядным представителям рода людского и лишь один или два раза в жизни являются к человеку, одаренному богатым воображением. Мир нашего бодрствую-

щего сознания, рожденного из этой вселенной, соприкасается с нею не больше, чем мыльный пузырь с трубкой, из которой некий Арлекин выдул его по своей прихоти. Ученые мужи лишь смутно догадываются об этом, но в большинстве своем стараются этого не замечать. Мудрецы как-то вздумали истолковать эти грезы — и развеселили своими речами даже бессмертных богов. Какой-то человек с восточными глазами сказал, что время и пространство относительны — и люди осыпали его насмешками. Но этот человек высказал только предположение. Я же пытался превратить эти догадки в уверенность. Друг мой желал того же, и частично это ему удалось. С помощью разных экзотических наркотиков мы погружались в жуткие глубины сновидений в моей студии на верхнем этаже башни старинного особняка в туманном графстве Кент.

Самой мучительной пыткой тех дней была невозможность выразить все, что я узнал и увидел в часы дьявольских занятий, ибо ни в одном языке нет подходящих для этого слов и символов. От начала и до конца наши открытия относились к области ощущений, которые нельзя сопоставить с деятельностью нервной системы обычного человека. И хотя они содержали некоторые образы времени и пространства, в основе этих ощущений не было ничего четкого и определенного.

Все, что доступно человеческой речи — это передать общий характер наших опытов, определив их как погружения или полеты, поскольку во время каждого откровения какая-то часть нашего сознания отрывалась от всего реального и настоящего, смело паря над темными, внушающими ужас безднами, иногда прорываясь сквозь хорошо видимые препятствия, которые можно описать как густые плотные пары или облака.

Мы совершали эти бестелесные полеты то поодиночке, то вместе, и в последнем случае мой друг неизменно меня опережал. Я узнавал о его присутствии по картинам, всплывающим в памяти: его лицо, освещенное странным золотым светом и пугающее своей таинственной красотой, являлось мне с удивительно молодыми чертами, с горящими глазами, гордым изгибом бровей и чуть потемневшими волосами и бородою.

Мы не следили за временем: оно казалось нам иллюзией. И в этом, несомненно, была доля истины, ибо мы постоянно удивлялись, отчего мы не стареем. Наши помыслы были чудовищны, наше тщеславие не знало пределов... ни Бог, ни дьявол не могли позволить себе то, чего домогались мы. Меня и сейчас пробирает дрожь, когда я говорю о наших занятиях, и я боюсь рассказывать о них более подробно. Скажу лишь, что когда однажды мой друг написал на листке бумаги желание, которое он не посмел произ-

нести вслух, я сжег этот листок и со страхом взглянул в ночное небо, усыпанное звездами. Это было — я только намекну — нечто вроде желания управлять всей видимой вселенной, движением планет и звезд, и судьбами всех живых тварей. Клянусь, я не имел ничего общего с подобными притязаниями и, что бы там ни говорил мой друг, он, в лучшем случае, глубоко заблуждался. Я не настолько сильный человек, чтобы рисковать тем немногим, что сулит мне реальную удачу.

В ту ночь ветры из неизведанных пространств неудержимо мчали нас к безграничным пустотам за пределы материи и мысли. Особые непередаваемые ощущения переполняли нас восторгом. Сейчас они почти стерлись в моей памяти. Но даже то, что осталось, пересказать почти невозможно. Липкие облака быстро проносились мимо, и наконец я почувствовал, что мы достигли области, где прежде никогда не бывали. Мой друг был далеко впереди, но когда мы нырнули в ужасающий океан первозданного эфира, я заметил мрачное торжество, которым светилось его поразительно молодое лицо. Внезапно очертания его расплылись и исчезли, и в то же время я почувствовал, что оказался перед непреодолимым препятствием. Оно походило на те, что встречались и прежде, но было неизмеримо плотнее — какая-то влажная клейкая масса, если такое определение подходит к качествам нематериального мира. Меня задерживал барьер, который мой друг и учитель преодолел без труда. Я вновь попробовал прорваться, но вдруг действие наркотика кончилось, и я очнулся в своей мастерской. В углу напротив раскинулось бледное и все еще бесчувственное тело моего спутника, на редкость изможденное и показавшееся мне немыслимо прекрасным, когда золотистый лунный свет залил его мраморные очертания.

Вскоре мой бедный друг пошевелился, и не дай мне Бог вновь пережить то мгновение, когда я услышал его дикий вопль и почти воочию увидел жуткие картины, промелькнувшие в его обезумевших от ужаса черных глазах. Я упал без чувств и пришел в себя лишь когда мой друг начал исступленно трясти меня, желая избавиться от страха одиночества. Так закончились наши добровольные погружения в пещеры грез. Дрожа от дурного предчувствия, мой друг предостерег меня от возможных попыток снова отправляться туда, где мы только что побывали. Он не посмел рассказать, что именно он там видел, однако несколько раз повторил, что мы теперь должны как можно больше бодрствовать, даже если для этого придется прибегнуть к сильнодействующим лекарственным средствам. Вскоре по невыразимому страху, охватывающему меня каждый раз, когда сознание покидает мое тело, я понял, насколько он был прав.

Даже после самого краткого и непродолжительного сна я чувствовал себя постаревшим, а друг мой дряхлел с пугающей быстротой. Больно было видеть, как быстро на глазах у него появляются морщины и седеют волосы. Наш образ жизни теперь полностью изменился. Прежде затворник — свое настоящее имя и происхождение он тщательно скрывал — теперь мой друг испытывал неистовый страх перед одиночеством. Он совершенно не мог оставаться один, но мне казалось, что и компания не могла его успокоить, хотя его единственным утешением в последнее время были шумные, неистовые пирушки. Внешностью и возрастом мы настолько не соответствовали окружению, что в большинстве случаев это вызывало насмешки, которые больно ранили меня, однако друг мой считал их гораздо меньшим злом, чем одиночество. Особенно не любил он бывать один под открытым небом, а если такое случалось помимо его воли, то часто украдкой посматривал вверх, как бы ожидая возмездия. Я заметил, что направление этих взглядов менялось в зависимости от времени года. Так весенними вечерами он смотрел на северо-восток, осенью — на северо-запад. Летом он искал глазами что-то почти над самой головой, а зимой взоры его привлекала восточная часть небосклона.

Но долгими зимними вечерами он казался почти спокойным. Только по прошествии двух лет я смог соотнести этот навязчивый страх с чем-то определенным: я заметил, что объектом его пристального внимания является одна и та же точка звездного неба, расположенная где-то в районе созвездия Северной Короны, в течение года постоянно меняющая свое расположение на небе.

К тому времени мы переехали в небольшую мастерскую в Лондоне, по-прежнему оставаясь неразлучными друзьями, но избегая разговоров о тех днях, когда мы пытались проникнуть за пределы реального мира. Наркотики, беспорядочный образ жизни и нервное переутомление состарили нас необычайно. Но, несмотря на явный упадок сил, мы умудрялись спать не более одного-двух часов подряд — так сильно мы боялись неумолимо надвигавшейся на нас из прошлого тени.

Наступил туманный и дождливый январь. Наши денежные сбережения подошли к концу, их уже не хватало на медицинские препараты, к которым мы пристрастились. Я продал все свои статуи и миниатюры из слоновой кости и не имел ни малейшего желания опять доставать материал и работать над новыми скульптурами. Мы страшно бедствовали, и вот однажды ночью мой друг забылся странным тяжелым сном, из которого я никак не мог его возвратить. До сих пор эта сцена стоит перед моими

глазами: заброшенная мрачная каморка под самой крышей, по которой беспрерывно стучит дождь. К поступи наших единственных исправных часов добавляется воображаемая поступь их мертвых собратьев, лежащих на столике у окна. Скрип ставней в отдаленной части дома; звуки города, смягченные туманом и расстоянием... Но страшнее всего — зловеще глубокое дыхание моего друга, ритмично отмеряющее минуты, пока его агонизирующий дух блуждает в немыслимо далеких сферах.

Напряжение становилось невыносимым, дикая вереница мимолетных впечатлений и ассоциаций пронеслась перед моим мысленным взором. Я услышал бой далеких часов — наши часы никогда не били, и моя возбужденная фантазия получила новый толчок. Часы... время... пространство... неопределенность — и вновь мои мысли вернулись к настоящему, ибо несмотря на туман и дождь, я вдруг явственно ощутил, как над горизонтом восходит Северная Корона, как это созвездие, которого так опасался мой друг, сверкающим полукольцом невидимо нависает над нами, простирая свои лучи сквозь неизмеримые бездны эфира. Вдруг до моих ушей донесся новый звук, прекрасно различимый на фоне уже знакомых мне скрипов и шорохов. Это был низкий монотонный вой, источник которого находился где-то очень далеко на северо-востоке.

Но не этот вой, громкий, издевающийся, зовущий, оставил в моей душе печать страха, от которой мне никогда в жизни уже не избавиться, не он исторг из меня те крики, которые заставили соседей и полицию выломать дверь. Ибо куда страшнее было то, что я увидел: в темной, запертой на ключ и заторенной комнате вдруг откуда-то из северо-восточного угла возник луч зловещего золотисто-кровавого света, который не рассеивал тьму вокруг, а был направлен точно в голову спящего. И в свете этого луча я вновь увидел странно помолодевшее лицо моего друга, каким я помнил его во время наших совместных блужданий в таинственном царстве снов.

Мой друг приподнял голову, черные, глубоко запавшие глаза его вдруг в ужасе раскрылись, а с тонких губ готов был сорваться крик. Я едва узнавал в этом мертвенно-бледном от страха лице то, сияющее и молодое, которое я хорошо знал — такой неимоверный ужас сквозил в каждой его черте, ужас, неведомый смертному человеку.

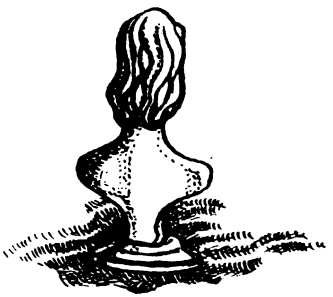
Далекий вой все нарастал. Когда же я проследил за взглядом моего бедного друга и лишь на мгновение увидел то место, откуда шел звук и где начинался проклятый луч, со мной случился сильнейший припадок эпилепсии, перебудивший всех соседей и заставивший их вызвать полицию. При всем желании я не смог

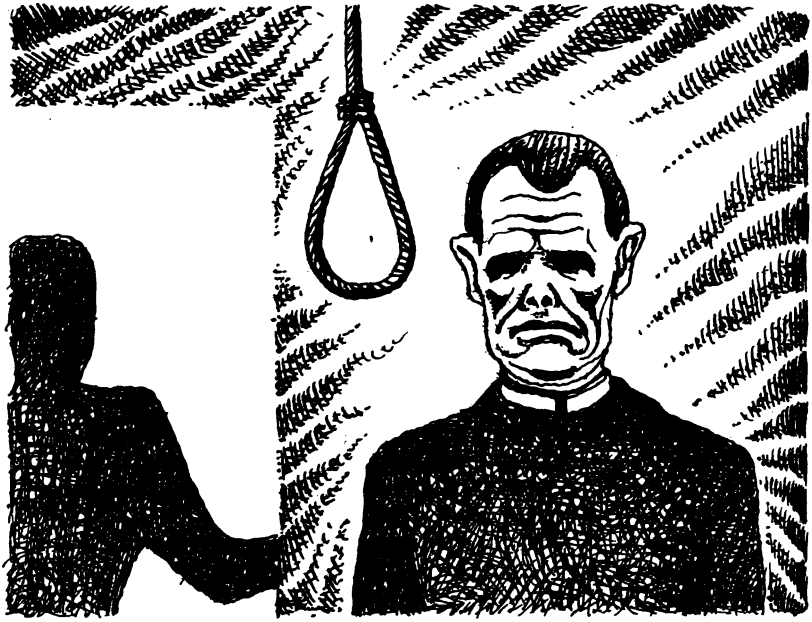
бы описать, что именно я там увидел, а мой бедный друг, видевший гораздо больше моего, умолк навеки. Но с тех пор я решил никогда больше не поддаваться ненасытному и коварному Гипносу, хозяину сна, звездному ночному небу и безумным амбициям сознания и философии.

До сих пор в точности неизвестно, что же все-таки произошло в ту ночь, ибо не меня одного коснулась ужасная тень, но и все окружающие вдруг заразились необъяснимой забывчивостью, сильно смахивающей на безумие. Они в голос утверждают, будто у меня вообще не было никакого друга и что только искусство, философия и сумасшествие заполняли собой мою нелепую и трагическую жизнь. Той ночью они пытались меня утешать и даже вызвали доктора, который прописал мне что-то успокоительное, но никто из них не поверил моему рассказу о случившемся. И не участь моего несчастного друга разбудила их чувства, а то, что они обнаружили на кушетке в углу мастерской. Эта вещь вызвала целую бурю восторгов и принесла мне ту славу, которую я, разбитый, парализованный, полупомешанный от наркотиков старик, глубоко презираю.

Они отрицают, что я продал все свои работы и в доказательство предъявляют то безмолвное и окаменевшее, во что проклятый луч превратил моего друга, того, кто был моим проводником на пути к безумию и катастрофе.

Это изумительная мраморная головка, чьей молодости бессильно повредить время: прекрасное лицо, обрамленное короткой бородой, чуть тронутые улыбкой губы, гордый изгиб бровей и густые вьющиеся локоны, украшенные венком из полевых маков. Говорят, что моделью для этой миниатюры послужил я сам в возрасте двадцати пяти лет, но на ее мраморном основании высечено лишь одно имя — ГИПНОС.

СЛУЖИТЕЛЬ ЗЛА

Сумрачного вида седобородый мужчина в костюме неярких тонов проводил меня до комнаты в мансарде и, остановившись на верхних ступенях лестницы, обратился ко мне со словами:

— Да, он жил именно здесь, однако, я советую вам воздержаться от каких бы то ни было действий. Любознательность может стоить вам слишком дорого. Мы никогда не заходим сюда по ночам, и, кабы не его воля, мы бы давным-давно все отсюда повыбрасывали. Вам должно быть известно, чем он занимался и к чему это привело. После его ужасной кончины все хлопоты взяла на себя эта гнусная Организация, и нам по сей день неведомо даже место, где он похоронен. Не существует никаких законных — да и любых иных средств повлиять на Организацию. Надеюсь, вы не задержитесь здесь после наступления темноты. И умоляю вас, ни в коем случае не трогайте лежащую на столе

вещицу — вон ту, наподобие спичечного коробка. Мы не знаем ее назначения, но подозреваем, что она как-то связана с его темными делами. Мы опасаемся даже случайно останавливаться на ней взглядом.

После этого мужчина покинул мансарду, и я остался один. Полутемная пыльная комната была меблирована крайне скудно, но царивший в ней безукоризненно строгий порядок разрушал мимолетное ее сходство с обычным трущобным жилищем. Книжные полки у стен были сплошь заставлены трудами средневековых теологов и классических авторов, в шкафу за стеклом хранились трактаты по магии — Парацельс, Альберт Великий, Тритемий, Гермес Трисмегист, Бореллий и другие, чьи названия, написанные знаками неизвестного мне алфавита, я так и не смог разобрать. Мебель вокруг была проста и весьма грубо сработана, а за единственной имевшейся дверью скрывался глухой чулан. Роль входа выполнял квадратный люк в полу, к которому снизу поднималась старая, очень крутая лестница. Окна мансарды походили на два круглых бычьих глаза, а толстые балки перекрытий из черного дуба придавали всему помещению оттенок исключительной древности. Очевидно, дом находился где-то в Старом Свете. Тогда я, кажется, представлял себе, где именно, но сейчас уже не могу припомнить в точности. Ясно только, что это был не Лондон. У меня сохранилось смутное ощущение небольшого приморского городка.

Вещица, лежавшая на столе, все сильнее и сильнее притягивала мое внимание. Казалось, я знал, что с ней следует делать; по крайней мере я, не задумываясь, извлек из кармана электрический фонарик — или нечто вроде этого — и принялся нервно щелкать переключателем. Луч оказался не обычного белого, а скорее, фиолетового цвета и больше напоминал радиоактивное излучение, нежели свет как таковой. Впрочем, тогда я и не считал эту штуку фонарем — ну да, ведь у меня был при себе электрический фонарик, но он все время лежал в другом кармане.

Начинало темнеть, старинные крыши с торчащими трубами оформились в причудливый рельеф за круглыми рамами окон. Я наконец собрался с духом, приподнял один край таинственной коробочки и, подперев ее валявшейся на столе книгой, осветил лучом, состоявшим — на сей раз это было явственно видно — из стремительного потока микроскопических фиолетовых частиц. Ударяясь о блестящую поверхность коробочки, они издавали негромкое сухое потрескивание, как это бывает при прохождении искровых разрядов в вакуумной трубке. Темная до той поры поверхность постепенно приобретала розоватый оттенок, а в цент-

ре ее начал вырисовываться смутный белый силуэт. Тут я заметил, что нахожусь в комнате не один — и быстро спрятал в карман лучевой аппарат.

Вошедший, однако, не проронил ни слова, более того, для меня внезапно исчезли все звуки мира, и дальнейшие события происходили в абсолютной тишине. Это была пантомима теней, наблюдаемая как бы сквозь легкую дымку, — хотя, с другой стороны, все фигуры, появлявшиеся в этой комнате, двигались совсем рядом со мной, то есть были одновременно и вдали, и вблизи, словно они подчинялись законам какой-то фантастической геометрии.

Стоявший передо мной человек имел на себе облачение англиканского священника, был сравнительно невысок ростом, худ, темноволос. На вид ему было около тридцати лет. Черты его болезненно-желтоватого лица могли быть сочтены правильными, если бы не нависавший над ними неестественно огромный лоб. Волосы пришельца были аккуратно подрезаны и приглажены, подбородок, несмотря на свежие следы бритвы, уже просвечивал синевой. Он носил очки без оправы, стекла которых крепились на тонких стальных дужках. В целом, облик его вполне соответствовал бы моим представлениям о священниках, не будь этого слишком высокого лба, слишком умного, слишком проницательного взгляда и вообще не свойственной подобным лицам угрюмости, за которой читалась едва различимая, но несомненная печать Зла. Пока я его разглядывал, священник успел зажечь тусклую масляную лампу и теперь нервными движениями швырял одну за другой свои магические книги в жерло ранее не замеченного мною камина, расположенного в простенке между окон мансарды — в том месте, где стена делала резкий изгиб. Пламя жадно заглатывало древние фолианты, взвиваясь вверх разноцветными языками и распространяя вокруг невыразимо удушливое зловоние всякий раз, когда очередная кипа исписанных иероглифами листов, связанная трухлявым переплетом, темнея и корчась, обращалась в золу. Внезапно я увидел в комнате еще нескольких фигур — весьма сердито настроенных священнослужителей, один из которых, судя по одеянию, был в сане епископа. Не имея возможности что-либо слышать, я смог лишь понять, что они объявляют человеку, явившемуся первым, какое-то исключительно важное решение. Мне показалось, что вновь вошедшие ненавидят и в то же время как будто боятся его, и что он, в свою очередь, испытывает по отношению к ним совершенно аналогичные чувства. Лицо его исказилось зловещей гримасой, а правая рука заметно дрожала, пытаясь нащупать спинку стоящего позади стула. Епи-

скоп указал сначала на опустевший шкаф, а затем на камин, в котором посреди бесформенной, обуглившейся массы слабо шевелилось пламя. Тогда первый человек криво усмехнулся и потянулся левой рукой к лежащему на столе предмету. Это движение повергло всех прочих в совершеннейший ужас. Святые отцы, угрожающе жестикулируя, отступили к отверстию люка и один за другим исчезли внизу. Последним удалился епископ.

Тотчас после этого хозяин комнаты направился к чулану, расположенному в дальнем ее конце, и достал оттуда моток веревки. Взобравшись на стул, он привязал веревку к здоровенному крюку, вбитому в дубовую потолочную балку, и начал делать петлю. Угадав финал столь недвусмысленных приготовлений, я ринулся вперед, намереваясь остановить или спасти его в последний миг. Тут он впервые заметил меня и сразу оставил свое занятие, при этом во взоре его промелькнуло весьма озадачившее и напугавшее меня выражение триумфа. Неторопливо он спустился со стула и двинулся в мою сторону. На его потемневшем тонкогубом лице заиграла страшная звериная усмешка.

Почуяв смертельную опасность, я почти бессознательно выхватил из кармана лучевой аппарат, пытаясь воспользоваться им как единственным средством защиты. Трудно сказать, почему я вообразил, будто он должен мне помочь. Включив прибор, я направил луч прямо в лицо священнику и увидел, как оно осветилось сперва фиолетовыми, а затем розоватыми бликами. Выражение свирепого торжества начало уступать место безумному страху, которому, однако, не удалось полностью завладеть им и, в конце концов, оба эти чувства слились в неописуемо жуткую гримасу, застывшую на его лице. Он замер было на месте, а потом начал пятиться, дико размахивая руками. Когда он таким образом приблизился к самому краю открытого лестничного колодца, я крикнул, пытаясь предостеречь его, но он меня не услышал. В следующее мгновение он отшатнулся назад, в последний раз взмахнул руками и пропал из виду.

Не сразу сумел я добраться до люка, ибо мои члены плохо повиновались мне. Когда же наконец я заглянул туда, то не увидел, как ожидал, лежащего на нижних ступенях неподвижного тела. Вместо этого до меня донеслись голоса и топот людей, поднимавшихся вверх по лестнице с зажженными фонарями. Заклятие призрачной тишины было снято, и я вновь мог слышать и видеть вещи в привычной трехмерной перспективе. Однако была ли тишина на самом деле такой непроницаемой? Что-то же при-

влекло сюда всю эту толпу. Может быть, здесь все-таки был шум, который я не смог расслышать?

Между тем двое простолюдинов, шедшие впереди остальных, разглядев меня, замерли, словно сраженные внезапным параличом. Один из них только и смог пронзительно вскрикнуть:
— А-аах!.. Это вы, ваше сэрство? Неужто опять все сначала?!

После чего все они развернулись и в панике бросились наутек. Впрочем, один остался. Когда толпа рассеялась, я увидел седобородого мужчину, приведшего меня сюда. Он стоял с фонарем в руке и смотрел на меня в сильнейшем изумлении, но без всякого страха. Затем, поборов минутное замешательство, он начал, не торопясь, подниматься по лестнице. Оказавшись со мной лицом к лицу, он понимающе покачал головой:

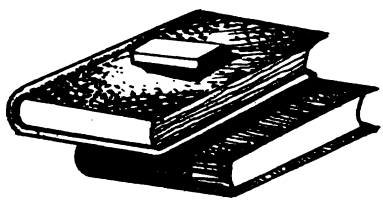
— Итак, вы все-таки не смогли удержаться. Жаль. Молчите — я знаю, что произошло. Это уже случалось однажды, но тот человек не выдержал и застрелился. Вам не следовало вызывать его, вы ведь знаете, чего он добивается. Но уж теперь-то вы не должны терять голову, как это получилось с вашим предшественником. К счастью, дело не зашло настолько далеко, чтобы ему удалось завладеть вашим рассудком и самой личностью. Сохраняйте хладнокровие, смиритесь с необходимостью круто изменить свою жизнь, и вы по-прежнему сможете пользоваться плодами учености и всеми радостями, что доставляет нам окружающий мир. Разумеется, вам нельзя будет оставаться здесь — сомневаюсь также, чтобы вы захотели вернуться в Лондон. Я бы посоветовал вам Америку.

Да, и не пытайтесь больше экспериментировать с этой вещицей. Пути назад у вас уже нет. Вы, конечно, можете вызвать определенные изменения, но они всегда будут только в худшую сторону. Сказать по правде, вы отделались сравнительно легко, так бегите же скорее и по возможности подальше от этих мест. И благодарите Бога, что дело не зашло слишком далеко... Ну вот, я, как мог, постарался подготовить вас. Что же касается вашего нового облика, то вам следует знать, что встреча с ним неизменно заканчивается подобным образом. Уехав отсюда и поселившись в далекой стране, где вас никто не знает, вы постепенно привыкните к этому. А сейчас давайте подойдем к зеркалу, на противоположной стене. В некотором роде это будет для вас потрясением, хотя ничего особо отталкивающего вы не увидите.

Меня трясло с головы до пят, и потому ему пришлось, взяв в одну руку тусклую лампу, что прежде стояла на столе (свой еще более тусклый фонарь он оставил стоять на полу), другой рукой поддерживать меня на протяжении тех нескольких шагов, что потребовалось пройти до зеркала. Вот что увидел я в нем:

Передо мной стоял худой темноволосый человек среднего роста, в облачении англиканского священника, лет тридцати или около того, в очках без оправы, стальные дужки которых поблескивали из-под уродливо огромного лба. Это был все тот же безмолвный пришелец, сжегший в камине свои фолианты.

Отныне я был обречен провести остаток своих дней в облике этого человека и тем самым еще на некоторое время продолжить в себе его жизнь.

ИЗ ГЛУБИН МИРОЗДАНИЯ

Странная, не поддающаяся рациональному объяснению перемена произошла в моем друге Кроуфорде Тиллингасте. Я не видал его с того самого дня, когда два с половиной месяца тому назад он поведал мне, к какой цели вели его физические и метафизические исследования. Тогда на мои опасения и увещевания он ответил тем, что в приступе ярости выдворил меня из своего дома. Я знал, что после этого он заперся в лаборатории с этой ненавистной мне машиной, отвергая всякую пищу и помощь прислуги. Мне с трудом верилось, что такой короткий промежуток времени, как десять дней, способен столь сильно изменить и обезобразить человеческое существо.

Согласитесь, что не так уж приятно видеть некогда цветущего человека неожиданно и сильно исхудавшим, а еще неприятнее замечать, что его обвисшая кожа желтеет, а местами

становится серой, глаза проваливаются, округляются и жутко поблескивают, лоб покрывается сетью морщин с проступающими сквозь них кровеносными сосудами, а руки дрожат и подергиваются.

Если же к этому еще добавить и отталкивающую неряшливость, неразборчивость в одежде, нечесанную и начинающую редеть шевелюру, давно не стриженную седую бороду, почти скрывающую некогда гладко выбритое лицо, то невольно испытываешь нечто близкое к шоку.

Таким предстал передо мной Кроуфорд Тиллингаст в ночь, когда его малопонятная записка заставила меня после нескольких недель изгнания вновь появиться у дверей знакомого дома. То, что предстало передо мной со свечой в трясущейся руке на пороге старого, уединенного дома на Беневолент-Стрит, скорее напоминало тень человека — карикатурный образ, поминутно озиравшийся по сторонам и пугавшийся каких-то невидимых или видимых только ему одному вещей.

Слухи о том, что Кроуфорд Тиллингаст когда-то занимался наукой и философией, являются не более чем слухами. Заниматься такими вещами было в пору беспристрастному человеку с холодным рассудком, а для чувственного и импульсивного человека, каким был мой друг, наука сулила две равные по своим трагическим последствиям возможности — отчаяние в случае неудачи или невыразимый и неописуемый ужас в случае успеха. Однажды Тиллингаст уже стал жертвой провала и, как следствие, развил в себе склонность к затворничеству и меланхолии. Теперь же, по страху, который он испытывал, я понял, что он стал жертвой успеха. Я предупреждал его об этом еще десять недель назад, когда, влекомый своей фантастической идеей, он с головой ушел в исследования. Тогда он был чрезвычайно возбужден. Он весь раскраснелся и излагал свои идеи неестественно высоким, но, как всегда, монотонным голосом.

— Что знаем мы, — говорил он, — о мире и о вселенной, которая окружает нас? У нас до абсурдного мало органов чувств, а наши представления об окружающих предметах до невероятного скудны. Мы видим вещи такими, какими мы созданы их видеть, и мы не в состоянии постичь абсолютную их суть. Пятью слабыми чувствами мы лишь обманываем себя, лишь иллюзорно представляем, что воспринимаем весь безгранично сложный космос. В то же самое время иные существа, с более сильным и широким спектром чувств могут не только по иному воспринимать предметы, но способны видеть и изучать целые миры материи, энергии и жизни, которые окружают нас, но которые никогда не постичь земными чувствами. Я всегда верил, что эти

странные, недосягаемые миры существуют рядом с нами, а сейчас, как мне кажется, я обнаружил способ разрушить преграду, отделяющую нас от них. Я не шучу. Через двадцать четыре часа вот эта машина, что стоит у стола, начнет генерировать энергию, способную оживить наши атрофированные или, если угодно, рудиментарные чувства. Эта энергия откроет доселе неизвестные человеку перспективы в постижении органической жизни. Мы узреем причину, по которой ночью воют собаки, а кошки навостряют слух. Мы увидим это и многое другое из того, что недоступно обыкновенным смертным. Мы преодолеем время, пространство и границы измерений и, оставаясь неподвижными, проникнем в глубь мироздания.

Когда Тиллингаст закончил свою речь, я принялся всячески отговаривать его от этой затеи, ибо, зная его достаточно хорошо, испытал скорее испуг, чем чувство радости и торжества. Но он был фанатично одержим своей идеей и, не пожелав меня слушать, выставил из дома. Его фанатизм не иссяк и сейчас, но желание выговориться победило в нем сварливость, и он прислал мне несколько строк, написанных в повелительном тоне, но при этом почерком, который я едва смог разобрать. Войдя в обиталище друга, который так неожиданно превратился в трясущуюся от страха горгулью, я похолодел от ужаса, который, казалось, исходил от всякой тени в этом сумеречном доме. Слова и заверения, прозвучавшие здесь десять недель тому назад словно бы приобрели физическую плоть и отчетливые очертания. Я вздрогнул при звуке глухого, изменившегося до неузнаваемости голоса хозяина. Я хотел было кликнуть прислугу, но Тиллингаст тут же заверил меня в том, что вся челядь покинула его три дня тому назад, каковое сообщение пришлось мне очень не по душе. Мне показалось по меньшей мере странным, что старый, верный Грегори оставил хозяина, даже не сообщив об этом мне — его давнему и испытанному другу. Именно от Грегори получал я известия о том, что происходило с Тиллингастом после того, как последний в припадке гнева выдворил меня из дома.

Но понемногу обуревавшее меня чувство страха вытеснялось все возрастающим любопытством. О том, что именно потребовалось Кроуфорду Тиллингасту от меня на сей раз, я мог только догадываться — но то, что он обладал великой тайной, которой жаждал поделиться, не вызывало у меня ни малейших сомнений. Еще тогда, когда я воспротивился его желанию прорваться в неизвестное, я почти разделял его веру, а сейчас, когда он почти наверняка добился успеха, я готов был последовать за ним куда угодно. Страшную цену этой победы над собой мне еще предстояло осознать. А сейчас я безмолвно двигался по неосве-

щенным пустынным комнатам туда, куда вело меня неяркое желтое пламя свечи, нетвердо сжимаемой дрожащей рукой этой пародии на человека. Электричество было отключено по всему дому, а когда я спросил почему, Кроуфорд ответил, что так и должно быть.

— Но это уж слишком... Я никогда не осмелюсь... — различил я среди сплошного потока невнятных фраз, что мой друг бормотал себе под нос. Это весьма встревожило меня, ибо ранее за ним никогда не водилось привычки разговаривать с самим собой. Мы вошли в лабораторию, и я снова увидел эту отвратительную электрическую машину, стоявшую у стола и излучавшую жуткий фиолетовый свет. Она была подключена к мощной химической батарее, но, по-видимому, была обесточена, ибо в данный момент она не вздрагивала и не издавала устрашающих звуков, как это мне случалось наблюдать раньше. В ответ на мои расспросы Тиллингаст пробубнил, что свечение, исходящее от машины, не имеет электрической природы.

Он усадил меня слева от нее и повернул выключатель, расположенный под рядом стеклянных ламп. Послышались привычные звуки, сначала напоминающие плевки, затем переходящие в жалобный вой и завершающиеся постепенно сходящим на нет жужжанием. Одновременно свечение то усиливалось, то ослабевало, и наконец приобрело какой-то бледный, тревожащий цвет или, точнее, палитру цветов, которую я не мог не то чтобы определить, а даже представить себе. Тиллингаст, который внимательно наблюдал за мною, усмехнулся, увидев мою озадаченную гримасу.

— Хочешь знать, что это такое? — прошептал он. — Это ультрафиолет.

Я изумленно выпучил глаза, а он, не переставая ухмыляться, продолжал: — Ты считал, что ультрафиолетовые лучи не воспринимаются зрением — и был абсолютно прав. Но сейчас ты можешь наблюдать их, как и многое другое, ранее недоступное человеческому взору. Я объясню. Волны, вырабатываемые машиной, пробуждают в нас тысячи спящих чувств — чувств, унаследованных нами за период, протяженный от первых до последних шагов эволюции, от состояния свободных электронов — до синтеза человека органического. Я лицезрел истину и теперь хочу открыть ее тебе. Хочешь посмотреть, как она выглядит? Я покажу тебе, — Тиллингаст сел, задув свечу, прямо напротив меня и тяжелым взором посмотрел мне в глаза. — Органы чувств, которые у тебя имеются, и прежде всего слух, уловят множество новых, доселе неизвестных ощущений. Затем появятся другие. Ты когда-нибудь слышал о шишковидном те-

ле (36)? Мне становится смешно, когда я думаю об этом жалком эндокринологе, об этом запутавшемся вконец челове ишке, этом выскочке Фрейде. Тело это есть величайший орган из всех, которые только имеются у человека, и открыл это я. Подобно глазам, оно передает зрительную информацию непосредственно в мозг. Если ты нормален, ты получаешь эту информацию в полной мере... естественно, я имею ввиду образы из глубин мироздания.

Я окинул ьзором огромную, с наклонной южной стеной мансарду, залитую тусклыми лучами, недоступными обычному глазу. Дальние ее углы были по-прежнему темны, и все помещение казалось погруженным в нереальную дымку, скрывавшую его действительную природу и влекшую воображение в мир фантомов и иллюзий. Тиллингаст замолчал. Мне представилось, что я нахожусь в некоем огромном и экзотичном храме давно умерших богов, некоем сплетенном из тумана строении с неисчислимыми колоннами черного камня, взлетающими от основания влажных плит к облачным высотам, что простираются за пределами моего видения. Картина эта некоторое время сохраняла отчетливость, но постепенно перешла в жуткое ощущение полного, абсолютного одиночества посреди бесконечного, невидимого и беззвучного пространства. Казалось, меня окружает одна пустота и больше ничего. Я почувствовал, как на меня наваливается ужас, какого я не испытывал с самого детства. Он-то и заставил меня вытащить из кармана револьвер — с тех пор, как я подвергся нападению в Ист Провиденс, я регулярно ношу его с собой с наступлением темноты. Затем откуда-то из бесконечно удаленных в пространстве и времени областей до меня начал доноситься какой-то звук. Он был едва уловимым, слегка вибрирующим и, вне всякого сомнения, музыкальным, но в то же время в нем был оттенок какой-то исступленной дикости, заставивший все мое естество испытать нечто, похожее на медленную, изощренную пытку. Затем раздался звук, напоминающий царапание по шероховатому стеклу. Одновременно потянуло чем-то вроде сквозняка, казалось, исходившего из того же источника, что и звук. В то время как, затаив дыхание, я напряженно вслушивался, звук и поток воздуха усиливались, и внезапно я увидал себя привязанным к рельсам на пути быстро мчащегося поезда. Но стоило мне заговорить с Тиллингастом, как видение это мгновенно прекратилось. Передо мной снова были только человек, уродливая машина и погруженное в полумрак пространство за ней. Тиллингаст омерзительно скалился, глядя на револьвер, почти бессознательно вынутый мною из кармана. По выражению его лица я понял, что он видел и слышал

все то, что видел и слышал я, если только не больше. Я шепотом пересказал ему свои впечатления. В ответ он посоветовал мне оставаться по возможности спокойным и сосредоточенным.

— Не двигайся, — предупредил он. — Мы можем видеть в этих лучах, но не забывай о том, что и нас видят. Я уже говорил тебе, что слуги ушли из дома, но не сказал каким образом. Эта глупая баба, моя экономка, включила внизу свет, хотя я строго-настрого предупреждал ее не делать этого. Естественно, в следующее мгновение колебания тока в энергосети пришли в резонанс с излучением. Должно быть это было страшно: их истошные вопли доносились до меня, прорываясь сквозь пелену всего того, что я видел и слышал в другом измерении. Нужно признаться, что и меня пробрал озноб, когда я обнаружил одежду, кучками валявшуюся вокруг дома. Одежда миссис Апдайк лежала возле выключателя в холле — тут-то я все и понял. Оно утащило их всех до одного. Но пока мы не двигаемся, мы в безопасности. Не забывай о том, что мы контактируем с миром, в котором мы беспомощны, как младенцы... Не шевелись!

От этого шокирующего откровения и последовавшей за ним резкой команды я испытал нечто вроде ступора, и в этом необычном состоянии моему разуму вновь предстали картины, идущие из того, что Тиллингаст называл «глубинами мироздания». Я погрузился в водоворот звуков, неясных движений и размытых картин, разворачивающихся перед моими глазами. Очертания комнаты окончательно расплылись, и в образовавшемся черном пространстве появилось отверстие, своеобразный фокус, откуда нисходил, постепенно расширяясь, поток непонятных клубящихся форм, казалось, пробивавший невидимую мне крышу дома в какой-то определенной точке вверху и справа от меня. Передо мной вновь предстало видение храма, но на этот раз колонны уходили в океан света, из которого вырывался слепящий луч, уже виденный мною прежде. Картины и образы сменяли друг друга в бешеном калейдоскопе. В потоке видений, звуков и незнакомых мне доселе чувственных впечатлений, я ощутил в себе желание и готовность раствориться в них или просто исчезнуть. Одну такую вспышку образов я запомнил навсегда. На какое-то мгновение мне привиделся клочок ночного неба, исполненного светящихся вращающихся сфер. Затем видение отступило, и я увидел мириады светящихся солнц, образовывавших нечто вроде созвездия или галактики необычной формы, смутно напоминавшей искаженные очертания лица Кроуфорда Тиллингаста. В следующий момент я почувствовал, как огромные живые тела касаются, а некоторые даже просачиваются сквозь меня. Тиллингаст, судя по всему, внимательно

наблюдал их движение. Я вспомнил, что он говорил о шишковидном теле, и мне стало интересно узнать, какие неведомые откровения являются его сверхъестественному взору.

Неожиданно все окружающее предстало мне в увеличенном виде. Сквозь светящийся эфемерный хаос проступила картина, на которой хотя и нечетко, но все же достаточно ясно присутствовали элементы некоей связности и постоянства. Это было что-то очень знакомое, точнее, что-то неестественно наложенное на привычную окружающую действительность, подобно тому, как кинокадр проецируется на расписной театральный занавес. Я видел лабораторию, электрическую машину и размытые очертания Тиллингаста, что сидел напротив меня. Но пространство, свободное от привычных глазу вещей, было до отказа заполнено неописуемыми живыми и неживыми формами, сплетающимися друг с другом в отвратительные клубки, а возле каждого знакомого предмета кишели сонмы непостижимых чужеродных существ. Казалось, все земные предметы вступали в сложные взаимодействия с чужеродными — и наоборот. Среди живых объектов выделялись желеобразные, чернильного цвета чудовища, извивавшиеся в унисон с вибрацией машины. Они кружили в пугающем изобилии, и я с ужасом взирал на то, как они вливались друг в друга — их текучесть позволяла им просачиваться сквозь что угодно, даже сквозь тела, которые мы аксиоматично принимаем за твердые. Эти существа не стояли на месте, а неустанно плавали во всех направлениях, как если бы были одержимы какой-то зловещей целью. Временами они пожирали друг друга — атакующий стремительно бросался к жертве и в следующее мгновение последняя бесследно исчезала. Внутренне содрогнувшись, я понял, что теперь знаю, как исчезли несчастные слуги. Однако я уже не мог отогнать от себя этих существ, ибо меня влекла жажда познания только что открывшегося мне запредельного мира. Тиллингаст, не спуская с меня глаз, произнес:

— Ты видишь их? Ты видишь их? Ты видишь этих плывущих и прыгающих вокруг тебя, этих проникающих сквозь тебя существ? Ты видишь то, что составляет наш чистый воздух и наше голубое небо? Разве не преуспел я в ломке старых представлений и не показал тебе мир, скрытый от глаз простых смертных? — Он продолжал истошно вопить в окружающем нас хаосе, угрожающе приблизив свое лицо к моему. Глаза его горели, как два раскаленных уголька, и только теперь я заметил, что они были полны ненависти. Машина исторгала из своих недр невыносимые звуки.

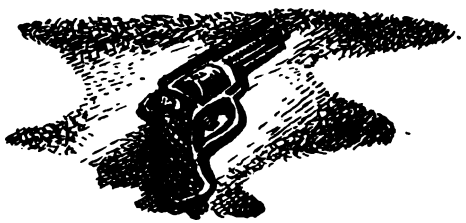
— Ты, наверное, вообразил, что эти неповоротливые суще-

ства унесли моих слуг? Глупец, они безобидны! Но слуг ведь нет, правда? Ты пытался остановить меня, ты пытался разуверить меня, когда я больше всего нуждался в твоей поддержке. Ты убоялся вселенской истины, жалкий трус, но ничего — сейчас ты в моих руках! Что унесло слуг? Что заставило их так кричать?.. Не знаешь, да? Подожди, скоро узнаешь. Смотри мне в глаза и слушай меня внимательно. Ты полагаешь, что существуют пространство и время. Ты также уверен в том, что миру присущи материя и форма. Я же исследовал такие глубины мироздания, которые твой убогий мозг просто не в состоянии представить. Я заглянул за границы беспредельного и воззвал к демонам звезд... Я обуздал духов, которые, путешествуя из одного мира в другой, повсюду сеют смерть и безумие... Космос отныне принадлежит мне. Ты слышишь меня? Эти существа сейчас охотятся за мной — существа, которые пожирают и переваривают все живое, но я знаю, как спастись от них. Вместо меня они заберут тебя, как до этого забрали слуг... Что, испугался, мой дорогой? Я предупреждал тебя, что здесь опасно шевелиться. Этим я спас тебя от смерти, но спас только для того, чтобы ты мог еще немного поглазеть вокруг да послушать меня. Если бы ты хоть чуточку шелохнулся, они бы уже давным-давно слопали тебя. Не беспокойся, они не сделают тебе больно. Они и слугам не сделали ничего плохого — просто один вид их заставил бедняг орать, что есть мочи. Мои любимцы не очень-то красивы, но ведь они из миров, где эстетические стандарты слегка отличаются от наших. Переваривание, уверяю тебя, проходит почти мгновенно. Но я хочу, чтобы ты прежде взглянул на них. Сам я их никогда не видал — однажды чуть было не влип, да, по счастью, я-то знаю, как этого избежать. А вот ты не знаешь. Ну как, тебе интересно? Нет? Я так и знал, что ты не настоящий ученый. Дрожишь, а? Дрожишь от жажды лицезреть высшие существа, которых я нашел. Почему же ты не хочешь шевельнуться? Что, устал? Брось, не волнуйся, дружище, они уже близко... Взгляни, да взгляни же, будь ты проклят!.. Смотри, одно из них как раз зависло над твоим левым плечом!..

О том, что последовало за этим, рассказывать неинтересно, да в этом и нет никакой надобности. Вы наверняка всё знаете из газет. Проходившие мимо полицейские услыхали выстрел в доме — Тиллингаста обнаружили мертвым, а меня без сознания. Сначала меня арестовали, так как револьвер, из которого стреляли, принадлежал мне, однако уже через три часа я был на свободе. Экспертиза установила, что Тиллингаст скончался от апоплексического удара, а я стрелял по машине, бесполезные обломки которой теперь валялись по всему полу тиллингастовой

лаборатории. Об увиденном мною в ту ночь я не проронил ни слова, опасаясь, что следователь отнесется к этому с вполне оправданным недоверием. Из уклончивых показаний, которые я предоставил на дознании, врач заключил, что я находился под гипнотическим воздействием мстительного и одержимого жаждой убийства маньяка.

Хотелось бы верить врачу. Тогда я смог бы наконец пересмотреть свои вновь приобретенные представления о строении воздуха и небесных сфер и привести в порядок мои расстроенные вконец нервы — а заодно и избавиться от гнетущего ощущения чьего-то постоянного присутствия у меня за спиной. Единственный факт, который до сих пор заставляет меня сомневаться в правоте доктора, заключается в том, что полиции так и не удалось обнаружить тела пропавших слуг, убитых, по их мнению, Кроуфордом Тиллингастом.

АРТУР ДЖЕРМИН

1

Жизнь отвратительна и ужасна сама по себе, и, тем не менее, на фоне наших скромных познаний о ней проступают порою такие дьявольские оттенки истины, что она кажется после этого отвратительней и ужасней во сто крат. Наука, увечащая наше сознание своими поразительными открытиями, возможно, станет скоро последним экспериментатором над особями рода человеческого — если мы сохранимся в качестве таковых, — ибо мозг простого смертного вряд ли будет способен вынести изрыгаемые из тайников жизни бесконечные запасы дотоле неведомых ужасов. Знай мы, кто мы есть на самом деле, возможно, и нам пришло бы в голову поступить так же, как поступил сэр Артур Джермин, который в последнюю ночь своей жизни облил себя керосином и поднес огонь

к пропитанной горючим одежде. Никто не отважился поместить в урну его обгоревшие останки или установить надгробие в память о нем, ибо в его доме были найдены некие документы и некий скрытый от посторонних глаз в огромном ящике предмет. Люди, нашедшие их, постарались как можно скорее забыть об этом, а некоторые из тех, кто лично знал их обладателя, до сих пор не желают признать, что Артур Джермин вообще существовал на земле.

В тот роковой день Артур Джермин вскрыл ящик, присланный ему из Африки, и увидел упакованный в него предмет, а когда наступила ночь, вышел на болото и предал себя огню. Поводом для самосожжения послужил именно этот предмет, а вовсе не внешность погибшего, которая была, мягко говоря, более чем необычной. Для многих из нас жизнь была бы пыткой, обладай мы такой наружностью. Но сэр Артур, будучи по складу ума поэтом и ученым, не обращал на свое уродство ни малейшего внимания. Страсть к учению была у него в крови — его прадед, сэр Роберт Джермин, баронет, был знаменитым антропологом, а его прапрапрадед, сэр Уэйд Джермин, снискал известность как один из первых исследователей региона Конго. Он оставил после себя пространные труды, в которых тщательно описал природу этого края, его флору и фауну, населявшие его племена и гипотетическую древнюю цивилизацию, якобы существовавшую там много веков назад. Страсть к познанию мира была у сэра Уэйда почти маниакальной, а его никем не признанная гипотеза о наличии в Конго некой белой расы, сохранившейся с доисторических времен, вызвала шквал насмешек, последовавший сразу же после выхода в свет его книги «Обзор некоторых регионов Африки». В 1765 году сей бесстрашный исследователь был помещен в сумасшедший дом в Хантингдоне.

Помешательство было фамильным недугом Джерминов, и окружающим оставалось только радоваться немногочисленности их рода. В каждом поколении неизменно оказывался только один наследник мужского пола, а с гибелью Артура Джермина род угас окончательно. Трудно сказать, как поступил бы Артур после ознакомления с вышеупомянутым предметом, если бы у него был сын. Все Джермины были уродливы, но Артур выделялся своей уродливостью даже среди своих странных родственников. Впрочем, на старых фамильных портретах в доме Джер-

минов можно было увидеть тонкие, умные лица, не тронутые печатью безумия. Фамильный недуг овладел родом определенно начиная с сэра Уэйда, чьи невероятные рассказы об Африке вызывали у его немногочисленных друзей чувство упоения пополам с ужасом. Его коллекция африканских трофеев явно свидетельствовала о ненормальности ее владельца, ибо никакой здравомыслящий человек не стал бы собирать и хранить у себя дома такие отвратительные и зловещие экспонаты. И уж особого разговора заслуживало то воистину восточное заточение, в котором он содержал свою жену. По его словам, она была дочерью португальского торговца, с которым он встретился в Африке. Жена сэра Уэйда не любила Англии и ее обычаев. Она и ее маленький сын, родившийся в Африке, появились в доме Джерминов после возвращения сэра Уэйда из второго и самого длительного его путешествия. Очень скоро Уэйд Джермин отправился в третье, взяв жену с собой, и это путешествие оказалось для нее последним — она не вернулась из него. Никто не видел ее вблизи, даже слуги; впрочем ни у кого из них и не возникало желания столкнуться с нею лицом к лицу, ибо, по слухам, она отличалась буйным и необузданным нравом. Во время пребывания в доме Джерминов она занимала отдаленное крыло здания, и сэр Уэйд был единственным человеком, чьими услугами она пользовалась. Он вообще был ярым приверженцем изоляции членов своей семьи, а потому когда он бывал в отъезде, за его малолетним сыном дозволялось присматривать одной лишь няньке — невероятно уродливой чернокожей уроженке Гвинеи. Вернувшись в Англию без леди Джермин, исчезнувшей в Африке навсегда, он сам взялся за воспитание сына.

Поводом для того, чтобы счесть сэра Уэйда сумасшедшим, стали разговоры, которые он вел на людях, особенно будучи навеселе. В такую насквозь пропитанную духом рационализма эпоху, какой заслуженно считается 18-й век, со стороны ученого человека было в высшей степени неразумно с серьезным видом рассказывать о жутких образах и невероятных пейзажах, якобы виденных им под конголезской луной, о гигантских стенах и колоннах заброшенного города, полуразрушенного и заросшего лианами, о безмолвных каменных ступенях, ведущих вниз, в непроглядную тьму бездонных подвалов и запутанных катакомб с погребенными там сокровищами. Но самым большим его промахом были рассуждения о предполагаемых обитателях тех мест (о существах, происходивших

наполовину из джунглей, наполовину из древнего языческого города и бывшими созданиями столь сказочными, что, верно, и сам Плиний описал бы их с известной долей скептицизма), что начали появляться на свет после набега гигантских человекообразных обезьян на умирающий город. Возвратясь домой из последнего своего африканского путешествия, сэр Уэйд рассказывал обо всем этом с таким жутковатым пылом (аудиторией для его выступлений служил зал таверны «Голова Рыцаря»), что слушавшие его невольно содрогались. После третьего стакана сэр Уэйд начинал похваляться своими находками, сделанными в джунглях, и с пьяной спесью повествовал о том, как он жил в полном одиночестве среди страшных развалин, местонахождение которых было известно ему одному. В конце концов его упрятали в приют для умалишенных, и местные жители облегченно вздохнули — они были сыты по горло сэром Уэйдом и его кошмарными историями. Сам сэр Уэйд, когда его упрятали в зарешеченную комнату в Хантингдоне, не очень-то огорчился. Последнее обстоятельство объяснялось его весьма своеобразным восприятием мира. Он невзлюбил дом, в котором жил, еще в пору отрочества своего сына, а позже вообще стал избегать его. «Голова Рыцаря» некоторое время была для него самой настоящей штаб-квартирой, а когда его изолировали от общества, он испытал даже нечто вроде благодарности к своим пленителям — он полагал, что заточение охранит его от некой нависшей над ним опасности. Три года спустя он умер.

Сын Уэйда Джермина Филипп тоже был весьма своеобразной личностью. Несмотря на сильное физическое сходство со своим отцом, он отличался настолько грубой внешностью и неотесанными манерами, что окружающие старательно его избегали. Ему не передалось безумие отца, чего так боялись многие, но он был безнадежно туп и, кроме того, бывал подвержен вспышкам неудержимой ярости. Небольшого роста и неширокий в плечах, он отличался огромной физической силой и невероятной подвижностью. Через двенадцать лет после получения наследства и титула он женился на дочери своего лесника, который, по слухам, происходил из цыган, однако, даже не дождавшись рождения сына, внезапно пошел служить на флот простым матросом, чем и вызвал яростное форте в хоре всеобщего осуждения, понемногу нараставшего после его вступления в брак с женщиной столь незнатного происхождения. По завершении Американской кампании он плавал на торговом судне, совершавшем рейсы в Африку,

и заслужил популярность среди моряков своими силовыми трюками и бесстрашным лазанием по вантам и мачтам. В одну из ночей, когда корабль пристал к берегу Конго, он бесследно исчез.

В отпрыске Филиппа Джермина фамильная особенность, которую тогда никто уже не оспаривал, приняла весьма странное и фатальное выражение. Высокий и, несмотря на незначительные диспропорции телосложения, довольно миловидный, с налетом загадочной восточной грации, Роберт Джермин начал свой жизненный путь в качестве ученого и исследователя. Он первым глубоко изучил обширную коллекцию реликвий, привезенных из Африки его сумасшедшим дедом, и первым же прославил фамилию Джерминов среди этнографов — в такой же степени, в какой она уже была известна среди географов-исследователей. В 1815 году сэр Роберт женился на дочери виконта Брайтхолма, которая родила ему одного за другим троих детей. Старшего и младшего из них никто и никогда не видел — родители держали их взаперти, не желая выставлять на всеобщее обозрение их физическую и умственную неполноценность. Глубоко опечаленный таким поворотом семейной жизни, сэр Роберт нашел утешение в работе и организовал две длительные экспедиции вглубь Африки. Его средний сын, Невил, был необычайно отталкивающей личностью и явно сочетал в себе угрюмость Филиппа Джермина с надменностью Брайтхолмов. В 1849 году он сбежал из дома с простой танцовщицей, но уже через год вернулся обратно и получил прощение. К тому времени он уже был вдовцом и папашей маленького Альфреда, которому суждено было стать отцом Артура Джермина.

Друзья сэра Роберта говорили, что его помешательство наступило из-за несчастий, в огромном изобилии выпавших на его долю, но скорее всего, истинной причиной был африканский фольклор. Старый ученый собирал легенды о племенах Онга, живших неподалеку от того района, где проводил свои изыскания сэр Уэйд. В этих легендах Роберт Джермин надеялся найти обоснование невероятным историям своего предка о затерянном в джунглях городе, населенном странными существами-гибридами. Кое-какие документы, найденные у сэра Уэйда, свидетельствовали о том, что воображаемые видения безумца наверняка подпитывались африканскими мифами. 19 октября 1852 года в дом Джерминов заглянул Сэмюэл

Ситон, который некоторое время жил среди племен Онга и составил о них обширные заметки. Ситон полагал, что кое-какие легенды о каменном городе гигантских белых обезьян, над которыми владычествовал белый бог, могли бы оказаться ценными для этнографа. В своей беседе с Робертом Джермином Ситон наверняка представил тому множество разного рода дополнительных свидетельств, однако об их содержании мы можем только весьма приблизительно догадываться, ибо мирный разговор двух антропологов совершенно неожиданно обернулся чередой трагических и кровавых событий. Выйдя из библиотеки, где проходила встреча, сэр Роберт Джермин оставил в ней труп задушенного Сэмюэла Ситона, а затем, не успев прийти в себя после содеянного, хладнокровно лишил жизни своих троих детей — как обоих неполноценных, которых никто и никогда не видел, так и Невила, убегавшего из дома в 1849 году. Приняв смерть от руки отца, Невил все же сумел защитить своего двухлетнего сына, который был явно включен старым безумцем в схему этого ужасного преступления. Сам же сэр Роберт после нескольких попыток самоубийства и упорного нежелания произнести хотя бы одно-единственное слово, умер от апоплексического удара на втором году своей изоляции.

Сэр Альфред Джермин стал баронетом на четвертом году жизни, но его вкусы и пристрастия никогда не соответствовали этому титулу. В двадцать лет от роду он связался с труппой артистов мюзик-холла, а в тридцать шесть — оставил жену и сына на произвол судьбы и уехал на гастроли с бродячим американским цирком. Его жизнь оборвалась совершенно ужасным и бесславным образом. В цирке среди животных был огромный самец гориллы необычно светлой окраски; обезьяна эта была удивительно кроткой (что никак не вязалось с ее внушительными размерами), и этим заслужила горячую любовь всех артистов. Что касается Альфреда Джермина, то он был совершенно очарован ею; очень часто они, разделенные решеткой, сидели один напротив другого и нежно смотрели друг другу в глаза. В конце концов Альфред добился разрешения дрессировать животное и достиг в этом деле результатов, которые одинаково изумляли и публику, и его коллег. Однажды утром — это было в Чикаго — Альфред репетировал с гориллой боксерский матч, в ходе которого обезьяна нанесла дрессировщику-любителю удар, гораздо более сильный, чем того требовали правила игры, тем

самым причинив своему противнику телесные повреждения и больно задев его самолюбие. О том, что произошло потом, члены «Величайшего шоу на Земле» — так назывался бродячий цирк — предпочитают не вспоминать. Они никак не ожидали, что Альфред Джермин вдруг издаст пронзительный нечеловеческий визг, схватит своего огромного противника обеими руками, прижмет к полу клетки и яростно вцепится зубами в его заросшее шерстью горло. Первые несколько секунд горилла была ошеломлена, но затем быстро пришла в себя, и к тому времени, когда подоспел дрессировщик-профессионал, тело, принадлежавшее баронету, было изувечено до неузнаваемости.

2

Артур Джермин был сыном Альфреда и никому не известной певички из мюзик-холла. Когда муж и отец оставил семью, мать привезла ребенка в дом Джерминов, где тут же и сделалась полновластной хозяйкой. Она не забывала о дворянском титуле своего сына и постаралась дать ему образование настолько высокое, насколько позволяли скудные денежные средства. Семейные ресурсы таяли на глазах, и дом Джерминов совершенно обветшал, однако молодой Артур полюбил это старое сооружение вкупе со всей заполонявшей его рухлядью. Артур не походил ни на одного из своих предшественников — он был поэтом и мечтателем. Те из соседей, которым было известно о таинственной португальской жене старого Уэйда Джермина, утверждали, что ее романская кровь еще даст о себе знать, однако большинство издевательски посмеивалось над его восприимчивостью к прекрасному, объясняя это чертами, унаследованными от матери, певички неизвестного происхождения. Поэтическая изысканность Артура Джермина была просто выдающейся и никак не вязалась с его уродливой внешностью. Почти все Джермины отличались необычайно хрупким сложением и довольно неприятными чертами лица, но Артур превзошел в этом всех своих предков. Трудно хотя бы приблизительно описать его уродство или сравнить его с чем-нибудь. Несомненно одно: резкие, выступающие черты лица и неестественной длины руки заставляли содрогаться от отвращения всякого, кто видел Артура Джермина в первый раз.

Однако его физическое уродство совершенно искупалось необычайным умом и талантом. Одаренный и эрудированный, он был удостоен самых почетных наград Оксфорда и вознес интеллектуальную славу своего рода на новые высоты. По своему складу он был скорее поэтом, нежели ученым. И тем не менее в его планы входило продолжить работу своих предков в области африканской этнографии. В его распоряжении была замечательная конголезская коллекция сэра Уэйда, и Артур много размышлял о доисторической цивилизации, в существование которой так упрямо верил сумасшедший исследователь, одновременно пытаясь увязать в один узел многочисленные легенды и не менее многочисленные заметки, оставшиеся от его прапрапрадеда. По отношению к безымянной таинственной расе существ-гибридов, обитавших в конголезских джунглях, он испытывал какое-то особое чувство симпатии, смешанное со страхом; размышляя об этом, он пытался найти разгадку в более поздних свидетельствах, собранных его прадедом и Сэмюэлом Ситоном среди племен Онга.

В 1911 году, после смерти матери, сэр Артур Джермин решил всецело посвятить себя поискам неведомого города. Продав часть своего поместья, он снарядил экспедицию и отплыл в Конго. Наняв с помощью бельгийских властей проводников-аборигенов, он отправился в глубь джунглей и провел год в стране Онга и Калири, неустанно собирая сведения о заброшенном городе. Вождем племени Калири был старый Мвану; он обладал крепкой памятью и ясным умом и знал множество старинных легенд и преданий. Старый вождь подтвердил правдивость всех легенд, слышанных Артуром Джермином, и дополнил их своими соображениями по поводу каменного города и белых человекообразных обезьян.

По словам Мвану, город этот действительно стоял когда-то в джунглях и его действительно населяли существа-гибриды, но много лет тому назад они были уничтожены воинственным племенем Н'бангу. Воины Н'бангу, разрушив почти все сооружения города и истребив его население, унесли с собой мумию богини, ради которой они и совершили набег на город. Богиня эта представляла собой белую человекообразную обезьяну, и странные существа, населявшие каменный город, поклонялись ей. Жители Конго считали, что она походила на принцессу, некогда правившую этим городом. Мвану не

имел ни малейшего понятия об этих странных существах, но полагал, что именно они построили город, ныне лежащий в руинах. Будучи не в состоянии разработать сколько-нибудь стройную гипотезу, Джермин тем не менее сумел вытянуть из Мвану весьма живописную легенду о мумифицированной богине.

Принцесса в образе белой обезьяны, гласила легенда, стала супругой великого белого бога, пришедшего на эту землю с запада. Долгое время они вместе правили городом, но после рождения сына все трое покинули его. Они вернулись некоторое время спустя, но уже без сына, а после смерти принцессы ее божественный супруг забальзамировал тело и поместил его в большой каменный мавзолей, где оно стало объектом всеобщего поклонения. После этого он навсегда ушел из города. У этой легенды имелось три возможных завершения. Согласно одному из них, ничего существенного после описанных событий не произошло, а мумия богини стала считаться символом могущества племени, обладавшего ею. Именно поэтому Н'бангу совершили набег на город и похитили ее. Во втором варианте говорилось о том, что белый бог вернулся в город и умер в ногах у священного тела своей жены. В третьем же упоминалось о возвращении сына, ставшего к тому времени взрослым мужем, то ли богом,то ли обезьяной, — в зависимости от фантазии сказителя — и тем не менее не имевшего ни малейшего понятия о своем высоком происхождении. Вследствие невероятно развитого у чернокожих аборигенов воображения излагаемые ими события очень часто казались чересчур экстравагантными даже в контексте легенды.

Артур Джермин больше не сомневался в том, что описанный сэром Уэйдом город действительно существует, и потому он вряд ли был поражен, когда в начале 1912 года набрел на то, что от него осталось. Его размеры были явно скромнее тех, что упоминались в легендах, и тем не менее валявшиеся повсюду камни говорили о том, что это была не просто негритянская деревня. К своему огромному огорчению, Артур не нашел среди развалин никаких резных изображений, а немногочисленность членов экспедиции помешала расчистить хотя бы один из проходов, ведущих в упоминавшиеся сэром Уэйдом катакомбы. Артур переговорил со всеми местными вождями о белых человекообразных обезьянах и забальзамированной богине, но полученные сведения необходимо было уточ-

нить у какого-нибудь европейца, жившего в этих местах. Артур нашел такого человека — это был мсье Верхерен, бельгийский агент, обитавший на одной из конголезских торговых факторий. Выслушав Артура, бельгиец пообещал ему не только отыскать, но и доставить мумию богини. Хотя о ней мсье Верхерен слышал лишь краем уха, он рассчитывал на помощь племени Н'бангу, которое в то время состояло на службе у правительства короля Альберта, и бельгиец не без основания полагал, что ему удастся достаточно легко убедить их расстаться с этим мрачным божеством, которое некогда было похищено из каменного города их предками. Отплывая в Англию, Джермин думал о том, что через каких-нибудь несколько месяцев он, может быть, получит бесценную для этнографа реликвию, которая подтвердит самые безумные гипотезы его прапрапрадеда. Одна эта мысль заставляла его дрожать от волнения.

Впрочем, деревенские жители, жившие неподалеку от поместья Джерминов, могли бы рассказать Артуру гораздо более леденящие душу истории на конголезскую тему, унаследованные ими от своих дедов, прадедов и прапрадедов, последние из которых имели честь лично присутствовать на выступлениях сэра Уэйда в «Голове Рыцаря».

Артур Джермин терпеливо ждал вестей от мсье Верхерена, со все возрастающим прилежанием изучая рукописи своего сумасшедшего пращура. Постепенно он почувствовал духовную близость с сэром Уэйдом и с энтузиазмом взялся за поиски реликвий, связанных с его личной жизнью в Англии, тогда как до этого Артура интересовали только свидетельства об африканских подвигах предка.

Несмотря на обилие устных преданий о загадочной жене-португалке, Артуру не удалось отыскать ни одного вещественного подтверждения тому, что таковая вообще жила в доме Джерминов. Казалось, память о ней намеренно вычеркнута из семейных анналов. Артур пытался понять, почему так получилось, и в конце концов решил, что причиной этого умышленного забвения явилось сумасшествие ее мужа. Артур Джермин вспомнил, что его прапрапрабабка была дочерью португальца, который вел торговлю в Африке. Без сомнения, она превосходно знала Черный Континент и обладала определенной практической сметкой, унаследованной от отца. Гипотезы сэра Уэйда наверняка вызывали у нее издевательскую усмешку, а такой мужчина, как Уэйд Джермин, вряд ли мог простить ей подобное поведение. Она умерла в Аф-

рике — скорее всего, муж увез ее туда специально для того, чтобы убедить в своей правоте.

Так рассуждал Артур Джермин; и все же, несмотря на кажущуюся стройность своих домыслов, он не мог не ощущать их зыбкости, тем более что после смерти его странных прародителей прошло уже добрых полтора столетия.

В июне 1913 года Джермин получил письмо от мсье Верхерена, в котором последний сообщал о том что поиски мумии увенчались успехом. Эта мумия, писал бельгиец, представляет собой совершенно необычный экспонат, классифицировать который было бы не под силу простому любителю. Только специалист мог бы определить, кому именно — человеку или обезьяне — принадлежало это забальзамированное тело; впрочем, процесс идентификации был затруднен крайне неудовлетворительным состоянием мумии. Неумолимое время и влажный климат Конго никак нельзя отнести к факторам, благоприятствующим сохранности мумий, особенно в случаях, когда бальзамирование выполняется невеликим специалистом в этой области. На шее у мумии имеется золотая цепочка с пустым медальоном, на поверхности которого изображен некий герб; несомненно, медальон был снят разбойниками Н'бангу с какого-нибудь незадачливого белого путешественника и нацеплен на шею богини в знак преклонения. Подробно остановившись на чертах лица мумифицированной богини, мсье Верхерен позволил себе привести фантастическое сравнение, или, скорее, шутливое предположение относительно того, насколько эти черты могут поразить его корреспондента; впрочем, письмо носило в основном строго научный характер, и упоминание о чертах лица богини было единственным легкомысленным его местом. Бельгиец писал, что ящик с мумией прибудет примерно через месяц после получения письма.

Помещенный в ящик предмет был доставлен в дом Джерминов 3 августа 1913 года во второй половине дня. Сэр Артур тут же распорядился унести его в большую залу, где хранилась коллекция африканских образцов, начатая сэром Робертом и завершенная самим Артуром.

О дальнейших событиях повествуют свидетельства слуг, документы и вещественные доказательства, которые позже подверглись самому тщательному изучению. Из всех свидетельств наиболее полным и связным был рассказ старого Сомса, дворецкого в доме Джерминов. Он показал, что после того, как ящик был установлен в комнате-музее, сэр Артур

приказал всем покинуть помещение. Как только его приказание было выполнено, он тут же принялся вскрывать ящик, о чем свидетельствовал стук молотка и зубила. Потом наступила тишина; сколько она продолжалась, Сомс точно не помнил, однако менее чем через четверть часа дворецкий услышал леденящий душу вопль, исходивший, вне всякого сомнения, из груди Артура Джермина.

В следующее мгновение сэр Артур выскочил из комнаты и с бешеной скоростью устремился к парадному выходу, словно его преследовало некое жуткое чудовище. Выражение неописуемого ужаса на его лице потрясло Сомса и, в свою очередь, он ощутил приступ неподдельного страха. Почти добежав до парадного, сэр Артур внезапно остановился, поколебался секунду-другую, а затем повернулся и сбежал вниз по ступенькам, ведущим в подвал.

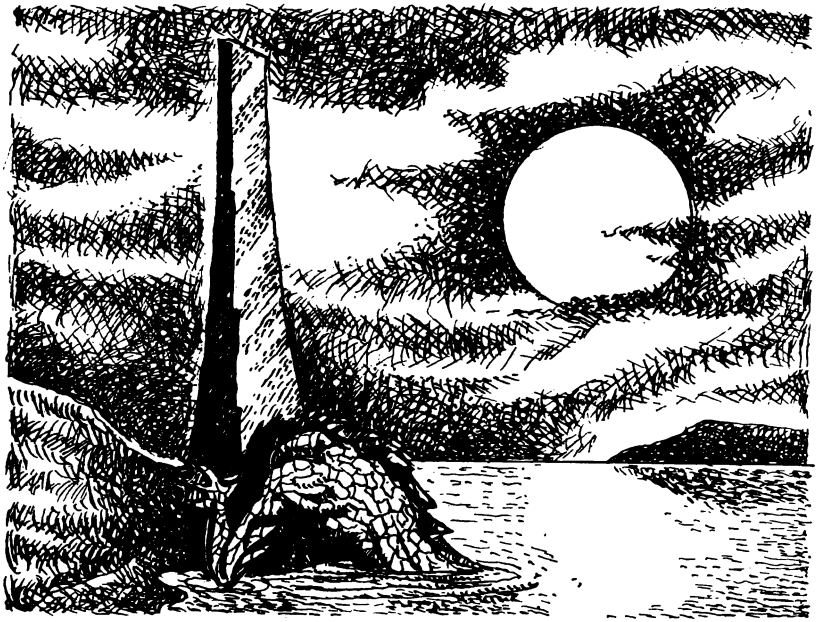
Потрясенные слуги молча смотрели на дверь, за которой скрылся хозяин дома, ожидая, что он вот-вот появится обратно, но этого так и не произошло. За дверью не было слышно ни звука; только сильный запах керосина начал распространяться по дому. После наступления темноты слуги услыхали, как хлопнула дверь, ведущая из подвала во двор. Последним, кто видел живого Артура Джермина, был конюх; по его словам, с ног до головы облитый керосином сэр Артур, воровато озираясь, устремился в сторону раскинувшегося неподалеку от дома болота и вскоре исчез во тьме. Далее ужасные события развивались с огромной быстрой: слуги увидали на пустыре яркую вспышку, столб пламени, в котором корчился самоубийца — и через минуту все было кончено.

Причину, по которой обгоревшие останки сэра Артура Джермина не были собраны и захоронены, следует искать на дне ящика, полученного покойным из Африки. Вид мумифицированной богини был ужасен: полуразложившаяся, изъеденная, она вызывала тошноту, но даже ничего не смыслящий в антропологии дилетант мог бы понять, что перед ним лежит мумия белой человекообразной обезьяны неизвестного вида, характеризующегося гораздо менее густым, нежели у других обезьян, волосяным покровом и значительно большим сходством с человеком; следует добавить, что последнее было просто невыносимо.

Не будем вдаваться в подробности, дабы не пробудить у читателя весьма неприятных эмоций, однако упомянем о двух немаловажных деталях, которые потрясающе стыкуются с не-

которыми заметками сэра Уэйда, касающимися его африканских экспедиций, а также с конголезскими легендами о белом боге и богине в образе человекообразной обезьяны. Во-первых, герб на медальоне, который украшал мумифицированную богиню, был фамильным гербом Джерминов; во-вторых, полушутливый намек мсье Верхерена относительно сходства сморщенного лика богини с некой известной персоной, относился ни к кому иному, как к пораженному сверхъестественным ужасом Артуру Джермину, прапраправнуку сэра Уэйда Джермина и никем и никогда не виданной женщины. Члены Королевского Антропологического института предали мумию огню, а медальон выбросили в глубокий колодец, и многие из них до сих пор не желают признать, что Артур Джермин вообще существовал на земле.

ДАГОН

Я пишу в состоянии сильного душевного напряжения, поскольку сегодня ночью намереваюсь уйти в небытие. Я нищ, а снадобье, единственно благодаря которому течение моей жизни остается более или менее переносимым, уже на исходе, и я больше не могу терпеть эту пытку. Поэтому мне ничего не остается, кроме как выброситься вниз на грязную улицу из чердачного окна. Не думайте, что я слабовольный человек или дегенерат, коль скоро нахожусь в рабской зависимости от морфия. Когда вы прочтете эти написанные торопливой рукой страницы, вы сможете представить себе — хотя вам не понять этого до конца, — как я дошел до состояния, в котором смерть или забытье считаю лучшим для себя исходом.

Случилось так, что пакетбот, на котором я служил в качестве суперкарго, подвергся нападению немецкого рейдера в одной

из наиболее пустынных и наименее посещаемых кораблями частей Тихого океана. Большая война (37) в то время только начиналась, и океанская флотилия гуннов (38) еще не погрязла окончательно в своих пороках, как это случилось немного погодя. Итак, наше судно стало законным военным трофеем, а с нами, членами экипажа, обращались со всей обходительностью и предупредительностью, как и подобает обращаться с захваченными в плен моряками. Наши враги охраняли нас не очень-то тщательно, благодаря чему уже на шестой со времени нашего пленения день мне удалось бежать на маленькой лодке, имея на борту запас воды и пищи, достаточный для того, чтобы выдержать довольно длительное путешествие.

Обретя наконец-то долгожданную свободу и бездумно положившись на волю волн, я имел весьма смутное представление о том, где нахожусь. Не будучи опытным навигатором, я смог только очень приблизительно определить по положению солнца и звезд, что нахожусь где-то южнее экватора. О долготе я не имел ни малейшего представления; тщетной оказалась и надежда на то, что вскоре удастся увидеть полоску берега или какой-нибудь островок. Стояла хорошая погода и в течение бессчетного количества дней я дрейфовал под палящим солнцем, ожидая, что появится какой-нибудь корабль или течение выбросит меня на берег обитаемой земли. Однако ни корабль, ни земля так и не появились, и постепенно меня охватило отчаяние от сознания своего полного одиночества посреди вздымающейся синей громады нескончаемого океана.

Изменения произошли во время сна. Я не могу припомнить в деталях, как все случилось, поскольку сон мой, будучи беспокойным и насыщенным различными видениями, оказался тем не менее довольно продолжительным. Проснувшись же, я обнаружил, что меня наполовину засосало в слизистую гладь отвратительной черной трясины, которая однообразными волнистостями простиралась вокруг меня настолько далеко, насколько хватало взора. Моя лодка лежала на поверхности этой трясины неподалеку от меня.

Хотя легче всего представить, что первым моим чувством было изумление от такой неожиданной и чудовищной трансформации пейзажа, на самом деле я скорее испугался, чем изумился, ибо воздух и гниющая почва произвели на меня столь жуткое впечатление, что я весь похолодел внутри. Почва издавала мерзкий запах, исходящий от скелетов гниющих рыб и других, с трудом поддающихся описанию объектов, которые, как я заметил, торчали из отвратительной грязи, образующей эту нескончаемую равнину. Скорее всего мне не удастся в простых словах

передать картину этого неописуемого по своей мерзости пейзажа, который окружал меня со всех сторон. Я не слышал ни звука, не видел ничего, кроме необозримого пространства черной трясины, а сама абсолютность тишины и однородность ландшафта подавляли меня, вызывая поднимающийся к горлу ужас.

Солнце сияло с небес, которые показались мне почти черными в своей безоблачной наготе; казалось, они отражали это чернильное болото у меня под ногами. Когда я влез в лежащую на поверхности трясины лодку и немного пораскинул мозгами, я решил, что ситуации, в которой я оказался, может найтись только одно объяснение. Вследствие подводного извержения вулкана невиданной силы часть океанского дна оказалась выброшенной на поверхность, причем наверх были вынесены слои, которые в течение многих миллионов лет лежали скрытыми под необозримой толщей воды. Протяженность новой земли, поднявшейся подо мной, была столь велика, что, как я ни напрягал свой слух, я не мог уловить ни малейшего шума океанской волны. Не было видно и никаких морских птиц, которые обычно в таких случаях слетаются в поисках добычи, каковую представляют из себя мертвые морские организмы.

В течение нескольких часов я сидел, предаваясь размышлениям, в лодке, которая лежала на боку и давала мне небольшую тень, в то время как солнце перемещалось по небу. На закате дня почва стала менее вязкой, и мне показалось, что она достаточно подсохла для того, чтобы в скором времени по ней можно было пройти пешком. В ту ночь я спал, но очень немного, а на следующий день занимался упаковкой вьюка с водой и пищей, готовясь к поискам исчезнувшего моря и возможного спасения.

На третье утро я обнаружил, что почва стала уже настолько сухой, что по ней можно было шагать без всяких усилий. Запах гниющей рыбы сводил с ума, но я был слишком озабочен более серьезными вещами, чтобы обращать внимание на такие незначительные неудобства, и бесстрашно продвигался к неведомой цели. Весь день я уверенно шел на запад, сверяя курс по отдаленному холму, вздымавшемуся посреди этой черной пустыни. В ту ночь я сделал привал под открытым небом, а наутро продолжил свое продвижение к холму, хотя моя цель, как мне показалось, почти не приблизилась ко мне по сравнению с днем, когда я впервые заметил ее. К вечеру четвертого дня я достиг подножия холма, который оказался гораздо выше, чем он виделся на расстоянии; из-за прилегающей долины он более резко выделялся на общем фоне. Я слишком устал, чтобы сразу начинать подъем, и прикорнул у окрашенного лучами заходящего солнца склона холма.

Я не знаю, почему мои сны были в ту ночь такими безумными, но еще до того, как убывающая, фантастически выпуклая

луна взошла на востоке и стала высоко над равниной, я проснулся в холодном поту, решив больше не спать. Слишком ужасными были мои ночные видения, чтобы я мог и дальше выносить их. И тут-то, в холодном сиянии луны, я понял, как опрометчиво поступал, путешествуя днем. Пережидая дневные часы в каком-нибудь укрытии, куда не достигали слепящие лучи обжигающего солнца, я мог бы сберечь немало сил для ночных переходов; и в самом деле, сейчас я чувствовал себя вполне способным совершить восхождение, на которое я не решился во время заката солнца. Подхватив свой вьюк, я начал путь к гребню холма.

Я уже говорил, что монотонное однообразие холмистой равнины наполняло меня неясным страхом; но мне кажется, что страх этот был ничем по сравнению с тем ужасом, что я испытал, когда достиг вершины холма и глянул вниз на другую его сторону. Моему взору предстал бездонный карьер или, если угодно, каньон, черные глубины которого не трогал пока свет луны, взошедшей еще недостаточно высоко для того, чтобы пролить свои лучи за крутой скалистый гребень. У меня возникло чувство, что я стою на краю мира и заглядываю в бездонный хаос вечной ночи, начинающийся за этим краем. Меня охватил ужас, и перед моими глазами пронеслись реминисценции из «Потерянного рая» (39) и страшное восхождение Сатаны из проклятого царства тьмы.

Когда луна поднялась выше, я стал замечать, что склоны долины были отнюдь не такими вертикальными, как я представлял себе вначале. Выступы и обнаженные слои породы образовывали хорошую опору для ног, благодаря чему можно было легко спуститься вниз, а через несколько сотен футов крутой обрыв и вовсе переходил в пологий спуск. Под влиянием импульса, который я и сейчас не могу до конца объяснить себе, я начал спускаться по почти отвесной стене, с трудом цепляясь за выступы скал, пока не остановился внизу, на пологом склоне, не отрывая взора от стигийский глубин, которых никогда еще не достигал ни единый луч света.

Почти сразу же мое внимание привлек огромных размеров странный предмет, расположенный на противоположном склоне, круто поднимавшемся примерно на сотню ярдов надо мной; обласканный лучами восходящей луны, которых он не знал, наверное, уже миллионы лет, предмет этот испускал белое мерцающее сияние. Вскоре я убедился, что это была всего лишь гигантская каменная глыба, однако все же не мог отделаться от впечатления, что ее контуры и положение не являлись результатом деятельности одной только природы. Когда мне удалось разглядеть предмет более подробно, меня охватили чувства, которые я не в силах выразить, ибо, несмотря на чудовищную

величину глыбы и ее присутствие в бездне, разверзшейся на морском дне еще во времена, когда мир был слишком молод, чтобы его могли населять люди, — несмотря на все это, я вдруг совершенно отчетливо понял, что этот странный предмет являлся тщательно оконтуренным монолитом, массивное тело которого несло на себе следы искусной обработки и, возможно, служило когда-то объектом поклонения живых и мыслящих существ.

Ошеломленный, испуганный, и тем не менее испытывающий нечто вроде невольной дрожи восхищения, присущей ученому или археологу, я внимательно осмотрел окружающую меня картину. Луна, находящаяся почти в зените, ярко и таинственно светила над отвесными кручами, окаймлявшими ущелье, и в этом почти дневном сиянии мне удалось различить, что на дно каньона стекает обширная река — она извивается и исчезает в противоположных его концах, почти задевая мне ноги своими водами. Мелкие волны на другой стороне ущелья плясали у основания громадного монолита, на поверхности которого я мог сейчас ясно видеть как надписи, так и грубо высеченные фигурки. Надписи были выполнены в иероглифической системе, абсолютно мне незнакомой и состоящей по большей части из условных символов, связанных с водной средой. Среди знаков были рыбы, угри, осьминоги, ракообразные, моллюски, киты и им подобные существа. Все это было совершенно непохоже на то, что я когда-либо видел в ученых книгах. Некоторые символы представляли из себя изображения каких-то морских существ, очевидно, неизвестных современной науке, но чьи разложившиеся формы, мне довелось ранее наблюдать на поднявшейся из океана равнине.

Но более всего я был очарован живописной резьбой. По ту сторону текущего между мной и каменной глыбой потока воды находилось несколько барельефов, которые, благодаря их огромным размерам, можно было разглядеть, не напрягая зрения. Клянусь, их сюжеты могли бы вызвать зависть у самого Доре (40). Я думаю, что эти объекты, по замыслу, должны были изображать людей — или, по крайней мере, определенный род людей, хотя существа эти изображались то резвящимися, как рыбы, в водах какого-то подводного грота, то отдающими почести монолитной святыне, которая также находилась под волнами. Я не отваживаюсь останавливаться подробно на их лицах и формах, ибо одно лишь воспоминание об этом может довести меня до обморока. Гротескные в такой степени, недоступной, пожалуй, даже воображению По или Булвера (41), они были дьявольски человекоподобными в своих общих очертаниях, несмотря на перепончатые руки и ноги, неестественно широкие и отвислые губы, стеклянные выпученные глаза и другие особен-

ности, вспоминать о которых мне и вовсе неприятно. Довольно странно, но они, похоже, были высечены почти без учета пропорций их сценического фона — например, одно из существ было изображено убивающим кита, который по величине едва превосходил китобоя. Как я уже говорил, я отметил про себя гротескность фигур и их странные размеры; однако мгновение спустя я решил, что это просто боги, выдуманные каким-нибудь первобытным племенем рыбаков или мореходов, чьи последние потомки вымерли за многие тысячелетия до появления первого родственника пилтдаунца или неандертальца. Охваченный благоговейным страхом, который вызвала во мне эта неожиданно представшая моим глазам картина прошлого, по дерзости своей превосходящая концепции наиболее смелых из антропологов, я стоял в глубоком раздумье, а луна отбрасывала причудливые блики на поверхность лежащего предо мною безмолвного канала.

Затем вдруг я увидел его. Поднявшись над темными водами и вызвав этим лишь легкое, почти беззвучное вспенивание, какой-то необычный предмет плавно вошел в поле моего зрения. Громадный, напоминающий Полифема (42) и всем своим видом вызывающий чувство отвращения, он устремился, подобно являющемуся в кошмарных снах чудовищу, к монолиту, обхватил его гигантскими чешуйчатыми руками и склонил к постаменту свою отвратительную голову, издавая при этом какие-то неподдающиеся описанию ритмичные звуки. Наверное, в тот самый момент я и сошел с ума.

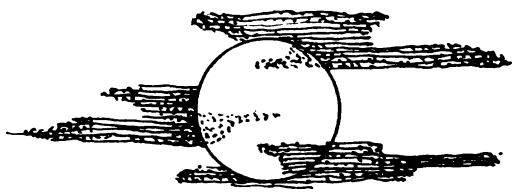
Я почти не помню своего сумасшедшего подъема на гребень скалы и возвращения к брошенной лодке, которые я совершил в каком-то исступленном бреду. Мне кажется, всю дорогу я не переставал петь, а когда у меня не оставалось сил петь, принимался бездумно смеяться. У меня остались смутные воспоминания о сильной буре, которая случилась через некоторое время после того, как я добрался до лодки; во всяком случае, я могу сказать, что слышал раскаты грома и другие звуки, которые природа издает только в состоянии величайшего неистовства.

Когда я вернулся из небытия, я обнаружил, что нахожусь в госпитале города Сан-Франциско, куда меня доставил капитан американского корабля, подобравшего мою лодку в открытом океане. Находясь в бреду, я очень многое рассказал, однако, насколько я понял, моим словам не было уделено какого-либо внимания. Мои спасители ничего не знали ни о каком смещении пластов суши в акватории Тихого океана; да и я решил, что не стоит убеждать их в том, во что они все равно не смогли бы поверить. Как-то раз я отыскал одного знаменитого этнолога и изумил его неожиданной дотошностью своих расспросов относи-

тельно древней палестинской легенды о Дагоне, Боге Рыб, но очень скоро понял, что мой собеседник безнадежно ограничен, и оставил свои попытки что-либо у него узнать.

Это случается ночью, особенно когда на небе стоит выпуклая, ущербная луна. Тогда я снова вижу этот предмет. Я пробовал принимать морфий, однако наркотик дал только временную передышку, а затем захватил меня в плен, сделав рабом безо всякой надежды на освобождение. И сейчас, после того, как я представил полный отчет, который станет источником информации или, скорее всего, предметом презрительного интереса окружающих, мне остается только покончить со всем этим. Я часто спрашиваю себя, не было ли все случившееся со мною чистой воды фантомом — всего лишь причудливым результатом деятельности воспаленного мозга в то время, как после побега с немецкого военного корабля я лежал в бреду в открытой лодке под лучами палящего солнца. Я задаю себе этот вопрос, но в ответ мне тут же является омерзительное в своей одушевленности видение. Я не могу думать о морских глубинах без содрогания, которое вызывают у меня безымянные существа, в этот самый момент, быть может, ползущие и тяжело ступающие по скользкому морскому дну, поклоняющиеся своим древним каменным идолам и вырезающие собственные отвратительные образы на подводных гранитных обелисках. Я мечтаю о том времени, когда они поднимутся над морскими волнами, чтобы схватить своими зловонными когтями и увлечь на дно остатки хилого, истощенного войной человечества — о времени, когда суша скроется под водой и темный океанский простор поднимется среди вселенского кромешного ада.

Конец близок. Я слышу шум у двери, как будто снаружи об нее бьется какое-то тяжелое скользкое тело. Оно не должно застать меня здесь. Боже, эта рука! Окно! Скорее к окну!

ДЕНЬ УЭНТВОРТА

Неподалеку от северной окраины Данвича начинается область заброшенных полупустынных земель, которые в результате четырех последовательных нашествий переселенцев — сперва жителей Новой Англии, позднее франко-канадцев, затем итальянцев и, наконец, поляков — были низведены до состояния если не катастрофического, то очень близкого к этому. Первые пришельцы бездумно сводили леса, некогда сплошь покрывавшие эту страну, и стремились выжать как можно больше урожая из бедной каменистой почвы, не заботясь о сохранении ее плодородности; последующие поколения довершили сей не слишком благодарный труд, умудрившись в сравнительно короткий срок окончательно исчерпать местные природные ресурсы. Те, кто приходил сюда позднее, очень скоро оставляли все надежды обустроиться и спешили покинуть этот на редкость унылый и неприветливый край.

Мало кому покажется заманчивой перспектива поселиться в этой части Массачусетса. Дома, некогда добротные и красивые, ныне являют собой картину печального запустения. Кое-где по отлогим склонам холмов еще виднеются фермы, чьи древние строения хранят под своей сенью тайны многих новоанглийских поколений; но признаки упадка и здесь налицо — в покосившихся печных трубах, осыпающихся стенах и безжизненных глазницах окон. Дороги пересекают местность во всех направлениях, но, едва свернув с главного шоссе, проложенного из Данвича на север по дну широкой и длинной долины, вы окажетесь на заросшем травой проселке, чьи колеи столь же редко оживляются движением, сколь дворы окрестных усадеб — голосами живых обитателей.

Впрочем, дух мертвой древности, витающий над этой землей, отнюдь не является единственной и наиболее значимой ее приметой, ибо в здешней атмосфере как нигде более явственно ощущается присутствие чего-то иного, необъяснимого, но определенно зловещего. Здесь остались еще участки дремучего первозданного леса, никогда не знавшего топора, а в глубине узких заросших диким виноградом ущелий тихо журчат ручьи, воды которых даже в самые яркие летние дни не отражают солнечного света. Вы можете пройти всю долину из конца в конец, не встретив ни одного человека, хотя на некоторых полуразрушенных фермах еще доживают свой век одинокие отшельники; даже парящие высоко в небе ястребы не задерживаются долго над этой мрачной местностью, а черные стаи ворон, пролетая над долиной, никогда не опускаются на землю для отдыха или в поисках пищи. С незапамятных времен края эти пользовались дурной славой; богобоязненые обыватели, верящие в чертей и ведьм, для обозначения того, что здесь творилось, употребляли слово Hexerei (43) — незавидная эта репутация сохраняется за долиной и по сей день.

Словом, это были не те места, где усталому путнику хотелось бы остановиться, а тем более расположиться на ночлег. И все же именно ночью — а было это летом 1927 года — я оказался в долине проездом из Данвича, куда перед тем завернул, чтобы доставить заказчику кухонную плиту. У меня был еще один заказ в районе, лежавшем на север от этого захолустного городка, и, не поддавшись первому инстинктивному желанию выбрать из двух дорог более длинную, ту, что обходила эту долину стороной, я двинулся напрямик, покинув Данвич в быстро сгущавшихся вечерних сумерках. Вскоре по въезде в долину сумерки сменились кромешной темнотой; небо надо мной было затянуто плотными тучами, висевшими столь низко, что, казалось, они задевают вершины окружающих холмов, и таким образом я ехал

ак бы в своеобразном тоннеле. Шоссе было пустынно — им вообще ользовались нечасто и только для сквозного транзита через долину, удя по невероятно запущенному состоянию отходящих влево и право проселочных дорог, ухабам и колдобинам которых далеко не який водитель рискнул бы доверить свою машину.

Все это, впрочем, мало меня беспокоило, поскольку путь мой ежал в одно из поселений, расположенных у самого шоссе неподалеку от северного въезда в долину, так что мне не было нужды уда-либо сворачивать; однако обстоятельства распорядились иначе. Не успел я отъехать от Данвича, как начался дождь; собиравшиеся еще с полудня тяжелые темные тучи наконец разверзлись, и потоки воды стремительно обрушились вниз. Поверхность дороги заблестела в лучах фар, которые несколько минут спустя высветили впереди неожиданное препятствие. К тому времени я уже углубился в долину миль на пятнадцать с лишним, проделав значительную часть пути — и вот теперь вынужден был остановиться перед барьером с отчетливо нарисованным указателем объезда. Заглянув за преграду, я убедился в том, что дорога дальше и впрямь была совершенно разбита. Продолжать движение вперед казалось по меньшей мере неблагоразумным.

Недоброе предчувствие шевельнулось во мне, когда я сворачивал с главной трассы. Прислушайся я тогда к голосу разума и возвратись в Данвич, чтобы затем выехать из него по другой дороге, я был бы сейчас избавлен от мучительных кошмаров, неотступно преследующих меня с той самой ужасной ночи! Но я принял другое решение. Я заехал уже слишком далеко и не желал терять времени, возвращаясь в Данвич. Окруженный сплошной стеной ливня, я вел машину почти вслепую. Объездная дорога представляла собой тот же убогий проселок, лишь местами посыпанный гравием. Деятельность дорожно-ремонтной службы ограничилась в основном срезанием нижних ветвей ближайших деревьев, что несколько расширило проезд; дорога же как таковая осталась в отвратительном состоянии — и очень скоро я понял, что дела мои плохи.

Потоки дождевой воды быстро размывали грунт; мой автомобиль — одна из самых мощных моделей «форда» с довольно высокими, хотя и узкими колесами — все чаще пробуксовывал в грязи и, пересекая стремительно разраставшиеся лужи, надрывно чихал, поминутно рискуя захлебнуться. Я сознавал, что рано или поздно вода просочится под капот и двигатель заглохнет; необходимом было по возможности скорее найти какое-нибудь жилье или на худой конец укрытие для машины. Меня вполне устроил бы заброшенный сарай или конюшня — вряд ли стоило рассчитывать на присутствие обжитой фермы в этих безлюдных

краях, — однако густая тьма не позволяла разглядеть что бы то ни было уже в двух шагах в сторону от дороги. Но вдруг сквозь пелену ночного ливня невдалеке от машины замаячил бледный квадрат освещенного окна, и в тот же миг в слабеющем свете фар я успел заметить впереди некое подобие дорожной развилки.

Свернув налево, я вскоре проехал мимо почтового ящика с грубо намалеванным именем владельца фермы. «Амос Старк» — гласила выцветшая надпись. Вслед за тем фары осветили фасад старинного здания. Это было одно из тех сооружений, в которых жилой дом, летняя кухня, флигель и хлев вплотную примыкают друг к другу, образуя как бы единый комплекс построек под несколькими крышами различной высоты и конфигурации. По счастью, ворота хлева были широко распахнуты и, не видя поблизости иного укрытия, я въехал на автомобиле внутрь, ожидая увидеть в стойлах коров или лошадей. Однако хлев был пуст и, по всей вероятности, пустовал давно; скота не было и в помине, а прелое сено, заполнявшее помещение своим тяжелым ароматом, лежало здесь уже явно не первый год.

Оставив машину в хлеву, я под проливным дождем направился к дому. Снаружи он выглядел столь же дряхлым и запущенным, как и все остальные строения усадьбы. Это было одноэтажное здание с тянувшейся вдоль фасада низкой верандой, пол которой, как я очень вовремя приметил, изобиловал глубокими дырами, зиявшими в тех местах, где гнилые доски, не выдержав, провалились под чьей-то неосторожной ногой.

Добравшись наконец до двери, я постучал в нее кулаком. Прошло несколько минут, но ничто не нарушало тишины, кроме звуков ливня, падавшего на крышу веранды и на залитый водой двор за моей спиной. Постучав снова, я возвысил голос до крика:

— Есть люди в этом доме?!

— Кто там такой? — раздалось изнутри. Голос говорившего заметно дрожал.

Я представился заезжим торговцем, ищущим где укрыться от непогоды.

Световое пятно внутри дома начало перемещаться — человек взял лампу и направился с ней к двери; освещенный квадрат окна постепенно тускнел, а желтая полоска в щели между порогом и дверью становилась все более яркой. Затем послышался грохот отодвигаемых засовов, звякнула цепочка, и дверь медленно приоткрылась. Передо мной, высоко подняв лампу, стоял хозяин — костлявый старик с морщинистым лицом и редкой бороденкой, кое-как прикрывавшей тонкую жилистую шею. На носу его торчали очки, но он разглядывал меня поверх стекол, слегка наклонив седую плешивую голову. Глаза его были уголь-

но-черного цвета, резко контрастируя с белизной волос; в порядке приветствия он растянул губы в несколько жутковатой ухмылке, обнажив при этом пеньки стертых зубов.

— Мистер Старк? — спросил я.

— Небось попали в переделку с этой бурей? — старик продолжал ухмыляться. — Давайте-ка в дом, здесь малость обсохнете. Дождь навряд ли затянется, я так думаю.

Я проследовал за ним в комнату, но прежде он тщательно запер дверь, задвинул все засовы и накинул крюк — манипуляции эти вызвали во мне смутное беспокойство, и я почувствовал себя как-то неуютно. Старик, вероятно, заметил мой вопросительный взгляд — водрузив лампу на толстый фолиант, лежавший на круглом столе в центре комнаты, он обернулся ко мне и промолвил с сухим дребезжащим смешком:

— А ведь нынче день Уэнтворта. Я было грешным делом принял вас за Наума.

Дребезжащие звуки усилились и участились, что, по всей вероятности, должно было означать смех.

— Ничего подобного, сэр. Меня зовут Фред Хэдли. Сам я из Бостона.

— В Бостоне бывать не доводилось, — сказал Старк. — Вообще не бывал дальше Аркхэма, никогда — вот уж что верно, то верно. Должен все время быть здесь и следить за хозяйством.

— Надеюсь, я не очень вам помешал. Я, признаться, взял на себя смелость припарковать автомобиль в вашем хлеву.

— Коровы будут не в претензии, — он засмеялся своей шутке, прекрасно зная, что в хлеву нет ни одной коровы. — Не приходилось ездить в этих новомодных штуковинах, но вы, горожане, все одинаковы — никак не обойдетесь без своих автомобилей.

— Разве я так уж похож на городского хлыща? — спросил я, стараясь попасть ему в тон.

— Знаю я этих городских — как-то одни тут задумали поселиться, а потом вдруг разом снялись да уехали прочь; думаю, им у нас не пришлось по душе. Никогда не бывал в больших городах и не уверен, что когда-нибудь соберусь побывать.

Понемногу разойдясь, он продолжал бормотать что-то невнятное в том же духе и, похоже, завелся надолго; я же тем временем оглядывался вокруг, почти машинально составляя про себя опись находившихся в комнате предметов. Глаз у меня был наметан — добрую половину свободного от разъездов времени я обычно проводил на складах фирмы, и — скажу без ложной скромности — мало кто из кладовщиков и клерков мог бы сравниться со мной в непростом искусстве инвентаризации. Таким

образом, мне не потребовалось много времени для того, чтобы удостовериться в наличии у Амоса Старка множества уникальных вещей, за которые коллекционеры и любители старины без раздумий выложили бы круглую сумму. Некоторые из предметов меблировки были изготовлены еще в позапрошлом столетии — если это не так, можете считать меня ничего не понимающим в антиквариате. Здесь были также всякие старинные вещицы и безделушки, превосходные изделия из дутого стекла и хэвилендского фарфора, расставленные на полках вдоль стен и на этажерках. Немалую ценность представляли и характерные детали быта новоанглийской фермы, давно уже вышедшие из употребления: ручной работы щипцы для снятия нагара со свечей, пробковая чернильница с деревянной затычкой, резные подсвечники, подставка для книг, манок для диких индеек, изготовленный из скрепленных сосновой смолой кожи и дерева, тыквенные бутыли, старинная вышивка — все это накопилось за многие десятилетия, что простоял здесь этот дом, построенный еще первыми переселенцами.

— Вы живете один, мистер Старк? — спросил я, улучив паузу в его монотонных рассуждениях.

— Теперь один, да. Раньше тут были Молли и Дюи. Абель уехал отсюда еще мальчишкой, а Элла померла от легочной лихорадки. Я живу один вот уже седьмой год.

Я заметил, что даже во время разговора старик держался настороженно, словно чего-то ожидая. Он как будто пытался расслышать снаружи в шуме дождя какие-то посторонние звуки. но все было тихо — только шорох мышиной возни в подвалах дома да все та же беспрестанная дробь дождевых капель по крыше. Старик, однако, продолжал прислушиваться, по-петушиному резко дергая головой, зрачки его глаз сузились, как при ярком свете, бледная плешь просвечивала сквозь жидкий венчик спутанных седых волос. На вид ему было лет восемьдесят, но в действительности могло быть и шестьдесят, принимая в расчет одинокий и замкнутый образ жизни, преждевременно старящий человека.

— Вам по пути никто не попадался? — спросил он внезапно.

— Ни единой души от самого Данвича. Это будет миль семнадцать, по моим подсчетам.

— Плюс-минус полмили, — согласился он и вдруг ни с того ни с сего начал фыркать и хихикать самым дурацким образом, как будто не в силах более сдержать распиравшее его изнутри веселье.

— Нынче день Уэнтворта. Наума Уэнтворта, — сообщил он вторично. Зрачки его вновь на мгновенье настороженно сузи-

лись. — Давно вы торгуете в наших краях? Знавали небось Наума Уэнтворта?

— Нет, сэр. Не приходилось. Я все чаще бываю в городах. В сельской местности только проездом.

— Наума знали почти все, — продолжал старик, — но никто не знал его так хорошо, как я. Видите эту книгу? — он указал на старый донельзя замусоленный том в обернутой бумагой обложке, на который я прежде, осматривая эту слабо освещенную комнату, не обратил особого внимания. — Это Седьмая Книга Моисея, из нее я узнал много больше, чем из всех других книг, какие читал. Раньше она была у Наума.

Он хмыкнул, что-то припоминая.

— Ну и чудак был этот Наум, скажу я вам. Зловредный, однако, чудак — и скаредный, это уж точно. Как вы могли его не знать — ума не приложу.

Я заверил его в том, что никогда прежде не слышал даже имени Наума Уэнтворта, между делом отметив про себя весьма странные литературные вкусы хозяина дома — «Седьмая Книга Моисея», к чтению коей он был столь привержен, являлась ничем иным, как ведьмовской Библией, содержащей разного рода заклинания, магические формулы и колдовские заговоры и рассчитанной большей частью на простаков, верящих во всю эту ерунду. В круге света, отбрасываемом лампой, я заметил еще несколько знакомых мне книг: собственно Библию, зачитанную в не меньшей степени, чем собрание магических текстов, томик избранных трудов Коттона Мэзера, а также толстую подшивку старых номеров «Аркхэмской Газеты». В прошлом все это тоже вполне могло принадлежать Науму Уэнтворту.

— Я смотрю, вы интересуетесь его книжками, — сказал старик, словно угадав мою последнюю мысль. — Он как-то раз обмолвился, что я могу взять их себе — вот я и взял. Хорошие книжки, серьезные — отчего, думаю, не попользоваться. Очки только нужны, без очков теперь буквы не вижу. А вы — чего уж там — почитайте, коли охота есть.

Рассеянно его поблагодарив, я напомнил, что речь шла о мистере Уэнтворте.

— Ох, уж этот Наум! — тотчас подхватил старик все с тем же неприятным смешком. — Он уж верно не одолжил бы мне денег, кабы знал, что с ним вскорости приключится. Нет, сэр, он бы так не поступил, это точно. И ведь даже расписки с меня не взял, вообще никакой бумажки. Денег было пять тысяч. Он мне прямо сказал, что ему нет нужды брать какие-то там расписки — это были его собственные слова, — а теперь как докажешь, что я ему должен? Нечем доказать, все делалось с глазу

на глаз; он назначил мне день — ровно через пять лет — когда я должен буду вернуть ему деньги. Эти пять лет прошли, и сегодня — день Уэнтворта.

Он сделал паузу и взглянул на меня с хитрецой; в глазах его явно плясали веселые огоньки, но в темной глубине за ними таился плохо скрываемый страх.

— Однако Наум не сможет прийти, потому что через два месяца после нашего уговора ему на охоте попала в голову пуля. Выстрел в затылок, и — наповал. Чистой воды случайность. Конечно, нашлись и такие, кто начал судачить, будто я это сделал нарочно, но я знал, чем заткнуть их поганые рты — я тогда же отправился в Данвич, прямиком зашел в банк и оформил бумагу на имя мисс Дженни, дочки Уэнтворта, завещав ей свое состояние, ну, то есть, то, что останется после меня. И уж я постарался, чтоб всем это стало известно. Пусть их дальше судачат — теперь им никто не поверит.

— Ну, а как же сам долг? — не удержавшись, спросил я.

— Нынче в полночь кончается срок, — он вновь зашелся дребезжащим смехом. — Не похоже на то, чтобы Наум сдержал свое обещание, а? Я разумею так: если он не придет, то все деньги отныне мои. А прийти он не может, бедняга. Оно и ладно — ведь этих денег сейчас у меня все равно уже нет.

Я не спросил его, как поживает теперь дочка Уэнтворта. Понемногу начала сказываться дневная усталость, особенно измотали меня эти последние несколько часов езды под проливным дождем. Хозяин, должно быть, заметил, что я клюю носом; он замолчал, и мы довольно долго просидели в тишине. Наконец старик вновь подал голос.

— Вид у вас что-то неважный. Устали, небось? — спросил он.

— Да, поездка выдалась не из легких. Но я двинусь дальше, как только на улице поутихнет.

— Тогда вот что. Вам вовсе незачем сидеть здесь и выслушивать мое стариковское брюзжание. Я дам вам другую лампу, можете прилечь на кушетке в соседней комнате. Когда этот дождь, наконец, перестанет, я вас позову.

— Но ведь я займу вашу кровать, мистер Старк.

— Не беда, я вообще ложусь очень поздно, — сказал он.

Не слушая больше моих возражений, он поднялся с кресла, принес еще одну керосиновую лампу, зажег ее, и несколько мгновений спустя мы уже стояли на пороге смежной комнаты. Старик указал мне на приземистую кушетку. Еще раньше, проходя мимо стола, я прихватил по пути «Седьмую Книгу Моисея» — просто так, из любопытства, ибо с давних пор был наслышан о множестве невероятных и таинственных вещей,

якобы скрывающихся под ее обложкой. При этом хозяин дома бросил на меня весьма подозрительный взгляд, но ничего не сказал и возвратился к своему креслу-качалке, оставив меня одного.

Грозовой ливень и шквалистые порывы ветра неутомимо сотрясали стены и крышу дома, внутри которого я с удобством расположился на старомодной, обтянутой кожей кушетке с высоким изголовьем, пристроил поближе тускло горевшую лампу и начал, не торопясь, перелистывать пресловутую «Седьмую Книгу». Содержание последней являло собой причудливую мешанину из заклинаний и невразумительных молитв, обращенных к таким «князьям» потустороннего мира, как Азиль, Мефистофель, Мабуэль, Бабуэль, Аниквэль и прочие им подобные. Здесь имелись заклятия на все случаи жизни: одни должны были исцелять болезни, другие — исполнять желания, иные даровать успех в каком-либо предприятии, а иные — одолеть врагов и отомстить за нанесенную обиду. Я заметил, что на страницах книги неоднократно встречаются предупреждения о необходимости избегать без крайней на то нужды употребления отдельных слов и фраз; возможно, именно эти настойчивые просьбы и побудили меня в конечном счете переписать самое зловещее из попавшихся мне на глаза заклинаний, а именно «Айла Химель Адонаи Амара Зебаот Цадас Йесерайе Харалиус», что должно было означать вызов из царства тьмы бесов и злых духов или же воскрешение мертвецов.

Закончив переписывать эту безумную фразу, я интереса ради прочел ее несколько раз вслух, будучи совершенно уверен в бесполезности всяких магических изречений и колдовских чар. И действительно — ничего не произошло. Я отложил в сторону книгу и посмотрел на часы. Было ровно одиннадцать. Дождь как будто пошел на убыль — звуки его становились все менее яростными, беспорядочное сотрясение крыши постепенно переходило в размеренный барабанный ритм, что предвещало скорое окончание бури. Вместе с ней близился к концу и мой сравнительно недолгий отдых. Я решил погасить чадившую лампу и провести остаток времени в темноте, предварительно оглядевшись и запомнив расположение предметов в комнате, чтобы потом не наткнуться на что-нибудь при выходе.

Однако, несмотря на усталость, я так и не смог расслабиться и подремать хоть полчаса.

Дело здесь было не столько в холодном и жестком ложе, сколько в самой атмосфере дома, необъяснимо гнетущей и мрачной. Казалось, он, как и его хозяин, затаился в обреченном ожидании каких-то грядущих ужасных событий, словно

предчувствуя, как однажды — и, видимо, очень скоро — его источенные временем и непогодами стены подломятся у основания и с глухим шумом рухнут наружу, а крыша в облаке трухлявой пыли тяжело осядет вниз, похоронив под собой жилые комнаты вместе с памятью о многих рождавшихся и умиравших здесь поколениях людей. Подобная атмосфера вообще характерна для старых домов, чей век уже на исходе, но в данном случае к ней примешивалось совершенно особое тревожное напряжение — сродни тому, что заставило Амоса Старка долго колебаться, прежде чем ответить на мой настойчивый стук в дверь. Вскоре я поймал себя на том, что точно так же пытаюсь уловить посторонние звуки в шуме падающего на крышу ливня — сила которого убывала теперь с каждой минутой — и в назойливом писке домашних мышей.

Хозяин мой вел себя неспокойно. Он то и дело вскакивал с кресла и шаркая туфлями, перемещался взад-вперед по комнате; несколько раз он подходил к двери или к окну, проверял надежность запоров и возвращался затем на свое место. Временами до меня долетали обрывки фраз, сказанных им вполголоса — как и все люди, подолгу живущие в одиночестве, старик явно усвоил привычку разговаривать сам с собой. Его бормотанье, и без того очень невнятное, порой падало до едва слышного шепота, но все же по отдельным словам я смог угадать направление его мыслей — Старк, похоже, был занят подсчетом процентов, которые, будь сейчас в этом необходимость, надлежало бы выплатить Науму Уэнтворту сверх основной суммы долга.

— Полтораста долларов за год, — повторял он как заведенный. — Итого за пять лет будет семь с половиной сотен, — старческий голос срывался на очень высокой — не то восхищенной, не то испуганной — ноте. Дальше все начиналось сначала, но вскоре я осознал, что отнюдь не эти его меркантильные переживания явились главной причиной охватившего меня странного беспокойства.

Однако, выделив из его монолога несколько вскользь оброненных замечаний и попробовав их сопоставить, я поневоле насторожился и начал прислушиваться внимательней.

— Я упал, да, упал, — бормотал Старк. Далее следовали одно-два неразборчивых предложения. — Все они были при этом, да. — И вновь долгий маловразумительный пассаж. — А потом убежал, очень быстро...

Тут он разразился целой тирадой, состоявшей из абсолютно бессмысленного набора слов и звуковых сочетаний.

— Откуда я мог знать, что оно целит прямо в Наума, —

почти простонал он в конце. Беднягу, похоже, терзали угрызения совести. Разумеется, мрачная окружающая обстановка не могла не сказаться на состоянии духа почтенного джентльмена, пробудив в нем ряд самых тяжких и горестных воспоминаний. Для меня оставалось загадкой, почему он не последовал примеру прочих былых обитателей этой бесплодной долины и не перебрался в какое-либо из поселений за ее пределами? Он говорил, что живет здесь один — вероятно он был одинок не только в этом доме, но и на всем белом свете, не имея ни родных, ни близких, иначе зачем бы ему завещать все свое состояние дочери какого-то там Наума Уэнтворта?

Его туфли все шаркали по половицам, пальцы нервно перебирали шуршащие листы бумаги.

Издалека донесся жалобный плач козодоя — это был верный признак того, что одна часть горизонта уже очистилась от грозовых туч, — ему пошел вторить другой и скоро многоголосый хор этих птиц наводнил всю округу своими оглушительными стенаниями.

— Ишь как орут, чертовы твари, — услышал я ворчание хозяина. — Кличут грешную душу. Не иначе, Клем Уэйтли отходит.

Шум дождя медленно угасал, покидая долину; одновременно голоса козодоев сливались в нечто вроде тягучей и пространной колыбельной песни; меня начала одолевать дремота и незаметно для себя я погрузился в сон...

Теперь я вплотную подошел к той части своего рассказа, которая при каждом воспоминании об описываемых здесь событиях заставляет меня вновь и вновь сомневаться в объективности моих ощущений, а, следовательно, и в достоверности всего нижеизложенного. С годами я стал все чаще задумываться: а не было ли все это лишь дурным сном, порождением моего расстроенного воображения? Но нет — я уверен, что это случилось со мной наяву; и потом, у меня сохранились вещественные подтверждения моих слов — газетные вырезки, в которых упоминается Амос Старк и его завещание, составленное в пользу мисс Дженни Уэнтворт, а также — что кажется слишком невероятным для простого совпадения — факт чудовищного в своей бессмысленности осквернения старой полузабытой могилы, раскопанной кем-то на склоне одного из холмов, окружающих эту проклятую Богом долину.

...Сон мой был непродолжителен и неглубок. Едва пробудившись, я понял, что дождь прекратился, в то время как крики козодоев переместились ближе к дому и звучали все громче и громче. Некоторые из птиц уселись на землю прямо под окном

моей комнаты, а шаткая крыша веранды была, надо полагать, сплошь усеяна этими беспокойными ночными созданиями. Несомненно, их дикий гвалт и явился толчком к моему пробуждению. Пару минут я приходил в себя, а затем привстал на ложе, готовый тотчас продолжить свой путь — условия для езды были теперь более-менее сносными; во всяком случае я мог не опасаться, что залитый потоками дождя мотор заглохнет.

Но не успел я коснуться ногами дощатого пола, как неожиданный стук потряс входную дверь.

Я замер, не шевелясь и почти не дыша, — такая же мертвая тишина была и в соседней комнате.

Стук повторился, на сей раз еще более настойчиво и даже повелительно.

— Кто там такой? — спросил Старк.

Ответа не последовало.

В комнате Старка произошло какое-то движение — я увидел, как пятно света начало перемещаться, и затем вновь раздался голос хозяина, в котором явственно сквозили торжествующие нотки.

— Полночь прошла! — воскликнул он, по-видимому, глядя на стенные часы. Я машинально сверился со своими ручными и убедился, что его часы спешат на десять минут.

Уверенным шагом он приблизился к двери.

По расположению света я определил, что прежде чем снять свои многочисленные запоры, он поставил лампу на пол. Возможно, потом он намеревался поднять ее над головой, чтобы получше разглядеть ночного гостя, как это было в случае с моим приходом — я лишь предполагаю, не более того. Итак, дверь с шумом распахнулась — не то от рывка изнутри, не то от сильного толчка снаружи.

В ту же секунду жуткий крик пронесся под низкими сводами дома. Трудно сказать, чего в нем было больше — ярости или страха, — но то несомненно был голос Амоса Старка.

— Нет! Нет! Убирайся! — кричал он. — У меня их не слышишь, нет! Убирайся прочь!

Он сделал шаг назад, оступился и упал. Вслед за тем раздался еще один крик — истошный, сдавленный, смертельный крик, потом пошли булькающие горловые звуки, последний вздох и...

Кое-как поднявшись с кушетки, я сделал несколько шагов и привалился плечом к косяку двери, ведущей в смежную комнату. Представшая перед моим взором отвратительная картина тотчас будто приковала меня к месту, лишив возможности двинуть хотя бы кончиком пальца или выдавить из себя малейший звук.

Амос Старк был навзничь распростерт на полу, а на груди его, впившись в горло костяшками пальцев, восседал медленно распадающийся на отдельные кости скелет. В затылочной части голого черепа было ясно видно круглое отверстие, проделанное в свое время пулей. Это было все, что я успел разглядеть в тот ужасный миг — потом я, к счастью, потерял сознание.

Когда через минуту-другую я очнулся, все вокруг было спокойно и тихо. Дом был наполнен свежим запахом мокрой травы и дождя, проникавшим в раскрытую настежь входную дверь; где-то в ночи по-прежнему кричали козодои, и мягкий свет луны разбегался извилистыми дорожками по дождевым лужам на дворе. Комната была освещена керосиновой лампой, но я не увидел хозяина на его привычном месте в кресле-качалке.

Я обнаружил его лежащим на полу неподалеку от входа. Первой моей мыслью было бежать — бежать отсюда как можно скорее, но, на свою беду, я вздумал поступить сообразно своим представлениям о порядочности и нагнулся над Амосом Старком, чтобы удостовериться в бесполезности любой врачебной помощи.

Эта-то задержка и внесла решающий перелом в мое душевное равновесие, вынудив меня уже в следующий миг с диким воплем ринуться напрямик в темноту, прочь из этой дьявольской обители, с таким чувством, будто легионы бесов, поднявшись из адских бездн, гонятся за мной по пятам. Ибо, наклонясь над стариком и сразу убедившись в том, что он мертв, я вдруг заметил на его иссиня-белом горле впившиеся глубоко в плоть фаланги пальцев человеческого скелета и, в то время, как я остолбенело смотрел на них, косточки — каждая в отдельности — зашевелились, оторвались от трупа, быстро пересекли комнату и одна за другой канули в ночь, дабы воссоединиться в останками чудовищного пришельца, в назначенный им самим срок явившегося с того света на встречу со злополучным Амосом Старком!

ЗА ГРАНЬЮ ВРЕМЕН

1

После двадцати двух лет непрестанных ночных кошмаров, после бесчисленных попыток избавиться от диких и невероятных фантазий, ставших со временем частью моей жизни, я не рискну поручиться за полную достоверность описываемых ниже событий, имевших место — если это был все же не сон — в Западной Австралии в ночь с 17 на 18 июля 1935 года. Во всяком случае я еще не потерял надежду на то, что все происшедшее было просто еще одной из множества галлюцинаций, благо поводов для нервного расстройства у меня в те дни хватало с избытком. Но увы, и эта слабая надежда каждый раз угасает, едва соприкоснувшись со страшной реальностью.

Итак, если выяснится, что все случившееся не является плодом моего воображения, человечеству останется лишь воспринять это как предупреждающий знак, поданный нам

таинственными силами Вселенной, и отказаться от непомерных амбиций, осознав ничтожность собственного бытия в кипящем водовороте времени. Ему также следует быть готовым ко встрече с доселе неведомой опасностью, которая, даже не будучи в состоянии охватить целиком всю нашу расу, может обернуться чудовищными и непредсказуемыми последствиями для многих наиболее смелых и любознательных ее представителей.

Последнее обстоятельство и побудило меня выступить с этим сообщением, дабы предостеречь людей от попыток проникнуть в тайну тех древних развалин, которые не так давно стали предметом исследований возглавляемой мной экспедиции.

Я утверждаю, что в ту ночь, находясь в здравом уме и памяти, я столкнулся с явлением, могущим в корне переменить наш взгляд на окружающий мир. Все, что я стремился развенчать как легенду и вымысел, получило, наоборот, ужасающее подтверждение. Я отчасти даже благодарен охватившей меня тогда панике, ибо она стала причиной потери одной вещи, которая, будь она извлечена из той гибельной бездны, явилась бы окончательным и неопровержимым доказательством моей правоты.

Я был единственным, кто все это видел — и до сих пор я никому об этом не рассказывал. Я не мог помешать другим продолжить начатые мною раскопки, но, к счастью, непрестанные бури и движущиеся пески пока еще не позволили им добиться успеха. Мною движет не столько забота о собственном душевном равновесии, сколько желание предупредить тех, кто отнесется ко всему здесь написанному всерьез.

Данный отчет — значительная часть которого на первых порах не сообщит ничего нового людям, следящим за публикациями в прессе, особенно в некоторых научных изданиях — пишется сейчас в каюте корабля, везущего меня домой. По завершении этой работы я передам ее моему сыну Уингейту Пизли, профессору Мискатоникского университета — единственному члену моего семейства, не оставившему меня после того давнего случая с амнезией (44) и лучше других осведомленному о некоторых обстоятельствах моей жизни. Во всяком случае он менее всех прочих будет склонен подвергать сомнению то, что я собираюсь поведать о событиях той роковой ночи.

Я ничего не сказал ему до своего отплытия, почтя за лучшее сделать это в письменной форме. Последовательное изложение на бумаге создаст более полную и убедительную картину происшедшего, чем это мог бы сделать мой бессвязный и взволнованный устный рассказ.

Дальнейшая судьба этих записок будет зависеть только от

моего сына — он волен передать его, сопроводив собственными комментариями, в любые инстанции, какие сочтет наиболее для того подходящими. Что же касается тех возможных читателей, кто не знаком с обстоятельствами, предшествовавшими моему открытию, то специально ради них я предпосылаю сему труду достаточно пространную вводную часть.

Итак, меня зовут Натаниэль Уингейт Пизли; имя мое должно быть известно тем, кто еще помнит газетные истории, наделавшие шуму лет тридцать тому назад, или более поздние — шести-семилетней давности — письма и статьи в специальных журналах по психологии. В печати тогда широко обсуждались подробности странной формы амнезии, в которой я находился с 1908 по 1913 год; распространению всевозможных слухов немало способствовали предания и легенды, связанные с колдовством, магией и разными жуткими проявлениями безумия, по сей день бытующие в окрестностях небольшого старинного городка в штате Массачусетс, который был и остается моим основным местом жительства. Должен сразу оговориться, что ни моя наследственность, ни ранние годы жизни не позволяли предполагать наличие отклонений в умственном развитии или каких-нибудь иных нарушений психики. Этот факт представляется важным, поскольку далее речь пойдет об удивительных явлениях, существующих где-то ВНЕ моего бытия и лишь по прихоти судьбы отбросивших на меня свою зловещую тень.

Может статься, что сам этот столетиями сохранявшийся дух города Аркхэма с его ветхими домами, населенными призраками далекого прошлого, оказался особенно уязвимым для проникновения подобного рода теней — хотя и эта версия кажется мне весьма сомнительной, принимая во внимание характер последовавших за тем событий. Главным здесь является то, что я по своему происхождению и биографии мало чем отличаюсь от большинства местных жителей. Перемена пришла откуда-то извне — откуда именно, я по сей день затрудняюсь описать словами.

Родителями моими были Джонатан и Ганна (Уингейт) Пизли, происходившие родом из двух коренных хаверлийских семей. Я родился и рос в Хаверхилле, в старой усадьбе на Бордмэн-стрит близ Голден-хилла, и не бывал в Аркхэме до тех пор, пока в 1895 году не устроился в Мискатоникский университет на должность преподавателя политической экономии.

С той поры еще в течение тринадцати лет жизнь моя текла спокойно и размеренно. В 1896 году я женился на Алисе Кизар, также родом из Хаверхилла; трое моих детей — Роберт, Уингейт и Ганна появились на свет соответственно в 1898, 1900 и 1903

годах. В 1898 году я стал адъюнкт-профессором (45), а с 1902 года носил уже полное профессорское звание и ни разу за все это время не проявлял интереса ни к оккультизму, ни к психопатологии.

Но вот однажды — это был четверг 14 мая 1908 года — произошел тот самый странный припадок амнезии. Все случилось внезапно, хотя позднее я пришел к выводу, что неясные видения, короткими пробежками возникавшие за несколько часов до того — нечто бессмысленно хаотическое, встревожившее меня в первую очередь своей неординарностью — вполне могли быть расценены как своеобразные предваряющие симптомы. Голова моя буквально раскалывалась, я испытывал такое чувство, будто кто-то со стороны пытается проникнуть в самые глубины моего сознания.

Припадок как таковой начался около десяти часов двадцати минут утра, в тот момент, когда я вел занятия по политической экономии — «история и современные тенденции развития экономических учений» — для младшего курса и нескольких присутствовавших в зале студентов постарше. Вдруг перед моими глазами возникли какие-то странные образы, мне показалось, что я нахожусь не в классной комнате, а в совершенно ином помещении самого необычного, даже абсурдного вида. Мысли и речь помимо моей воли отдалились от обсуждаемого предмета, и студенты тотчас заметили, что здесь творится что-то неладное. Затем я, теряя сознание, тяжело рухнул на стул и погрузился в обморок, из которого меня так и не смогли вывести. В свое нормальное состояние я вернулся через пять лет четыре месяца и тринадцать дней.

Позднее мне рассказали, что со мной тогда происходило. Я почти не подавал признаков жизни в течение шестнадцати с половиной часов, несмотря на все усилия врачей, к тому времени уже перевезших меня в мой дом на Крэйн-стрит, 16. В три часа утра 15 мая мои глаза открылись и я подал голос, но очень скоро врачи и члены моей семьи пришли в сильнейшее смятение оттого, что и как я говорил. Было ясно, что я не представляю себе, кто я такой, и не помню ничего из собственного прошлого, хотя по какой-то причине я, как им показалось, всячески старался скрыть этот пробел в своих знаниях. Взгляд мой, останавливаясь на окружающих, явно их не узнавал, а движения лицевых мышц резко отличались от моей обычной мимики.

Да и сама речь моя была сильно затруднена, скована и вообще казалась речью иностранца. Я испытывал определенные сложности с управлением своими речевыми органами, а моя манера выражаться имела тот неестественно-выспренний оттенок,

какой бывает характерен для людей, долго и основательно изучавших английских язык по книгам и при этом полностью лишенных живого языкового общения. Произношение было каким-то по-варварски чужеродным, а словарь включал в себя как давно уже забытые архаизмы, так и совершенно непостижимые новообразования.

В числе последних было одно выражение, впоследствии — спустя двадцать лет — вспомнившееся самому молодому из врачей при обстоятельствах, глубоко его поразивших. Ибо теперь он услышал это выражение вторично — на сей раз уже как новый термин, получающий все большее распространение сначала в Англии, а затем и в Соединенных Штатах. Несмотря на сложность и безусловную новизну этого термина, он в мельчайших деталях воспроизводил те загадочные слова, что были услышаны доктором в Аркхэме весной 1908 года.

На моем физическом состоянии болезнь практически не отразилась, хотя мне потребовалось довольно много времени для того, чтобы вновь научиться владеть всеми частями тела и выполнять даже самые простые и обыденные операции. По этой и ряду иных причин, связанных с потерей памяти, я еще долго находился под строгим медицинским наблюдением.

Когда я наконец понял, что все мои попытки утаить от окружающих провалы в памяти оказываются тщетными, я открыто признал этот факт и начал с удивительной жадностью заново накапливать всевозможную информацию. Вскоре докторам начало казаться, что, едва убедившись в достаточно спокойном отношении людей к постигшей меня болезни, я совсем перестал интересоваться своим прошлым и собственной личностью вообще. Вместо этого я сосредоточил основные усилия на изучении отдельных вопросов истории, естественных наук, искусства, языка и фольклора — причем если некоторые из них были чрезвычайно трудны для понимания, то другие были совершенно элементарны и известны чуть ли не каждому ребенку, в то же время умудрившись каким-то образом изгладиться из моей памяти.

Но зато, как вскоре выяснилось, я обладал обширными познаниями в областях, недоступных для современной науки — познаниями, которые я не только не стремился проявить, но по возможности тщательно скрывал. Так однажды я имел неосторожность сослаться в разговоре на некоторые исторические факты, относящиеся ко временам гораздо более древним, чем в состоянии были представить себе наши ученые-историки — и тут же поспешил обратить свои слова в шутку, заметив неподдельное изумление на лицах собеседников. Кроме того, я имел

весьма странную привычку рассуждать о будущих событиях как об уже совершившихся, что два или три раза вызвало у людей настоящий испуг.

Понемногу подобные необычные проявления случались все реже, а потом и вовсе прекратились, хотя некоторые наблюдатели были склонны приписать их исчезновение принятым мною мерам предосторожности, а отнюдь не утрате самих этих сверхъестественных знаний. В самом деле, я выказывал поразительную активность в изучении языков, обычаев и перспектив развития окружающей меня цивилизации, напоминая при этом любознательного путешественника, прибывшего сюда из каких-то далеких чужих краев.

Получив соответствующее разрешение, я целыми днями просиживал в библиотеке колледжа, а еще какое-то время спустя предпринял ряд весьма необычных экспедиций, в промежутке между которыми я прослушал специальные курсы лекций в американских и европейских университетах — все это вызывало множество разных толков на протяжении нескольких последующих лет.

В тот период времени мое уникальное заболевание принесло мне определенную известность среди крупнейших светил психологии — известность, которой я как мог пользовался для расширения своих контактов в научных кругах. Неоднократно мне приходилось фигурировать на лекциях в роли экспоната, демонстрируя в своем лице типичный экземпляр повторного формирования личности — при этом я часто ставил лекторов в тупик своими эксцентричными заявлениями и заставлял их подозревать во всем этом тщательно скрываемую издевку.

Мне крайне редко случалось встречать по-настоящему дружелюбный прием. Что-то в моем облике и речи отпугивало людей и пробуждало в них чувство антипатии, словно я являлся существом бесконечно далеким от всего, что они считали здоровым и естественным. Постепенно разговоры о темной и мрачной бездне, заключенной в самой природе моего сознания и связанной с какой-то непреодолимой отчужденностью меня от их мира, переросли в устойчивое и почти единодушное мнение.

Моя собственная семья мало отличалась в этом смысле от всех прочих. С момента моего странного пробуждения жена воспринимала меня с крайним ужасом и неприязнью, утверждая, что будто видит во мне кого-то чужого и абсолютно ей неизвестного, вселившегося в тело ее супруга. В 1910 году она оформила официальный развод и даже позднее, после возвращения меня в нормальное состояние в 1913 году, категорически отказывалось со мной встречаться. Точно так же относились ко мне мой стар-

ший сын и дочь — совсем еще дитя; никого из них с тех пор я не видел.

И лишь мой второй сын Уингейт нашел в себе силы преодолеть страх и отвращение, вызванные случившейся со мной переменой. Он также чувствовал во мне чужака, но, несмотря на свой малый возраст — ему тогда было лишь восемь лет — сохранял надежды на то, что однажды мое настоящее «я» вернется в свою телесную оболочку. Когда это и впрямь произошло, он немедленно меня разыскал и вскоре законным порядком перешел под мою опеку. Все последующие годы он оказывал посильную помощь в моих изысканиях, и сегодня, в возрасте тридцати пяти лет, он носит уже звание профессора в Мискатоникском университете.

Но в период амнезии я ничуть не удивлялся и почти не обращал внимания на страх и ненависть, которые сеял вокруг себя — ибо сознание, голос и выражение лица того существа, что проснулось 15 мая 1908 года, на самом деле не имело ничего общего с Натаниэлем Уингейтом Пизли.

Я не собираюсь рассказывать здесь во всех подробностях о своей жизни с 1908 по 1913 год — желающие могут ознакомиться с ними, просмотрев подшивки старых газет и научных журналов, как поступил позднее и я сам. Скажу лишь, что, будучи признан в целом вменяемым и допущен к пользованию своими денежными средствами, я расходовал их достаточно рачительно, большей частью на путешествия и на занятия в различных центрах науки и культуры. Путешествия мои, однако, никак нельзя было отнести к разряду обычных — как правило, я надолго исчезал в самых отдаленных и пустынных уголках планеты.

Так, в 1909 году я провел месяц в Гималаях, а в 1911 привлек внимание прессы своим походом на верблюдах вглубь неисследованных пустынь Аравийского полуострова. Что происходило во время этих экспедиций — навсегда осталось загадкой, в том числе теперь и для меня самого.

Летом 1912 года я зафрахтовал судно, на котором предпринял плавание в арктические широты на север от Шпицбергена, по возвращении откуда выказывал явные признаки разочарования. В конце того же года я в полном одиночестве провел несколько недель в громадном комплексе известковых пещер в Западной Виргинии, намного превзойдя по продолжительности экспедиции как своих предшественников, так и всех позднейших исследователей. Система этих лабиринтов столь запутана, что проследить мой маршрут в их глубинах не представляется возможным.

Говоря о моих научных занятиях, нельзя не отметить необы-

чайно высокие темпы усвоения информации; судя по всему, интеллектуальные возможности моей второй личности на несколько порядков превосходили мои собственные — те, что были изначально даны мне природой. Скорость чтения и работоспособность были просто феноменальными. Я мог запомнить во всех подробностях содержание книги, лишь бегло перелистав ее страницы, а моя способность мгновенно разгадывать сложнейшие умопостроения и извлекать из них самую суть производила на ученых мужей воистину потрясающий эффект.

Время от времени в газетах появлялись статьи почти скандального характера, в которых утверждалось, будто я могу по своей воле изменять и направлять мысли и действия других людей, хотя я, безусловно, старался не злоупотреблять этим опасным даром.

Другие сообщения подобного рода касались моих близких сношений с представителями различных оккультных обществ, а также учеными, которых не без основания подозревали в связях с некими мистическими сектами, ведущими свое происхождение с древнейших времен. Все эти слухи, не получившие тогда реального подтверждения, в значительной мере провоцировались моим пристрастием к чтению трудов весьма сомнительного содержания — ведь справляясь в библиотеке о редких старинных книгах, практически невозможно сохранить это дело в тайне.

Имеются свидетельства — подкрепленные в свою очередь заметками на полях книг — того, что я очень внимательно изучил такие произведения, как «Cultes des Goules» графа д'Эрлетта, «De Vermis Mysteriis» Людвига Принна, "Unaussprechlichen Kulten" фон Юнцта, уцелевшие фрагменты из загадочной "Книги Эйбона", а также «Necronomicon» безумного араба Абдул Альхазреда. И потом, ни для кого не являлась секретом беспрецедентная активизация всевозможных магических и сатанинских культов как раз в период моего странного превращения.

К лету 1913 года я начал проявлять признаки апатии и не раз намекал на какие-то грядущие перемены в моем состоянии. Я говорил, что во мне начинают пробуждаться воспоминания о прежней жизни — правда, большинство знакомых считали это обычной уловкой, ибо все мои откровения касались лишь тех фактов, которые могли быть позаимствованы из моей частной переписки прошлых лет.

В середине августа я вернулся в Аркхэм и поселился в своем давно уже пустовавшем доме на Крэйн-стрит. Там я установил необычный по внешнему виду прибор, собранный по частям различными фирмами-изготовителями научной аппаратуры в Ев-

ропе и Америке и тщательно охраняемой от взоров специалистов, могущих сделать какие-нибудь догадки о его назначении.

Те, кто видел этот прибор — привезший его рабочий, служанка и новая экономка — в один голос утверждали, что это была ни с чем не сравнимая мешанина из рычагов, колес и зеркал, высотой не более двух футов, шириной и длиной в один фут. Выпуклое центральное зеркало аппарата имело идеально круглую форму. Все эти сведения впоследствии подтвердились изготовителями каждой отдельной детали из числа упомянутых в описании.

Вечером в пятницу 26 сентября я отпустил экономку и прислугу до следующего полудня. Допоздна в доме горел свет, и я находился там не один — соседи видели, как к крыльцу подкатил на автомобиле худой темноволосый мужчина, в котором по каким-то неуловимы приметам безошибочно угадывался иностранец.

Последний раз свет в окнах видели около часу ночи. В два часа пятнадцать минут совершавший обход полицейский заметил, что автомобиль все еще стоит у обочины тротуара; в доме было темно. При повторном обходе около четырех часов автомобиля на месте не оказалось.

В шесть часов утра зазвонил телефон в доме доктора Уилсона и запинающийся голос с сильным иностранным акцентом попросил доктора заехать ко мне домой и вывести меня из состояния глубокого обморока. Это звонок — а он пришел по междугородной линии — был сделан, как впоследствии установила полиция, из телефонной будки на северном вокзале Бостона; что же до странного иноземца, то никаких следов его существования обнаружено не было.

Когда доктор прибыл ко мне домой, он нашел меня полулежащим в мягком кресле посреди гостиной. Я был без сознания. На полированной поверхности стола, придвинутого почти вплотную к креслу, остались царапины и вмятины, указывавшие на то, что здесь прежде стоял какой-то сравнительно крупный и массивный предмет. Необычного аппарата в доме не оказалось и никаких известий о нем с тех пор не поступало. Несомненно, ночной пришелец забрал аппарат с собой.

В камине домашней библиотеке была найдена целая гора еще теплого пепла, очевидно, оставшегося после сожжения всех — до мельчайшего клочка — бумаг, на которых остались мои записи, сделанные с момента наступления амнезии. Мое дыхание внушило доктору Уилсону некоторые опасения, но после подкожной инъекции оно выровнялось и стало спокойней.

В одиннадцать часов пятнадцать минут утра 27 сентября мое

тело начало шевелиться, а на застывшем, как маска, лице стало проглядывать живое выражение. Доктор Уилсон обратил внимание на то, что выражение это больше напоминало мой первоначальный облик, чем облик, характерный для моего «alter ego». Около половины двенадцатого я произнес несколько звуковых сочетаний, мало походивших на человеческую речь. Казалось, я веду борьбу с чем-то внутри себя. Наконец уже после полудня — к тому времени в доме появились отпущенные мной накануне служанка и экономка — я заговорил по-английски:

— ...Среди ортодоксальных экономистов того периода мы можем выделить Джевонса как типичного представителя преобладавшей тогда тенденции к соотнесению казалось бы далеких друг от друга научных понятий. Он, в частности, пытался установить связь между экономическими циклами процветания и депрессии и циклическим образованием и исчезновением пятен на поверхности Солнца, что можно считать своего рода вершиной подобных...

Натаниэль Уингейт Пизли вернулся — нелепый призрак из прошлого, на временной шкале которого все еще значилось майское утро 1908 года, университетская аудитория и ряды студентов-первокурсников, не сводящих глаз с обшарпанного стола на лекторской кафедре.

2

Мое возвращение к нормальной жизни оказалось трудным и болезненным процессом. Потеря пяти лет создает в этом плане гораздо больше проблем, чем это можно себе представить на первый взгляд, а в моем случае имелось еще множество дополнительных сложностей.

Все, что я узнал о своих действиях в период с 1908 года, крайне меня озадачило и огорчило, но я постарался смотреть на эти вещи философски. Поселившись со своим вторым сыном, Уингейтом, в доме на Крэйн-стрит, я попытался возобновить преподавательскую деятельность — моя прежняя профессорская должность была любезно предложена мне руководством колледжа.

Я вышел на работу в феврале 1914 года и продержался несколько семестров, к этому времени окончательно убедившись в том, что последние пять лет не прошли даром для моего здоровья. Хотя мои умственные способности как будто не пострадали — по крайней мере я очень хотел бы на это надеяться — и личность моя восстановилась во всей ее цельности, я не мог сказать того же о своих нервах. Меня часто преследовали неясные

тревожащие сны, порой мне в голову приходили идеи самого странного свойства, а когда начавшаяся мировая война направила мои мысли в историческую плоскость, я вдруг обнаружил, что рассматриваю события прошлого с какой-то совершенно необычной — чтоб не сказать неприемлемой для нормального человека — точки зрения.

Мои представления о *времени* — в частности, моя способность проводить грань между последовательным и одновременным — казались отчасти нарушенными; у меня иногда появлялись химерические идеи о возможности, живя в каком-то конкретном временном промежутке, перемещать при этом свое сознание в пределах вечности с целью непосредственного изучения как прошлых, так и будущих веков.

В связи с продолжающейся войной у меня порой возникало такое чувство, будто я могу вспомнить некоторые из ее весьма отдаленных последствий — словно я уже знал ее итоги и мог смотреть на нее *ретроспективно*, владея информацией о событиях, которым еще только предстояло свершиться. Все эти псевдо-воспоминания сопровождались приступами сильной боли и ощущением искусственного психологического барьера, отделяющего их от остальных участков моей памяти.

Когда я в разговорах с другими пробовал осторожно намекнуть на эти свои впечатления, ответная реакция была самой разной. Иные глядели на меня подозрительно, иные с оттенком сожаления, а некоторые мои знакомые с математического факультета сразу подхватили тему и сообщили мне о новых открытиях в теории относительности, тогда обсуждавшихся в узких научных кругах и лишь позднее получивших широкую известность. Доктор Альберт Эйнштейн, сказали они, скоро уже низведет понятие времени до статуса одного из нескольких обычных измерений, свободное перемещение в пределах которого будет не так уж и невозможно.

Между тем причуды расстроенного воображения захватывали меня все больше, что повлекло за собой мой уход с работы в 1915 году. Некоторые из ощущений начали приобретать раздражающую отчетливость — мне все чаще приходила в голову мысль о том, что моя амнезия была своего рода насильственным обменом, что мое второе «я» было в действительности некой внешней силой, происходившей из далеких и неведомых нам сфер, и что моя собственная личность была подвергнута одновременному встречному перемещению.

Так я постепенно перешел к размышлениям на весьма скользкую и опасную тему, а именно — о местопребывании моей настоящей личности в те годы, когда чья-то чужая воля

распоряжалась моей физической оболочкой. Необычный круг интересов и странное поведение этого «временного владельца» беспокоили меня все сильнее, и я продолжал выискивать все новые и новые подробности в газетах и журналах тех лет, а также в свидетельствах очевидцев.

Оказалось, что многие связанные с этим делом странности каким-то жутким образом сочетались с расплывчатыми и туманными образами, которые иной раз возникали в моем мозгу. Я принялся лихорадочно искать любые зацепки, любые крохи информации о научных занятиях и путешествиях моего зловещего двойника.

Впрочем, отнюдь не все мои тревоги концентрировались вокруг этого полу-абстрактного предмета. Еще одним беспокоившим меня моментом были сны, которые постепенно становились все более живыми и конкретными. Догадываясь о том, как они будут восприняты окружающими, я избегал говорить на эту тему с кем бы то ни было, исключая лишь моего сына и нескольких врачей-психологов, которым вполне доверял. Позднее, однако, я решился провести довольно основательное исследование всех схожих случаев заболевания, дабы выяснить, насколько типичными или, наоборот, нетипичными были подобные видения среди людей, оказавшихся жертвами амнезии.

Результаты этого исследования, подкрепленные авторитетом опытных психологов, историков, антропологов и психиатров и основанные на данных обо всех известных случаях раздвоения личности, начиная с легенд об одержимых дьяволом и кончая современными научно аргументированными фактами, не только не успокоили, но скорее еще больше встревожили и напугали меня.

Как выяснилось, мои сны не имели аналогов среди громадного большинства описанных в разное время случаев амнезии. Удалось, правда, выделить несколько письменных свидетельств, озадачивших меня именно поразительным сходством с моим собственным опытом. Часть из них относилась к древнему фольклору, другие представляли собой истории болезни, обнаруженные в медицинских архивах, было даже два или три анекдота, затерявшихся на страницах общей истории.

Таким образом, моя форма заболевания оказалась невероятно редкой, хотя примеры ее при желании можно было найти в самые разные исторические эпохи. На некоторые столетия приходилось по одному, два, а то и по три таких случая, на другие — вообще ни одного, по крайней мере ни одного документально подтвержденного.

Суть каждого из этих случаев была одна и та же — человек,

обладающий острым и незаурядным умом, в один прекрасный момент вдруг резко меняется и начинает вести образ жизни, в корне отличный от прежнего, что продолжается в течение более или менее значительного отрезка времени. На первых порах перемена эта характеризуется потерей памяти, а также частичной либо полной утратой речевых и двигательных навыков, а затем — невероятно быстрым поглощением знаний в различных областях науки, истории, искусства и антропологии, причем эта бурная активность сочетается с какой-то нечеловеческой способностью к усвоению огромных объемов информации. После этого происходит столь же внезапное возвращение первичного существа, и человеку до конца его дней периодически досаждают неясные потусторонние сны, содержащие обрывки необычных и страшных воспоминаний, тщательно удаленных кем-то из его сознания.

Близкое сходство найденных описаний ночных кошмаров с моими собственными — вплоть до самых, казалось бы, второстепенных деталей — не оставляли сомнений в их безусловной однородности. В одном или двух случаях у меня промелькнуло смутное ощущение знакомства, словно я прежде уже общался с этими людьми по каким-то неведомым космическим каналам, природа которых не поддается логическому осмыслению. Трижды в рассмотренных нами отчетах встречалось упоминание о неизвестном аппарате вроде того, что был доставлен в мой дом накануне обратного превращения.

В ходе расследования я наткнулся на еще одну заинтересовавшую меня подробность — оказывается, в истории были не так уж редки случаи кратких явлений все тех же характерных кошмарных образов людям, никогда не впадавшим в состояние амнезии.

На сей раз это были люди более чем заурядных умственных способностей — иные из них находились на столь примитивном уровне развития, что казалось просто невозможным представить их в роли пусть даже элементарного телесного проводника для чужого разума с его ненасытным стремлением к познанию. На какую-то долю секунды люди эти ощущали на себе обжигающе-пронзительное воздействие внешних сил — затем эта волна откатывалась, оставляя лишь слабое воспоминание о мгновенно открывшихся человеку ужасах вселенской бездны.

За последние полвека было отмечено по меньшей мере три таких случая — последний около пятнадцати лет назад. Не походило ли все это на поиск вслепую, ведомый кем-то очень далеким от нас, кем-то скрывающимся в неизмеримых глубинах времен? Не имели ли мы дела с чудовищными экспериментами,

источник и смысл которых лежали за гранью человеческого понимания?

Таковы были лишь некоторые из вопросов, мучивших меня в те часы, когда моя фантазия особенно распалялась под влиянием сделанных мною открытий и следующих отсюда предположений и домыслов. И все же было бы нелепым отрицать наличие какой-то связи между легендами незапамятной древности и сравнительно недавними проявлениями странной амнезии, жертвы которой — точно так же, как и лечившие их врачи — не имея никакого понятия о других подобных случаях, везде описывали одни и те же индивидуальные симптомы, во всех деталях совпадавшие с моими.

Я по сей день опасаюсь пускаться в рассуждения относительно природы моих снов, становившихся со временем все более навязчивыми. В них все чаще начали проглядывать зловещие признаки безумия, и я порой всерьез тревожился за свое душевное здоровье. Быть может, я имел дело с особого рода заблуждением, характерным для всех вообще людей, переживших временную потерю памяти? Не исключено, что первопричиной этого явились попытки нашего подсознательного существа заполнить образовавшийся вдруг пробел некими порожденными внутри нас самих псевдовоспоминаниями.

Данной точки зрения — хотя мне лично больше нравилась альтернативная теория фольклорных традиций — придерживались многие психиатры, помогавшие мне в поисках идентичных клинических случаев и разделявшие мое изумление по поводу их несомненного сходства с моим собственным. Они не считали это состояние сумасшествием в чистом виде, классифицируя его скорее как одну из форм нервного расстройства. Полностью одобряя мою склонность изучать и анализировать это явление вместо того, чтобы попытаться забыть его или скрыть, они расценивали такие действия как абсолютно нормальные и правильные с точки зрения принципов психологии. С особым интересом я прислушивался к словам тех врачей и ученых, которые обследовали меня еще в период, когда моя физическая оболочка принадлежала другой личности.

Первые признаки моего расстройства не имели характера визуальных образов — это были уже упомянутые мной неясные и абстрактные ощущения. В частности, у меня постепенно развился страх перед самим собой, точнее — перед собственным телом. Я всячески избегал смотреть на него, как будто ожидал увидеть нечто совершенно чужое и непередаваемо отвратительное. Когда я все же решался опустить взгляд и видел свои ноги — обычные человеческие ноги в серых или голубых брюках — я

испытывал огромное облегчение, хотя для того, чтобы совершить сей нехитрый поступок, мне каждый раз приходилось выдерживать нелегкую внутреннюю борьбу. Я старательно отворачивался от попадавшихся на моем пути зеркал и всегда брился только в парикмахерских.

Далеко не сразу я уловил связь между этими явлениями и мимолетными зрительными галлюцинациями, к тому времени также начавшими меня преследовать. Впервые я это понял, когда почувствовал, как некая внешняя сила пытается искусственно отгородить отдельные участки моей памяти.

Эти короткие, как вспышка, галлюцинации, безусловно, имели особый глубинный смысл и непосредственно касались крайне важных для меня вещей, но чье-то постороннее вмешательство не оставляло мне никаких надежд проникнуть в этот смысл и разгадать суть этих вещей. Нечто непонятное творилось и со временем, раз за разом я отчаянно и безуспешно пытался расположить обрывки видений хоть в какой-то хронологической последовательности.

Сами видения были поначалу скорее просто непривычными, нежели наводящими ужас. Мне казалось, что я нахожусь внутри огромного помещения, величественные каменные своды которого едва виднеются в вышине. Монументальность и строгая форма арочных перекрытий чем-то напоминали постройки времен Римской империи. Я разглядел колоссальных размеров полукруглые окна, гигантские двери и множество пьедесталов или столов, каждый высотой с обычную комнату. Длинные полки из темного дерева тянулись вдоль стен и были заняты рядами непомерно больших фолиантов с иероглифическими символами на корешках.

Все видимые участки каменной кладки были покрыты затейливой резьбой — изогнутые линии, пересекаясь и расходясь под всевозможными углами, создавали впечатление математически выверенной композиции и в конечном счете образовывали все те же странные иероглифы. Гранитные блоки чудовищной величины, из которых были сложены стены, имели — судя по линиям стыка — выпуклую верхнюю часть, идеально подогнанную под вогнутую поверхность следующего ряда кладки.

В помещении не было стульев или кресел, но широкие пьедесталы были заняты лежавшими в беспорядке книгами, листами бумаги и тем, что, вероятно, играло роль письменных принадлежностей — фигурными кувшинами из фиолетового металла и стержнями, один конец которых был заострен. Хотя эти огромные тумбы были выше моего роста, я тем не менее временами получал возможность как бы взглядывать на них сверху. На не-

которых из них стояли большие круглые сферы из светящихся кристаллов, служивших здесь вместо ламп, и непонятные механизмы, самыми заметными деталями которых были стекловидные трубки и длинные металлические рычаги.

Окна были застеклены и забраны решетками из толстых прутьев. Я не решился приблизиться к ним и выглянуть наружу, но с того места, где я стоял, были видны верхушки отдельных папоротникообразных растений. Пол был вымощен массивными восьмиугольными плитами, ковры или портьеры при этом отсутствовали.

Позднее мне привиделось, будто я медленно передвигаюсь по циклопическим каменным коридорам, опускаюсь и поднимаюсь наклонными галереями — лестниц нигде не было, так же как не было ни одного прохода шириной менее тридцати футов. Отдельные части зданий, внутри которых я находился, казалось, поднимались в небо на высоту нескольких тысяч футов.

На разных уровнях я встречал множество темных сводчатых склепов и люков с никогда не поднимавшимися крышками, опечатанных металлическими полосами и — это ощущалось сразу — скрывавших внизу что-то таинственное и непередаваемо жуткое.

Я был здесь как будто на положении пленника, и безысходный ужас, казалось, витал надо всем, на что бы я ни направил свой взор. Я чувствовал, что издевательски кривляющиеся иероглифы на стенах несут в себе смертельную опасность, от которой — как это ни странно — одно лишь неведение может меня уберечь.

Далее мне открывались виды за полукруглыми окнами здания и еще более широкая перспектива, обозреваемая с его крыши — огромной плоской крыши с разбитыми на ней садами и высоким зубчатым парапетом — на которую я поднялся по одной из верхних наклонных галерей.

Я увидел бесконечные ряды окруженных садами монументальных строений, протянувшиеся вдоль мощеных улиц, каждая шириною в добрых двести футов. Здания сильно отличались одно от другого по внешнему облику, но редко какое из них не достигало пятисот футов в поперечнике и тысячи футов в высоту. Иные простирались на несколько тысяч футов по фасаду, а иные врезались вершинами в серые пасмурные небеса.

Все это было построено из камня или бетона с использованием того самого изогнутого типа кладки, что был отмечен мною еще в самом начале. Крыши были плоскими, часто с небольшими садами на них и почти всегда с зубчатыми парапетами. Иногда мне попадались на глаза террасы, приподнятые над уровнем

земли открытые площадки и широкие поляны посреди сплошного моря растительности. На дорогах мне порой удавалось заметить некие признаки движения, но в ранних своих снах я еще не мог разобраться в этих деталях.

На определенном расстоянии друг от друга стояли грандиозные темные башни цилиндрической формы, далеко возвышавшиеся над остальными строениями. В отличие от последних, эти башни имели однотипную конструкцию и казались намного более древними — даже при взгляде на них издали возникало ощущение упадка и медленного разрушения. Они были выложены из прямоугольных базальтовых глыб и слегка сужались от земли к закругленным верхушкам. Ни в одной башне не было окон или иных отверстий, кроме огромных дверей внизу. Я разглядел еще несколько зданий поменьше, также несших на себе печать времени и по своему архитектурному типу схожих с цилиндрическими башнями. Вокруг этих угрюмых сооружений как будто концентрировалась атмосфера страха и скрытой угрозы — та же самая, что расползалась от запечатанных люков в нижних этажах дворца.

Разбросанные всюду сады тоже выглядели весьма зловеще — очень уж непривычными были растения, раскачивавшиеся на ветру по сторонам широких аллей. Преобладали, как ни странно, гигантские папоротники — иногда зеленые, а иногда отвратительно бледные, цвета поганки. Местами над зарослями поднимались пальмы с тонкими коленчатыми, как у бамбука, стволами. Были там также росшие пучками подобия цикадовых (46), заросли странных темно-зеленых кустарников и деревья, напоминавшие по виду хвойные.

Цветы — мелкие, бледные и совершенно мне незнакомые — были высажены в клумбах различной конфигурации и во множестве виднелись просто среди травы. На отдельных террасах или в разбитых на крышах садах можно было увидеть более крупные и яркие цветы, отнюдь не радовавшие глаз своими отвратительно-хищными формами — эти, вне всякого сомнения, были плодами искусственной селекции. Невероятной величины и окраски грибы располагались в соответствии с определенной схемой, что выдавало наличие хорошо развитой садоводческой традиции. В больших парках внизу еще можно было заметить стремление сохранить естественный растительных покров, но садики на крышах были ухожены вплоть до фигурной стрижки кустов и деревьев.

Небо почти постоянно было затянуто тучами, временами я становился свидетелем потрясающих грозовых ливней. Изредка появлялось и солнце — оно было куда крупнее обычного — или

луна, на поверхности которой я не смог обнаружить никаких известных мне примет. В одном-двух случаях, когда небо прояснялось, я мог наблюдать созвездия, но почти ничего не узнавал. Даже те немногие, что казались мне знакомыми, были как-то странно искажены и смещены; по их положению на небе я определил, что нахожусь где-то в южном полушарии, в районе тропика Козерога.

Дальний горизонт скрывался в дымке, сквозь которую я различал за пределами города полосу джунглей, состоявших из гигантских папоротников, пальм, лепидодендронов (47) и сигиллярий (48) — все это фантастическое нагромождение крон, стволов и ветвей призрачно колебалось в поднимавшихся от земли потоках испарений. В воздухе над городом чувствовалось перемещение каких-то тел, но пока еще я не мог разглядеть их как следует.

Начиная с осени 1914 года меня начали посещать сны, в которых я как бы совершал медленный полет над городом и его окрестностями. Я видел широкие дороги, уходившие через дремучие заросли к другим расположенным поблизости городам столь же причудливо-мрачной архитектуры. Я видел чудовищные сооружения из черного либо радужного камня на полянах и расчищенных участках леса и длинные дамбы, перерезавшие темное пространство болот.

Однажды подо мной открылось протянувшаяся на много миль равнина, сплошь усеянная руинами базальтовых строений, близких по стилю к тем лишенным окон, закругленным башням, что привлекли мое внимание еще в первом городе.

И только много позднее я в первый раз увидел море — туманное пространство, уходившее в бесконечность за каменными молами одного из гигантских городов и отвлекавшее утомленный взор от этого невероятного скопления дворцов, куполов и арок.

3

Как я уже отмечал, эти видения далеко не сразу начали проявлять свою зловещую природу. Многим людям, случается, снятся и более странные сны — составленные из бессвязных обрывков дневных впечатлений, картин и прочитанных книг, прихотью воображения слитых в одну фантастическую сюжетную форму.

Иной раз я пытался воспринимать свои сны как нечто вполне естественное, хотя никогда ранее не был предрасположен к вещам подобного рода. Часть из этих кажущихся аномальными

явлений — убеждал я себя — в действительности могли иметь массу самых простых и обыденных источников, выследить и раскрыть которые мне не удавалось по каким-то чисто субъективным причинам; другие же могли отражать почерпнутые из книг сведения о растительном мире и прочих деталях жизни планеты в доисторическую эпоху, каких-нибудь сто пятьдесят миллионов лет назад — в Пермский или Триасовый период.

По прошествии нескольких месяцев, однако, чувство страха начало постепенно брать верх над всеми остальными. Сны к тому времени уже приобрели вид непосредственно личных воспоминаний, тогда-то я и попробовал провести связь между ними и абстрактными ощущениями иного рода — наличием некого барьера, блокирующего отдельные участки моей памяти, нарушением временного восприятия, пребыванием в моем теле чуждого мне разума в период между 1908 и 1913 годами, и, наконец, необъяснимым отвращением к своему внешнему облику, которое я так и не смог в себе побороть.

Когда же в мои сны начали проникать отдельные конкретные подробности, постоянно испытываемый мной ужас возрос тысячекратно, и однажды — это случилось в октябре 1915 года — я решил предпринять кое-какие практические шаги. Именно с того дня я приступил к интенсивному изучению всех прошлых случаев амнезии, чувствуя, что мне необходимо найти реальное объяснение всему, что со мной происходит, и вырваться из сжимающих мое сознание тисков.

Однако — как об этом уже говорилось — первые же результаты исследований оказали на меня совершенно противоположное действие. Я был потрясен, узнав, насколько полно дублировались мои сны в ряде аналогичных случаев, особенно если учесть, что многие описания их были сделаны задолго до того, как человечество достигло современного уровня геологических знаний — таким образом была опровергнута моя идея о книжном происхождении представлявшихся мне доисторических ландшафтов.

Вдобавок ко всему, многие отчеты содержали ряд самых неожиданных рассуждений, связанных с картинами огромных дворцов, садов, джунглей и прочих уже знакомых мне по снам вещей. Ладно бы речь шла только о самом зрелище и оставленных им смутных и тяжелых впечатлениях, но отдельные встречавшиеся мне мысли граничили с откровенным безумием или же с откровенным богохульством. Самым страшным было то, что мои собственные псевдовоспоминания приобрели как бы дополнительный импульс, позаимствовав многое из прочитанного. При этом большинство врачей по-прежнему считали продолже-

ние моих поисков наиболее целесообразным и разумным в данной ситуации.

Тогда же я основательно взялся за изучение психологии; Уингейт вскоре последовал моему примеру — именно эти занятия положили начало его научной деятельности и принесли ему впоследствии профессорскую должность. В 1917—1918 годах я прослушал специальный курс лекций в Мискатоникском университете. Мой интерес к вопросам медицины, истории, антропологии с годами не ослабевал; я предпринял серию поездок в отдаленные библиотеки, в конечном счете добравшись до мало кому известных трудов по мистике и черной магии, столь привлекавших некогда моего не в меру любознательного двойника.

Среди прочих мне попались и несколько книг, побывавших когда-то в его — то есть в моих собственных — руках, и я с волнением прочел пометки на полях и даже *поправки*, внесенные прямо в текст странным уродливым почерком и в выражениях, указывающих на несвойственные нормальному человеку стиль и образ мышления.

Пометки делались на том языке, на котором была написана каждая из этих книг — писавший, похоже, знал их одинаково хорошо, хотя это знание явно отдавало академизмом. Но одна из надписей на страницах "Unaussprechlichen Kulten" фон Юнцта резко отличалась от всех прочих. Она была выполнена теми же чернилами, что и пометки на немецком языке, но состояла из причудливых криволинейных иероглифов, не имеющих, насколько я мог судить, ничего общего с любым земным иероглифическим письмом. Зато они полностью соответствовали тому алфавиту, надписи на котором постоянно фигурировали в моих снах — надписи, смысл которых порою начинал смутно доходить до моего сознания, но всегда останавливался, не пересекая последней зыбкой грани между реальной памятью и сновидением.

В окончательное замешательство меня привели работники читального зала, утверждавшие на основании данных предыдущих осмотров книг и записей в картотеке их выдачи, что все указанные пометки могли быть сделаны только мною самим — то есть тем, кто, пользуясь моим обликом и именем, изучал эти тома до меня. Достаточно сказать, что сам я ни в каком виде не владел тремя языками из числа задействованных.

Собрав воедино все имевшиеся у меня материалы, старинные и современные, медицинские и антропологические, я обнаружил гораздо более тесное переплетение древних мифов и описанных позднее галлюцинаций, чем это можно было заключить из первых беглых осмотров. Непонятно, каким образом

вполне правдоподобные описания пейзажей палеозойской или мезозойской эры могли войти составной частью в мифологические сюжеты, создававшиеся во времена, когда возможность получения столь точных научных данных была совершенно исключена. Факты здесь противоречили здравому смыслу и одновременно они же подсказывали первопричину формирования столь схожих между собой галлюцинаций.

Без сомнения, повторявшиеся случаи амнезии постепенно создали некую общую мифологическую модель, которая, разрастаясь, начала со временем оказывать уже обратное влияние на людей, ставших жертвами этой болезни, возвращаясь к ним в виде одних и тех же псевдо-воспоминаний. Лично я в период своего беспамятства прочел и изучил все эти древние сказки — мое позднейшее расследование это полностью подтвердило. Почему тогда не допустить, что мои сны и эмоциональные переживания явились лишь отражением тех знаний, что были получены мной через посредство загадочной второй личности?

Некоторые из упомянутых выше мифов близко соприкасались с другими известными легендами о мире, существовавшем на Земле до появления человека — прежде всего с древнеиндийскими сказаниями, где говорилось о неизмеримых и ошеломляющих безднах времени — теми, что позднее вошли составной частью в современную теософию.

Древние мифы и посещавшие меня галлюцинации были схожи в главном: и те, и другие недвусмысленно намекали на то, что человечество являлось лишь одной из множества высокоразвитых цивилизаций, в разные времена населявших эту планету. Если верить преданиям, существа странного, непередаваемого облика воздвигли башни до небес и проникли во все тайны природы задолго до того, как первый земноводный предшественник человека триста миллионов лет назад выполз на сушу из теплых океанских волн.

Некоторые из хозяев планеты прилетали сюда с далеких звезд — истоки этих цивилизаций порой терялись в глубинах космоса, который сам по себе был их ровесником; другие зарождались в земных условиях, опережая появление первых бактерий нынешнего жизненного цикла в той же степени, в какой сами эти бактерии опережали появление собственно человека. Измерение велось в миллиардах лет и сотнях галактик. Разумеется, здесь не могло быть и речи о времени в его человеческом понимании.

Но большая часть легенд и снов была связана с одной сравнительно поздно появившейся расой, представители которой, внешне резко отличавшиеся от всех известных нашей науке

форм жизни, населяли Землю за сто пятьдесят миллионов лет до человека. Эта раса была величайшей из всех, ибо она одна смогла овладеть секретом времени.

Научившись проецировать свое сознание через миллионы лет в прошлое и будущее, они смогли узнать все, что когда-либо было известно, и все, что еще только будет известно прочим цивилизациям этой планеты за долгое время ее существования. Вмешательством этой расы в жизнь ее предшественников и последователей и объясняются все легенды о прорицателях и ясновидцах, в том числе и те, что вошли в мифологию человечества.

В их громадных библиотеках были собраны тексты и картины, содержавшие весь объем накопленных землянами знаний — начиная с истории развития и физиологии каждой разумной расы и заканчивая полным описанием ее достижений в любых областях жизни, многообразия ее языков и особенностей психологии.

Из этого громадного объема информации Великая Раса выбирала и заимствовала те идеи, творения искусства и технические новшества, которые казались ей подходящими к ее собственных условиям. При этом добывать сведения в прошлом, когда перемещенному сознанию запрещалось вселяться в материальные формы, оказалось намного труднее, чем иметь дело с будущим.

В последнем случае все происходило примерно таким образом: с помощью специальных технических средств личность исследователя проецировалась в будущее и двигалась по экстрасенсорным каналам вплоть до нужного временного отрезка, где после нескольких предварительных проб выбирала более-менее подходящего по уровню интеллекта представителя разумной расы, преобладавшей на планете в данный исторический период. Утвердясь в его мозгу и завладев соответствующим телом, исследователь отправлял замещенное сознание по обратному маршруту и вынуждал последнее обитать в телесной оболочке своего визави вплоть до завершения тем необходимой ознакомительной программы и возвращения каждого из них на свое место.

Спроецированное сознание, принимая физический облик представителя будущей расы, обычно выступало в качестве рядового члена данного общества и старалось в максимально короткий срок собрать всю возможную информацию о его достижениях.

Между тем вытесненное сознание, оказавшееся в чужом времени и чужом теле, находилось под неусыпным наблюдением и охраной. Особо следили за тем, чтобы оно не нанесло вреда

телу — своему временному обиталищу; одновременно из него с помощью особой системы тестов извлекали все, что могло представлять хоть какой-нибудь интерес для исследователей. Часто допрос велся на его родном языке — если соответствующие сведения были получены в ходе предыдущих экспедиций в будущее. Когда существа, принадлежавшие к Великой Расе, оказывались не в состоянии физически воспроизвести язык, на котором изъяснялся тот или иной носитель пришлого сознания, в дело вступали хитроумные машины, игравшие роль переводчика.

Сами эти существа внешне представляли собой огромные складчатые конусы высотой до десяти футов, голова и некоторые другие органы которых помещались на концах толстых эластичных отростков, выходивших из вершины конуса. Мысли свои они выражали посредством щелкающих и скребущих звуков, издаваемых огромными лапами или клешнями, венчавшими два из четырех упомянутых отростков, а передвигались путем расширения и сжатия нижней части конуса, покрытой каким-то особым клейким ферментом.

Когда перенесенная во времени личность истощала свое изумление и законное негодование по поводу происшедшего, и когда — учитывая все физиологические различия — она немного привыкала и приспосабливалась к своему новому облику, ей давали определенную свободу передвижения и возможность знакомиться с окружавшим ее непривычным миром.

С предусмотренными в таких случаях предосторожностями и в обмен на особого рода услуги ей позволялось странствовать по всем обитаемым районам планеты в гигантских воздушных кораблях или в сухопутных аппаратах с атомными двигателями, стремительно проносившихся по широким и гладким трассам; ее также допускали в библиотеки, где хранились все сведения о прошлом и будущем Земли.

Подобное отношение вскоре примиряло пленников со своей участью; обладая живым и гибким умом — не зря же перед захватом их тел производилась своеобразная селекция — они быстро осваивались в новой для них обстановке и, преодолевая периодически приступы ужаса и отчаяния, бросались в головокружительную бездну времени, жадно поглощая сведения о прошлом и будущем — и прежде всего о ближайшем будущем тех рас и эпох, из которых они сами происходили.

Порой отдельным пленникам дозволялось даже встречаться друг с другом и вести разговор как бы через века, тысячелетия и миллионы лет, разделявшие две точки во времени, когда их внешние формы были захвачены бесцеремонными пришельца-

ми. Кроме того, каждый из них был принужден составить на своем родном языке подробный отчет о себе, своей цивилизации и том историческом периоде, в котором он жил; позднее эти документы направлялись в хранилища Центральных Архивов.

Из общего числа плененных сознаний следует выделить группу, пользовавшуюся особыми привилегиями. Это были так называемые "окончательные переселенцы", обитавшие в дряхлых телах тех представителей Великой Расы, которые, чувствуя близость смерти, пожелали предотвратить неизбежное угасание своего разума, перенеся его в будущее и вселившись в чужой, молодой и здоровый организм. Количество этих злосчастных узников было не так уж и велико, ибо долголетие, вообще свойственное Великой Расе, ослабило в ней любовь к жизни — в первую очередь это касалось как раз наиболее ярких и незаурядных умов, которые только и были способны к проецированию. Именно такое переселение сознаний и породило случаи внезапных — и окончательных — изменений личности, примеры которых можно найти в истории человечества.

Что же до обычных исследовательских экспедиций, то, узнав все, что его интересовало в будущем, пришелец создавал проекционный аппарат наподобие того, который переправил сюда его сознание, и осуществлял обратную проекцию. В результате он и его недавняя жертва вновь оказывались каждый в своем собственном теле.

Подобная реставрация была невозможна лишь в одном случае — когда какое-нибудь из двух тел умирало до завершения экспедиции. Тогда сознание исследователя — подобно тем старикам, кто стремился проецированием отдалить свою смерть — оставалось доживать чужой век в далеком будущем, либо же — в ином варианте — его невольный партнер превращался из временного пленника в окончательного и был обречен на существование среди Великой Расы до тех пор, пока не иссякнет жизнь в доставшейся ему телесной оболочке.

Подобная судьба казалась менее ужасной, когда пленник и сам принадлежал к Великой Расе — каковые обмены случались не так уж и редко, ибо они чрезвычайно интересовались будущим собственной цивилизации. В то же время количество окончательно переместившихся представителей Великой Расы было крайне невелико — прежде всего благодаря строжайшему запрету на проецирование престарелых и умирающих особей на своих будущих соплеменников.

Выследив нарушителей запрета с помощью все той же проекции, их подвергали суровому наказанию в их новом облике или же осуществляли насильственный обратный обмен.

Случаи вторжения в прошлое исправлялись с особой тщательностью. Тем не менее в каждый конкретный период истории, начиная с момента изобретения мысленной проекции, в обществе присутствовала очень небольшая, но легко узнаваемая и контролируемая прослойка временных перемещенцев из древних эпох Великой Расы.

Прежде чем возвратить плененное сознание на его место в будущем его подвергали операции выборочного гипноза, блокируя те участки памяти, где содержались сведения о Великой Расе — это делалось во избежание возможных нежелательных последствий неконтролируемого переноса во времени больших объемов информации.

Несколько случаев обратного проецирования без предварительного стирания памяти уже вызвало и еще вызовет в будущем серьезнейшие катастрофы. Два таких случая — как мы можем заключить из мифологических источников — и стали причиной того, что человечество узнало о существовании Великой Расы.

Из всех ее материальных памятников уцелели лишь остатки каменных руин, затерянные в глухих и труднодоступных местах планеты, да еще не поддающиеся расшифровке фрагменты текста из так называемых Пнакотикских Манускриптов.

Итак, возвращенное в свой век сознание сохраняло только ничтожные обрывки воспоминаний обо всем происшедшем с ним после внезапного приступа болезни. Все, что могло быть стерто, было стерто, и чаще всего период пребывания в амнезии оставался в памяти в виде сплошного пробела, лишь иногда тревожимого смутными тенями сновидений. Некоторым удавалось запомнить больше, и случайное соединение уцелевших обрывков воспоминаний могло отчасти прояснить картины прошлого.

Пожалуй, не было в истории такого периода, когда различные тайные секты не пытались бы придать этим воспоминаниям культовое значение. В "Некрономиконе" содержалось упоминание об одном из таких культов, приверженцы которого несколько раз оказывали помощь людям, чье сознание возвращалось из глубин прошлого, из эры Великой Расы.

Эта последняя, сделавшись меж тем почти всеведущей, обратила свой взор к другим обитаемым мирам, исследуя с помощью мысленной проекции их прошлое и будущее. Она попыталась также проникнуть в древние тайны той бесконечно далекой, давно уже мертвой планеты, откуда однажды произошел их собственный разум — ибо разум Великой Расы был гораздо старше ее физической оболочки.

Обитатели того умиравшего мира, овладев всеми возможны-

ми знаниями и секретами Вселенной, принялись спешно подыскивать себе новую планету и новую разумную расу, телесную форму которой они могли бы захватить массовым броском многих сознаний через пространство и время. Такая раса нашлась — это были конусообразные неуклюжие существа, населявшие Землю около миллиарда лет назад.

Таким образом и возникла Великая Раса, а мириады сознаний исконных хозяев Земли в один прекрасный миг вдруг обнаружили себя в ужасном качестве вымирающих жителей далекой и неизвестной планеты. Рано или поздно должно было наступить время, когда нынешняя Великая Раса тоже начнет вырождаться, после чего неизбежно встанет вопрос о новой массовой миграции ее самых выдающихся умов в тела другой расы, имеющей лучшие перспективы физического развития.

Такова была общая картина, составленная мною на основании тесно связанных между собой древних легенд и моих собственный сновидений. Когда же в 1920 году я всерьез занялся их сравнительным анализом, то очень скоро пришел к некоторым утешительным для себя выводам. Оказалось, что, если отбросить все домыслы и фантазии, здесь вполне могло найтись место и для более рационального объяснения. Пребывая в состоянии амнезии, я прочел огромное количество редких старинных книг — в том числе содержавших и описанные выше легенды; я также неоднократно встречался с членами разных тайных обществ и сект. Все это в конечном счете и составило основу сновидений, начавших досаждать мне тотчас по возвращении памяти.

Что касается якобы моих собственных пометок на полях книг, выполненных странными иероглифами и на языках, которыми я до сих пор не владею, то за время своего беспамятства я вполне мог расширить свои лингвистические познания — впоследствии вновь их утратив — а иероглифы просто измыслить, руководствуясь их описаниями в старых легендах, позднее перешедшими и в мои сны. Пытаясь проверить эту версию, я вступил в сношения с некоторыми из предводителей таинственных культовых общин, но не добивался здесь взаимопонимания.

И все же удивительное совпадение клинических случаев, разделенных порой веками и пространствами континентов, продолжало меня беспокоить, хотя, с другой стороны, я отметил, что соответствующая фольклорная традиция имела куда большее распространение в прошлом, чем в наши дни. Вероятно, в прежние времена жертвы подобной формы амнезии были гораздо лучше моего осведомлены обо всех сопутствующих этому преданиях и непроизвольно начинали ассоциировать себя с существами из своих же доморощенных мифов — сказочными чу-

довищами, изгоняющими душу человека из его тела. Руководствуясь этими мотивами, они принимались активно загружать "пришельцев" всеми сведениями, какие по их мнению должны были представлять интерес в фантастическом мире далекого прошлого. Позднее, когда память их восстанавливалась, у них возникал обратный ассоциативный процесс, и они начинали утверждать, будто являются бывшими пленниками, вернувшимися в свое тело, временно побывавшее во власти инородного разума. Отсюда уже брали свое начало сны и псевдовоспоминания, дополнявшие таким образом общую мифологическую модель.

Несмотря на кажущуюся громоздкость и неуклюжесть этой теории, она в конце концов потеснила в моем сознании все остальные — прежде всего в силу неубедительности любого иного истолкования. К тому же данная идея нашла поддержку некоторых видных психологов и антропологов.

Чем больше я размышлял на эту тему, тем более доказательными представлялись мне мои собственные аргументы, так что я постепенно выработал своеобразный иммунитет против назойливых снов и видений. Предположим, я вижу по ночам странные вещи — ну что из того? Это всего лишь отражение услышанного и прочитанного ранее. Предположим, я испытываю необъяснимое отвращение к некоторым вещам, меня мучают предчувствия и тревожат псевдовоспоминания? Ничего особенного — это все лишь отголосок тех мифов, что были восприняты мною в состоянии амнезии. Никакие мои сны, никакие мои абстрактные впечатления не имеют и не могут иметь реального веса.

Вооружившись такой философской концепцией, я сумел вернуть себе душевное спокойствие, несмотря даже на то, что видения появлялись все чаще, с каждым разом дополняясь новыми подробностями. В 1922 году я почувствовал себя способным возвратиться к работе в университете, где я нашел практическое применение своим вновь обретенным знаниям, взявшись читать курс лекций по психологии. К тому времени моя профессорская должность была давно уже занята другим лицом — да и сама методика преподавания политической экономией претерпела в последние годы значительные изменения. Мой сын как раз тогда закончил последний курс колледжа и готовился к научной деятельности, так что мы много и плодотворно работали вместе.

4

Вне зависимости от происходивших со мной перемен я продолжал аккуратно записывать все увиденное в снах, расценивая эти отчеты как важные психологические документы. Сны между

тем становились все более яркими и живыми, и мне порой стоило немалых трудов убедить себя в том, что это была лишь игра воображения, а никак не реальные воспоминания.

В своих записях я изображал эти фантасмагории без каких-либо пояснений, в том виде, в каком они являлись мне из глубин сознания; наяву же я относился к ним так, как вообще следует относиться к иллюзиям. Я никогда ни упоминал об этом в частных беседах, но слухи о моих нелепых и странных дневниках все же просочились в местное общество; кое-кто уже начал поговаривать о наличии у меня опасных умственных отклонений. Справедливости ради должен отметить, что подобные мысли высказывались обычно людьми далекими от науки и не были поддержаны ни одним более-менее известным психологом или психиатром.

Из числа сновидений, посещавшим меня после 1914 года, я упомяну здесь лишь некоторые, поскольку полные отчеты и записи не являются секретом и могут быть предоставлены к услугам всех желающих, стоит лишь обратиться в соответствующий раздел университетской библиотеки. Понемногу сознание мое освобождалось от сжимавших его прежде тисков, и масштабы видений заметно расширились. Но и теперь это были только разрозненные фрагменты без какой-либо ясной мотивировки.

В своих снах я с каждым разом обретал все большую свободу перемещения. Я двигался по залам огромных каменных зданий, переходя из одного в другое широкими подземными коридорами, служившими, судя по всему, основными ходами сообщения. Изредка на самых нижних ярусах мне попадались на глаза все те же опечатанные люки, неизменно вызывавшие во мне чувство растерянности и страха.

Я видел грандиозные, отделанные мозаичной плиткой бассейны и комнаты, полные самых удивительных и невообразимых вещей. Перед моим взором вставали колоссальные подземные цеха, заполненные сложными машинами и приборами, назначение которых мне было неизвестно. Звуковой фон этих цехов начал проникать в мои сны лишь через несколько лет после первого появления их визуальной картины. Надо сказать, что зрение и слух были единственными из моих чувств, находившимися под воздействием галлюцинаций.

Самое ужасное началось в мае 1915 года, когда я впервые увидел живых существ. Это произошло еще до того, как я познакомился с древними мифами и описаниями аналогичных случаев в истории медицины, и потому я был застигнут врасплох.

Еще ранее, по мере ослабевания барьеров, разгораживавших мое сознание, я начал замечать странные сгустки тумана в от-

дельных местах внутри здания или на улицах.Постепенно туманные пятна становились более плотными и определенными, пока однажды я не узрел очертания этих монстров во всех их красе. Передо мной возникли громадные, переливавшиеся радужными цветами конусообразные тела около десяти футов высотой и столь же широкие у основания конуса. Их толстая складчатая кожа была покрыта подобием чешуи, а из верхушек конуса выступали по четыре гибких отростка, каждый толщиною в фут, имевших ту же складчатую структуру, что и сами тела. Отростки эти могли сжиматься до минимума и вытягиваться, достигая десятифутовой длины. Два из них имели на концах нечто вроде огромных клешней, третий оканчивался четырьмя ярко-красными раструбами, а последний нес желтоватый, неправильной формы шар диаметров примерно в два фута, по центральной окружности которого располагались три больших темных глаза.

Эта уродливая голова была увенчана четырьмя длинными стебельками с утолщениями, напоминавшими по виду цветочные бутоны, а из нижней ее части свисали восемь бледно-зеленых усиков или щупалец. Основание конуса было окаймлено серым пружинящим материалом, который, растягиваясь и сокращаясь, передвигал таким образом всю эту громоздкую массу.

Действия этих существ, хотя и совершенно безвредные, напугали меня еще больше, чем их внешний облик — труднее всего было представить столь жутких тварей делающими самые обыденные вещи, характерные, казалось бы, только для человека. Они неторопливо передвигались по залам дворца, брали с полок отдельные книги и переходили с ними к столам или же, наоборот, возвращали книги на свои места, предварительно сделав кое-какие записи особыми стержнями, которые они ловко сжимали бледно-зелеными щупальцами нижней части головы. Массивные конечности-клешни использовались ими при переноске книг и для разговора — речь их состояла из шорохов и пощелкиваний.

У них не было никакой одежды, но имелись своеобразные рюкзаки или ранцы, одеваемые на верхнюю половину конуса. Как правило, они держали голову на одном уровне с вершиной тела, но при желании могли ее опускать или поднимать гораздо выше.

Три других отростка, находясь в бездействии, обычно свисали вдоль тела, вытянутые примерно на пять футов. По той скорости, с какой они прочитывали страницы книг, писали и управлялись со своими машинами — в частности, со стоявшими на столах аппаратами, которые имели какое-то отношение к

мыслительной деятельности — я заключил, что степень развития их интеллекта была неизмеримо выше человеческой.

Позднее я уже видел их повсюду — они сновали по коридорам и громадным залам, обслуживали механизмы в сводчатых подземных цехах и мчались по широким дорогам в тяжелых остроносых машинах. Я довольно скоро перестал их бояться, обнаружив, что они на редкость гармонично — если слово «гармония» здесь вообще применимо — дополняли собой окружающий абсурдный пейзаж.

Понемногу я научился различать их между собой, отметив, что некоторые особи держатся как-то скованно и неуверенно. Не выделясь среди прочих по внешнему виду, они резко отличались своим поведением и самой манерой двигаться — причем отличались не только от основной массы, но и друг от друга.

Эти последние много писали — сквозь дымку сновидений я разглядел, что их страницы были исписаны самыми разными типами знаков, но никогда я не видел выходящими из-под их пера обычные здесь криволинейные иероглифы. Пару раз, как мне показалось, промелькнул даже латинский алфавит. Большинство этих особей работали значительно медленнее, чем основная масса их собратьев.

В то время мое присутствие в снах ограничивалось ролью пассивного бестелесного наблюдателя, свободно перемещавшегося во всех направлениях, не сходя, впрочем, с проторенных дорог и не превышая обычных здесь скоростей передвижения. Однако с августа 1915 года меня начали тревожить первые намеки на мою телесную форму. Я сказал — намеки, потому что в начальной фазе это было чисто абстрактное чувство, какой-то необъяснимый страх, связывающий мои сновидения с теми приступами брезгливости, что я еще прежде испытывал по отношению к своему телу. До той поры в снах я всячески избегал смотреть вниз на самого себя и, помнится, был рад отсутствию зеркал в огромных комнатах призрачного дома. Одновременно меня беспокоил тот факт, что я запросто мог обозревать поверхность каменных столов, каждый из которых был высотой не ниже десяти футов.

Искушение взглянуть на свое тело во сне между тем росло, и настал момент, когда я не смог уже ему противиться. Сперва, посмотрев вниз, я вообще ничего не увидел. Чуть погодя я понял, что причина это заключалась в невероятной длине моей шеи. Втянув голову в плечи, я осторожно повторил свой опыт и на сей раз увидел внизу чешуйчатое, переливающееся всеми цветами радуги конусообразное туловище — мое туловище! Это случилось в ту самую ночь, когда половина Аркхэма была разбу-

жена диким безумным воплем, с которым я вырвался из объятий кошмара.

Понадобилось несколько недель повторяющихся ночных ужасов для того, чтобы хоть как-то приучить меня к своему новому уродливому облику. Во снах я двигался среди множества аналогичных тварей, читал книги, снятые с кажущихся бесконечными полок и часами писал, стоя у монументальных столов и держа стержень в зеленых щупальцах, растущих прямо из моей головы.

Кое-что из прочитанного сохранилось в моей памяти. Это были описания других миров и вселенных, а также той смутной нематериальной жизни, что таится за границами всех вселенных вообще. Были там и повествования о разумных расах, населявших наш мир в незапамятные времена, и потрясающие хроники жизни суперинтеллектуальной цивилизации, которая будет населять его миллионы лет спустя после исчезновения последнего представителя человечества.

Я прочел те главы нашей собственной истории, о существовании которых не подозревает ни один из современных исследователей. Большая часть всего этого была написана на языке иероглифов, который я довольно быстро освоил с помощью специальных учебных машин — грамматические формы здесь образовывались по принципу агглютинации (49) при структуре корневых систем, не имеющей аналогов в нашей лингвистике.

Многие тома были заполнены совершенно другими видами знаков, изученными мной точно таким же образом. Попадались — хотя и редко — книги на знакомых мне языках. Большим подспорьем в моих занятиях были очень толковые картины и рисунки, помещенные как среди текста, так и в отдельных к нему приложениях. Сколько помню, я составлял описание своей жизни и своего времени на английском языке. Из тех книг, что я читал, я по пробуждении мог вспомнить лишь незначительные и бессмысленные обрывки иноязычных фраз, так легко дававшихся мне во сне, но, независимо от этого, сама суть прочитанного нередко оставалась в моей памяти.

Так я узнал — задолго до того, как наяву изучил сходные случаи амнезии и древние мифы, от которых косвенно брали начало все мои сны — что окружавшие меня существа были величайшей в истории расой, подчинившей себе время и рассылающей своих невидимых разведчиков по всем эпохам и всем обитаемым мирам. Я узнал также, что мой разум был перенесен сюда на тот срок, в течение которого чужой разум будет владеть моим телом, и что рядом со мной находилось немало таких же плененных сознаний. Я даже как будто общался — на щелкаю-

щем языке Великой Расы — с другими пленниками из разных областей галактики и, прежде всего, нашей Солнечной Системы.

Там был один разум с планеты, известной нам как Венера, которому суждено будет жить еще в очень и очень далеком будущем, и другой — с одного из спутников Юпитера — живший шесть миллионов лет назад. Из числа земных обитателей мне встречался один, представлявший крылатую звездоголовую полурастительную расу, господствовавшую в Антарктике в эпоху палеогена; трое — от живших на Крайнем Севере покрытых густым мехом предшественников человека, поклонявшихся богу Цатхоггуа; один — от совсем уж чудовищной расы Чо-Чо; трое — от паукообразной цивилизации, населявшей Землю в позднейший период ее существования; пятеро — от тех жесткокрылых тварей, что придут на смену человечеству и станут в свое время объектом массового переноса сознаний Великой Расы, когда та столкнется с угрозой гибели; встречал я и представителей своей собственной расы.

Я общался с сознанием Юанг-Ли, философа, который будет жить около 5000 года н. э. в жестокой империи Цан-Чан; с одним из полководцев большеголовых темнокожих людей, владевших югом Африки за пятьдесят тысячелетий до Христа; с Бартоломео Корци, флорентийским монахом из 12-го столетия; с королем Ломара, правившим своей жуткой полярной страной за сто тысяч лет до сокрушительного нашествия с Запада низкорослых желтых Инутов.

Я беседовал с сознанием Нуг-Зота, колдуна, возглавлявшего черных завоевателей в 16-ом тысячелетии н. э.; с римлянином по имени Тит Цемпроний Блэз, квестором времен Суллы; с Хефнесом, египтянином из эпохи 14-й Династии, поведавшим мне страшную тайну Нарлатхотепа; со жрецом периода расцвета Атлантического царства; с Джеймсом Вудвиллом, джентльменом из Суффолка, свидетелем бурной Кромвелевской эпохи; с придворным астрономом до-инкского Перу; с австралийским физиком Нэвелом Кингстон-Брауном, который умрет в 2518 году; с великим магом страны Ыхе, бесследно исчезнувшей в Тихом океане; с Теодотидом, греко-бактрийским чиновником из 3-го века до н. э.; с пожилым французом Пьером-Дуи Монтенью, современником Людовика XIII; с Кром-Йа, киммерийским вождем, жившим за пятнадцать тысяч лет до н. э. — и еще со многими другими, кого я не берусь уже перечислять.

Каждое утро я просыпался в холодном поту и не раз после того пробовал, опираясь на данные современной науки, решить этот вопрос радикально — либо полностью опровергнуть, либо подтвердить реальную значимость своих снов, но тогда все наши

традиционные понятия о ходе истории предстали бы в совершенно ином, слишком уж фантастическом свете.

Я не мог не содрогнуться при одной только мысли о тайнах, скрывавшихся в нашем прошлом, и об опасностях, подстерегающих нас в будущем. Многое из того, что я узнал от существ, чьи расы придут на смену человечеству, я до сих пор не решаюсь опубликовать.

После исчезновения людей господство на планете перейдет к могущественной цивилизации насекомообразных, в тела которых и переселятся лучшие умы Великой Расы, когда их старший мир окажется на пороге ужасающей катастрофы. Позднее, когда жизненный цикл Земли будет на исходе, они вновь переместятся во времени и пространстве, захватив похожие на луковицы тела растительных существ на Меркурии. Но и после их ухода на Земле еще будут существовать разумные расы — отчаянно цепляясь за остывающую планету и проникая все глубже в земные недра, они продержатся вплоть до ее неизбежного окончательного разрушения...

Между тем в снах я все еще продолжал писать труд о своем времени — отчасти по собственной воле, а отчасти подгоняемый обещаниями расширить доступ к архивам и предоставить свободу передвижения по населенным районам планеты. Главное хранилище знаний, по заказу которого я выполнял эту работу, находилось глубоко под землей в самом центре города. Это грандиозное сооружение намного превосходило по прочности своих конструкций все иные созданные Великой Расой и было рассчитано на то, чтобы пережить любые природные катаклизмы.

Все, что было записано на больших листах плотного и очень крепкого материала, сделанного на основе волокон целлюлозы, переплеталось в книги, которые хранились каждая в отдельном ящике или контейнере из сравнительно легкого нержавеющего металла; на крышке его в обрамлении сложных геометрических узоров помещалось название книги, написанное на языке Великой Расы.

Контейнеры располагались в строгом порядке в особых прямоугольной формы камерах, изготовленных из того же металла, и запирались хитроумной системой поворотов шарообразной дверной ручки. Моей рукописи было выделено свое место среди позвоночных — эта секция предназначалась для человеческой расы, а также для мохнатых гиперборейцев и разумных рептилий, непосредственно предварявших нас в роли хозяев планеты.

Ни разу ни один из снов не дал мне полной картины прожитого от начала и до конца дня. Видения появлялись разорванными фрагментами вне всякой хронологической

последовательности. Например, я имел очень смутное представление об условиях своей жизни в мире снов, хотя я как будто припоминал большую каменную комнату, которая считалась моей собственной. Постепенно все ограничения, наложенные на меня как на пленника, исчезали; в некоторых снах я совершал поездки по дорогам, проложенным сквозь густые джунгли, осматривал странные города и даже пытался обследовать развалины громадных темных сооружений, перед которыми Великая Раса испытывала какой-то необъяснимый страх. Были также длительные плавания на больших многопалубных кораблях, обладавших удивительной быстроходностью, и полеты над дикими необитаемыми районами в закрытых воздушных аппаратах, поднимаемых и движимых силой электромагнитного отталкивания.

На отдаленных берегах широкого теплого океана также находились города Великой Расы, а на одном из континентов я увидел примитивное поселение черноголовых крылатых созданий, которым суждено было владеть планетой после того, как Великая Раса перенесет свои сознания в будущее, спасаясь от какой-то неотвратимой катастрофы. Равнинный характер местности и обилие пышной растительности были преобладающими элементами любого здешнего пейзажа. Холмы, низкие и весьма редкие, обычно выказывали признаки вулканической активности.

Об увиденном мною животном мире я мог бы написать целые тома. Вся фауна пребывала в своем естественном состоянии, поскольку техническая цивилизация Великой Расы давно уже отказалась от домашних животных, а пища ее была либо растительного, либо синтетического происхождения. Неуклюжие массивные чудовища тяжело передвигались по заболоченным джунглям, летали в насыщенном воздухе или плавали в морях и озерах; среди них я узнавал прототипы многих более поздних видов — динозавров, птеродактилей, ихтиозавров, лабиринтодонтов (50), плезиозавров и прочих, известных мне по учебникам палеонтологии. Птиц или млекопитающих я не встречал ни разу.

Поверхность земли и болота кишели змеями, ящерицами и крокодилами, в густых зарослях тучами роились насекомые. Далеко в стороне от морского побережья неизвестные, так и не увиденные мною твари выбрасывали огромные пенистые фонтаны в набухшее низкими тучами небо. Однажды мне довелось опуститься в океанские глубины в гигантской подводной лодке, и я при свете прожекторов наблюдал морских обитателей ужасающих размеров и облика. Я видел также развалины давно зато-

нувших городов и множество представителей самых разных форм подводной жизни — криноидей (51), брахиоподов (52), кораллов и рыбообразных.

Что касается физиологии, психологии, быта, нравов и подробностей исторического развития Великой Расы, то здесь мои сны были крайне скупы на информацию, и многие из упоминающихся ниже фактов были почерпнуты мною скорее из старых легенд и описаний других случаев амнезии, чем из моих собственных сновидений.

Дело в том, что мои исследования со временем нагнали, а по многим направлениям и опередили сновидения, так что нередко какой-нибудь из фрагментов сна еще до своего появления был мне знаком по изучаемым материалам. Это окончательно утвердило меня в мысли, что псевдовоспоминания обязаны своим происхождением как моим нынешним занятиям, так и аналогичному поиску, проведенному много раньше моей второй личностью.

Время действия моих снов отстояло от современной эпохи примерно на 150 000 000 лет, когда палеозойская эра начала сменяться мезозоем. Существа, чьи тела были наделены разумом Великой Расой, не оставили после себя никакой — по крайней мере, никакой известной науке — ветви земной эволюции. Это был обособленный от всех прочих, весьма однородный по своему составу органический тип, совмещавший элементы растительного и животного миров.

Уникальная структура их клеток практически исключала какие-либо проявления усталости и полностью устраняла потребность в сне. Пища, усваиваемая ими через красные раструбы на конце одного из четырех больших отростков, всегда была в полужидком виде и по многим параметрам резко отличалась от пищи других известных нам живых организмов.

Из числа имевшихся у них чувств нам были известны лишь два — зрение и слух, органами последнего были напоминавшие цветочные бутоны выступы на их головах. Кроме того, они обладали многими другими, не доступными для нашего восприятия чувствами — даже находясь в их теле, плененное сознание не могло толком разобраться с этими ощущениями. Расположение их глаз значительно увеличивало круг обзора по сравнению с человеком. Кровь их напоминала по виду густой темно-зеленый гной.

Не различаясь по половому признаку, они воспроизводились через семена или споры, висевшие гроздьями в нижней части их туловища и развивавшиеся только будучи погруженные в воду. Для выращивания молодых особей использовались специальные

неглубокие цистерны. Учитывая большую продолжительность их жизни — обычно четыре-пять тысячелетий — размножение производилось в весьма ограниченных количествах.

Особи, имевшие явные отклонения в развитии, подвергались немедленной ликвидации сразу по обнаружении дефекта. Заболевание или близость смерти распознавались — за отсутствием чувств осязания и физической боли — исключительно по визуальным симптомам.

Мертвые тела сжигались с почестями и в торжественной обстановке. Порой, как я уже отмечал, какой-нибудь из выдающихся умов избегал смерти, проецируя себя в будущее; однако подобные случаи были немногочисленны. Когда же это происходило, то с прибывшим на его место пленником обращались самым лучшим образом вплоть до смерти его новой телесной оболочки, к которой он так и не успевал привыкнуть.

В целом Великая Раса представляла собой единую нацию — свободное объединение или союз — с общими институтами управления; правда, административно они делились еще на четыре особых самоуправляющихся региона. Политическая и экономическая система в каждом из них была некой разновидностью социал-фашизма, с рациональным распределением основных ресурсов и стоявшим у власти Государственным Советом, в выборах которого принимали участие все прошедшие особый образовательный и психологический ценз. Семейной организации как таковой у них не было, хотя родственные связи признавались и родители обычно принимали участие в воспитании своих отпрысков.

Сходство с человеческим складом психики и общественными установлениями можно было заметить прежде всего в тех областях, где дело касалось либо чисто абстрактных понятий, либо же наоборот, вещей сугубо материальных, характерных для всех вообще форм органической жизни. Еще одним — хотя и не очень существенным — источником сходства было сознательное заимствование, ибо Великая Раса, исследуя будущее, копировала все, что казалось ей полезным и применимым к условиям ее бытия.

Автоматизированная промышленность не требовала к себе большого внимания со стороны граждан, оставляя им много свободного времени для занятий на интеллектуальном и эстетическом поприщах. Наука у них достигла небывалого уровня развития, искусство превратилось в необходимый элемент жизни, хотя в тот период, к которому относились мои сновидения, оно уже прошло свой зенит. Технический прогресс стимулировался постоянной борьбой за выживание и необходимостью под-

держивать функционирование хозяйства огромных городов в условиях повышенной геологической активности.

Преступления были крайне редки; не последнюю роль в этом играла исключительно эффективная полицейская служба. Виды наказаний варьировались от лишения привилегий и заключения в тюрьму до смертной казни или полной эмоциональной ломки сознания, и никогда не применялись без предварительного тщательного расследования всех мотивов преступления.

Войны, в последние несколько миллионов лет бывшие в основном гражданскими, порой велись и против внешних врагов — неимоверно расплодившихся рептилий, агрессивных восьминогих пришельцев или против крылатых звездоголовых существ Старой Расы, все еще обитавших в Антарктике. Случаясь не так уж часто, войны, однако, имели очень тяжелые и разрушительные последствия. Огромная армия, оснащенная мощным электрическим оружием, постоянно держалась в боевой готовности на тот особый случай, о котором они не любили упоминать и который был явно связан со страхом, испытываемым ими вблизи руин черных, лишенных окон зданий и опечатанных люков на самых нижних подземных ярусах их городов.

О причинах этого страха не говорилось вслух — разве что украдкой, этаким квази-шепотом. Любые более-менее конкретные упоминания о базальтовых руинах и таинственных люках были изъяты из общедоступных книг. Это, похоже, была единственная закрытая для обсуждения тема, непосредственно связанная с какой-то жестокой борьбой в прошлом и ужасной трагедией, ожидавшей Великую Расу в будущем — трагедией, которая однажды вынудит ее спешно перебросить лучшую часть своих сознаний на много миллионов лет вперед.

Расплывчатые и фрагментарные — как и вообще все сведения, полученные мною из снов и легенд — касательства до этого вопроса очень мало его проясняли. В древних мифах он явно был обойден стороной — не исключено, что все соответствующие ссылки были позднее попросту удалены. Мои сны, а равно и описания других видений, содержали лишь слабые туманные намеки, поскольку сами представители Великой Расы никогда не обращались в разговорах к данной теме, и таким образом единственным источником информации были другие, более наблюдательные и догадливые особи из числа пленных сознаний.

Согласно этим отрывочным сведениям, причиной всех страхов являлась некая древнейшая раса отчасти напоминавших полипы (53) существ, прибывших из далекой чужой Вселенной и владевших Землей и тремя другими планетами Солнечной Системы около шестисот миллионов лет назад. Их нельзя было на-

звать полностью материальными — в нашем понимании материи; по типу своего сознания и способам восприятия они разительно отличались от любого из земных организмов. Например, у них не было такой категории, как зрение — существующий в их сознании мир являл собой странную, невизуальную систему образов. Они, однако, были материальны в достаточной степени для того, чтобы пускать в ход вполне вещественные средства в тех областях космоса, где эти средства имелись в наличии; кроме того, они нуждались в постоянном жилище, пусть даже и несколько своеобразного характера. Хотя чувства их могли проникать сквозь любые физические преграды, материальные элементы их существа были на это не способны; уничтожить их можно было только воздействием некоторых видов электрической энергии. Несмотря на отсутствие крыльев и иных специальных приспособлений, они могли свободно перемещаться по воздуху. Особая структура сознания этих тварей исключала возможность проецирования на них разума Великой Расы.

Появление их на Земле сопровождалось строительством городов, почти сплошь состоявших из мощных базальтовых башен безо всяких намеков на окна, и безжалостным истреблением всех попадавшихся на их пути живых созданий. Такова была ситуация на тот момент, когда массовый разум Великой Расы перенесся сюда через бесчисленное множество галактик из своего мрачного темного мира, известного — если верить далеко не бесспорным Эльтдонским Таблицам — под названием Йит.

Новые пришельцы довольно быстро изобрели средство борьбы со свирепыми существами, прежде безнаказанно терроризировавшими обитателей планеты, и сумели загнать их в глубь Земли, где те еще раньше создали обширные системы искусственных пещер и ходов, являвшихся частью их жилого пространства. Затем все выходы из подземного мира были наглухо закрыты и опечатаны, а Великая Раса завладела исполинскими городами своих предшественников, сохранив в неприкосновенности некоторые из древних базальтовых сооружений — основой для такого решения послужил скорее странный суеверный ужас, нежели нарочитое равнодушие либо научный или исторических интерес.

Прошло много миллионов лет до той поры, когда вновь начали появляться зловещие признаки усиления и возрастания численности существ, скрывавшихся в подземных глубинах. Время от времени случались внезапные нападения, страшные и отвратительные следы которых не оставляли сомнений в их авторстве. Обычно это происходило в небольших уединенных поселениях Великой Расы или в развалинах оставшихся заброшенными

древних городов — то есть в местах, где выходы из-под земли не были надежно перекрыты или не охранялись.

После этого был принят ряд дополнительных мер, в частности, были замурованы почти все выходы, за исключением нескольких люков, сохраненных в стратегических целях и находившихся под контролем специальных воинских частей.

Последствия упомянутых вылазок на поверхность оказались гораздо более серьезными, чем можно было ожидать, ибо они наложили отпечаток на психологию Великой Расы в целом. Этим и объясняется тот откровенный страх, с которым они встречали любое упоминание о таинственных созданиях, внешний облик которых так и остался для меня загадкой. Ходили неясные слухи о их чудовищной пластичности, об умении временно становиться невидимыми, кое-кто приписывал им способность вызывать и направлять движение ураганов. Первым признаком их появления считались странные свистящие звуки, а в тех местах, где они побывали, позднее нередко находили внушительных размеров отпечатки ног с пятью круглыми пальцами по периметру.

Ни для кого не являлось секретом, что ужасная катастрофа, ожидавшая в будущем их цивилизацию — та самая катастрофа, что однажды вынудит их лучшие умы искать спасения за гранью времен в новых, чужих им телесных формах — будет самым прямым образом связана с последним и на сей раз успешным выходом на поверхность древнейшей расы.

Мысленные проекции в будущее позволили предвидеть неизбежную трагедию, и Государственный Совет постановил, что все граждане, способные к переносу своего сознания, должны будут воспользоваться этой возможностью. У всех остальных шансов спастись не было — они знали, что это нападение явится скорее актом мести, нежели попыткой вновь завладеть верхним миром, ибо исследования позднейшей истории выявили множество возникавших и исчезавших цивилизаций, которые вообще ни разу за весь период своего существования не приходили в столкновение с тварями из подземного мира. Возможно, эта зловещая раса в конце концов предпочла глубокие земные недра переменчивой и неспокойной поверхности, тем более что свет как таковой не имел для нее никакого значения. Возможно также, силы их с течением времени убывали. По крайней мере, удалось установить, что подземные обитатели окончательно вымрут еще до наступления эры постчеловеческой насекомообразной цивилизации, которой суждено будет стать объектом массового вторжения уцелевших сознаний.

Пока же Великая Раса сохраняла бдительность, постоянно

держа наготове оружие и всячески избегая затрагивать страшную тему в своих разговорах и записях. И все это время тень ужаса и обреченности лежала на запечатанных подземных люках и мрачных слепых башнях, возвышавшихся здесь и там среди оживленных пока еще городов.

5

Таким был этот мир, каждую ночь являвшийся мне в беспокойных мучительных снах. Я не берусь в точности передать на бумаге все неуловимо тревожные ощущения, порождаемые моей псевдопамятью.

Как я уже отмечал, основательное изучение данного предмета помогло найти ему рациональное психологическое объяснение, выработав нечто вроде иммунитета, который с течением времени еще более укрепился за счет такого немаловажного фактора, как сила привычки. Хотя это средство не могло полностью уберечь меня от изредка повторявшихся приступов страха, в целом после 1922 года я чувствовал себя значительно лучше, вел нормальный образ жизни, много работал, не забывая при этом следить за своим здоровьем.

Спустя еще несколько лет я пришел к убеждению, что мой опыт — включая сюда также описания сходных случаев болезни и соответствующие детали фольклора — должен быть обобщен и опубликован, что может оказаться неплохим подспорьем для студентов, всерьез интересующихся психологией. Тотчас взявшись за дело, я подготовил серию статей, в которых достаточно сжато передал суть своей теории, приложив к этому ряд собственноручных набросков пейзажей, живых существ, декоративных мотивов и иероглифов, сделанных мною на основании всего увиденного в снах.

Статьи эти печатались на протяжении 1928-1929 годов в нескольких номерах "Журнала Американского Психологического Общества", но не привлекли к себе особенно большого внимания. Я же все эти годы продолжал записывать содержание своих снов, несмотря на то, что растущая кипа дневников начала уже причинять мне определенные неудобства.

10 июля 1934 года я получил письмо, которое мне переслали из Психологического Общества и которое положило начало кульминационной фазе всей этой безумной истории. На конверте стоял штемпель «Пилбарра, Западная Австралия», а подпись под обратным адресом принадлежала — я специально навел справки — горному инженеру, пользовавшемуся в своих кругах весьма неплохой репутацией. Кроме собственно письма в кон-

верте оказалось несколько фотографий — все это вкупе произвело на меня ошеломляющее впечатление, о котором читатель может хотя бы приблизительно догадаться, ознакомившись с прилагаемым ниже текстом.

Сперва я, сказать по правде, отнесся к этому с известной долей скептицизма, ибо, даже и предполагая, что в основе некоторых древних легенд могут лежать вполне реальные факты, я все же не был готов ко встрече с осязаемыми свидетельствами существования этого мира, порожденного, казалось бы, моим больным воображением. Сильнее всего на меня подействовали фотографии, подлинность которых не вызывала ни малейших сомнений — я увидел лежащие среди песков огромные, наполовину уже разрушившиеся под влиянием ветров, воды и солнца каменные блоки с характерным изгибом верхней плоскости и соответствующей по форме выемкой в ее нижней части.

Разглядывая снимки через увеличительное стекло, я среди множества трещин и выбоин обнаружил следы хорошо мне знакомых рисунков и иероглифов — тех самых, что почти каждую ночь появлялись в моих сновидениях!

Но вот письмо, пусть оно говорит само за себя:

49 Дампир-стрит,
. Пулбарра, Зап. Австралия
18 мая 1934 года

«30 Е. 41-я стрит
Нью-Йорк, США
В Американское Психологическое Общество
для передачи
профессору Н. У. Пизли

Уважаемый сэр,

Недавний разговор в Перте с доктором Е.М.Бойли и несколько журналов с вашими статьями, которые он мне только что переслал, навели меня на мысль обратиться к вам с этим письмом. Речь пойдет об одной интересной находке в Большой Песчаной Пустыне (54) к востоку от наших золотоносных месторождений. Находка эта, как мне кажется, имеет определенное отношение к изложенным вами оригинальным легендам о древних каменных городах, стены которых украшались особыми геометрическими узорами и иероглифическими письменами.

Среди местных туземцев издавна ходили разговоры о «больших камнях с рисунками», вызывавших у них суеверный страх. Они обычно связывали эти камни со своими традиционными ми-

фами о Буддайе, гигантском старике, который вот уже много веков спит, положив голову на руку, глубоко под землей, но однажды обязательно проснется и проглотит весь этот мир вместе с его обитателями.

Мне также приходилось слышать старые полузабытые сказки об огромных подземных домах из камня, где коридоры все время спускаются вниз, и где с людьми происходят страшные и непонятные вещи. Туземцы рассказывают, что когда-то давно несколько воинов, спасаясь бегством от врагов, проникли внутрь одного из таких домов, но никто из них не возвратился обратно, а из-под земли вскоре начали дуть страшные ветры, не подпускающие людей к тому месту. Впрочем, я никогда особенно не прислушивался к словам этих примитивных дикарей.

Но сейчас разговор о другом. Два года назад, проводя изыскания в пятистах милях к востоку от разрабатываемых ныне месторождений, я наткнулся среди пустыни на остатки какого-то древнего строения, сложенного из каменных блоков, каждый размеров примерно 3x2x2 фута.

Сперва я не нашел на них рисунков, о которых говорили туземцы, но, приглядевшись, вскоре смог различить на фоне отметин, оставленных временем и непогодой, линии явно искусственного происхождения, складывавшиеся в оригинальный узор. Всего я насчитал над поверхностью песка более тридцати таких блоков, расположенных в пределах круга диаметром около четверти мили.

Я внимательно обследовал близлежащую местность и определил координаты этой точки с помощью своих инструментов. Я также сфотографировал десять или двенадцать блоков, сохранившихся лучше других, каковые снимки и прилагаю к своему письму.

Сообщение о моем открытии тогда же было направлено властям в Перте, но там оно никого не заинтересовано.

Некоторое время спустя я познакомился с доктором Бойли и как-то раз во время беседы упомянул о странных камнях. Доктор был знаком с вашими статьями в «Журнале Американского Психологического Общества» и пришел в чрезвычайно волнение, увидев сделанные мною снимки. Он сказал, что стиль каменной кладки и узоры на ней очень напоминают описания ваших снов и приведенные вами отрывки из древних легенд.

Он собирался связаться с вами лично, но некоторые обстоятельства этому помешали. Однако он не забыл переслать мне большую часть журналов с вашими статьями, в которых я нашел изображения уже знакомых мне архитектурных деталей. В этом сходстве вы можете убедиться сами, стоит лишь взглянуть на

снимки. Дальнейшие пояснения вы получите непосредственно от доктора Бойли.

Я прекрасно понимаю, какое огромное значение имеет для вас это открытие. Несомненно одно — мы встретились со следами неизвестной цивилизации, намного более древней, чем все доселе известные, и, вероятно, послужившей прообразом для изучаемых вами старинных легенд.

Как горный инженер я обладаю кое-какими познаниями в области геологии, но в данном случае могу лишь утверждать, что возраст этих каменных блоков является воистину пугающим. Они вытесаны в основном из гранита либо песчаника, хотя по крайней мере один из них изготовлен из какой-то разновидности цемента или бетона.

Над камнями основательно потрудились не только ветер и солнце, но и вода — тому есть очевидные свидетельства. Отсюда можно заключить, что опускание на дно океана и повторное поднятие настоящего участка суши происходило уже *после* того, как были воздвигнуты эти стены. Сотни тысяч, миллионы лет — я боюсь даже думать о сроках.

Учитывая проделанную вами огромную работу по исследованию древних легенд и всех связанных с ними необычайных обстоятельств, я не сомневаюсь в том, что вы пожелаете лично возглавить экспедицию в пустыню для проведения археологических раскопок. Мы с доктором Бойли готовы участвовать в этой экспедиции, если вы — либо какая-нибудь известная вам организация — обеспечите ее финансирование.

Я могу найти с десяток человек для земляных работ — от туземцев здесь проку не будет, ибо они категорически отказываются даже приближаться к развалинам, испытывая перед ними какой-то маниакальный страх. Ни Бойли, ни я никому больше не сообщали об этом деле, справедливо полагая, что первенство и честь открытия должны принадлежать именно вам.

Добраться туда из Пилбарры можно за четыре дня на вездеходе — этот вид транспорта нам будет необходим. Место это лежит юго-западнее известного маршрута, проложенного в 1873 году Варбуртоном, и примерно в ста милях на юго-восток от Джоанна-Спринг. Часть пути удобнее проделать пароходом вверх по реке Де-Грей вместо того, чтобы стартовать из Пилбарры — впрочем, все эти варианты могут быть рассмотрены позднее.

По моим расчетам каменные руины находятся в точке с координатами 22 градуса 3 минуты 14 секунд южной широты и 125 градусов 0 минут 39 секунд восточной долготы. Климат там резко тропический, а условия пустыни крайне неблагоприятны для жизни.

Надеюсь на скорое получение ответа и готов способствовать осуществлению любого предложенного вами плана действий. После знакомства с вашими статьями я полностью осознаю исключительную важность этого открытия. Несколько позже вы получите письмо и от доктора Бойли. Если потребуется наладить более оперативное сообщение, можно будет заменить телеграфную связь через Перт прямой радиосвязью.

В ожидании скорейшего ответа,

С совершенным почтением

Роберт Б.Ф.Маккензи.»

Ближайшие последствия получения этого письма нашли достаточное отражение в прессе. Мискатоникский университет охотно пошел мне навстречу в вопросах финансирования экспедиции, а мистер Маккензи и доктор Бойли показали себя людьми незаменимыми на ее австралийском этапе. В своих заявлениях и интервью мы старательно обходили некоторые подробности, имевшие отношение к цели нашего предприятия, прекрасно сознавая, как много лишних помех могут создать нам падкие до сенсаций бульварные писаки. В результате этих усилий вся попавшая в газеты информация носила вполне нейтральный характер — сообщалось лишь о намерении отыскать какие-то руины в пустынях Австралии, а также о ходе подготовки экспедиции.

Среди прочих меня вызвались сопровождать мои коллеги — профессор Уильям Даер, возглавлявший Мискатоникскую Антарктическую экспедицию в 1930-31 годах, Фердинанд С.Эшли с кафедры античной истории и Тайлер М.Фриборн с кафедры антропологии — а также мой сын Уингейт.

Роберт Маккензи приехал в Аркхэм в начале 1935 года и принял участие в подготовительных работах. Это был человек лет пятидесяти, весьма приятный в обхождении, прекрасно образованный и — что самое главное — имеющий большой опыт путешествий в австралийских пустынях. Он сообщил, что в Пилабарре нас уже ждут несколько вездеходов; кроме того, имелась договоренность о фрахте небольшого речного парохода. Мы располагали всеми необходимыми средствами и инструментами для проведения археологических раскопок в соответствии с требованиями современной науки.

28 марта 1935 года экспедиция покинула Бостон на борту старого, страдавшего хронической одышкой парохода «Лексингтон». Впереди нас ожидало долгое плавание через Атлантику и Средиземное море, затем через Суэцкий канал и Красное море в

Индийский океан. Едва показавшись на горизонте, низкий песчаный берег Западной Австралии поверг меня в состояние мрачной депрессии, которая только усилилась при виде окруженного отвалами пустой породы пыльного шахтерского городка, где мы сделали последнюю остановку перед броском в глубь пустыни.

Встретивший нас доктор Бойли оказался немолодым уже человеком и очень интересным собеседником — я и мой сын нередко вступали с ним в продолжительные дискуссии по разным проблемам психологии, чрезвычайно его занимавшим.

Со смешанным чувством тревожного беспокойства и надежды наш отряд, состоявший из 18 человек, продвигался все дальше на запад по уже совершенно безлюдной местности. В пятницу 31 мая мы переехали вброд один из притоков реки Де-Грей; впереди, сколько хватало глаз, лежал голый — только песок и скалы — угрюмый пейзаж. Все это время я безуспешно пытался подавить в себе страх, нараставший по мере приближения к цели нашего путешествия и усугублявшийся снами и псевдовоспоминаниями, которые с каждой ночью заметно набирали силу.

Впервые мы увидели один из каменных блоков в понедельник 3 июня. Не могу передать то ощущение, с каким я прикоснулся — в реальной действительности — к огромному куску гранита, во всех деталях схожему с элементами циклопических стен, столько раз являвшихся мне в сновидениях. На камне явно проступали следы резных украшений — руки мои дрожали, дотрагиваясь до этих линий, в которых я безошибочно узнавал криволинейные иероглифы, вернувшиеся в мой мир со страниц древних мифов и из многолетних ночных кошмаров.

После месяца раскопок мы выявили уже 1250 блоков, находившихся в различных стадиях разрушения. Большинство из них представляли собой монолиты с одним и тем же типичным изгибом верхней и нижней плоскостей. Реже попадались небольшие плоские плиты квадратной или восьмиугольной формы — вроде тех, что покрывали полы и мощеные улицы в моих снах — или другие, особенно массивные, дугообразные искривления которых позволяло предположить в них детали арочных сводов здания или огромных полукруглых окон.

Чем глубже и дальше на северо-восток продвигались раскопки, тем больше мы находили блоков, но при этом не могли обнаружить хоть какую-нибудь систему в их расположении. Профессор Даер был в совершенной растерянности и не решался уже заводить разговор о возможном возрасте этих руин, а Фриборну удалось найти следы некой символики, отдаленно напоминавшей мотивы древнейших папуасских и полинезийских

легенд. Судя по состоянию блоков и их разбросанности, здесь поработ ло не только время, но и разрушительные силы природы — в том числе грандиозные тектонические катаклизмы.

Мы имели в своем распоряжении аэроплан, и мой сын Уингейт нередко совершал полеты на разной высоте, пытаясь разглядеть на поверхности песчаной пустыни очертания других разрушенных строений — характерные по форме возвышенности или следы отдельно лежащих блоков. Попытки эти в конечном счете были безрезультатными; иной раз ему казалось, что он заметил нечто существенное, но уже следующий полет полностью менял всю картину — сказывалось постоянное движение песков.

Одно или два из этих его эфемерных открытий произвели на меня странное и неприятное действие. Его описания неких линий и смутных контуров напомнили мне что-то прежде прочитанное или увиденное во сне, но что именно — я так и не смог угадать. Я чувствовал близость страшной разгадки — и, занимаясь своими делами, время от времени украдкой бросал взгляд в сторону уходившей за горизонт бесплодной равнины.

Первая неделя июля принесла множество самых разных эмоций, связанных с дальнейшим продвижением раскопок в северо-восточном направлении. В первую очередь это был страх, но было и любопытство — самым же удивительным был неоднократно повторявшийся эффект узнавания.

Пытаясь отделаться от этих назойливых ощущений, я испробовал все известные мне психологические приемы и средства, но не добился ни малейшего успеха. Меня часто мучила бессонница, которой, впрочем, я был только рад, ибо она укорачивала периоды ставших уже невыносимыми сновидений. Я приобрел привычку совершать по ночам длительные прогулки в пустыне — обычно на север или северо-восток, куда меня, казалось, влекли какие-то таинственные силы.

Нередко во время этих прогулок я натыкался на выступающие из земли фрагменты древней кладки. Хотя лежащие на поверхности блоки встречались здесь гораздо реже, чем в месте начала раскопок, я был уверен, что внизу мы найдем их в большом количестве. Здешний ландшафт был не таким ровным, как в районе нашего лагеря, и почти непрерывно дувшие ветры то и дело вносили в него свои изменения, воздвигая или снося песчаные холмы, обнажая одни и скрывая другие обломки каменных зданий.

Сам не знаю почему, я особенно настаивал на переносе раскопок в это место, одновременно втайне опасаясь того,

что могло быть здесь обнаружено. Состояние моей нервной системы стремительно ухудшалось, но страшнее всего было то, что я никак не мог выяснить настоящую причину такой перемены.

В этом смысле весьма показательной была моя реакция на одну из случайных находок. Произошло это 11 июля, в ясную лунную ночь, когда холодный серебристый свет разливался по гребням песчаных дюн, начисто лишая пейзаж его реального облика. Зайдя в этот раз несколько дальше обычного и собираясь уже поворачивать к лагерю, я заметил впереди огромный камень, явно отличавшийся от всех обнаруженными нами прежде. Руками отгребя с него песок, я нагнулся и внимательно осмотрел находку, добавил к лунной иллюминации свет своего карманного фонаря.

В отличие от других блоков этот имел четкую прямоугольную форму без всяких впадин и выпуклостей и был гораздо темнее цветом. На ощупь он больше напоминал базальт, нежели гранит, песчаник или бетон, до сей поры выступавшие в качестве местного строительного материала.

И вот тут я, словно повинуясь какому-то инстинкту, внезапно поднялся с колен, повернулся и что было сил бросился бежать в сторону лагеря. Это был совершенно бессознательный порыв и, лишь остановившись перед входом в свою палатку, я понял причину столь панического бегства. Необычный темный камень являлся частью того, что я не раз видел в снах и на что порой осторожно намекали самые древние из известных мне мифов. Этот блок некогда лежал в стене одного из базальтовых сооружений, наводивших невыразимый ужас на мифическую Великую Расу — одной из тех высоких слепых башен, которые были оставлены полуматериальными чудовищными тварями, ушедшими в глубь земли, но способными в любой момент прорваться наружу невидимым всесокрушающим ветром.

Я не спал до самого утра и лишь с наступлением рассвета осознал всю нелепость случившегося. Стоило ли так пугаться, обнаружив материальное подтверждение своей собственной теории, опиравшейся на древние легенды и сказания. На моем месте всякий другой исследователь был бы, наоборот, воодушевлен и охвачен энтузиазмом.

За завтраком я рассказал остальным о своей находке, после чего в сопровождении Даера, Фриборна, Бойли и Уингейта отправился на то самое место. Здесь, однако, нас ожидало разочарование. Ночной ветер полностью изменил рельеф песчаных холмов, сделав повторные поиски камня практически бесполезными.

6

Постепенно я приближаюсь к самой трудной части своего повествования — трудной еще и потому, что я не могу целиком поручиться за реальность изложенных в ней фактов. Временами мне кажется, что все это не было галлюцинацией; но тогда происшедшее со мной приобретает воистину грандиозное значение для всего человечества — именно таким настроениям я и обязан тем, что пишу сейчас этот отчет.

Мой сын — профессиональный психолог, прекрасно осведомленный обо всех связанных с этим делом обстоятельствах — доложен быть первым, кто прочтет и даст оценку моему труду.

Для начала я намерен обрисовать чисто внешнюю сторону происшедшего — так, как она представлялась людям, все это время находившимся в лагере:

В ночь с 17 на 18 июля я лег раньше обычного, но не смог заснуть. Поднявшись около одиннадцати часов, я выбрался из палатки и, как бывало уже не раз, автоматически зашагал в северо-восточном направлении. По выходе из лагеря мне попался навстречу один из наших рабочих, австралиец по имени Таппер. Мы молча кивнули друг другу и разошлись каждый в свою сторону.

Небо было чистым от горизонта до горизонта, ущербный месяц разливал по пескам свой зловещий мертвенно-белый свет. Было на удивление тихо — ни одного дуновения ветра не замечалось и после, на протяжении пяти с лишним часов, что подтвердили Таппер и другие не спавшие еще члены экспедиции, которые видели в лунном свете мою фигуру, быстро удалявшуюся на северо-восток по голой песчаной равнине.

В половине четвертого утра яростный порыв ветра обрушился на лагерь, разбудив людей, сорвав и завалив три палатки. Небо по-прежнему было ясным; светила луна. При осмотре палаток обнаружилось мое отсутствие, но, зная о моей привычке прогуливаться по ночам, никто особенно не встревожился. Только трое из наших людей — все трое австралийцы — почувствовали нечто странное и зловещее в окружающей атмосфере.

Маккензи объяснил профессору Фриборну, что страх этот передался людям от рассказов туземцев — последние нередко распространялись о злых ветрах, в ясную погоду проносящихся порой над этими районами пустыни. Ветры, по их словам, вылетали из огромных каменных домов глубоко под землей, где творились невероятные и ужасные вещи.

Около четырех часов буря прекратилась столь же внезапно, как и началась, оставив после себя измененный до неузнаваемости ландшафт.

В шестом часу, когда потускневшая луна склонилась к западному горизонту, я наконец появился в лагере — без шляпы и фонаря, в изодранной и грязной одежде. Большинство людей уже вернулись на свои койки, лишь профессор Даер с трубкой в зубах сидел перед входом в палатку. Увидев меня задыхающимся, оборванным, с почти безумным выражением лица, он позвал доктора Бойли и они вдвоем уложили меня в постель. Вскоре к ним присоединился и мой сын, разбуженный всей этой возней; они дружно принялись уговаривать меня успокоиться и попытаться заснуть.

Но спать я не мог. Мое психологическое состояние было совершенно необычным — никогда прежде я не испытывал ничего подобного. В конце концов я потребовал, чтобы меня выслушали, и начал сбивчиво и путано описывать все со мной происшедшее.

Я сказал им, что во время прогулки я почувствовал усталость, прилег на песок и незаметно для себя задремал. Тут мне и приснился самый ужасный сон из всех мною виденных за эти годы. Когда же я был разбужен стремительно налетевшим бешеным порывом ветра, мои натянутые до предела нервы не выдержали. Я в панике пустился бежать наугад, не разбирая дороги, запинаясь, падая и разрывая одежду о выступы полузасыпанных песком каменных блоков, в результате чего и приобрел столь плачевный вид. Должно быть, я проспал довольно долго, судя по тому, что сейчас было уже утро.

Я не вдавался в подробности относительно мною увиденного — будь то наяву или во сне — и был крайне сдержан, когда речь заходила на эту тему. Однако я заявил о необходимости изменить план дальнейших работ и настаивал на том, чтобы не продолжать раскопки в северо-восточном направлении.

Аргументация моя была не очень-то убедительной — я ссылался на постепенное уменьшение числа блоков, на нежелание раздражать и пугать суеверных рабочих, на возможное сокращение поступающих из колледжа средств и на другие столь же нелепые и не относящиеся к делу вещи. Как и следовало ожидать, никто не воспринял всерьез мои слова — даже мой сын, который был заметно обеспокоен состоянием моего здоровья.

Весь следующий день я провел в лагере или его окрестностях, ни разу не приблизившись к месту проведения раскопок. Я решил как можно скорее возвратиться домой, поскольку не мог больше поручиться за свои нервы, и взял с Уингейта обещание перевезти меня самолетом в Перт — около тысячи миль на юго-запад отсюда — сразу же после завершения им воздушной разведки того участка пустыни, где я накануне провел ночь.

Я рассуждал следующим образом: если ему удастся обнаружить какие-либо признаки того, что я видел ночью, я — невзирая на риск быть осмеянным — категорически воспротивлюсь продолжению раскопок. В этом случае на моей стороне наверняка окажутся рабочие, и без того уже напуганные зловещими предсказаниями туземцев. Поддавшись на мои уговоры, сын вскоре после обеда совершил облет указанного района, не найдя там абсолютно ничего интересного.

Вновь повторилась та же история, что и с базальтовым блоком — движение песков начисто скрыло все следы. В тот момент я даже пожалел, что утерял во время бегства одно вещественное доказательство — сейчас я благословляю эту потерю, позволившую мне надеяться на иллюзорность моих ночных впечатлений. Дай Бог, чтобы эта дьявольская бездна никогда и ни перед кем больше не открылась.

Уингейт доставил меня в Перт 20 июля, отказавшись, однако, свернуть экспедицию и возвратиться в Америку вместе со мной. Он пробыл в городе до 25-го, дождавшись отплытия моего парохода. Сейчас, сидя в каюте «Императрицы», я снова и снова обдумываю случившееся и каждый раз прихожу к выводу, что по крайней мере он, мой сын, должен знать все. Последующая судьба этих записок будет зависеть только от него.

В то же время в расчете на возможного постороннего читателя, незнакомого с предысторией описываемых событий, я начал свое повествование издалека и вот только теперь подхожу к рассказу о том, что я увидел за несколько страшных часов, проведенных в ту ночь за пределами лагеря.

Влекомый, казалось, какой-то неумолимой силой, я шел прямо на северо-восток по залитой лунным светом пустыне. То и дело мне попадались на глаза торчавшие из песка обломки монументальных сооружений — свидетели неизмеримо далеких времен и канувших в вечность цивилизаций. Один лишь вид этих чудовищных глыб действовал на меня угнетающе; я постоянно возвращался мыслями к своим снам, к дремучим легендам, служившим им первоосновой, и к навязчивым страхам, которые порождала эта пустыня в умах суеверных туземцев и даже многих местных жителей из числа европейцев.

Я шел, не отклоняясь от взятого направления, как будто имел впереди обозначенную кем-то цель; дикие фантазии, неясные побуждения и обрывки псевдовоспоминаний кружились в моей голове сплошным хороводом. Я думал о странно знакомых мне очертаниях, увиденных однажды моим сыном с воздуха — я как-будто нащупал дверцу в глухой стене, перегораживавшей

мою память, но чужая, неведомая сила препятствовала моему проникновению в запретную область.

Ночь была тиха и неподвижна, мертвенно-бледные валы песка плавно опускались и поднимались передо мной, как застывшие волны моря. Я продолжал двигаться строго по прямой, а между тем призраки снов, возникая из глубины моего сознания, выстраивали разбросанные по пустыне обломки в ровные гладкие стены; бесконечные комнаты и галереи гигантских доисторических зданий проходили перед моим затуманенным взором, резные символы и иероглифы пытались мне что-то сказать на забытом языке Великой Расы.

Моментами мне казалось, что я вижу огромные конические фигуры, деловито перемещающиеся по просторным каменным залам, и тогда я не решался опустить глаза на свое, быть может, такое же безобразное тело. Одновременно я не переставал видеть бескрайнюю равнину, усеянную останками древних монолитов; свет луны сливался со светом круглых кристаллических ламп, а над пейзажем пустыни раскачивались ветви древовидных папоротников — сон и явь причудливо переплетались друг с другом.

Я не знаю, как долго я шел и насколько удалился от лагеря к той минуте, когда впервые заметил множество массивных блоков, обнаженных, вероятно, сильным дневным ветром. Это было самое крупное из всех прежде найденных нами скоплений монолитов — один лишь вид его мгновенно рассеял смыкавшийся вокруг меня мир фантастических снов.

Я вновь находился среди ночной пустыни, свет луны отбрасывал резкую тень от раскинувшихся передо мной развалин. Я подошел ближе и осветил фонарем груду блоков и более мелких фрагментов кладки, имевшую в плане форму неправильного круга диаметром около сорока футов и высотой от двух до восьми футов.

Я сразу почувствовал, что эти камни чем-то отличаются от прочих своих собратьев. Дело было не только в их беспрецедентном количестве, но и в характере узоров, обнаруженных мной на их поверхностях. Ни один из этих блоков в отдельности не представлял собой ничего особо замечательного, но пробежав взглядом по всему уцелевшему ряду кладки, я уловил какой-то слабый проблеск, какой-то импульс, пришедший из дальних областей моей памяти.

Да, вот оно — уцелевший ряд кладки. Впервые я столкнулся с монолитами, находящимися в их изначальной позиции, и смог убедиться в том, что элементы декоративного оформления каждого из них являлись не чем-то вполне автономным, а все в совокупности служили единому замыслу своих создателей.

Выбрав подходящее место, я вскарабкался наверх, по ходу дела очищая от песка отдельные блоки и мучительно пытаясь вникнуть в содержание начертанных на них линий и контуров, различных по форме, размерам и стилю исполнения.

В конечном счете у меня начала возникать сложная подсознательная параллель между этими руинами с остатками своеобразных иероглифических обозначений и некоторыми из моих снов.

Я отчетливо представлял себе высоченный — до 30-ти футов — и столь же широкий — коридор, вымощенный восьмиугольными плитами и накрытый мощным арочным сводом. По правую сторону коридора располагался ряд комнат, а в конце его одна из наклонных галерей плавными кругами спускалась на нижние уровни.

Меня поразил характер информации, содержавшейся в этих видениях — он далеко выходил за рамки того, что могли мне поведать реально существующие камни. Как я узнал, что этот коридор находится где-то здесь глубоко под землей? Как я узнал, что позади меня должна быть уходящая вверх наклонная галерея? И, наконец, как я узнал, что подземный переход к Большой Колоннаде начинается в левом конце коридора, лежащего на один уровень выше моего?

Откуда я мог получить представление о том, что машинный зал и туннель, ведущий к Центральным Архивам, расположены двумя уровнями ниже? Каким образом я мог догадаться о наличии запечатанных металлическими полосами люков на самом нижнем подвальном этаже? Столь грубое вторжение мира моих снов в реальную действительность повергло меня в настоящий шок, я обливался холодным потом и никак не мог унять нервную дрожь.

В следующий миг я уловил слабое дуновение холодного воздуха, струившегося вверх из небольшого углубления в центральной части руин. И вновь мои видения рассеялись, как туман, оставив меня наедине с пустыней, зловещим светом луны и мертвыми камнями вокруг. Теперь я столкнулся со вполне реальным и осязаемым явлением; этот поток воздуха мог означать только одно — внизу под землей находилось какое-то значительное полое пространство.

Тотчас же мне вспомнились рассказы туземцев об огромных таинственных домах, скрытых глубоко в недрах земли, где рождаются свирепые ветры, несущие гибель всему живому. Затем я почувствовал, как в мое сознание снова начинают проникать образы из моих прошлых снов. Что за место лежало внизу подо мной? Не был ли это и впрямь тот самый источник, из которого

некогда возникли древние мифы о Великой Расе, а позднее и мои псевдовоспоминания?

Сомнения мои были недолгими, ибо не только любознательность и научное рвение, но и что-то еще, какая-то чуждая воля подталкивала меня вперед, заставляла двигаться почти автоматически, преодолевая возраставший с каждой минутой страх. Засунув в карман фонарь, я с силами, каких до сей поры в себе и не подозревал, приподнял и отодвинул в сторону огромный камень, а затем другой — навстречу сильнее потянуло влажным воздухом, резко отличным от сухой атмосферы пустыни. Когда я убрал последний обломок, который мог быть сдвинут с места, открылась темная расселина, достаточно широкая для того, чтобы в нее мог пролезть человек.

Я включил фонарь и, направив его луч в глубь отверстия, увидел беспорядочное нагромождение камней, уходившее вниз под углом примерно в 45 градусов. Между ним и уровнем земли казалось обширное пустое пространство, ограниченное сверху полукруглым сводчатым потолком. В это было трудно поверить, но под песками пустыни сохранилась часть грандиозного каменного строения, каким-то чудом пережившего длинную цепь геологических катастроф, сотрясавших нашу планету на протяжении многих сотен и даже тысяч веков.

Сейчас, оглядываясь назад, я не могу назвать свои тогдашние действия иначе, как безрассудными и безумными. В самом деле, какой здравомыслящий человек решился бы на спуск в неведомую подземную бездну, не приняв хотя бы минимальных мер предосторожности — а ведь в то время никто из членов экспедиции не знал ни о сделанном мною открытии, ни о моем местонахождении вообще. Вновь, в который уж раз я чувствовал себя лишь послушным орудием, направляемым волей судьбы и не имеющим права на собственный выбор.

Протиснувшись в отверстие, я начал спускаться вниз; изредка — дабы не расходовать зря батареи — я включал фонарь и в зависимости от характера очередного участка склона двигался лицом вперед, или же пятился на четвереньках, нащупывая ногой опору. Слева и справа в луче фонаря я на довольно значительном удалении видел сложенные из мощных блоков стены. Впереди луч не встречал никакой преграды, растворяясь в черной пустоте.

Не могу сказать точно, сколько времени занял мой спуск — все представления о реальных вещах отступили куда-то на задний план под натиском фантастических образов и невозможных, казалось бы, ассоциаций. Физические ощущения напрочь отсутствовали, а ставшее уже привычным чувство страха пре-

вратилось в некое подобие застывшей уродливой маски, безучастно взирающей на меня откуда-то извне.

Но вот наконец я достиг уровня пола, загроможденного отвалившимися фрагментами каменной кладки и покрытого слоем песка и всевозможных мелких осколков. По обе стороны — на расстоянии 30-ти футов друг от друга — поднимались внушительные стены, высоко над головой завершавшиеся сводчатым потолком. По всей длине стен тянулись ряды иероглифов, значение и смысл которых я был не в силах постичь.

Особенно меня впечатлил каменный свод этого помещения. Верхняя его часть оказалась недосягаемой для света карманного фонаря, но я смог разглядеть основание монументальных арочных перекрытий, потрясших меня своим абсолютным сходством с некоторыми деталями моих снов.

Вверху за моей спиной слабое пятно лунного света обозначало далекий выход наружу. Я мельком отметил про себя, что мне не следует упускать это пятно из виду, дабы не заблудиться потом при возвращении. Медленно и осторожно я продвигался вперед, придерживаясь левой стены — путь по горизонтальному коридору оказался не менее трудным, чем предшествовавший ему спуск. В одном месте я сдвинул в сторону несколько крупных глыб и отгреб ногой каменную крошку, чтобы взглянуть на покрытие пола. Здесь я нашел то, что в сущности и ожидал — пол был вымощен плотно подогнанными друг к другу тяжелыми восьмиугольными плитами.

Отступив на несколько шагов от стены, я внимательно осмотрел ее при свете фонаря. Поверхность песчаника носила явные признаки многолетнего воздействия воды, которая, однако, не смогла полностью уничтожить резные узоры и надписи. Местами кладка была сильно повреждена и расшатана, поневоле наведя меня на мысль о тех немногих уже веках, что смогут застать это древнее сооружение в его первозданном виде.

Но более всего меня тревожили иероглифы. Несмотря на разрушительную работу времени и стихий, надписи при близком рассмотрении были достаточно различимы и полностью, вплоть до мельчайших деталей, совпадали с теми, что я видел в снах. Все прочие совпадения, касавшиеся архитектурных элементов, при их безусловной неординарности все же не выходили за рамки вероятного. Произведя сильное впечатление на наших далеких предков, эти руины вполне могли найти отражение и в их мифологии, впоследствии ставшей предметом моих исследований в период амнезии и породившей всю эту длинную цепь гипнотических воспоминаний.

Но как объяснить совершенное сходство каждой линии, каж-

дого ее изгиба и завитка, высеченного на стенах подземного здания с соответствующими изображениями из вот уже многие годы преследовавших меня снов? Возможно ли вообще столь полное слияние реальности и мысленных представлений о ней, полученных самым косвенным образом?

А здесь не могло быть и речи о какой-либо приблизительности. Без всяких сомнений, этот построенный миллионы лет назад коридор был подлинником того, что являлся мне сотни ночей подряд и который я знал не хуже, чем свой собственный дом на Крэйн-стрит в Аркхэме. Правда, в моих снах отсутствовали все имевшиеся здесь следы разрушений, но в данном случае это было не столь уж существенно.

Важнее всего было то, что я узнал место, где я находился. Знакомо мне было и расположение самого этого дома среди прочих ему подобных в городе моих сновидений. Внезапно я понял, что могу без труда отыскать любое нужное мне помещение как непосредственно здесь, так и в любом другой части погребенного под землей мегаполиса — при условии, разумеется, их теперешней сохранности. Что, в конце концов, это все могло означать? Какая страшная реальность могла еще скрываться за фасадом старинных легенд о существах, некогда населявших эти доисторические лабиринты?

Слова не в состоянии передать весь жуткий сумбур, творившийся в моей голове. Я знал это место. Я знал, что находится глубоко внизу, и что находилось на верхних этажах огромной башни до того, как она обрушилась, рассеяв свои обломки по земле, которая целую вечность спустя станет частью Большой Песчаной Пустыни. Не без внутреннего содрогания я понял, что теперь не было нужды оглядываться на бледное пятнышко лунного света — заблудиться здесь я не мог.

Я стоял в нерешительности; чувство самосохранения подсказывало — беги! — но лихорадочное любопытство и какая-то странная обреченность толкали меня вперед. Что произошло с этим гигантским городом за миллионы лет, разделившие время моих снов и мое настоящее бытие? Уцелела ли сеть подземных ходов, связывавших между собой все эти громадные дворцы и башни? Что еще могло уцелеть от того невозможно далекого мира Великой Расы? Найду ли я вновь тот дом, где меня некогда обучали письму, или ту башню, на стенах которой С-гг-ха, пленный разум из числа хищных звездоголовых хозяев Антарктики, вырезал свои ни на что не похожие письмена? Не завалилась ли наклонная галерея, ведущая в Зал Пленных Сознаний двумя уровнями ниже этого? Я вспомнил одного из пленников — полупластического обитателя внутренних полостей неизвестной

нам планеты, лежащей за орбитой Плутона, которому суждено будет жить еще через 18 миллионов лет — он хранил в этом зале свое творение — что-то вроде скульптурной композиции, вылепленной из большого куска сырой глины.

Я закрыл глаза и сжал руками голову в тщетной попытке изгнать прочь эти безумные обрывки сновидений. Только сейчас я впервые по-настоящему ощутил влажность и холод струившегося навстречу мне воздуха — там внизу должны были находиться обширные пустые пространства, порождавшие этот воздушный поток.

Воссоздав в памяти череду комнат, переходов и галерей, я подумал и о Центральных Архивах. Интересно, были ли свободен проложенный к ним коридор? Перед моим мысленным взором потянулись ряды прямоугольных ячеек из нержавеющего металла, каждая из которых содержала контейнер с оригинальной рукописью. Там, если верить снам и легендам, хранилась история разумной жизни огромного пространства космоса от момента ее зарождения вплоть до будущего конца, записанная пленниками из всех времен и цивилизаций нашей планетной системы. Безумные мысли, согласен — но я был безумен в той самой мере, в какой был безумен и весь окружавший меня подземный мир.

Я вспомнил расположение своей личной ячейки на нижнем уровне в секции земных позвоночных. Сколько раз приходилось мне открывать ее после серии нажимов и поворотов круглой металлической ручки! Окажись сейчас здесь эта дверь, я с легкостью мог бы воспроизвести весь замысловатый порядок движений! Это было, похоже, началом полного помешательства. В следующую секунду я уже мчался, спотыкаясь и перепрыгивая через препятствия, по хорошо знакомой дороге в сторону галереи, спускавшейся в глубь земли.

7

Начиная с этого момента достоверность моих впечатлений становится проблематичной — сам я очень хотел бы считать это все лишь диким безумным бредом. Находясь в лихорадочном возбуждении, я воспринимал происходящее как сквозь туман, временами совсем застилавший мне взор. Луч моего фонаря метался в темноте, то и дело выхватывая из нее куски стен со странно знакомыми иероглифами. В одном месте часть свода была обрушена и мне преградила путь огромная гора камней, перебираясь через которую я почти достиг потолка, покрытого тяжелыми наростами сталактитов.

Ночной кошмар, достигший, казалось, своего апогея, усугублялся особенно яркими вспышками псевдовоспоминаний. Одно только было совсем непривычно — мой собственный рост в сравнении с гигантскими размерами помещений. Я постоянно ощущал себя как бы уменьшенным, человеческие размеры никак не согласовывались в моем сознании с окружающей обстановкой. Вновь и вновь я взглядывал на свое тело, каждый раз при этом испытывая нечто похожее на удивление.

Так продвигался я все дальше по бесконечному коридору, прыгая, спотыкаясь, нередко падая — и однажды едва не разбив свой фонарь. Каждый угол, каждый арочный вход пробуждал во мне какое-либо ответное воспоминание.

Некоторые из комнат были полностью разрушены, иные же, наоборот, сохранились почти в неприкосновенности. Изредка я попадал в помещения, заполненные массивными металлическими тумбами, в которых я сразу узнал многократно снившиеся мне столы — лишь некоторые из них уцелели, большинство же было разбито, смято и искорежено какой-то воистину чудовищной силой.

Наконец я добрался до наклонной галереи и начал спуск, но вскоре остановился перед зияющим провалом шириной не менее четырех футов — здесь рухнувшее перекрытие пробило пол коридора насквозь, открыв бездонную черную пропасть. Я вспомнил, что подо мной должны были находиться еще два уровня, на последнем из которых тяжелые, запечатанные металлическими полосами люки перекрывали выходы из смертоносных глубин Земли. На сей раз у люков не могло быть вооруженной охраны, ибо те твари, что обитали внизу, давным-давно совершили свой акт возмездия и за миллионы прошедших с той поры лет постепенно ослабли, деградировали, а, может быть, уже и вымерли. Во всяком случае к эпохе следующей за людьми насекомообразной расы они вымрут наверняка. Рассуждая сам с собой таким образом, я вспомнил рассказы местных туземцев и тут же поспешил отвлечься от внезапно пришедшей в голову зловещей аналогии.

Преодолеть провал в полу оказалось не так уж легко, поскольку нагромождения камней препятствовали разбегу — но безумие было сильнее страха. Я выбрал самое узкое место ближе к левой стене, где на противоположном краю имелась достаточно просторная площадка для приземления, и прыгнул — все обошлось удачно.

Спустившись на нижний уровень, я прошел комнату, заваленную разбитыми вдребезги машинами и огромными каменными блоками. Маршрут по-прежнему казался мне знакомым — я

уверенно полез на груду обломков, закрывавшую вход в коридор, который должен был привести меня к Центральным Архивам.

Мне представлялось, что минула вечность, пока я шел, прыгал, полз по бесконечному коридору. Здесь и там я встречал надписи и узоры на стенах — иногда смутно узнаваемые, а порой и совсем новые, появившиеся, вероятно, в более поздний период. Поскольку этот подземный переход должен был идти вдоль городской улицы, в нем отсутствовали боковые арочные проемы, за исключением тех, что вели в подвалы близлежащих зданий. Несколько раз я ненадолго отклонялся от основной трассы и сворачивал в боковые ответвления, где лишь дважды нашел существенные отличия от того, что видел во сне — так, один из прежде знакомых проходов оказался наглухо замурован и для верности опечатан металлическими листами.

Я с трудом превозмог внезапно нахлынувший приступ слабости и нервной дрожи, пересекая подвальное помещение черной базальтовой башни, внутри которой, казалось, пульсировала какая-то невидимая и зловещая энергия. Башня эта имела форму круга футов двести в поперечнике, поверхность ее стен была гладкой и ровной, а в полу, свободном от всяких нагромождений и лишь покрытом слоем песка и пыли, имелось довольно большое отверстие — такое же точно отверстие было и в потолке. Лестницы или наклонные галереи отсутствовали — Великая Раса избегала даже прикасаться к этим древним строениям, а те, кто их воздвиг, не нуждались в традиционных средствах для подъема и спуска.

Я помнил это место по своим сновидениям, но тогда нижнее отверстие было заперто тяжелым люком и находилось под неусыпным надзором часовых. Сейчас же оно было открыто — из черной глубины исходил непрерывный поток холодного влажного воздуха. Я поспешно продолжил свой путь, стараясь не думать о том, что могла таить в себе эта мрачная бездна.

Коридор становился все менее проходимым, и вскоре я достиг места, где рухнувший участок кровли образовал впереди целую гору, взобравшись на вершину которой, я не увидел над собой ни свода, ни стен, а лишь пустоту, где беспомощно таял свет карманного фонаря. Здесь, по моим расчетам, должен был находиться склад металлических изделий, корпус которого выходил фасадом на Третью площадь, расположенную недалеко от архивов.

Но уже следующий завал почти полностью перекрыл коридор — между осевшим потолком и поднимавшейся ему навстречу грудой камней, земли и песка лишь местами виднелись

небольшие просветы. С упорством и решимостью безумца я начал расшатывать огромные блоки и разгребать песок, ежесекундно рискуя нарушить неустойчивое равновесие и привести в движение всю эту многотонную массу. В конечном счете мне удалось проделать лаз, двигаясь по которому с зажатым в зубах фонарем, я чувствовал спиной острые выступы нависающих надо мной сталактитов.

Теперь я находился уже совсем близко от подземного комплекса главных архивов. Преодолев опасный участок, я через несколько минут добрался до низкого круглого зала со множеством выходов. Стены зала — по крайней мере в той их части, которую я осветил фонарем — были сплошь покрыты иероглифическими письменами и характерными криволинейными символами — некоторые из них появились уже позднее периода моих снов.

Не раздумывая долго, я свернул налево и вошел под хорошо сохранившийся арочный пролет. Я почти не сомневался в том, что проходы и галереи дальше будут в куда лучшем состоянии, чем попадавшиеся мне до сих пор — строители громадного подземного сооружения, хранившего летописи всех цивилизаций Солнечной системы, особое внимание уделяли его прочности и долговечности, каковое правило распространялось и на всю прилегавшую к нему систему коммуникаций. Мощные гранитные блоки были тщательно сбалансированы и скреплены сверхпрочным цементом, и сейчас, спустя невероятное количество лет, эти стены и своды сохраняли раз и навсегда приданную им форму, а на полах лишь изредка попадались отслоившиеся мелкие обломки да каменная пыль.

Отсутствие серьезных препятствий сразу сказалось на скорости моего продвижения. Вырвавшись на простор и подгоняемый лихорадочным нетерпением, я перешел на бег, успевая все же отмечать знакомые — и уже не удивлявшие меня этим — детали отделки. Потолки здесь были ниже, чем в большинстве других коридоров, а по обеим сторонам тянулись ряды металлических книжных шкафов — иные были закрыты, иные распахнуты, а некоторые смяты и перекошены давлением прошлых тектонических деформаций. То и дело я натыкался на кучи запыленных фолиантов, высыпавшихся из шкафов после какого-нибудь очередного землетрясения. Затейливые буквы и знаки на отдельно стоявших колоннах указывали на систематическое распределение книг по классам и подклассам.

Один раз я задержался перед глубокой нишей с несколькими такими шкафами и не без труда снял с полки самую тонкую из книг, заглавие которой было написано все теми же иероглифа-

ми, порядок расстановки которых, однако, показался мне необычным.

Опустив книгу на пол, я уверенно открыл замок, запиравший крышку ее футляра. Страницы, как я и ожидал, были размером двадцать на пятнадцать дюймов, общая же толщина собственно тома вместе с гибкой металлической обложкой составляла около двух дюймов. Материал страниц и сам текст практически не пострадали от времени — я свободно мог разобрать широкие, странно расцвеченные линии письма, не похожие ни на здешние иероглифы, ни на какой-либо другой земной алфавит. Внезапно мне пришло в голову, что это мог быть язык одного из пленных сознаний, встречавшихся в моих снах — оно было перенесено сюда с крупного астероида, сохранившего древние формы жизни первичной планеты, частью которой он прежде являлся. Одновременно я вспомнил, что данный раздел архивов предназначался именно для внеземных цивилизаций.

Оторвавшись, наконец, от этого пусть уникального, но совершенно нечитабельного документа, я двинулся дальше, предварительно зарядив потускневший фонарь новой батарейкой, которую всегда имел про запас. Звуки моих шагов отдавались несообразно громким, пугающим эхом под сводами древних катакомб, да и сами следы моих ботинок выглядели как-то жутко на этих пыльных полах, по которым ни разу за все миллионы лет их истории не проходил человек.

Я не отдавал себе отчета в конкретной цели этой безумной гонки; все совершалось помимо и вопреки моей воле, мне же была предоставлена роль свидетеля — или исполнителя — способного лишь воспринимать, но никак не влиять на ход событий.

Коридор между тем плавно перешел в наклонную галерею и я, не сбавляя скорость, начал спускаться вниз. Один за другим мелькали подземные этажи, на которых я не задерживался ни на секунду. В моем мозгу тем временем все явственнее проступал странный ритм, двигаясь в такт которому кисть моей правой руки непроизвольно совершала какие-то хитроумные нажимы и повороты, словно отпирая секретный замок невидимого сейфа.

Если все это было лишь сном, то каким образом он — я не говорю уже о подсознательно усвоенных текстах древних мифов — мог выработать во мне столь тонкий и сложный мышечный рефлекс? Я отказывался понимать такие вещи, да они, похоже, и не нуждались в моем понимании — предел разумного был перейден еще в тот момент, когда я только начал «узнавать» окружающую обстановку. Не исключено, что я тогда уже — как и сейчас в редкие минуты просветления — был уверен в иллю-

зорности описываемых событий, полагая их просто очередным фрагментом все того же многолетнего нескончаемого сна...

Но вот я достиг самого нижнего уровня и сразу свернул направо. Здесь, повинуясь какому-то смутному инстинкту, я постарался по возможности смягчить шаги, несмотря на то, что скорость моя из-за этого резко упала. Где-то впереди было место, к которому я боялся приближаться, но встречи с которым, вероятно, никак нельзя было избежать.

Вскоре по дуновению влажного холодного воздуха я догадался о причине своего страха — мне предстояло опять пересечь громадный колодец черной базальтовой башни, где должен был находиться еще один запечатанный и охраняемый — то есть когда-то давно охранявшийся — люк.

Достигнув башни, я на цыпочках, почти не дыша, миновал отверстие, которое оказалось широко открытым, и вступил в очередной заполненный книжными шкафами коридор. Внимание мое привлекли несколько шкафов, упавших сравнительно недавно, судя по очень тонкому налету пыли на куче рассыпанных книг. В тот же миг меня словно ударило током — я замер на месте, боясь пошевелиться и все еще ничего не понимая.

Опрокинутые полки, валявшиеся на полу фолианты — подобные вещи здесь отнюдь не были редкостью, учитывая, что за свою долгую историю эти мрачные лабиринты пережили бессчетное множество землетрясений. В данном случае дело было в другом.

Меня ужаснула не сама по себе куча книг, а непосредственно прилегавший к ней участок пыльного пола. При свете фонаря мне показалось, что пыль лежала не таким ровным слоем, как в прочих местах коридора — на ее поверхности были видны отпечатки нескольких предметов, оставленные не так уж давно, быть может, месяца два-три назад. На сей счет, впрочем, я не был вполне уверен, ибо пятна эти не так уж и выделялись на общем запыленном фоне. Куда больше меня встревожил и озадачил порядок их расположения.

Эта тревога еще усилилась, когда я опустил фонарь ближе к полу. Я увидел ряд абсолютно одинаковых следов, каждый из которых занимал площадь чуть более квадратного фута и состоял из пяти раздельных круглых отпечатков — один чуть выдвинут вперед, а остальные четыре компактно, почти вплотную друг к другу.

Следы — если это действительно были следы — вели в двух направлениях, как будто нечто, пройдя по коридору в одну сторону, позднее тем же путем возвратилось обратно. Конечно, я мог бы с не меньшим успехом приписать появление странных

пятен каким-нибудь вполне естественным процессам и не впадать по этому поводу в панику, не будь здесь еще одной многозначительной и зловещей подробности. Цепочка следов доходила до груды металлических полок, обрушенных — как я уже отмечал — совсем недавно, после чего следы поворачивали назад и завершались там, откуда брали начало — у самого края черного провала в центре базальтовой башни, провала, дававшего выход рожденным в чудовищной бездне холодным и влажным ветрам.

8

Сколь бы ни был велик испытываемый мною страх, но владевшая моим сознанием чуждая воля оказалась сильнее. Никакие доводы разума не могли бы заставить меня идти дальше после того, что я увидел и вспомнил. Но даже в то время, когда я весь трясся от ужаса, моя правая рука не прекращала своих ритмических движений, манипулируя запорами воображаемого замка. Когда же я чуть погодя начал приходить в себя, обнаружилось, что я бегу вперед по безмолвным коридорам все к той же неумолимо притягивающей меня цели.

В моей голове между тем как бы сами собой возникали вопросы, смысл которых я не успевал даже толком постичь. Смогу ли я проникнуть в хранилище? Справится ли человеческая рука с не рассчитанной на нее хитроумной системой запоров? Не окажется ли поврежденным замок? И что я буду — что я осмелюсь? — делать с той вещью, которую я надеялся и одновременно боялся найти? Станет ли она решающим подтверждением, последней точкой во всей этой безумной и страшной истории или в конечном счете послужит доказательством ее нереальности?

Внезапно я прервал свой бег и становился перед стеной, состоявшей из многочисленных ячеек, каждая из которых имела отдельную дверцу и была помечена соответствующей надписью на языке иероглифов. Нигде не было видно следов повреждений; из огромного количества ячеек в этой секции лишь три оказались распахнутыми настежь. Та же, что меня интересовала, находилась в одном из верхних рядов, недосягаемых для человеческого роста. Осмотрев стену, я пришел к выводу, что смогу подняться по ней, используя в качестве опор круглые дверные ручки. В какой-то степени мою задачу облегчала раскрытая дверца в четвертом снизу ряду. Фонарь во время подъема я мог бы держать в зубах, как уже делал не раз, преодолевая особо сложные препятствия.

Хуже обстояло дело с обратным спуском — ведь здесь у меня должна была появиться дополнительная ноша. Теоретически я этот вопрос разрешил следующим образом: открыв замок контейнера и зацепив его крюк за воротник своей куртки, я мог бы нести эту вещь на спине наподобие ранца. Более всего меня беспокоила исправность системы, запиравшей дверцу ячейки. Я почти не сомневался в том, что сумею ее открыть, если только не подведет механизм.

Итак, я взял в зубы фонарь и начал подъем, цепляясь за шарообразные выступы и поминутно рискуя сорваться вниз. Очень помогла — как я и рассчитывал — открытая ячейка четвертого ряда. Воспользовавшись сперва краем отверстия, а затем и самой качающейся дверцей, я в конечном счете утвердился на ее верхнем ребре. Балансируя на этой неустойчивой опоре и отклоняясь как можно дальше вправо, я дотянулся до нужного мне замка. Сперва мои онемевшие от напряжения пальцы никак не могли справиться с гладкой ручкой, но постепенно к ним возвращался задаваемый памятью ритм движений. Сложный порядок нажимов и поворотов все точнее вырисовывался в моем мозгу, а тот уже давал команду мышцам — по счастью, я не встретил здесь особых трудностей, связанных с чисто анатомическими различиями. Замок поддавался довольно легко, с каждой новой попыткой я действовал все увереннее, и не прошло и пяти минут, как раздался сухой щелчок, хорошо знакомый и в то же время совершенно неожиданный, поскольку в отношении его у меня не было никаких подсознательных предчувствий. В следующий миг тяжелая дверь медленно и почти бесшумно — издав лишь слабый скрип — повернулась на своих шарнирах.

Мое нервное возбуждение, казалось, достигло предела, когда я на расстоянии вытянутой руки увидел край помеченного иероглифами металлического контейнера. Я осторожно извлек его наружу, попутно обрушив вниз целый ливень мелкой песчаной пыли, и замер, переводя дыхание. Все было тихо.

Мельком осмотрев контейнер, я убедился в том, что он внешне ничем не отличался от других виденных мной по пути сюда. Размером он был примерно двадцать на пятнадцать дюймов при толщине чуть более трех, с рельефным изображением иероглифов на плоской крышке.

Я довольно долго провозился с его замком, поскольку мог действовать лишь одной рукой, прижав контейнер к поверхности стены. Наконец я высвободил крючок, поднял крышку и перенес тяжелый металлический ящик за спину, зацепив крючком воротник своей куртки. Теперь обе мои руки вновь были свобод-

ны, и я начал сползать вниз, что оказалось делом еще более трудным, чем предшествовавший подъем.

Достигнув пола я тотчас опустился на колени, достал из-за спины контейнер и положил его перед собой. Руки мои тряслись, и я долго медлил, не решаясь его открыть — давно уже догадавшись, что именно я должен там найти, я был буквально парализован этим знанием. Стоило сейчас моей догадке получить реальное подтверждение, и — если все это не было сном — я с той самой минуты не мог бы уже поручиться за целостность своего рассудка. Особенно пугающей была моя все более очевидная неспособность воспринимать себя в атмосфере сна. Ощущение реальности порой странно преломлялось в моем сознании, и мне казалось, что я вспоминаю свои настоящие действия так, словно они были отделены от меня громадной временной пропастью.

В конце концов я все же достал книгу из контейнера и еще в течение нескольких минут смотрел, как зачарованный, на знакомую комбинацию иероглифов на ее обложке; моментами мне начинало казаться, что я могу их прочесть. Возможно, где-то в глубине моей памяти эта надпись и впрямь ассоциировалась с некими осмысленными звуковыми сочетаниями, но мне не удавалось довести этот процесс до конца.

Время шло, а я все еще пребывал в нерешительности. Вспомнив вдруг про фонарь, по-прежнему зажатый в моих зубах, я положил его на пол и выключил, дабы не расходовать зря батарею. Оказавшись в темноте, я наконец собрался с духом и перевернул обложку книги. Затем я медленно поднял фонарь, направил его на страницу и щелкнул переключателем.

Одной секунды мне вполне хватило. Стиснув зубы, я, однако, удержался от крика. В наступившей вновь темноте я, почти лишившись чувств, распластался в пыли и сжал руками горевшую голову. То, чего я так опасался, все-таки произошло. Одно из двух: либо это был только сон, либо пространство и время теряли всякий смысл, обращаясь в жалкую никчемную пародию на то, что мы всегда считали незыблемыми категориями своего бытия.

Нет, скорее всего это был сон — мой здравый смысл отказывался допускать обратное — но чтобы удостовериться в этом окончательно, я должен был взять эту вещь с собой наверх, и тогда утром в присутствии остальных все сразу встало бы на свои места. Голова моя сильно кружилась — если можно говорить о головокружении в кромешной тьме, где взгляду просто не за что было зацепиться. Фантастические мысли и образы стремительно сменяли друг друга в моем возбужденном сознании, и я уже не

пытался провести границу между реальными фактами моей жизни и отголосками безумных сновидений.

Я подумал о странных следах на пыльном полу и вздрогнул, испугавшись звуков собственного дыхания. Вновь на несколько секунд включив фонарь, я посмотрел на раскрытую страницу с таким чувством, с каким, вероятно, смотрит обреченный кролик в холодные глаза удава. Затем, уже в темноте, я захлопнул книгу, положил ее в контейнер и закрепил в гнезде крючок замка. Теперь оставалось вынести его наверх, в мир людей, если таковой и вправду существовал, как существовала эта подземная бездна — и если вправду существовал я сам, в чем я в этот момент отнюдь не был уверен.

Не могу сказать точно, когда я пустился в обратный путь. За все время, проведенное под землей, я ни разу не взглянул на часы, что также являлось показателем моей отрешенности от привычных человеческих реалий.

С фонарем в руке и зажатым под мышкой контейнером я, сдерживая дыхание, на цыпочках миновал участок коридора с непонятными отпечатками и отверстие в базальтовой башне, из которого продолжал подниматься холодный поток воздуха. Позднее, уже с несколько меньшими предосторожностями идя вверх по бесконечным наклонным галереям, я все же не мог отделаться от мрачных предчувствий, причем на сей раз они были куда более определенными, чем во время моего спуска.

Я с ужасом думал о втором распахнутом люке, который мне еще предстояло пройти. Я думал о тех существах, которых так боялась Великая Раса и которая — пусть даже ослабевшие и не столь многочисленные, как прежде — продолжали обитать в своем зловещем подземном мире. Я думал о тех пятипалых отпечатках в пыли и о схожих следах, упоминавшихся в моих сновидениях — а также о неистовых ураганах и странных свистящих звуках, связываемых все с теми же существами. И еще я думал о рассказах туземцев, в которых неизменно присутствовали таинственные руины и якобы порождаемые ими злые ветры.

По настенному символу я определил нужный мне уровень и — пройдя мимо лежавшей на полу открытой книги, которую я не так давно с интересом рассматривал — вступил наконец в круглый холл, где сходились несколько коридоров. Без колебаний я свернул в ближайший справа арочный проем. Впереди меня ждал самый сложный отрезок пути со множеством препятствий и завалов, которые начались почти сразу по выходе за пределы Центральных Архивов. Тяжесть моей ноши постепенно

сказывалась, мне все труднее было избегать шума, перелезая с нею через груды камней и песка.

Но вот я остановился перед мощным, поднимавшимся до самого потолка завалом, который мне в прошлый раз пришлось преодолевать ползком. Тогда я не смог сделать это абсолютно бесшумно, теперь же — после увиденных мной отпечатков — я более всего боялся громких звуков. А ведь сейчас со мной был еще и контейнер, представлявший собой дополнительную помеху во время движения по узкому лазу.

Осторожно взобравшись на гору камней, я сперва просунул в отверстие контейнер, а затем начал протискиваться туда сам — вновь, как и в прошлый раз, задевая спиной за острые края сталактитов. Тут я и совершил свою первую оплошность — когда самый опасный участок был уже позади, контейнер вдруг выскользнул из моих пальцев и с металлическим грохотом покатился вниз по склону. Я рванулся вперед и успел его перехватить, но в тот же миг неустойчивая тяжелая глыба зашаталась и поехала под моими ногами, вызвав небольшой, но достаточно шумный обвал.

Когда движение камней наконец замерло, я услышал — по крайней мере мне так показалось — иной звук, очень далекий и слабый, донесшийся откуда-то из лабиринта ходов за моей спиной. Это был тонкий вибрирующий свист, не похожий ни на один из слышанных мною прежде звуков.

Совершенно обезумев от ужаса, я бросился бежать по коридору, перепрыгивая через отдельно лежащие блоки, иногда падая, но при этом не выпуская из рук фонаря и книги. Одна только мысль владела мной в те минуты — поскорее выбраться из этих кошмарных подземелий в открытый мир, туда, где спокойный свет луны разливается по бескрайней пустынной равнине.

Не помню, как я добежал до груды обломков, над которой вместо свода зияло черное пустое пространство, и начал карабкаться вверх.

Здесь-то и произошла катастрофа. В спешке я позабыл о том, что за вершиной сразу идет очень крутой спуск, и, не удержав равновесие, с разгону полетел вниз, увлекая за собой целую лавину камней. Оглушительный гром потряс древние своды, отдаваясь долгим эхом во всех закоулках погребенного под землей города.

Из того дикого хаоса я вспоминаю сейчас лишь один эпизод — я падаю, поднимаюсь, ползу сквозь густое облако пыли все дальше и дальше по коридору. Фонарь и контейнер пока еще были при мне.

Когда я достиг базальтовой башни, эхо лавины уже затихло вдали, и в наступившей тишине слух мой — вновь и на сей раз безошибочно — уловил все те же свистящие звуки. Но если ранее источник их находился где-то позади, в уже пройденных мной коридорах, то теперь эти звуки шли из темноты *мне навстречу.*

Вероятно, у меня вырвался крик — я больше не мог себя сдерживать. Смутно помню промелькнувшие стены базальтовой башни и бездонный провал в ее центре, откуда со зловещим свистом вырывался уже не просто поток влажного холодного воздуха, но ветер — свирепый, неистовый, *одушевленный* ветер.

Помню свой бег по длинным коридорам в нарастающих с каждой минутой яростных порывах ветра, который хотя и был мне как будто попутным, но на самом деле препятствовал, а не помогал моему движению; он петлей обвивался вокруг меня, цепляясь за руки и ноги, сковывая каждый шаг. Не заботясь уже о поднимаемом мной шуме, я влезал на груды камней, скатывался вниз, скользил и прыгал почти наугад, не разбирая дороги.

Наконец показалась наклонная галерея — помню, как луч фонаря метнулся по машинному залу, и как в следующий миг я вздрогнул и едва не закричал от ужаса, увидев тот пролет галереи, что спускался в глубину к затаившимся двумя уровнями ниже черным дырам распахнутых люков. Но на сей раз вместо крика я принялся вслух убеждать себя в том, что все это только сон, и что я нахожусь сейчас где-нибудь в лагере или вообще в своем доме в Аркхэме. Несколько ободренный звуками собственного голоса, я начал быстро подниматься к выходу на поверхность.

Я знал, что мне еще предстоит пересечь место, где упавший свод пробил насквозь пол галереи, но, занятый другими мыслями, не задумывался об этом, пока не подошел почти к самому краю провала. Во время спуска я преодолел его без особого труда, но теперь я должен был прыгать с нижнего края на верхний; к тому же я был страшно утомлен и еще нагружен добавочной ношей, а ветер меж тем все крепче стягивал вокруг меня свою дьявольскую петлю. Я успел лишь мельком подумать о неведомых существах, таящихся на самом дне этой бездны, и остановился перед ней, руководствуясь скорее каким-то внутренним чутьем, ибо луч моего фонаря к этому времени был уже очень слаб.

Практически в ту же секунду до слуха моего донеслись характерные свистящие звуки, выходившие на сей раз непосредственно из провала в полу, до которого мне оставалось сделать лишь два-три шага.

Дальше случилось то, что повторялось уже многократно в течение этой ночи — я потерял всякую власть над собой, и, движимый только инстинктом самосохранения, перешагнул через лежавшие между мной и краем провала камни и с ходу прыгнул вперед. Тотчас все вокруг завертелось в вихре безумных звуков и я как будто повис в плотных складках тяжелой, осязаемой темноты.

На этом кончаются мои воспоминания как таковые. Дальнейшее следует относить к области бредовых фантасмагорий, не имеющих ничего общего с реальностью.

Мне казалось, что я бесконечно долго падаю в черную вязкую бездну; я слышал звуки, которые не могли принадлежать ни одному из живущих на Земле существ. Во мне ожили какие-то древние, рудиментарные органы чувств, с помощью которых я мог воспринимать тот самый лишенный света мир полуматериальных созданий, чьи базальтовые города возвышались когда-то на берегах доисторического океана. Без участия слуха и зрения я постигал тайны этой планеты, недоступные мне в моих прежних снах. В то же время я постоянно чувствовал, как тугие струи влажного и холодного воздуха сжимают и вертят меня, словно гигантские пальцы, и слышал нескончаемый вибрирующий свист.

Позднее были видения циклопического города моих снов — не разрушенного, а такого, каким он представлялся мне каждую ночь. Я был в конусообразном, нечеловеческом теле и двигался по коридорам вместе с толпой представителей Великой Расы или заключенных в их формах других пленных сознаний.

Далее на эти картины накладывались иные, не визуальные, но тем не менее вполне отчетливые ощущения — жестокая борьба, попытки высвободиться из цепких щупалец ветра, безумный полет сквозь плотную темноту, слепое бегство по рушащимся подземным ходам. Один раз промелькнул было намек на свет — какое-то слабое голубоватое сияние высоко вверху. И вновь я взбирался по крутому каменистому склону, вырывался из бешеных объятий ветра, пролезал в узкое отверстие навстречу бледному свету луны, прыгал между нагромождений камней, которые спустя еще мгновение вдруг разом осели и провалились в недра земли, а на их месте взвился в небо гигантский, стремительно вращающийся столб песка и пыли.

Первые проблески лунного света были началом моего возвращения в реальный мир. Понемногу сознание мое прояснялось — я лежал ничком посреди австралийской пустыни, а над моей головой ревел и бесновался ураган, равного которому по силе я не встречал ни разу за всю свою жизнь. Одежда моя была

изодрана в клочья, а тело покрыто бесчисленными ссадинами и кровоподтеками.

Миновало еще много времени, прежде чем я окончательно пришел в себя, но и после этого я не смог провести четкую грань между сном и явью. Я помнил огромное скопление блоков, открывшуюся передо мной бездну, долгое блуждание под каменными сводами мертвого города, невероятные открытия и ужасающий финал похода — но что из всего этого было действительностью? Я не находил ответа.

Мой фонарь исчез, исчез и металлический контейнер с книгой — да и был ли он вообще? Приподняв голову, я огляделся вокруг и не увидел ничего, кроме однообразной волнистой поверхности пустыни.

Буря уже прекратилась, неровный диск месяца медленно опускался в красноватое марево у линии горизонта. С трудом встав на ноги, я зашагал на юго-запад, в направлении лагеря. Что же все-таки произошло? Быть может, я просто заснул и оказался затем в эпицентре песчаного урагана, который протащил меня в бессознательном состоянии несколько миль по пустыне? Ну а если это не так? Тогда рушилась вся моя создававшаяся годами теория мифологического происхождения странных снов — это значило, что Великая Раса существовала на самом деле, и что ее посланцы в действительности могли проникать сквозь любые временные преграды, вселяясь в тела будущих обитателей нашей планеты. Это значило, что мое собственное тело в период амнезии и впрямь служило пристанищем для чужого сознания, проникшего в наш мир из далекой эпохи палеогена, а я провел эти несколько лет в его отвратительном облике, бродя по бесконечным коридорам и улицам доисторических городов, беседуя с сотнями таких же, как я, пленников, захваченных в разных точках времени и пространства, изучая тайны Вселенной и составляя описание своей цивилизации для гигантский архивов Великой Расы. Это значило, что существовали и другие, еще более древние и непостижимые создания, скрывавшиеся в подземных безднах, тогда как на поверхности, сменяя одна другую, появлялись и исчезали разумные расы, нередко даже не подозревавшие о страшной угрозе, что таилась до времени где-то глубоко внизу, во внутренних областях планеты.

Я не хочу, я отказываюсь верить в то, что на всех нас, на прошлом и будущем человечества лежит чудовищная тень иного разума, подчинившего себе само время и сделавшего все прочие расы заложниками своей неуемной жажды познания.

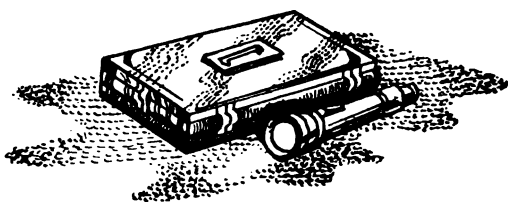
К счастью, у меня нет никаких вещественных доказательств

того, что мне в действительности удалось найти подземный город, и — если законами Вселенной предусмотрено вообще понятие справедливости — он не будет найден никогда. В любом случае я обязан рассказать хотя бы моему сыну обо всем, что я видел в ту ночь, и пусть он сам попробует отделить действительность от болезненных причуд воображения.

Я уже не раз говорил, что истина — какой бы она ни была — полностью зависит от того, насколько реальным было сделанное мной открытие. Мне очень трудно об этом писать — хотя читатель этих записок, я уверен, давно уже обо всем догадался. Все дело заключалось, конечно же, в книге, которую я извлек из металлической ячейки в стене подземного хранилища.

Ничья рука не касалась этой книги за все недолгое — по сравнению с возрастом этой планеты — существование человечества, и все же, когда я всего лишь на одну секунду зажег фонарь над ее раскрытой страницей, я увидел отнюдь не иероглифы, подобные тем, что испещряли все окружавшие меня стены древнего города.

Вместо этого я увидел буквы знакомого мне алфавита, которые легко складывались в английские слова и фразы, написанные — вне всякого сомнения — моим собственным почерком.

ОН

Я увидел его бессонной ночью, когда в отчаянии скитался по городу, тщась спасти свою душу и свои грезы. Мой приезд в Нью-Йорк был ошибкой: я искал здесь необычайных приключений, удивительных тайн, восторгов и душевного подъема от заполненных людьми старинных улочек, что выбегали из недр заброшенных дворов, площадей и портовых причалов и, после бесконечных блужданий вновь терялись в столь же заброшенных дворах, площадях и портовых постройках, или среди гигантских зданий современной архитектуры, угрюмыми вавилонскими башнями стремящихся ввысь. Вместо этого я пережил лишь ужас и подавленность. Они угрожали завладеть мной, сломать мою волю, уничтожить меня.

Разочарование пришло не сразу. Впервые я увидел город с моста, на закате — величественный город и его отражение в

воде: все эти фантастические шпили крыш и постройки, схожие с древними пирамидами, выступающие из лилового тумана, как экзотические соцветия, дабы открыть свою красу облакам, пылающим на закатном небосклоне, и новорожденным звездам — первенцам ночи. Затем над зыблющимися волнами моря одно за другим стали вспыхивать окна, на освещенной воде мигая, плавно скользили фонари, пение рожков и сирен сливалось в удивительной, причудливой гармонии, и город, окутанный звездным покрывалом, сам стал исполненной фантастической музыки грезой. Грезой о чудесах Каркассона, Самарканда, Эльдорадо и прочих величественных, сказочных городах. А потом я блуждал по столь милым воображению моему старинным улицам — узким, кривым проулкам и переходам, огражденных красными кирпичными домами в архитектурных стилях XVIII-начала XIX веков, где окна мансард, мерцая огнями, косились на минующие их изукрашенные кареты и позолоченные экипажи. Четко осознав, что вижу воочию свою давнюю мечту, я и вправду решил, что передо мной подлинные сокровища, что со временем родят во мне поэта.

Однако моим честолюбивым устремлениям, к счастью, не суждено было осуществиться. Безжалостный дневной свет поставил все на свои места, обнаружив окружающие запустение и убожество. Куда ни кинь взгляд — всюду был только камень — он взмывал над головой огромными башнями, он стлался под ноги булыжником тротуаров и улиц. Я будто очутился в каменном мешке. Вероятно, лишь лунный свет способен был придать этому толику магии и очарования. Бурлящие толпы на улицах, напоминавших каналы, были мне чужды — все эти крепко сбитые незнакомцы, с прищуренными глазами на жестоких смуглых лицах, трезвые прагматики, не отягощенные грузом мечтаний, равнодушные ко всему окружающему — что было до них голубоглазому пришельцу, чье сердце принадлежало далекой деревушке среди зеленых лужаек?

Итак, вместо писания стихов, что было моей мечтой, я предался унынию. Мною овладела неизъяснимая тоска. И страшная истина, которую никто и никогда не решался приоткрыть, тайна тайн встала передо мной: этот город камня и режущих звуков не способен сохранить в себе черт старого Нью-Йорка, так же, как Лондон — старого Лондона, Париж — старого Парижа, что он фактически мертв, все проблески жизни покинули его, а его распростертый труп дурно набальзамирован и заселен странными существами, в действительности не имеющими с нами ничего общего. Это неожиданное открытие лишило меня сна, хотя я отчасти вновь обрел былую уравновешенность, когда перестал днем выходить из дому, а лишь по ночам, когда мрак вызывал к

жизни то немногое, что уцелело от прошлого, нечто бесплотное, подобное призраку. Отыскав в этом некое своеобразное облегчение, я даже написал несколько стихотворений, и оттягивал пока возвращение домой, чтобы родители мои не почувствовали, какой постыдный крах постиг все мои планы и надежды.

И вот, прогуливаясь одной такой бессонной ночью, я встретил человека. Случилось это в замкнутом дворике Гринич-Виллидж, где я поселился по неопытности, прослышав, что именно этот квартал избрали себе пристанищем поэты и художники. Старомодные лужайки и особнячки, миниатюрные площади и дворики действительно привели меня в восторг, и даже когда я узнал, что на деле поэты и художники — это горластые лицемеры, чья экстравагантность и оригинальность — всего лишь мишура, а жизнь свою изо дня в день они посвящают противоборству с целомудренной красотой, составляющей сущность поэзии и живописи, я остался здесь из пристрастия к этим древним, осененным веками местам. Я представлял себе, как все выглядело здесь в те времена, когда Гринич был тихой деревушкой, которую еще не успел поглотить город-монстр. Предрассветными часами, когда гуляки расходились по домам, я скитался порой одиноко по таинственным извивам этих улочек, предавшись размышлениям о том, какие загадки оставило им в наследство каждое минувшее поколение. Это укрепляло мой дух, питало поэтическое воображение, которое таилось в самой глубине моего существа.

Он подошел ко мне в тумане августовского утра, около двух часов, когда я пробирался через изолированные дворики, куда можно было попасть, лишь минуя темные коридоры примыкающих домов, хотя когда-то эти дворы являли собой сплошную цепь живописных проулков. Случилось так, что я услышал об этом, и понял, что нынче их уж ни сыскать ни на одной карте. Но сама их заброшенность служила для меня основанием для еще большей любви к ним, а потому я принялся выискивать их с удвоенной энергией. Теперь же, когда я их нашел, мой порыв еще усилился, ибо нечто в их планировке свидетельствовало о том, сколь мало осталось подобных двориков с темными, безмолвными углами, затиснутых промеж высоких глухих стен и пустующими домами, либо притаившимся за неосвещенными арочными переходами, где вечно отираются хитрые и угрюмые представители богемы, чьи темные делишки — не для посторонних глаз.

Он сам заговорил со мной, заметив мое настроение и взгляды, что я бросал на парадные двери, украшенные причудливыми дверными молотками или кольцами. Отблеск, падающий из-за ажурных каменных фрамуг, слегка освещал мое лицо. Его же лицо оставалось в тени, скрытое полями широкополой шляпы, прекрасно сочетавшейся с его старомодным плащом. Не знаю,

почему, но еще до того, как он ко мне обратился, меня охватила смутная тревога. Он был худ, мертвенно-бледен, и звук его голоса был необычайно тихим, словно бы замогильным, однако не слишком глубоким. Он заявил, что не впервые видит меня здесь, и пришел к выводу, что мы с ним схожи в приверженности к минувшему и тому, что от него осталось. Не желаю ли я послушать человека, давно изучающего историю здешних мест и знающего ее значительно глубже, чем кто-либо иной? Пришелец из дальних краев мог бы узнать о многом...

Покуда он так вещал, я, в упавшем из единственного освещенного чердачного окна луче, мельком увидел его лицо. Оно было привлекательным, можно даже сказать, красивым лицом пожилого человека. Но что-то в нем пугало почти в той же мере, как и притягивало — вероятно, излишняя бледность или невыразительность, а возможно, оно слишком выделялось из окружающей обстановки, чтобы я мог легко успокоиться. И все же я последовал за ним, ибо в те безотрадные дни единственным, что могло укрепить мой дух, была тяга к прелести старины и ее тайнам. И встречу с человеком сродных мне чаяний, чьи познания в истории минувших веков значительно превышали мои, я счел удивительной милостью Рока.

Нечто, таившееся в ночи, удерживало моего укутанного в плащ спутника от разговоров, и мы долго шли, не проронив ни слова. Порой он бросал скупые замечания касательно имен, дат и событий, в указаний дороги, ограничиваясь, в основном, жестами. Мы продирались сквозь узкие щели, крались на цыпочках по коридорам, перемахивали через кирпичные стены, на четвереньках ползли по низким сводчатым проходам, чья протяженность и, в особенности, кошмарно-бесконечные повороты совершенно сбили меня с толку, и я был не в состоянии определить, где мы находимся. Все увиденное нами, было отмечено печатью старины и приводило меня в восторг, по крайней мере при рассеянном освещении мне так казалось. Никогда не забыть мне ветхих ионических колонн, пилястр с каннелюрами, железной изгороди со столбами, чья навертка походила на могильные изваяния, окна с рельефными перемычками, и декоративных наддверных окошек в форме веера. Причудливость и необычность их, казалось, все возрастала, чем глубже мы погружались в неисчерпаемый лабиринт неизведанной старины.

На нашем пути нам не встретилось ни души, все меньше и меньше становилось освещенных окон. Первые из попавшихся нам уличных фонарей, были масляными, старомодными, в виде ромба. Затем я увидел фонари со свечами, в заключение же нам пришлось пересечь пугающе мрачный двор, где мой спутник вы-

нужден был вести меня сквозь кромешную тьму к узкой деревянной калитке в высокой стене, за которой пряталась тесная улочка. Видно было, что освещалась она фонарями, стоящими лишь у каждого седьмого дома — невероятно-колоннальными жестяными фонарями с дырочками по бокам. Улица круто вела в гору, круче, чем возможно в этой части Нью-Йорка, верхний же конец ее под прямым углом упирался в затянутую плющом стену — границу частного владения. Над стеной высились верхушки деревьев, зыблющиеся на фоне едва посветлевшего неба. В стене вырисовывалась небольшая темная дубовая дверь под низкой полукруглой аркой. Мой провожатый открыл ее тяжелым ключом. Наконец мы поднялись по каменным ступеням к двери дома, куда он и пригласил меня зайти.

Мы оказались внутри. Стоило лишь мне ступить за порог, как я почувствовал, что нахожусь на грани обморока, по причине хлынувшего на нас волной чудовищного зловония, порожденного, казалось, веками омерзительного разложения. Но хозяин, видимо, этого не замечал, а я смолчал из вежливости, когда он провел меня по крутой винтовой лестнице через прихожую в комнату, дверь которой, насколько мне удалось расслышать, он сразу запер за собой на ключ. Затем он раздвинул занавеси на трех оконцах, еле видных на фоне предрассветного неба, после пересек комнату по направлению к камину, воскресал огонь кремнем и огнивом и запалил пару свеч в массивном канделябре с двенадцатью розетками. Он сделал движение, словно бы приглашая к спокойной, размеренной беседе.

В этом неверном свете я увидел, что мы находимся в обшитой панелями просторной, со вкусом меблированной библиотеке первой четверти восемнадцатого столетия с изумительными дюседепортами, великолепным карнизом в дорическом стиле и замечательной резьбой над камином, завершающейся орнаментом, сходным с барельефами на стенах гробниц. Над тесно забитыми книжными полками вдоль стен, на некотором расстоянии друг от друга висели фамильные портреты в красивых рамках. Портреты несколько утратили свою прежнюю яркость, подернулись загадочной пеленой и удивительным образом напоминали того, кто сейчас приглашал меня присесть к изящному чиппендейловскому столику. Прежде, чем расположиться за противоположным столиком, хозяин мой помедлил, словно бы в смущении. Затем, неспешно сняв перчатки, широкополую шляпу и плащ, он, будто на театре предстал передо мной в костюме времен одного из английских Георгов — от волос, заплетенных в косичку, и плисированного кружевного воротника, вплоть до кюлотов, шелковых получулок и украшенных

пряжками туфель, на которые я раньше не обращал внимания. Потом, неторопливо опустившись на стул со спинкой в виде лиры, он принялся пристально меня разглядывать.

С непокрытой головой он приобрел вид дряхлого старца, что прежде едва ли бросалось в глаза, и теперь я гадал, не эта ли печать исключительного долголетия питала источник моей тревоги. Когда же он, наконец, заговорил, голос его, слабый, замогильный, зачастую дрожал, и порой я с большим трудом понимал его, потрясенно, с глубоким волнением внимая его словам, и тайная тревога с каждой минутой вырастала во мне.

— Перед вами, сэр, — начал мой хозяин, — человек с весьма странными привычками, за чью необычайную одежду перед вами, при вашем уме и склонностях, нет нужды просить прощения. Размышляя о лучших временах, я привык принимать их такими, как они были, со всеми их внешними признаками, вкупе с манерой одеваться и вести себя, со снисхождением, кое никого не может оскорбить, ежели выражено будет без напускного рвения. На мою удачу, дом моих предков сохранился, хоть и поглотили его два города — сперва Гринич, выстроенный здесь после тысяча восьмисотого года, а затем и Нью-Йорк, слившийся с ним около года тысяча восемьсот семидесятого. Для сохранения нашего родового гнезда существовало множество причин, и я истово исполнял свой долг. Сквайр, унаследовавший этот дом в тысяча семьсот шестьдесят восьмом году, изучал разные науки и сделал некие открытия. Все они связаны эманациями, свойственными именно данному участку земли, и держались в тайне. С некоторыми из любопытных результатов этих ученых трудов и открытий я и собираюсь под строжайшим секретом вас познакомить. Полагаю, что довольно разбираюсь в людях, чтобы усомниться в вашей заинтересованности и вашей порядочности.

Он смолк, а я в ответ сумел только кивнуть. Я уже говорил о своей тревоге, однако не было ничего убийственнее для моей души, чем Нью-Йорк при дневном свете, и, был ли этот человек безобидным чудаком или обладал некоей зловещей силой, у меня выбора не было. Мне не оставалось ничего, как следовать за ним, дабы утолить свое ожидание чего-то удивительного и неведомого. Итак, я готов был выслушать его.

— Моему предку, — тихо продолжал он, — казалось, будто воля человеческая обладает замечательными свойствами. Свойства, превышающие, о чем мало кто догадывается, не только действия одного человека или многих людей, но над любыми проявлениями силы и субстанциями в Природе, и многими элементами и измерениями, что считаются универсальнее самой Природы. Смею ли я сказать, что он презрел святыни, столь же великие, как пространство и вре-

мя, и отыскал странное применение для ритуалов полудиких краснокожих индейцев, чье стойбище некогда располагалось на этом холме? Эти индейцы выдали себя, встав здесь лагерем и чертовски надоедали своими просьбами посетить участок земли, окружающий дом, в ночь полнолуния. На протяжении лет они каждый месяц перебирались украдкой через стену и творили какие-то ритуалы. Потом, в тысяча семьсот шестьдесят восьмом году за этим их поймал новый сквайр, и был потрясен, увидев, что именно они делают. После чего он заключил с ними договор, разрешив свободный доступ на свою землю в обмен на раскрытие тайны. Он узнал, что обычай этот уходит корнями отчасти к краснокожим предкам тех индейцев, отчасти же — к одному старому голландцу, жившему во времена Генеральных Штатов. Будь он проклят, но кажется мне, будто сквайр угостил их подозрительным ромом, преднамеренно ли, нет ли — однако неделю спустя, как он проник в тайну, он остался единственным посвященным в нее живым человеком. Вы, сэр, первый из посторонних, кому я об этом рассказываю. Я на вас полагаюсь, и в вашей воле донести на меня властям. Однако мнится мне, что вы питаете глубокую и страстную приверженность к старине.

Его оживление и откровенность заставили меня содрогнуться.

Рассказ продолжался:

— Вам следует знать и то, сэр, что вызванное этим сквайром у дикарей-полукровок было лишь ничтожной толикой того, что он узнал впоследствии. Он не напрасно посещал Оксфорд и не без пользы беседовал с убеленными годами парижскими астрологами и алхимиками. Короче, он получил ощутимое доказательство того, что весь мир — суть не что иное, как порождение нашего воображения, это, да позволено будет сказать, дым нашего интеллекта. Не простецам и посредственностям, но лишь мудрецам дано затягиваться и выпускать клубы этого дыма, подобно курильщикам превосходного виржинского табака. Мы способны сотворить все, что пожелаем, а все ненужное — уничтожить. Не стану утверждать, что сказанное точно отражает суть, но вполне правильно для разыгрываемого время от времени представления. Думаю, вам пришлась бы по сердцу картина прошлых лет, лучшее из того, что может породить человеческое воображение. Посему, пожалуйста, старайтесь владеть собой и не бойтесь того, что я намереваюсь вам показать. Подойдите к этому окну и сохраняйте спокойствие и хладнокровие.

Он взял меня за руку, дабы подвести к одному из двух окон, расположенных в длинной стене этой комнаты, окутанной зловонием. Едва его рука, лишенная перчатки, коснулась моей, меня пронзил холод. Я сразу захотел отстраниться. Но тут же

вновь подумал о кошмарной пустоте реальности и отважно приготовился следовать за ним всюду, куда бы он меня ни повел. Оказавшись у окна, он раздвинул шелковые желтые портьеры и устремил взор во тьму, окружившую дом. В первое мгновение я не увидел ничего, за исключением танцующих далеко-далеко мириадов крошечных искр. Затем, словно бы отвечая незаметному движению его руки, на небе ослепительно вспыхнула зарница, и глазам моим предстало море роскошной листвы — свежей листвы — а не грязных крыш, какое обязано было бы породить воображение здравомыслящего человека. По правую руку от меня коварно серебрились воды Гудзона, впереди же, в отдаленьи, я видел губительные блики обширной солончаковой топи, усеянной пугливыми светляками. Вспышка угасла, и зловещая ухмылка заиграла на восковых чертах старого колдуна-некроманта.

— Это было еще до меня... до прихода нового сквайра. Прошу вас, давайте сделаем еще попытку.

Меня охватила слабость, я ощущал дурноту, худшую, чем от нелепой, ненавистной современности проклятого города.

— Боже милосердный! — прошептал я. — И вы в силах проделать то же *с любым временем*?

Когда он, кивнув, обнажил почерневшие корешки некогда желтых клыков, я вцепился в портьеру, чтобы не свалиться, однако он привел меня в чувство, вновь прикоснувшись к моим пальцам своей жуткой ледяной рукой, и снова сделал неуловимое движение.

Снова яркая вспышка — на сей раз уже над сценой, не вполне знакомой. Это был Гринич, Гринич, такой, каким он был некогда с известными и понывне рядами домов и особняками, но также с чудесными зелеными полянами, лугами и заросшими травой лужайками. Болото по-прежнему поблескивало вдалеке, но еще дальше мне были видны пирамидальные крыши будущего Нью-Йорка, Троицу, собор святого Павла и возвышающуюся над округой кирпичную церковь, и надо всем — завесу дыма, струящегося из труб. Я с трудом дышал. Дух мой стеснился, но не столько от самого зрелища, сколько от открывшихся мне возможностей; от того, что могло быть вызвано моим воображением.

— Можете ли вы... посмеете ли вы... пойти еще дальше? — с благоговейным трепетом произнес я, и на некую долю секунды мне почудилось, будто он разделяет мое желание. Но по его лицу вновь скользнула зловещая усмешка.

— Еще дальше? То, что я видел, погубит вас и обратит в каменную статую. Назад, назад — вперед, вперед. Слушайте, а вы не пожалеете об этом?

Мрачно пробурчав себе под нос последние слова, он повторил свое незаметное движение. И тут же небо озарила вспышка

более ослепительная, чем обе первые. В течение трех секунд передо мной промелькнуло дьявольское зрелище. Глазам моим предстала картина, которая долго будет терзать меня в кошмарных снах. Я видел преисподнюю, где в воздухе кишели непонятные летающие объекты. Под ними же раскинулся сумрачный адский город с вереницами огромных каменных башен и пирамид, в богохульной ярости стремящихся в подлунную высоту, и в бесчисленных окнах пылали сатанинские огни. И, скользя взглядом по омерзительным висячим галереям, я увидел жителей этого города, желтокожих, косоглазых, облаченных в гнусные шафранно-красные одежды. И они плясали, как сумасшедшие, под лихорадочно бьющиеся синкопы литавр, гром невероятных щипковых, яростные стоны засурдиненных труб, чьи беспрерывные, бесконечные рыдания вздымались и падали, словно полные скверны и уродства волны асфальтового моря.

Я смотрел на эту картину, мысленно представляя себе ту нечестивую какофонию звуков, что ей сопутствовала. И это превысило все ужасы, порожденные городом-трупом в моем мозгу. Забыв о приказании хранить тишину, я отчаянно завопил. Я кричал и кричал, не в силах сдержать напряжения нервов, так что стены вокруг меня задрожали.

Потом, когда погасла вспышка зарницы, я заметил, что хозяина моего тоже бьет дрожь. Взгляд, выражавший неподдельный ужас, отчасти пересиливал кривой оскал гнева, вызванного моей несдержанностью. Он пошатнулся, вцепился в портьеру, как я совсем недавно, и начал дико вращать глазами и головой, словно зверь, загнанный в ловушку. Бог свидетель, у него были на то причины. Но, едва стихло эхо моего крика, послышался новый звук. Он рождал такой ужас, что лишь отупение чувств помогло мне сохранить здравые память и рассудок. За порогом запертой двери слышалось скрипение лестницы, тяжелые, но мягкие шаги, словно бы по ней поднималась толпа босых или обутых в мокасины ног.

Затем медная щеколда, тускло блестящая в неверном свете свечи, осторожно, но явственно подалась. Старик крепко сжал мою руку и плюнул в меня, и в голосе его билось хрипение, пока он, шатаясь, цеплялся за желтые портьеры:

— Полнолуние... будь ты проклят, ты... ты, визгливый пес... ты вызвал их, и они пришли за мной! О, эти ноги в мокасинах, мертвецы... Бог покарает вас, вас, краснокожие дьяволы... Это не я отравил ваш ром! Вы сами упились до смерти, будьте прокляты, не смейте обвинять сквайра... прочь! Оставьте щеколду! Я здесь не ради вас...

В то же мгновение три медленных, негромких, но очень уве-

ренных удара сотрясли дверь, и белая пена выступила на губах беснующегося колдуна. Его страх, сменившийся мрачным отчаянием, родил новый припадок гнева, направленного на меня, и он, шатаясь, шагнул к столу, о край которого я опирался. Портьера, все еще зажатая в его правой руке, в то время как левой он пытался схватить меня, натянулась и, наконец, обрушилась на пол вместе с кронштейном. В комнату ворвался поток лучей полной луны, которой предшествовали те яркие вспышки зарниц. В ее зеленоватом сиянии померкло пламя свечей, и новые заметные следы разрушения обозначились в комнате с ее запахом мускуса, изъеденными червем панелями, осевшим полом, полуразваленным камином, расшатанной мебелью и потрепанными портьерами. Заметны были эти признаки и в старике — то ли вследствие яркого лунного света, то ли страха и безумия. Я увидел, как он весь сразу съежился и почернел, когда он, спотыкаясь, надвигался на меня, стремясь растерзать меня своими хищными когтями. Не изменились лишь его глаза, излучавшие странный свет, становившийся все ярче по мере того, как все сильней съеживалось и чернело его лицо.

Удары в дверь повторились с еще большей настойчивостью. На сей раз к ним добавился какой-то металлический призвук. От темной твари, двигавшейся ко мне, осталась только голова с глазами, которая, корчась, старалась доползти до меня по осевшим половицам. Порой она испускала слюну и злобное шипение. На ветхие дверные панели обрушились быстрые рубящие удары, и я увидел блеск томагавка, разносившего в щепы дверь. Я не шевелился, ибо не в состоянии был этого делать, но, потрясенный, смотрел, как дверь рассыпалась, дабы пропустить чудовищный, бесформенный поток черной как смоль субстанции, в которой как звезды горели злобные глаза. Он изливался густой и толстой струей, словно нефть, черной и жирной, сломал полусгнившую перегородку, перевернул случившийся на пути стул и, наконец, под столом устремился туда, где потемневшая голова еще таращилась на меня. Вокруг нее поток сомкнулся, поглотив ее бесследно, и в следующее мгновение начал убывать, унося свою потаенную ношу, не коснувшись меня, утекая обратно в чернеющий проем двери и далее вниз по скрипевшей, как и раньше, невидимой лестнице.

Тут пол не выдержал, и я, задыхаясь, рухнул вниз, в комнату, черную как ночь, давясь паутиной и полумертвый от страха. Зеленая луна, светившая сквозь разбитые окна, помогла мне заметить приоткрытую дверь холла.

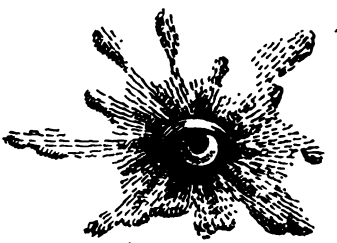
Когда я, с трудом выбравшись из-под обломков обрушившегося потолка, поднимался с усыпанного штукатуркой пола, меня миновал омерзительный черный поток с горящими в нем неисчисли-

мыми злобными глазами. Он искал подвальную дверь и, найдя ее, в ней исчез. Я же искал выход отсюда. Тут над моей головой раздался треск, вслед за ним что-то обрушилось. Вероятно, это была крыша дома. Высвободившись из обломков и паутины, я рванулся через холл к двери на улицу. Не сумев открыть ее, я схватил стул и, высадив окно, выскочил, как безумный, на запущенную лужайку, где лунный свет скользил по траве и одичалому кустарнику. Изгородь была высока, все ворота в ней — заперты. Я сдвинул к стене груду ящиков, валявшихся в углу, и так вскарабкался наверх.

В полном изнеможении я взглянул вокруг и увидел лишь диковинные изгороди и старинные двускатные крыши. Круто поднимавшаяся улица едва просматривалась, и то малое, за что успевал зацепиться взгляд, несмотря на изливавшийся с неба яркий лунный свет, быстро поглощал подступающий от реки туман. Неожиданно наверщие столба, за который я цеплялся, дрогнуло, словно бы в ответ на мою смертельную усталость и головокружение, и в ту же минуту, я стремительно полетел вниз, в неизвестность, уготованную мне роком.

Человек, который нашел меня, сказал, что я, должно быть, несмотря на переломанные кости, долго полз, ибо кровавый след тянулся за мной так далеко, насколько ухватил его взгляд. Дождь, начавшийся вскорости, смыл все следы моих страданий, и в точности установить было ничего невозможно. Свидетели показали, что я появился неизвестно откуда у входа в маленький двор на Перри-стрит.

Никогда больше не пытался вернуться я в те угрюмые лабиринты, и ни одному здравомыслящему человеку не посоветую. Кем или чем была та древняя тварь, не имею ни малейшего понятия; но повторяю — город мертв и полон неизъяснимых ужасов. Исчез ли *он*, не знаю, но я вернулся домой, к свежим зеленым лужайкам Новой Англии, по вечерам овеваемым напоенным морской солью ветром.

СКЛЕП

Поелику события, о коих будет здесь рассказано, привели меня в лечебницу для душевнобольных, я сознаю, что это обстоятельство ставит под сомнение достоверность моей повести. К сожалению, невозможно отрицать, что значительная часть рода человеческого весьма ограничена в своих способностях относительно ясновидения и предчувствий. Таковым тяжело понять немногочисленных индивидуумов, обладающих психологической утонченностью, чье восприятие некоторых ощутимых феноменов окружающего мира простирается за пределы общепринятых представлений. Людям с более широким кругозором ведомо, что четкой границы между реальным, действительным и ирреальным воображаемым не существует, что каждый из нас, благодаря тонким физиологическим и психологическим различиям, воспринимает все явления по-своему. Именно из-за

них столь непохожи все наши чувства. И однако, прозаический материализм большинства метит клеймом безумия иррациональные явления, не вмещающиеся в прокрустово ложе обыденной рассудочной логики.

Мое имя — Джервас Дадли. С раннего детства я был отрешенным, далеким от жизни, мечтателем и оригиналом. Материальное положение моей семьи освобождало меня от забот о хлебе насущном. Весьма импульсивный склад моего характера отвращал меня и от научных занятий, и от развлечений в кругу друзей или близких. Я предпочитал оставаться в царстве грез и видений, вдали от событий реального мира.

Юность свою я провел за чтением старинных и малоизвестных книг и рукописей, в прогулках по полям и лесам в окрестностях наших наследственных владений. Не думаю, что вычитывал в книгах и видел в лесах и полях то же самое, что и все прочие. Но не стоит особо останавливаться на этом, ибо рассуждения на эту тему лишь дадут пищу безжалостному злословию насчет моего рассудка, какое я и ранее различал в осторожном перешептывании за моей спиной. С меня вполне достаточно просто поведать о событиях, не углубляясь в механизм причинно-следственных связей.

Как было упомянуто выше, я обитал в королевстве грез и фантазий, отвратившись от реалий материального мира, но я не утверждал, что пребывал там один. В природе не существует абсолютного одиночества. Особенно оно не свойственно человеку — ведь из-за недостатка или отсутствия дружеского общения с окружающими его неодолимо влечет к общению с миром иным — тем, что уже не существует вживе, или никогда не был жив.

Неподалеку от моего дома лежит уединенная лощина, в полумраке которой я проводил почти все свое время, предаваясь чтению, размышлениям и грезам. На этих мшистых склонах я сделал первые младенческие шаги, в сени этих сучковатых, диковинно искривленных дубов родились мои детские фантазии. Близко ли узнал я лесных нимф? Часто ли следил за их самозабвенными фантастическими плясками при слабых проблесках ущербного месяца?.. Однако сейчас речь не о том. Я расскажу вам лишь об одиноком склепе, таившемся в сумраке леса, о заброшенном склепе семейства Хайд, старинного и благородного рода, последний прямой потомок которого упокоился во тьме гробницы за несколько десятилетий до того, как я пришел в мир.

Фамильный склеп, о коем я повествую, был выстроен из гранита, с течением лет от частых дождей и туманов поменявшего своей цвет. Увидеть склеп, глубоко вросший в склон холма,

можно было только оказавшись у самого входа. Дверь, представляющая собой тяжелую, лишенную украшений гранитную плиту. Она держалась на проржавевших дверных петлях и была до странности неплотно прикрыта железными цепями и висячими замками, сработанными в отталкивающем стиле полувековой давности. Родовое же гнездо, некогда венчавшее вершину холма, не так давно стало жертвой пожара, приключившегося вследствие удара молнии. О той достопамятной грозе, разразившейся среди ночи, местные старожилы порой говорили тревожным шепотом, намекая на «кару господню». Сами эти слова, и тон, каким они произносились, усиливали во мне и без того сильное влечение к руинам, могилам и гробницам, таящимся в сени густых лесов. В пламени того пожара погиб лишь один человек.

Последний из рода Хайд по смерти был погребен в этом тихом тенистом месте. Бренные останки его перевезли сюда из тех далеких краев, где, после того как сгорел особняк, нашло пристанище это семейство. Не осталось никого, кто положил бы цветы у гранитного портала, и мало кто осмелился бы без страха вступить в гнетущий полумрак, окружающий склеп. Полумрак, где, казалось, бродили привидения.

Никогда не забыть мне дня, когда я впервые натолкнулся на эту потаенную обитель, приютившую смерть. Это случилось в середине лета, когда алхимия природы превращает ландшафт в почти однородную зеленую массу, когда шелест окружающей листвы, влажной после дождя, и не поддающиеся точному определению запахи почвы и растений приводят тебя в упоение. В столь живописном месте невольно прекращается работа мысли, время и пространство превращаются в незначащие нереальные категории, а эхо позабытого доисторического прошлого настойчиво отдается в зачарованном мозгу.

Весь день я блуждал по лощине, по таинственной дубраве, размышляя о том, чего не следует обсуждать. Мне было от роду всего десять лет. Я видел и слышал такие чудеса, что недоступны толпе, и непонятным образом чувствовал себя совершенно взрослым в некоторых отношениях. Когда, с усилиями прорвавшись сквозь густые заросли вереска, я неожиданно натолкнулся на вход в склеп, то ни в малой степени не понял, *что* обнаружил. Темные гранитные глыбы, загадочно приоткрытая дверь, скорбные надписи над порталом не рождали у меня никаких мрачных или неприятных ассоциаций. Я знал о существовании могил и склепов, много о них размышлял, но мои близкие, зная особый склад моего характера, стремились оградить меня от посещений кладбищ. Удивительный каменный домик на лесистом склоне был для меня не больше, чем поводом для любопытства, а

его сырое холодное дно, куда я тщетно пытался проникнуть сквозь соблазнительно приоткрытую дверь, даже не намекало мне на смерть или тление. Но в то же мгновение у меня, словно у безумца, вместе с любопытством зародилось неудержимое желание, которое привело меня в ад моего нынешнего заточения. Понуждаемый зовом, исходящим, должно быть, из страшной лесной чащи, я решился пройти в манящий мрак, несмотря на тяжкие цепи, заграждающие проход. В умирающем свете дня я с грохотом тряс железные заслоны каменной двери, стремясь пошире раскрыть ее, пытаясь протиснуть свое худенькое тело через узкую щель. Но мои усилия были тщетны. Испытывая поначалу лишь обычное любопытство, я постепенно превратился в одержимого, и когда, в сгустившемся сумраке я вернулся домой, то поклялся всеми богами, что *любой ценой* когда-нибудь взломаю дверь, ведущую в эти темные недра, что, казалось, звали меня. Врач с седоватой бородкой, каждый день посещающий мою палату, однажды сказал кому-то из посетителей, будто это решение и послужило началом моей болезни — мономании, однако я оставляю окончательный приговор за читателем, когда он все узнает.

Месяцы, воспоследовавшие за моим открытием, протекли в бесплодных попытках взломать сложный висячий замок, а еще — в крайне осторожных расспросах, относительно того, как возникла здесь эта постройка. От природы наделенный восприимчивым разумом и слухом, я сумел многое узнать, хотя прирожденная скрытость принуждала меня никого не посвящать в свои замыслы и планы. Вероятно, следует упомянуть, что я отнюдь не был изумлен или испуган, когда узнал о предназначении склепа. Мои весьма своеобразные понятия о жизни и смерти смутно отождествляли холодные останки с живым телом, и мне чудилось, будто то большое злосчастное семейство из сгоревшего особняка неким образом переселилось в тем каменные глубины, которые я сгорал желанием познать. Случайно подслушанные рассказы о мистических ритуалах и кощунственных пирах в том древнем особняке пробудили у меня новый глубокий интерес к приюту, у дверей которого я сиживал ежедневно по несколько часов кряду. Раз я бросил в полуоткрытую дверь свечу, но не сумел ничего увидеть, за исключением серых каменных ступеней, ведущих в небытие. Запах внутри был отвратителен, он отталкивал и одновременно чаровал меня. Мне чудилось, будто раньше, в далеком-далеком прошлом, спрятанном за пределами моей памяти, я его знал. Год спустя после этого происшествия на чердаке нашего дома, заваленном книгами, наткнулся я на изъеденные жучком плутарховы «Жизнеописания». Меня сильно по-

разило то место в главе о Тезее, где было рассказано об огромном колене, под которым будущий герой отрочестве должен был найти знамение своей судьбы, едва лишь станет настолько взрослым, чтобы сдвинуть тяжелый камень. Предание это успокоило мое алчное нетерпение попасть в склеп, ибо я наконец понял,что еще не пришло мое время. Потом, сказал себе я, когда вырасту, наберусь сил и разумения, я без труда смогу открыть дверь с тяжкими цепями, а до тех пор лучше подчиниться предначертаниям Рока.

Мои бдения подле леденящего сырого портала вследствие этого решения стали реже и короче, я начал отводить много времени иным, не менее оригинальным занятиям. Порой ночами я беззвучно поднимался с постели и украдкой покидал дом, дабы побродить по кладбищам или местам, где имелись погребения, от посещений коих меня столь тщательно оберегали родители. Не могу рассказать вам, чем я там занимался, так как теперь сам уже не уверен в минувшем, но хорошо помню, как нередко поутру после подобных ночных вылазок я изумлял домашних своей способностью говорить на темы, почти забытые многими поколениями. Именно после одной такой ночи я потряс семью подробностями о похоронах богатого и прославленного сквайра Брюстера, некогда славного в наших краях и погребенного в 1711 году, чей иссиня-серый надгробный камень с высеченными на ней двумя скрещенными берцовыми костями и черепом, постепенно обращался во прах. Мое детское воображение тут же нарисовало не только то, как владелец похоронной конторы Гудмэн Симпсон стащил у покойника башмаки с серебряными пряжками, шелковые чулки и облегающие атласные кюлоты, но и как сам сквайр, погребенный в летаргическом сне, дважды перевернулся в гробу под холмиком могилы на другой же день после похорон.

Надежда забраться в склеп никогда не оставляла меня, и еще больше укрепило ее неожиданное генеалогическое открытие, что мать моя была в родстве, хоть и отдаленном, с якобы вымершим семейством Хайд. Последний в роду по отцовской линии, я был, вероятно, также последним и в этом старинном и загадочном роду. Я начал чувствовать, что склеп этот был *моим*, и с жадным нетерпением ожидал мгновения, когда смогу открыть массивную каменную дверь и спуститься по осклизлым гранитным ступеням во тьму подземелья. Теперь я приобрел привычку стоять у приоткрытой двери склепа и вслушиваться со всем возможным вниманием. Ко времени своего совершеннолетия я успел протоптать небольшую прогалину ко входу в склеп. Кусты, окружавшие его, замыкались полукольцом, словно некая ограда. А ветки деревьев, нависая сверху, создавали некую крышу. Этот приют был моим храмом, а запертая дверь — алтарем, и у

него я порою лежал, вытянувшись на мху. Странные мысли и видения посещали меня.

Свое первое открытие я совершил одной душной ночью. Вероятно, от утомления я впал в забытье, ибо отчетливо помню, что в миг пробуждения услышал голоса. Об их интонациях, тоне, произношении я говорить не осмелюсь; об их характерных особенностях, тембрах я говорить не хочу; могу лишь рассказать о колоссальных различиях в словарном составе, акценте и манере произношения. Все возможное многообразие — от диалектов Новой Англии, необычных звукосочетаний первопоселенцев-пуритан до педантичной риторики полувековой давности, казалось, было представлено в этой смутной беседе. Хотя на эту удивительную особенность я обратил внимание лишь позже. В ту же минуту мое внимание было отвлечено другим явлением, столь мимолетным, что я не смог бы клятвенно утверждать, будто оно действительно произошло. Но было ли игрой моего воображения то, что в миг моего пробуждения сразу же погас *свет* в окутанном мраком склепе? Не думаю, что я был удивлен или охвачен паникой, но знаю, что очень сильно *переменился* в ту ночь. По возвращении домой я тут же направился на чердак, к полусгнившему комоду, где обнаружил ключ, при посредстве которого на следующий же день легко захватил столь долго осаждаемую крепость. Когда я впервые ступил под своды склепа, в эту покинутую, всеми забытую обитель полился рекой мягкий послеполуденный свет. Я стоял, словно околдованный, сердце мое колотилось в неописуемом ликовании. Едва я закрыл за собою дверь и спустился по осклизлым ступенькам при свете моей единственной свечи, мне все почудилось там знакомым, и, хотя свеча трещала, разнюся удушающие миазмы, я странным образом чувствовал себя как дома в затхлой атмосфере склепа. Осмотревшись, я увидел множество мраморных плит, на которых стояли гробы, точнее говоря, то, что от них осталось. Некоторые были невредимы и плотно закрыты, другие же почти полностью развалились, став кучей белесоватого праха. Не тронутыми временем оставались лишь серебряные ручки и таблички с именами. На одной из них я прочел имя сэра Джеффри Хайда, прибывшего из Суссекса в 1640 году и через несколько лет скончавшегося. В глаза мне бросилась ниша, где разместился отлично сохранившийся гроб со сверкающей табличкой, на которой было выгравировано одно лишь имя, заставившее меня улыбнуться и вздрогнуть одновременно. Какое-то непонятное чувство побудило меня вскарабкаться на широкую плиту, задуть свечу и погрузиться в холодное лоно ждущего своего хозяина дубового одра.

В седой предрассветной мгле я неверной походкой вышел из-под сводов гробницы и запер за собой замок. Больше я не был молодым, хотя всего лишь одна зима остужала мою кровь. Рано встающие деревенские жители, видя мое возвращение домой, смотрели на меня с изумлением. Они удивлялись, читая, по их мнению, следы буйной пирушки на лице человека, которого считали воздержанным и ведущим замкнутую жизнь. Родителям своим я показался только после того, как освежился сном.

С тех пор я каждую ночь посещал склеп — видел, слышал, делал то, о чем не должен вспоминать. Первой претерпела перемену моя речь, изначально восприимчивая к различным влияниям, и вскорости близкие заметили, что моя манера изъясняться стала архаичной. Затем в моем поведении начали проявляться необъяснимые самоуверенность и безрассудство, и вскоре я, несмотря на свое пожизненное отшельничество, поневоле приобрел манеры светского человека.

Прежде молчаливый, я стал красноречив, прибегая в разговоре то к изящной иронии Честерфилда, то к богохульному цинизму Рочестера. Я проявлял невероятную эрудицию, в корне отличную от причудливых сочинений аскетов, бывших постоянным предметом моих юношеских размышлений, сочинял экспромтом вольные эпиграммы в духе Гэя, Прайора, и своеобразного остроумия Августина. Как-то поутру за завтраком я чуть было не навлек на себя беду, обрушив с демонстративным пафосом на слушателей поток вакхически непристойных фраз одного поэта восемнадцатого века, декламируя их с георгианской игривостью, вряд ли уместной на страницах моей повести.

Примерно в это же время я начал испытывать страх перед пламенем и грозами. Прежде относясь к подобным явлениям со спокойным безразличием, теперь я чувствовал неизъяснимый ужас, и, когда грохочущие небеса изрыгали всего лишь электрические разряды, прятался в самых укромных уголках дома. Излюбленным моим убежищем стал разрушенный подвал сгоревшего особняка. Воображение рисовало мне его изначальный вид. Однажды я ненароком перепугал одного селянина, с уверенностью приведя его в неглубокий погреб, о существовании коего я, как выяснилось, знал, хотя он был укрыт от глаз и позабыт на протяжении многих поколений.

Наконец наступил период, приближения которого я ждал со страхом. Родители мои, встревоженные переменами в манерах и облике своего единственного сына, с намерениями самыми до-

брыми стали прилагать все усилия, чтобы проследить каждый мой шаг. Это угрожало бедой. Я никому не рассказывал о посещениях склепа, сызмальства ревностно оберегая свою тайну. Теперь же я был вынужден прибегнуть к тщательным предосторожностям, проложив хитрый лабиринт в лесной ложбине, дабы сбить с толку возможного преследователя. Ключ от склепа я носил на шнурке, на шее. Известно было об этом лишь мне одному. Я никогда не выносил за пределы склепа ничего, что привлекало мое внимание во время моего там пребывания.

Однажды утром, когда я не слишком твердой рукой закреплял дверную цепь, покинув склеп после очередного ночного бдения, я приметил в зарослях искаженное страхом лицо наблюдателя. Без сомнений, близился час расплаты, ибо приют мой был открыт и причина моих ночных отлучек установлена. Тот человек не заговорил со мной, и я поспешил домой, надеясь подслушать, что сообщит он моему удрученному заботами отцу. Неужели все мои ночные пристанища, помимо того, что укрывалось за тяжелой цепью, известны посторонним? Представьте же мое радостное изумление, когда я услышал, как выследивший меня осторожным шепотом поведал отцу, что я *провел ночь рядом со склепом*. Каким-то чудом наблюдатель был введен в заблуждение.

Теперь я убедился, что меня охраняет некая сверхъестественная сила. Ниспосланное свыше спасение придало мне отваги, и я возобновил открытые посещения склепа, уверенный, что никто не увидит, как я туда проникаю. Целую неделю я от души наслаждался, разделяя приятное общество мертвецов, на чем я не должен и не желаю здесь останавливаться, как внезапно приключилось *нечто*, доставившее меня в эту ненавистную юдоль скорби и однообразия.

В ту ночь мне не стоило покидать дома, ибо атмосфера была предгрозовой, порой в свинцовых тучах погромыхивал гром, и зловонное болото на дне лощины было окутано адским свечением. Изменился и зов мертвых. Он звучал не из склепа, а с обугленных руин подвала на вершине холма, и, когда вышел из рощи, оказавшись на голом пространстве перед развалинами, могущественный демон поманил меня оттуда незримой рукой. В неверном свете луны я увидел то, что всегда невидимо присутствовало во мне.

Особняк, сто лет назад стертый с лица земли, снова восстал перед моим потрясенным взором во всем своем великолепии. Во всех окнах ярко сияли многочисленные люстры. По длинной аллее, ведущей к парадному входу, катили кареты мелкопоместных дворян, обгоняя вереницы изысканных гостей в пудреных

париках, что явились пешком из ближних особняков. Я смешался с этой толпой, хотя понимал, что принадлежу скорее к хозяевам, чем к гостям. В огромном зале гремела музыка, звучал веселый смех, и тысячи свечей бросали яркие блики на бокалы с вином. Некоторые лица были мне смутно знакомы; я мог бы знать их и лучше, когда бы их черты не были отмечены печатью смерти и разложения. Я чувствовал себя всеми покинутым в этой бурно веселящейся праздной толпе, и богохульства, достойные посрамить самого Рэя, непрестанно срывались с моих уст, и мои остроумные язвительные высказывания не щадили ни законов Божеских, ни законов природы.

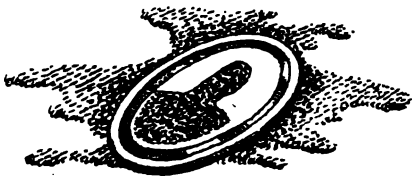
Внезапно над несмолкаемым гомоном собрания изо всех сил грянули раскаты грома. Расколов крышу, они заставили онеметь от страха и самых отважных в этой разгульной толпе. Дом оказался объят багровыми языками пламени и жгучими вихрями раскаленного воздуха. В панике от обрушившейся на них катастрофы, преступавшей, казалось, все пределы буйства природы, все участники странного шабаша спасались бегством во мрак. Я остался в одиночестве, прикованный к месту унизительным страхом, никогда не веданным прежде. И тут душа моя исполнилась новым ужасом: моя заживо сгоревшая дотла плоть прахом развеялась всеми четырьмя ветрами. *Я же никогда не смогу отыскать свое место в склепе Хайдов*! Разве для меня не был приготовлен гроб? Или не имею права упокоить свои останки среди потомков сэра Джеффри Хайда? Да! Однако я потребую у смерти свое, пусть даже душа моя будет через века искать спасения, дабы вновь одеться плотью и обрести приют на пустующей мраморной плите в нише склепа. Джервас Хайд обязан сделать это, никогда не разделит он злосчастной участи Палинура! (*55*)

Когда видение пылающего дома исчезло, оказалось, что меня держат двое мужчин, причем один из них был тот, кто следил за мной у склепа. Я вопил и вырывался как безумный. Потоком хлестал дождь, в южной части неба вспыхивали молнии, и прямо над нашими головами слышались раскаты грома. Я продолжал громко требовать, чтобы меня погребли в склепе Хайдов, а рядом стоял мой отец; лицо его избороздили скорбные морщины. Он непрестанно напоминал державшим меня, чтобы со мною обращались сколь возможно мягче. Почерневший круг на полу разрушенного подвала свидетельствовал о страшнейшем ударе молнии. Кругом с фонарями в руках толпились любопытствующие селяне. Они искали маленькую старинную шкатулку, которую высветила вспышка молнии.

Поняв, что все мои попытки освободиться напрасны, я прекратил отбиваться и принялся наблюдать за искателями клада.

Мне разрешили присоединиться к ним. В шкатулке, чей замок был сбит ударом молнии, вырвавшей ее из земли, нашлось много документов и ценностей. Но мой взгляд привлек лишь один предмет — фарфоровый миниатюрный портрет молодого человека в аккуратно завитом парике с косицей. Я сумел разобрать инициалы «Дж.Х.» Лицо его могло быть моим отражением в зеркале.

На другой день меня привели в эту комнату с решетками на окнах. Но я узнавал обо всем, о чем хотел, от старого простодушного слуги, сочувствовавшего моей юности, и, подобно мне, любящего погребения. То, что я осмелился поведать о пережитом мною в склепе, у других вызывало лишь снисходительные улыбки. Отец мой, часто посещающий меня, уверяет, будто я никак не мог проникнуть через цепь и дверь, и божится, что к ржавому замку не прикасались, наверное, уже полвека. Он сам все проверил и убедился в этом. Он утверждает даже, будто в поселке все знали о моих походах к склепу и следили за мной, пока я спал снаружи, с полузакрытыми глазами, устремленными на приотворенную дверь. Этим утверждениям я не могу противопоставить никаких вещественных доказательств, ибо ключ от замка пропал в ту страшную ночь, когда меня схватили. Отец не придает значения и моим необычайным познаниям о прошлом, заимствованным мною из встреч с мертвецами, считая их результатом запойного чтения старинных книг из фамильной библиотеки. Если бы не старый мой слуга Хайрэм, я бы и сам полностью уверился в своем безумии. Но Хайрэм, преданный мне до конца, верит мне и убедил меня открыть людям, хотя бы отчасти, свою историю. Неделю назад он отпер замок, снял с двери склепа цепь и, с фонарем в руке, спустился в его мрачные недра. На мраморной плите в нише он обнаружил старый, но пустой гроб. На потускневшей от времени табличке на нем имелось лишь одно имя, «Джервас». В том гробу и в том склепе меня и обещали похоронить.

КОММЕНТАРИИ

СИЯНИЕ ИЗ КОСМОСА

1. Фюсли — немецкий живописец-романтик.

НАСЛЕДСТВО ПИБОДИ

2. Рассказ написан в соавторстве с Августом Дерлетом.

3. «Молот ведьм» и «Ведовство» — средневековые трактаты, излагавшие учение католической церкви о колдовстве и являвшиеся руководством для инквизиции в ведьмовских процессах. Ниже упоминаются также «Жизнеописания софистов», «О природе демонов», «Бегство от Сатаны» и «Трактат о колдовстве».

4. Салемский процесс — речь идет об одном из религиозных процессов, состоявшемся в 1692 году в г. Салем колонии Массачусетс и в немалой степени инспирированном сочинениями Коттона Мэзера (см. ниже примечание 25). По подозрению в связи с нечистой силой и порче детей было арестовано более 150 человек, из них 19 повешено и один замучен до смерти.

В СТЕНАХ ЭРИКСА

5. Рассказ написан в соавторстве с Кеннетом Стерлингом.

6. Новая Земля (лат.) — поселение землян на Венере названо Лавкрафтом в соответствии с традицией колониальных завоеваний.

7. Эрикс (лат., миф.) — сын богини Венеры, убитый Геркулесом и погребенный под горой, получившей позднее его имя.

8. Лепидодендрон — род вымерших крупных деревьев (высотой до 30 м), существовавших на Земле до конца каменноугольного периода.

КОШМАР В РЕД-ХУКЕ

9. См. Эдгар По, «Человек толпы»

10. Обри Бердслей (1872-98) — англ. рисовальщик. Отличительными чертами его графики являлись болезненная хрупкость линий и замысловатая игра силуэтов (илл. к «Саломее» О.Уайльда).

11. Гюстав Доре (1832-1883) — выдающийся французский график, прославившийся своими иллюстрациями к Библии и «Дон Кихоту» Сервантеса.

12. Каббала — мистическое течение в иудаизме; воспринимало Библию как особый мир символов. Так называемая практическая Каббала (каббалистика) основана на вере в то, что при помощи специальных ритуалов и молитв человек может активно вмешиваться в божественно-космический процесс.

13. Йезиды — наименование части курдов, исповедующих синкретическую религию, которая сочетает элементы язычества, древних индоиранских верований, иудаизма, несторианства и ислама.

14. ЭЛЬ . ЭЛОХИМ . СОТЕР . ЭММАНУЭЛЬ . САВАОФ . АГЛА . ТЕТРАГРАММАТОН . АГИРОС . ОТЕОС . ИЩХИРОС . АТАНАТОС . ИЕГОВА . ВА . АДОНАИ . ШАДДАЙ . ГОМОУЗИОН . МЕССИЯ . ЭШХЕРЕХЕЙЕ

15. Инкубы и суккубы — в средневековых народных верованиях — злые духи-соблазнители. Инкуб — демон мужского рода, суккуб — женского.

16. Геката — в греч. мифологии покровительница ночной нечисти и колдовства.

17. Эгипаны (греч.) и фавны (рим.) — в античной мифологии боги природы, полей и лесов. Обычно изображались с козлиными рогами, копытами и бородой.

18. Молох — в библейской мифологии божество, для умилостивления которого сжигали малолетних детей.

19. Астарта — в древнефиникийской мифологии богиня плодородия, материнства и любви; олицетворение планеты Венеры.

ПОГРЕБЕННЫЙ С ФАРАОНАМИ

20. Гарри Гудини, настоящее имя Эрих Вейс (1874-1926) — знаменитый американский иллюзионист-эскапист, прославившийся своим умением выбираться из труднейших ситуаций, в частности из смирительной

рубашки, будучи подвешен в ней за ноги на большой высоте, из наглухо зашитого мешка, из запертого и брошенного в воду сундука, а также из любых тюремных камер (что и было продемонстрировано в московской Бутырской тюрьме в 1903 г.) и даже из глубокой, засыпанной землей могилы.

21. Фердинанд Лессепс (1805-94) — французский инженер, предприниматель и дипломат, организатор строительства Суэцкого канала.

22. Среднее Царство — период древнеегипетской истории с 21-го по 18-й век до н.э.

23. Саладин (Салах-ад-Дин, 1138-93) — султан Египта в 1171-93 гг., по национальности курд. Одержал ряд побед над войсками крестоносцев в Палестине.

24. Мухаммед-Али (1769-1849) — правитель Египта в 1805-49 гг. Проводил реформаторскую политику, вел завоевательные войны, добился фактической независимости Египта от Османской империи.

СНЫ В ВЕДЬМИНОМ ДОМЕ

25. Коттон Мэзер (1663-1728), воинствующий пуританский богослов из Массачусетса, проповедник религиозной нетерпимости. Автор трудов «Достопамятное провидение, касательно ведовства и одержимости», «Великие деяния Христа в Америке, или Церковная история Новой Англии» и др., в которых доказывалась реальнось колдовства.

ЗАТАИВШИЙСЯ СТРАХ

26. Темпест-Маунтин (англ.) — Гора Бурь.

27. Олбанская конвенция — имеется в виду первая попытка политического и военного объединения колоний Англии в период англо-французской борьбы за земли в Северной Америке. С этой целью в 1754 г. в г. Олбани и был созван Конгресс Представителей колоний.

ХРАМ

28. Вильгельмсхафен — германская военно-морская база на побережье Северного моря.

НЕИМЕНУЕМОЕ

29. Конгрегационалисты (от лат. congregatio — община) — приверженцы одной из религиозно-политических партий в период Английской буржуазной революции, сторонники более радикального пуританизма.

30. Последние годы своей жизни создатель Шерлока Холмса посвятил спиритизму, написав на эту тему несколько объемных трудов и статей.

31. Коттон Мэзер — см. примечание 25.

ПОКАЗАНИЯ РЭНДОЛЬФА КАРТЕРА

32. Кенотаф — пустая (т.е. не содержащая погребения) могила. Создавались в Древнем Египте, Греции, Риме и Средней Азии в тех случаях, когда умершего на чужбине человека нельзя было похоронить.

ХАОС НАСТУПАЮЩИЙ

33. Томас Де Куинси (1785-1859) — англ. писатель, предшественник декадентства (автобиографическая «Исповедь англичанина-опиомана»).

ДЕРЕВО

34. Елисейские поля, тж. Элизиум (греч., миф.) — место вечного упокоения душ умерших.

35. Перистиль (арх.) — ряд колонн, окружающий здание или внутренний дворик.

ИЗ ГЛУБИН МИРОЗДАНИЯ

36. Шишковидное тело (анат.) — особое образование в мозге человека, отвечающее за интеллектуально-прогностическую деятельность. В древности воспринималось как «глаз знания или мудрости».

ДАГОН

37. Имеется в виду Первая Мировая война 1914-18 годы.

38. Гунны — здесь: презрительное прозвище немцев.

39. Произведение Джона Милтона (1608-1674), английского поэта и публициста, построенное на основе библейских сюжетов. Изобилует сценами фантастических битв между воинством Сатаны и ангелами, перемежающимися идиллическими картинами рая и описаниями космических пространств.

40. Гюстав Доре — см. примечание 7

41. Булвер-Литтон (1803-1873) — английский писатель, автор многочисленных исторических романов, наиболее известными из которых являются «Риенци, или

Последний трибун» и «Последние дни Помпеи», и драматических произведений.

42. Полифем (греч., миф.) — одноглазый циклоп, ослепленный Одиссеем (см. Гомер, Одиссея, песнь IX), происходил от Посейдона и нимфы Тоосы.

ДЕНЬ УЭНТВОРТА

43. Hexerei (нем.) — колдовство, магия.

ЗА ГРАНЬЮ ВРЕМЕН

44. Амнезия (мед.) — заболевание, характеризующееся отсутствием воспоминаний или неполными воспоминаниями о событиях и переживаниях определенного периода времени.

45. Адъюнкт-профессор — лицо, проходящее научную стажировку, помощник профессора.

46. Цикадовые (или саговники, бот.) — класс голосеменных древесных растений, распространенных в тропиках и субтропиках.

47. Лепидодендроны — см. примечание 8.

48. Сигиллярии (бот.) — семейство вымерших древовидных растений, имевших колоннообразные стволы высотой до 30 м.

49. Агглютинация (лингв.) — образование грамматических форм и производных слов путем последовательного присоединения к корню слова грамматически однозначных аффиксов.

50. Лабиринтодонты (зоол.) — подкласс вымерших земноводных, внешне напоминавших крокодилов или саламандр.

51. Криноидеи (зоол.) — разновидность морской лилии, класс иглокожих, шаровидные или чашечкообразные морские животные. Ископаемые экземпляры достигали в длину двадцати метров.

52. Брахиоподы (или плеченогие, зоол.) — класс мор. животных типа щупальцевых с телом, покрытым двустворчатой раковиной.

53. Полипы (зоол.) — морские либо пресноводные кишечнополостные, живущие, как правило, большими колониями (напр. коралловые полипы). Способны к регенерации утраченных частей тела.

54. Большая Песчаная Пустыня — расположена на северо-западе Австралии; одно из самых жарких и засушливых мест этого материка.

СКЛЕП

55. Палинур — персонаж «Энеиды» Вергилия. Его тень скиталась без погребения, пока тело не было похоронено Энеем.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Сияние извне. *Пер. И. Богданова* 11

Наследство Пибоди. *Пер. В. Дорогокупли* 48

В стенах Эрикса. *Пер. В. Дорогокупли* 75

Кошмар в Ред-Хуке. *Пер. И. Богданова* 109

Погребенный с фараонами. *Пер. О. Мичковского* 139

Сны в ведьмином доме. *Пер. Е. Нагорных* 171

Затаившийся страх. *Пер. Е. Мусихина* 215

Пес. *Пер. Е. Нагорных* 242

Храм. *Пер. В. Дорогокупли* 252

Заброшенный дом. *Пер. О. Мичковского* 269

Безымянный город. *Пер. Е. Мусихина* 301

Неименуемое. *Пер. О. Мичковского* 317

Показания Рэндольфа Картера. *Пер. О. Мичковского* . . 327

Хаос Наступающий. *Пер. Е. Нагорных* 334

Лунное болото. *Пер. Е. Нагорных* 343

Праздник. *Пер. О. Мичковского* 353

Изгой. *Пер. О. Мичковского* 364

Белый Корабль. *Пер. Е. Мусихина* 372

Другие боги. *Пер. Е. Мусихина* 380

Полярная звезда. *Пер. Е. Мусихина* 386

Иранон. *Пер. В. Останина* 391

Дерево. *Пер. В. Останина* 398

Карающий рок над Сарнатом. *Пер. Е. Мусихина* 403

Гипнос. *Пер. И. Майоровой* 411

Служитель зла. *Пер. В. Дорогокупли* 418

Из глубин мироздания. *Пер. О. Скворцова* 424

Артур Джермин. *Пер. Е. Мусихина* 433

Дагон. *Пер. Е. Мусихина* 446

День Уэнтворта. *Пер. В. Дорогокупли* 453

За гранью времен. *Пер. В. Дорогокупли* 466

Он. *Пер. В. Черных* 538

Склеп. *Пер. В. Черных* 549

Комментарии 559

Литературно-художественное издание

Говард Ф. Лавкрафт
Полное собрание сочинений, т. 1

Составители: агентство "Кубин ЛТД"
И. Халымбаджа
И. Богданов

Редакторы И. Богданов, С. Ибис
Художник В. Ан
Технический редактор М. Александров
Корректор А. Анисимова

Подписано к печати 16.09.92 г. Формат 84 × 108 1/32.
Бумага книжно—журнальная.

Усл.-печ. л. 30,24. Тираж 100 000 экз. Заказ 130. Цена договорная.
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Таврида»,
333700, г Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.

ВНИМАНИЕ!

Желающие приобрести
книги серии **"HORROR"**
могут позвонить по телефонам:
г. Москва **(095) 539-84-13**
г. Н. Новгород **(8312) 52-80-05**
г. Клин Моск. обл. **(09624) 2-27-25**

Предлагается к продаже
полное собрание сочинений Р.Хайнлайна в 15-ти
томах, серия "STELLA"

Оптовым покупателям предусмотрена скидка.

Тиражи книг на складах в г. Москве

В СЕРИИ "HORROR"

ШЕРЛИ ДЖЕКСОН
1919-1965

Когда умерла 45-летняя Шерли Джексон, мир лишился одного из самых талантливых писателей жанра психологических ужасов. Она была женой литературного критика и одновременно средней руки ведьмой! Ее произведениям была присуща истинная магия, что подтверждает поток откликов, обрушившийся в ответ на ее рассказ «Лотерея», в котором описываются жестокие традиции одной деревушки. Она выпустила сборник рассказов под тем же названием, куда вошли ее знаменитые «Демон-любовник» и «Ведьма». Потом последовала серия романов: готический триллер «Повешенный», «Птичье гнездо», в котором рассказывается о разрушении личности, и «Солнечные часы» — о странных людях, ожидающих конца света в старом замке. Ее коронная вещь — «Призраки Хилл-Хауса» — экранизирована, фильм «Призраки» вышел в 1963 году. Это не просто традиционная история о привидениях, как можно подумать, судя по названию. Внимание писательницы направлено на то, каким образом страх действует на четырех разных человек, рискнувших остаться в доме. В отличие от «Призраков...» рассказ «Мы всегда жили в замке» — это увлекательная веселая история о духах трех отравленных жертв.

В СЕРИИ "HORROR"

ГАНС НЕЙНЦ ЭВЕРС
1871-1940

Автор исторических и фантастических романов. С 1934 г. председатель Союза Германских Писателей. Всю первую половину XX века он завораживал европейского читателя своими мрачными тягостными историями. Эверс — настоящий мастер ужасов, его притягивают самые крайние формы психических аномалий, извращенные склонности стариков, детский садизм, демонические женщины, экстатические культы и средневековая магия.

В книгу войдут следующие произведения:

Соус из томатов (История английского священника, одержимого садистической страстью).

Сердца королей (История художника, писавшего свои картины красками, в приготовлении которых использовался пепел сожженных человеческих сердец).

Белая девушка (Рассказ о странном эротическом спектакле, устроенном герцогом Этторе Альдобрандинни в своем загородном доме).

В стране фей (Рассказ о противоестественных склонностях маленькой девочки).

Господа юристы (Сравнительный анализ поведения осужденных на казнь).

Утопленник (Рассказ о судьбе поэта-декадента).

Конец Джона Гамильтона Ллевелина (История молодого художника, влюбившегося в замороженную женщину).

Из дневника померанцевого дерева (История молодого офицера, превращенного светской дамой в дерево).

Мертвый еврей (История ожившего мертвеца).

Египетская невеста (Рассказ об ученом Фрице Бекшерсе, изготовлявшем мумии из живых людей).

Мамалои (Жуткая история торговца, приобщившегося к таинствам культа Вуду).

Последняя воля Станиславы де Асп (Графиня де Асп заве-

щает перезахоронить ее по прошествии трех лет со дня смерти. Могила разрыта, и, ко всеобщему ужасу, в гробу обнаруживается неразложившееся тело).

Синие индейцы (Рассказы об индейской женщине, впавшей в транс и ставшей медиумом под действием священного пейота).

Паук (О женщине-пауке, погубившей несколько молодых людей).

Шкатулка для игральных марок

С. З. З. (Рассказ о встрече Г. Г. Эверса с сумасшедшим Оскаром Уайльдом).

Смерть барона фон Фридель (История кавалерийского офицера, постепенно превращающегося в женщину).

В СЕРИИ "HORROR"

ЛЕО ПЕРУЦ
1884-1957

Лео Перуц — известный австрийский писатель, автор фантастических и мистических книг, написанных в жанре «магического романа» (другие представители жанра: Ф. Кафка, Г. Мейринк, А. Кубин). Мрачную экспрессионистическую прозу Л. Перуца отличает захватывающая фабула, детективный сюжет с иррациональной развязкой, повышенный интерес к психическим патологиям, массовому безумию и амнезии.

В книгу войдут следующие произведения:

Мастер страшного суда

Действие романа начинается с таинственной смерти актера Ойгена Бишофа, который был найден в садовом павильоне с выражением неописуемого ужаса на лице. Подозрение падает на отставного офицера — барона фон Пош-Клеттенфельда. Новая трагическая смерть — от разрыва сердца умирает инженер Сольгруб. Выясняется, что жертвы попеременно были владельцами старинной книги, содержащей историю итальянского художника XVI века Джованси моне Киджи, автора чудовищной по своему сюжету фрески. Он написал ее под впечатлением образов Страшного суда, возникших при употреблении наркотика. Рецепт наркотика и составлял главную ценность книги. Немало артистических натур поддалось соблазну испытать его действие на себе. Результаты были ужасны: умопомешательство, самоубийство, разрыв сердца. Жертвами стали Святой Иоанн, известный немецкий писатель Клейст и герои романа Перуца. В конце повествуется об опыте барона и его мрачных видениях. Книга содержит удивительные откровения героев, касающиеся природы страха и феноменологии ужасного.

Прыжок в неизвестное

История фантастических приключений студента Станислава Дембы. Он прожил наполненный бурными событиями день, на-

ходясь при этом в очень странном положении — его руки оставались закованными в наручники. Но в конце книги выясняется, что все происходившее с Дембой было плодом мимолетной вспышки воображения, случившейся в голове героя во время его смертельного падения с верхнего этажа дома на мостовую. Книга производит странное и гнетущее впечатление.

Снег Святого Петра

Это история человека с болезненно расстроенным воображением, нанявшимся на работу к известному ученому, занимающемуся проблемой безумия и массовых психозов. Вырабатываемый в его лаборатории препарат должен был привести к осуществлению заветной мечты злодея: полному контролю над психикой людей и использованию охваченных разрушительным экстазом масс в корыстных целях. Действие романа происходит в уединенном замке, герои попадают в странные сюрреалистические положения, наконец, неосторожные действия ученого провоцируют беспорядки среди населения, перерастающие в революцию.

В СЕРИИ "HORROR"

ЛОРД ДАНСЕНИ

(Из статьи Г. Ф. Лавкрафта «Сверхъестественный ужас в литературе»)

Несравненным волшебником хрустально поющей прозы, творцом сверкающего и манящего мира переливающихся экзотических красок можно назвать Эдварда Джона Мортона Дрэкса Планкета, восемнадцатого барона Дансени, чьи рассказы и короткие пьесы привносят абсолютно уникальный оттенок в литературу. Создатель новой мифологии, собиратель поразительного по своей красоте фольклора, лорд Дансени воспевает порожденный его воображением мир фантастической красоты и противопоставляет его уродству повседневной жизни. Он оперирует универсальными, всеобщими, космическими понятиями, равным которым доселе не было в мировой литературе. Обладая столь же острым чувством драматизма ситуации и значения отдельных слов и их ракурсов, как Эдгар Аллан По, но будучи гораздо лучше его подготовлен риторически (его стиль напоминает немудреный, но исполненный лиризма текст Библии короля Джеймса), автор не пропускает мимо своего внимания ни один миф, ни одну легенду, зафиксированную европейской культурой, и в конечном итоге создает уникальный композитный, или эклектический, цикл фантазий, в которых восточный колорит, эллинская форма, тевтонская трезвость и кельтская тоска соединились столь чудесным образом, что дополняют и украшают друг друга без ущерба как для своей самостоятельности, так и для общей гармонии. Чаще всего действие рассказов Дансени происходит в вымышленных странах — «восточнее Востока» или «на краю мира». Система, по которой он выбирает собственные имена для своих персонажей или географических точек и которая во многом заимствована из классической, восточной и других традиций, представляет собой чудо поэтической изобретательности и вкуса, о чем говорят хотя бы следующие примеры: «Аргименес»,

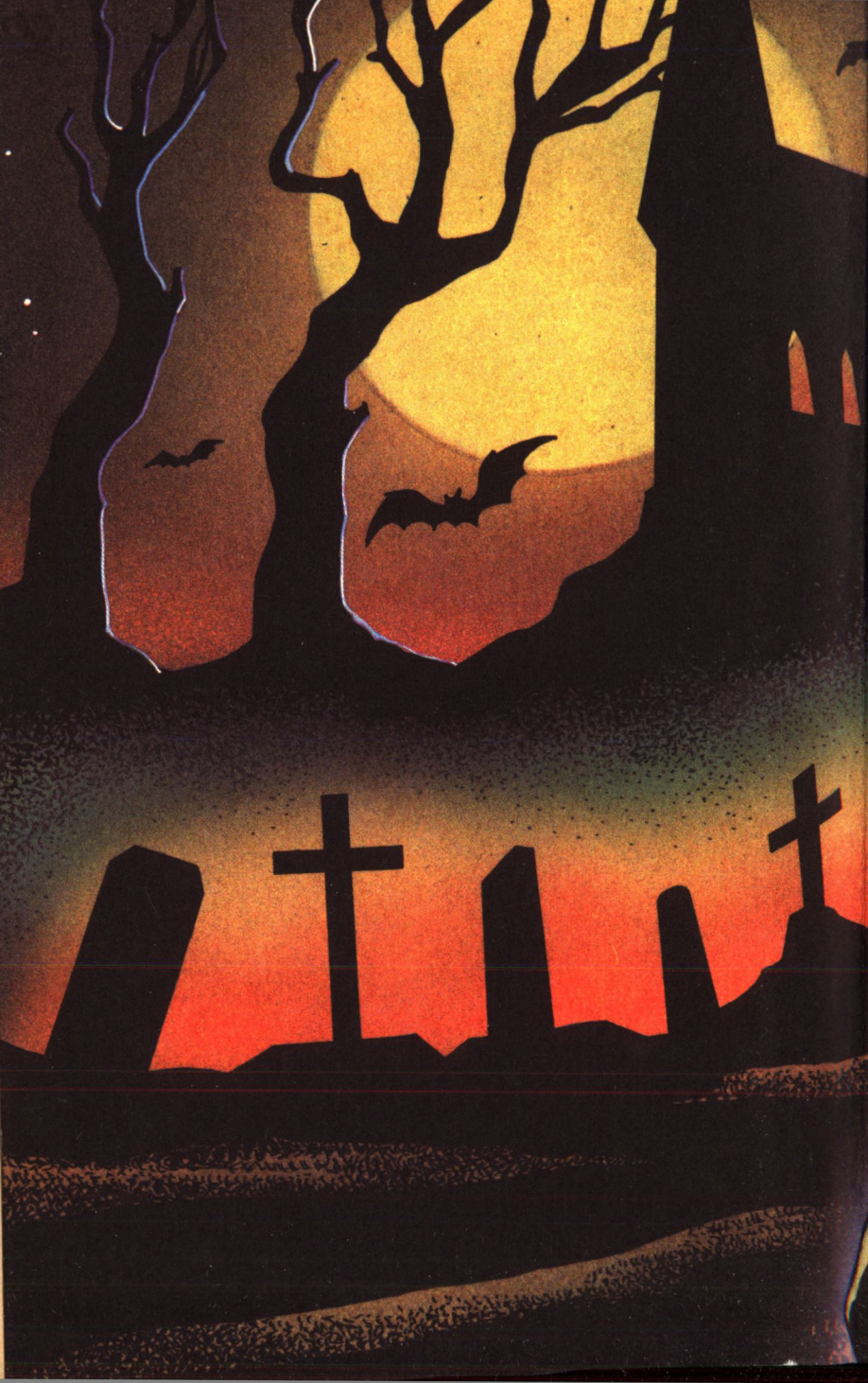
«Бетмура», «Полтарнис», «Кэморак», «Илуриэль» и «Сардатрион».

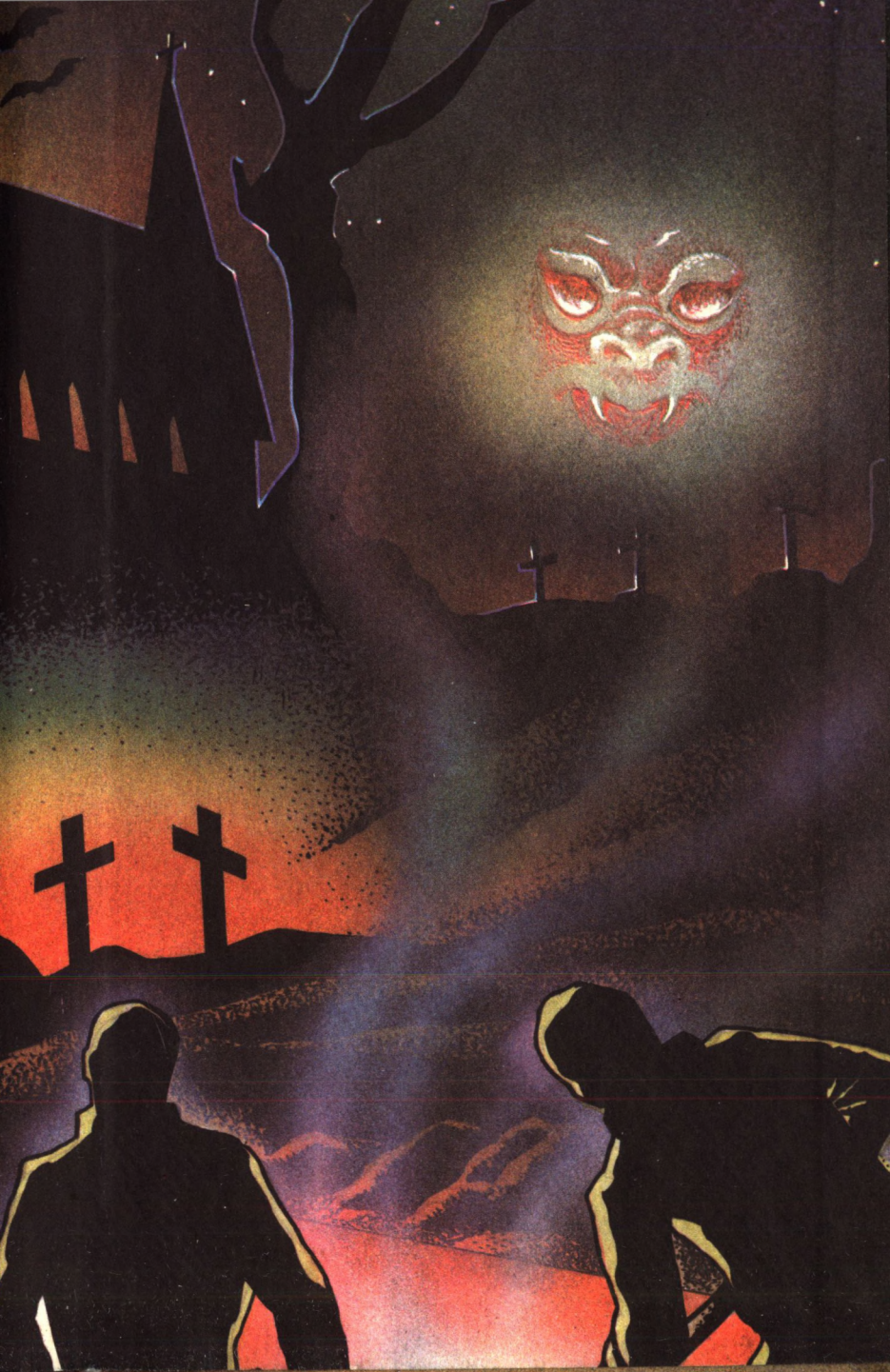
Главной составляющей творчества Дансени является, конечно, не ужас, но красота. Его притягивает зеленоватый цвет нефритовых и медных куполов и слабый отблеск заходящего света на верхушках минаретов из слоновой кости, украшающих немыслимые города его мечты. Мягкий юмор и ирония также свойственны автору, что очень кстати смягчает некоторый цинизм и простодушную перенапряженность его вещей. Но, безусловно, человеку, который столь воинственно воспевает мир, стоящий по ту сторону реальности, не удалось избежать ощущения космического ужаса, который присутствует и в традиции, ставшей прототипом его творчества. Рассказы Дансени исполнены робких и не всегда ясных указаний на существование неких чудовищных тварей и ужасных разрешений, какие иногда мы встречаем в сказках. В «Книге чудес» мы читаем о Хло-Хло, гигантском паукообразном идоле, которого не всегда можно было застать дома, о Сфинксе, чего-то испугавшемся в лесах, о Слите, воре, спрыгнувшем с края земли, потому что он увидел свет какого-то особого огня и знал, *кто* его зажег, о трупоедах Гиббелинах, живущих в зловещей башне и стерегущих сокровище, о Гнолах, которые живут в лесу и у которых лучше ничего не красть, о Небывалом Городе, о глазах, которые присматривают за Нижними Ямами, и о множестве других созданий тьмы. А «Рассказы мечтателя» сообщают нам о загадочном роке, который выгнал всех жителей Бетмуры в пустыню, об огромных воротах Пердондариса, вырезанных из *одного-единственного* слонового бивня, и о плавании бедного Билла на судне, капитан которого постоянно бранился и заставлял команду приставать к омерзительного вида островам, только что поднявшимся из океана и усеянным низкими хижинами с темными, глядящими в никуда окнами.

Большинство коротких пьес Дансени также исполнены ощущения призрачного ужаса. «В богах горы» семеро попрошаек выдают себя за зеленых нефритовых идолов и селятся на уединенном холме, наслаждаясь умащениями и почитанием со стороны жителей города до тех пор, пока до них не доходит весть, что настоящие идолы пропали со своих обычных мест.

В сгущающихся сумерках им предстает весьма необычное зрелище — «камни не ходят по ночам» — и в то время, как они сидят и ожидают прибытия своих почитателей, они замечают, что шаги горожан на этот раз тяжелее обычного. Появившиеся вскоре каменные идолы обращают в зеленый неподвижный нефрит дерзких богохульников. Однако сюжет является далеко не

самым главным достоинством этой вещи. Развитие событий передано таким мастерским языком, что пьесу можно смело поставить не только в ряд шедевров драматургии, но и литературы вообще. В «Ночи в трактире» речь идет о четырех ворах, похитивших изумрудный глаз Клеши, чудовищной индусской богини. Им удается заманить в свою комнату и убить трех преследующих их жрецов, однако ночью Клеш сама приходит за своим глазом и, вернув его, вызывает каждого похитителя в царящую снаружи кромешную тьму для того, чтобы подвергнуть их некоему страшному наказанию. В «Хохоте богов» повествуется об обреченном городе на краю джунглей и о звуках далекой лютни, слышимых только теми, кому предстоит умереть (ср. призрачную арфу в «Доме семи фронтонов» Готорна), а во «Врагах королевы» пересказывается упомянутый Геродотом анекдот о мстительной принцесе, пригласившей своих ненавистников на банкет, устроенный в просторном подземелье, а затем впустившей в него воды Нила. Однако простое описание не может передать и ничтожной доли очарования, исходящего от работ Дансени. Его призматические города и неслыханные ритуалы написаны со столь убедительной правдоподобностью, что читатель испытывает трепет соучастия в таинственных мистериях. Для поистине впечатлительных натур он остается талисманом — ключом, открывающим несметные сокровища мечты и неосознанных воспоминаний, отчего мы можем говорить о нем не только как о поэте, но и как о том, кто делает поэтами своих читателей.

BORIS ©82